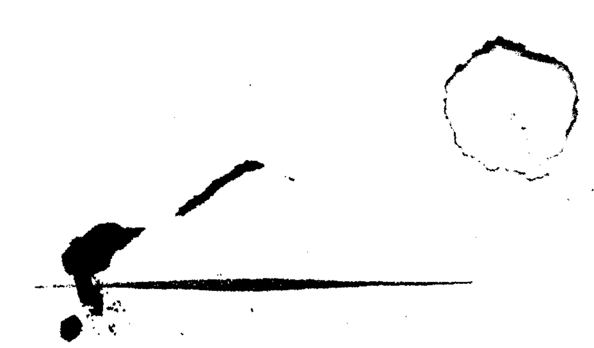
ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ I.

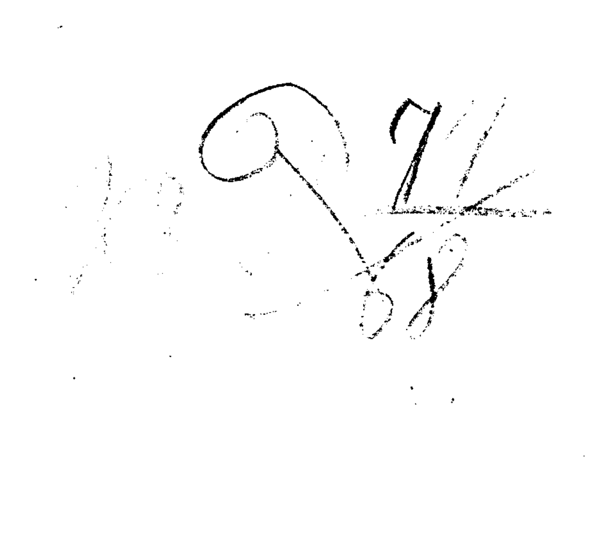

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Печатано

по *ВЫСОЧАЙШЕМУ* повелѣнію.

Николай Михайловичъ

Карамзинъ.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССІИ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Съ благоговѣніемъ представляю ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ плодъ усердныхъ, двѣнадцати-лѣтнихъ трудовъ. Не хвалюся ревностію и постоянствомъ: ободренный ВАМИ, могъ ли я не имѣть ихъ?

Въ 1811 году, въ счастливѣйшія, незабвенныя минуты жизни моей, читалъ я ВАМЪ, Государь, нѣкоторыя главы сей Исторіи — объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигѣ Героя, Димитрія Донскаго — въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. ВЫ слушали съ восхитительнымъ для

меня вниманіемъ; сравнивали давно-минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для Себя еще славнѣйшія. Великодушное предчувствіе исполнилось; туча грянула надъ Россіею — но мы спасены, прославлены; врагъ истребленъ, Европа свободна, и глава АЛЕКСАНДРОВА сіяетъ въ лучезарномъ вѣнцѣ безсмертія. Государь! если счастіе ВАШЕГО добродѣтельнаго сердца равно ВАШЕЙ славѣ, то ВЫ счастливѣе всѣхъ земнородныхъ.

Новая эпоха наступила. Будущее извѣстно единому Богу; но мы, судя по вѣроятностямъ разума, ожидаемъ мира твердаго, столь вожделѣннаго для народовъ и Вѣнценосцевъ, которые хотятъ властвовать для пользы людей, для успѣховъ нравственности, добродѣтели, Наукъ, Искусствъ гражданскихъ, благосостоянія государственнаго и частнаго. Побѣдою устранивъ препятствія въ семъ истинно Царскомъ дѣлѣ, даровавъ златую тишину намъ и Европѣ, чего ВЫ, Государь, не совершите въ крѣпости мужества, въ теченіе жизни долговременной, обѣщаемой

ВАМЪ и закономъ Природы и теплою молитвою подданныхъ!

Бодрствуйте, Монархъ возлюбленный! Сердцевѣдецъ читаетъ мысли, Исторія предаетъ дѣянія великодушныхъ Царей, и въ самое отдаленное потомство вселяетъ любовь къ ихъ священной памяти. Пріимите милостиво книгу, служащую тому доказательствомъ. Исторія народа принадлежитъ Царю.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный
Николай Карамзинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, Законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи, и смотрятъ на ея листы какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать Исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣ-

шаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и Государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ Исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней Героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены Вѣрѣ и Дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностію внималъ сказаніямъ Лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово

въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая Царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще недумая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая Исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный Космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще

сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной Державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи немогъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли раздѣленныя вѣчными преградами Естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну

Державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ, и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ Россія имѣетъ своихъ Дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему Географіи, Исторіи, и просвѣтилъ Божественною Вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ употребленныхъ другими ревнителями Христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными Державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые слу-

чаи, картины, характеры нашей Исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междоцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; Герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для Исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю Монарха достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра — и между сими двумя Самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ достойный своего счастія и несчастія, странный лже - Димитрій, и за сонмомъ доблественныхъ Патріотовъ,

Бояръ и гражданъ, наставникъ трона, Первосвятитель Филаретъ съ Державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и Царь Алексій, мудрый отецъ Императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся Новая Исторія должна безмолвствовать, или Россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего Удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для Прагматика, ни красотами для живописца: но Исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луги и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о Дѣеписаніяхъ Древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Ѳуки-

дидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый разсказъ о междоусобіи Греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова Дому. Не много разности, если забудемъ, что сіи полу-тигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы Трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умиленіемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германика; съ жалостію на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи Легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзѣніемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра: но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой Некрологъ Римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые

едва ли важнѣе Половецкихъ набѣговъ. — Однимъ словомъ, чтенiе всѣхъ Исторiй требуетъ нѣкотораго терпѣнiя, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствiемъ.

Историкъ Россiи могъ бы конечно, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденiи ея главнаго народа, о составѣ Государства, представить важныя, достопамятнѣйшiя черты древности въ искусной картинѣ и начать обстоятельное повѣствованiе съ Iоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ творенiй въ мiрѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, прiятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для Автора, утомительныхъ для Читателя. Но сiи обозрѣнiя, сiи картины не замѣняютъ лѣтописей; и кто читалъ единственно Робертсоново Введенiе въ Исторiю Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятiя о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанiя: мы должны сами видѣть дѣйствiя и дѣйствующихъ: тогда знаемъ Исторiю. Хваст-

ливость Авторскаго краснорѣчія и нѣга Читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали, и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней Исторіи; но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному? . . Такъ я мыслилъ, и писалъ объ Игоряхъ, о Всеволодахъ, какъ современникъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней Лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если, вмѣсто живыхъ, цѣлыхъ образовъ, представлялъ единственно тѣни, въ отрывкахъ: то не моя вина: я не могъ дополнять Лѣтописи!

Есть три рода Исторіи: первая современная, на примѣръ Өукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; вторая, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ

описываемымъ дѣйствіямъ время; третья *извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка* (*). *Въ* первой *и* второй *блистаетъ умъ, воображеніе Дѣеписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда* творитъ, *не боясь обличенія; скажетъ:* я такъ видѣлъ, такъ слышалъ — *и безмолвная Критика не мѣшаетъ Читателю наслаждаться прекрасными описаніями.* Третій *родъ есть самый ограниченный для таланта: не льзя прибавить ни одной черты къ извѣстному; не льзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что предали намъ современники; молчимъ, если они умолчали — или справедливая Критика заградитъ уста легкомысленному Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ Лѣтописяхъ, въ Архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять* рѣчи *согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неоцѣненное для*

(*) *Только съ Петра Великаго начинаются для насъ словесныя преданія: мы слыхали отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ объ немъ, о Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ, Елисаветѣ, многое, чего нѣтъ въ книгахъ.*

истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы, вопреки мнѣнію Аббата Мабли, не можемъ нынѣ витійствовать въ Исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ Дѣеписаніе отъ Поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ Героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славѣ Писателя, не удовольствію Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Естественная, такъ и Гражданская Исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть могло. Но Исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однакожъ ха-

рактеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже Критика; тѣмъ непозволительнѣе Историку, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ Читателей, мыслить и говорить за Героевъ, которые уже давно безмолствуютъ въ могилахъ. Чтожъ остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго вещества: не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь; долженъ знать всего цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится, и малому не давать правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы Искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ Древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вотъ главное! Знанія всѣхъ Правъ на свѣтѣ, ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ Историкѣ не за-

мѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане славятся Юмомъ, Нѣмцы Іоанномъ Мюллеромъ, и справедливо (*): оба суть достойные совмѣстники Древнихъ, — не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному Бытописателю. „Не подражай Тациту, но пи„ши, какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ," есть правило Генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ разсказъ нравственныя апоѳегмы, уподобиться Тациту? не знаю; но сіе желаніе блистать умомъ, или казаться глубокомысленнымъ, едва ли не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи апоѳегмы бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ

(*) Говорю единственно о тѣхъ, которые писали цѣлую Исторію народовъ. Феррерасъ, Даніель, Масковъ, Далинъ, Маллетъ не равняются съ сими двумя Историками; но усердно хваля Мюллера (Историка Швейцаріи), знатоки не хвалятъ его Вступленія, которое можно назвать Геологическою Поэмою.

ищемъ дѣйствій и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть долгъ Бытописателя, а хорошая отдѣльная мысль даръ: Читатель требуетъ перваго, и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи причинъ, но до скупости умѣренный въ размышленіяхъ? Историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ Новыхъ, если бы онъ не излишно чуждался Англіи, не излишно хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія! Въ Ѳукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и плѣняемся ими, и вѣримъ имъ. Чувство: мы, наше, оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ Историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Обращаюсь къ труду моему. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣю-

щихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленость; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось предками; хотѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣки душевнаго младенчества, легковѣрія, баснословія; хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ Лѣтописцевъ: ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми; тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомъ-то Князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною физіогноміею. Прилѣжно истощая матеріалы древнѣйшей Россійской Исторіи, я ободрялъ себя мыслію, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего

воображенія: тамъ источники Поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи великаго пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкаго, яснаго — къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость?

Читатель замѣтитъ, что описываю дѣянія не врознь, по годамъ и днямъ, но совокупляю ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти. Историкъ не Лѣтописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ, но долженъ всему указать свое мѣсто.

Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого. Счастливы Древніе: они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая достовѣрности, однакожь необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены Критикою: то мнѣ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ; когда едва ли что

обработано, изъяснено, соглашено — *надобно вооружиться терпѣніемъ. Въ волѣ Читателя заглядывать въ сію пеструю смѣсь, которая служитъ иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненіемъ или дополненіемъ. Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписываю: источники размножаются и дѣлаются яснѣе.*

Мужъ ученый и славный, Шлецеръ, сказалъ, что наша Исторія имѣетъ пять главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть названа раждающеюся (Nascens), *отъ Ярослава до Моголовъ* раздѣленною (Divisa), *отъ Батыя до Іоанна III* угнетенною (Oppressa), *отъ Іоанна до Петра Великаго* побѣдоносною (Victrix), *отъ Петра до Екатерины II* процвѣтающею. *Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною.* 1) *Вѣкъ Св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не* рожденія. 2) *Государство* дѣлилось *и прежде* 1015 *года.* 3) *Если по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды,*

то можно ли смѣшать въ одинъ время Великаго Князя Димитрія Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе Исторія наша дѣлится на Древнѣйшую отъ Рюрика до Іоанна III, на Среднюю отъ Іоанна до Петра, и Новую отъ Петра до АЛЕКСАНДРА. Системы Удѣловъ была характеромъ первой эпохи, Единовластіе второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ третьей. Впрочемъ нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ.

Съ охотою и ревностію посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осьми или девяти Томовъ, могу по слабости желать хвалы и бояться охужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло бы дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ: то есть, сдѣлать Россійскую

Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство, служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія . . . по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

Декабря 7,
1815.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ до XVII вѣка.

Сіи источники суть:

1) *Лѣтописи.* Несторъ, инокъ Монастыря Кіевопечерскаго, прозванный *отцемъ* Россійской Исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ (*): одаренный умомъ любопытнымъ, слушалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники, могилы Князей; бесѣдовалъ съ Вельможами, старцами Кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей Россійскихъ; читалъ Византійскія Хроники, записки церковныя (**), и сдѣлался *первымъ* Лѣтописцемъ нашего отече-

---

(*) *См. сей* Исторіи *Т. II, примѣч.* 213. *Въ разныхъ спискахъ Нестора* (Пушкинскомъ, Кенигсбергскомъ) *находятся слова: „къ нему жь* (*Θеодосію*) *и азъ „пріидохъ худый, и пріятъ мя, лѣтъ ми сущу „*семнатцати *отъ роженья моего". Игуменъ Θеодосій скончался въ* 1074 *году: и такъ Лѣтописецъ нашъ родился около* 1050 *года. — Только въ заглавіи* Ипатьевскаго *и* Хлѣбниковскаго *списка* (*см. ниже*) *поставлено имя Нестора: въ другихъ Авторъ названъ просто Черноризцемъ Θеодосіева монастыря Печерскаго. Житіе Нестора въ печатномъ Патерикѣ есть новѣйшее сочиненіе: его нѣтъ въ древнемъ рукописномъ* (*см. сей* Исторіи *Т. II, примѣч.* 213).

(**) *См. сей* Исторіи *Т. II, примѣч.* 64 *и* 213. *Вѣроятно, что по запискамъ церковнымъ Несторъ означалъ* дни *преставленія нѣкоторыхъ древнихъ Князей.*

ства (*). *Вторый*, именемъ Василій, жилъ также въ концѣ XI столѣтія: употребленный Владимірскимъ Княземъ Давидомъ въ переговорахъ съ несчастнымъ Василькомъ, описалъ намъ великодушіе послѣдняго

(*) *Мы должны упомянуть о* мнимомъ древнѣйшемъ *Лѣтописцѣ Іоакимѣ, первомъ Новогородскомъ Епископѣ, пріѣхавшемъ въ Россію съ Царевною Анною, супругою Св. Владиміра. Татищевъ разсказываетъ слѣдующее:*

,,Архимандритъ Мельхиседекъ доставилъ ему, какъ любителю древностей, три тетради, полученныя имъ отъ Монаха Веніамина и выписанныя изъ старой книги, съ которою Веніаминъ самъ ѣхалъ къ Татищеву, но умеръ дорогою. Въ тетрадяхъ написано, что Несторъ худо зналъ происшествія Новогородскія, гораздо лучше извѣстныя Іоакиму; что Славенъ, внукъ Іафеѳовъ, по сказанію сего Епископа, основалъ городъ Славянскъ въ Россіи; что послѣ господствовалъ тамъ Князь Вандалъ, коего родственниками были Князья Гардорикъ и Гунигаръ, завоеватели многихъ странъ; что сыновья Вандаловы назывались Изборъ, Столпосвятъ и Владиміръ, женатый на Адвиндѣ; что отъ Владиміра произошелъ Буривой, отецъ Гостомысла, который изгналъ Варяговъ изъ Россіи и построилъ Выборгъ; что Рюрикъ ему внукъ, Ольга Прекраса также родственница; что Святославъ мучилъ Христіанъ; что Св. Владиміръ крестился не въ Херсонѣ, а въ Болгаріи; что его сыновья, Борисъ и Глѣбъ, родились отъ Царевны Анны, не Греческой *(изъясняетъ Татищевъ), а* Болгарской,*" и проч. См. его* Рос. Исторіи *Т. I, стр. 29 — 51.*

Сію шутку *многіе приняли за истину и начали съ важностію говорить о* Лѣтописцѣ *Іоакимѣ. Но слова Татищева:* Веніаминъ Монахъ токмо для закрытія вымышленъ *(стр. 42), доказываютъ, что здѣсь дѣло идетъ о* вымыслахъ. *Басня о Князѣ* Словенѣ, Изборѣ, *и проч. давно извѣстна (см. нашей* Исторіи *Т. I, примѣч. 70 и 91). Другія мнимыя Іоакимовы сказанія явно принадлежатъ къ той же Категоріи. Слогъ ихъ есть новой. Іоакимъ въ X вѣкѣ могъ ли написать:* Святославъ имѣлъ три сына, имъ же тако области раздѣли — Ярополкъ, извѣ-

и другія современныя дѣянія Юго-Западной Россіи (*). Всѣ иные Лѣтописцы остались для насъ *безъименными*; можно только угадывать, гдѣ и когда они жили: на примѣръ, одинъ въ Новѣгородѣ, Іерей посвященный Епископомъ Нифонтомъ въ 1144 году; другой въ Владимірѣ на Клязьмѣ при Всеволодѣ Великомъ; третій въ Кіевѣ, современникъ Рюрика II; четвертый въ Волыніи около 1290 года; пятый тогда же во Псковѣ (**). Къ сожалѣнію, они не сказывали всего, что бываетъ любопытно для потомства; но,

---

стяся о семъ, печаленъ бысть — побѣдиша не силою, ни храбростію, но предательствомъ — мы же (*Іоакимъ въ Новѣгородѣ*) ходихомъ по торжищемъ и улицамъ, и учахомъ; но гиблющимъ въ нечестіи слово Крестное явися безуміемъ и обманомъ, *и проч. Всего рѣшительнѣе слѣдующее замѣчаніе: Доказано ли, что Анна, супруга Владимірова, была Греческая Царевна, родная сестра Императоровъ Василія и Константина? Безъ сомнѣнія: не только Несторъ, не только современные Нѣмецкіе, Арабскіе, но и Византійскіе Лѣтописцы единогласно то утверждаютъ. Какъ же Іоакимъ, пріѣхавшій съ Анною въ Россію, могъ считать ее Княжною Болгарскою? Видимъ причину сего вымысла: не зная, что Кедринъ и Зонара именуютъ Владиміра зятемъ своихъ Императоровъ; не зная ни Дитмара, ни Эль-Макина, Татищевъ сомнѣвался въ истинѣ Несторова повѣствованія и хотѣлъ исправить мнимую его ошибку, говоря:* сіе ко изъясненію древности и Несторова темнаго сказанія много служить, доколѣ полнѣйшая тѣхъ временъ Исторія сыскаться можетъ (*см. Татищ.* Рос. Исторіи *Т. I, стр.* 51). *Повторяю, что онъ не мыслилъ обманывать: это затѣйливая, хотя и неудачная догадка.*

(*) *См. тамъ же, Т. II, примѣч.* 184.

(**) *См. тамъ же, Т. II. примѣч.* 288, *Т. III, примѣч.* 24, 36, 153, *годъ* 1198, *и Т. IV, примѣч.* 175. *Подробный* Псковскій Лѣтописецъ, *до-нынѣ неизданный, начинается около* 1303 *года; а древнѣйшія въ немъ*

къ счастію, не вымышляли, и достовѣрнѣйшіе изъ Лѣтописцевъ иноземныхъ согласны съ ними. — Сія почти непрерывная цѣпь Хроникъ идетъ до государствованія Алексія Михайловича (*). Нѣкоторыя донынѣ еще не изданы или напечатаны весьма неисправно (**). Я искалъ древнѣйшихъ списковъ: самые лучшіе Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинскій* и *Троицкій*, XIV и XV

извѣстія взяты изъ Нестора и Новогородской лѣтописи. У меня были четыре списка сей важной Хроники: одинъ Архивскій Н. Н. Бантыша-Каменскаго, другой Архивскій А. Ѳ. Малиновскаго, третій Синодальный, четвертый Графа Ѳ. А. Толстаго. Первый изъ библіотеки Стольника Василья Никифоровича Собакина, коего отецъ въ 1648 году былъ Воеводою Псковскимъ: писанъ Дьякомъ Андреемъ Козою, и доходитъ до 1650 года. Другіе три гораздо старѣе сего времени, и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя извѣстія.

(*) *Два перерыва замѣтнѣе иныхъ: въ Княженіе Василія Димитріевича и въ Царствованіе Іоанна IV Грознаго: чему, какъ надобно думать, виною была смерть двухъ Московскихъ современныхъ Лѣтописцевъ.*

(**) *На примѣръ, Несторъ по Кенигсбергскому списку. Исправнѣе всѣхъ напечатана Новогородская лѣтопись въ Москвѣ съ харатейнаго Синодальнаго списка, а въ Петербургѣ съ бумажнаго стараго въ* Продолженіи Древней Рос. Вивліоѳики. *Вторый списокъ идетъ далѣе: въ немъ именуетъ себя* Попъ Иванъ, *безъ сомнѣнія не Авторъ, а Переписчикъ: ибо тутъ же, въ харатейномъ Синодальномъ, и тѣми же словами говоритъ о себѣ* Пономарь Тимоѳей. — Особенныя *сказанія сей лѣтописи начинаются со временъ Ярослава Великаго: предъидущее взято изъ Нестора. — Новогородскія извѣстія простираются въ краткой лѣтописи, отданной въ Архивъ Иностр. Коллегіи А. Ѳ. Малиновскимъ, до самаго 1570 года.*

вѣка (*). Достойны также замѣчанія *Ипатьевскій, Хлѣбниковскій, Кенигсбергскій, Ростовскій, Воскресенскій, Львовскій, Архивскій* (**). Въ каждомъ изъ

(*) *Первый подаренъ ИМПЕРАТОРУ Графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ; вторый найденъ мною въ библіотекѣ Троицкой Лавры, отданъ послѣ* Обществу Исторіи и Древностей, *и сгорѣлъ въ нашествіе Французовъ.*

(**) *Въ 1809 году, осматривая древнія рукописи покойнаго Петра Кирилловича Хлѣбникова, нашелъ я два сокровища въ одной книгѣ:* Лѣтопись Кіевскую, *извѣстную единственно Татищеву, и* Волынскую, *прежде никому неизвѣстную (см. сей* Исторіи *Т. IV, примѣч. 175). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ досталъ я и другой списокъ ихъ: принадлежавъ нѣкогда Ипатьевскому монастырю, онъ скрывался въ библіотекѣ С. Петербургской Академіи Наукъ между Дефектами. Оба писаны на бумагѣ, какая употреблялась въ XIV или въ XV вѣкѣ, и начинаются Несторомъ. — Списокъ* Кенигсбергскій, завоеванный *Россіянами въ 1760 году, не старѣе XVI вѣка. —* Ростовскій, *заученный Св. Димитріемъ, содержитъ въ себѣ любопытныя прибавленія, писанъ въ XVII вѣкѣ, идетъ до временъ Петра Великаго, и хранится въ Архивѣ Иностр. Коллегіи. — Такъ называемый* Воскресенскій *(напечатанный) есть Софійскій Новогородскій списокъ Нестора и Продолжателей его; въ немъ не мало важныхъ* древнихъ *прибавленій: о Старѣйшинѣ Гостомыслѣ, о Варягахъ Кіевскихъ, о характерѣ первыхъ Князей (см. сей* Исторіи *Т. I, примѣч. 71, 274, и Т. III, примѣч. 276). —* Львовскій, *изданный въ С. Петербургѣ 1792 г. въ IV Томахъ подъ именемъ* Лѣтописца Русскаго, *замѣчателенъ нѣкоторыми особенными извѣстіями о государствованіи Іоанна III. —* Архивскимъ *(въ библіотекѣ Архива Иностран. Коллегіи) назвалъ я списокъ XVII вѣка, подобный* Никоновскому, *весьма исправный, отъ временъ Василія Димитріевича до 1560 года. — Многіе и нынѣ думаютъ, что Патріархъ Никонъ составлялъ* Никоновскую *лѣтопись: она только принадлежала ему, отдана имъ въ библіотеку Воскресенскаго монастыря и надписана его рукою: вотъ для чего назвали ее симъ именемъ. — Я говорю здѣсь о главныхъ, лучшихъ, по крайней мѣрѣ извѣстнѣйшихъ спискахъ: ихъ находится, мо-*

нихъ есть нѣчто особенное и дѣйствительно историческое, внесенное, какъ надобно думать, современниками, или по ихъ запискамъ. *Никоновскій* болѣе всѣхъ искаженъ вставками безсмысленныхъ переписчиковъ, но въ XIV вѣкѣ сообщаетъ вѣроятныя дополнительныя извѣстія о Тверскомъ Княженіи; далѣе уже сходствуетъ съ другими, уступая имъ однакожъ въ исправности, — на примѣръ, *Архивскому*.

II) *Степенная Книга* (*), сочиненная въ царствованіе Іоанна Грознаго по мысли и наставленію Митрополита Макарія. Она есть выборъ изъ лѣтописей съ нѣкоторыми прибавленіями, болѣе

жетъ быть, около тысячи въ Россіи, сверхъ многихъ сокращеній, *писанныхъ обыкновенно въ четверть листа. Екатерина Великая, страстно любя нашу Исторію, первая указала печатать лѣтописи. Издержали не мало денегъ, но не сдѣлали нужнѣйшаго: исправнаго, ученаго* свода *лѣтописей. Какая нужда печатать одно въ двадцати книгахъ? Не благоразумнѣе ли взять за основаніе лучшій, древнѣйшій списокъ, и только означить важныя отмѣны, прибавленія другихъ? Въ десяти большихъ томахъ мы помѣстили бы всѣ лѣтописи отъ XI до XVII вѣка, со включеніемъ и Новогородской, Псковской, Кіевской, Волынской. Имѣемъ еще* Лѣтописца Архангельскаго, Двинскаго, Нижегородскаго, Соловецкаго, Устюжскаго, Вятскаго; *послѣдніе два еще не изданы; каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ матеріалы для Историка.*

(*) *Татищевъ сказалъ несправедливо, что Митрополиты Кипріанъ и Макарій сочиняли ее: Авторъ именно говоритъ (въ печатн. стр. 76), что Макарій велѣлъ ему описать житіе Св. Владиміра, и проч. Кипріановыхъ сочиненій тамъ два: житіе Петра Митрополита и слово прощальное (см. стр. 558). — Многія* новѣйшія *сокращенія лѣтописей также расположены по* степенямъ Государей *до самаго Царя Алексія.*

или менѣе достовѣрными, и названа симъ именемъ для того, что въ ней означены *степени* или поколѣнія Государей.

III) Такъ называемые *Хронографы*, или Всеобщая Исторія по Византійскимъ лѣтописямъ, со внесеніемъ и нашей, весьма краткой. Они любопытны съ XVII вѣка: тутъ уже много подробныхъ *современныхъ* извѣстій, которыхъ нѣтъ въ лѣтописяхъ (*).

IV) *Житія Святыхъ*, въ Патерикѣ, въ Прологахъ, въ Минеяхъ, въ особенныхъ рукописяхъ. Многія изъ сихъ Біографій сочинены въ новѣйшія времена; нѣкоторыя однакожь, на примѣръ Св. Владиміра, Бориса и Глѣба, Ѳеодосія, находятся въ харатейныхъ Прологахъ; а Патерикъ сочиненъ въ XIII вѣкѣ (**).

V) *Особенныя дѣеписанія*: на примѣръ, сказаніе о Довмонтѣ Псковскомъ, Александрѣ Невскомъ; современныя записки Курбскаго и Палицына; извѣстія о Псковской осадѣ въ 1581 году, о Митрополитѣ Филиппѣ, и проч.

VI) *Разряды*, или распредѣленіе Воеводъ и полковъ: начинаются со временъ Іоанна III. Сіи рукописныя книги не рѣдки.

(*) *Донынѣ еще не издано ни одного Хронографа; они разныхъ сочинителей, и тѣмъ любопытнѣе.*

(**) *Симономъ и Поликарпомъ (см. сей Исторіи Т. III, примѣч. 171). Списки Прологовъ имѣемъ XIV и даже XIII вѣка. Минея писана въ XVI, а исправлена въ XVII. Митрополитъ Макарій собиралъ для нее житія Россійскихъ Святыхъ, сокращенныя послѣ Св. Димитріемъ Ростовскимъ. Макаріева Минея хранится въ Синодальной библіотекѣ.*

VII) *Родословная Книга*: есть печатная; исправнѣйшая и полнѣйшая, писанная въ 1660 году, хранится въ Синодальной библіотекѣ.

VIII) Письменные *Каталоги Митрополитовъ и Епископовъ*. — Сіи два источника не весьма достовѣрны; надобно ихъ свѣрять съ лѣтописями.

IX) *Посланія Святителей* къ Князьямъ, Духовенству и мірянамъ; важнѣйшее изъ оныхъ есть Посланіе къ Шемякѣ; но и въ другихъ находится много достопамятнаго (*).

X) Древнія *монеты, медали, надписи (**), сказки, пѣсни, пословицы:* источникъ скудный, однакожь не совсѣмъ безполезный.

XI) *Грамоты*. Древнѣйшая изъ подлинныхъ писана около 1125 года (***). Архивскія Новогородскія грамоты и *Душевныя записи* Князей начинаются съ XIII вѣка; сей источникъ уже богатъ, но еще гораздо богатѣйшій есть

(*) *Любопытны посланія древнихъ Митрополитовъ, Іоанна и Никифора, Епископа Нифонта, и многихъ Святителей XIII, XIV и XV вѣка, найденныя мною въ Патріаршей или Синодальной библіотекѣ.*

(**) *Къ сожалѣнію, на древнихъ гробахъ нѣтъ надписей, или онѣ вырѣзаны уже въ новѣйшія времена; за то въ харатейныхъ Евангеліяхъ, Апостолахъ и другихъ церковныхъ книгахъ встрѣчаются подписи историческія; на примѣръ: „писано при такомъ-то Князѣ „и въ такихъ-то обстоятельствахъ Государства.“*

(***) *См. сей* Исторіи *Т. II, примѣч. 256, и Т. IV, примѣч. 206.*

XII) Собраніе такъ называемыхъ *Статейныхъ списковъ*, или Посольскихъ дѣлъ, и грамотъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи съ XV вѣка, когда и происшествія и способы для ихъ описанія даютъ Читателю право требовать уже бо́льшей удовлетворительности отъ Историка. — Къ сей нашей собственности присовокупляются

XIII) *Иностранныя современныя лѣтописи*: Византійскія, Скандинавскія, Нѣмецкія, Венгерскія, Польскія, вмѣстѣ съ извѣстіями путешественниковъ.

XIV) *Государственныя бумаги иностранныхъ Архивовъ:* всего болѣе пользовался я выписками изъ Кенигсбергскаго (*).

Вотъ матеріалы Исторіи и предметъ Исторической Критики!

(*) *См.* сей Исторіи *Т. III, примѣч.* 112, *и Т. IV, примѣч.* 268 *и* 276.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ I.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ I.

ГЛАВА I.

О НАРОДАХЪ ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХЪ ВЪ РОССІИ. О СЛАВЯНАХЪ ВООБЩЕ.

Древнія свѣдѣнія Грековъ о Россіи. Путешествіе Аргонавтовъ. Тавры и Киммеріане. Гипербореи. Поселенцы Греческіе. Ольвія, Пантикапея, Фанагорія, Танаисъ, Херсонъ. Скиөы и другіе народы. Темный слухъ о земляхъ полунощныхъ. Описаніе Скиөіи. Рѣки извѣстныя Грекамъ. Нравы Скиөовъ: ихъ паденіе. Митридатъ, Геты, Сарматы, Алане, Готөы, Венеды, Гунны, Анты, Угры и Болгары. Славяне: ихъ подвиги. Авары, Турки, Огоры. Разселеніе Славянъ. Паденіе Аваровъ. Болгарія. Дальнѣйшая судьба народовъ Славянскихъ.

Древнія свѣдѣнія о Россіи.

Сія великая часть Европы и Азіи, именуемая нынѣ Россіею, въ умѣренныхъ ея климатахъ была искони обитаема, но дикими, во глубину невѣжества погруженными народами, которые не ознаменовали бытія своего никакими собственными историческими памятниками. Только въ повѣствованіяхъ Грековъ и Римлянъ сохранились извѣстія о

нашемъ древнемъ отечествѣ. Первые весьма рано открыли путь чрезъ Геллеспонтъ и Воспоръ Ѳракійскій въ Черное море, если вѣрить славному путешествію Аргонавтовъ въ Колхиду, воспѣтому будто бы самимъ Орфеемъ, участникомъ онаго, вѣковъ за XII до Рождества Христова (1). Въ семъ любопытномъ стихотвореніи, основанномъ по крайней мѣрѣ на древнемъ преданіи, названы Кавказъ (славный баснословными муками несчастнаго Промѳтея), рѣка Фазисъ (нынѣ Ріонъ), Меотисское или Азовское море, Воспоръ, народъ Каспійскій, Тавры и Киммеріане, обитатели южной Россіи. Пѣвецъ Одиссеи также именуетъ послѣднихъ. „Есть на„родъ Киммерійскій (говоритъ онъ) и городъ „Киммеріонъ, покрытый облаками и тума„номъ: ибо солнце не озаряетъ сей печаль„ной страны, гдѣ безпрестанно царствуетъ „глубокая ночь (2).“ Столь ложное понятіе еще имѣли современники Гомеровы о странахъ юго-восточной Европы; но басня о *мракахъ Киммерійскихъ* обратилась въ пословицу вѣковъ, и *Черное* море, какъ вѣроятно, получило отъ того свое названіе (3). Цвѣтущее воображеніе Грековъ, любя пріятныя мечты, изобрѣло Гипербореевъ, людей совершенно добродѣтельныхъ, будто бы живущихъ далѣе на Сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго, за горами Рифейскими, въ счастливомъ спокойствіи, въ странахъ мирныхъ и веселыхъ, гдѣ бури и страсти неизвѣстны; гдѣ

Путешествіе Аргонавтовъ.

Тавры и Киммеріане.

Гипербореи.

смертные питаются сокомъ цвѣтовъ и росою, блаженствуютъ нѣсколько вѣковъ, и насытясь жизнію, бросаются въ волны морскія (4).

Наконецъ сіе пріятное баснословіе уступило мѣсто дѣйствительнымъ историческимъ познаніямъ. Вѣковъ за пять или болѣе до Рождества Христова Греки завели селенія на берегахъ Черноморскихъ. Ольвія, въ 40 верстахъ отъ устья Днѣпровскаго, построена выходцами Милетскими еще въ славныя времена Мидійской Имперіи, называлась *счастливою* отъ своего богатства, и существовала до паденія Рима; въ благословенный вѣкъ Трояновъ образованные граждане ея любили читать Платона, и зная наизусть Иліаду, пѣли въ битвахъ стихи Гомеровы. Пантикапея и Фанагорія были столицами знаменитаго Царства Воспорскаго, основаннаго Азіатскими Греками въ окрестностяхъ Киммерійскаго Пролива. Городъ Танаисъ, гдѣ нынѣ Азовъ, принадлежалъ къ сему Царству; но Херсонъ Таврическій (коего начало неизвѣстно) хранилъ вольность свою до временъ Митридатовыхъ (5). Сіи пришельцы, имѣя торговлю и тѣсную связь съ своими единоземцами, сообщили имъ вѣрныя географическія свѣдѣнія о Россіи южной, и Геродотъ, писавшій за 445 лѣтъ до Рождества Христова, предалъ намъ оныя въ своемъ любопытномъ твореніи.

Поселенцы Греческіе. Ольвія.

Пантикапея и Фанагорія.

Танаисъ, Херсонъ.

Киммеріане, древнѣйшіе обитатели нынѣшнихъ Губерній Херсонской и Екатеринославской — вѣроятно, единоплеменные съ Германскими Цимбрами (6) — за 100 лѣтъ до временъ Кировыхъ были изгнаны изъ своего отечества Скиѳами или Сколотами, которые жили прежде въ восточныхъ окрестностяхъ моря Каспійскаго, но вытѣсненные оттуда Массагетами перешли за Волгу, разорили послѣ великую часть южной Азіи и наконецъ утвердились между Истромъ и Танаисомъ (Дунаемъ и Дономъ), гдѣ сильный Царь Персидскій, Дарій, напрасно хотѣлъ отмстить имъ за опустошеніе Мидіи, и гдѣ, гоняясь за ними въ степяхъ обширныхъ, едва не погибло все его многочисленное войско (7). Скиѳы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно Киргизамъ или Калмыкамъ; болѣе всего любили свободу; не знали никакихъ искусствъ, кромѣ одного: „вездѣ настигать непріятелей, и вездѣ отъ нихъ скрываться" (8); однакожъ терпѣли Греческихъ поселенцевъ въ странѣ своей, заимствовали отъ нихъ первыя начала гражданскаго образованія, и Царь Скиѳскій построилъ себѣ въ Ольвіи огромный домъ, украшенный рѣзными изображеніями сфинксовъ и грифовъ. — Каллипиды, смѣсь дикихъ Скиѳовъ и Грековъ, жили близъ Ольвіи къ Западу; Алазоны въ окрестностяхъ Гипаниса или Буга; такъ называемые *Скиѳы-земледѣльцы* далѣе къ Сѣверу, на обоихъ берегахъ Днѣпра. Сіи при

Скиѳы и другіе народы.

народа уже сѣяли хлѣбъ, и торговали имъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ 14 дняхъ пути отъ его устья, (вѣроятно, близъ Кіева) между *Скиѳами-земледѣльцами* и кочующими было ихъ Царское кладбище, священное для народа и неприступное для враговъ. Главная Орда, или *Царственная*, кочевала на Востокъ до самаго Азовскаго моря, Дона и Крыма, гдѣ жили Тавры, можетъ быть единоплеменники древнихъ Киммеріанъ: убивая иностранцевъ, они приносили ихъ въ жертву своей *богинѣ-дѣвицѣ*, τῇ Παρθένῳ, и мысъ Севастопольскій, гдѣ существовалъ храмъ ея, долго назывался Παρθένιον (9). Геродотъ пишетъ еще о многихъ другихъ народахъ *не Скиѳскаго* племени: Агаѳирсахъ въ Седмиградской области или Трансильваніи, Неврахъ въ Польшѣ, Андрофагахъ и Меланхленахъ въ Россіи: жилища послѣднихъ находились въ 4000 стадіяхъ или въ 800 верстахъ отъ Чернаго моря къ Сѣверу, въ ближнемъ сосѣдствѣ съ Андрофагами; тѣ и другіе питались человѣческимъ мясомъ. Меланхлены назывались такъ отъ черной одежды своей. Невры „обращались ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ волковъ:“ то есть, зимою покрывались волчьими кожами. — За Дономъ, на степяхъ Астраханскихъ, обитали Сарматы или Савроматы; далѣе, среди густыхъ лѣсовъ, Будины, Гелоны (народъ Греческаго происхожденія, имѣвшій деревянную крѣпость), — Ирки (10), Ѳиссагеты (славные звѣроловствомъ), а на

Востокъ отъ нихъ Скиѳскіе бѣглецы *Орды Царской*. Тутъ, по сказанію Геродота, начинались каменистыя горы (Уральскія) и страна Агриппеевъ, людей *плосконосыхъ* (вѣроятно, Калмыковъ). Доселѣ ходили обыкновенно торговые караваны изъ городовъ Черноморскихъ: слѣдственно мѣста были извѣстны, также и народы, которые говорили *семью* разными языками. О дальнѣйшихъ *полунощныхъ* земляхъ носился единственно темный слухъ. Агриппеи увѣряли, что за ними обитаютъ люди, которые спятъ въ году шесть мѣсяцевъ: чему не вѣрилъ Геродотъ, но что для насъ понятно: долговременныя ночи хладныхъ климатовъ, озаряемыя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ одними сѣверными сіяніями, служили основаніемъ сей молвы. — На Востокъ отъ Агриппеевъ (въ Великой Татаріи) жили Исседоны, которые сказывали, что не далеко отъ нихъ *грифы стрегутъ золото* (11): сіи баснословные грифы кажутся отчасти историческою истиною, и заставляютъ думать, что драгоцѣнные рудники южной Сибири были издревле знаемы. Сѣверъ вообще славился тогда своимъ богатствомъ или множествомъ золота. Упомянувъ о разныхъ Ордахъ, кочевавшихъ на Востокъ отъ моря Каспійскаго, Геродотъ пишетъ о главномъ народѣ нынѣшнихъ Киргизскихъ степей, сильныхъ Массагетахъ, побѣдившихъ Кира (12), и сказываетъ, что они, сходствуя одеждою и нра-

Слухъ о земляхъ полунощныхъ.

вами съ племенами Скиѳскими, украшали *золотомъ* шлемы, поясы, конскіе приборы, и не зная желѣза, ни серебра, дѣлали палицы и копья изъ мѣди.

Что касается собственно до Скиѳіи Россійской, то сія земля, по извѣстію Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлѣсною; только между Тавридою и Днѣпровскимъ устьемъ находились лѣса. Онъ за чудо сказываетъ своимъ единоземцамъ, что зима продолжается тамъ 8 мѣсяцевъ, и воздухъ въ сіе время, по словамъ Скиѳовъ, бываетъ наполненъ летающими перьями, то есть, снѣгомъ; что море Азовское замерзаетъ, жители ѣздятъ на саняхъ чрезъ неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на водѣ, густѣющей отъ холода; что громъ гремитъ и молнія блистаетъ у нихъ единственно лѣтомъ. — Кромѣ Днѣпра, Буга и Дона, вытекающаго изъ озера, [13] сей Историкъ именуетъ еще рѣку Днѣстръ (Τύρης, при устьѣ коего жили Греки называемые Тиритами), Прутъ (Πόρατα), Серетъ (Ορδησσύς), и говоритъ, что Скиѳія вообще можетъ славиться большими судоходными рѣками; что Днѣпръ, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступаетъ въ величинѣ одному Нилу и Дунаю; что вода его отмѣнно чиста, пріятна для вкуса и здорова; что источникъ сей рѣки скрывается въ отдаленіи и не извѣстенъ Скиѳамъ. Такимъ образомъ Сѣверъ вос-

Описаніе Скиѳіи.

Рѣки извѣстныя Грекамъ.

точной Европы, огражденный пустынями и свирѣпостію варваровъ, которые на нихъ скитались, оставался еще землею таинственною для Исторіи. Хотя Скиѳы занимали единственно южныя страны нашего отечества; хотя Андрофаги, Меланхлены и прочіе народы сѣверные, какъ пишетъ самъ Геродотъ, были совсѣмъ инаго племени: но Греки назвали всю нынѣшнюю Азіатскую и Европейскую Россію, или всѣ полунощныя земли, Скиѳіею, такъ же, какъ они безъ разбора именовали полуденную часть міра Эѳіопіею, западную Кельтикою, восточную Индіею, ссылаясь на Историка Эфора, жившаго за 350 лѣтъ до Рождества Христова (14).

Нравы Скиѳовъ.

Не смотря на долговременное сообщеніе съ образованными Греками, Скиѳы еще гордились дикими нравами своихъ предковъ, и славный единоземецъ ихъ, Философъ Анахарсисъ, ученикъ Солоновъ, напрасно хотѣвъ дать имъ законы Аѳинскіе, былъ жертвою сего несчастнаго опыта (15). Въ надеждѣ на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага; пили кровь убитыхъ непріятелей, выдѣланную кожу ихъ употребляли вмѣсто одежды, а черепы вмѣсто сосудовъ, и въ образѣ меча покланялись богу войны, какъ главѣ другихъ мнимыхъ боговъ.

Ихъ паденіе.

Могущество Скиѳовъ начало ослабѣвать со временъ Филиппа Македонскаго, который, по словамъ одного древняго Историка (16),

одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду не превосходствомъ мужества, а хитростію воинскою, и не нашелъ въ станѣ у враговъ своихъ ни серебра, ни золота, но только женъ, дѣтей и старцевъ. Митридатъ Эвпаторъ, господствуя на южныхъ берегахъ Чернаго моря и завладѣвъ Воспорскимъ Царствомъ, утѣснилъ и Скиѳовъ (17): послѣдніе ихъ силы были истощены въ жестокихъ его войнахъ съ Римомъ, коего орлы приближались тогда къ нынѣшнимъ Кавказскимъ странамъ Россіи. Геты, народъ Ѳракійскій, побѣжденный Александромъ Великимъ на Дунаѣ, но страшный для Рима во время Царя своего, Беребиста Храбраго, за нѣсколько лѣтъ до Рождества Христова отнялъ у Скиѳовъ всю землю между Истромъ и Борисѳеномъ, т. е. Дунаемъ и Днѣпромъ (18). Наконецъ Сарматы, обитавшіе въ Азіи близъ Дона, вступили въ Скиѳію, и, по извѣстію Діодора Сицилійскаго, истребили ея жителей или присоединили къ своему народу, такъ, что *особенное бытіе* Скиѳовъ исчезло для Исторіи; осталось только ихъ славное имя, которымъ несвѣдущіе Греки и Римляне долго еще называли всѣ народы мало извѣстные и живущіе въ странахъ отдаленныхъ (19).

Митридатъ.

Геты.

Сарматы.

Сарматы (или Савроматы Геродотовы) дѣлаются знамениты въ началѣ Христіанскаго лѣтосчисленія, когда Римляне, занявъ Ѳракію и страны Дунайскія своими Легіонами, пріобрѣли для себя несчастное сосѣд-

ство варваровъ. Съ того времени Историки Римскіе безпрестанно говорятъ о семъ народѣ, который господствовалъ отъ Азовскаго моря до береговъ Дуная и состоялъ изъ двухъ главныхъ племенъ, Роксоланъ и Языговъ (20); но Географы, весьма не кстати назвавъ Сарматіею всю обширную страну Азіи и Европы, отъ Чернаго моря и Каспійскаго съ одной стороны до Германіи, а съ другой до самой глубины Сѣвера, обратили имя Сарматовъ (подобно какъ прежде Скиѳское) въ общее для всѣхъ народовъ полунощныхъ. Роксолане утвердились въ окрестностяхъ Азовскаго и Чернаго моря, а Языги скоро перешли въ Дакію, на берега Тисы и Дуная (21). Дерзнувъ первые тревожить Римскія владѣнія съ сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикаго варварства съ гражданскимъ просвѣщеніемъ, которая заключилась наконецъ гибелію послѣдняго. Роксолане одержали верхъ надъ Когортами Римскими въ Дакіи: Языги опустошали Мизію. Еще военное искусство, слѣдствіе непрестанныхъ побѣдъ въ теченіе осьми вѣковъ, обуздывало варваровъ и часто наказывало ихъ дерзость; но Римъ, изнѣженный роскошію, вмѣстѣ съ гражданскою свободою утративъ и гордость великодушную, не стыдился золотомъ покупать дружбу Сарматовъ. Тацитъ именуетъ Языговъ союзниками своего народа, и Сенатъ, рѣшивъ прежде судьбу великихъ Государей

и міра, съ уваженіемъ встрѣчалъ пословъ народа кочующаго [22]. —Хотя война Маркоманнская, въ коей Сарматы присоединились къ Германцамъ, имѣла несчастныя для нихъ слѣдствія; хотя, побѣжденные Маркомъ Авреліемъ, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однакожъ, кочуя въ южной Россіи и на берегахъ Тибиска или Тисы, долго еще безпокоили набѣгами Римскія владѣнія.

Почти въ одно время съ Язигами и Роксоланами узнаемъ мы и другихъ — вѣроятно, единоплеменныхъ съ ними — обитателей юго-восточной Россіи, Аланъ, которые, по извѣстію Амміана Марцеллина, были древніе Массагеты и жили тогда между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ [23]. Они, равно какъ и всѣ Азіатскіе дикіе народы, не обработывали земли, не имѣли домовъ, возили женъ и дѣтей на колесницахъ, скитались по степямъ Азіи даже до самой Индіи сѣверной; грабили Арменію, Мидію, а въ Европѣ берега Азовскаго и Чернаго моря; отважно искали смерти въ битвахъ и славились отмѣнною храбростію. Къ сему народу многочисленному принадлежали, вѣроятно, Аорсы и Сираки, о коихъ въ первомъ вѣкѣ Христіанскаго лѣтосчисленія упоминаютъ разные Историки, и кои, обитая между Кавказомъ и Дономъ, были и врагами и союзниками Римлянъ [24]. Алане, вытѣснивъ Сарматовъ Алане.

изъ юго-восточной Россіи, отчасти заняли и Тавриду.

Готѳы. Въ третьемъ вѣкѣ приближились отъ Бальтійскаго къ Черному морю Готѳы и другіе народы Германскіе, овладѣли Дакіею, Римскою провинціею со временъ Трояновыхъ, и сдѣлались самыми опасными врагами Имперіи (25). Переплывъ на судахъ въ Азію, Готѳы обратили въ пепелъ многіе города цвѣтущіе въ Виѳиніи, Галатіи, Каппадокіи, и славный храмъ Діаны въ Ефесѣ, а въ Европѣ опустошили Ѳракію, Македонію и Грецію до Мореи. Они хотѣли, взявъ Аѳины, истребить огнемъ всѣ книги Греческія, тамъ найденныя; но приняли совѣтъ одного умнаго единоземца, который сказалъ имъ: „оставьте „Грекамъ книги, чтобы они, читая ихъ, забы„вали военное искусство и тѣмъ легче бы„ли побѣждаемы нами" (26). Ужасные свирѣпостію и мужествомъ, Готѳы основали сильную Имперію, которая раздѣлялась на Восточную и Западную, и въ IV столѣтіи, при Царѣ ихъ Эрманарихѣ, заключала въ себѣ немалую часть Россіи Европейской, простираясь отъ Тавриды и Чернаго моря до Бальтійскаго.

Венеды. Готѳскій Историкъ VI вѣка, Іорнандъ, пишетъ, что Эрманарихъ въ числѣ многихъ иныхъ народовъ побѣдилъ и Венедовъ, которые, обитая въ сосѣдствѣ съ Эстами и Герулами, жителями береговъ Бальтійскихъ (27), славились болѣе своею многочисленностію,

нежели искусствомъ воинскимъ. Сіе извѣстіе для насъ любопытно и важно, ибо *Венеды*, по сказанію Іорнанда, были единоплеменники *Славянъ*, предковъ народа Россійскаго. Еще въ самой глубокой древности, лѣтъ за 450 до Рождества Христова, было извѣстно въ Греціи, что янтарь находится въ отдаленныхъ странахъ Европы, гдѣ рѣка Эриданъ впадаетъ въ Сѣверный Океанъ (28), и гдѣ живутъ Венеды. Вѣроятно, что Финикіяне, смѣлые мореходцы, которые открыли Европу для образованныхъ народовъ древности, неимѣвшихъ объ ней свѣдѣнія, доплывали до самыхъ береговъ нынѣшней Пруссіи, богатыхъ янтаремъ, и тамъ покупали его у Венедовъ (29). Во время Плинія и Тацита, или въ первомъ столѣтіи, Венеды жили близъ Вислы, и граничили къ Югу съ Дакіею (30). Птолемей, Астрономъ и Географъ втораго столѣтія, полагаетъ ихъ на восточныхъ берегахъ моря Бальтійскаго, сказывая, что оно издревле называлось *Венедскимъ* (31). Слѣдственно ежели Славяне и Венеды составляли одинъ народъ, то предки наши были извѣстны и Грекамъ и Римлянамъ, обитая на Югѣ отъ моря Бальтійскаго. Изъ Азіи ли они пришли туда, и въ какое время, не знаемъ (32). Мнѣніе, что сію часть міра должно признавать колыбелію всѣхъ народовъ, кажется вѣроятнымъ, ибо согласно съ преданіями священными, и всѣ языки Европейскіе, не смотря на ихъ разныя измѣненія, сохраняютъ въ

себѣ нѣкоторое сходство съ древними Азіатскими [35]; однакожь мы не можемъ утвердить сей вѣроятности никакими *дѣйствительно историческими* свидѣтельствами, и считаемъ Венедовъ Европейцами, когда Исторія находитъ ихъ въ Европѣ. Сверхъ того они самыми обыкновеніями и правами отличались отъ Азіатскихъ народовъ, которые, приходя въ нашу часть міра, не знали домовъ, жили въ шатрахъ или *колесницахъ* [34], и только на коняхъ сражались: Тацитовы же Венеды имѣли домы, любили ратоборствовать пѣшіе и славились быстротою своего бѣга.

Гунны. Конецъ четвертаго вѣка ознаменовался важными происшествіями. Гунны, народъ кочующій, отъ полунощныхъ областей Китая доходятъ чрезъ неизмѣримыя степи до юговосточной Россіи, нападаютъ — около 377 года — на Алановъ, Готѳовъ, владѣнія Римскія, истребляя все огнемъ и мечемъ [36]. Современные Историки не находятъ словъ для описанія лютой свирѣпости и самаго безобразія Гунновъ. Ужасъ былъ ихъ предтечею, и столѣтній Герой Эрманарихъ не дерзнулъ даже вступить съ ними въ сраженіе, но произвольною смертію спѣшилъ избавиться отъ рабства. Восточные Готѳы должны были покориться, а Западные искали убѣжища во Ѳракіи, гдѣ Римляне, къ несчастію своему, дозволили имъ поселиться: ибо Готѳы, соединясь съ другими мужественными Герман-

цами, *скоро овладѣли большею частію Имперіи.*

Исторія сего времени упоминаетъ объ *Антахъ,* которые, по извѣстію Iорнанда и Византійскихъ Лѣтописцевъ, принадлежали вмѣстѣ съ Венедами къ народу Славянскому (36). Винитаръ, наслѣдникъ Эрманариха, Царя Готѳскаго, былъ уже данникомъ Гунновъ, но котѣлъ еще повелѣвать другими народами: завоевалъ страну Антовъ, которые обитали на Сѣверъ отъ Чернаго моря (слѣдственно въ Россіи), и жестокимъ образомъ умертвилъ ихъ Князя, именемъ Бокса, съ семидесятью знатнѣйшими Боярами (37). Царь Гунскій, Баламберъ, вступился за утѣсненныхъ, и побѣдивъ Винитара, освободилъ ихъ отъ ига Готѳовъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что Анты и Венеды признавали надъ собою власть Гунновъ: ибо сіи завоеватели во время Аттилы, грознаго Царя ихъ, повелѣвали всѣми странами отъ Волги до Рейна, отъ Македоніи до острововъ Бальтійскаго моря (38). Истребивъ безчисленное множество людей, разрушивъ города и крѣпости Дунайскія, предавъ огню селенія, окруживъ себя пустынями обширными, Аттила царствовалъ въ Дакіи подъ наметомъ шатра, бралъ дань съ Константинополя, но славился презрѣніемъ золота и роскоши, ужасалъ міръ и гордился именемъ *бича Небеснаго.* — Съ жизнію сего варвара, но великаго человѣка, умершаго въ 454 году, прекратилось и владычество Гунновъ. На-

Анты.

роды, порабощенные Аттилою, свергнули съ себя иго несогласныхъ сыновей его. Изгнанные Нѣмцами-Гепидами изъ Панноніи или Венгріи, Гунны держались еще нѣсколько времени между Днѣстромъ и Дунаемъ, гдѣ страна ихъ называлась Гунниваромъ (39); другіе разсѣялись по Дунайскимъ областямъ Имперіи — и скоро изгладились слѣды ужаснаго бытія Гунновъ. Такимъ образомъ сіи варвары отдаленной Азіи явились въ Европѣ, свирѣпствовали и какъ грозное привидѣніе исчезли!

Въ то время южная Россія могла представлять обширную пустыню, гдѣ скитались одни бѣдные остатки народовъ. Восточные Готѳы большею частію удалились въ Паннонію; о Роксоланахъ не находимъ уже ни слова въ лѣтописяхъ; вѣроятно, что они смѣшались съ Гуннами, или, подъ общимъ названіемъ Сарматовъ, вмѣстѣ съ Язигами были разселены Императоромъ Маркіаномъ въ Иллирикѣ и въ другихъ Римскихъ провинціяхъ, гдѣ, составивъ одинъ народъ съ Готѳами, утратили имя свое (40): ибо въ концѣ V вѣка Исторія уже молчитъ о Сарматахъ. Множество Аланъ, соединясь съ Нѣмецкими Вандалами и Свевами, перешло за Рейнъ, за горы Пиренейскія, въ Испанію и Португаллію. — Но скоро Угры и Болгары, по сказанію Грековъ единоплеменные съ Гуннами, и до того времени неизвѣстные, оставивъ древнія свои жилища близъ Волги и горъ Уральскихъ, завладѣли берегами Азовскаго, Чернаго моря и

Угры и Болгары.

Тавридою (гдѣ еще обитали нѣкоторые Готѳы, принявшіе Вѣру Христіанскую), и съ 474 году начали опустошать Мизію, Ѳракію, даже предмѣстія Константинопольскія (41).

Съ другой стороны выходятъ на великій ѳеатръ Исторіи *Славяне*, подъ симъ именемъ, достойнымъ людей воинственныхъ и храбрыхъ, ибо его можно производить отъ *славы* (42), — и народъ, коего бытіе мы едва знали, съ шестаго вѣка занимаетъ великую часть Европы, отъ моря Балтійскаго до рѣки Эльбы, Тисы и Чернаго моря. Вѣроятно, что нѣкоторые изъ Славянъ, подвластныхъ Эрманариху и Аттилѣ, служили въ ихъ войскѣ; вѣроятно, что они, испытавъ подъ начальствомъ сихъ завоевателей храбрость свою и пріятность добычи въ богатыхъ областяхъ Имперіи, возбудили въ соотечественникахъ желаніе приближиться къ Греціи и вообще распространить ихъ владѣніе. Обстоятельства времени имъ благопріятствовали. Германія опустѣла; ея народы воинственные удалились къ Югу и Западу искать счастія. На берегахъ Черноморскихъ, между устьями Днѣпра и Дуная, кочевали, можетъ быть, однѣ дикія малолюдныя Орды, которыя сопутствовали Гуннамъ въ Европу и разсѣялись послѣ ихъ гибели. Отъ Дуная и Алуты до рѣки Моравы жили Нѣмцы-Лонгобарды и Гепиды; отъ Днѣпра къ морю Каспійскому Угры и Болгары; за

Славяне

нии, къ Сѣверу отъ Понта Эвксинскаго и Дуная [43], явились Анты и Славяне; другія же племена ихъ вступили въ Моравію, Богемію, Саксонію, а нѣкоторыя остались на берегахъ моря Бальтійскаго. Тогда начинаютъ говорить объ нихъ Историки Византійскіе, описывая свойства, образъ жизни и войны, обыкновенія и нравы Славянъ, отличные отъ характера Нѣмецкихъ и Сарматскихъ племенъ [44]: доказательство, что сей народъ былъ прежде мало извѣстенъ Грекамъ, обитая во глубинѣ Россіи, Польши, Литвы, Пруссіи, въ странахъ отдаленныхъ и какъ бы непроницаемыхъ для ихъ любопытства [45].

Уже въ концѣ пятаго вѣка лѣтописи Византійскія упоминаютъ о Славянахъ, которые въ 495 году дружелюбно пропустили чрезъ свои земли Нѣмцевъ-Геруловъ, разбитыхъ Лонгобардами въ нынѣшней Венгріи и бѣжавшихъ къ морю Бальтійскому [46]; но только со временъ Юстиніановыхъ, съ 527 году, утвердясь въ сѣверной Дакіи, начинаютъ они дѣйствовать противъ Имперіи, вмѣстѣ съ Угорскими племенами и братьями своими Антами, которые въ окрестностяхъ Чернаго моря граничили съ Болгарами. Ни Сарматы, ни Готѳы, ни самые Гунны не были для Имперіи ужаснѣе Славянъ. Иллирія, Ѳракія, Греція, Херсонесъ — всѣ страны отъ залива Іоническаго до Константинополя были ихъ жертвою [47]; только Хильвудъ, смѣлый Вождь Юстиніановъ, могъ еще съ

успѣхомъ имъ противоборствовать; но Славяне, убивъ его въ сраженіи за Дунаемъ, возобновили свои лютыя нападенія на Греческія области, и всякое изъ оныхъ стоило жизни или свободы безчисленному множеству людей, такъ, что южные берега Дунайскіе, облитые кровію несчастныхъ жителей, осыпанные пепломъ городовъ и селъ, совершенно опустѣли. Ни Легіоны Римскіе, почти всегда обращаемые въ бѣгство, ни великая стѣна Анастасіева, (48) сооруженная для защиты Царяграда отъ варваровъ, не могли удерживать Славянъ, храбрыхъ и жестокихъ. Имперія съ трепетомъ и стыдомъ видѣла знамя Константиново въ рукахъ ихъ. Самъ Юстиніанъ, Совѣтъ Верховный и знатнѣйшіе Вельможи должны были съ оружіемъ стоять на послѣдней оградѣ столицы, стѣнѣ Өеодосіевой, съ ужасомъ ожидая приступа Славянъ и Болгаровъ ко вратамъ ея. Одинъ Велисарій, посѣдѣвшій въ добродѣтеляхъ и геройствѣ, осмѣлился выйти къ нимъ на встрѣчу; но болѣе казною Императорскою, нежели побѣдою, отвратилъ сію грозную тучу отъ Константинополя. Они спокойно жительствовали въ Имперіи, какъ бы въ собственной землѣ своей, увѣренные въ безопасной переправѣ чрезъ Дунай: ибо Гепиды, владѣвшіе большею частію сѣверныхъ береговъ его, всегда имѣли для нихъ суда въ готовности (49). Между тѣмъ Юстиніанъ съ гордостію величалъ себя *Антическимъ* или *Сла-*

Ихъ подвиги.

вянскимъ, хотя сіе имя напоминало болѣе стыдъ, нежели славу его оружія противъ нашихъ дикихъ предковъ, которые безпрестанно опустошали Имперію, или заключая иногда дружественные съ нею союзы, нанимались служить въ ея войскахъ и способствовали ихъ побѣдамъ. Такъ во второе лѣто славной войны Готѳской (въ 536 году) Валеріанъ привелъ въ Италію 1600 конныхъ Славянъ, и Римскій Полководецъ Тулліанъ ввѣрилъ Антамъ защиту Луканіи, гдѣ они въ 547 году разбили Готѳскаго Короля Тотилу.

Уже лѣтъ 30 Славяне свирѣпствовали въ Европѣ, когда новый Азіатскій народъ побѣдами и завоеваніями открылъ себѣ путь къ Черному морю. Весь извѣстный міръ былъ тогда ѳеатромъ чудеснаго волненія народовъ и непостоянства въ ихъ вели-
Авары. чіи. Авары славились могуществомъ въ степяхъ Татаріи; но въ шестомъ вѣкѣ побѣжденные Турками, ушли изъ земли своей (50).
Турки. Сіи Турки, по свидѣтельству Историковъ Китайскихъ, были остаткомъ Гунновъ, древнихъ полунощныхъ сосѣдовъ Китайской Имперіи; въ теченіе времени соединились съ другими Ордами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Ханъ ихъ, называемый въ Византійскихъ лѣтописяхъ Дизавуломъ (51), какъ новый Аттила покоривъ многіе народы, жилъ среди горъ Альтайскихъ, въ шатрѣ украшенномъ ков-

рами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатомъ тронѣ, принималъ Византійскихъ Пословъ и дары отъ Юстиніана; заключалъ съ нимъ союзы и счастливо воевалъ съ Персами. Извѣстно, что Россіяне, овладѣвъ въ новѣйшія времена полуденною частію Сибири, находили въ тамошнихъ могилахъ великое количество вещей драгоцѣнныхъ (62): вѣроятно, что онѣ принадлежали симъ Алтайскимъ Туркамъ, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему съ Китаемъ, Персіею и Греками.

Вмѣстѣ съ другими Ордами зависѣли отъ Дизавула Киргизы и Гунны-Огоры (63). Бывъ прежде данниками Аваровъ и тогда угнетаемые Турками, Огоры перешли на западные берега Волги, назвались славнымъ именемъ Аваровъ, нѣкогда могущественныхъ, и предложили союзъ Императору Византійскому. Народъ Греческій съ любопытствомъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ Пословъ: одежда сихъ людей напоминала ему страшныхъ Гунновъ Аттилы, отъ коихъ мнимые Авары отличались единственно тѣмъ, что не брили головы и заплетали волосы въ длинныя косы, украшаемыя лентами. Главный Посолъ сказалъ Юстиніану, что Авары, мужественные и непобѣдимые, хотятъ его дружбы, требуя даровъ, жалованья и выгодныхъ мѣстъ для поселенія. Императоръ не дерзнулъ ни въ чемъ отказать сему народу, который, бѣ- Огоры.

жавъ изъ Азіи, со вступленіемъ въ Европу пріобрѣлъ силу и храбрость. Угры, Болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Ханъ Аварскій, свирѣпый Баянъ, разбилъ ихъ войско, умертвилъ Посла, знаменитаго Князя Мезамира [54]; ограбилъ землю, плѣнилъ жителей; скоро завоевалъ Моравію, Богемію, гдѣ обитали Чехи и другіе Славяне; побѣдилъ Сигеберта, Короля Франковъ, и возвратился на Дунай, гдѣ Лонгобарды вели кровопролитную войну съ Гепидами. Баянъ соединился съ первыми, разрушилъ державу Гепидовъ, овладѣлъ большею частію Дакіи, а скоро и Панноніею или Венгріею, которую Лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваній въ Италіи. Область Аваровъ въ 568 году простиралась отъ Волги до Эльбы. Въ началѣ седьмаго вѣка завладѣли они и Далмаціею, кромѣ приморскихъ городовъ ея. Хотя Турки, господствуя на берегахъ Иртыша, Урала [55] — тревожа набѣгами Китай и Персію — около 580 года распространили-было свои завоеванія до самой Тавриды — взяли Воспоръ, осаждали Херсонъ; но скоро исчезли въ Европѣ, оставивъ земли Черноморскія въ подданствѣ Аваровъ.

Уже Анты, Богемскіе Чехи, Моравы служили Хану; но собственно такъ называемые Дунайскіе Славяне хранили свою независимость, и еще въ 581 году многочисленное

войско ихъ снова опустошило Өракію и другія владѣнія Имперскія до самой Эллады или Греціи (56). Тиверій царствовалъ въ Константинополѣ: озабоченный войною Персидскою, онъ не могъ отразить Славянъ и склонилъ Хана отмстить имъ нападеніемъ въ страну ихъ. Баянъ назывался другомъ Тиверія, и хотѣлъ даже быть Римскимъ Патриціемъ: онъ исполнилъ желаніе Императора тѣмъ охотнѣе, что давно уже ненавидѣлъ Славянъ за ихъ гордость. Сію причину злобы его описываютъ Византійскіе Историки слѣдующимъ образомъ. Смиривъ Антовъ, Ханъ требовалъ отъ Славянъ подданства; но Лавритасъ и другіе Вожди ихъ отвѣтствовали: „Кто можетъ лишить насъ „вольности? Мы привыкли отнимать земли, „а не свои уступать врагамъ. Такъ будетъ „и впредь, доколѣ есть война и мечи въ свѣ„тѣ.“ Посолъ Ханскій раздражилъ ихъ своими надменными рѣчами, и заплатилъ за то жизнію. Баянъ помнилъ сіе жестокое оскорбленіе, и надѣялся собрать великое богатство въ землѣ Славянъ, которые, болѣе пятидесяти лѣтъ громивъ Имперію, не были еще никѣмъ тревожимы въ странѣ своей. Онъ вступилъ въ нее съ шестидесятью тысячами отборныхъ конныхъ латниковъ, началъ грабить *селенія*, жечь поля, истреблять жителей, которые только въ бѣгствѣ и въ густотѣ лѣсовъ искали спасенія. — Съ того времени ослабѣло могущество Славянъ, и хотя

Константинополь еще долго ужасался их набѣговъ, но скоро Ханъ Аварскій совершенно овладѣлъ Дакіею. Обязанные давать ему войско, *они* лили кровь свою и чуждую для пользы ихъ тирана; долженствовали первые гибнуть въ битвахъ, и когда Ханъ, нарушивъ миръ съ Греціею, въ 626 году осадилъ Константинополь, Славяне были жертвою сего дерзкаго предпріятія. Они взяли бы столицу Имперіи, если бы измѣна не открыла ихъ тайнаго намѣренія Грекамъ: окруженные непріятелемъ, бились отчаянно; немногіе спаслися, и въ знакъ благодарности были казнены Ханомъ (57).

Между тѣмъ не всѣ народы Славянскіе повиновались сему Хану: обитавшіе за Вислою, и далѣе къ Сѣверу, спаслись отъ рабства. Такъ въ исходѣ шестаго вѣка на берегахъ моря Балтійскаго жили мирные и счастливые Славяне, коихъ онъ напрасно хотѣлъ вооружить противъ Грековъ, и которые отказались помогать ему войскомъ. Сей случай, описанный Византійскими Историками (58), достоинъ любопытства и примѣчанія. „Греки (повѣ„ствуютъ они) взяли въ плѣнъ трехъ чуже„земцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто оружія, киѳары „или гусли. Императоръ спросилъ, кто они? „Мы Славяне, отвѣтствовали чужеземцы, и „живемъ на отдаленнѣйшемъ концѣ Западна„го Океана (моря Балтійскаго). Ханъ Авар„скій прислалъ дары къ нашимъ старѣйши„намъ и требовалъ войска, чтобы дѣйство-

„вать противъ Грековъ. Старѣйшины взяли „дары, но отправили насъ къ Хану съ извинѣніемъ, что не могутъ за великою отдаленностію дать ему помощи. Мы сами были 15 мѣсяцевъ въ дорогѣ. Ханъ, не взирая „на святость посольскаго званія, не отпу„скалъ насъ въ отечество. Слыша о богат„ствѣ и дружелюбіи Грековъ, мы воспользо„вались случаемъ уйти во Ѳракію. Съ ору„жіемъ обходиться не умѣемъ и только и„граемъ на гусляхъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ „нашей, и мы, не зная войны и любя музы„ку, ведемъ жизнь мирную и спокойную. — „Императоръ дивился тихому нраву сихъ „людей, великому росту и крѣпости ихъ; у„гостилъ Пословъ, и доставилъ имъ способъ „возвратиться въ отечество.“ Такое миролюбивое свойство Бальтійскихъ Славянъ, во времена ужасовъ варварства, представляетъ мыслямъ картину счастія, котораго мы обыкли искать единственно въ воображеніи. Согласіе Византійскихъ Историковъ въ описаніи сего происшествія, доказываетъ, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдашними обстоятельствами Сѣвера, гдѣ Славяне могли наслаждаться тишиною, когда Германскіе народы удалились къ Югу, и когда разрушилось владычество Гунновъ.

Наконецъ *Богемскіе* Славяне, возбужденные отчаяніемъ, дерзнули обнажить мечь, смирили гордость Аваровъ и возвратили древнюю свою независимость. Лѣтописцы пов-

ствуютъ, что нѣкто, именемъ Само, былъ тогда искуснымъ и смѣлымъ Вождемъ ихъ: благодарные и вольные Славяне избрали его въ Цари (59). Онъ сражался съ Дагобертомъ, Королемъ Франковъ, и разбилъ его многочисленное войско.

Скоро владѣнія Славянъ умножились новыми пріобрѣтеніями: еще въ шестомъ вѣкѣ, какъ вѣроятно, многіе изъ нихъ поселились въ Венгріи; другіе въ началѣ седьмаго столѣтія, заключивъ союзъ съ Константинополемъ, вошли въ Иллирію, изгнали оттуда Аваровъ и основали новыя области, подъ именемъ Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи и Далмаціи (60). Императоры охотно дозволяли имъ селиться въ Греческихъ владѣніяхъ, надѣясь, что они, по извѣстной храбрости своей, могли быть лучшею ихъ защитою отъ нападенія другихъ варваровъ — и въ седьмомъ вѣкѣ находимъ Славянъ на рѣкѣ Стримонѣ во Ѳракіи, въ окрестностяхъ Ѳессалоники и въ Мизіи или въ нынѣшней Болгаріи. Даже весь Пелопоннесъ былъ нѣсколько времени въ ихъ власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирѣпствовала въ Греціи, и завоевали древнее отечество Наукъ и славы. — Многіе изъ нихъ поселились въ Виѳиніи, Фригіи, Дарданіи, Сиріи (61).

Но между тѣмъ, когда Чехи и другіе Славяне пользовались уже совершенною вольностію отчасти въ прежнихъ, отчасти въ но-

выхъ своихъ владѣніяхъ, Дунайскіе находились еще, кажется, подъ игомъ Аваровъ, хотя могущество сего достопамятнаго Азіатскаго народа ослабѣло въ VII вѣкѣ. Кувратъ, Князь Болгарскій, данникъ Хана, въ 635 году свергнулъ съ себя иго Аваровъ. Раздѣливъ силы свои на девять обширныхъ укрѣпленныхъ становъ (62), они еще долгое время властвовали въ Дакіи и въ Панноніи, вели жестокія войны съ Баварцами и Славянами въ Каринтіи, въ Богеміи; наконецъ утратили въ лѣтописяхъ имя свое. — Кувратъ, союзникъ и другъ Римлянъ, господствовалъ въ окрестностяхъ Азовскаго моря; но сыновья его, въ противность мудрому совѣту умирающаго отца, раздѣлились: старшій, именемъ Ватвай, остался на берегахъ Дона; второй сынъ, Котрагъ, перешелъ на другую сторону сей рѣки; четвертый въ Паннонію или Венгрію къ Аварамъ; пятый въ Италію (63); а третій, Аспарухъ, утвердился сперва между Днѣстромъ и Дунаемъ, но въ 679 году завоевавъ и всю Мизію, гдѣ жили многіе Славяне, основалъ тамъ сильное государство Болгарское.

Паденіе Аваровъ.

Болгарія.

Представивъ Читателю разселеніе народовъ Славянскихъ отъ моря Бальтійскаго до Адріатическаго, отъ Эльбы до Мореи и Азіи, скажемъ, что они, сильные числомъ и мужествомъ, могли бы тогда, соединясь, овладѣть Европою; но, слабые отъ развлеченія силъ и несогласія, почти вездѣ утратили

Судьба народовъ Славянскихъ.

независимость, и только одинъ изъ нихъ, искушенный бѣдствіями, удивляетъ нынѣ міръ величіемъ (64). Другіе, сохранивъ бытіе свое въ Германіи, въ древней Илліріи, въ Мизіи, повинуются Властителямъ чужеземнымъ; а нѣкоторые забыли и самый языкъ отечественный.

Теперь обратимся къ Исторіи Государства Россійскаго, основанной на преданіяхъ нашего собственнаго, древнѣйшаго Лѣтописца.

ГЛАВА II.

О СЛАВЯНАХЪ И ДРУГИХЪ НАРОДАХЪ, СОСТАВИВШИХЪ ГОСУДАРСТВО РОССІЙСКОЕ.

Происхожденіе Славянъ Россійскихъ. Поляне. Радимичи и Вятичи. Древляне. Дулѣбы и Бужане. Лутичи и Тиверцы. Хорваты, Сѣверяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новогородскіе. Кіевъ. Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ. Финскіе или Чудскіе народы въ Россіи. Латышскіе народы. Междоусобіе Славянъ Россійскихъ. Господство и гибель Обровъ. Козары. Варяги. Русь.

Несторъ пишетъ, что Славяне *издревле обитали* въ странахъ Дунайскихъ, вытѣсненные изъ Мизіи Болгарами, а изъ Паннопіи Во-

лохами (донынѣ живущими въ Венгріи) перешли въ Россію, въ Польшу и другія земли (65). Сіе извѣстіе о первобытномъ жилищѣ нашихъ предковъ взято, кажется, изъ Византійскихъ Лѣтописцевъ, которые въ VI вѣкѣ узнали ихъ на берегахъ Дуная; однакожь Несторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Св. Апостолъ Андрей — проповѣдуя въ Скиѳіи имя Спасителя, поставивъ крестъ на горахъ Кіевскихъ, еще ненаселенныхъ, и предсказавъ будущую славу нашей древней столицы — доходилъ до Ильменя и нашелъ тамъ Славянъ (66): слѣдственно они, по собственному Несторову сказанію, жили въ Россіи уже въ первомъ столѣтіи, и гораздо прежде, нежели Болгары утвердились въ Мизіи (67). Но вѣроятно, что Славяне, угнетенные ими, отчасти дѣйствительно возвратились изъ Мизіи къ своимъ сѣвернымъ единоземцамъ; вѣроятно и то, что Волохи, потомки древнихъ Гетовъ и Римскихъ всельниковъ Траянова времени въ Дакіи, уступивъ сію землю Готѳамъ, Гуннамъ и другимъ народамъ, искали убѣжища въ горахъ, и видя наконецъ слабость Аваровъ, овладѣли Трансильваніею и частію Венгріи, гдѣ Славяне долженствовали имъ покориться.

Происхожденіе Славянъ Россійскихъ.

Можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова подъ именемъ Венедовъ извѣстные на восточныхъ берегахъ моря Бальтійскаго, Славяне въ то же время обитали и внутри Россіи; можетъ быть Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы

принадлежали къ ихъ племенамъ многочисленнымъ (68). Самые древніе жители Дакіи, Геты, покоренные Трояномъ, могли быть нашими предками: сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Русскихъ сказкахъ XII столѣтія упоминается о счастливыхъ войнахъ Трояновыхъ въ Дакіи, и что Славяне Россійскіе начинали, кажется, свое лѣтосчисленіе отъ времянъ сего мужественнаго Императора. Замѣтимъ еще какое-то древнее преданіе народовъ Славянскихъ, что праотцы ихъ имѣли дѣло съ Александромъ Великимъ, побѣдителемъ Гетовъ (69). Но Историкъ не долженъ предлагать вѣроятностей за истину, доказываемую только ясными свидѣтельствами современниковъ. И такъ, оставляя безъ утвердительнаго рѣшенія вопросъ: „откуда и когда Славяне пришли въ Россію?“ опишемъ, какъ они жили въ ней за долго до того времени, въ которое образовалось наше Государство.

Поляне. Многіе Славяне, единоплеменные съ Ляхами, обитавшими на берегахъ Вислы, поселились на Днѣпрѣ въ Кіевской Губерніи и назвались *Полянами* отъ чистыхъ *полей* своихъ. Имя сіе исчезло въ древней Россіи, но сдѣлалось общимъ именемъ Ляховъ, основателей Государства Польскаго. Отъ сего же племени Славянъ были два брата, Радимъ и

Радимичи и Вятичи. Вятко, Главами Радимичей и Вятичей: первый избралъ себѣ жилище на берегахъ Сожа, въ Могилевской Губерніи, а вторый на Окѣ, въ Калужской, Тульской или Орловской. Дре-

вляне, названные такъ отъ лѣсной земли своей, обитали въ Волынской Губерніи; Дулѣбы и Бужане по рѣкѣ Бугу, впадающему въ Вислу; Лутичи и Тиверцы по Днѣстру до самаго моря и Дуная, уже имѣя *города* въ землѣ своей; Бѣлые Хорваты въ окрестностяхъ горъ Карпатскихъ; Сѣверяне, сосѣды Полянъ, на берегахъ Десны, Семи и Сулы, въ Черниговской и Полтавской Губерніи; въ Минской и Витебской, между Припетью и Двиною Западною, Дреговичи; въ Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, Кривичи; а на Двинѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Полота, единоплеменные съ ними Полочане; на берегахъ же озера Ильменя собственно такъ называемые Славяне, которые *послѣ* Рождества Христова основали Новгородъ (70).

Древляне

Дулѣбы и Бужане.

Лутичи и Тиверцы.

Хорваты.

Сѣверяне.

Дреговичи.

Кривичи.

Полочане.

Славяне Новогородскіе

Къ тому же времени Лѣтописецъ относитъ и начало Кіева, разсказывая слѣдующія обстоятельства: „Братья Кій, Щекъ и Хо„ривъ, съ сестрою Лыбедью, жили между По„лянами на трехъ горахъ, изъ коихъ двѣ слы„вутъ, по имени двухъ меньшихъ братьевъ, „Щековицею и Хоривицею; а старшій жилъ „тамъ, гдѣ нынѣ (въ Несторово время) *Збо„ричевъ взвозъ*. Они были мужи знающіе и „разумные; ловили звѣрей въ тогдашнихъ гу„стыхъ лѣсахъ Днѣпровскихъ, построили го„родъ и назвали оный именемъ старшаго бра„та, т. е. *Кіевымъ*. Нѣкоторые считаютъ

Кіевъ.

,,Кія перевозчикомъ, ибо въ старину былъ ,,на семъ мѣстѣ перевозъ и назывался Кіе-,,вымъ; но Кій начальствовалъ въ родѣ сво-,,емъ; ходилъ, какъ сказываютъ, въ Констан-,,тинополь, и пріялъ великую честь отъ ,,Царя Греческаго; на возвратномъ пути, ,,увидѣвъ берега Дуная, полюбилъ ихъ, сру-,,билъ городокъ и хотѣлъ обитать въ немъ ,,съ родомъ своимъ; но жители Дунайскіе не ,,дали ему тамъ утвердиться, и донынѣ име-,,нуютъ сіе мѣсто *городищемъ Кіевцомъ*. ,,Онъ же пришелъ въ свой городъ Кіевъ, гдѣ ,,и скончался, вмѣстѣ съ двумя братьями и ,,сестрою." Несторъ въ повѣствованіи сво-емъ основывается единственно на изустныхъ сказаніяхъ: отдаленный многими вѣками отъ случаевъ, здѣсь описанныхъ, могъ ли онъ ру-чаться за истину преданія, всегда обманчи-ваго, всегда *невѣрнаго въ подробностяхъ*? Можетъ быть, что Кій и братья его ни-когда въ самомъ дѣлѣ не существовали, и что вымыслъ народный обратилъ названія мѣстъ, неизвѣстно отъ чего происшедшія, въ названія людей. Имя Кіева, горы Щековицы — нынѣ Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и рѣчки Лыбеди, впадающей въ Днѣпръ не далеко отъ новой Кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ: чему находимъ многіе примѣры въ Греческихъ и Сѣверныхъ повѣствователяхъ, которые, желая питать народное любопытство, во времена невѣже-

ства и легковѣрія, изъ географическихъ названій составляли цѣлыя Исторіи и Біографіи (71). Но два обстоятельства въ семъ Несторовомъ извѣстіи достойны особеннаго замѣчанія: первое, что Славяне Кіевскіе издревле имѣли сообщеніе съ Царемградомъ, и второе, что они построили городокъ на берегахъ Дуная еще за долго до походовъ Россіянъ въ Грецію. Дулѣбы, Поляне Днѣпровскіе, Лутичи и Тиверцы могли участвовать въ описанныхъ нами войнахъ Славянъ Дунайскихъ, столь ужасныхъ для Имперіи, и заимствовать тамъ разныя благодѣтельныя изобрѣтенія для жизни гражданской.

Лѣтописецъ не объявляетъ времени, когда построены другіе Славянскіе, также весьма древніе города въ Россіи: Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ; знаемъ только, что первые три основаны Кривичами и были уже въ девятомъ вѣкѣ, а послѣдніе въ самомъ началѣ десятаго; но они могли существовать и гораздо прежде. Черниговъ и Любечь принадлежали къ области Сѣверянъ (72).

Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ.

Кромѣ народовъ Славянскихъ, по сказанію Нестора, жили тогда въ Россіи и многіе иноплеменные: *Меря* вокругъ Ростова и на озерѣ Клещинѣ или Переславскомъ; *Мурома* на Окѣ, гдѣ сія рѣка впадаетъ въ Волгу; *Черемиса*, *Мещера*, *Мордва*, на Юго-Востокъ отъ Мери; *Ливь* въ Ливоніи; *Чудь* въ Эстоніи и на Востокъ къ Ладожскому озеру; *Нарова* тамъ, гдѣ Нарва; *Ямь* или *Емь* въ Финляндіи;

Финскіе или Чудскіе народы въ Россіи.

Весь на Бѣлѣозерѣ; *Пермь* въ Губерніи сего имени; *Югра*, или нынѣшніе Березовскіе Остяки, на Оби и Сосвѣ; *Печора* на рѣкѣ Печорѣ [73]. Нѣкоторые изъ сихъ народовъ уже исчезли въ новѣйшія времена, или смѣшались съ Россіянами; но другіе существуютъ и говорятъ языками столь между собою сходственными, что можемъ несомнительно признать ихъ, равно какъ и Лапландцевъ, Зырянъ, Остяковъ Обскихъ, Чувашъ, Вотяковъ, народами единоплеменными и назвать вообще *Финскими* [74]. Уже Тацитъ, въ первомъ столѣтіи, говоритъ о сосѣдственныхъ съ Венедами Финнахъ, которые жили издревле въ полунощной Европѣ. Лейбницъ и новѣйшіе Шведскіе Историки согласно думаютъ, что Норвегія и Швеція были нѣкогда населены ими — даже самая Данія, по мнѣнію Гроція. Отъ моря Бальтійскаго до Ледовитаго, отъ глубины Европейскаго Сѣвера на Востокъ до Сибири, до Урала и Волги, разсѣялися многочисленныя племена Финновъ. Не знаемъ, когда они въ Россіи поселились; но не знаемъ также и никого старобытнѣе ихъ въ сѣверныхъ и восточныхъ ея климатахъ. Сей народъ, древній и многочисленный, занимавшій и занимающій такое великое пространство въ Европѣ и въ Азіи, не имѣлъ Историка, ибо никогда не славился побѣдами, не отнималъ чуждыхъ земель, но всегда уступалъ свои: въ Швеціи и Норвегіи Готѳамъ, а въ Россіи, можетъ быть,

Славянамъ, и въ одной нищетѣ искалъ для себя безопасности: „не имѣя (по словамъ „Тацита) ни домовъ, ни коней, ни оружія; „питаясь травами, одѣваясь кожами звѣри- „ными, укрываясь отъ непогодъ подъ спле- „тенными вѣтвями" (76). Въ Тацитовомъ описаніи древнихъ Финновъ мы узнаемъ отча- сти и нынѣшнихъ, особенно же Лапландцевъ, которые отъ предковъ своихъ наслѣдовали и бѣдность и грубые нравы, и мирную без- печность невѣжества. „Не боясь ни хищ- „ности людей, ни гнѣва боговъ" (пишетъ сей краснорѣчивый Историкъ) „они пріобрѣ- „ли самое рѣдкое въ мірѣ благо: счастливую „отъ судьбы независимость!"

Но Финны Россійскіе, по сказанію нашего Лѣтописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описываетъ ихъ Рим- скій Историкъ: имѣли не только постоян- ныя жилища, но и города: Весь Бѣлоозеро (76), Меря Ростовъ, Мурома Муромъ. Лѣто- писецъ, упоминая о сихъ городахъ въ извѣ- стіяхъ IX вѣка, не зналъ, когда они по- строены. — Древняя Исторія Скандинавовъ (Датчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ) часто го- воритъ о двухъ особенныхъ странахъ Фин- скихъ, вольныхъ и независимыхъ: Киріалан- діи и Біарміи. Первая отъ Финскаго залива простиралась до самаго Бѣлаго моря, вмѣ- щала въ себѣ нынѣшнюю Финляндскую, Оло- нецкую и часть Архангельской Губерніи; гра- ничила на Югѣ съ Эстоніею и Новымгоро-

домъ, на Востокъ съ Біарміею, а на Сѣверо-Западъ съ Квенландіею или Каяніею. (77) Жители ея безпокоили набѣгами земли сосѣдственныя, и славились мнимымъ волшебствомъ еще болѣе, нежели храбростію. *Біарміею* называли Скандинавы всю обширную страну отъ Сѣверной Двины и Бѣлаго моря до рѣки Печоры, за коею они воображали Иотунгеймъ, отчизну ужасовъ Природы и злаго чародѣйства. Имя нашей Перми есть одно съ именемъ древней Біарміи, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская Губерніи. *Исландскія повѣсти* наполнены сказаніями о сей великой Финской области (78); но баснословіе ихъ можетъ быть любопытно для однихъ легковѣрныхъ. Первое, дѣйствительно историческое свидѣтельство о Біарміи находимъ въ путешествіи Норвежскаго мореходца Отера, который въ девятомъ вѣкѣ окружилъ Нордъ-Капъ, доплывалъ до самаго устья Сѣверной Двины, слышалъ отъ жителей многое о странѣ ихъ и земляхъ сосѣдственныхъ, но сказываетъ единственно то, что народъ Біармскій многочисленъ и говоритъ почти однимъ языкомъ съ Финнами (79).

Латышскіе народы.

Между сими иноплеменными народами, жителями или сосѣдами древней Россіи, Несторъ именуетъ еще Летголу (Ливонскихъ Латышей), Зимголу (въ Семигаліи), Корсь (въ Курляндіи) и Литву, которые не принадлежатъ къ Финнамъ, но вмѣстѣ съ древними Прус-

сами составляютъ народъ Латышскій [80]. Въ языкѣ его находится множество Славянскихъ, довольно Готѳскихъ и Финскихъ словъ: изъ чего основательно заключаютъ Историки, что Латыши происходятъ отъ сихъ народовъ. Съ великою вѣроятностію можно опредѣлить даже и начало бытія ихъ. Когда Готѳы удалились къ предѣламъ Имперіи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточные берега моря Бальтійскаго; смѣшались тамъ съ остатками первобытныхъ жителей, т. е. съ Готѳами, начали истреблять лѣса для хлѣбопашества и прозвалися Латышами или *обитателями земель расчищенныхъ*: ибо *лата* знаменуетъ на языкѣ Литовскомъ *расчищеніе*. Ихъ, кажется, называетъ Іорнандъ Видиваріями, которые въ половинѣ шестаго вѣка жили около Данцига, и состояли изъ разныхъ народовъ [81]: съ чѣмъ согласно и древнее преданіе Латышей, увѣряющихъ, что ихъ первый Государь, именемъ Видвутъ, царствовалъ на берегахъ Вислы, и тамъ образовалъ народъ свой, который населилъ Литву, Пруссію, Курляндію и Летландію, гдѣ онъ и донынѣ находится, и гдѣ, до самаго введенія Христіанской Вѣры, управлялъ имъ сѣверный Далай-Лама, главный судія и Священникъ Криве, жившій въ Прусскомъ мѣстечкѣ Ромовѣ [82].

Многіе изъ сихъ Финскихъ и Латышскихъ народовъ, по словамъ Нестора, были данниками Россіянъ: должно разумѣть, что Лѣто-

писецъ говоритъ уже о своемъ времени, то есть о XI вѣкѣ, когда предки наши овладѣли почти всею нынѣшнею Россіею Европейскою. До временъ Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по колѣнамъ; не думали соединять народныхъ силъ въ общемъ правленіи, и даже изнуряли ихъ войнами междоусобными. Такъ Несторъ упоминаетъ о нападеніи Древлянъ, лѣсныхъ обитателей, и прочихъ окрестныхъ Славянъ на тихихъ Полянъ Кіевскихъ, которые болѣе ихъ наслаждались выгодами состоянія гражданскаго, и могли быть предметомъ зависти (83). Люди грубые, полудикіе, не знають духа народнаго, и хотятъ лучше вдругъ отнять, нежели медленно присвоить себѣ такія выгоды мирнымъ трудолюбіемъ. Сіе междоусобіе предавало Славянъ Россійскихъ въ жертву внѣшнимъ непріятелямъ.

Междоусобіе Славянъ Россійскихъ.

Обры или Авары, въ VI и VII вѣкѣ господствуя въ Дакіи, повелѣвали и Дулѣбами, обитавшими на Бугѣ; нагло оскорбляли цѣломудріе женъ Славянскихъ и впрягали ихъ, вмѣсто воловъ и коней, въ свои колесницы; но сіи варвары, *великіе тѣломъ и гордые умомъ* (пишетъ Несторъ), исчезли въ нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы, и гибель ихъ долго была пословицею въ землѣ Русской (84). — Скоро явились другіе завоеватели: на Югѣ Козары, Варяги на Сѣверѣ.

Господство и гибель Обровъ.

Козары.

Козары или Хазары, единоплеменные съ Турками, издревле обитали на западной сто-

ронѣ Каспійскаго моря, называемаго Хазарскимъ въ Географіяхъ Восточныхъ [85]. Еще съ третьяго столѣтія они извѣстны по Арменскимъ лѣтописямъ: Европа же узнала ихъ въ четвертомъ вѣкѣ вмѣстѣ съ Гуннами, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, на степяхъ Астраханскихъ. Аттила властвовалъ надъ ними: Болгары также, въ исходѣ V вѣка; но Козары, все еще сильные, опустошали между тѣмъ южную Азію, и Хозрой, Царь Персидскій, долженъ былъ заградить отъ нихъ свои области огромною стѣною, славною въ лѣтописяхъ подъ именемъ Кавказской, и донынѣ еще удивительною въ своихъ развалинахъ [86]. Въ VII вѣкѣ они являются въ Исторіи Византійской съ великимъ блескомъ и могуществомъ, даютъ многочисленное войско въ помощь Императору (который изъ благодарности надѣлъ Діадиму Царскую на ихъ Кагана или Хакана [87], именуя его сыномъ своимъ); два раза входятъ съ нимъ въ Персію, нападаютъ на Угровъ, Болгаровъ, ослабленныхъ раздѣломъ сыновей Кувратовыхъ, и покоряютъ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, Фанагорію, Воспоръ и большую часть Тавриды, называемой потомъ нѣсколько вѣковъ *Козаріею* [88]. Слабая Греція не смѣла отражать новыхъ завоевателей: ея Цари искали убѣжища въ ихъ станахъ, дружбы и родства съ Каганами; въ знакъ своего къ нимъ почтенія украшались въ нѣкоторые

торжественные дни одеждою Козарскою, и стражу свою составили изъ сихъ храбрыхъ Азіатцевъ. Имперія въ самомъ дѣлѣ могла хвалиться ихъ дружбою; но оставляя въ покоѣ Константинополь, они свирѣпствовали въ Арменіи, Иверіи, Мидіи; вели кровопролитныя войны съ Аравитянами, тогда уже могущественными, и нѣсколько разъ побѣждали ихъ знаменитыхъ Калифовъ.

Разсѣянныя племена Славянскія не могли противиться такому непріятелю, когда онъ силу оружія своего въ исходѣ VII вѣка, или уже въ VIII, обратилъ къ берегамъ Днѣпра и самой Оки. Жители Кіевскіе, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи признали надъ собою власть Каганову. „Кіевляне — пишетъ Несторъ — „дали своимъ завоевателямъ по *мечу съ дыма*, „и мудрые старцы Козарскіе въ горестномъ „предчувствіи сказали: *мы будемъ данниками* „*сихъ людей: ибо мечи ихъ остры съ объ-* „*ихъ сторонъ, а наши сабли имѣютъ одно* „*лезвее.*“ Басня изобрѣтенная уже въ счастливыя времена оружія Россійскаго, въ X или XI вѣкѣ! По крайней мѣрѣ завоеватели *не удовольствовались мечами*, но обложили Славянъ иною данію, и брали, какъ говоритъ самъ Лѣтописецъ, по бѣлкѣ съ дома (89): налогъ весьма естественный въ земляхъ сѣверныхъ, гдѣ теплая одежда бываетъ одною изъ главныхъ потребностей человѣка, и гдѣ промышленность людей ограничивалась только необходимымъ для жизни. Славяне, долго грабивъ

за Дунаемъ владѣнія Греческія, знали цѣну золота и серебра; но сіи металлы не были еще въ народномъ употребленіи между ими. Козары искали золота въ Азіи, и получали его въ даръ отъ Императоровъ; въ Россіи же, богатой единственно дикими произведеніями Натуры, довольствовались подданствомъ жителей и обычаю ихъ звѣриной ловли. Иго сихъ завоевателей, кажется, не угнетало Славянъ: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ нашъ, изобразивъ бѣдствія, претерпѣнныя народомъ его отъ жестокости Обровъ, не говоритъ ничего подобнаго о Козарахъ. Все доказываетъ, что они имѣли уже обычаи гражданскіе. Ханы ихъ жили издавна въ Балангіарѣ или Ателѣ (богатой и многолюдной столицѣ, основанной близъ Волжскаго устья Хозроемъ, Царемъ Персидскимъ), а послѣ въ знаменитой купечествомъ Тавридѣ. Гунны и другіе Азіатскіе варвары любили только разрушать города: но Козары требовали искусныхъ зодчихъ отъ Греческаго Императора Ѳеофила и построили на берегу Дона, въ нынѣшней землѣ Козаковъ, крѣпость Саркелъ для защиты владѣній своихъ отъ набѣга кочующихъ народовъ; вѣроятно, что *Каганово городище*, близъ Харькова, и другія, называемыя *Козарскими*, близъ Воронежа, суть также памятники ихъ древнихъ, хотя и неизвѣстныхъ намъ городовъ. Бывъ сперва идолопоклонники, они въ осьмомъ столѣтіи приняли Вѣру Іудейскую, а въ 858

Христіанскую (90). . . . Ужасая Монарховъ Персидскихъ, самыхъ грозныхъ Калифовъ, и покровительствуя Императоровъ Греческихъ, Козары не могли предвидѣть, что Славяне, порабощенные ими безъ всякаго кровопролитія, испровергнутъ ихъ сильную Державу.

Но могущество нашихъ предковъ на Югѣ долженствовало быть слѣдствіемъ подданства ихъ на Сѣверѣ. Козары не властвовали въ Россіи далѣе Оки: Новогородцы, Кривичи были свободны до 859 года. Тогда — замѣтимъ сіе *первое хронологическое* показаніе въ Несторѣ — какіе-то смѣлые и храбрые завоеватели, именуемые въ нашихъ лѣтописяхъ Варягами, пришли изъ-за Бальтійскаго моря и наложили дань на Чудь, Славянъ Ильменскихъ, Кривичей, Мерю, и хотя были чрезъ два года изгнаны ими, но Славяне, утомленные внутренними раздорами, въ 862 году снова призвали къ себѣ трехъ братьевъ Варяжскихъ, отъ *племени Русскаго*, которые сдѣлались первыми Властителями въ нашемъ древнемъ отечествѣ, и по которымъ оно стало именоваться *Русью* (91). — Сіе происшествіе важное, служащее основаніемъ Исторіи и величія Россіи, требуетъ отъ насъ особеннаго вниманія и разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ.

Варяги.

Русь.

Прежде всего рѣшимъ вопросъ: кого именуетъ Несторъ Варягами? Мы знаемъ, что Бальтійское море издревле называлось въ Россіи *Варяжскимъ* (92): кто же въ сіе вре-

мя — то есть, въ девятомъ вѣкѣ — господствовалъ на водахъ его? Скандинавы, или жители трехъ Королевствъ, Даніи, Норвегіи и Швеціи, единоплеменные съ Готѳами. Они, подъ общимъ именемъ Нормановъ или *Сѣверныхъ людей*, громили тогда Европу (93). Еще Тацитъ упоминаетъ о мореходствѣ Свеоновъ или Шведовъ; еще въ шестомъ вѣкѣ Датчане приплывали къ берегамъ Галліи (94): въ концѣ осьмаго слава ихъ уже вездѣ гремѣла, и флаги Скандинавскіе, развѣваясь предъ глазами Карла Великаго, смиряли гордость сего Монарха, который съ досадою видѣлъ, что Норманы презираютъ власть и силу его. Въ девятомъ вѣкѣ они грабили Шотландію, Англію, Францію, Андалузію, Италію; утвердились въ Ирландіи и построили тамъ города, которые донынѣ существуютъ; въ 911 году овладѣли Нормандіею; наконецъ основали Королевство Неаполитанское, и подъ начальствомъ храбраго Вильгельма въ 1066 году покорили Англію. Мы уже говорили о древнемъ ихъ плаваніи вокругъ Нордъ-Капа или Сѣвернаго мыса: нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что они за 500 лѣтъ до Коломба открыли полуночную Америку и торговали съ ея жителями (95). Предпринимая такія отдаленныя путешествія и завоеванія, могли ли Норманы оставить въ покоѣ страны ближайшія: Эстонію, Финляндію и Россію? Не льзя, конечно, вѣрить Датскому Истори-

ку Саксону Грамматику, именующему Государей, которые будто бы царствовали въ нашемъ отечествѣ прежде Рождества Христова и вступали въ родственные союзы съ Королями Скандинавскими (96): ибо Саксонъ не имѣлъ никакихъ историческихъ памятниковъ для описанія сей глубокой древности, и замѣнялъ оные вымыслами своего вообраafженія; не льзя также вѣрить и баснословнымъ *Исландскимъ повѣстямъ*, сочиненнымъ, какъ мы уже замѣтили, въ новѣйшія времена и не рѣдко упоминающимъ о древней Россіи, которая называется въ нихъ Острагардомъ, Гардарикіею, Гольмагардомъ и Грециіею: но Руническіе камни, находимые въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, и гораздо древнѣйшіе Христіанства, введеннаго въ Скандинавіи около десятаго вѣка, доказываютъ своими надписями (въ коихъ именуется Girkia, Grikia или Россія), что Норманы давно имѣли съ нею сообщеніе (97). А какъ въ то время, когда, по извѣстію Несторовой лѣтописи, Варяги овладѣли странами Чуди, Славянъ, Кривичей и Мери, не было на Сѣверѣ другаго народа, кромѣ Скандинавовъ, столь отважнаго и сильнаго, чтобы завоевать всю обширную землю отъ Балтійскаго моря до Ростова (жилища Мери): то мы уже съ великою вѣроятностію заключить можемъ, что Лѣтописецъ нашъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ Варяговъ. Но сія вѣроятность обращается въ совершенное удостовѣреніе, ко-

гда прибавимъ къ ней слѣдующія обстоятельства.

I. Имена трехъ Князей Варяжскихъ — Рюрика, Синеуса, Трувора — призванныхъ Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманскія: такъ въ лѣтописяхъ Франкскихъ около 850 года — что достойно замѣчанія — упоминается о трехъ *Рорикахъ*: одинъ названъ Вождемъ Датчанъ, другой Королемъ (Rex) Норманскимъ, третій просто Норманомъ(98); они воевали берега Фландріи, Эльбы и Рейна. Въ Саксонѣ Грамматикѣ, въ Стурлезонѣ и въ *Исландскихъ повѣстяхъ*, между именами Князей и Витязей Скандинавскихъ, находимъ *Рурика, Рерика, Трувара, Труври, Сніо, Синія*. — II. Русскіе Славяне, будучи подъ владѣніемъ Князей Варяжскихъ, назывались въ Европѣ *Норманами*: что утверждено свидѣтельствомъ Ліутпранда, Кремонскаго Епископа, бывшаго въ десятомъ вѣкѣ два раза Посломъ въ Константинополѣ. „Руссовъ, говоритъ онъ, „именуемъ и Норманами (99).“ — III. Цари Греческіе имѣли въ первомъ-надесять вѣкѣ особенныхъ тѣлохранителей, которые назывались *Варягами*, βαραγγι а по своему Wäringar, и состояли большею частію изъ Нормановъ (100). Слово Vaere, Vara, есть древнее Готѳское и значитъ *союзъ*: толпы Скандинавскихъ витязей, отправляясь въ Россію и въ Грецію искать счастія, могли именовать себя Варягами въ смыслѣ *союзниковъ* или товарищей(101). Сіе нарицательное имя обратилось въ соб-

ственное. — IV. Константинъ Багрянородный, царствовавшій въ десятомъ вѣкѣ, описывая сосѣдственныя съ Имперіею земли, говоритъ о порогахъ Днѣпровскихъ и сообщаетъ имена ихъ на *Славянскомъ* и *Русскомъ* языкѣ. Русскія имена кажутся Скандинавскими; по крайней мѣрѣ не могутъ быть изъяснены иначе (102). — V. Законы, данные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма сходны съ Норманскими. Слова *Тіунъ*, *Вира* и прочія, которыя находятся въ *Русской Правдѣ*, суть древнія Скандинавскія или Нѣмецкія (о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ). — VI. Самъ Несторъ повѣствуетъ, что Варяги живутъ на морѣ Балтійскомъ къ Западу (103), и что они разныхъ народовъ: Урмяне, Свіе, Англяне, Готы. Первое имя въ особенности означаетъ Норвежцевъ, второе Шведовъ, а подъ Готами Несторъ разумѣетъ жителей Шведской Готіи. Англяне же причислены имъ къ Варягамъ для того, что они вмѣстѣ съ Норманами составляли Варяжскую дружину въ Константинополѣ (104). И такъ сказаніе нашего собственнаго Лѣтописца подтверждаетъ истину, что Варяги его были Скандинавы (105).

Но сіе общее имя Датчанъ, Норвежцевъ, Шведовъ, не удовлетворяетъ любопытству Историка: мы желаемъ знать, какой народъ, въ особенности называясь *Русью*, далъ отечеству нашему и первыхъ Государей и самое имя, уже въ концѣ девятаго вѣка страшное

для Имперіи Греческой? Напрасно въ древнихъ лѣтописяхъ Скандинавскихъ будемъ искать объясненія: тамъ нѣтъ ни слова о Рюрикѣ и братьяхъ его, призванныхъ властвовать надъ Славянами (106); однакожъ Историки находятъ основательныя причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали въ Королевствѣ Шведскомъ, гдѣ одна приморская область изъ давна именуется *Росскою*, Ros-lagen (107). Жители ея могли въ VII, VIII или IX вѣкѣ быть извѣстны, въ земляхъ сосѣдственныхъ, подъ особеннымъ названіемъ, такъ же, какъ и Готландцы, коихъ Несторъ всегда отличаетъ отъ Шведовъ (108). Финны, имѣя нѣкогда съ *Рос*-лагеномъ болѣе сношенія, нежели съ прочими странами Швеціи, донынѣ именуютъ *всѣхъ* ея жителей вообще *Россами*, *Ротсами*, *Руотсами* (109). — Сіе мнѣніе основывается еще на любопытномъ свидѣтельствѣ историческомъ.

Въ Бертинскихъ Лѣтописяхъ, изданныхъ Дюшеномъ, между случаями 839 года описывается слѣдующее происшествіе: (110) „Греческій Императоръ Ѳеофилъ прислалъ Пословъ къ Императору Франковъ, Людовику „*Благонравному*, и съ ними людей, кото„рые называли себя *Россами* (Rhos), а Короля „своего Хаканомъ (или Гаканомъ), и пріѣз„жали въ Константинополь для заключенія „дружественнаго союза съ Имперіею. Ѳео„филъ въ грамотѣ своей просилъ Людовика, „чтобы онъ далъ имъ способъ безопасно

,,возвратиться въ ихъ отечество: ибо они ,,ѣхали въ Константинополь чрезъ земли ,,многихъ дикихъ, варварскихъ и свирѣпыхъ ,,народовъ: для чего Ѳеофилъ не хотѣлъ сно- ,,ва подвергнуть ихъ такимъ опасностямъ. ,,Людовикъ, расспрашивая сихъ людей, узналъ, ,,что они принадлежатъ къ народу *Швед-* ,,*скому*.“ — Гаканъ былъ конечно однимъ изъ Владѣтелей Швеціи, раздѣленной тогда на маленькія области, и свѣдавъ о славѣ Им- ператора Греческаго, вздумалъ отправить къ нему Пословъ.

Сообщимъ и *другое* мнѣніе съ его доказа- тельствами. Въ *Степенной Книгѣ* XVI вѣка и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями вышелъ *изъ Пруссіи*, гдѣ издавна назывались Курскій заливъ *Русною*, сѣверный рукавъ Нѣмена или Мемеля *Руссою*, окрестности же ихъ *Порусьемъ*. Варяги-Русь могли переселиться туда изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, изъ самаго Рослагена, согласно съ извѣстіемъ древнѣй- шихъ Лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ, что ея первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были въ гражданскомъ состояніи образованы Скандинавскими выходцами, ко- торые умѣли читать и писать. Долго оби- тавъ между Латышами, они могли разумѣть языкъ Славянскій и тѣмъ удобнѣе примѣ- ниться къ обычаямъ Славянъ Новогородскихъ. Симъ удовлетворительно изъясняется, отъ чего въ древнемъ Новѣгородѣ одна изъ мно-

голюднѣйшихъ улицъ называлась Прусскою. Замѣтимъ также свидѣтельство Географа Равенскаго: онъ жилъ въ VII вѣкѣ, и пишетъ, что близъ моря, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Висла, есть отечество *Роксоланъ* (111): думаютъ, нашихъ Россовъ, коихъ владѣніе могло простираться отъ Курскаго залива до устья Вислы. — Вѣроятность остается вѣроятностію: по крайней мѣрѣ знаемъ, что какой-то народъ *Шведскій* въ 839 году, слѣдственно еще до пришествія Князей Варяжскихъ въ землю Новогородскую и Чудскую, именовался въ Константинополѣ и въ Германіи *Россами* (112).

Предложивъ отвѣтъ на вопросъ: *кто были Варяги* вообще и *Варяги-Русь* въ особенности (113)? скажемъ мнѣніе свое о Несторовой Хронологіи. Не скоро Варяги могли овладѣть всею обширною страною отъ Бальтійскаго моря до Ростова, гдѣ обиталъ народъ Меря; не скоро могли въ ней утвердиться, такъ, чтобы обложить всѣхъ жителей данію; не вдругъ могли Чудь и Славяне соединиться для изгнанія завоевателей, и всего труднѣе вообразить, чтобы они, освободивъ себя отъ рабства, *немедленно* захотѣли снова отдаться во власть чужеземцевъ: но Лѣтописецъ обьявляетъ, что Варяги пришли отъ Бальтійскаго моря въ 859 году, и что въ 862 Варягъ Рюрикъ и братья его уже княжили въ Россіи полунощной (114)! . . Междоусобіе и внутреннiе без-

порядки открыли Славянамъ опасность и вредъ народнаго правленія; но не знавъ инаго въ теченіе многихъ столѣтій, уже ли въ *нѣсколько мѣсяцевъ* они возненавидѣли его и единодушно увѣрились въ пользѣ Самодержавія? Для сего надлежало бы, кажется, перемѣниться обычаямъ и нравамъ; надлежало бы имѣть опытность долговременную въ несчастіяхъ: но обычаи и нравы не могли перемѣниться въ два года Варяжскаго правленія, до котораго они, по словамъ Нестора, умѣли довольствоваться древними законами отцевъ своихъ (115). Что вооружило ихъ противъ Норманскихъ завоевателей? Любовь къ независимости — и вдругъ сей народъ требуетъ уже Властителей? .. Историкъ долженъ по крайней мѣрѣ изъявить сомнѣніе и признать вѣроятною мысль нѣкоторыхъ ученыхъ мужей, полагающихъ, что Норманы ранѣе 859 года брали дань съ Чуди и Славянъ (116). Какъ Несторъ могъ знать годы происшествій за 200 и болѣе лѣтъ до своего времени? Славяне, по его же извѣстію, тогда еще не вѣдали употребленія буквъ (117): слѣдственно онъ не имѣлъ никакихъ письменныхъ памятниковъ для нашей *древней* Исторіи, и счисляетъ годы со времень Императора Михаила, какъ самъ говоритъ, для того, что Греческіе Лѣтописцы относятъ первое нашествіе Россіянъ на Константинополь къ Михаилову царствованію (118). Изъ сего едва ли не должно заключить, что Не-

споръ по одной догадкѣ, по одному вѣроятному соображенію съ извѣстіями Византійскими, хронологически расположилъ начальныя происшествія въ своей лѣтописи. Самая краткость его въ описаніи временъ Рюриковыхъ и слѣдующихъ заставляетъ думать, что онъ говоритъ о томъ единственно по изустнымъ преданіямъ, всегда немногословнымъ. Тѣмъ достовѣрнѣе сказаніе нашего Лѣтописца въ разсужденіи главныхъ случаевъ: ибо сія краткость доказываетъ, что онъ не хотѣлъ прибѣгать къ вымысламъ; но лѣтосчисленіе дѣлается сомнительнымъ. При Дворѣ Великихъ Князей, въ ихъ дружинѣ отборной и въ самомъ народѣ долженствовала храниться память Варяжскаго завоеванія и первыхъ Государей Россіи; но вѣроятно ли, чтобы старцы и Бояре Княжескіе, коихъ разсказы служили, можетъ быть, основаніемъ нашей древнѣйшей лѣтописи, умѣли съ точностію опредѣлить годъ каждаго случая? Положимъ, что языческіе Славяне, замѣчая лѣта какими нибудь знаками, имѣли вѣрную Хронологію (119): одно ея соображеніе съ Хронологіею Византійскою, принятою ими вмѣстѣ съ Христіанствомъ, не могло ли ввести нашего перваго Лѣтописца въ ошибку? — Впрочемъ мы не можемъ замѣнить лѣтосчисленія Несторова другимъ вѣрнѣйшимъ; не можемъ ни рѣшительно опровергнуть (120), ни исправить его, и для того, слѣдуя оному во всѣхъ случаяхъ, начина-

емъ Исторію Государства Россійскаго съ 862 года.

Но прежде должно имѣть понятіе о *древнемъ* характерѣ народа Славянскаго *вообще*, чтобы Исторія Славянъ Россійскихъ была для насъ и яснѣе и любопытнѣе. Воспользуемся извѣстіями современныхъ Византійскихъ и другихъ, не менѣе достовѣрныхъ Лѣтописцевъ, прибавивъ къ нимъ сказанія Несторовы о нравахъ предковъ нашихъ въ *особенности*.

ГЛАВА III.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ И НРАВСТВЕННОМЪ ХАРАКТЕРѢ СЛАВЯНЪ ДРЕВНИХЪ.

Ихъ природное сложеніе и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушіе, гостепріимство. Брачное цѣломудріе. Жены и дѣти. Нравы Славянъ Россійскихъ въ особенности. Жилища. Скотоводство и земледѣліе. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Правленіе. Вѣра. Языкъ и грамота. Счисленіе. Имена мѣсяцевъ.

Не только въ степеняхъ гражданскаго образованія, въ обычаяхъ и нравахъ, въ душевныхъ силахъ и способностяхъ ума, но и въ самыхъ тѣлесныхъ свойствахъ видимъ такое различіе между народами, что остро-

умнѣйшій Писатель XVIII вѣка, Вольтеръ, не хотѣлъ вѣрить ихъ общему происхожденію отъ единаго корня или племени. Другіе, безъ сомнѣнія справедливѣе и сообразнѣе съ нашими Священными преданіями, изъясняютъ сіе несходство дѣйствіемъ разныхъ климатовъ и естественныхъ, невольныхъ привычекъ, которыя отъ онаго раждаются въ людяхъ. Если два народа, обитающіе подъ вліяніемъ одного неба, представляютъ намъ великое различіе въ своей наружности и въ физическихъ свойствахъ: то можемъ смѣло заключить, что они не всегда жили сопредѣльно. Климатъ умѣренный, не жаркій, даже холодный, способствуя долголѣтію, какъ замѣчаютъ Медики, благопріятствуетъ и крѣпости состава и дѣйствію силъ тѣлесныхъ. Обитатель южнаго Пояса, томимый зноемъ, отдыхаетъ болѣе, нежели трудится, — слабѣетъ въ нѣгѣ и въ праздности. Но житель полунощныхъ земель любитъ движеніе, согрѣвая имъ кровь свою; любитъ дѣятельность; привыкаетъ сносить частыя перемѣны воздуха, и терпѣніемъ укрѣпляется. Таковы были древніе Славяне по описанію современныхъ Историковъ, которые согласно изображаютъ ихъ бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственныя климату сѣверному, они сносили голодъ и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли Грековъ своею быстротою; съ чрезвычайною легкостію всхо- Сложеніе.

дили на крутизны, спускались въ разсѣлины; смѣло бросались въ опасныя болота и въ глубокія рѣки. Думая безъ сомнѣнія, что главная красота мужа есть крѣпость въ тѣлѣ, сила въ рукахъ и легкость въ движеніяхъ, Славяне мало пеклися о своей наружности: въ грязи, въ пыли, безъ всякой опрятности въ одеждѣ, являлись во многочисленномъ собраніи людей. Греки, осуждая сію нечистоту (121), хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые, подобно другимъ коренным Европейцамъ.—Сіе изображеніе Славянъ и Антовъ основано на свидѣтельствѣ Прокопія и Маврикія, которые знали ихъ въ VI вѣкѣ (122).

Храбрость. Извѣстіе Іорнанда о Венедахъ, безъ великаго труда покоренныхъ въ IV вѣкѣ Готоскимъ Царемъ Эрманарихомъ, показываетъ, что они еще не славились тогда воинскимъ искусствомъ. Послы отдаленныхъ Славянъ Бальтійскихъ, ушедшихъ изъ Баянова стана во Өракію, также описывали народъ свой тихимъ и миролюбивымъ (123); но Славяне Дунайскіе, оставивъ свое древнее отечество на Сѣверѣ, въ VI вѣкѣ доказали Греціи, что храбрость была ихъ природнымъ свойствомъ, и что она съ малою опытностію торжествуетъ надъ искусствомъ долголѣтнымъ. Византійскіе Писатели говорятъ, что Сла-

вяне удалялись нѣсколько времени отъ главныхъ сраженій въ открытыхъ поляхъ и боялись крѣпостей (124); но узнавъ, какъ ряды Легіоновъ Римскихъ могутъ быть разстроены нападеніемъ быстрымъ и смѣлымъ, уже нигдѣ не отказывались отъ битвы, и скоро научились брать мѣста укрѣпленныя. Греческія лѣтописи не упоминаютъ ни объ одномъ главномъ или общемъ Полководцѣ Славянъ: они безъ сомнѣнія имѣли Вождей, но только частныхъ; сражались не стѣною, не рядами сомкнутыми, но толпами разсѣянными, и всегда пѣшіе, слѣдуя не общему велѣнію, не единой мысли начальника, а только внушенію своей особенной, личной смѣлости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидитъ опасность и бережетъ людей, но бросаясь прямо въ средину враговъ. Чрезвычайная отважность Славянъ была столь извѣстна, что Ханъ Аварскій всегда ставилъ ихъ впереди своего многочисленнаго войска, и сіи люди неустрашимые, видя иногда измѣну хитрыхъ Аваровъ, гибли съ отчаяніемъ. — Византійскіе Историки пишутъ, что Славяне, сверхъ ихъ обыкновенной храбрости, имѣли особенное искуство биться въ ущельяхъ, скрываться въ травѣ, изумлять непріятелей мгновеннымъ нападеніемъ и брать ихъ въ плѣнъ. Такъ знаменитый Велисарій, при осадѣ Авксима, избралъ въ войскѣ своемъ Славянина, чтобы схватить и представить ему одного Готѳа

живаго. Они умѣли еще долгое время таиться въ рѣкахъ и дышать свободно посредствомъ сквозныхъ тростей, выставляя конецъ ихъ на поверхность воды. — Древнее оружие Славянское состояло въ мечахъ, дротикахъ, стрѣлахъ намазанныхъ ядомъ, и въ большихъ, весьма тяжелыхъ щитахъ (125).

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, можетъ ли въ людяхъ полудикихъ основываться на одномъ славолюбіи, сродномъ только человѣку образованному? Скажемъ смѣло, что она была въ мірѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣтель, которая утверждаетъ благоденствіе Государствъ: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, ободренные воинскими успѣхами, чрезъ нѣкоторое время долженствовали открыть въ себѣ гордость народную, благородный источникъ дѣлъ славныхъ: отвѣтъ Лавритаса Послу Баянову доказываетъ уже сію великодушную гордость (126); но что могло сначала вооружить ихъ противъ Римлянъ? Не желаніе славы, а желаніе добычи, которою пользовались Готфы, Гунны и другіе народы: ей жертвовали Славяне своею жизнію, и никакимъ другимъ варварамъ не уступали въ хищности. Поселяне Римскіе, слыша о переходѣ войска ихъ за Дунай, оставляли домы свои и спасались бѣгствомъ въ Константинополь со всѣмъ имѣніемъ; туда же спѣшили и Священники съ драгоцѣнною утварію церков-

Хищность.

ною [127]. Иногда, гонимые сильнѣйшими Легіонами Имперіи, и не имѣя надежды спасти добычу, Славяне бросали ее въ пламя, и врагамъ своимъ оставляли на пути однѣ кучи пепла. Многіе изъ нихъ, не боясь поиска Римлянъ, жили на полуденныхъ берегахъ Дуная въ пустыхъ замкахъ или пещерахъ, грабили селенія, ужасали земледѣльцевъ и путешественниковъ [128].—Лѣтописи VI вѣка изображаютъ самыми черными красками жестокость Славянъ въ разсужденіи Грековъ [129]; но сія жестокость, свойственная впрочемъ народу необразованному и воинственному, была также и дѣйствіемъ мести. Греки, озлобленные ихъ частыми нападеніями, безжалостно терзали Славянъ, которые попадались имъ въ руки, и которые сносили всякое истязаніе съ удивительною твердостію, безъ вопля и стона; умирали въ мукахъ и не отвѣтствовали ни слова на распросы врага о числѣ и замыслахъ войска ихъ [130]. — Такимъ образомъ Славяне свирѣпствовали въ Имперіи и не щадили собственной крови для пріобрѣтенія драгоцѣнностей, имъ ненужныхъ: ибо они — вмѣсто того, чтобы пользоваться ими — обыкновенно зарывали ихъ въ землю [131].

Жестокость.

Сіи люди, на войнѣ жестокіе, оставляя въ Греческихъ владѣніяхъ долговременную память ужасовъ ея, возвращались домой съ однимъ своимъ природнымъ добродушіемъ. Современный Историкъ говоритъ, что они

Добродушіе.

не знали ни лукавства, ни злости[132]; хранили древнюю простоту нравовъ, неизвѣстную тогдашнимъ Грекамъ; обходились съ плѣнными дружелюбно и назначали всегда срокъ для ихъ рабства, отдавая имъ на волю, или выкупить себя и возвратиться въ отечество, или жить съ ними въ свободѣ и братствѣ.

Гостепріимство.

Столь же единогласно хвалятъ лѣтописи общее гостепріимство Славянъ, рѣдкое въ другихъ земляхъ и донынѣ весьма обыкновенное во всѣхъ Славянскихъ: такъ слѣды древнихъ обычаевъ сохраняются въ теченіе многихъ вѣковъ, и самое отдаленное потомство наслѣдуетъ нравы своихъ предковъ. Всякой путешественникъ былъ для нихъ какъ бы священнымъ: встрѣчали его съ ласкою, угощали съ радостію, провожали съ благословеніемъ и сдавали другъ другу на руки. Хозяинъ отвѣтствовалъ народу за безопасность чужеземца, и кто не умѣлъ сберечь гостя отъ бѣды или непріятности, тому мстили сосѣды за сіе оскорбленіе какъ за собственное [133]. Славянинъ, выходя изъ дому, оставлялъ дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посѣщали Славянъ, между которыми не было для нихъ ни воровъ, ни разбойниковъ [134]; но бѣдному человѣку, неимѣвшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у сосѣда богатаго: важный долгъ гостепріимства оправдывалъ и самое пре-

ступленіе. Не льзя видѣть безъ удивленія сію кроткую добродѣтель—можно сказать—*обожаемую* людьми столь грубыми и хищными, каковы были Дунайскіе Славяне. Но если и добродѣтели и пороки народные всегда происходятъ отъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ и случаевъ, то не можно ли заключить, что Славяне были нѣкогда облаготворены иностранцами; что признательность вселила въ нихъ любовь къ гостепріимству, а время обратило его въ обыкновеніе и законъ священный? . . Здѣсь представляются мыслямъ нашимъ славные Финикіяне, которые за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова могли торговать съ Бальтійскими Венедами, и быть ихъ наставниками въ счастливыхъ изобрѣтеніяхъ ума гражданскаго [135].

Брачное цѣломудріе.

Древніе Писатели хвалятъ цѣломудріе не только женъ, но и мужей Славянскихъ. Требуя отъ невѣстъ доказательства ихъ дѣвственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть вѣрными супругамъ [136]. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ повѣствуютъ, что Славянки не хотѣли переживать мужей, и добровольно сожигались на кострѣ съ ихъ трупами. Вдова живая безчестила семейство. Думаютъ, что сіе варварское обыкновеніе, истребленное только благодѣтельнымъ ученіемъ Христіанской Вѣры, введено было Славянами (равно какъ и въ Индіи) для отвращенія тай-

ныхъ мужеубійствъ: осторожность ужасная не менѣе самаго злодѣянія, которое предупреждалось ею! Они считали женъ совершенными рабами, во всякомъ случаѣ безотвѣтными; не дозволяли имъ ни противорѣчить себѣ, ни жаловаться; обременяли ихъ трудами, заботами хозяйственными, и воображали, что супруга, умирая вмѣстѣ съ мужемъ, должна служить ему и на томъ свѣтѣ. Сіе рабство женъ происходило, кажется, отъ того, что мужья обыкновенно покупали ихъ: обычай донынѣ соблюдаемый въ Иллиріи (137). Удаленныя отъ дѣлъ народныхъ, Славянки ходили иногда на войну съ отцами и супругами, не боясь смерти: такъ при осадѣ Константинополя въ 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многіе женскіе трупы (138). Мать, воспитывая дѣтей, готовила ихъ быть воинами и непримиримыми врагами тѣхъ людей, которые оскорбили ея ближнихъ: ибо Славяне, подобно другимъ народамъ языческимъ, стыдились забывать обиду. Страхъ неумолимой мести отвращалъ иногда злодѣянія: въ случаѣ убійства не только самъ преступникъ, но и весь родъ его безпрестанно ожидалъ своей гибели отъ дѣтей убитаго, которыя требовали крови за кровь (139).

Жены.

Говоря о жестокихъ обычаяхъ Славянъ языческихъ, Историкъ долженъ еще замѣтить, что всякая мать имѣла у нихъ право умертвить новорожденную дочь, когда семей-

Дѣти.

ство было уже слишкомъ многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденнаго служить отечеству (140). Сему обыкновенію не уступало въ жестокости другое: право дѣтей умерщвлять родителей, обремененныхъ старостію и болѣзнями, тягостныхъ для семейства и безполезныхъ согражданамъ (141). Такъ народы самые добродушные, безъ правилъ ума образованнаго и Вѣры истинной, съ спокойною совѣстію могутъ ужасать Природу своими дѣлами, и превосходить звѣрей въ лютости! Сіи дѣти, слѣдуя общему примѣру какъ закону древнему, не считали себя извергами: они, напротивъ того, славились почтеніемъ къ родителямъ, и всегда пеклись объ ихъ благосостояніи (142).

Нравы Славянъ Россійскихъ.

Къ описанію общаго характера Славянъ прибавимъ, что Несторъ особенно говоритъ о нравахъ Славянъ Россійскихъ. Поляне были образованнѣе другихъ, кротки и тихи обычаемъ; стыдливость украшала ихъ женъ; бракъ издревле считался святою обязанностію между ими; миръ и цѣломудріе господствовали въ семействахъ. Древляне же имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими они жили среди лѣсовъ темныхъ, питаясь всякою нечистотою; въ распряхъ и ссорахъ убивали другъ друга; не знали браковъ, основанныхъ на взаимномъ согласіи родителей и супруговъ, но уводили или похищали дѣвицъ. — Сѣверяне, Радимичи и Вятичи сходствовали нравомъ съ Древлянами; также не

вѣдали ни цѣломудрія, ни союзовъ брачныхъ; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селеніями: женихи выбирали невѣстъ, и безъ всякихъ обрядовъ соглашались жить съ ними вмѣстѣ; многоженство было у нихъ въ обыкновеніи (143).

Сіи три народа, подобно Древлянамъ, обитали во глубинѣ лѣсовъ, которые были ихъ защитою отъ непріятелей и представляли имъ удобность для звѣриной ловли (144). То же самое говоритъ Исторія VI вѣка о Славянахъ Дунайскихъ. Они строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ, такъ, что иностранецъ не могъ путешествовать въ ихъ землѣ безъ вожатаго. Безпрестанно ожидая врага, Славяне брали еще и другую осторожность: дѣлали въ жилищахъ своихъ разные выходы, чтобъ имъ можно было, въ случаѣ нападенія, тѣмъ скорѣе спастися бѣгствомъ, и скрывали въ глубокихъ ямахъ не только всѣ драгоцѣнныя вещи, но и самый хлѣбъ.

Жилища.

Ослѣпленные безразсуднымъ корыстолюбіемъ, они искали мнимыхъ сокровищъ въ Греціи, имѣя въ странѣ своей, въ Дакіи и въ окрестностяхъ ея, истинное богатство людей (145): тучные луга для скотоводства и земли плодоносныя для хлѣбопашества, въ коемъ они издревле упражнялись, и которое вывело ихъ — можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова

Скотоводство и земледѣліе.

— изъ дикаго, кочеваго состоянія: ибо сіе благодѣтельное искусство было вездѣ первымъ шагомъ человѣка къ жизни гражданской, вселило въ него привязанность къ одному мѣсту и къ домашнему крову, дружество къ сосѣду и наконецъ самую любовь къ отечеству. — Думаютъ, что Славяне узнали скотоводство только въ Дакіи: ибо слово *пастырь* есть Латинское, слѣдственно заимствованное ими отъ жителей сей земли, гдѣ языкъ Римлянъ былъ въ употребленіи (146); но сія мысль кажется неосновательною. Будучи въ сѣверномъ своемъ отечествѣ сосѣдами народовъ Германскихъ, Скиѳскихъ и Сарматскихъ, богатыхъ скотоводствомъ, Венеды или Славяне долженствовали издревле вѣдать сіе важное изобрѣтеніе человѣческаго хозяйства, едва ли не вездѣ предупредившее науку земледѣлія. — Пользуясь уже тѣмъ и другимъ, они имѣли все нужное для человѣка; не боялись ни голода, ни свирѣпостей зимы: поля и животныя давали имъ пищу и одежду. Въ VI вѣкѣ Славяне питались просомъ, гречихою и молокомъ; Пища. а послѣ выучились готовить разныя вкусныя яства, не жалѣя ничего для веселаго угощенія друзей, и доказывая въ такомъ случаѣ свое радушіе изобильною трапезою: обыкновеніе, еще и нынѣ наблюдаемое потомствомъ Славянскимъ. Медъ былъ ихъ любимымъ питіемъ; вѣроятно, что они сначала дѣлали его изъ меду лѣсныхъ, дикихъ пчелъ;

а наконецъ и сами разводили ихъ [147]. — Венеды, по извѣстiю Тацитову, не отличались одеждою отъ Германскихъ народовъ, т. е. едва закрывали наготу свою. Славяне въ VI вѣкѣ сражались безъ кафтановъ, нѣкоторые даже безъ рубахъ, въ однихъ портахъ. Кожи звѣрей, лѣсныхъ и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисеромъ и металлами, добытыми на войнѣ или вымѣненными у купцевъ иностранныхъ [148].

Одежда.

Сiи купцы, пользуясь совершенною безопасностiю въ земляхъ Славянскихъ, привозили имъ товары и мѣняли ихъ на скотъ, полотно, кожи, хлѣбъ и разную воинскую добычу. — Въ VIII вѣкѣ Славяне сами ѣздили для купли и продажи въ чужiя земли. Карлъ Великiй поручилъ торговлю съ ними въ Нѣмецкихъ городахъ особенному надзиранiю своихъ чиновниковъ [149]. Въ среднихъ вѣкахъ цвѣли уже нѣкоторые торговые города Славянскiе: Виннета или Юлинъ [150] при устьѣ Одера, Аркона на островѣ Рюгенѣ, Деминъ, Волгастъ въ Померанiи, и другiе. Первую описываетъ Гельмольдъ слѣдующимъ образомъ: „Тамъ, гдѣ рѣка Одеръ впадаетъ въ море „Балтiйское, славилась нѣкогда Виннета, „лучшая пристань для народовъ сосѣдственныхъ. О семъ городѣ разсказываютъ много „удивительнаго; увѣряютъ, что онъ превосходилъ величiемъ всѣ иные города Европейскiе . . . Саксонцы могли обитать въ немъ,

Торговля.

„но долженствовали таить Христіанскую „Вѣру свою: ибо граждане Виннеты усердно „слѣдовали обрядамъ язычества; впрочемъ не „уступали ни какому народу въ честности, „добронравіи и ласковомъ гостепріимствѣ. „Обогащенная товарами разныхъ земель, Вин-„нета изобиловала всѣмъ пріятнымъ и рѣд-„кимъ. Повѣствуютъ, что Король Датскій, „пришедшій съ флотомъ сильнымъ, разру-„шилъ ее до основанія; но и нынѣ — т. е. въ „XII вѣкѣ — существуютъ остатки сего „древняго города.“ Впрочемъ торговля Сла-вянъ, до введенія Христіанства въ ихъ зем-ляхъ, состояла только въ обмѣнѣ вещей: они не употребляли денегъ, и брали зо-лото отъ чужестранцевъ единственно какъ товаръ (151).

Бывъ въ Имперіи, и видѣвъ собственными глазами изящныя творенія Греческихъ худо-жествъ, наконецъ строя города и занимаясь торговлею, Славяне долженствовали имѣть нѣкоторое понятіе объ искусствахъ, соеди-ненныхъ съ первыми успѣхами разума граждан-скаго. Они вырѣзывали на деревѣ образы че-ловѣка, птицъ, звѣрей, и красили ихъ раз-ными цвѣтами, которые не измѣнялись отъ солнечнаго жара и не смывались дождемъ. Въ древнихъ могилахъ Вендскихъ нашлися многія глиняныя урны, весьма хорошо сдѣ-ланныя, съ изображеніемъ львовъ, медвѣдей, орловъ, и покрытыя лакомъ; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные,

Искусства.

съ серебряною оправою и насѣчкою [152]. Чехи за долго до временъ Карла Великаго занимались уже рудокопанiемъ [153], и въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, на южной сторонѣ Толлензскаго озера, въ Прильвицѣ, найдены въ XVII вѣкѣ мѣдные истуканы боговъ Славянскихъ, работы ихъ собственныхъ художниковъ, которые впрочемъ не имѣли понятiя о красотѣ металлическихъ изображенiй, отливая голову, станъ и ноги въ разныя формы, и весьма грубо [154]. Такъ было и въ Грецiи, гдѣ во времена Гомеровы художники уже славились ваянiемъ, но еще долго не умѣли отливать статуй въ одну форму. — Памятникомъ каменосѣчнаго искусства древнихъ Славянъ остались большiя, гладко обдѣланныя плиты, на коихъ выдолблены изображенiя рукъ, пятъ, копытъ и проч.

Зодчество.

Любя воинскую дѣятельность и подвергая жизнь свою безпрестаннымъ опасностямъ, предки наши мало успѣвали въ зодчествѣ, требующемъ времени, досуга, терпѣнiя, и не хотѣли строить себѣ домовъ прочныхъ: не только въ шестомъ вѣкѣ, но и гораздо послѣ обитали въ шалашахъ, которые едва укрывали ихъ отъ непогодъ и дождя. Самые города Славянскiе были не что иное, какъ собранiе хижинъ, окруженныхъ заборомъ или землянымъ валомъ. Тамъ возвышались храмы идоловъ, не такiя великолѣпныя зданiя, какими гордились Египетъ, Грецiя и Римъ, но большiе деревянные кровы [155]. Венеды

называли ихъ *Гонтинами*, отъ слова *гонтъ*, донынѣ означающаго на Русскомъ языкѣ особенный родъ тесницъ, употребляемыхъ для кровли домовъ.

Не зная выгодъ роскоши, которая сооружаетъ палаты и выдумываетъ блестящія наружныя украшенія, древніе Славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствіемъ такъ называемыхъ Искусствъ Изящныхъ. Первая нужда людей есть пища и кровъ, вторая удовольствіе — и самые дикіе народы ищутъ его въ согласіи звуковъ, веселящихъ душу посредствомъ слуха. Сѣверные Венеды въ шестомъ вѣкѣ сказывали Греческому Императору, что главное услажденіе жизни ихъ есть музыка, и что они берутъ обыкновенно въ путь съ собою не оружіе, а киѳары или гусли, ими выдуманныя (156). Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предкамъ нашимъ: ибо всѣ народы Славянскіе донынѣ отмѣнно любятъ ихъ. Не только въ мирное время и въ отчизнѣ, но и въ набѣгахъ своихъ, въ виду многочисленныхъ враговъ, Славяне веселились, пѣли и забывали опасность. Такъ Прокопій, описывая въ 592 году ночное нападеніе Греческаго Вождя на ихъ войско, говоритъ, что они усыпили себя пѣснями и не взяли никакихъ мѣръ осторожности. Нѣкоторыя народныя пѣсни Славянскія въ Лаузицѣ, въ Люнебургѣ, въ Далмаціи, кажутся древними (157): также и старинные припѣвы Русскихъ, въ

Музыка.

коихъ величаются имена боговъ языческихъ и рѣки Дуная, любезнаго нашимъ предкамъ, ибо на берегахъ его искусились они нѣкогда въ воинскомъ счастіи. Вѣроятно, что сіи пѣсни, мирныя въ первобытномъ отечествѣ Венедовъ, еще незнавшихъ славы и побѣды, обратились въ воинскія, когда народъ ихъ приближился къ Имперіи, и вступилъ въ Дакію; вѣроятно, что онѣ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляли уму живыя картины битвъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія, и были въ нѣкоторомъ смыслѣ древнѣйшею Исторіею Славянскою. Такъ вездѣ раждалось Стихотворство, изображая главныя склонности народныя; такъ пѣсни самыхъ нынѣшнихъ Кроатовъ болѣе всего славятъ мужество и память великихъ предковъ; но другія, любимыя Нѣмецкими Вендами, возбуждаютъ только къ веселью и къ счастливому забвенію житейскихъ горестей; иныя же совсѣмъ не имѣютъ смысла, подобно нѣкоторымъ Русскимъ; нравятся однимъ согласіемъ звуковъ и мягкихъ словъ, дѣйствуя только на слухъ и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствіе, производимое музыкою, заставляетъ людей изъявлять оное разными тѣлодвиженіями: раждается *пляска*, любимая забава самыхъ дикихъ народовъ. По нынѣшней Русской, Богемской, Далматской можемъ судить о древней пляскѣ Славянъ, которою они торжествовали священные об-

Пляска.

ряды язычества и всякіе пріятные случаи [158]: она состоитъ въ томъ, чтобы, въ сильномъ напряженіи мышцей, взмахивать руками, вертѣться на одномъ мѣстѣ, присѣдать, топать ногами, и соотвѣтствуетъ характеру людей крѣпкихъ, дѣятельныхъ, неутомимыхъ. — Народныя игры и потѣхи, донынѣ единообразныя въ земляхъ Славянскихъ: борьба, кулачный бой, бѣганье взапуски, остались также памятникомъ ихъ древнихъ забавъ, представляющихъ намъ образъ войны и силы. Игры.

Въ дополненіе къ симъ извѣстіямъ замѣтимъ, что Славяне, еще не зная грамоты, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Ариѳметикѣ, въ Хронологіи. Домоводство, война, торговля пріучили ихъ ко многосложному счисленію; имя *тма*, знаменующее 10,000, есть коренное Славянское. Наблюдая теченіе года, они, подобно Римлянамъ, дѣлили его на 12 мѣсяцевъ, и каждому изъ оныхъ дали названіе согласное съ временными явленіями или дѣйствіями Природы: Генварю *Просинецъ* (вѣроятно, отъ *синеты* неба), Февралю *Сѣчень*, Марту *Сухій*, Апрѣлю *Березозолъ* (отъ золы березовой), Маію *Травный*, Іюню *Изокъ* (или *Высокъ*, въ отношеніи къ *высотѣ* солнца), Іюлю *Червень* (отъ красныхъ плодовъ или ягодъ), Августу *Заревъ* (отъ зарницы), Сентябрю *Рюенъ* (влажный, слезливый), Октябрю *Листопадъ*, Ноябрю *Груденъ* (снѣжный), Декабрю *Студеный* [159]. Столѣтіе называлось

Счисленіе.

Имена мѣсяцевъ.

вѣкомъ, то есть, жизнію человѣческою, во свидѣтельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крѣпкимъ сложеніемъ и здравые физическою дѣятельностію. —

Правленіе.

Сей народъ, подобно всѣмъ инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей, и думалъ, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро человѣка (160). Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякой строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле, составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою Республикою; но общіе древніе обычаи служили между ими нѣкоторою гражданскою связію. Въ случаяхъ важныхъ единоплеменные сходились вмѣстѣ совѣтоваться о благѣ народномъ, уважая приговоръ старцевъ, сихъ живыхъ книгъ опытности и благоразумія для народовъ дикихъ (161); вмѣстѣ также, предпринимая воинскіе походы, избирали Вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякаго принужденія, весьма ограничивали власть ихъ, и часто не повиновались имъ въ самыхъ битвахъ. Совершивъ общее дѣло и возвратясь

домой, всякой опять считалъ себя большимъ и главою въ своей хижинѣ.

Въ теченіе временъ сія дикая простота нравовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя Имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрѣпили между ими связь гражданскую. Они почувствовали болѣе нужды другъ въ другѣ, сблизились жилищами и завели селенія (162); другіе, видя въ чужихъ земляхъ грады великолѣпные и веси цвѣтущія, разлюбили мрачные лѣса свои, нѣкогда украшаемые для нихъ одною свободою; перешли въ Греческія владѣнія и согласились зависѣть отъ Императоровъ. Жребій войны и могущество Карла Великаго подчинили ему и наслѣдникамъ его большую часть Славянъ Нѣмецкихъ; но своеволіе неукротимое было всегда ихъ характеромъ: какъ скоро обстоятельства имъ благопріятствовали, они свергали съ себя иго, и жестоко мстили чужеземному Властелину за свое временное порабощеніе, такъ, что одна Вѣра Христіанская могла наконецъ смирить ихъ (163).

Многочисленныя области Славянскія всегда имѣли сообщеніе одна съ другою, и кто говорилъ ихъ языкомъ, тотъ во всякой находилъ друзей и согражданъ. Баянъ, Ханъ Аваровъ, зная сей тѣсный союзъ племенъ Славянскихъ и покоривъ многія изъ нихъ въ Дакіи, въ Панноніи, въ Богеміи, думалъ, что

и самыя отдаленныя должны служить ему, и для того въ 590 году требовалъ войска отъ Славянъ Балтійскихъ (164). Нѣкоторые знаменитые храмы еще болѣе утверждали связь между ими въ среднихъ вѣкахъ: тамъ сходились они изъ разныхъ земель вопрошать боговъ, и жрецъ, отвѣтствуя устами идола, не рѣдко убѣждалъ ихъ дѣйствовать согласно съ общею или особенною пользою своего народа; тамъ оскорбленные чужеземцами Славяне приносили свои жалобы единоплеменнымъ, заклиная ихъ быть мстителями отечества и Вѣры; тамъ, въ опредѣленное время, собирались чиновники и старѣйшины для сейма, на коемъ благоразуміе и справедливость часто уступали дерзости и насилію. Храмъ города Ретры въ Мекленбургѣ, на рѣкѣ Толлензѣ, славился болѣе всѣхъ другихъ такими собраніями (165).

Народное правленіе Славянъ чрезъ нѣсколько вѣковъ обратилось въ Аристократическое. Вожди, избираемые общею довѣренностію, отличные искусствомъ и мужествомъ, были первыми властелинами въ своемъ отечествѣ. Дѣла славы требовали благодарности отъ народа; къ тому же, будучи ослѣпленъ счастіемъ Героевъ, онъ искалъ въ нихъ и разума отмѣннаго. Богемцы, еще не имѣя ни законовъ общественныхъ, ни судей избранныхъ, въ личныхъ распряхъ своихъ отдавались на судъ знаменитымъ гражданамъ (166); а сія знаменитость основывалась на извѣдан-

ной храбрости въ битвахъ и на богатствѣ, ея наградѣ, ибо оно пріобрѣталось тогда войною. Наконецъ обыкновеніе сдѣлалось для однихъ правомъ начальствовать, а для иныхъ обязанностію повиноваться. Если сынъ Героя, славнаго и богатаго, имѣлъ великія свойства отца, то онъ еще болѣе утверждалъ власть своего рода

Сія власть означалась у Славянъ именами *Боярина*, *Воеводы*, *Князя*, *Пана*, *Жупана*, *Короля* или *Краля*, и другими. Первое безъ сомнѣнія происходитъ отъ *боя*, и въ началѣ своемъ могло знаменовать воина отличной храбрости, а послѣ обратилось въ народное достоинство. Византійскія лѣтописи въ 764 году упоминаютъ о Боярахъ, Вельможахъ или главныхъ чиновникахъ Славянъ Болгарскихъ. — Воеводами назывались прежде одни воинскіе начальники; но какъ они и въ мирное время умѣли присвоить себѣ господство надъ согражданами, то сіе имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у Богемскихъ и Саксонскихъ Вендовъ, въ Крайнѣ Государя, въ Польшѣ не только воинскаго предводителя, но и судію (167). — Слово *Князь* родилось едва ли не отъ *коня*, хотя многіе Ученые производятъ его отъ Восточнаго имени *Каганъ*. Въ Славянскихъ земляхъ кони были драгоцѣннѣйшею собственностію: у Поморянъ въ среднихъ вѣкахъ 30 лошадей составляли великое богатство, и всякой хозяинъ коня назывался Княземъ,

nobilis capitaneus et Princeps [168]. Въ Кроаціи и Сервіи именовались такъ братья Королей; въ Далмаціи главный судья имѣлъ титло *Великаго Князя.* — *Панъ* Славянскій, по извѣстію Константина Багрянороднаго, управлялъ въ Кроаціи тремя большими округами, и предсѣдательствовалъ на сеймахъ, когда народъ собирался въ полѣ для совѣта. Имя Пановъ, долго могущественныхъ въ Венгріи, до самаго XIII вѣка означало въ Богеміи владѣльцевъ богатыхъ, а на Польскомъ языкѣ и нынѣ значитъ *Господина* [169]. — Округи въ Славянскихъ земляхъ назывались *Жупанствами*, а Правители ихъ *Жупанами* или *Старѣйшинами*, по толкованію Константина Багрянороднаго [170]; древнее слово *Жупа* означало *селеніе.* Главною должностію сихъ чиновниковъ было правосудіе: въ Верхней Саксоніи и въ Австріи Славянскіе поселяне донынѣ называютъ такъ судей своихъ; но въ среднихъ вѣкахъ достоинство Жупановъ уважалось болѣе Княжескаго. Въ разборѣ тяжебныхъ дѣлъ помогали имъ *Суддавы*, или частные судьи. Странное обыкновеніе сохранилось въ нѣкоторыхъ Славянскихъ деревняхъ Лаузица и Бранденбурга: земледѣльцы тайно избираютъ между собою Короля и платятъ ему дань, какую они во время своей вольности платили Жупанамъ [171]. — Наконецъ въ Сервіи, въ Далмаціи, въ Богеміи, Владѣтели стали именоваться *Кралями* или Королями, то есть, по мнѣнію

нѣкоторыхъ, *наказателями* преступниковъ, отъ слова *кара* или *наказаніе* (172).

И такъ первая власть, которая родилась въ отечествѣ нашихъ дикихъ, независимыхъ предковъ, была воинская. Сраженія требуютъ одного намѣренія и согласнаго дѣйствія частныхъ силъ: для того избрали Полководцевъ. Въ тѣснѣйшихъ связяхъ общежитія Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданскаго корыстолюбія: для того назначили судей; но первые изъ нихъ были знаменитѣйшіе Герои. Одни люди пользовались общею довѣренностію въ дѣлахъ войны и мира. — Исторія Славянъ подобна Исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія. Только мудрая, долговременная опытность научаетъ людей благодѣтельному раздѣленію властей воинскихъ и гражданскихъ.

Но древнѣйшіе Бояре, Воеводы, Князья, Паны, Жупаны и самые Короли Славянскіе во многихъ отношеніяхъ зависѣли отъ произвола гражданъ, которые не рѣдко, единодушно избравъ начальника, вдругъ лишали его своей довѣренности, не только когда онъ употреблялъ ее во зло, но и безъ всякой вины, единственно по легкомыслію, клеветѣ, или въ несчастіяхъ: ибо народъ всегда склоненъ обвинять Правителей, если они не умѣютъ отвратить бѣдствій отъ Государства. Сихъ примѣровъ довольно въ Исторіи языческихъ; даже и Хри-

стіанскихъ Славянъ (173). Они вообще не любили наслѣдственной власти, и болѣе принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершаго Воеводы или Князя. — Избраніе Герцога, то есть Воеводы, въ Славянской Каринтіи соединено было съ обрядомъ весьма любопытнымъ. Избираемый въ самой бѣдной одеждѣ являлся среди народнаго собранія, гдѣ земледѣлецъ сидѣлъ на престолѣ, или на большомъ дикомъ камнѣ. Новый Властитель клялся быть защитникомъ Вѣры, сиротъ, вдовъ и справедливости: тогда земледѣлецъ уступалъ ему камень, и всѣ граждане присягали въ вѣрности. Между тѣмъ *два рода* знаменитѣйшіе имѣли право вездѣ косить хлѣбъ и жечь селенія, въ знакъ и въ память того, что древніе Славяне выбрали перваго Властелина для защиты ихъ отъ насилія и злодѣйства (174).

Однакожъ многіе Князья, владѣя счастливо и долгое время, умѣли сообщать право наслѣдственности дѣтямъ. Въ Западной Сербіи былъ примѣръ, что жена Князя Доброслава по смерти его правила землею. — Государи Славянскіе, достигнувъ самовластія, подобно другимъ ослабляли свое могущество Удѣлами: то есть, всякому сыну давали особенную область; но сіи примѣры бывали рѣдки во времена язычества: Князья, по большей части избираемые, думали, что не имѣютъ права располагать судьбою людей, которые *только имъ* поддалися (175).

Главный Начальникъ или Правитель судилъ народныя дѣла торжественно, въ собраніи старѣйшинъ, и часто во мракѣ лѣса: ибо Славяне воображали, что Богъ суда, *Прове*, живетъ въ тѣни древнихъ, густыхъ дубовъ (176). Сіи мѣста и домы Княжескіе были священны: никто не дерзалъ войти въ нихъ съ оружіемъ, и самые преступники могли тамъ безопасно укрываться. Князь, Воевода, Король былъ главою ратныхъ силъ; но жрецы, устами идоловъ, и воля народная предписывали ему войну или миръ (при заключеніи коего Славяне бросали камень въ море 177, клали оружіе и золото къ ногамъ идола, или, простирая десницу къ бывшимъ непріятелямъ, вручали имъ клокъ волосовъ своихъ вмѣстѣ съ горстію травы). Народъ платилъ Властителямъ дань, однакожъ произвольную (178).

Такъ Славяне въ разные вѣки и въ разныхъ земляхъ управлялись гражданскою властію. О Славянахъ Россійскихъ Несторъ пишетъ, что они, какъ и другіе, не знали Единовластія, наблюдая законъ отцевъ своихъ, древніе обычаи и преданія, о коихъ еще въ VI вѣкѣ упоминаетъ Греческій Историкъ (179), и которые имѣли для нихъ силу законовъ писанныхъ: ибо гражданскія общества не могутъ образоваться безъ уставовъ и договоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сіи условія требуютъ блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикіе народы избираютъ посредниковъ

между людьми и закономъ. Хотя Лѣтописецъ нашъ не говоритъ о томъ, но Россійскіе Славяне конечно имѣли Властителей, съ правами ограниченными народною пользою и древними обыкновеніями вольности. Въ договорѣ Олега съ Греками, въ 912 году, упоминается уже о *Великихъ Бояра́хъ Русскихъ*: сіе достоинство, знакъ воинской славы, конечно не Варягами было введено въ Россіи, ибо оно есть древнее Славянское (180). Самое имя Князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новымъ, но безъ сомнѣнія и прежде означало у нихъ знаменитый санъ гражданскій или воинскій. —

Вѣра. Общежитіе, пробуждая или ускоряя дѣйствіе разума соннаго, медленнаго въ людяхъ дикихъ, разсѣянныхъ, по большей части уединенныхъ, раждаетъ не только законы и правленіе, но и самую Вѣру, столь естественную для человѣка, столь необходимую для гражданскихъ обществъ, что мы ни въ мірѣ, ни въ Исторіи не находимъ народа совершенно лишеннаго понятій о Божествѣ. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрѣпляются, такъ сказать, мыслію о Силѣ Вышней, которая можетъ спасти ихъ отъ ударовъ рока, неотвратимыхъ никакою мудростію человѣческою, —хранить добрыхъ и наказывать тайныя злодѣйства. Сверхъ того Вѣра производитъ еще тѣснѣйшую связь между согражданами. Что́ одного

Бога и служа Ему однимъ образомъ, они сближаются сердцами и духомъ. Сія выгода такъ явна и велика для гражданскаго общества, что она не могла укрыться отъ вниманія самыхъ первыхъ его основателей, или отцевъ семейства.

Славяне въ VI вѣкѣ покланялися *Творцу молніи*, Богу вселенныя [181]. Величественное зрѣлище грозы, когда небо пылаетъ и невидимая рука бросаетъ, кажется, съ его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить умъ человѣка естественнаго, живо представить ему образъ Существа вышняго, и вселить въ его сердце благоговѣніе или ужасъ священный, который былъ главнымъ чувствомъ Вѣръ языческихъ.— Анты и Славяне, какъ замѣчаетъ Прокопій, не вѣрили Судьбѣ, но думали, что всѣ случаи зависятъ отъ Міроправителя [182]: на полѣ ратномъ, въ опасностяхъ, въ болѣзни, старались Его умилостивить обѣтами; приносили Ему въ жертву воловъ и другихъ животныхъ, надѣясь спасти тѣмъ жизнь свою; обожали еще рѣки, Нимфъ, Демоновъ, и гадали будущее.—Въ новѣйшія времена Славяне покланялись разнымъ идоламъ, думая, что многочисленность кумировъ утверждаетъ безопасность смертнаго, и что мудрость человѣческая состоитъ въ знаніи именъ и свойства сихъ мнимыхъ покровителей. Истуканы считались не *образомъ*, но *тѣломъ* боговъ, ими одушевляемымъ [183], и народъ па-

далъ ницъ предъ кускомъ дерева или слиткомъ руды, ожидая отъ нихъ спасенія и благоденствія.

Однакожъ Славяне, въ самомъ безразсудномъ суевѣріи, имѣли еще понятіе о Богѣ единственномъ и вышнемъ, Которому, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя свѣтилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ, и Который печется только о небесномъ, избравъ другихъ, нижнихъ боговъ, чадъ Своихъ, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Бѣлымъ Богомъ*, и не строили Ему храмовъ, воображая, что смертные не могутъ имѣть съ Нимъ сообщенія и должны относиться въ нуждахъ своихъ къ богамъ второстепеннымъ, помогающимъ всякому, кто добръ въ мирѣ и мужественъ на войнѣ, съ удовольствіемъ отворяетъ хижину для странниковъ и съ радушіемъ питаетъ гладныхъ [184].

Не умѣя согласить несчастій, болѣзней и другихъ житейскихъ горестей съ благостію сихъ Міроправителей, Славяне Балтійскіе приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогомъ, старались умилостивить жертвами и въ собраніяхъ народныхъ пили изъ чаши, посвященной ему и добрымъ богамъ. Онъ изображался въ видѣ льва, и для того нѣкоторые думаютъ, что Славяне заимствовали мысль о Чернобогѣ отъ Христіанъ, уподоблявшихъ Діавола также сему звѣрю; но вѣроятно,

что ненависть къ Саксонцамъ, которые были самыми опасными врагами сѣверныхъ Вендовъ и на знаменахъ своихъ представляли льва, подала имъ мысль къ такому изображенію существа злобнаго [185]. Славяне думали, что оно ужасаетъ людей грозными привидѣніями или *страшилами*, и что гнѣвъ его могутъ укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за ихъ мнимую науку. Сіи волхвы, о коихъ и Несторъ говоритъ въ своей лѣтописи, подобно Сибирскимъ Шаманамъ старались музыкою дѣйствовать на воображеніе легковѣрныхъ, играли на гусляхъ и для того именовались въ нѣкоторыхъ земляхъ Славянскихъ *Гуслярами* [186].

Между богами добрыми славился болѣе прочихъ Святовидъ, котораго храмъ былъ въ городѣ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ, и которому не только всѣ другіе Венды, но и Короли Датскіе, исповѣдуя уже Христіанскую Вѣру, присылали дары. Онъ предсказывалъ будущее и помогалъ на войнѣ. Кумиръ его величиною превосходилъ ростъ человѣка, украшался одеждою короткою, сдѣланною изъ разнаго дерева; имѣлъ четыре головы, двѣ груди, искусно счесанныя бороды и волосы остриженные; ногами стоялъ въ землѣ, и въ одной рукѣ держалъ рогъ съ виномъ, а въ другой лукъ; подлѣ идола висѣли узда, сѣдло и мечь его съ серебряными ножнами и рукояткою. — Гельмольдъ разсказываетъ,

что жители острова Рюгена обожали въ семъ идолѣ Христіанскаго Святаго, именемъ Вита, слышавъ о великихъ чудесахъ его отъ Корбейскихъ Монаховъ, которые хотѣли нѣкогда обратить ихъ въ истинную Вѣру. Достойно замѣчанія, что Иллирическіе Славяне донынѣ празднуютъ день Св. Вита съ разными языческими обрядами (187). Впрочемъ Гельмольдово преданіе, утверждаемое и Саксономъ Грамматикомъ, не есть ли одна догадка, основанная на сходствѣ именъ? Для того, по извѣстію Мавро-Урбина, одинъ изъ Христіанскихъ Князей въ Богеміи выписалъ мощи Св. Вита, желая обратить къ нимъ усердіе народа своего, который не преставалъ обожать Святовида (188). Привязанность не только Балтійскихъ, но и другихъ Славянъ къ сему идолослуженію доказываетъ, кажется, древность онаго.

Народъ Рюгенскій покланялся еще тремъ идоламъ: *первому* Рюгевиту или Ругевичу, богу войны, изображаемому съ семью лицами, съ семью мечами, висѣвшими въ ножнахъ на бедрѣ, и съ осьмымъ обнаженнымъ въ рукѣ (дубовый кумиръ его былъ весь загаженъ ласточками (189), которыя вили на немъ свои гнѣзда); *второму* Поревиту, коего значеніе неизвѣстно, и который изображался съ пятью головами, но безъ всякаго оружія; — *третьему* Поренуту о четырехъ лицахъ и съ пятымъ лицемъ на груди: онъ держалъ его,

правою рукою за бороду, а лѣвою за лобъ, и считался богомъ четырехъ временъ года.

Главный идолъ въ городѣ Ретрѣ назывался *Радегастъ*, богъ страннопріимства, какъ нѣкоторые думаютъ: ибо Славяне были всегда *рады гостямъ*. Но сіе толкованіе кажется несправедливымъ: онъ изображался болѣе страшнымъ, нежели дружелюбнымъ: съ головою львиною, на которой сидѣлъ гусь, и еще съ головою буйвола на груди; иногда одѣтый, иногда нагой, и держалъ въ рукѣ большую сѣкиру. Надписи Ретрскаго истукана его доказываютъ, что сей богъ хотя и принадлежалъ къ числу добрыхъ, однакожъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ и вредить человѣку. Адамъ Бременскій пишетъ о *золотомъ* кумирѣ и *пурпуровомъ* ложѣ Радегаста (190); но мы должны сомнѣваться въ истинѣ его сказанія; въ другомъ мѣстѣ сей Историкъ увѣряетъ насъ, что храмъ Упсальскій *весь былъ сдѣланъ изъ золота.*

Сива — можетъ быть, *Жива* — считалась богинею жизни и доброю совѣтницею. Главный храмъ ея находился въ Рацебургѣ (191). Она представлялась одѣтою; держала на головѣ нагаго мальчика а въ рукѣ виноградную кисть. Далматскіе Славяне покланялись доброй *Фрихіи*, богинѣ Германскихъ народовъ; но какъ въ Исландскихъ древностяхъ Фрихія или *прекрасная Фрея* называется *Ванадисъ* или Венедскою, то вѣроятно, что Готѳы заимствовали отъ Сла-

вянъ понятіе о сей богинѣ, и что она же именовалась Сивою.

Между Ретрскими истуканами нашлися Германскіе, Прусскіе, т. е. Латышскіе и даже Греческіе идолы. Бальтійскіе Славяне покланялись Водану или Скандинавскому Одину, узнавъ объ немъ отъ Германскихъ народовъ, съ которыми они жили въ Дакіи, и которые были еще издревле ихъ сосѣдами [192]. Венды Мекленбургскіе донынѣ сохранили нѣкоторые обряды Вѣры Одиновой. — Прусскія надписи на истуканахъ Перкуна, бога молніи, и Парстуковъ или Берстуковъ [193], доказываютъ, что они были Латышскіе идолы; но Славяне молились имъ въ Ретрскомъ храмѣ, такъ же, какъ и Греческимъ статуямъ Любви, брачнаго Генія и Осени, безъ сомнѣнія отнятымъ или купленнымъ ими въ Греціи. — Кромѣ сихъ боговъ чужеземныхъ, тамъ стояли еще кумиры *Числобога*, *Ипабога*, *Зибога* или Земборга, и *Немизы* [194]. Первый изображался въ видѣ женщины съ луною, и знаменовалъ, кажется, мѣсяцъ, на которомъ основывалось *исчисленіе* времени. Имя втораго непонятно; но ему надлежало быть покровителемъ звѣриной ловли, которая представлялась на его одеждѣ. Третьяго обожали въ Богеміи какъ сильнаго *Духа земли*. Немиза повелѣвалъ вѣтромъ и воздухомъ: голова его увѣнчана лучами и крыломъ, а на тѣлѣ изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видѣвшіе языческихъ Вендовъ, сохранили намъ извѣстіе еще о нѣкоторыхъ другихъ идолахъ. Въ Юлинѣ, или въ Виннетѣ, главный именовался *Триглавъ* (195). Кумиръ его былъ деревянный, непомѣрной величины, а другой маленькій, вылитый изъ золота, о трехъ головахъ, покрытыхъ одною шапкою. Болѣе ничего не знаемъ о семъ идолѣ. Второй, *Припекала*, означалъ, кажется, любострастіе: ибо Христіанскіе Писатели сравнивали его съ Пріапомъ; а третій *Геровитъ* или Яровидъ, богъ войны, коего храмъ былъ въ Гавельбергѣ и Волгастѣ, и подлѣ котораго висѣлъ на стѣнѣ золотой щитъ. — Жители Вагріи (196) особенно чтили *Прова*, бога правосудія, и Подагу, бога звѣроловства. *Первому* служили храмомъ самые древнѣйшіе дубы, окруженные деревянною оградою съ двумя вратами. Въ сей заповѣдной дубравѣ и въ ея святилищѣ жилъ Великій жрецъ, совершались торжественныя жертвоприношенія, судился народъ, и люди, угрожаемые смертію, находили безопасное убѣжище. Онъ изображался старцемъ, въ одеждѣ со многими складками, съ цѣпями на груди, и держалъ въ рукѣ ножъ (197). *Второй* считается покровителемъ звѣроловства, для того, что на одеждѣ и жертвенной чашѣ его кумира о *двухъ лицахъ*, найденнаго въ числѣ Ретрскихъ древностей, представлены стрѣлокъ, олень и кабанъ; въ рукахъ своихъ онъ держитъ также

какого-то звѣря; другіе признаютъ въ немъ бога ясныхъ дней, который у Сербовъ назывался Погодою: ибо заднее лице его окружено лучами, и слова, вырѣзанныя на семъ истуканѣ, значатъ ясность и ведро (198). — Мерзебургскіе Венды обожали идола Геніля, покровителя ихъ собственности, и въ нѣкоторое время года пастухи разносили по домамъ символъ его: кулакъ съ перстнемъ, укрѣпленный на шестѣ (199).

О Вѣрѣ Славянъ Иллирическихъ не имѣемъ никакихъ извѣстій; но какъ Морлахи (200) на свадебныхъ пиршествахъ своихъ донынѣ славятъ *Давора*, *Дамора*, *Добрую Фрижію*, *Яра* и *Пика*: то съ вѣроятностію заключить можно, что языческіе боги ихъ назывались сими именами. — Сказаніе Польскихъ Историковъ (201) о древнемъ богослуженіи въ ихъ отечествѣ основывается единственно на преданіи и догадкахъ. Въ Гнезнѣ, пишутъ они, былъ знаменитый храмъ *Ніи*, Славянскаго Плутона, котораго молили о счастливомъ успокоеніи мертвыхъ; обожали еще Марзану или Цереру, обрекая въ жертву ей десятую часть плодовъ земныхъ; *Ясса* или Ясна, Римскаго Юпитера; *Ладона* или *Ляда*, Марса; Дзидзилію, богиню любви и дѣторожденія; *Зивонію* или *Зиванну*, Діану; *Зизаго*, или бога жизни; *Леля* и *Полеля*, или Греческихъ близнецовъ Кастора и Поллукса; *Погоду* и *Пожвиста*, бога ясныхъ дней и сильнаго вѣтра. „Сльшна вой бури (пишетъ Стри-

„ковскій), сіи язычники съ благоговѣніемъ „преклоняли колѣна."

Въ Россіи, до введенія Христіанской Вѣры, первую степень между идолами занималъ *Перунъ* (202), богъ молніи, которому Славяне еще въ VI вѣкѣ покланялись, обожая въ немъ верховнаго *Міроправителя*. Кумиръ его стоялъ въ Кіевѣ на холмѣ, внѣ двора Владимірова, а въ Новѣгородѣ надъ рѣкою Волховомъ: былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усами. Лѣтописецъ именуетъ еще идоловъ *Хорса*, *Дажебога*, *Стрибога*, *Самаргла* (203) и *Мокоша*, не объявляя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается еще о *Волосѣ*, котораго именемъ и Перуновымъ клялися Россіяне въ вѣрности, имѣвъ къ нему особенное уваженіе: ибо онъ считался покровителемъ скота, главнаго ихъ богатства. — Сіи извѣстія Несторовы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синопсисѣ (204). Хотя они выбраны отчасти изъ Польскихъ ненадежныхъ Историковъ, но будучи согласны съ древними обыкновеніями народа Русскаго, кажутся вѣроятными, по крайней мѣрѣ достойными замѣчанія.

Богъ веселія, любви, согласія и всякаго благополучія именовался въ Россіи *Ладо*; ему жертвовали вступающіе въ союзъ брачный, съ усердіемъ воспѣвая имя его, которое слы-

шимъ и нынѣ въ старинныхъ припѣвахъ. Стрыковскій называетъ сего бога Латышскимъ: въ Литвѣ и Самогитіи народъ праздновалъ ему отъ 25 Маія до 25 Іюня, отцы и мужья въ гостинницахъ, а жены и дочери на улицахъ и на лугахъ; взявшись за руки, онѣ плясали и пѣли: *Ладо. Ладо, дидисъ Ладо*, то есть, *великій Ладо* (205). Такое же обыкновеніе донынѣ существуетъ въ деревняхъ нашихъ: молодыя женщины весною собираются играть и пѣть въ хороводахъ *Лада, диди-Лада*. Мы уже замѣтили, что Славяне охотно умножали число идоловъ своихъ и принимали чужеземныхъ. Русскіе язычники, какъ пишетъ Адамъ Бременскій, ѣздили въ Курляндію и въ Самогитію для поклоненія кумирамъ (206): слѣдственно имѣли однихъ боговъ съ Латышами, ежели не всѣ, то хотя нѣкоторыя Славянскія племена въ Россіи — вѣроятно, Кривичи: ибо названіе ихъ свидѣтельствуетъ, кажется, что они признавали Латышскаго Первосвященника *Криве* Главою Вѣры своей. Впрочемъ *Ладо* могъ быть и древнимъ Славянскимъ божествомъ: жители Молдавіи и Валахіи въ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядахъ донынѣ твердятъ имя Лада (207).

Купалу, богу земныхъ плодовъ, жертвовали предъ собираніемъ хлѣба, 23 Іюня, въ день Св. Агриппины, которая для того прозвана въ народѣ *Купальницею*. Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру

огонь, плясали около его и воспѣвали *Купала*. Память сего идолослуженія сохранилась въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи, гдѣ ночныя игры деревенскихъ жителей и пляски вокругъ огня съ невиннымъ намѣреніемъ совершаются въ честь идолу языческому (208). Въ Архангельской Губерніи многіе поселяне 23 Іюня топятъ бани, настилаютъ въ нихъ траву *купальницу* (лютикъ ranunculus acris) и послѣ купаются въ рѣкѣ. Сербы на канунѣ или въ самое Рождество Іоанна Предтечи, сплетая *Ивиновскіе вѣнки*, вѣшаютъ ихъ на кровли домовъ и на хлѣвахъ, чтобы удалить злыхъ духовъ отъ своего жилища.

24 Декабря язычники Русскіе славили Коляду, бога торжествъ и мира. Еще и въ наше время, на канунѣ Рождества Христова, дѣти земледѣльцевъ собираются *колядовать* подъ окнами богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина въ пѣсняхъ, твердятъ имя *Коляды* и просятъ денегъ (209). Святошныя игрища и гаданіе кажутся остаткомъ сего языческаго праздника.

Въ суевѣрныхъ преданіяхъ народа Русскаго открываемъ также нѣкоторые слѣды древняго Славянскаго богопочитанія: донынѣ простые люди говорятъ у насъ о *Лѣшихъ*, которые видомъ подобны Сатирамъ, живутъ будто бы въ темнотѣ лѣсовъ, равняются съ деревьями и съ травою, ужасаютъ странниковъ, обходятъ ихъ кругомъ и сбиваютъ

съ пути; о *Русалкахъ* или Нимфахъ дубравъ (гдѣ онѣ бѣгаютъ съ распущенными волосами, особенно передъ Троицынымъ[210] днемъ), о благодѣтельныхъ и злыхъ *Домовыхъ*, о ночныхъ *Кикимрахъ*, и проч.

Такимъ образомъ грубый умъ людей непросвѣщенныхъ заблуждается во мракѣ идолопоклонства, и творитъ боговъ на всякомъ шагу, чтобы изъяснять дѣйствія Природы и въ неизвѣстностяхъ рока успокоивать сердце надеждою на вышнюю помощь! — Желая выразить могущество и грозность боговъ, Славяне представляли ихъ великанами, съ ужасными лицами, со многими головами. Греки хотѣли, кажется, любить своихъ идоловъ (изображая въ нихъ примѣры человѣческой стройности), а Славяне только бояться; первые обожали красоту и пріятность, а вторые одну силу; и еще недовольствуясь собственнымъ противнымъ видомъ истукановъ, окружали ихъ гнусными изображеніями ядовитыхъ животныхъ: змѣй, жабъ, ящерицъ и проч. [211]. Кромѣ идоловъ, Нѣмецкіе Славяне, подобно Дунайскимъ, обожали еще рѣки, озера, источники, лѣса [212], и приносили жертвы невидимымъ ихъ Геніямъ, которые, по мнѣнію суевѣрныхъ, иногда говорили, и въ важныхъ случаяхъ являлись людямъ. Такъ Геній Ретрскаго озера, когда великія опасности угрожали народу Славянскому, принималъ на себя образъ кабана, выплывалъ на берегъ, ревѣлъ ужаснымъ го-

лосомъ и скрывался въ волнахъ (213). Мы знаемъ, что и Россійскіе Славяне приписывали озерамъ и рѣкамъ нѣкоторую божественность или святость. Въ глазной болѣзни они умывались водою мнимо-цѣлебныхъ источниковъ, и бросали въ нихъ серебряныя монеты (214). Народное обыкновеніе купать или обливать водою людей, проспавшихъ заутреню въ день Пасхи, будтобы для омовенія ихъ отъ грѣха, происходитъ, можетъ быть, отъ такого же языческаго суевѣрія. — У многихъ народовъ Славянскихъ были заповѣдныя рощи, гдѣ никогда стукъ сѣкиры не раздавался, и гдѣ самые злѣйшіе враги не дерзали вступить въ бой между собою. Лѣсъ города Ретры считался священнымъ. Жители Штетинскіе поклонялись орѣховому дереву, при которомъ находился особенный жрецъ, и дубу, а Юлинскіе богу обитавшему въ деревѣ обсѣченномъ (215), и весною плясали вокругъ его съ нѣкоторыми торжественными обрядами. Славяне въ Россіи также молились деревамъ, особенно же *дуплобатымъ*, обвязывая ихъ вѣтви убрусами или платами (216). Константинъ Багрянородный пишетъ, что они, путешествуя въ Царьградъ, на островѣ Св. Григорія приносили жертву большому дубу, окружали его стрѣлами, и гадали, заколоть ли обреченныхъ ему живыхъ птицъ, или пустить на волю (217). Празднованіе Семика, и народный обычай завивать въ сей день вѣнки въ рощахъ

сутъ также остатокъ древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи Христіанства, такъ, что Герцогъ Брячиславъ въ 1093 году рѣшился предать огню всѣ мнимо-святыя дубравы своего народа (218).

Славяне обожали еще знамена, и думали, что въ военное время они святѣе всѣхъ идоловъ. Знамя Бальтійскихъ Вендовъ было отмѣнной величины и пестрое, стояло обыкновенно въ Святовидовомъ храмѣ и считалось сильною богинею, которая воинамъ, идущимъ съ нею, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самыхъ идоловъ. Датскій Король Вальдемаръ сжегъ его въ Арконѣ, взявъ сей городъ. — Въ числѣ Ретрскихъ любопытныхъ памятниковъ нашлось также священное знамя: мѣдный драконъ, украшенный изображеніемъ женскихъ головъ и вооруженныхъ рукъ. Въ Дитмаровой лѣтописи упоминается о двухъ Славянскихъ знаменахъ, которыя считались богинями (219). Хитрость Полководцевъ ввела безъ сомнѣнія сію вѣру, чтобы воспламенять духъ храбрости въ воинахъ, или обуздывать ихъ неповиновеніе святостію знаменъ своихъ.

Древніе Славяне въ Германіи еще не имѣли храмовъ, но приносили жертву Богу небесному на камняхъ, окружая ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи другими, служившими вмѣсто ограды священной (220). Чтобы изобразить величіе Бога, жрецы начали употреб-

лять для сооруженія олтарей камни въ нѣсколько саженей мѣрою. Сіи каменныя зданія равнялись съ высокими скалами, невредимо стояли цѣлые вѣки и могли казаться народу твореніемъ рукъ божественныхъ. Въ самомъ дѣлѣ трудно понять, какимъ образомъ Славяне, не зная изобрѣтенныхъ Механикою способовъ, воздвигали такія громады (221). Жрецы, въ присутствіи и въ глазахъ народа, совершали обряды Вѣры на сихъ величественныхъ олтаряхъ; но въ теченіе временъ, желая еще сильнѣе дѣйствовать на воображеніе людей, вздумали, подобно Друидамъ, удалиться во тьму заповѣдныхъ лѣсовъ, и соорудили тамъ жертвенники. По введеніи идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры отъ дождя и снѣга: защитили ихъ кровлею, и сіе простое зданіе было первымъ храмомъ. Мысль, сдѣлать его достойнымъ жилищемъ боговъ, требовала величія; но Славяне не умѣли подражать Грекамъ и Римлянамъ въ гордой высотѣ зданій, и старались замѣнить оную рѣзьбою, пестротою, богатствомъ украшеній. Современные Историки описали нѣкоторые изъ сихъ храмовъ съ любопытною подробностію. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говоритъ о Штетинскомъ слѣдующее (222): „Тамъ было „четыре храма, и главный изъ нихъ отли„чался своимъ художествомъ, украшенный „внутри и снаружи выпуклымъ изображені„емъ людей, птицъ и звѣрей, такъ сход-

,,ныхъ съ Природою, что они казались живыми; краски же на внѣшности храма не ,,смывались дождемъ, не блѣднѣли и не тускли. — Слѣдуя древнему обычаю предковъ, ,,Штетинцы отдавали въ храмъ десятую ,,часть воинской своей добычи и всякое оружіе побѣжденныхъ непріятелей. Въ его святилищѣ хранились серебряныя и золотыя чаши ,,(изъ коихъ при торжественныхъ случаяхъ люди знатнѣйшіе пили и ѣли), также рога буйволовы, оправленные золотомъ: они служили и стаканами и трубами. Ножи и прочія ,,драгоцѣнности, тамъ собранныя, удивляли ,,своимъ художествомъ и богатствомъ. Въ ,,трехъ иныхъ *Гонтинахъ* или храмахъ, не ,,столь украшенныхъ и менѣе священныхъ, ,,представлялись глазамъ однѣ лавки, сдѣланныя амфитеатромъ, и столы для народныхъ сходбищъ: ибо Славяне, въ нѣкоторые часы и дни, веселились, пили и важными дѣлами отечества занимались въ сихъ ,,Гонтинахъ.“ — Деревянный храмъ Арконскій былъ срубленъ весьма искусно, украшенъ рѣзьбою и живописью; одни врата служили для входа въ его ограду; внѣшній дворъ, обнесенный стѣною, отдѣлялся отъ внутренняго только пурпуровыми коврами, развѣшенными между четырмя столпами, и находился подъ одною съ нимъ кровлею (225). Въ святилищѣ стоялъ идолъ, а конь его въ особенномъ зданіи, гдѣ хранилась казна и всѣ драгоцѣнности. — Храмъ въ Ретрѣ, также

деревянный, славился изображеніями боговъ и богинь, вырѣзанныхъ на внѣшнихъ его стѣнахъ; внутри стояли кумиры, въ шлемахъ и латахъ; а въ мирное время хранились тамъ знамена (224). Дремучій лѣсь окружалъ сіе мѣсто: сквозь просѣку, вдали, представлялось глазамъ море въ видѣ грозномъ и величественномъ. Достойно примѣчанія, что Славяне Бальтійскіе вообще имѣли великое уваженіе къ святынѣ храмовъ, и въ самой непріятельской землѣ боялись осквернить ихъ.

О капищахъ Славянъ Россійскихъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія. Несторъ говоритъ только объ идолахъ и жертвенникахъ (225); но удобность приносить жертвы во всякое время и почтеніе къ святынѣ кумировъ требовали защиты и крова, особенно же въ странахъ сѣверныхъ, гдѣ холодъ и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нѣтъ сомнѣнія, что на холмѣ Кіевскомъ и на берегу Волхова, гдѣ стоялъ Перунъ, были храмы, конечно не огромные и не великолѣпные, но сообразные съ простотою тогдашнихъ нравовъ и съ малымъ свѣдѣніемъ людей въ искусствѣ зодческомъ.

Несторъ также не упоминаетъ о жрецахъ въ Россіи; но всякая народная Вѣра предполагаетъ обряды, коихъ совершеніе поручается нѣкоторымъ избраннымъ людямъ, уважаемымъ за ихъ добродѣтель и мудрость, дѣйствительную или мнимую. По крайней мѣрѣ всѣ другіе народы Славянскіе имѣли жре-

цовъ, блюстителей Вѣры, посредниковъ между совѣстію людей и богами. Не только въ капищахъ, но и при всякомъ священномъ деревѣ, при всякомъ обожаемомъ источникѣ находились особенные хранители, которые жили подлѣ оныхъ, въ маленькихъ хижинахъ, и питались жертвою, приносимою ихъ божествамъ. Они пользовались народнымъ уваженіемъ, имѣли исключительное право отпускать себѣ длинную бороду, сидѣть во время жертвоприношеній и входить во внутренность святилища. Воинъ, совершивъ какое нибудь счастливое предпріятіе, и желая изъявить благодарность идоламъ, раздѣлялъ свою добычу съ ихъ служителями. Правители народа безъ сомнѣнія утверждали его въ почтеніи къ жрецамъ, которые именемъ боговъ могли обуздывать своевольство людей грубыхъ, новыхъ въ гражданской связи и еще не смиренныхъ дѣйствіемъ власти постоянной. Нѣкоторые жрецы, обязанные своимъ могуществомъ или собственной хитрости, или отмѣнной славѣ ихъ капищъ, употребляли его во зло и присвоивали себѣ гражданскую власть. Такъ Первосвященникъ Рюгенскій, уважаемый болѣе самого Короля, правилъ многими Славянскими племенами, которыя безъ его согласія не дерзали ни воевать, ни мириться; налагалъ подати на гражданъ и купцевъ чужеземныхъ, содержалъ 300 конныхъ воиновъ и разсылалъ ихъ всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма.

болѣе ему, нежели идолу принадлежавшія. Сей главный жрецъ отличался отъ всѣхъ людей длинными волосами, бородою, одеждою.

Священники именемъ народа приносили жертвы и предсказывали будущее. Въ древнѣйшія времена Славяне закалали, въ честь Богу невидимому, однихъ воловъ и другихъ животныхъ; но послѣ, омраченные суевѣріемъ идолопоклонства, обагряли свои требища кровію Христіанъ, выбранныхъ по жребію изъ плѣнниковъ, или купленныхъ у морскихъ разбойниковъ (226). Жрецы думали, что идолъ увеселяется Христіанскою кровію, и къ довершенію ужаса пили ее, воображая, что она сообщаетъ духъ пророчества. — Въ Россіи также приносили людей въ жертву, по крайней мѣрѣ во времена Владиміровы. Бальтійскіе Славяне дарили идоламъ головы убіенныхъ, опаснѣйшихъ непріятелей (227).

Жрецы гадали будущее посредствомъ коней. Въ Арконскомъ храмѣ держали бѣлаго, и суевѣрные думали, что Святовидъ ѣздитъ на немъ всякую ночь. Въ случаѣ важнаго намѣренія водили его чрезъ копья: если онъ шагалъ сперва не лѣвою, а правою ногою, то народъ ожидалъ славы и богатства. Въ Штетинѣ сей конь, порученный одному изъ четырехъ священниковъ главнаго храма, былъ вороной, и предвѣщалъ успѣхъ, когда совсѣмъ не касался ногами до копій. Въ Ретрѣ гадатели садились на землю, шептали нѣкоторыя слова, рылись въ ея нѣдрахъ, и

по веществамъ, въ ней находимымъ, судили о будущемъ. Сверхъ того въ Арконѣ и въ Штетинѣ жрецы бросали на землю три маленькія дощечки, у коихъ одна сторона была черная, а другая бѣлая: если онѣ ложились вверхъ бѣлою, то обѣщали хорошее; черная означала бѣдствіе. Самыя женщины Рюгенскія славились гаданіемъ; онѣ, сидя близъ разложеннаго огня, проводили многія черты на пеплѣ, которыхъ равное число знаменовало успѣхъ дѣла (228).

Любя народныя торжества, языческіе Славяне уставили въ году разные праздники. Главный изъ нихъ былъ по собраніи хлѣба и совершался въ Арконѣ такимъ образомъ: Первосвященникъ на канунѣ долженъ былъ вымести святилище, неприступное для всѣхъ, кромѣ его; въ день торжества, взявъ изъ руки Святовида рогъ, смотрѣлъ, наполненъ ли онъ виномъ, и по тому угадывалъ будущій урожай; выпивъ вино, снова наполнялъ имъ сосудъ и вручалъ Святовиду; приносилъ богу своему медовый пирогъ, длиною въ ростъ человѣческій; спрашивалъ у народа, видитъ ли его? и желалъ, чтобы въ слѣдующій годъ сей пирогъ былъ уже съѣденъ идоломъ, въ знакъ счастія для острова; наконецъ объявлялъ всѣмъ благословеніе Святовида, обѣщая воинамъ побѣду и добычу (229). Другіе Славяне, торжествуя собраніе хлѣба, обрекали пѣтуха въ даръ богамъ, и пивомъ, освященнымъ на жертвенникѣ, обливали скотъ,

чтобы предохранить его отъ болѣзней (230). Въ Богеміи славился Майскій *праздникъ источниковъ.*—Дни народнаго суда въ Вагріи, когда старѣйшины, осѣненные священными дубами, въ мнимомъ присутствіи своего бога Прова рѣшили судьбу гражданъ, были также днями общаго веселія (231). Мы упоминали, единственно по догадкѣ, о языческихъ торжествахъ Славянъ Россійскихъ, которыхъ потомки донынѣ празднуютъ весну, любовь и бога *Лада* въ сельскихъ хороводахъ, веселыми и шумными толпами ходятъ завивать вѣнки въ рощахъ, ночью посвящаютъ огни *Купалу* и зимою воспѣваютъ имя *Колядьі.*— Во многихъ земляхъ Славянскихъ сохранились также слѣды какого-то *праздника въ честь мертвыхъ*: въ Саксоніи, въ Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ; народъ 1 Марта ходилъ въ часъ разсвѣта съ факелами на кладбище и приносилъ жертвы усопшимъ (232).— Въ сей день Нѣмецкіе Славяне выносятъ изъ деревни соломенную чучелу, образъ смерти; сожигаютъ ее или бросаютъ въ рѣку, и славятъ лѣто пѣснями. — Въ Богеміи строили еще какіе-то ѳеатры на распутіяхъ *для успокоенія душъ* и представляли на нихъ, въ личинахъ, тѣни мертвыхъ, сими играми торжествуя память ихъ. Такія обыкновенія не доказываютъ ли, что Славяне имѣли нѣкоторое понятіе о безсмертіи души, хотя Дитмаръ, Историкъ XI вѣка, утверждаетъ противное, говоря, будто бы они времен-

ную смерть, или разрушеніе тѣла, считали совершеннымъ концемъ бытія человѣческаго [233]?

Погребеніе мертвыхъ было также дѣйствіемъ священнымъ между языческими Славянами. Историки Нѣмецкіе — болѣе догадкою, основанною на древнихъ обычаяхъ и преданіяхъ, нежели по извѣстіямъ современныхъ Авторовъ — описываютъ оное слѣдующимъ образомъ: Старѣйшина деревни объявлялъ жителямъ смерть одного изъ нихъ посредствомъ чернаго жезла, носимаго со двора на дворъ. Всѣ они провожали трупъ съ ужаснымъ воемъ, и нѣкоторыя женщины, въ бѣлой одеждѣ, лили слезы въ маленькіе сосуды, называемые *плачевными*. Разводили огонь на кладбищѣ и сожигали мертваго съ его женою, конемъ, оружіемъ и проч.; собирали пепелъ въ урны, глиняныя, мѣдныя или стеклянныя, и зарывали вмѣстѣ съ плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями, или ограждали столпами [234]. Печальные обряды заключались веселымъ торжествомъ, которое именовалось *Стравою* и было еще въ VI вѣкѣ причиною великаго бѣдствія для Славянъ: ибо Греки воспользовались временемъ сего *пиршества въ честь мертвыхъ* и на голову побили ихъ войско [235].

Славяне Россійскіе — Кривичи, Сѣверяне, Вятичи, Радимичи — *творили* надъ умершими *тризну*: показывали силу свою въ разныхъ

играхъ воинскихъ, сожигали трупъ на большомъ костръ, и заключивъ пепелъ въ урну, ставили ее на столпѣ въ окрестности дорогъ. Сей обрядъ, сохраненный Вятичами и Кривичами до временъ Нестора, изъявляетъ воинственный духъ народа, который праздновалъ смерть, чтобы не страшиться ее въ битвахъ, и печальными урнами окружалъ дороги, чтобы пріучить глаза и мысли свои къ симъ знакамъ человѣческой тлѣнности. Но Славяне Кіевскіе и Волынскіе издревле погребали мертвыхъ; нѣкоторые имѣли обыкновеніе, вмѣстѣ съ трупомъ, зарывать въ землю *сплетенныя изъ ремней лѣсницы*; ближніе умершаго язвили лица свои, и закалали на могилѣ любимаго коня его (236).

Всѣ народы любятъ Вѣру отцевъ своихъ, и самыя грубыя, самыя жестокія обыкновенія, на ней основанныя и вѣками утвержденныя, кажутся имъ святынею. Такъ и Славяне языческіе, закоренѣлые въ идолопоклонствѣ, съ великою упорностію въ теченіе многихъ столѣтій отвергали благодать Христову. Св. Колумбанъ, въ 613 году обративъ многихъ Нѣмецкихъ язычниковъ въ Вѣру истинную, хотѣлъ проповѣдывать ея святое ученіе и въ земляхъ Славянъ; но устрашенный ихъ дикостію, возвратился безъ успѣха, объявляя, что время спасенія еще не наступило для сего народа. Видя, сколь Христіанство противно заблужденіямъ язычества, и какъ оно въ среднихъ вѣкахъ болѣе и болѣе

распространялось по Европѣ, Славяне отлично ненавидѣли его, и принимая всякаго иноплеменнаго въ сограждане, отворяя Бальтійскія гавани свои для всѣхъ мореходцевъ, исключали однихъ Христіанъ, брали ихъ корабли въ добычу, а Священниковъ приносили въ жертву идоламъ. Нѣмецкіе завоеватели, покоривъ Вендовъ въ Германіи, долго терпѣли ихъ суевѣріе; но озлобленные наконецъ упорствомъ сихъ язычниковъ въ идолопоклонствѣ и въ древнихъ обычаяхъ своеволія, разрушили ихъ храмы, сожгли заповѣдныя рощи и самыхъ жрецовъ истребили (237): что случилось уже гораздо послѣ того времени, какъ Владиміръ просвѣтилъ Россію ученіемъ Христіанскимъ. — —

Языкъ и грамота.

Собравъ историческія достопамятности Славянъ древнихъ, скажемъ нѣчто о языкѣ ихъ. Греки въ шестомъ вѣкѣ находили его весьма грубымъ (238). Выражая первыя мысли и потребности людей необразованныхъ, рожденныхъ въ климатѣ суровомъ, онъ долженъ былъ казаться дикимъ въ сравненіи съ языкомъ Греческимъ, смягченнымъ долговременною жизнію въ порядкѣ гражданскомъ, удовольствіями роскоши и нѣжнымъ слухомъ людей, искони любившихъ искусства пріятныя. Не имѣя никакихъ памятниковъ сего первобытнаго языка Славянскаго, можемъ судить о немъ только по новѣйшимъ, изъ коихъ самыми древними считаются наша Библія и другія церковныя книги, переве-

денныя въ IX вѣкѣ Св. Кирилломъ, Меѳодіемъ и помощниками ихъ (239). Но Славяне, принявъ Христіанскую Вѣру, заимствовали съ нею новыя мысли, изобрѣли новыя слова, выраженія, и языкъ ихъ въ среднихъ вѣкахъ безъ сомнѣнія такъ же отличался отъ древняго, какъ уже отличается отъ нашего. Разсѣянныя по Европѣ, окруженныя другими народами, и нерѣдко ими покаряемыя, Славянскія племена утратили единство языка, и въ теченіе временъ произошли разныя его нарѣчія, изъ коихъ главныя суть:

1) *Русское*, болѣе всѣхъ другихъ образованное, и менѣе всѣхъ другихъ смѣшенное съ чужеземными словами (240). Побѣды, завоеванія и величіе государственное, возвысивъ духъ народа Россійскаго, имѣли счастливое дѣйствіе и на самый языкъ его, который, будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ Писателя умнаго, можетъ равняться нынѣ въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ. Будущая судьба его зависитъ отъ судьбы Государства....

2) *Польское*, смѣшенное со многими Латинскими и Нѣмецкими словами: имъ говорятъ не только въ бывшемъ Королевствѣ Польскомъ, но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пруссіи, Дворяне въ Литвѣ и народъ въ Силезіи, по сю сторону Одера (241).

3) *Чешское*, въ Богеміи, въ Моравіи и Венгріи, по утвержденію Іорданову ближайшее къ нашему древнему переводу Библіи, а по

мнѣнію другихъ Богемскихъ Ученыхъ среднее между Кроатскимъ и Польскимъ. Венгерское нарѣчіе именуется *Славакскимъ*, но разнится оно Чешскаго большею частію только въ выговорѣ, хотя Авторы *Многоязычнаго Словаря* признаютъ его *особеннымъ*. Впрочемъ и другія Славянскія нарѣчія употребляются въ Венгріи (242).

4) *Иллирическое*, то есть, Болгарское — самое грубое изъ всѣхъ Славянскихъ — Боснійское, Сербское — самое пріятнѣйшее для слуха, какъ многіе находятъ — Славонское и Далматское (243).

5) *Кроатское*, сходное съ Виндскимъ въ Стиріи, Каринтіи, Крайнѣ, также съ Лаузицскимъ, Котбузскимъ, Кашубскимъ и Люховскимъ. Въ Мейсенѣ, Бранденбургѣ, Поммераніи, Мекленбургѣ и почти во всемъ Люнебургѣ, гдѣ нѣкогда Славянскій языкъ былъ народнымъ, онъ уже замѣненъ Нѣмецкимъ (244).

Однакожъ сіи перемѣны не могли совершенно истребить въ языкѣ нашемъ его, такъ сказать, первобытнаго образа, и любопытство Историковъ хотѣло открыть въ немъ слѣды малоизвѣстнаго происхожденія Славянъ. Нѣкоторые утверждали, что онъ весьма близокъ къ древнимъ языкамъ Азіатскимъ (245); но вѣрнѣйшее изслѣдованіе доказало, что сіе мнимое сродство ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, которыя находятся и въ другихъ языкахъ Ев-

ропейскихъ, свидѣтельствуя единственно ихъ общее Азіатское происхожденіе; и что Славянскій имѣетъ съ Греческимъ, Латинскимъ, Нѣмецкимъ, гораздо болѣе связи, нежели съ Еврейскимъ и съ другими Восточными. Сіе великое, явное сходство (246) встрѣчается не только въ словахъ единозвучныхъ съ дѣйствіями, которыя означаются ими — ибо названія *грома*, *журчанія* водъ, *крика* птицъ, *рева* звѣрей, могутъ на всѣхъ языкахъ сходствовать между собою отъ подражанія Естеству (247) — но и въ выраженіи самыхъ первыхъ мыслей человѣка, въ ознаменованіи главныхъ нуждъ жизни домашней (248), въ именахъ и глаголахъ совершенно произвольныхъ. Мы знаемъ, что Венеды издревле жили въ сосѣдствѣ съ Нѣмцами и долгое время въ Дакіи (гдѣ языкъ Латинскій со временъ Трояновыхъ былъ въ общемъ употребленіи), воевали въ Имперіи и служили Императорамъ Греческимъ (249); но сіи обстоятельства могли бы ввести въ языкъ Славянскій только нѣкоторыя особенныя Нѣмецкія, Латинскія или Греческія слова, и не принудили бы ихъ забыть собственныя, коренныя, необходимыя въ самомъ древнѣйшемъ обществѣ людей; то есть, въ семейственномъ. Изъ чего вѣроятнымъ образомъ заключаютъ, что предки сихъ народовъ говорили нѣкогда однимъ языкомъ: какимъ (250)? неизвѣстно, но безъ сомнѣнія древнѣйшимъ въ Европѣ, *гдѣ Исто-*

рія находитъ ихъ: ибо Греція, а послѣ и часть Италіи, населена *Пеласгами*, *Ѳракійскими* жителями, которые прежде Елленовъ утвердились въ Мореѣ, и могли быть единоплеменны съ Германцами и Славянами (261). Въ теченіе временъ удаленные другъ отъ друга, они пріобрѣтали новыя гражданскія понятія, выдумывали новыя слова, или присвоивали чужія, и долженствовали чрезъ нѣсколько вѣковъ говорить уже языкомъ различнымъ. Самыя общія, коренныя слова легко могли измѣниться въ произношеніи, когда люди еще не знали буквъ и письма, вѣрно опредѣляющаго выговоръ.

Сіе важное искусство, немногими чертами изображать для глазъ безчисленные звуки, свѣдала Европа, какъ надобно думать, уже въ позднѣйшія времена, и безъ сомнѣнія отъ Финикіянъ, или непосредственно, или чрезъ Пеласговъ и Елленовъ. Не льзя вообразить, чтобы древніе обитатели Пелопоннеса, Лаціума, Испаніи, едва вышедши изъ дикаго состоянія, могли сами выдумать письмена, требующія удивительнаго разума, и столь непонятнаго для обыкновенныхъ людей, что они вездѣ приписывали богамъ изобрѣтеніе оныхъ: въ Египтѣ Ѳойту, въ Греціи Меркурію, въ Италіи богинѣ Карментѣ; а нѣкоторые изъ Христіанскихъ Философовъ считали десять Моисеевыхъ заповѣдей, рукою Всевышняго начертанныхъ на горѣ Синайской, первымъ письмомъ въ мірѣ (262). Къ тому же всѣ бук-

вы народовъ Европейскихъ: Греческія, Мальтійскія, такъ называемыя Пеласгскія въ Италіи, Этруріискія (донынѣ видимыя на монументахъ сего народа), Гальскія изображенныя на памятникѣ Мученика Гордіана [253], Улфиловы или Готѳскія, Кельтиберскія, Бетскія, Турдетанскія въ Испаніи, Руны Скандинавовъ и Германцевъ болѣе или менѣе сходствуютъ съ Финикійскими и доказываютъ, что всѣ онѣ произошли отъ одного корня [254]. Пеласги и Аркадцы принесли ихъ съ собою въ Италію, а наконецъ и въ Марселію къ тамошнимъ Галламъ. Испанцы могли научиться письму отъ самихъ Финикіянъ, основавшихъ Тартессъ и Гадесъ за 1100 лѣтъ до Р. Х. [255]. Турдетане во время Страбоново имѣли письменные законы, Исторію и Стихотворенія [256]. Какимъ образомъ Европейскій Сѣверъ получилъ буквы, мы не знаемъ: отъ Финикійскихъ ли мореплавателей, торговавшихъ оловомъ Британскимъ и янтаремъ Прусскимъ? или отъ народовъ Южной Европы? Второе кажется вѣроятнѣе: ибо Руническое и Готѳское письмо сходнѣе съ Греческимъ и Латинскимъ, нежели съ Финикійскимъ [257]. Оно могло въ теченіе вѣковъ, чрезъ Германію или Паннонію, дойти отъ Средиземнаго моря до Балтійскаго съ нѣкоторыми перемѣнами знаковъ [258].

Какъ бы то ни было, но Венеды или Славяне языческіе, обитавшіе въ странахъ Баль-

тійскихъ, знали употребленіе буквъ. Дитмаръ говоритъ о надписяхъ идоловъ Славянскихъ: Ретрскіе кумиры, найденные близъ Толлензскаго озера, доказали справедливость его извѣстія; надписи ихъ состоятъ въ Рунахъ, заимствованныхъ Венедами отъ Готоскихъ народовъ. Сіи Руны, числомъ 16, подобно древнимъ Финикійскимъ (259), весьма недостаточны для языка Славянскаго, не выражаютъ самыхъ обыкновенныхъ звуковъ его, и были извѣстны едва ли не однимъ жрецамъ, которые посредствомъ ихъ означали имена обожаемыхъ идоловъ. Славяне же Богемскіе, Иллирическіе и Россійскіе не имѣли никакой азбуки до 863 года (260), когда Философъ Константинъ, названный въ монашествѣ Кирилломъ, и Меѳодій, братъ его, жители Ѳессалоники, будучи отправлены Греческимъ Императоромъ Михаиломъ въ Моравію къ тамошнимъ Христіанскимъ Князьямъ Ратиславу, Святополку и Коцелу, для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка, изобрѣли Славянскій особенный алфавитъ (261), образованный по Греческому, съ прибавленіемъ новыхъ буквъ: Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ѣ. Ю. Я. Ж (262). Сія азбука, называемая *Кирилловскою,* донынѣ употребляется, съ нѣкоторыми перемѣнами, въ Россіи (263), Валахіи, Молдавіи, Болгаріи, Сервіи и проч. Славяне Далматскіе имѣютъ другую, извѣстную подъ именемъ *Глагольской* или *Буквицы,* которая считается изобрѣтеніемъ Св. Іеро-

нима, но ложно: ибо въ IV и въ V вѣкѣ, когда жилъ Іеронимъ, еще не было Славянъ въ Римскихъ владѣніяхъ (264). Самый древнѣйшій ея памятникъ, намъ извѣстный, есть харатейная Псалтирь XIII вѣка (265); но мы имѣемъ церковныя Кирилловскія рукописи 1056 году (266); надпись Десятинной церкви въ Кіевѣ принадлежитъ еще ко временамъ Св. Владиміра. Сія Глагольская азбука явно составлена по нашей (267); отличается кудрявостію знаковъ и весьма неудобна для употребленія. Моравскіе Христіане, приставъ къ Римскому Исповѣданію (268), вмѣстѣ съ Поляками начали писать Латинскими буквами, отвергнувъ Кирилловы, торжественно запрещенныя Папою Іоанномъ XIII (269). Епископы Салонскіе въ XI вѣкѣ объявили даже Меѳодія еретикомъ, а письмена Славянскія изобрѣтеніемъ Аріанскихъ Готѳовъ. Вѣроятно, что сіе самое гоненіе побудило какого нибудь Далматскаго Монаха выдумать новыя, что есть Глагольскія буквы, и защитить ихъ отъ нападенія Римскихъ суевѣровъ именемъ Св. Іеронима. — Нынѣ въ Богеміи, Моравіи, Силезіи, Лаузицѣ, Кассубіи, употребляются Нѣмецкія; въ Иллиріи, Крайнѣ, Венгріи и Польшѣ Латинскія. Славяне, которые съ VIII вѣка утвердились въ Пелопоннесѣ, приняли тамъ Греческую азбуку (270).

Итакъ предки наши были обязаны Христіанству не только лучшимъ понятіемъ о Творцѣ міра, лучшими правилами жизни,

лучшею безъ сомнѣнія нравственностію, но и пользою самаго благодѣтельнаго, самаго чудеснаго изобрѣтенія людей: мудрой живописи мыслей — изобрѣтенія, которое, подобно ясной зарѣ, въ вѣкахъ мрачныхъ предвѣстило уже свѣтъ Наукъ и божественность разума.

ГЛАВА IV.

РЮРИКЪ, СИНЕУСЪ и ТРУВОРЪ.

Г. 862—879.

Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію. Основаніе Монархіи. Аскольдъ и Диръ. Первое нападеніе Россіянъ на Имперію. Начало Христіанства въ Кіевѣ. Смерть Рюрика.

Начало Россійской Исторіи представляетъ намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: Славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе, и требуютъ Государей отъ Варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечь сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили Самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ: такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ—и разсѣянныя племена Славянскія основали Государство, которое граничитъ

нынѣ съ древнею Дакіею и съ землями Сѣверной Америки, съ Швеціею и съ Китаемъ, соединяя въ предѣлахъ своихъ три части міра. Великіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое младенчество, и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, раздѣленное на малыя области до 862 года [271], по лѣтосчисленію Нестора, обязано величіемъ своимъ счастливому введенію Монархической власти.

Желая нѣкоторымъ образомъ изъяснить сіе важное происшествіе, мы думаемъ, что Варяги, овладѣвшіе странами Чуди и Славянъ за нѣсколько лѣтъ до того времени, правили ими безъ угнетенія и насилія, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на моряхъ, имѣя въ IX вѣкѣ сношеніе съ Югомъ и Западомъ Европы, — гдѣ на развалинахъ колосса Римскаго основались новыя Государства, и гдѣ кровавые слѣды варварства, обузданнаго человѣколюбивымъ духомъ Христіанства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской [272] — Варяги или Норманы долженствовали быть образованнѣе Славянъ и Финновъ, заключенныхъ въ дикихъ предѣлахъ Сѣвера; могли сообщить имъ нѣкоторыя выгоды новой промышлености и торговли, благодѣтельныя для народа. Бояре Славянскіе, недовольные властію завоевателей, которая уничтожала ихъ собственную, возмутили, можетъ быть, сей народъ лег-

жомысленный, обольстили его именемъ прежней независимости, вооружили противъ Норманов и выгнали ихъ; но распрями личными обратили свободу въ несчастіе, не умѣли возстановить древнихъ законовъ и ввергнули отечество въ бездну золъ междоусобія (273). Тогда граждане вспомнили, можетъ быть, о выгодномъ и спокойномъ правленіи Норманскомъ: нужда въ благоустройствѣ и тишинѣ велѣла забыть народную гордость, и Славяне, *убѣжденные* — такъ говоритъ

Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію.

преданіе — *совѣтомъ Новогородскаго старѣйшины Гостомысла*, потребовали Властителей отъ Варяговъ (274). Древняя лѣтопись не упоминаетъ о семъ благоразумномъ *совѣтникѣ*; но ежели преданіе истинно, то Гостомыслъ достоинъ безсмертія и славы въ нашей Исторіи.

Новогородцы и Кривичи были тогда, кажется, союзниками Финскихъ племенъ, вмѣстѣ съ ними платившихъ дань Варягамъ: имѣвъ нѣсколько лѣтъ одну долю, и повинуясь законамъ одного народа, они тѣмъ скорѣе могли утвердить дружественную связь между собою. Несторъ пишетъ, что Славяне Новогородскіе, Кривичи, *Весь* и *Чудь*

г. 862.

отправили посольство за море, къ Варягамъ-Руси, сказать имъ (275): *Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: идите княжить и владѣть нами.* Слова простыя, краткія и сильныя! Братья, именемъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, знамени-

іные или родомъ или дѣлами, согласились принять власть надъ людьми, которые, умѣвъ сражаться за вольность, не умѣли ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечемъ права избранныхъ Государей, сіи честолюбивые братья навсегда оставили отечество [278]. Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро въ область Финскаго народа Веси, а Труворъ въ Изборскъ, городъ Кривичей. Смоленскъ, населенный также Кривичами, и самый Полоцкъ оставались еще независимыми и не имѣли участія въ призваніи Варяговъ. Слѣдственно Держава трехъ Владѣтелей, соединенныхъ узами родства и взаимной пользы, отъ Бѣлаозера простиралась только до Эстоніи и Ключей Славянскихъ, гдѣ видимъ остатки древняго Изборска. Сія часть нынѣшней С. Петербургской, Эстляндской, Новогородской и Псковской Губерній была названа тогда *Русью*, по имени Князей Варяго-Русскихъ. — Болѣе не знаемъ никакихъ достовѣрныхъ подробностей; не знаемъ, благословилъ ли народъ перемѣну своихъ гражданскихъ уставовъ? насладился ли счастливою тишиною, рѣдко извѣстною въ обществахъ народныхъ? или пожалѣлъ о древней вольности? Хотя новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ [279], что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый *Храбрымъ*, палъ отъ руки сильнаго

Рюрика вмѣстѣ со многими изъ своихъ единомышленниковъ въ Новѣгородѣ — случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, отъ ужасовъ безначалія могли пожелать Властителей, но могли и раскаяться, *ежели* Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утѣсняли ихъ — однакожъ сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ.

Чрезъ два года, по кончинѣ Синеуса и
г. 864. Трувора, старшій братъ, присоединивъ области ихъ къ своему Княжеству, основалъ Монархію Россійскую. Уже предѣлы ея достигали на Востокъ до нынѣшней Ярославской и Нижегородской Губерніи, а на Югъ до Западной Двины; уже Меря, Мурома и Полочане зависѣли отъ Рюрика: ибо онъ, принявъ Единовластіе, отдалъ въ управленіе знаменитымъ единоземцамъ своимъ, кромѣ Бѣлаозера, Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ, имъ или братьями его завоеванные, какъ надобно думать (280). Такимъ образомъ вмѣстѣ съ верховною Княжескою властію утвердилась въ Россіи, кажется, и Система *Феодальная, Помѣстная* или *Удѣльная*, бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ господствовали народы Германскіе. Монархи обыкновенно цѣлыми областями награждали Вельможъ и любимцевъ, которые оставались ихъ подданными, но властвовали какъ Госу-

Основаніе Монархіи.

дари въ своихъ Удѣлахъ (281): система сообразная съ обстоятельствами и духомъ времени, когда еще не было ни удобнаго сношенія между владѣніями одной Державы, ни уставовъ общихъ и твердыхъ, ни порядка въ гражданскихъ степеняхъ, и люди, упорные въ своей независимости, слушались единственно того, кто держалъ мечь надъ ихъ головою. Признательность Государей къ вѣрности Вельможъ участвовала также въ семъ обыкновеніи, и завоеватель дѣлился областями съ товарищами храбрыми, которые помогали ему пріобрѣтать оныя.

Къ сему времени Лѣтописецъ относитъ слѣдующее важное происшествіе. Двое изъ единоземцевъ Рюриковыхъ, именемъ Аскольдъ и Диръ, можетъ быть недовольные симъ Княземъ (282), отправились съ товарищами изъ Новагорода въ Константинополь искать счастія; увидѣли на высокомъ берегу Днѣпра маленькой городокъ, и спросили: чей онъ? Имъ отвѣтствовали, что строители его, три брата, давно скончались, и что миролюбивые жители платятъ дань Козарамъ. Сей городокъ былъ Кіевъ: Аскольдъ и Диръ завладѣли имъ; присоединили къ себѣ многихъ Варяговъ изъ Новагорода; начали подъ именемъ Россіянъ властвовать какъ Государи въ Кіевѣ и помышлять о важнѣйшемъ предпріятіи, достойномъ Норманской смѣлости. Прежде шли они въ Константинополь, вѣроятно, для того, чтобы служить

Аскольдъ и Диръ.

Императору: тогда, ободренные своимъ успѣхомъ и многочисленностію войска, дерзнули объявить себя врагами Греціи. Судоходный Днѣпръ благопріятствовалъ ихъ намѣренію:
Г. 866. вооруживъ 200 судовъ, сіи витязи Сѣвера, издревле опытные въ кораблеплаваніи, открыли себѣ путь въ Черное море и въ самый Воспоръ Ѳракійскій, опустошили огнемъ и мечемъ берега его, и скоро осадили Константинополь съ моря. Столица Восточной Имперіи въ первый разъ увидѣла сихъ грозныхъ непріятелей; въ первый разъ съ ужасомъ произнесла имя Россіянъ, Ῥῶς. Молва народная возвѣстила ихъ Скиѳами, жителями баснословной горы Тавра, уже побѣдителями многихъ народовъ окрестныхъ. Михаилъ III, Неронъ своего времени, царствовалъ тогда въ Константинополѣ, но былъ въ отсутствіи, воюя на берегахъ Черной рѣки съ Агарянами [283]. Узнавъ отъ Эпарха или Намѣстника Цареградскаго о новомъ непріятелѣ, онъ спѣшилъ въ столицу, съ великою опасностію пробрался сквозь суда Россійскія, и не смѣя отразить ихъ силою, ожидалъ спасенія отъ чуда. Оно совершилось, по сказанію Византійскихъ Лѣтописцевъ. Въ славной церкви Влахернской, построенной Императоромъ Маркіаномъ на берегу залива, между нынѣшнею Перою и Царемградомъ, хранилася такъ называемая риза Богоматери, къ которой прибѣгалъ народъ въ случаѣ бѣдствій [284]. Патріархъ Фо-

Первое нападеніе Россіянъ на Имперію.

тій съ торжественными обрядами вынесъ ее на берегъ и погрузилъ въ море, тихое и спокойное. Вдругъ сдѣлалась буря; разсѣяла, истребила флотъ непріятельскій, и только слабые остатки его возвратились въ Кіевъ.

Несторъ согласно съ Византійскими Историками описываетъ сей случай; но нѣкоторые изъ нихъ прибавляютъ, *что язычники* Россійскіе, устрашенные Небеснымъ гнѣвомъ, *немедленно отправили Пословъ въ Констаншинополь, и требовали святаго крещенія.* Окружная грамота Патріарха Фотія, писанная въ исходѣ 866 года къ Восточнымъ Епископамъ, служитъ достовѣрнымъ подтвержденіемъ сего любопытнаго для насъ извѣстія (285). „Россы, говоритъ онъ, славные „жестокостію, побѣдители народовъ сосѣд„ственныхъ, и въ гордости своей дерзнув„шіе воевать съ Имперіею Римскою, уже „оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа „и суть друзья наши, бывъ еще *не-давно* „злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ „насъ Епископа и Священника, имѣя живое „усердіе къ богослуженію Христіанскому.“ Константинъ Багрянородный и другіе Греческіе *Историки пишутъ, что Россы* крестились во время Царя Василія Македонскаго и Патріарха Игнатія, то есть, не ранѣе 867 года (286). „Императоръ (говорятъ „они), не имѣя возможности побѣдить Рос„совъ, склонилъ ихъ къ миру богатыми да„рами, состоявшими въ золотѣ, серебрѣ и

Начало Христіанства въ Кіевѣ.

„шелковыхъ одеждахъ. Онъ прислалъ къ нимъ „Епископа, посвященнаго Игнатіемъ, который обратилъ ихъ въ Христіанство.“— Сіи два извѣстія не противорѣчатъ одно другому. Фотій въ 866 году могъ отправить церковныхъ учителей въ Кіевъ: Игнатій также; они насадили тамъ первыя сѣмена Вѣры истинной: ибо Несторова лѣтопись свидѣтельствуетъ, что въ Игорево время было уже много Христіанъ въ Кіевѣ (287). Вѣроятно, что проповѣдники, для лучшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ, тогда же ввели въ употребленіе между Кіевскими Христіанами и новыя письмена Славянскія, изобрѣтенныя Кирилломъ въ Моравіи за нѣсколько лѣтъ до того времени. Обстоятельства благопріятствовали сему успѣху: Славяне исповѣдывали одну Вѣру, а Варяги другую (288); въ послѣдствіи увидимъ, что древніе Государи Кіевскіе наблюдали священные обряды первой, слѣдуя внушенію весьма естественнаго благоразумія; но усердіе ихъ къ чужеземнымъ идоламъ, коихъ обожали они единственно въ угожденіе главному своему народу, не могло быть искреннимъ, и самая государственная польза заставляла Князей не препятствовать успѣхамъ новой Вѣры, соединявшей ихъ подданныхъ, Славянъ, и надежныхъ товарищей, Варяговъ, узами духовнаго братства. Но еще не наступило время совершеннаго торжества ея.

Такимъ образомъ Варяги основали двѣ Самодержавныя области въ Россіи: Рюрикъ на Сѣверѣ, Аскольдъ и Диръ на Югѣ. Не вѣроятно, чтобы Козары, бравшіе дань съ Кіева, добровольно уступили его Варягамъ, хотя Лѣтописецъ молчитъ о воинскихъ дѣлахъ Аскольда и Дира въ странахъ Днѣпровскихъ (289): оружіе безъ сомнѣнія рѣшило, кому начальствовать надъ миролюбивыми Полянами; и ежели Варяги дѣйствительно, претерпѣвъ уронъ на Черномъ морѣ, возвратились отъ Константинополя съ неудачею, то имъ надлежало быть счастливѣе на сухомъ пути: ибо они удержали за собою Кіевъ.

Несторъ молчитъ также о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Рюрика въ Новѣгородѣ, за недостаткомъ современныхъ извѣстій, а не для того, чтобы сей Князь отважный, пожертвовавъ отечествомъ властолюбію, провелъ остатокъ жизни въ бездѣйствіи: *дѣйствовать* же значило тогда *воевать*, и Государи Скандинавскіе, единоземцы Рюриковы, принимая власть отъ народа, обыкновенно клялися, именемъ Одиновымъ, быть завоевателями (290). Спокойствіе Государства, мудрое законодательство и правосудіе составляютъ нынѣ славу Царей; но Князья Русскіе въ IX и X вѣкѣ еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный къ Западу, Сѣверу и Востоку народами Финскими, Рюрикъ могъ ли оставить въ покоѣ своихъ ближнихъ сосѣдовъ, когда и самые отдаленные

берега Оки долженствовали ему покориться? Вѣроятно, что окрестности Чудскаго и Ладожскаго озера были также свидѣтелями мужественныхъ дѣлъ его, неописанныхъ и забвенныхъ. — Онъ княжилъ единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лѣтъ въ Новѣгородѣ, и скончался въ 879 году, вручивъ правленіе и малолѣтнаго сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Смерть Рюрика.

Память Рюрика, какъ перваго Самодержца Россійскаго, осталась безсмертною въ нашей Исторіи, и главнымъ дѣйствіемъ его Княженія было твердое присоединеніе нѣкоторыхъ Финскихъ племенъ къ народу Славянскому въ Россіи, такъ, что Весь, Меря, Мурома, наконецъ обратились въ Славянъ, принявъ ихъ обычаи, языкъ и Вѣру (291).

ГЛАВА V.

ОЛЕГЪ ПРАВИТЕЛЬ.

Г. 879—912.

Завоеванія Олеговы. Нашествіе Угровъ. Супружество Игоря. Россіяне служатъ въ Греціи. Олегъ идетъ на Царьградъ. Миръ съ Греками. Договоръ съ Имперіею. Кончина Олега.

Рюрикъ, по словамъ лѣтописи, вручилъ
г. 879. Олегу правленіе за малолѣтствомъ сына. Сей опекунъ Игоревъ скоро прославился великою своею отважностію, побѣдами, благоразуміемъ и самою любовію подданныхъ.

Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и братьевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ, и надежда обогатиться, безъ сомнѣнія привлекли многихъ Варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную и смѣлую дружину. Олегъ, пылая славолюбіемъ Героевъ, не удовольствовался симъ войскомъ, но присоединилъ къ нему великое число Новогородцевъ, Кривичей, Веси, Чуди, Мери, и въ 882 году пошелъ къ странамъ Днѣпровскимъ (292). Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, сдался ему, кажется, безъ сопротивленія: чему могли способствовать единоплеменники ихъ, служившіе Олегу. Первая удача была залогомъ новыхъ: храбрый Князь, поручивъ Смоленскъ своему Боярину, вступилъ въ область Сѣверянъ и взялъ Любечь, древній городъ на Днѣпрѣ. Но желанія завоевателя стремились далѣе: слухъ о независимой Державѣ, основанной Аскольдомъ и Диромъ, благословенный климатъ и другія естественныя выгоды Малороссіи, еще украшенныя, можетъ быть, разсказами, влекли Олега къ Кіеву. Вѣроятность, что Аскольдъ и Диръ, имѣя сильную дружину, не захотятъ ему добровольно поддаться, и непріятная мысль сражаться съ единоземцами, равно искусными въ дѣлѣ воинскомъ, принудили его употребить хитрость. Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ немногими людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра,

г. 882.

Завоеванія Олеговы.

гдѣ стоялъ древній Кіевъ [293]; скрылъ вооруженныхъ ратниковъ въ ладіяхъ, и велѣлъ объявить Государямъ Кіевскимъ, что Варяжскіе купцы, отправленные Княземъ Новогородскимъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ какъ друзей и соотечественниковъ. Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, спѣшили на берегъ: воины Олеговы въ одно мгновеніе окружили ихъ. Правитель сказалъ: *вы не Князья и не знаменитаго роду*, *но я Князь* — и показавъ Игоря, примолвилъ: *вотъ сынъ Рюриковъ* [294]! Симъ словомъ осужденные на казнь, Аскольдъ и Диръ, подъ мечами убійцъ, пали мертвые къ ногамъ Олеговымъ . . . Простота, свойственная нравамъ IX вѣка, дозволяетъ вѣрить, что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ Владѣтелей Кіевскихъ; но самое общее варварство сихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварнаго. — Тѣла несчастныхъ Князей были погребены на горѣ, гдѣ въ Несторово время находился Ольминъ дворъ [295]; кости Дировы покоились за храмомъ Св. Ирины; надъ могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители Кіевскіе донынѣ указываютъ сіе мѣсто на крутомъ берегу Днѣпра, ниже монастыря Николаевскаго, гдѣ врастаетъ въ землю малая, ветхая церковь.

Олегъ, обагренный кровію невинныхъ Князей, знаменитыхъ храбростію, вошелъ какъ побѣдитель въ городъ ихъ, и жители, устра-

щенные самымъ его злодѣяніемъ и сильнымъ войскомъ, признали въ немъ своего законнаго Государя. Веселое мѣстоположеніе, судоходный Днѣпръ, удобность имѣть сообщеніе, торговлю или войну съ разными богатыми странами — съ Греческимъ Херсономъ, съ Козарскою Тавридою, съ Болгаріею, съ Константинополемъ — плѣнили Олега, и сей Князь сказалъ: *да будетъ Кіевъ матерію городовъ Россійскихъ* (296)! Монархи народовъ образованныхъ желаютъ имѣть столицу среди Государства, вопервыхъ для того, чтобъ лучше надзирать надъ общимъ его правленіемъ, а во вторыхъ и для своей безопасности. Олегъ, всего болѣе думая о завоеваніяхъ, хотѣлъ жить на границѣ, чтобы тѣмъ скорѣе нападать на чуждыя земли; мыслилъ ужасать сосѣдовъ, а не бояться ихъ. — Онъ поручилъ дальнія области Вельможамъ (297); велѣлъ строить города, или неподвижные станы для войска, которому надлежало быть грозою и внѣшнихъ непріятелей и внутреннихъ мятежниковъ; уставилъ также налоги общіе. Славяне, Кривичи и другіе народы должны были платить дань Варягамъ, служившимъ въ Россіи: Новгородъ давалъ имъ ежегодно 300 гривенъ тогдашнею ходячею монетою Россійскою (298): что представляло цѣну ста-пятидесяти фунтовъ серебра. Сію дань получали Варяги, какъ говоритъ Несторъ, до кончины Ярославовой: съ того времени лѣтописи наши

*

дѣйствительно уже молчатъ о службѣ ихъ въ Россіи (299).

Обширныя владѣнія Россійскія еще не имѣли твердой связи. Ильменскіе Славяне граничили съ Весью, Весь съ Мерею, Меря съ Муромою и съ Кривичами (300); но сильные, отъ Россіянъ независимые народы обитали между Новымгородомъ и Кіевомъ. Храбрый Князь, давъ отдохнуть войску, спѣшилъ къ
г. 883. берегамъ рѣки Припети: тамъ, среди лѣсовъ мрачныхъ, Древляне свирѣпые наслаждались вольностію и встрѣтили его съ оружіемъ; но побѣда увѣнчала Олега, и сей народъ, богатый звѣрями, обязался ему платить дань
г. 884, 885. черными куницами. Въ слѣдующіе два года Князь Россійскій овладѣлъ землею Днѣпровскихъ Сѣверянъ и сосѣдственныхъ съ ними Радимичей. Онъ побѣдилъ первыхъ, освободилъ ихъ отъ власти Козаровъ, и сказавъ: *я врагъ имъ, а не вамъ*! удовольствовался самымъ легкимъ налогомъ: вѣрность и доброе расположеніе Сѣверянъ были ему всего нужнѣе для безопаснаго сообщенія южныхъ областей Россійскихъ съ сѣверными. Радимичи, жители береговъ Сожскихъ, добровольно согласились давать Россіянамъ то же, что Козарамъ: по *щлягу* или мелкой монетѣ съ каждой сохи. Такимъ образомъ, соединивъ цѣпію завоеваній Кіевъ съ Новымгородомъ, Олегъ уничтожилъ господство Хана Козарскаго въ Витебской и Черниговской Губерніи. Сей Ханъ дремалъ, кажется, въ пріяш-

ностяхъ Восточной роскоши и нѣги: изобиліе Тавриды, долговременная связь съ цвѣтущимъ Херсономъ и Константинополемъ, торговля и мирныя искусства Греціи усыпили воинскій духъ въ Козарахъ, и могущество ихъ уже клонилось къ паденію.

Покоривъ Сѣверъ, Князь Россійскій обратилъ счастливое оружіе свое къ Югу. Въ лѣвую сторону отъ Днѣпра, на берегахъ Сулы, жили еще независимые отъ Россійской Державы Славяне, единоплеменные съ Черниговцами: онъ завоевалъ страну ихъ, также Подольскую и Волынскую Губернію, часть Херсонской и, можетъ быть, Галицію: ибо Лѣтописецъ въ числѣ его подданныхъ именуетъ Дулѣбовъ, Тиверцевъ и Хорватовъ, тамъ обитавшихъ (301).

Но между тѣмъ, какъ побѣдоносныя знамена сего Героя развѣвались на берегахъ Днѣстра и Буга, новая столица его увидѣла предъ стѣнами своими многочисленныя *вежи* или шатры Угровъ (Маджаровъ или нынѣшнихъ Венгерцевъ), которые обитали нѣкогда близъ Урала, а въ IX вѣкѣ на Востокъ отъ Кіева, въ странѣ *Лебедіи*, можетъ быть въ Харьковской Губерніи, гдѣ городъ Лебединъ напоминаетъ сіе имя. Вытѣсненные Печенѣгами, они искали тогда жилищъ новыхъ; нѣкоторые перешли за Донъ, на границу Персіи; другіе же устремились на Западъ: мѣсто, гдѣ они стояли подъ Кіевомъ, называлось еще въ Несторово время *Угорскимъ* Нашествіе Угровъ.

[502]. Олегъ пропустилъ ли ихъ дружелюбно, или отразилъ силою, неизвѣстно; сіи бѣглецы переправились чрезъ Днѣпръ и завладѣли Молдавіею, Бессарабіею, землею Воложскою.

Далѣе не находимъ никакихъ извѣстій о предпріятіяхъ дѣятельнаго Олега до самаго 906 года [503]; знаемъ только, что онъ правилъ еще Государствомъ и въ то время, когда уже питомецъ его возмужалъ лѣтами. Пріученный изъ дѣтства къ повиновенію, Игорь не дерзалъ требовать своего наслѣдія отъ Правителя властолюбиваго, окруженнаго блескомъ побѣдъ, славою завоеваній и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо онъ умѣлъ ею возвеличить Государство. Въ 903 году Олегъ избралъ для Игоря супругу, сію въ нашихъ лѣтописяхъ безсмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонравіемъ. Ее привезли въ Кіевъ изъ Плескова или нынѣшняго Пскова: такъ пишетъ Несторъ. Но въ особенномъ ея житіи и въ другихъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ сказано, что Ольга была Варяжскаго простаго роду, и жила въ веси, именуемой Выбутскою, близъ Пскова; что юный Игорь, пріѣхавъ изъ Кіева, увеселялся тамъ нѣкогда звѣриною ловлею; увидѣлъ Ольгу, говорилъ съ нею, узналъ ея разумъ, скромность, и предпочелъ сію любезную сельскую дѣвицу всѣмъ другимъ невѣстамъ. Обыкновенія и нравы тогдашнихъ временъ

Супружество Игоря.

конечно дозволяли Князю искать для себя супруги въ самомъ низкомъ состояніи людей: ибо красота уважалась болѣе знаменитаго рода; но мы не можемъ ручаться за истину преданія, неизвѣстнаго нашему древнему Лѣтописцу: иначе онъ не пропустилъ бы столь любопытнаго обстоятельства въ житіи Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей достойной Княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви.

Вѣроятно, что сношеніе между Константинополемъ и Кіевомъ не прерывалось со времень Аскольда и Дира; вѣроятно, что Цари и Патріархи Греческіе старались умножать число Христіанъ въ Кіевѣ и вывести самого Князя изъ тмы идолопоклонства; но Олегъ, принимая, можетъ быть, Священниковъ отъ Патріарха и дары отъ Императора, вѣрилъ болѣе всего мечу своему, довольствовался мирнымъ союзомъ съ Греками и терпимостію Христіанства. Мы знаемъ по Византійскимъ извѣстіямъ, что около сего времени Россія считалась *шестидесятымъ Архіепископствомъ* въ спискѣ Епархій, зависѣвшихъ отъ Главы Константинопольскаго Духовенства; знаемъ также, что въ 902 году 700 Россовъ, или Кіевскихъ Варяговъ, служили во флотѣ Греческомъ, и что имъ платили изъ казны 100 литръ золота (304). Спокойствіе, которымъ Россія, покоривъ окрестные народы, могла

Россіяне служатъ въ Греціи.

нѣсколько времени наслаждаться, давало свободу витязямъ Олеговымъ искать дѣятельности въ службѣ Императоровъ: Греки уже издавна осыпали золотомъ такъ называемыхъ варваровъ, чтобы они дикою храбростію своею ужасали не Константинополь, а враговъ его. Но Олегъ, наскучивъ тишиною, опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда, и желая доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому, рѣшился воевать съ Имперіею.

Г. 906. Олегъ идетъ на Царьградъ.

Всѣ народы, ему подвластные: Новогородцы, Финскіе жители Бѣлаозера, Ростовская Меря, Кривичи, Сѣверяне, Поляне Кіевскіе, Радимичи, Дулѣбы, Хорваты и Тиверцы соединились съ Варягами подъ его знаменами (305). Днѣпръ покрылся *двумя тысячами* легкихъ судовъ: на всякомъ было сорокъ воиновъ; *конница* шла берегомъ. Игорь остался въ Кіевѣ: Правитель не хотѣлъ раздѣлить съ нимъ ни опасностей, ни славы. Надлежало побѣдить не только враговъ, но и Природу, такими чрезвычайными усиліями, которыя могли бы устрашить самую дерзкую предпріимчивость нашего времени, и кажутся едва вѣроятными. Днѣпровскіе пороги и нынѣ мѣшаютъ судоходству, хотя стремленіе воды въ теченіе столѣтій и наконецъ искусство людей разрушили нѣкоторыя изъ сихъ преградъ каменныхъ (306). Въ IX и X вѣкѣ они долженствовали быть несравненно опаснѣе. Первые Варяги Кіев-

скіе осмѣлились пройти сквозь ихъ острыя скалы и кипящія волны съ двумя стами судовъ: Олегъ со флотомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ. Константинъ Багрянородный описалъ намъ, какъ Россіяне въ семъ плаваніи обыкновенно преодолѣвали трудности: бросались въ воду, искали гладкаго дна, и проводили суда между камнями; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытаскивали свои лодки изъ рѣки, влекли берегомъ или несли на плечахъ, будучи въ то же самое время готовы отражать непріятеля (507). Доплывъ благополучно до Лимана, они исправляли мачты, парусы, рули; входили въ море, и держась западныхъ береговъ его, достигали Греціи. Но Олегъ велъ съ собою еще сухопутное, конное войско: жители Бессарабіи и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Лѣтописецъ не говоритъ о томъ. Но мужественный Олегъ приближился наконецъ къ Греческой столицѣ, гдѣ суевѣрный Императоръ Леонъ, прозванный Философомъ, думалъ о вычетахъ Астрологіи болѣе, нежели о безопасности Государства. Онъ велѣлъ только заградить цѣпію гавань (308), и далъ волю Олегу разорять Византійскія окрестности, жечь селенія, церкви, увеселительные домы Вельможъ Греческихъ. Несторъ, въ доказательство своего безпристрастія, изображаетъ самыми черными красками жестокость и безчеловѣчіе Россіянъ. Они плавали въ крови несчастныхъ,

терзали плѣнниковъ, бросали живыхъ и мертвыхъ въ море. Такъ нѣкогда поступали Гунны и народы Германскіе въ областяхъ Имперіи; такъ, въ сіе же самое время, Норманы, единоземцы Олеговы, свирѣпствовали въ Западной Европѣ. Война даетъ нынѣ право убивать непріятелей вооруженныхъ: тогда была она правомъ злодѣйствовать въ землѣ ихъ и хвалиться злодѣяніями . . . . Сіи Греки, которые все еще именовались согражданами Сципіоновъ и Брутовъ, сидѣли въ стѣнахъ Константинополя и смотрѣли на ужасы опустошенія вокругъ столицы; но Князь Россійскій привелъ въ трепетъ и самый городъ. Въ лѣтописи сказано, что Олегъ поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣтра, на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ шелъ со флотомъ къ Константинополю. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ послѣ Магометъ II: велѣлъ воинамъ тащить суда берегомъ въ гавань, чтобы приступить къ стѣнамъ городскимъ (309); а баснословіе, вымысливъ дѣйствіе парусовъ на сухомъ пути, обратило трудное, но возможное дѣло въ чудесное и невѣроятное. Греки, устрашенные симъ намѣреніемъ, спѣшили предложить Олегу миръ и дань. Они выслали войску его съѣстные припасы и вино: Князь отвергнулъ то и другое, боясь отравы: ибо храбрый считаетъ малодушнаго коварнымъ. Если подозрѣніе Олегово, какъ гово-

ритъ Несторъ, было справедливо: что не Россіянъ, а Грековъ должно назвать истинными варварами X вѣка. Побѣдитель требовалъ 12 гривенъ на каждаго человѣка во флотѣ своемъ, и Греки согласились, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ прекратилъ непріятельскія дѣйствія и мирно возвратился въ отечество. Войско Россійское отступило далѣе отъ города, и Князь отправилъ Пословъ къ Императору. Лѣтопись сохранила Норманскія имена сихъ Вельможъ: Карла, Фарлафа, Веремида, Рулава и Стемида. Они заключили съ Константинополемъ слѣдующій договоръ: Миръ съ Греками.

1. „Греки даютъ по 12 гривенъ на чело„вѣка [310], и сверхъ того *уклады* на горо„да Кіевъ, Черниговъ, *Переяславль*, Пол„тескъ, Ростовъ, Любечъ и другіе, гдѣ вла„ствуютъ Князья, Олеговы подданные.“ Война была въ сіи времена народнымъ промысломъ: Олегъ, соблюдая обычай Скандинавовъ и всѣхъ народовъ Германскихъ, долженствовалъ раздѣлить свою добычу съ воинами и Полководцами, не забывая и тѣхъ, которые оставались въ Россіи.

2. „Послы, отправляемые Княземъ Рус„скимъ въ Царьградъ, будутъ тамъ всѣмъ „довольствованы изъ казны Императорской „[311]. Русскимъ гостямъ или торговымъ лю„дямъ, которые пріѣдутъ въ Грецію, Им„ператоръ обязанъ на шесть мѣсяцевъ да„вать хлѣба, вина, мяса, рыбы и плодовъ;

„они имѣютъ также свободный входъ въ „народныя бани (312), и получаютъ на возвратный путь съѣстные припасы, якори, „снасти, парусы и все нужное.“

Греки съ своей стороны предложили такія условія: „1. Россіяне, которые будутъ „въ Константинополѣ не для торговли, „не имѣютъ права требовать мѣсячнаго со„держанія. — 2. Да запретитъ Князь По„сламъ своимъ дѣлать жителямъ обиду въ „областяхъ и въ селахъ Греческихъ. — 3. „Россіяне могутъ жить только у Св. Ма„мы (313), и должны увѣдомлять о своемъ при„бытіи городское начальство, которое за„пишетъ ихъ имена и выдастъ имъ мѣсяч„ное содержаніе: Кіевскимъ, Черниговскимъ, „Переяславскимъ и другимъ гражданамъ. Они „будутъ входить только въ одни ворота „городскія съ Императорскимъ приставомъ, „безоружные и не болѣе пятидесяти чело„вѣкъ вдругъ; могутъ торговать свободно „въ Константинополѣ, и не платя никакой „пошлины.“

Сей миръ, выгодный для Россіянъ, былъ утвержденъ священными обрядами Вѣры: Императоръ клялся Евангеліемъ, Олегъ съ воинами оружіемъ и богами народа Славянскаго, Перуномъ и Волосомъ (314). Въ знакъ побѣды Герой повѣсилъ щитъ свой на вратахъ Константинополя и возвратился въ Кіевъ, гдѣ народъ, удивленный его славою и богатствами, имъ привезенными: золотомъ, тка-

ніями, разными драгоцѣнностями искусства и естественными произведеніями благословеннаго климата Греціи, единогласно назвалъ Олега *вѣщимъ*, то есть мудрымъ или волхвомъ (315).

Такъ Несторъ описываетъ счастливый и славный походъ, коимъ Олегъ увѣнчалъ свои дѣла воинскія. Греческіе Историки молчатъ о семъ важномъ случаѣ (316); но когда Лѣтописецъ нашъ не позволялъ дѣйствовать своему *воображенію* и въ описаніи древнихъ, отдаленныхъ временъ: то могъ ли онъ, живучи въ XI вѣкѣ, выдумать происшествіе десятаго столѣтія, еще свѣжаго въ народной памяти? могъ ли съ дерзостію увѣрять современниковъ въ истинѣ онаго, если бы общее преданіе не служило ей порукою? Согласимся, что нѣкоторыя обстоятельства могутъ быть баснословны: товарищи Олеговы, хваляся своими подвигами, украшали ихъ въ разсказахъ, которые, съ новыми прибавленіями, чрезъ нѣсколько времени обратились въ народную сказку, повторенную Несторомъ безъ критическаго изслѣдованія; но главное обстоятельство, что *Олегъ ходилъ къ Царюграду и возвратился съ успѣхомъ*, кажется достовѣрнымъ.

Доселѣ одни словесныя преданія могли руководствовать Нестора (317); но желая утвердить миръ съ Греками, Олегъ вздумалъ отправить въ Царьградъ Пословъ, которые заключили съ Имперіею договоръ *письмен-* Г. 911.

ный, драгоцѣнный и древнѣйшій памятникъ Исторіи Россійской, сохраненный въ нашей лѣтописи. Мы изъяснимъ единственно смыслъ темныхъ рѣченій, оставляя въ цѣлости, гдѣ можно, любопытную древность слога.

Договоръ съ Имперіею.

ДОГОВОРЪ РУССКИХЪ СЪ ГРЕКАМИ.

„Мы отъ роду Русскаго, Карлъ Ингелотъ, „Фарловъ, Веремидъ (318), Рулавъ, Гуды, Ру„альдъ, Карнъ, Флелавъ, Рюаръ, Актутру„янъ, Лидулфостъ, Стемидъ, посланные Оле„гомъ, *Великимъ* Княземъ Русскимъ, и *всьми* „*сущими подъ рукою* его (319), Свѣтлыми Бо„ярами, къ вамъ Льву, Александру и Кон„стантину" (брату и сыну перваго) „вели„кимъ Царямъ Греческимъ, на *удержаніе* и „на *извьщеніе* отъ многихъ лѣтъ бывшія „любви между Христіанами и Русью, по „волѣ нашихъ Князей и всѣхъ сущихъ подъ „рукою Олега, слѣдующими *главами* уже не „*словесно, какъ прежде*, но письменно „утвердили сію любовь, и клялися въ томъ „по закону Русскому своимъ оружіемъ.

I. „Первымъ словомъ да *умиримся* съ „вами, Греки! да любимъ другъ друга отъ „всея души, и не дадимъ никому изъ сущихъ „подъ рукою нашихъ Свѣтлыхъ Князей оби„жать васъ; но потщимся, сколь можемъ, „всегда и непреложно соблюдать сію дружбу! „Также и вы, Греки, да храните всегда любовь „*неподвижную* къ нашимъ Свѣтлымъ Князьямъ „Русскимъ и всѣмъ сущимъ подъ рукою Свѣт-

„лаго Олега [320]. **Въ случаѣ же преступле-**
„нія и *вины да поступаемъ тако:*

II. „Вина доказывается свидѣтельствами;
„а когда нѣтъ свидѣтелей, то не истецъ,
„но отвѣтчикъ присягаетъ — и *каждый да*
„*клянется* по Вѣрѣ своей.„ Взаимныя оби-
ды и ссоры Грековъ съ Россіянами въ Кон-
стантинополѣ заставили, какъ надобно ду-
мать, Императоровъ и Князя Олега вклю-
чить статьи уголовныхъ законовъ въ мир-
ный *государственный договоръ.*

III. „Русинъ ли убіетъ Христіанина или
„Христіанинъ Русина, да умретъ на мѣстѣ
„злодѣянія. Когда убійца *домовитъ* и скроет-
„ся, то его имѣніе отдать ближнему род-
„ственнику убитаго; но жена убійцы не ли-
„шается своей законной части [321]. Когда
„же преступникъ уйдетъ, не оставивъ имѣ-
„нія, то считается подъ судомъ [322], до-
„колѣ найдутъ его и казнятъ смертію.

IV. „Кто ударитъ другаго мечемъ, или
„какимъ сосудомъ, да заплатитъ пять
„литръ серебра по закону Русскому; неимо-
„витый же да заплатитъ, что можетъ; да
„сниметъ съ себя и самую одежду, въ ко-
„торой ходитъ, и да клянется по Вѣрѣ
„своей, что *ни ближніе, ни друзья не хо-*
„*тятъ* его выкупить изъ вины: тогда уволь-
„няется отъ дальнѣйшаго взысканія.

V. „Когда Русинъ украдетъ что-либо у
„Христіанина или Христіанинъ у Русина, и
„пойманный на воровствѣ захочетъ сопро-

„тивляться, то хозяинъ украденной вещи „можетъ убить его, не подвергаясь взыска„нію, и возметъ свое обратно; но долженъ „только связать вора, который безъ сопро„тивленія отдается ему въ руки. Если Ру„синъ или Христіанинъ, подъ видомъ обыска „(323), войдетъ въ чей домъ и силою возметъ „тамъ чужое, вмѣсто своего, да заплатитъ „втрое.

VI. „Когда вѣтромъ выкинетъ Греческую „ладію на землю чуждую, гдѣ случимся мы, „Русь, то будемъ охранять оную вмѣстѣ съ „ея грузомъ, отправимъ въ землю Греческую, „и проводимъ сквозь всякое *страшное* мѣ„сто до *безстрашнаго*. Когда же ей нельзя „возвратиться въ отечество за бурею или „другими препятствіями, то поможемъ „гребцамъ и доведемъ ладію до безопасной „пристани Русской. Товары и все, что бу„детъ въ спасенной нами ладіи, да продает„ся свободно; и когда пойдутъ въ Грецію „наши Послы къ Царю, или гости для куп„ли, они съ честію приведутъ туда ладію „и въ цѣлости отдадутъ, что выручено за „ея товары. Если же кто изъ Русскихъ „убьетъ человѣка на сей ладіи, или что ни„будь украдетъ, да пріиметъ виновный казнь „вышеозначенную. — *Греки да поступаютъ* „*такимъ же образомъ съ Русскими судами* „(324).

VII. „Ежели найдутся въ Греціи между „купленными невольниками Россіяне или въ

„Руси Греки, то ихъ освободить и взять „за нихъ, чего они купцамъ стояли, или на„стоящую, извѣстную цѣну невольниковъ; „плѣнные также да будутъ возвращены въ „отечество, и за каждаго да внесется оку„пу 20 *златыхъ*. Но Русскіе воины, кото„рые изъ чести придутъ служить Царю, „могутъ, буде захотятъ сами, остаться „въ землѣ Греческой.

VIII. „Ежели невольникъ Русскій уйдетъ, „будетъ украденъ или отнятъ подъ видомъ „купли, то хозяинъ можетъ вездѣ искать „и взять его; а кто противится обыску, „считается виновнымъ.

IX. „Когда Русинъ, служащій Царю Хри„стіанскому, умретъ въ Греціи, не распо„рядивъ своего наслѣдства, и родныхъ съ „нимъ не будетъ: то прислать его имѣніе „въ Русь къ *милымъ ближнимъ* (325); а когда „сдѣлаетъ распоряженіе, то отдать имѣніе „наслѣднику, означенному въ духовной.

X. „Ежели между купцами и другими людь„ми Русскими въ Греціи будутъ виновные, „и ежели потребуютъ ихъ въ отечество „для наказанія, то Царь Христіанскій дол„женъ отправить сихъ преступниковъ въ „Русь, хотя бы они и не хотѣли туда воз„вратиться.

„Да поступаютъ такъ и Русскіе въ от„ношеніи къ Грекамъ (326)!

„Для вѣрнаго исполненія сихъ условій меж„ду нами, Русью и Греками, велѣли мы на-

„писать оныя киноварью на двухъ хартіяхъ.
„Царь Греческій скрѣпилъ ихъ своею рукою,
„клялся Святымъ Крестомъ, Нераздѣльною
„Животворящею Троицею единаго Бога, и
„далъ хартію нашей Свѣтлости; а мы, По-
„слы Русскіе, дали ему другую и клялися по
„закону своему, за себя и за всѣхъ Русскихъ,
„исполнять утвержденныя главы мира и
„любви между нами, Русью и Греками. Сен-
„тября во 2 недѣлю, въ 15 лѣто (то есть
„Индикта) отъ созданія міра . . . . [327]. "

Договоръ могъ быть писанъ на Греческомъ и Славянскомъ языкѣ. Уже Варяги около пятидесяти лѣтъ господствовали въ Кіевѣ: сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между Славянами, долженствовали говорить языкомъ ихъ лучше, нежели Скандинавскимъ. Дѣти Варяговъ, принявшихъ Христіанство во время Аскольда и Дира, имѣли способъ выучиться и Славянской грамотѣ, изобрѣтенной Кирилломъ въ Моравіи. Съ другой стороны при Дворѣ и въ войскѣ Греческомъ находились издавна многіе Славяне, обитавшіе во Ѳракіи, въ Пелопоннесѣ и въ другихъ владѣніяхъ Императорскихъ. Въ осьмомъ вѣкѣ одинъ изъ нихъ управлялъ, въ санѣ Патріарха, Церковію; и въ самое то время, когда Императоръ Александръ подписывалъ миръ съ Олегомъ, первыми любимцами его были два Славянина, именемъ Гаврилопулъ и Василичь: послѣдняго хотѣлъ онъ сдѣлать даже своимъ наслѣдникомъ [328]. Усло-

вія мирныя надлежало разумѣть и Грекамъ и Варягамъ: первые безъ сомнѣнія не знали языка Норманновъ, но Славянскій былъ извѣстенъ и тѣмъ и другимъ.

Сей договоръ представляетъ намъ Россіянъ уже не дикими варварами, но людьми, которые знаютъ святость чести и народныхъ торжественныхъ условій; имѣютъ свои законы, утверждающіе безопасность личную, собственность, право наслѣдія и силу завѣщаній; имѣютъ торговлю внутреннюю и внѣшнюю. VII и VIII статья его доказываютъ — и Константинъ Багрянородный то же свидѣтельствуетъ (329) — что купцы Россійскіе торговали невольниками: или плѣнными, взятыми на войнѣ, или рабами купленными у народовъ сосѣдственныхъ, или собственными преступниками, законнымъ образомъ лишенными свободы. — Надобно также примѣтить, что между именами четырнадцати Вельможъ, употребленныхъ Великимъ Княземъ для заключенія мирныхъ условій съ Греками, нѣтъ ни одного Славянскаго. Только Варяги, кажется, окружали нашихъ первыхъ Государей и пользовались ихъ довѣренностію, участвуя въ дѣлахъ правленія.

Императоръ, одаривъ Пословъ золотомъ, драгоцѣнными одеждами и тканями (330), велѣлъ показать имъ красоту и богатство храмовъ (которыя сильнѣе умственныхъ доказательствъ могли представить воображенію грубыхъ людей величіе Бога Христіан-

скаго) и съ честію отпустилъ ихъ въ Кіевъ, гдѣ они дали отчетъ Князю въ успѣхѣ посольства.

Сей Герой, смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ (331). Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, Государь народовъ многочисленныхъ и повелитель войска храбраго могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое — и смерть его казалась потомству чудесною. ,,Волхвы — такъ говоритъ Лѣтописецъ — предсказали Князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года: въ осень пятаго вспомнилъ Олегъ о предсказаніи, и слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть его кости; сталъ ногою на черепъ и сказалъ: его ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила Князя, и

Кончина Олега.

Герой скончался" . . . . Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и невѣрить, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею на могилѣ любимаго коня его (332); но мнимое пророчество волхвовъ или кудесниковъ есть явная народная

басня, достойная замѣчанія по своей древности.

Гораздо важнѣе и достовѣрнѣе то, что Лѣтописецъ повѣствуетъ о слѣдствіяхъ кончины Олеговой: *народъ стеналъ, и проливалъ слезы.* Что можно сказать сильнѣе и разительнѣе въ похвалу Государя умершаго? И такъ Олегъ не только ужасалъ враговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными. Воины могли оплакивать въ немъ смѣлаго, искуснаго предводителя, а народъ защитника. — Присоединивъ къ Державѣ своей лучшія и богатѣйшія страны нынѣшней Россіи, сей Князь былъ истиннымъ основателемъ ея величія. Рюрикъ владѣлъ отъ Эстоніи, Славянскихъ Ключей и Волхова до Бѣлаозера, устья Оки и города Ростова: Олегъ завоевалъ все отъ Смоленска до рѣки Сулы, Днѣстра и, кажется, самыхъ горъ Карпатскихъ (333). Мудростію Правителя цвѣтутъ Государства образованныя; но только сильная рука Героя основываетъ великія Имперіи и служитъ имъ надежною опорою въ ихъ опасной новости. Древняя Россія славится не однимъ Героемъ: никто изъ нихъ не могъ сравняться съ Олегомъ въ завоеваніяхъ, которыя утвердили ея бытіе могущественное. Исторія признаетъ ли его незаконнымъ Властелиномъ съ того времени, какъ возмужалъ наслѣдникъ Рюриковъ? Великія дѣла и польза государственная не извиняютъ ли властолюбія Олегова? и пра-

ва наслѣдственныя, еще неутвержденныя въ Россіи обыкновеніемъ, могли ли ему казаться священными [354]? . . . Но кровь Аскольда и Дира осталась пятномъ его славы.

Олегъ, княживъ 33 года, умеръ въ глубокой старости, ежели онъ хотя юношею пришелъ въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Тѣло его погребено на горѣ Щековицѣ, и жители Кіевскіе, современники Нестора, звали сіе мѣсто *Ольговою могилою.*

ГЛАВА VI.

КНЯЗЬ ИГОРЬ.

Г. 912 - 945.

Бунтъ Древлянъ. Явленіе Печенѣговъ. Нападеніе Игоря на Грецію. Договоръ съ Греками. Убіеніе Игоря.

Г. 912-913. Игорь въ зрѣломъ возрастѣ мужа пріялъ власть опасную: ибо современники и потомство требуютъ величія отъ наслѣдниковъ Государя великаго, или презираютъ недостойныхъ.

Г. 3194-91: Бунтъ Древлянъ. Смерть побѣдителя ободрила побѣжденныхъ, и Древляне отложились отъ Кіева. Игорь спѣшилъ доказать, что въ его рукѣ мечь Олеговъ; смирилъ ихъ и наказалъ прибавленіемъ дани [335]. — Но скоро новые враги, сильные числомъ, страшные дерзостію

Г. 914-915. Явленіе Печенѣговъ. и грабительствомъ, явились въ предѣлахъ Россіи. Они подъ именемъ *Печенѣговъ* такъ

славны въ лѣтописяхъ нашихъ, Византійскихъ и Венгерскихъ отъ X до XII вѣка, что мы должны, при вступленіи ихъ на ѳеатръ Исторіи, сказать нѣсколько словъ о свойствѣ и древнемъ отечествѣ сего народа [336].

Восточная страна нынѣшней Россійской Монархіи, гдѣ текутъ рѣки Иртышъ, Тоболъ, Уралъ, Волга, въ продолженіе многихъ столѣтій ужасала Европу грознымъ явленіемъ народовъ, которые одинъ за другимъ выходили изъ ея степей обширныхъ, различные, можетъ быть, языкомъ, но сходные характеромъ, образомъ жизни и свирѣпостію. Всѣ были кочующіе; всѣ питались скотоводствомъ и звѣриною ловлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки — и всѣ они исчезли въ Европѣ, кромѣ Угровъ и Турковъ. Къ симъ народамъ принадлежали Узы и Печенѣги, единоплеменники Туркомановъ: первые, обитая между Волгою и Дономъ, въ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, вытѣснили ихъ изъ степей Саратовскихъ: изгнанники устремились къ Западу; овладѣли Лебедіею; чрезъ нѣсколько лѣтъ [337] опустошили Бессарабію, Молдавію, Валахію; принудили Угровъ переселиться оттуда въ Паннонію и начали господствовать отъ рѣки Дона до самой Алуты, составивъ 8 разныхъ областей, изъ коихъ 4 были на Востокъ отъ Днѣпра, между Россіянами и Козарами; а другія на западной сторонѣ его, въ Молдавіи, Трансиль-

ванія, на Бугѣ и близъ Галиціи, въ сосѣдствѣ съ народами Славянскими, подвластными Кіевскимъ Государямъ. Не зная земледѣлія, обитая въ шатрахъ, кибиткахъ или вежахъ, Печенѣги искали единственно тучныхъ луговъ для стадъ; искали также богатыхъ сосѣдовъ для грабительства; славились быстротою коней своихъ; вооруженные копьями, лукомъ, стрѣлами, мгновенно окружали непріятеля и мгновенно скрывались отъ глазъ его, бросались на лошадяхъ въ самыя глубокія рѣки или вмѣсто лодокъ употребляли большія кожи. Они носили Персидскую одежду, и лица, заросшія волосами, придавали имъ видъ свирѣпости (338).

Печенѣги думали, можетъ быть, ограбить Кіевъ; но встрѣченные сильнымъ войскомъ, не захотѣли отвѣдать счастія въ битвѣ, и мирно удалились въ Бессарабію или Молдавію, гдѣ уже господствовали тогда ихъ единоземцы (339). Тамъ народъ сей сдѣлался ужасомъ и бичемъ сосѣдовъ; служилъ орудіемъ взаимной ихъ ненависти, и за деньги помогалъ имъ истреблять другъ друга. Греки давали ему золото для обузданія Угровъ и Болгаровъ, особенно же Россіянъ, которые также искали дружбы его, чтобы имѣть безопасную торговлю съ Константинополемъ: ибо Днѣпровскіе пороги и Дунайское устье были заняты Печенѣгами (340). Сверхъ того они могли всегда, съ правой и лѣвой стороны Днѣпра, опусто-

шать Россію, жечь селенія, увозить жень и дѣтей, или, въ случаѣ союза, подкрѣплять Государей Кіевскихъ наемнымъ войскомъ своимъ. Сія несчастная Политика дозволяла разбойникамъ болѣе двухъ вѣковъ свободно отправлять ихъ гибельное ремесло.

Печенѣги, заключивъ союзъ съ Игоремъ, пять лѣтъ не тревожили Россіи: по крайней мѣрѣ Несторъ говоритъ о первой дѣйствительной войнѣ съ ними уже въ 920 году. Преданіе не сообщило ему извѣстія объ успѣхѣ ея и слѣдствіяхъ. Княженіе Игоря вообще не ознаменовалось въ памяти народной никакимъ великимъ происшествіемъ до самаго 941 года, когда Несторъ, согласно съ Византійскими Историками, описываетъ войну Игореву съ Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хотѣлъ прославить ею старость свою, живъ до того времени дружелюбно съ Имперіею: ибо въ 935 году корабли и воины его ходили съ Греческимъ флотомъ въ Италію (341). Если вѣрить Лѣтописцамъ, то Игорь съ 10,000 судовъ вошелъ въ Черное море. Болгары, тогда союзники Императора, увѣдомили его о семъ непріятелѣ; но Игорь успѣлъ, приставъ къ берегу, опустошить Воспорскія окрестности. Здѣсь Несторъ, слѣдуя Византійскимъ Историкамъ, съ новымъ ужасомъ говоритъ о свирѣпости Россіянъ: о храмахъ, монастыряхъ и селеніяхъ, обращенныхъ ими въ пепелъ; о плѣнникахъ безчеловѣчно убіен-

Г. 941. Нападеніе Игоря на Грецію.

ныхъ [342], и проч. Романъ Лакапинъ, воинъ знаменитый, но Государь слабый, выслалъ наконецъ флотъ подъ начальствомъ Ѳеофана Простовестіарія. Корабли Игоревы стояли на якоряхъ близъ Фара или маяка [343], готовые къ сраженію. Игорь столь былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что велѣлъ воинамъ своимъ щадить непріятелей и брать ихъ живыхъ въ плѣнъ; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его чаянію. Россіяне, приведенные въ ужасъ и безпорядокъ такъ называемымъ *огнемъ Греческимъ*, которымъ Ѳеофанъ зажегъ многія суда ихъ, и который показался имъ небесною молніею въ рукахъ озлобленнаго врага, удалились къ берегамъ Малой Азіи. Тамъ Патрикій Варда съ отборною пѣхотою, конницею, и Доместикъ Іоаннъ, славный побѣдами одержанными имъ въ Сиріи, съ опытнымъ Азіатскимъ войскомъ напали на толпы Россіянъ, грабившихъ цвѣтущую Виѳинію, и принудили ихъ бѣжать на суда. Угрожаемые вмѣстѣ и сухопутнымъ Греческимъ войскомъ, и побѣдоноснымъ флотомъ, и голодомъ, они снялись съ якорей, ночью отплыли къ берегамъ Ѳракійскимъ, сразились еще съ Греками на морѣ, и съ великимъ урономъ возвратились въ отечество. Но бѣдствія, претерпѣнныя отъ нихъ Имперіею въ теченіе трехъ мѣсяцевъ [344], остались надолго незабвенными въ ея Азіатскихъ и Европейскихъ областяхъ.

О семъ несчастномъ Игоревомъ походѣ говорятъ не только Византійскіе, но и другіе Историки: Арабскій Эльмакинъ и Кремонскій Епископъ Ліутпрандъ (345); послѣдній разсказываетъ слышанное имъ отъ своего отчима, который, будучи Посломъ въ Царѣградѣ, собственными глазами видѣлъ казнь многихъ Игоревыхъ воиновъ, взятыхъ тогда въ плѣнъ Греками: варварство ужасное! Греки, изнѣженные роскошію, боялись опасностей, а не злодѣйства.

Игорь не унылъ, но хотѣлъ отмстить Грекамъ; собралъ другое многочисленное войско, призвалъ Варяговъ изъ-за моря, нанялъ Печенѣговъ — которые дали ему аманатовъ въ доказательство вѣрности своей — и чрезъ два года снова пошелъ въ Грецію со флотомъ и съ конницею. Херсонцы и Болгары вторично дали знать Императору, что море покрылось кораблями Россійскими. Лакапинъ, не увѣренный въ побѣдѣ и желая спасти Имперію отъ новыхъ бѣдствій войны со врагомъ отчаяннымъ, немедленно отправилъ Пословъ къ Игорю. Встрѣтивъ его близъ Дунайскаго устья, они предложили ему дань, какую нѣкогда взялъ храбрый Олегъ съ Греціи; обѣщали и болѣе, ежели Князь благоразумно согласится на миръ; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивыхъ Печенѣговъ. Игорь остановился, и созвавъ дружину свою, объявилъ ей желаніе Грековъ. „Когда Царь“ —

г. 943—944.

отвѣтствовали вѣрные товарищи Князя Россійскаго — „безъ войны даетъ намъ се„ребро и золото, то чего болѣе можемъ „требовать? Извѣстно ли, кто одолѣетъ? „мы ли? они ли? и съ моремъ кто совѣтенъ? „Подъ нами не земля, а глубина морская: въ „ней общая смерть людямъ." Игорь принялъ ихъ совѣтъ, взялъ дары у Грековъ на всѣхъ воиновъ своихъ, велѣлъ наемнымъ Печенѣгамъ разорять сосѣдственную Болгарію, и возвратился въ Кіевъ.

Г. 945. Договоръ съ Греками.

Въ слѣдующій годъ Лакапинъ отправилъ Пословъ къ Игорю, а Князь Россійскій въ Царьградъ, гдѣ заключенъ былъ ими торжественный миръ на такихъ условіяхъ:

I. Начало подобное Олегову договору: „Мы „отъ рода Русскаго, Послы и гости Иго„ревы," и проч. Слѣдуетъ около пятидесяти Норманскихъ именъ, кромѣ двухъ или трехъ Славянскихъ (346). Но достойно замѣчанія, что здѣсь въ особенности говорится о Послахъ и чиновникахъ Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двухъ *нетіевъ* Игоревыхъ, то есть племянниковъ или дѣтей сестриныхъ, Улѣба, Акуна, и супруги Улѣбовой, Передславы (347). Далѣе: „Мы, по„сланные отъ Игоря, Великаго Князя Рус„скаго, отъ всякаго Княженія, отъ всѣхъ „людей Русскія земли, обновить *ветхій* миръ „съ Великими Царями Греческими, Романомъ, „Константиномъ, Стефаномъ (348), со всѣмъ „*Боярствомъ* и со всѣми людьми Греческими,

„вопреки Діаволу, ненавистнику добра и „*враждолюбцу*, на всѣ лѣта, доколѣ сіяетъ „солнце и стоитъ міръ. Да не дерзаютъ „Русскіе, *крещеные* и некрещеные, нару-„шать союза съ Греками, или первыхъ да „осудитъ Богъ Вседержитель на гибель вѣч-„ную и временную, а вторые да не имутъ „помощи отъ Бога Перуна; да не защитят-„ся своими щитами; да падутъ отъ *соб-„ственныхъ* мечей, стрѣлъ и другаго оружія; „да будутъ рабами въ сей вѣкъ и будущій!

II. „Великій Князь Русскій и Бояре его „да отправляютъ свободно въ Грецію кора-„бли съ гостьми и Послами. Гости, какъ „*было уставлено*, носили печати серебряныя, „а Послы золотыя: отнынѣ же да прихо-„дятъ съ грамотою отъ Князя Русскаго, въ „которой будетъ засвидѣтельствовано ихъ „мирное намѣреніе, также число людей и „кораблей отправленныхъ. Если же придутъ „безъ грамоты, да содержатся подъ стра-„жею, доколѣ извѣстимъ о нихъ Князя Рус-„скаго. Если станутъ противиться, да ли-„шатся жизни, и смерть ихъ да не взыщет-„ся отъ Князя Русскаго. Если уйдутъ въ „Русь, то мы, Греки, увѣдомимъ Князя объ „ихъ бѣгствѣ, да поступитъ онъ съ ними, „какъ ему угодно.“

III. Начало статьи есть повтореніе условій, заключенныхъ Олегомъ подъ стѣнами Константинополя, о томъ, какъ вести себя Посламъ и гостямъ Русскимъ въ Гре-

ціи, гдѣ жить, чего требовать [349], и проч.
—Далѣе: „Гости Русскіе будутъ охраняе-
„мы Царскимъ чиновникомъ, который разби-
„раетъ ссоры ихъ съ Греками. Всякая ткань,
„купленная Русскими, цѣною выше 50 *зо-*
„*лотниковъ* (или червонцовъ), должна быть
„ему показана, чтобы онъ приложилъ къ ней
„печать свою [350]. Отправляясь изъ Царягра-
„да, да берутъ они съѣстные припасы и все
„нужное для кораблей, согласно съ догово-
„ромъ. Да не имѣютъ права зимовать у Св.
„Мамы и да возвращаются съ охраненіемъ.

IV. „Когда уйдетъ невольникъ изъ Руси
„въ Грецію, или отъ гостей, живущихъ у
„Св. Мамы, Русскіе да ищутъ и возьмутъ
„его. Если онъ не будетъ сысканъ, да кля-
„нутся въ бѣгствѣ его по Вѣрѣ своей, Хри-
„стіане и язычники. Тогда Греки дадутъ
„имъ, *какъ прежде уставлено* [351], по двѣ
„ткани за невольника. Если рабъ Греческій
„бѣжитъ къ Россіянамъ съ покражею, то они
„должны возвратить его и снесенное имъ
„въ цѣлости: за что получаютъ въ награж-
„деніе два золотника.

V. „Ежели Русинъ украдетъ что-нибудь
„у Грека, или Грекъ у Русина, да будетъ
„строго наказанъ по закону Русскому и Гре-
„ческому; да возвратитъ украденную вещь
„и заплатитъ цѣну ея вдвое.

VI. „Когда Русскіе приведутъ въ Царь-
„градъ плѣнниковъ Греческихъ, то имъ за
„каждаго брать по десяти золотниковъ,

„если будетъ юноша или дѣвица *добрая*, „за середовича восемь, за старца и младен- „ца пять [352]. Когда же Русскіе найдут- „ся въ неволѣ у Грековъ, то за всякаго „плѣннаго давать выкупу десять золотни- „ковъ, а за купленнаго цѣну его, которую „хозяинъ объявитъ *подъ крестомъ* (или при- сягою).

VII. „Князь Русскій да не присвоиваетъ „себѣ власти надъ страною Херсонскою и „городами ея. Когда же онъ, воюя въ та- „мошнихъ мѣстахъ, потребуетъ войска „отъ насъ, Грековъ: мы дадимъ ему, сколько „будетъ надобно [353].

VIII. „Ежели Русскіе найдутъ у берега „ладію Греческую, да не обидятъ ее; а кто „возметъ что-нибудь изъ ладіи, или убіетъ, „или поработитъ находящихся въ ней лю- „дей, да будетъ наказанъ по закону Русскому „и Греческому [354].

IX. „Русскіе да не творятъ никакого зла „Херсонцамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ Днѣ- „пра, и не имѣютъ власти зимовать тамъ, „ни въ Бѣлобережьѣ, ни у Св. *Еѳерія* [355]; „но при наступленіи осени да идутъ въ до- „мы свои, въ Русскую землю.

X. „Князь Русскій да не пускаетъ *Чер- „ныхъ* Болгаровъ воевать въ странѣ Херсон- „ской.“ — *Черною* называлась Болгарія Ду- найская, въ отношеніи къ древнему отече- ству Болгаровъ [356].

XI. „Ежели Греки, находясь въ землѣ Рус-„ской, окажутся преступниками, да не „имѣетъ Князь власти наказывать ихъ; но „да пріимутъ они сію казнь въ Царствѣ „Греческомъ.

XII. „Когда Христіанинъ умертвитъ Ру-„сина, или Русинъ Христіанина, ближніе „убіеннаго, задержавъ убійцу, да умертвятъ „его." — Далѣе то же, что въ III статьѣ прежняго договора (357).

XIII. Сія статья о побояхъ есть повто-реніе IV статьи Олегова условія.

XIV. „Ежели Цари Греческіе потребуютъ „войска отъ Русскаго Князя, да исполнитъ „Князь ихъ требованіе, и да увидятъ чрезъ „то всѣ иныя страны, въ какой любви жи-„вутъ Греки съ Русью.

„Сіи условія написаны на двухъ хартіяхъ: „одна будетъ у Царей Греческихъ; другую, „ими подписанную, доставятъ Великому Кня-„зю Русскому Игорю и людямъ его, которые, „принявъ оную, да клянутся *хранить ис-„тину* союза: Христіане въ Соборной цер-„кви Св. Иліи *предлежащимъ честнымъ Кре-„стомъ* и сею хартіею (358), а некрещеные „полагая на землю щиты свои, *обручи* и „мечи обнаженные."

Историкъ долженъ въ цѣлости сохранить сіи дипломатическіе памятники Россіи, въ коихъ изображается умъ предковъ нашихъ и самые ихъ обычаи. Государственные договоры X вѣка, столь подробные, весьма рѣдки въ

лѣтописяхъ: они любопытны не только для ученаго Дипломатика, но и для всѣхъ внимательныхъ читателей Исторіи, которые желаютъ имѣть ясное понятіе о тогдашнемъ гражданскомъ состояніи народовъ. Хотя Византійскіе Лѣтописцы не упоминаютъ о семъ договорѣ, ни о прежнемъ, заключенномъ въ Олегово время; но содержаніе оныхъ такъ вѣрно представляетъ намъ взаимныя отношенія Грековъ и Россіянъ X вѣка, такъ сообразно съ обстоятельствами времени, что мы не можемъ усомниться въ ихъ истинѣ . . .

Клятвенно утвердивъ союзъ, Императоръ отправилъ новыхъ Пословъ въ Кіевъ, чтобы вручить Князю Русскому *хартію мира*. Игорь въ присутствіи ихъ на священномъ холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, торжественно обязался хранить дружбу съ Имперіею; воины его также, въ знакъ клятвы полагая къ ногамъ идола оружіе, щиты и золото. Обрядъ достопамятный: оружіе и золото было всего святѣе и драгоцѣннѣе для Русскихъ язычниковъ. Христіане Варяжскіе присягали въ Соборной церкви Св. Иліи, можетъ быть древнѣйшей въ Кіевѣ (359). Лѣтописецъ именно говоритъ, что многіе Варяги были тогда уже Христіанами.

Игорь, одаривъ Пословъ Греческихъ мѣхами драгоцѣнными, воскомъ и плѣнниками (360), отпустилъ ихъ къ Императору съ дружественными увѣреніями. Онъ дѣйствитель-

не хотѣлъ мира для своей старости; но корыстолюбіе собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствіемъ. „Мы босы и наги," говорили воины Игорю: „а Свѣнельдовы Отроки богаты оружіемъ „и всякою одеждою. *Поди въ дань* съ нами, „да и мы, вмѣстѣ съ тобою, будемъ доволь„ны." *Ходить въ дань* значило тогда объѣзжать Россію и собирать налоги. Древніе Государи наши, по извѣстію Константина Багрянороднаго, всякой годъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ отправлялись съ войскомъ изъ Кіева для объѣзда городовъ своихъ и возвращались въ столицу не прежде Апрѣля [361]. Цѣлію сихъ путешествій, какъ вѣроятно, было и то, чтобы укрѣплять общую государственную связь между разными областями, или содержать народъ и чиновниковъ въ зависимости отъ Великихъ Князей. Игорь, отдыхая въ старости, вмѣсто себя посылалъ, кажется, Вельможъ и Бояръ, особенно Свѣнельда, знаменитаго Воеводу, который, собирая государственную дань, могъ и самъ обогащаться, вмѣстѣ съ *Отроками* своими или отборными молодыми воинами, его окружавшими [362]. Имъ завидовала дружина Игорева, и Князь, при наступленіи осени, исполнилъ ея желаніе; отправился въ землю Древлянъ, и забывъ, что умѣренность есть добродѣтель власти, обременилъ ихъ тягостнымъ налогомъ. Дружина его — пользуясь, можетъ быть, слабостію Князя престарѣлаго — также

хотѣла богатства и грабила несчастныхъ данниковъ, усмиренныхъ только побѣдоноснымъ оружіемъ. Уже Игорь вышелъ изъ области ихъ; но судьба опредѣлила ему погибнуть отъ своего неблагоразумія. Еще недовольный взятою имъ данію, онъ вздумалъ отпустить войско въ Кіевъ, и съ частію своей дружины возвратиться къ Древлянамъ, чтобы требовать новой дани. Послы ихъ встрѣтили его на пути, и сказали ему: „Князь! мы все заплатили тебѣ: для чего „же опять идешь къ намъ?“ Ослѣпленный корыстолюбіемъ, Игорь шелъ далѣе. Тогда отчаянные Древляне, видя — по словамъ Лѣтописца — что *надобно умертвить хищнаго волка, или все стадо будетъ его жертвою*, вооружились подъ начальствомъ Князя своего, именемъ Мала; вышли изъ Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли близъ сего города. По сказанію Византійцевъ, они, привязавъ его къ двумъ деревамъ, разорвали на двое (363). Убіеніе Игоря.

Игорь не имѣлъ въ войнѣ съ Греками счастія Олегова; не имѣлъ, кажется, и великихъ свойствъ его: но сохранилъ цѣлость Россійской Державы, устроенной Олегомъ; сохранилъ честь и выгоды ея въ договорахъ съ Имперіею; былъ язычникомъ, но позволялъ новообращеннымъ Россіянамъ славить торжественно Бога Христіанскаго, и вмѣстѣ съ Олегомъ оставилъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ благоразумной терпимости,

достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Два случая остались укоризною для его памяти: онъ далъ опаснымъ Печенѣгамъ утвердиться въ сосѣдствѣ съ Россіею, и не довольствуясь справедливою, то есть умѣренною данію народа, ему подвластнаго, обиралъ его, какъ хищный завоеватель. Игорь мстилъ Древлянамъ за прежній ихъ мятежъ; но Государь унижается местію долговременною: онъ наказываетъ преступника только однажды. — Историкъ, за недостаткомъ преданій, не можетъ сказать ничего болѣе въ похвалу или въ обвиненіе Игоря, княжившаго 32 года.

Упомянемъ объ извѣстіи Арабскаго Географа Абульфеды, которое относится ко временамъ Игоревымъ. Онъ пишетъ, что Россіяне въ 944 году Каспійскимъ моремъ и рѣкою Курочъ приплывали къ городу Бардѣ, столицѣ Арранской (верстахъ въ семидесяти отъ Ганджи); взяли, ограбили его, и тѣмъ же путемъ возвратились въ свою землю. Другой Историкъ Восточный, Абульфарагій, сообщая сіе самое извѣстіе, вмѣсто Россіянъ именуетъ Аланъ, *Славянъ* и Лезговъ (364). То были, какъ вѣроятно, *Славяне Россійскіе*, *подвластные Козарамъ* и черезъ нихъ имѣвшіе сообщеніе съ Каспійскимъ моремъ.

ГЛАВА VII.

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВЪ.

Г. 945 - 972.

Правленіе Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещеніе. Россіяне въ Сициліи. Характеръ и подвиги Святослава. Взятіе Бѣлой Вежи. Завоеваніе Болгаріи. Нашествіе Печенѣговъ. Кончина Ольги. Посольство въ Германію. Первые Удѣлы въ Россіи. Вторичное завоеваніе Болгаріи. Война съ Цимискіемъ. Договоръ съ Греками. Наружность Святославова. Кончина его.

Святославъ, сынъ Игоревъ, первый Князь Славянскаго имени, былъ еще отрокомъ (365). Бѣдственный конецъ родителя, новость Державы, только мечемъ основанной и хранимой; бунтъ Древлянъ; безпокойный духъ войска, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу; честолюбіе Полководцевъ Варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило и цѣлость Державы и власть Государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной.

Юный Князь воспитывался Бояриномъ Асмудомъ: Свѣнельдъ повелѣвалъ войскомъ (366). Ольга — вѣроятно, съ помощію сихъ двухъ знаменитыхъ мужей — овладѣла кормиломъ Государства, и мудрымъ правленіемъ доказала, Правленіе Ольги

что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь Лѣтописецъ сообщаетъ намъ *многія подробности*, отчасти несогласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію Исторіи, и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной *сказки*; но какъ истинное происшествіе должно быть ихъ *основаніемъ*, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ времени (367): то мы повторимъ Несторовы простыя сказанія о *мести и хитростяхъ Ольгиныхъ*.

Хитрая месть.

,,Гордясь убійствомъ какъ побѣдою и презирая малолѣтство Святослава, Древляне ,,вздумали присвоить себѣ власть надъ Кіевомъ, и хотѣли, чтобы ихъ Князь Малъ ,,женился на вдовѣ Игоря: ибо они, платя ,,дань Государямъ Кіевскимъ, имѣли еще Князей собственныхъ. Двадцать знаменитыхъ ,,Пословъ Древлянскихъ приплыли въ ладіи ,,къ Кіеву (368) и сказали Ольгѣ: *Мы убили ,,твоего мужа за его хищность и грабительство; но Князья Древлянскіе добры и великодушны: ихъ земля цвѣтетъ и благоденствуетъ. Будь супругою нашего Князя Мала.* Ольга съ ласкою отвѣтствовала: *Мнѣ ,,пріятна рѣчь ваша. Уже не могу воскресить ,,супруга* (369)! *Завтра окажу вамъ всю должную честь. Теперь возвратитесь въ ладію ,,свою, и когда люди мои придутъ за вами,*

„*велите имъ нести себя на рукахъ* . . .
„Между тѣмъ Ольга приказала на *дворѣ теремномъ* ископать глубокую яму, и на другой день звать Пословъ. Исполняя волю „ея, они сказали: *не хотимъ ни итти, ни* „*ѣхать: несите насъ въ ладіи!* Кіевляне отвѣтствовали: *что дѣлать! мы невольники;* „*Игоря нѣтъ, а Княгиня наша хочетъ быть* „*супругою вашего Князя* — и понесли ихъ. „Ольга сидѣла въ своемъ теремѣ и смотрѣла, „какъ Древляне гордились и величались (370), „не предвидя своей гибели: ибо Ольгины „люди бросили ихъ, вмѣстѣ съ ладіею, въ „яму. Мстительная Княгиня спросила у „нихъ, довольны ли они сею *честію*? Несчастные изъявили воплемъ раскаяніе въ убіеніи Игоря, но поздно: Ольга велѣла ихъ „засыпать живыхъ землею, и чрезъ гонца „объявила Древлянамъ, что они должны прислать за нею еще болѣе знаменитыхъ мужей: „ибо народъ Кіевскій не отпуститъ ее безъ „ихъ торжественнаго и многочисленнаго „посольства. Легковѣрные немедленно отправили въ Кіевъ лучшихъ граждань (371) „и начальниковъ земли своей. Тамъ, по древнему обычаю Славянскому, для гостей изготовили баню, и въ ней сожгли ихъ. Тогда Ольга велѣла сказать Древлянамъ, чтобы они варили медъ въ Коростенѣ; что „она уже идетъ къ нимъ, желая прежде втораго брака совершить тризну надъ могилою перваго супруга. Ольга дѣйствительно

„пришла къ городу Коростену, оросила слезами прахъ Игоревъ, насыпала высокій бугоръ надъ его могилою" — доныне видимый, какъ уверяютъ, близъ сего места (372) — „и въ честь ему совершила тризну. „Началось веселое пиршество. *Отроки* Княгинины угощали знаменитейшихъ Древлянъ, „которые вздумали наконецъ спросить о „своихъ Послахъ; но удовольствовались ответомъ, что они будутъ вместе съ *Игоревою* дружиною (373). — Скоро действіе „крепкаго меду омрачило головы неосторожныхъ: Ольга удалилась, подавъ знакъ „воинамъ своимъ — и 5000 Древлянъ, ими „убитыхъ, легло вокругъ Игоревой могилы.

Г. 946. „Ольга, возвратясь въ Кіевъ, собрала многочисленное войско и выступила съ нимъ „противъ Древлянъ, уже наказанныхъ хитростію, но еще непокоренныхъ силою. Оно „встретилось съ ними, и младый Святославъ „самъ началъ сраженіе. Копье, брошенное „въ непріятеля слабою рукою отрока, упало къ ногамъ его коня; но Полководцы, „Асмудъ и Свенельдъ, ободрили воиновъ примеромъ юнаго Героя, и съ восклицаніемъ: „*друзья! станемъ за Князя!* устремились „въ битву. Древляне бежали съ поля, и затворились въ городахъ своихъ. Чувствуя „себя более другихъ виновными, жители „Коростена целое лето оборонялись съ отчаяніемъ. Тутъ Ольга прибегнула къ новой выдумке. *Для чего вы упорствуете?*

„велѣла она сказать Древлянамъ: *всѣ иные
„*города ваши сдались мнѣ, и жители ихъ
„*мирно обработываютъ нивы свои; а вы
„*хотите умереть голодомъ! Не бойтесь
„*мщенія: оно уже совершилось въ Кіевѣ
„*и на могилѣ супруга моего.* Древляне
„предложили ей въ дань медъ и кожи звѣ-
„рей; но Княгиня, будто бы изъ великоду-
„шія, отреклась отъ сей дани и желала
„имѣть единственно съ каждаго двора по
„три воробья и голубя! Они съ радостію
„исполнили ея требованіе и ждали съ не-
„терпѣніемъ, чтобы войско Кіевское удали-
„лось. Но вдругъ, при наступленіи темна-
„го вечера, пламя объяло всѣ домы ихъ . . .
„Хитрая Ольга велѣла привязать зажженный
„трутъ съ сѣрою ко взятымъ ею птицамъ
„(374) и пустить ихъ на волю: онѣ возвра-
„тились съ огнемъ въ гнѣзда свои и произ-
„вели общій пожаръ въ городѣ. Устрашен-
„ные жители хотѣли спастися бѣгствомъ
„и попались въ руки Ольгинымъ воинамъ.
„Великая Княгиня, осудивъ нѣкоторыхъ
„старѣйшинъ на смерть, другихъ на раб-
„ство, обложила прочихъ тяжкою данію."

Такъ разсказываетъ Лѣтописецъ . . . Не удивляемся жестокости Ольгиной: Вѣра и самые гражданскіе законы язычниковъ оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о Герояхъ Исторіи по обычаямъ и нравамъ ихъ времени. Но вѣроятна ли оплошность Древлянъ? вѣроятно ли, чтобы Ольга

взяла Коростенъ посредствомъ воробьевъ и голубей, хотя сія выдумка могла дѣлать честь народному остроумію Русскихъ въ X вѣкѣ? Истинное происшествіе, отдѣленное отъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоитъ, кажется, единственно въ томъ, что Ольга умертвила въ Кіевѣ Пословъ Древлянскихъ, которые думали, можетъ быть, оправдаться въ убіеніи Игоря (375); оружіемъ снова покорила сей народъ, наказала виновныхъ гражданъ Коростена, и тамъ воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Великая Княгиня, провождаемая воинскою дружиною, вмѣстѣ съ юнымъ Святославомъ объѣхала всю Древлянскую область, уставляя налоги въ пользу казны государственной; но жители Коростена долженствовали третію часть дани своей посылать къ самой Ольгѣ, въ ея *собственный Удѣлъ*, въ Вышегородъ, основанный, можетъ быть, Героемъ Олегомъ и данный ей въ вѣно, какъ невѣстѣ или супругѣ Великаго Князя (376): чему увидимъ и другіе примѣры въ нашей древней Исторіи. Сей городъ, извѣстный Константину Багрянородному и знаменитый въ X вѣкѣ, уже давно обратился въ село, которое находится въ 7 верстахъ отъ Кіева, на *высокомъ* берегу Днѣпра, и замѣчательно красотою своего мѣстоположенія.— Ольга, кажется, утѣшила Древлянъ благодѣяніями мудраго правленія; по крайней мѣ-

рѣ всѣ ея памятники — ночлеги и мѣста, гдѣ она, слѣдуя обыкновенію тогдашнихъ Героевъ, забавлялась ловлею звѣрей — долгое время были для сего народа предметомъ какого то особеннаго уваженія и любопытства (377).

Мудрость Ольгина.

Въ слѣдующій годъ, оставивъ Святослава въ Кіевѣ, она поѣхала въ сѣверную Россію, въ область Новогородскую; учредила по Лугѣ и Мстѣ государственныя дани; раздѣлила землю на *погосты* или волости; сдѣлала безъ сомнѣнія все нужнѣйшее для государственнаго блага по тогдашнему гражданскому состоянію Россіи, и вездѣ оставила знаки своей попечительной мудрости. Чрезъ 150 лѣтъ народъ съ признательностію воспоминалъ о семъ благодѣтельномъ путешествіи Ольги, и въ Несторово время жители Пскова хранили еще *сани* ея, какъ вещь драгоцѣнную. Вѣроятно, что сія Княгиня, рожденная во Псковѣ, какими нибудь особенными выгодами, данными его гражданамъ, способствовала тому цвѣтущему состоянію и даже силѣ, которою онъ послѣ, вмѣстѣ съ Новымгородомъ, славился въ Россіи, затмивъ сосѣдственный, древнѣйшій Изборскъ и сдѣлавшись столицею области знаменитой.

Утвердивъ внутренній порядокъ Государства, Ольга возвратилась къ юному Святославу, въ Кіевъ, и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ спокойствіи, наслаждаясь любовію своего признательнаго сына и не

менѣе признательнаго народа. — Здѣсь, по сказанію Нестора, оканчиваются дѣла ея государственнаго правленія; но здѣсь начинается эпоха славы ея въ нашей Церковной Исторіи.

Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея предъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія. Тогда истинная Вѣра, болѣе нежели когда нибудь, служитъ ему опорою или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ Христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ церковными Пастырями, и будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго

г. 955. Крещеніе Ольги. свѣта, Ольга захотѣла быть Христіанкою, и сама отправилась въ столицу Имперіи и Вѣры Греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ (378). Тамъ Патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Константинъ Багрянородный воспріемникомъ отъ купѣли. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить Княгиню народа знаменитаго, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельства ея представленія (379). Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли *особы Княжескія*, ея свойственницы, многія знатныя госпожи,

Послы Россійскіе и купцы, обыкновенно живміе въ Царѣградѣ. Константинъ и супруга его, окруженные придворными и Вельможами, встрѣтили Ольгу: послѣ чего Императоръ на свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила Царица. Въ сей первый день, 9 Сентября, былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой *храминѣ Юстиніановой*, гдѣ Императрица сидѣла на тронѣ, и гдѣ Княгиня Россійская, въ знакъ почтенія къ супругѣ великаго Царя, стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными госпожами. Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы славили величіе Царскаго Дому и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы Россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; потомъ дарили гостей деньгами: *племяннику* Княгини дали 30 *миліарезій*—или 2½ червонца (380), —каждому изъ осьми ея приближенныхъ 20, каждому изъ двадцати Пословъ 12, каждому изъ сорока-трехъ купцевъ то же, Священнику или Духовнику Ольгину, именемъ Григорію, 8, — двумъ переводчикамъ 24, Святославовымъ людямъ 5 на человѣка, посольскимъ 3, собственному переводчику Княгини 15 миліарезій. На особенномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски: Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ Императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпанной драгоцѣнными камнями тарелкѣ

поднесли ей въ даръ 500 миліарезій, шести ея родственницамъ каждой 20 и осмнадцати служительницамъ каждой 8. 18 Октября Княгиня вторично обѣдала во дворцѣ и сидѣла за однимъ столомъ съ Императрицею, ея невѣсткою, Романовою супругою, и съ дѣтьми его; самъ Императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми Россіянами. Угощеніе заключилось также дарами, еще умѣреннѣйшими первыхъ: Ольга получила 200 миліарезій, а другіе менѣе по соразмѣрности. Хотя тогдашніе Государи Россійскіе не могли еще быть весьма богаты металлами драгоцѣнными; но *одна учтивость*, безъ сомнѣнія, заставила Великую Княгиню принять въ даръ шестнадцать червонцевъ (581).

Къ симъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о бытіи Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что Императоръ, плѣненный ея разумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону; но что Ольга — нареченная во святомъ крещеніи Еленою — отвергнула его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, который, по закону Христіанскому, служилъ препятствіемъ для союза брачнаго между ими. Во-первыхъ Константинъ имѣлъ супругу; во-вторыхъ Ольгѣ было тогда уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красотою (582).

Наставленная въ святыхъ правилахъ Христіанства самимъ Патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ Лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его пріемомъ: слѣдующее служитъ тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ Греческіе Послы, требовать, чтобы Великая Княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и воску. Ольга сказала имъ: „Когда Царь вашъ постоитъ у меня на Почайнѣ (363) столько же „времени, сколько я стояла у него въ *Су*„*дѣ*“ (гавани Константинопольской): „тог„да пришлю ему дары и войско“—съ чѣмъ Послы и возвратились къ Императору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу въ городъ, и что обыкновенная надменность Двора Византійскаго оставила въ ея сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.

Однакожъ Россіяне, во все царствованіе Константина Багрянороднаго, сына его и Никифора Фоки, соблюдали миръ и дружбу съ Греціею: служили при Дворѣ Императоровъ, въ ихъ флотѣ, войскахъ, и въ 964 году, по сказанію Арабскаго Историка Новайри, сражались въ Сициліи, какъ наемники Грековъ, съ Аль-Гассаномъ, Вождемъ Сарацин-

Россіяне въ Сициліи.

скимъ. Константинъ не рѣдко посылалъ такъ называемыя *златыя буллы*, или грамоты съ золотою печатію (384), къ Великому Князю, надписывая: *грамота Христолюбивыхъ Императоровъ Греческихъ, Константина и Романа, къ Россійскому Государю.*

Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой Вѣрѣ своей, спѣшила открыть сыну заблужденіе язычества; но юный, гордый Святославъ не хотѣлъ внимать ея наставленіямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать говорила о счастіи быть Христіаниномъ, о мирѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ того времени, какъ она познала Бога истиннаго. Святославъ отвѣтствовалъ ей: „Могу ли одинъ „принять новый Законъ, чтобы дружина моя „посмѣялась надо мною?“ Напрасно Ольга представляла ему, что его примѣръ склонилъ бы весь народъ къ Христіанству. Юноша былъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ язычества; не запрещалъ никому креститься, но изъявлялъ презрѣніе къ Христіанамъ и съ досадою отвергалъ всѣ убѣжденія матери, которая, не преставая любить его нѣжно, должна была наконецъ умолкнуть и поручить Богу судьбу народа Россійскаго и сына (385).

Г. 964-966. Характеръ и подвиги Святослава.

Сей Князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія Россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ; собралъ войско много-

численное, и съ нетерпѣніемъ юнаго Героя летѣлъ въ поле. Тамъ суровою жизнію онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни шатровъ, ни обоза; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ Военачальникъ, таковы и воины. — Древняя лѣтопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами нечаяннаго нападенія, но всегда заранѣе объявлялъ войну народамъ, повелѣвая сказать имъ: *иду на васъ*! Въ сіи времена общаго варварства гордый Святославъ соблюдалъ правила истинно рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первымъ ѳеатромъ его воинскихъ, счастливыхъ дѣйствій. Онъ покорилъ Вятичей, которые все еще признавали себя данниками Хана Козарскаго (336), и грозное свое оружіе обратилъ противъ сего, нѣкогда столь могущественнаго Владѣтеля: Жестокая битва рѣшила судьбу двухъ народовъ. Самъ Каганъ предводительствовалъ войскомъ: Святославъ побѣдилъ, и взялъ Козарскую *Бѣлую Вежу*, или Саркелъ, какъ именуютъ ее Византійскіе Историки, городъ на берегу Дона, укрѣпленный Греческимъ искусствомъ (337). Лѣтописецъ не сообщаетъ намъ о сей войнѣ нико- Взятіе Бѣлой Вежи.

кихъ дальнѣйшихъ извѣстій, сказывая только, что Святославъ побѣдилъ еще *Ясовъ* и *Касоговъ*: первые — вѣроятно, нынѣшніе Оссы или Оссетинцы — будучи Аланскаго племени, обитали среди горъ Кавказскихъ, въ Дагестанѣ, и близъ устья Волги; вторые суть Черкесы, коихъ страна въ X вѣкѣ именовалась Касахіею: Оссетинцы же и теперь называютъ ихъ Касахами (388). — Тогда же, какъ надобно думать, завоевали Россіяне городъ Таматарху, или Фанагорію, и всѣ владѣнія Козарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря: ибо сія часть древняго Царства Воспорскаго, названная потóмъ Княжествомъ Тмутороканскимъ (389), была уже при Владимірѣ, какъ мы увидимъ, собственностію Россіи. Завоеваніе столь отдаленное кажется удивительнымъ; но бурный духъ Святослава веселился опасностями и трудами. Отъ рѣки Дона проложивъ себѣ путь къ Воспору Киммерійскому, сей Герой могъ утвердить сообщеніе между областію Тмутороканскою и Кіевомъ посредствомъ Чернаго моря и Днѣпра. Въ Тавридѣ оставалась уже одна тѣнь древняго могущества Кагановъ (390).

Г. 967. Завоеваніе Болгаріи.

Неудовольствіе Императора Никифора Фоки на Болгарскаго Царя Петра служило для Святослава поводомъ къ новому и еще важнѣйшему завоеванію. Императоръ, желая отмстить Болгарамъ за то, что они не хотѣли препятствовать Венграмъ въ ихъ ча-

стыхъ впаденіяхъ въ Грецію, велѣлъ Калокиру, сыну начальника Херсонскаго, ѣхать Посломъ въ Кіевъ, съ обѣщаніемъ великихъ даровъ мужественному Князю Россійскому, ежели онъ пойдетъ войною на Болгарію. Святославъ исполнилъ желаніе Никифора, взявъ съ Грековъ на вооруженіе нѣсколько пудъ золота, и съ 60,000 воиновъ явился въ ладіяхъ на Дунаѣ (391). Тщетно Болгары хотѣли отразить ихъ: Россіяне, обнаживъ мечи и закрываясь щитами, устремились на берегъ и смяли непріятелей. Города сдалися побѣдителю. Царь Болгарскій умеръ отъ горести. Удовлетворивъ мести Грековъ, богатый добычею, гордый славою, Князь Россійскій началъ властвовать въ древней Мизіи; хотѣлъ еще, въ знакъ благодарности, даровъ отъ Императора, и жилъ весело въ Болгарскомъ Переяславцѣ (392), не думая о томъ, что въ самое сіе время отечественная столица его была въ опасности.

Печенѣги въ первый разъ напали на Россію, зная отсутствіе храбраго Князя, и приступили къ самому Кіеву, гдѣ затворилась Ольга съ дѣтьми Святослава. На другой сторонѣ Днѣпра стоялъ Воевода Россійскій, именемъ Претичъ, съ малочисленною дружиною, и не могъ имѣть съ осажденными никакого сообщенія. Изнемогая отъ голода и жажды, Кіевляне были въ отчаяніи. Одинъ смѣлый отрокъ вызвался увѣдомить Претича о бѣдственномъ ихъ состояніи; вышелъ съ *уздою*

Г. 968. Нашествіе Печенѣговъ.

*

изъ города, прямо въ толпу непріятелей, и говоря языкомъ Печенѣжскимъ, спрашивалъ, кто видѣлъ его коня? Печенѣги, воображая, что онъ ихъ воинъ, дали ему дорогу. Отрокъ спѣшилъ къ Днѣпру, сбросилъ съ себя одежду и поплылъ. Тутъ непріятели, узнавъ свою ошибку, начали стрѣлять въ него, однакожъ безъ успѣха. Россіяне съ другаго берега выѣхали на встрѣчу и взяли отрока въ лодку. Слыша отъ сего посланнаго, что изнуренные Кіевляне хотятъ на другой день сдаться, и боясь гнѣва Святославова, Воевода рѣшился спасти хотя семейство Княжеское — и Печенѣги, на разсвѣтѣ, увидѣли лодки Россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ трубнымъ звукомъ, на который обрадованные жители Кіевскіе отвѣтствовали громкими восклицаніями. Непріятели, думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ, разсѣялись въ ужасѣ, и Великая Княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со внуками, безопасно встрѣтить своихъ избавителей за стѣнами города. Князь Печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразиться: требовалъ дружелюбнаго свиданія съ предводителемъ Россійскимъ, и спросилъ у него, Князь ли онъ? Хитрый Воевода объявилъ себя начальникомъ передовой дружины Святославовой, увѣряя, что сей Герой со многочисленнымъ войскомъ идетъ въ слѣдъ за нимъ. Обманутый Печенѣгъ предложилъ миръ: они подали руку одинъ дру-

тому и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. Князь далъ Воеводѣ саблю, стрѣлы и коня: Воевода Князю щитъ, броню и мечь. Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города [393].

Освобожденные Кіевляне отправили гонца къ Святославу, сказать ему, что онъ для завоеванія чуждыхъ земель жертвуетъ собственною; что свирѣпые враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствіе Государя и защитника можетъ снова подвергнуть ихъ той же опасности, и чтобы онъ сжалился надъ бѣдствіемъ отечества, престарѣлой матери и юныхъ дѣтей своихъ. Тронутый Князь съ великою поспѣшностію возвратился въ Кіевъ. Шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушилъ въ немъ нѣжной чувствительности сына и родителя: лѣтопись говоритъ, что онъ съ горячностію лобызалъ мать и дѣтей, радуясь ихъ спасенію. — Дерзость Печенѣговъ требовала мести: Святославъ отразилъ ихъ отъ предѣловъ Россіи, и сею побѣдою возстановилъ безопасность и тишину въ отечествѣ.

Но мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро наскучило дѣятельному Князю. Страна завоеванная всегда кажется пріятною завоевателю, и сердце Героя стремилось къ берегамъ Дунайскимъ. Собравъ Бояръ, онъ въ присутствіи Ольги сказалъ имъ, что ему Г. 969
веселѣе жить въ Переяславцѣ, нежели въ Кіевѣ: „ибо въ столицѣ Болгарской, какъ

„въ средоточіи, стекаются всѣ драгоцѣн-„ности Искусства и Природы (594): Греки „шлютъ туда золото, ткани, вино и пло-„ды, Богемцы и Венгры серебро и коней, „Россіяне мѣха, воскъ, медъ и невольниковъ.“ Огорченная мать отвѣтствовала ему, что старость и болѣзнь не замедлятъ прекратить ея жизни. „Погреби меня“ — сказала она — „и тогда иди, куда хочешь.“ Сіи слова оказались пророчествомъ: Ольга на четвертый день скончалась. — Она запретила отправлять по себѣ языческую тризну, и была погребена Христіанскимъ Священникомъ на мѣстѣ, ею самою для того избранномъ. Сынъ, внуки и благодарный народъ оплакали ея кончину.

Кончина Ольги.

Преданіе нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, Исторія *Мудрою*. Отмстивъ Древлянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ странѣ своей и миръ съ чуждыми до совершеннаго возраста Святославова; съ дѣятельностію великаго мужа учреждала порядокъ въ Государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можетъ быть, законовъ, но давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе для людей въ юности гражданскихъ обществъ. Великіе Князья до временъ Ольгиныхъ *воевали*: она *правила* Государствомъ. Увѣренный въ ея мудрости, Святославъ и въ мужескихъ лѣтахъ своихъ оставлялъ ей, кажется, внутреннее правленіе, безпрестанно занимаясь войнами, которыя удаляли его отъ столи-

цы. — При Ольгѣ Россія стала извѣстною и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Европы. Лѣтописцы Нѣмецкіе говорятъ о посольствѣ ея въ Германію къ Императору Оттону I (595). Можетъ быть, Княгиня Россійская, узнавъ о славѣ и побѣдахъ Оттоновыхъ, хотѣла, чтобы онъ также свѣдалъ о знаменитости ея народа, и предлагала ему дружественный союзъ чрезъ Пословъ своихъ. — Наконецъ, сдѣлавшись ревностною Христіанкою, Ольга — по выраженію Нестора, *денница и луна спасенія* — служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной Вѣры въ нашемъ отечествѣ.

Посольство Россійское въ Германію.

По кончинѣ матери Святославъ могъ уже свободно исполнить свое безразсудное намѣреніе: то есть, перенести столицу Государства на берега Дунайскіе. Кромѣ самолюбивыхъ мечтаній завоевателя, Болгарія дѣйствительно могла нравиться ему своимъ теплымъ климатомъ, изобиліемъ плодовъ и богатствомъ дѣятельной, удобной торговли съ Константинополемъ; вѣроятно также, что сіе Государство, сопредѣльное съ Имперіею, превосходило Россію и въ гражданскомъ образованіи: но для такихъ выгодъ долженствовалъ ли онъ удалиться отъ своего отечества, гдѣ былъ, такъ сказать, корень его силы и могущества? По крайней мѣрѣ Святославу надлежало бы овладѣть прежде Бессарабіею, Молдавіею и Валахіею,

то есть, выгнать оттуда Печенѣговъ, чтобы непрерывною цѣпію завоеваній соединить Болгарію съ Россійскими владѣніями. Но сей Князь излишно надѣялся на счастіе оружія и на грозное имя побѣдителя Козаровъ.

Онъ поручилъ Кіевъ сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу [396], Древлянскую землю, гдѣ прежде властвовали ея собственные Князья. Въ то же время Новогородцы, недовольные, можетъ быть, властію Княжескихъ Намѣстниковъ, прислали сказать Святославу, чтобы онъ далъ имъ сына своего въ Правители, и грозились въ случаѣ отказа избрать для себя особеннаго Князя. Ярополкъ и Олегъ не захотѣли принять власти надъ ними; но у Святослава былъ еще третій сынъ, Владиміръ, отъ ключницы Ольгиной, именемъ Малуши, дочери Любчанина Малька [397]: Новогородцы, по совѣту Добрыни, Малушина брата, избрали въ Князья сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россію. — И такъ Святославъ первый ввелъ обыкновеніе *давать сыновьямъ особенные Удѣлы*: примѣръ несчастный, бывшій виною всѣхъ бѣдствій Россіи.

г. 970.

Первые Удѣлы въ Россіи.

Святославъ, отпустивъ Владиміра съ Добрынею въ Новгородъ, немедленно отправился въ Болгарію, которую онъ считалъ уже своею областію, но гдѣ народъ встрѣтилъ его какъ непріятеля [398]. Многочисленное войско собралось въ Переяславцѣ и напало на Россіянъ. Долговременное, кровопролит-

Вторичное завоеваніе Болгаріи.

ное сраженіе клонилось уже въ пользу Болгаровъ; но воины Святославовы, ободренные его рѣчью: *братья и дружина! умремъ, но умремъ съ твердостію и мужествомъ!* напрягли силы свои, и ввечеру побѣда увѣнчала ихъ храбрость. Святославъ взялъ приступомъ городъ Переяславецъ, снова овладѣлъ Царствомъ Болгарскимъ и хотѣлъ тамъ навсегда остаться. Въ семъ намѣреніи еще болѣе утвердилъ его знатный Грекъ, именемъ Калокиръ (399), самый тотъ, который отъ Императора Никифора былъ Посломъ у Святослава. Калокиръ съ помощію Россіянъ надѣялся свергнуть Государя своего съ престола и царствовать въ Константинополѣ: за что обѣщалъ имъ уступить Болгарію въ вѣчное владѣніе и присылать дары. — Между тѣмъ Святославъ, довольствуясь властію надъ сею землею, позволялъ сыну умершаго ея Царя, именемъ Борису, украшаться знаками Царскаго достоинства (400).

Греки, призвавшіе Россіянъ на берега Дунайскіе, увидѣли свою ошибку. Святославъ, отважный и воинственный, казался имъ въ ближнемъ сосѣдствѣ гораздо опаснѣе Болгаровъ. Іоаннъ Цимискій (401), тогдашній Императоръ, предлагая сему Князю исполнить договоръ, заключенный съ нимъ въ царствованіе Никифора, требовалъ, чтобы Россіяне вышли изъ Болгаріи; но Святославъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и съ гордостію отвѣтствовалъ, что скоро будетъ самъ въ

Константинополѣ и выгонитъ Грековъ въ Азію. Цимискій, напомнивъ ему о бѣдственной участи ненасытнаго Игоря, сталъ вооружаться, а Святославъ спѣшилъ предупредить его.

Въ описаніи сей кровопролитной войны Несторъ и Византійскіе Историки несогласны: первый отдаетъ честь и славу побѣды Князю Россійскому, вторые Императору — и, кажется, справедливѣе: ибо война кончилась тѣмъ, что Болгарія осталась въ рукахъ у Грековъ, а Святославъ принужденъ былъ, съ горстію воиновъ, итти назадъ въ Россію: слѣдствія весьма несообразныя съ счастливымъ успѣхомъ его оружія! Къ тому же Греческіе Историки описываютъ всѣ обстоятельства подробнѣе, яснѣе, — и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть ихъ любопытнаго сказанія.

Война съ Цимискіемъ.

Великій Князь (говорятъ они), къ Русской дружинѣ присоединивъ Болгаровъ, новыхъ своихъ подданныхъ, — Венгровъ и Печенѣговъ, тогдашнихъ его союзниковъ, вступилъ во Ѳракію и до самаго Адріанополя опустошилъ ея селенія (402). Варда Склиръ, Полководецъ Имперіи, видя многочисленность непріятелей, заключился въ семъ городѣ, и долго не могъ отважиться на битву. Наконецъ удалось ему хитростію разбить Печенѣговъ: тогда Греки, ободренные успѣхомъ, сразились съ Княземъ Святославомъ. Россіяне изъявляли пылкое

мужество; но Варда Склиръ и братъ его, Константинъ Патрикій, принудили ихъ отступить, умертвивъ въ единоборствѣ какихъ-то двухъ знаменитыхъ богатырей *Скиѳскихъ*.

Несторъ описываетъ сію битву такимъ образомъ: „Императоръ встрѣтилъ Святослава мирными предложеніями и хотѣлъ знать *число* его витязей, обѣщая на каждаго изъ нихъ заплатить ему дань. Великій Князъ объявилъ у себя 20,000 человѣкъ, едва имѣя и половину. Греки, искусные въ коварствѣ, воспользовались временемъ и собрали 100,000 воиновъ, которые со всѣхъ сторонъ окружили Россіянъ. Великодушный Святославъ, покойно осмотрѣвъ грозные ряды непріятелей, сказалъ дружинѣ: *Бѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но ляжемъ на мѣстѣ битвы* (403) : *мертвымъ нестыдно! Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите!* Воины его, пріученные не бояться смерти и любить Вождя смѣлаго, единодушно отвѣтствовали: *наши головы лягутъ вмѣстѣ съ твоею!* вступили въ кровопролитный бой, и доказали, что не множество, а храбрость побѣждаетъ. Греки не устояли: обратили тылъ, разсѣялись — и Святославъ шелъ къ Константинополю, означая свой путь всѣми ужасами опустошенія.“ . . . . Доселѣ можемъ не сомнѣваться въ истинѣ

Несторова сказанія; но дальнѣйшее его по-вѣствованіе гораздо менѣе вѣроятно. „Цимискій (пишетъ онъ) въ страхѣ, въ недоумѣніи призвалъ Вельможъ на совѣтъ и рѣшился *искусить* непріятеля дарами, золотомъ и паволоками драгоцѣнными; отправилъ ихъ съ человѣкомъ хитрымъ, и велѣлъ ему наблюдать всѣ движенія Святославовы. Но сей Князь не хотѣлъ взглянуть на золото, положенное къ его ногамъ, и равнодушно сказалъ Отрокамъ своимъ: *возмите*. Тогда Императоръ послалъ къ нему въ даръ оружіе: Герой схватилъ оное съ живѣйшимъ удовольствіемъ, изъявляя благодарность, и Цимискій, не смѣя ратоборствовать съ такимъ непріятелемъ, заплатилъ ему дань; каждый воинъ взялъ часть свою; доля убіенныхъ была назначена для ихъ родственниковъ — и гордый Святославъ съ торжествомъ возвратился въ Болгарію.“ Греки не имѣли нужды *искушать* Великаго Князя, когда онъ съ малыми силами уже разбилъ ихъ многочисленное войско; но сія сказка достойна замѣчанія, свидѣтельствуя мнѣніе потомства о характерѣ Святослава.

Въ слѣдующій годъ, по извѣстіямъ Византійскимъ, самъ Цимискій выступилъ изъ Кон- г. 971.
стантинополя съ войскомъ, отправивъ напередъ сильный флотъ къ Дунайскому устью, безъ сомнѣнія для того, чтобы пресѣчь сообщеніе Россіянъ водою съ Кіевомъ. Сей Императоръ открылъ себѣ путь ко трону злодѣйствомъ, умертвивъ Царя Никифора, но правилъ Госу-

дарствомъ благоразумно, и былъ Героемъ. Избирая Полководцевъ искусныхъ, щедро награждая заслуги самыхъ рядовыхъ воиновъ, строго наказывая малѣйшее неповиновенiе, онъ умѣлъ вселить въ первыхъ древнее Римское славолюбiе, а вторыхъ прiучить къ древней подчиненности. Собственное его мужество было примѣромъ для тѣхъ и другихъ. — На пути встрѣтили Императора Послы Россiйскiе, которые хотѣли единственно узнать силу Грековъ. Iоаннъ, не входя съ ними въ переговоры, велѣлъ имъ осмотрѣть станъ Греческiй, и возвратиться къ своему Князю. Сей поступокъ уже доказывалъ Святославу, что онъ имѣетъ дѣло съ непрiятелемъ опаснымъ.

Оставивъ главное войско назади, Императоръ съ отборными ратниками, съ Легiономъ такъ называемыхъ *Безсмертныхъ*, съ 13,000 конницы, съ 10,500 пѣхоты (404), явился нечаянно подъ стѣнами Переяславца и напалъ на 8,000 Россiянъ, которые спокойно занимались тамъ воинскимъ ученьемъ. Они изумились, но храбро вступили въ бой съ Греками. Большая часть ихъ легла на мѣстѣ, и вылазка, сдѣланная изъ города въ помощь имъ, не имѣла успѣха; однакожъ побѣда весьма дорого стоила Грекамъ, и Цимискiй съ нетерпѣнiемъ ожидалъ своего остальнаго войска. Оно прибыло, и Греки со всѣхъ сторонъ окружили городъ, гдѣ начальствовалъ Россiйскiй Полководецъ Сфенкалъ.

Самъ Князь съ 60,000 воиновъ стоялъ въ укрѣпленномъ станѣ на берегу Дуная.

Калокиръ, виновникъ сей войны, по словамъ Греческихъ Лѣтописцевъ, бѣжалъ изъ Переяславца увѣдомить его, что столица Болгарская осаждена. Но Цимискій не далъ Святославу времени освободить ее: тщетно предлагавъ Россіянамъ сдаться, онъ взялъ городъ приступомъ. Борисъ, только именемъ Царь Болгарскій, достался Грекамъ въ плѣнъ, со многими его знаменитыми единоземцами: Императоръ обошелся съ ними благосклонно, увѣряя — какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ — что онъ вооружился единственно для освобожденія ихъ отъ неволи, и что признаетъ врагами своими однихъ Россіянъ (405).

Между тѣмъ 8,000 воиновъ Святославовыхъ заперлись въ Царскомъ дворцѣ, не хотѣли сдаться и мужественно отражали многочисленныхъ непріятелей. Напрасно Императоръ ободрялъ Грековъ: онъ самъ съ оруженосцами своими пошелъ на приступъ и долженъ былъ уступить отчаянной храбрости осажденныхъ. Тогда Цимискій велѣлъ зажечь дворецъ, и Россіяне погибли въ пламени.

Святославъ, свѣдавъ о взятіи Болгарской столицы, не показалъ воинамъ своимъ ни страха, ни огорченія, и спѣшилъ только встрѣтить Цимискія, который со всѣми силами приближался къ Доростолу, или нынѣш-

ней Силистріи. Въ 12 миляхъ оттуда сошлись оба воинства. Цимискій и Святославъ — два Героя, достойные спорить другъ съ другомъ о славѣ и побѣдѣ — каждый ободривъ своихъ, дали знакъ битвы, и при звукѣ трубъ началось кровопролитіе. Отъ перваго стремительнаго удара Грековъ поколебались ряды Святославовы; но вновь устроенные Княземъ, сомкнулись твердою стѣною и разили непріятелей. До самаго вечера счастіе ласкало ту и другую сторону; *двѣнадцать* разъ то и другое войско думало торжествовать побѣду. Цимискій велѣлъ распустить священное знамя Имперіи; былъ вездѣ, гдѣ была опасность; махомъ копія своего удерживалъ бѣгущихъ и показывалъ имъ путь въ средину враговъ. Наконецъ судьба жестокой битвы рѣшилась: Святославъ *отступилъ* къ Доростолу и вошелъ въ сей городъ (406).

Императоръ осадилъ его. Въ то же самое время подоспѣлъ и флотъ Греческій, который пресѣкъ свободное плаваніе Россіянъ по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала съ опасностями. Онъ заключилъ въ оковы многихъ Болгаровъ, которые хотѣли измѣнить ему; окопалъ стѣны глубокимъ рвомъ, безпрестанными вылазками тревожилъ станъ Грековъ. Россіяне (пишутъ Византійскіе Историки) оказывали чудесное остервененіе, и думая, что убитый *непріятелемъ* долженъ служить ему рабомъ въ адѣ, вонзали себѣ мечи въ сердце, когда уже не

могли спастися: ибо хотѣли тѣмъ сохранить вольность свою въ будущей жизни [407]. Самыя жены ихъ ополчались и какъ древнія Амазонки мужествовали въ кровопролитныхъ сѣчахъ. Малѣйшій успѣхъ давалъ имъ новую силу. Однажды, въ счастливой вылазкѣ, принявъ Магистра Іоанна, свойственника Цимискіева, за самого Императора, они съ радостными кликами изрубили сего знатнаго сановника и съ великимъ торжествомъ выставили голову его на башнѣ. Не рѣдко, побѣждаемые силою превосходною, обращали тылъ безъ стыда: шли назадъ въ крѣпость съ гордостію, медленно, закинувъ за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свѣтѣ луны, выходили жечь тѣла друзей и братьевъ, лежащихъ въ полѣ; закалали плѣнниковъ надъ ними, и съ какими-то священными обрядами погружали младенцевъ въ струи Дуная. Примѣръ Святослава одушевлялъ воиновъ.

Но число ихъ уменьшалось. Главные Полководцы, Сфенкалъ, Икморъ (не родомъ, по сказанію Византійцевъ, а доблестію Вельможа) пали въ рядахъ непріятельскихъ. Сверхъ того Россіяне, стѣсненные въ Доростолѣ и лишенные всякаго сообщенія съ его плодоносными окрестностями, терпѣли голодъ. Святославъ хотѣлъ преодолѣть и сіе бѣдствіе: въ темную, бурную ночь, когда лилъ сильный дождь съ градомъ и гремѣлъ ужасный громъ, онъ съ 2000 воиновъ

сѣлъ на лодки, при блескѣ молній обошелъ Греческій флотъ и собралъ въ деревняхъ запасъ пшена и хлѣба. На возвратномъ пути видя разсѣянныя по берегу толпы непріятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные Россіяне вышли изъ лодокъ, напали изъ лѣсу на Грековъ, множество ихъ убили и благополучно достигли пристани. — Но сія удача была последнею. Императоръ взялъ мѣры, чтобы въ другой разъ ни одна лодка Русская не могла выплыть изъ Доростола.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада; счастіе совсѣмъ оставило Россіянъ. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко — и, вѣроятно, не знало ихъ бѣдствія. Народы сосѣдственные волею и неволею держали сторону Грековъ, ибо страшились Цимискія. Воины Святославовы изнемогали отъ ранъ и голода. Напротивъ того Греки имѣли во всемъ изобиліе, и новые Легіоны приходили къ нимъ изъ Константинополя.

Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ Святославъ собралъ на совѣтъ дружину свою. Одни предлагали спастися бѣгствомъ въ ночное время; другіе совѣтовали просить мира у Грековъ, не видя инаго способа возвратиться въ отечество; наконецъ всѣ думали, что войско Россійское уже не въ силахъ бороться съ непріятелемъ. Но Великій Князь не согласился съ ними, и хотѣлъ еще испы-

тать счастіе оружія. „Погибнетъ"— сказалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ — „погибнетъ „слава Россіянъ, если нынѣ устрашимся смер„ти! Пріятна ли жизнь для тѣхъ, кото„рые спасли ее бѣгствомъ? и не впадемъ ли „въ презрѣніе у народовъ сосѣдственныхъ, „доселѣ ужасаемыхъ именемъ Русскимъ (408)? „Наслѣдіемъ предковъ своихъ мужественные, „непобѣдимые, завоеватели многихъ странъ „и племенъ, или побѣдимъ Грековъ, или па„демъ съ честію, совершивъ дѣла великія!" Тронутые сею рѣчью, достойные его сподвижники громкими восклицаніями изъявили рѣшительность геройства — и на другой день все войско Россійское съ бодрымъ духомъ выступило въ поле за Святославомъ. Онъ велѣлъ запереть городскія ворота, чтобы никто не могъ думать о бѣгствѣ и возвращеніи въ Доростолъ. Сраженіе началось утромъ: въ полдень Греки, утомленные зноемъ и жаждою, а болѣе всего упорствомъ непріятеля, начали отступать, и Цимискій долженъ былъ дать имъ время на отдохновеніе. Скоро битва возобновилась. Императоръ, видя, что тѣсныя мѣста вокругъ Доростола благопріятствуютъ малочисленнымъ Россіянамъ, велѣлъ Полководцамъ своимъ заманить ихъ на обширное поле притворнымъ бѣгствомъ; но и сія хитрость не имѣла успѣха: глубокая ночь развела воинства безъ всякаго рѣшительнаго слѣдствія.

Цимискій, изумленный отчаяннымъ мужествомъ непріятелей, вздумалъ прекратить упомительную войну единоборствомъ съ Княземъ Святославомъ, и велѣлъ сказать ему, что лучше погибнуть одному человѣку, нежели губить многихъ людей въ напрасныхъ битвахъ. Святославъ отвѣтствовалъ: „Я „лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать. „Если жизнь ему наскучила, то много спо„собовъ онъ нее избавиться: Цимискій да „избираетъ любой!“ За симъ послѣдовало новое сраженіе, равно упорное и жестокое. Греки всего болѣе хотѣли смерти Героя Святослава. Одинъ изъ ихъ витязей, именемъ Анемасъ, открылъ себѣ путь сквозь ряды непріятелей, увидѣлъ Великаго Князя и сильнымъ ударомъ въ голову сшибъ его съ коня; но шлемъ защитилъ Святослава, и смѣлый Грекъ палъ отъ мечей дружины Княжеской. Долгое время побѣда казалась сомнительною. Наконецъ самая Природа ополчилась на Святослава: страшный вѣтръ поднялся съ Юга, и дуя прямо въ лице Россіянамъ, ослѣпилъ ихъ густыми облаками пыли, такъ, что они долженствовали прекратить битву, оставивъ на мѣстѣ 15,500 мертвыхъ и 20,000 щитовъ. Греки назвали себя побѣдителями. Ихъ суевѣріе приписало сію удачу сверхъестественному дѣйствію: они разсказывали другъ другу, будто бы Св. Ѳеодоръ Стратилатъ явился впереди ихъ

войска, и разъѣзжая на бѣломъ конѣ, приводилъ въ смятеніе полки Россійскіе (409).

Святославъ, видя малое число своихъ храбрыхъ воиновъ, большею частію раненныхъ, и самъ уязвленный, рѣшился наконецъ требовать мира. Цимискій, обрадованный его предложеніемъ, отправилъ къ нему въ станъ богатые дары. ,,Возмемъ ихъ," сказалъ Великій Князь дружинѣ своей: ,,когда же будемъ недовольны Греками, то, собравъ войско многочисленное, снова найдемъ путь къ Царюграду." Такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ, не сказавъ ни слова о счастливыхъ успѣхахъ Греческаго оружія (410). Византійскіе Историки говорятъ, что Цимискій, дозволяя Святославу свободно выйти изъ Болгаріи и купцамъ Россійскимъ торговать въ Константинополѣ, примолвилъ съ великодушною гордостію: ,,Мы Греки любимъ побѣждать ,,своихъ непріятелей не столько оружіемъ, ,,сколько благодѣяніями." Императорскій Вельможа Ѳеофанъ Синкелъ и Россійскій Воевода Свѣнельдъ именемъ Государей своихъ заключили слѣдующій договоръ, который находится въ Несторовой лѣтописи, и также ясно доказываетъ, что успѣхъ войны былъ на сторонѣ Грековъ: ибо Святославъ, торжественно обязываясь на все полезное для Имперіи, не требуетъ въ немъ никакихъ выгодъ для Россіянъ (411).

Договоръ съ Греками.

,,Мѣсяца Іюля, Индикта XIV, въ лѣто ,,6479, я Святославъ, Князь Русской, по

„данной мною клятвѣ, хочу имѣть *до кон-*
„*ца* вѣка миръ и любовь совершенную съ
„Цимискіемъ, Великимъ Царемъ Греческимъ,
„съ Василіемъ и Константиномъ, Боговдох-
„новенными Царями [412], и со всѣми людь-
„ми вашими, обѣщаясь именемъ всѣхъ су-
„щихъ *подо мною* Россіянъ, Бояръ и прочихъ,
„никогда *не помышлять на васъ*, не собирать
„моего войска и не приводить чужеземнаго
„на Грецію, область Херсонскую и Болга-
„рію. Когда же иные враги *помыслятъ на*
„*Грецію*, да буду ихъ врагомъ и да борюся
„съ ними. Если же я или *сущіе подо мною*
„не сохранятъ сихъ *правыхъ* условій, да
„*имѣемъ клятву* отъ Бога, въ коего вѣру-
„емъ: Перуна и Волоса, бога скотовъ. Да
„будемъ *желты какъ золото*, и собственнымъ
„нашимъ оружіемъ *изсѣчены* [413]. Въ удосто-
„вѣреніе чего написали мы договоръ на сей
„хартіи и своими печатями запечатали.“
Утвердивъ миръ, Императоръ снабдилъ Рос-
сіянъ съѣстными припасами [414]; а Князь
Россійскій желалъ свиданія съ Цимискіемъ.
Сіи два Героя, знакомые только по славнымъ
дѣламъ своимъ, имѣли, можетъ быть, равное
любопытство узнать другъ друга лично. Они
видѣлись на берегу Дуная. Императоръ, окру-
женный *златоносными* всадниками, въ бле-
стящихъ латахъ, пріѣхалъ на конѣ: Свято-
славъ въ ладіи, въ простой бѣлой одеждѣ, и
самъ гребя весломъ. Греки смотрѣли на него
съ удивленіемъ. По ихъ сказанію, онъ былъ

Наружность Святославова.

средняго роста, и довольно строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густыя, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клокъ волосовъ, въ знакъ его благородства; въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ. Императоръ сошелъ съ коня: Святославъ сидѣлъ на скамьѣ въ ладіи. Они говорили — и разстались друзьями.

Но сія дружба могла ли быть искреннею? Святославъ съ воинами малочисленными, утружденными, предпріялъ обратный путь въ отечество на ладіяхъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ; а Цимискій въ тоже время отправилъ къ Печенѣгамъ Пословъ, которые должны были, заключивъ съ ними союзъ, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгаріи и свободно пропустили Россіянъ чрезъ свою землю. Печенѣги согласились на все, кромѣ послѣдняго, досадуя на Россіянъ за то, что они примирились съ Греками. Такъ пишутъ Византійскіе Историки; но съ большею вѣроятностію можно думать совсѣмъ противное. Тогдашняя политика Императоровъ не знала великодушія: предвидя, что Святославъ не оставитъ ихъ надолго въ покоѣ, едва ли не сами Греки наставили Печенѣговъ воспользоваться слабостію Россійскаго войска. Несторъ приписываетъ сіе коварство жителямъ Переяславца: они, по

его словамъ, дали знать Печенѣгамъ, что Святославъ возвращается въ Кіевъ съ великимъ богатствомъ и съ малочисленною дружиною.

Печенѣги обступили Днѣпровскіе пороги и ждали Россіянъ. Святославъ зналъ о сей опасности. Свѣнельдъ, знаменитый Воевода Игоревъ, совѣтовалъ ему оставить ладіи и сухимъ путемъ обойти пороги: Князь не принялъ его совѣта, и рѣшился зимовать въ Бѣлобережьѣ, при устьѣ Днѣпра, Г. 972. гдѣ Россіяне должны были терпѣть во всемъ недостатокъ и самый голодъ, такъ, что они давали полгривны за лошадиную голову (415). Можетъ быть, Святославъ ожидалъ тамъ помощи изъ Россіи, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь въ отечество. Не смотря на малое число изнуренныхъ воиновъ, надлежало сразиться съ Печенѣгами, и Святославъ палъ въ битвѣ. Кончина Святослава. Князь ихъ, Куря, отрубивъ ему голову, изъ ея черепа сдѣлалъ чашу (416). Только немногіе Россіяне спаслись съ Воеводою Свѣнельдомъ, и принесли въ Кіевъ горестную вѣсть о погибели Святослава

Такимъ образомъ скончалъ жизнь сей Александръ нашей древней Исторіи, который столь мужественно боролся и съ врагами и съ бѣдствіями; былъ иногда побѣждаемъ, но въ самомъ несчастіи изумлялъ побѣдителя своимъ великодушіемъ; равнялся суровою воинскою жизнію съ Героями Пѣснопѣвца Гоме-

ра, и снося терпѣливо свирѣпость непогодъ, труды изнурительные и все ужасное для нѣги, показалъ Русскимъ воинамъ, чѣмъ могутъ они во всѣ времена одолѣвать непріятелей. Но Святославъ, образецъ великихъ Полководцевъ, не есть примѣръ Государя великаго: ибо онъ славу побѣдъ уважалъ болѣе государственнаго блага, и характеромъ своимъ плѣняя воображеніе Стихотворца, заслуживаетъ укоризну Историка.

Если Святославъ въ 946 году, — какъ пишетъ Несторъ — былъ еще слабымъ отрокомъ, то онъ скончалъ дни свои въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы сосѣдственные.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛКЪ.

Г. 972-980.

Междоусобіе Князей. Первыя дѣянія Владиміровы. Бракъ Владиміровъ. Братоубійство. Послы Россійскіе въ Германіи.

Г. 975. По смерти Святослава Ярополкъ княжилъ въ Кіевѣ, Олегъ въ Древлянской землѣ, Владиміръ въ Новѣгородѣ. Единодержавіе пресѣклось въ Государствѣ: ибо Ярополкъ не имѣлъ, кажется, власти надъ Удѣлами своихъ братьевъ (417). Скоро открылись пагубныя слѣд-

ствія такого раздѣла, и братъ возсталъ на брата.

Виновникомъ сей вражды былъ славный Воевода Свѣнельдъ, знаменитый сподвижникъ Игоревъ и Святославовъ. Онъ ненавидѣлъ Олега, который умертвилъ сына его, именемъ Люта, встрѣтясь съ нимъ на ловлѣ въ *своемъ владѣніи*: причина достаточная, по тогдашнимъ грубымъ нравамъ, для поединка или самаго злодѣйскаго убійства. Свѣнельдъ, желая отмстить ему, убѣдилъ Ярополка итти войною на Древлянскаго Князя и соединить область его съ Кіевскою. г. 975.

Олегъ, узнавъ о намѣреніи своего брата, также собралъ войско и вышелъ къ нему на встрѣчу; но, побѣжденный Ярополкомъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Древлянскій городъ Овручь: воины его, гонимые непріятелемъ, тѣснились на мосту у городскихъ воротъ, и столкнули своего Князя въ глубокій ровъ (418). Ярополкъ вступилъ въ городъ и хотѣлъ видѣть брата: сей несчастный былъ раздавленъ множествомъ людей и лошадьми, которыя упали за нимъ съ мосту. Побѣдитель, видя бездушный, окровавленный трупъ Олеговъ, лежащій на коврѣ предъ его глазами, забылъ свое торжество, слезами изъявилъ раскаяніе, и съ горестію указывая на мертваго, сказалъ Свѣнельду: *того ли хотѣлось тебѣ?* . . Могила Олегова въ Несторово время была видима близъ Овруча, гдѣ и нынѣ показываютъ г. 977. Междоусобіе Князей.

оную любопытнымъ путешественникамъ. Поле служило тогда кладбищемъ и для самыхъ Князей Владѣтельныхъ, а высокій бугоръ надъ могилою единственнымъ Мавзолеемъ.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти Олеговой была предчувствіемъ собственной его судьбы несчастной. — Владиміръ, Князь Новогородскій, свѣдавъ о кончинѣ брата и завоеваніи Древлянской области, устрашился Ярополкова властолюбія, и бѣжалъ за море къ Варягамъ. Ярополкъ воспользовался симъ случаемъ: отправилъ въ Новгородъ своихъ Намѣстниковъ или Посадниковъ, и такимъ образомъ сдѣлался Государемъ Единодержавнымъ въ Россіи (419).

Первыя дѣянія Владиміровы.

Но Владиміръ искалъ между тѣмъ способа возвратиться съ могуществомъ и славою. Два года пробылъ онъ въ древнемъ отечествѣ своихъ предковъ, въ землѣ Варяжской; участвовалъ, можетъ быть, въ смѣлыхъ предпріятіяхъ Нормановъ, которыхъ флаги развѣвались на всѣхъ моряхъ Европейскихъ и храбрость ужасала всѣ страны отъ Германіи до Италіи; наконецъ собралъ многихъ Варяговъ подъ свои знамена; прибылъ съ сею

г. 980. надежною дружиною въ Новгородъ, смѣнилъ Посадниковъ Ярополковыхъ, и сказалъ имъ съ гордостію: „идите къ брату моему: да „знаетъ онъ, что я противъ него вооружа- „юсь, и да готовится отразить меня!“

Въ области Полоцкой, въ землѣ Кривичей, господствовалъ тогда Варягъ Рогволодъ, ко-

торый *пришелъ изъ-за моря*, вѣроятно, для того, чтобы служить Великому Князю Россійскому, и получилъ отъ него въ Удѣлъ сію область [420]. Онъ имѣлъ прелестную дочь Рогнѣду, сговоренную за Ярополка. Владиміръ, готовясь отнять Державу у брата, хотѣлъ лишить его и невѣсты, и чрезъ Пословъ требовалъ ея руки; но Рогнѣда, вѣрная Ярополку, отвѣтствовала, что не можетъ соединиться бракомъ съ сыномъ рабы [421]: ибо мать Владимірова, какъ намъ уже извѣстно, была ключницею при Ольгѣ. Раздраженный Владиміръ взялъ Полоцкъ, умертвилъ Рогволода, двухъ сыновей его, и женился на дочери. Совершивъ сію ужасную месть, онъ пошелъ къ Кіеву. Войско его состояло изъ дружины Варяжской, Славянъ Новогородскихъ, *Чуди и Кривичей*: сіи три народа сѣверозападной Россіи уже повиновались ему, какъ ихъ Государю. Ярополкъ не дерзнулъ на битву, и затворился въ городѣ. Окруживъ станъ свой окопами [422], Владиміръ хотѣлъ взять Кіевъ не храбрымъ приступомъ, но злодѣйскимъ коварствомъ. Зная великую довѣренность Ярополкову къ одному Воеводѣ, именемъ Блуду, онъ вошелъ съ нимъ въ тайные переговоры. „Желаю твоей помощи" велѣлъ сказать ему Владиміръ: „ты будешь „мнѣ вторымъ отцемъ, когда нестанетъ „Ярополка. Онъ самъ началъ братоубійства: я „вооружился для спасенія жизни своей." Гнусный любимецъ не усомнился предать Госу-

Бракъ Владимі-ровъ.

даря и благодѣтеля; совѣтовалъ Владиміру обступить городъ, а Ярополку удаляться отъ битвы. Страшася вѣрности добрыхъ Кіевлянъ, онъ увѣрилъ Князя, будто они хотятъ измѣнить ему и тайно зовутъ Владиміра. Слабый Ярополкъ, думая спастись отъ мнимаго заговора, ушелъ въ Родню: сей городъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Рось впадаетъ въ Днѣпръ (423). Кіевляне, оставленные Государемъ, должны были покориться Владиміру, который спѣшилъ осадить брата въ послѣднемъ его убѣжищѣ. Ярополкъ съ ужасомъ видѣлъ многочисленныхъ враговъ за стѣнами, а въ крѣпости изнеможеніе воиновъ своихъ отъ голода, коего память долго хранилась въ древней пословицѣ: *бѣда аки въ Роднѣ.* Измѣнникъ Блудъ склонялъ сего Князя къ миру, представляя невозможность отразить непріятеля, и горестный Ярополкъ отвѣтствовалъ наконецъ: „да будетъ „по твоему совѣту! возьму, что уступитъ „мнѣ братъ.“ Тогда злодѣй увѣдомилъ Владиміра, что желаніе его исполнится, и что Ярополкъ отдается ему въ руки. Если во всѣ времена, варварскія и просвѣщенныя, Государи бывали жертвою измѣнниковъ: то во всѣ же времена имѣли они и вѣрныхъ, добрыхъ слугъ, усердныхъ къ нимъ въ самой крайности бѣдствія. Изъ числа сихъ былъ у Ярополка нѣкто прозваніемъ *Варяжко* (да сохранитъ Исторія память его!) который говорилъ ему: „не ходи, Государь, къ брату;

„ты погибнешь. Оставь Россію на время,
„и собери войско въ землѣ Печенѣговъ.“ Но
Ярополкъ слушалъ только изверга Блуда, и
съ нимъ отправился въ Кіевъ, гдѣ Владиміръ
ожидалъ его въ теремномъ дворцѣ Святослава.
Предатель ввелъ легковѣрнаго Государя своего въ жилище брата, какъ въ вертепъ разбойниковъ, и заперъ дверь, чтобы дружина Княжеская не могла войти за ними: тамъ два наемника, племени Варяжскаго, пронзили мечами грудь Ярополкову.... Вѣрный слуга, который предсказалъ гибель сему несчастному, ушелъ къ Печенѣгамъ, и Владиміръ едва могъ возвратить его въ отечество, давъ клятву не мстить ему за любовь къ Ярополку [424]. Братоубійство.

Такимъ образомъ старшій сынъ знаменитаго Святослава, бывъ 4 года Кіевскимъ Владѣтелемъ и 3 года Главою всей Россіи, оставилъ для Исторіи одну память добродушнаго, но слабаго человѣка. Слезы его о смерти Олеговой свидѣтельствуютъ, что онъ не хотѣлъ братоубійства, и желаніе снова присоединить къ Кіеву область Древлянскую казалось согласнымъ съ государственною пользою. Самая довѣренность Ярополкова къ чести Владиміровой изъявляетъ доброе, всегда неподозрительное сердце; но Государь, который дѣйствуетъ единственно по внушенію любимцевъ, не умѣя ни защитить своего трона, ни умереть Героемъ, достоинъ сожалѣнія, а не власти.

Ярополкъ оставилъ беременную супругу, прекрасную Монахиню Греческую, плѣнницу Святославову. Онъ былъ женатъ еще при отцѣ своемъ (425), но сватался за Рогнѣду: слѣдственно многоженство и прежде Владиміра не считалось беззаконіемъ въ Россіи языческой.

Послы Россійскіе въ Германіи. Въ княженіе Ярополка, въ 973 году, по извѣстію Лѣтописца Нѣмецкаго (426), находились въ Кведлинбургѣ, при Дворѣ Императора Оттона, *Послы Россійскіе*: за какимъ дѣломъ? неизвѣстно; сказано только, что они вручили Императору богатые дары.

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ, НАЗВАННЫЙ ВЪ КРЕЩЕНІИ ВАСИЛІЕМЪ.

Г. 980—1014.

Хитрость Владиміра. Усердіе къ идолопоклонству. Женолюбіе. Завоеваніе Галиціи. Первые Христіанскіе мученики въ Кіевѣ. Бунтъ Радимичей. Камская Болгарія. Торки. Отчаяніе Гориславы. Супружество Владиміра и крещеніе Россіи. Раздѣленіе Государства. Строеніе городовъ. Война съ Хорватами и Печенѣгами. Церковь Десятинная. Набѣгъ Печенѣговъ. Пиры Владиміровы. Милосердіе. Осада Бѣлагорода. Бунтъ Ярослава. Кончина Владимірова. Свойства его. Сказки народныя. Богатыри.

Г. 980. Владиміръ съ помощію злодѣянія и храбрыхъ Варяговъ овладѣлъ Государствомъ; но

скоро доказалъ, что онъ родился быть Государемъ великимъ.

Хитрость Владиміра.

Сіи гордые Варяги считали себя завоевателями Кіева и требовали въ дань съ каждаго жителя по двѣ гривны: Владиміръ не хотѣлъ вдругъ отказать имъ, а манилъ ихъ обѣщаніями до самаго *того времени*, какъ они, по взятымъ съ его стороны мѣрамъ, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидѣли обманъ; но видя также, что войско Россійское въ Кіевѣ было ихъ сильнѣе, не дерзнули взбунтоваться, и смиренно просились въ Грецію. Владиміръ, съ радостію отпустивъ сихъ опасныхъ людей, удержалъ въ Россіи достойнѣйшихъ изъ нихъ, и роздалъ имъ многіе города въ управленіе (427). Между тѣмъ Послы его предувѣдомили Императора, чтобы онъ не оставлялъ мятежныхъ Варяговъ въ столицѣ, но разослалъ по городамъ, и ни въ какомъ случаѣ не дозволялъ бы имъ возвратиться въ Россію, сильную собственнымъ войскомъ.

Усердіе къ идолопоклонству

Владиміръ, утвердивъ власть свою, изъявилъ отмѣнное усердіе къ богамъ языческимъ: соорудилъ новый истуканъ Перуна съ серебряною головою, и поставилъ его, близъ *теремнаго двора*, на священномъ холмѣ, вмѣстѣ съ иными кумирами (428). Тамъ, говоритъ Лѣтописецъ, стекался народъ ослѣпленный и земля оскверняласъ кровію жертвъ. Можетъ быть, совѣсть безпокоила Владиміра; можетъ

быть, хотѣлъ онъ сею кровію примириться съ богами, раздраженными его братоубійствомъ: ибо и самая Вѣра языческая не терпѣла такихъ злодѣяній . . . . Добрыня, посланный отъ своего племянника управлять Новымгородомъ, также поставилъ, на берегу Волхова, богатый кумиръ Перуновъ.

Но сія Владимірова набожность не препятствовала ему утопать въ наслажденіяхъ чувственныхъ. Первою его супругою была Рогнѣда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; умертвивъ брата, онъ взялъ въ наложницы свою беременную невѣстку, родившую Святополка (429); отъ другой законной супруги, Чехини или Богемки, имѣлъ сына Вышеслава; отъ третьей Святослава и Мстислава; отъ четвертой, родомъ изъ Болгаріи, Бориса и Глѣба. Сверхъ того, ежели вѣрить лѣтописи, было у него 300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300 въ нынѣшней Бѣлогородкѣ (близъ Кіева), и 200 въ селѣ Берестовѣ. Всякая прелестная жена и дѣвица страшилась его любострастнаго взора: онъ презиралъ святость брачныхъ союзовъ и невинности. Однимъ словомъ, Лѣтописецъ называетъ его вторымъ Соломономъ въ женолюбіи.

Женолюбіе.

Владиміръ, вмѣстѣ со многими Героями древнихъ и новыхъ временъ любя женщинъ, любилъ и войну. Польскіе Славяне (430), Ляхи, наскучивъ бурною вольностію, подобно Славянамъ Россійскимъ, еще ранѣе ихъ прибѣг-

Г. 981.

пути къ Единовластію. Мечиславъ, Государь знаменитый въ Исторіи введеніемъ Христіанства въ землѣ своей, правилъ тогда народомъ Польскимъ: Владиміръ объявилъ ему войну, съ намѣреніемъ, кажется, возвратить то, что было еще Олегомъ завоевано въ Галиціи, но послѣ, можетъ быть, при слабомъ Ярополкѣ отошло къ Государству Польскому. Онъ взялъ города *Червень* (близъ Хелма), Перемышль и другіе, которые, съ сего времени будучи собственностію Россіи, назывались *Червенскими* (431). Въ слѣдующіе два года храбрый Князь смирилъ бунтъ Вятичей, нехотѣвшихъ платить дани, и завоевалъ страну Ятвяговъ, дикаго, но мужественнаго народа Латышскаго, обитавшаго въ лѣсахъ между Литвою и Польшею. Далѣе къ Сѣверо-Западу онъ распространилъ свои владѣнія до самаго Балтійскаго моря: ибо Ливонія, по свидѣтельству Стурлезона, Лѣтописца Исландскаго, принадлежала Владиміру, коего чиновники ѣздили собирать дань со всѣхъ жителей между Курляндіею и Финскимъ заливомъ (432).

Завоеваніе Галиціи.

Г. 982-983.

Увѣнчанный побѣдою и славою, Владиміръ хотѣлъ принести благодарность идоламъ, и кровію человѣческою обагрить олтари. Исполняя совѣтъ *Бояръ* и *старцевъ*, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ отроковъ и дѣвицъ Кіевскихъ надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ — и жребій палъ на юнаго Варяга, прекраснаго лицемъ

Первые Христіанскіе мученики въ Кіевѣ.

и душею, коего отецъ былъ Христіаниномъ (433). Посланные отъ старцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовію къ сыну и ненавистію къ такому ужасному суевѣрію, онъ началъ говорить имъ о заблужденіи язычниковъ, о безуміи кланяться тлѣнному дереву, вмѣсто живаго Бога, истиннаго Творца неба, земли и человѣка. Кіевляне терпѣли Христіанство; но торжественное хуленіе Вѣры ихъ произвело всеобщій мятежъ въ городѣ. Народъ вооружился, разметалъ дворъ Варяжскаго Христіанина и требовалъ жертвы. Отецъ, держа сына за руку, съ твердостію сказалъ: ,,ежели ,,идолы ваши дѣйствительно боги, то пусть ,,они сами извлекутъ его изъ моихъ объ,,ятій." Народъ, въ изступленіи ярости, умертвилъ отца и сына, которые были такимъ образомъ первыми и послѣдними мучениками Христіанства въ языческомъ Кіевѣ. Церковь наша чтитъ ихъ Святыми подъ именемъ Θеодора и Іоанна (434).

Г. 984. Бунтъ Радимичей.

Владиміръ скоро имѣлъ случай новыми побѣдами доказать свое мужество и счастіе. Радимичи, спокойные данники Великихъ Князей со временъ Олеговыхъ, вздумали объявить себя независимыми: онъ спѣшилъ наказать ихъ. Храбрый Воевода его, прозваніемъ *Волчій Хвостъ*, начальникъ передовой дружины Княжеской, встрѣтился съ ними на берегахъ рѣки *Пищаны*, и на-голову побилъ мятежниковъ (435); они смирились, и съ того

времени (пишетъ Несторъ) вошло на Руси въ пословицу: *Радимичи волчья хвоста бѣгаютъ.*

На берегахъ Волги и Камы издревле обитали Восточные Болгары, или, можетъ быть, переселились туда съ береговъ Дона въ VII вѣкѣ, не хотѣвъ повиноваться Хану Козарскому (436). Въ теченіе времени они сдѣлались народомъ гражданскимъ и торговымъ; имѣли сообщеніе, посредствомъ судоходныхъ рѣкъ, съ Сѣверомъ Россіи, а чрезъ море Каспійское съ Персіею и другими богатыми Азіатскими странами. Владиміръ, желая завладѣть Камскою Болгаріею, отправился на судахъ внизъ по Волгѣ вмѣстѣ съ Новогородцами и знаменитымъ Добрынею; берегомъ шли конные *Торки,* союзники или наемники Россіянъ. Здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ народѣ, единоплеменномъ съ Туркоманами и Печенѣгами (437): онъ кочевалъ въ степяхъ на юговосточныхъ границахъ Россіи, тамъ же, гдѣ скитались Орды Печенѣжскія. Великій Князь побѣдилъ Болгаровъ; но мудрый Добрыня, по извѣстію Лѣтописца, осмотрѣвъ плѣнниковъ, и видя ихъ въ *сапогахъ,* сказалъ Владиміру: „они не захотятъ быть нашими данниками: пойдемъ лучше искать *лапотниковъ!*“ Добрыня мыслилъ, что люди избыточные имѣютъ болѣе причинъ и средствъ обороняться. Владиміръ уважилъ его мнѣніе, и заключилъ миръ съ Болгарами, которые торжественно обѣщались жить друже-

Г. 985.

Камская Болгарія.

Торки.

любно съ Россіянами, утвердивъ клятву сими простыми словами: „развѣ тогда нарушимъ „договоръ свой, когда камень станетъ пла„вать, а хмѣль тонуть на водѣ (438).“ — Ежели не съ данію, то по крайней мѣрѣ съ честію и съ дарами Великій Князь возвратился въ столицу.

Отчаяніе Гориславы.

Къ сему времени надлежитъ, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный въ продолженіи Несторовой лѣтописи. Рогнѣда, названная по ея горестямъ *Гориславою*, простила супругу убійство отца и братьевъ, но не могла простить измѣны въ любви: ибо Великій Князь уже предпочиталъ ей другихъ женъ, и выслалъ несчастную изъ дворца своего. Въ одинъ день, когда Владиміръ, посѣтивъ ея жилище уединенное на берегу Лыбеди — близъ Кіева, гдѣ въ Несторово время было село *Предславино* — заснулъ тамъ крѣпкимъ сномъ, она хотѣла ножемъ умертвить его. Князь проснулся и отвелъ ударъ. Напомнивъ жестокому смерть ближнихъ своихъ и проливая слезы, отчаянная Рогнѣда жаловалась, что онъ уже давно не любитъ ни ее, ни бѣднаго младенца, Изяслава. Владиміръ рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украситься брачною одеждою, и сидя на богатомъ ложѣ, въ свѣтлой храминѣ, ждать смерти. Уже гнѣвный супругъ и судія вступилъ въ сію храмину. . . Тогда юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою,

подалъ ему мечь обнаженный и сказалъ: „ты не одинъ, о родитель мой! сынъ будетъ свидѣтелемъ“ (439). Владиміръ, бросивъ мечь на землю, отвѣтствовалъ: „кто зналъ, что „ты здѣсь!“ . . . удалился, собралъ Бояръ и требовалъ ихъ совѣта. „Государь!“ сказали они: „прости виновную для сего младенца, и дай имъ въ Удѣлъ бывшую область „отца ея.“ Владиміръ согласился: построилъ новый городъ въ нынѣшней Витебской Губерніи, и назвавъ его *Изяславлемъ*, отправилъ туда мать и сына (440).

Теперь приступаемъ къ описанію важнѣйшаго дѣла Владимірова, которое всего болѣе прославило его въ Исторіи. . . Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало по малу укоренялось Христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святость онаго, почти въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгріею, Польшею, Швеціею, Норвегіею и Даніею. Самое раздѣленіе Церквей, Восточной и Западной, имѣло полезное слѣдствіе для истинной Вѣры: ибо Главы ихъ старались превзойти другъ друга въ дѣятельной ревности къ обращенію язычниковъ.

Супружество Владиміра и крещеніе Россіи.

Древній Лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ, что не только Христіанскіе проповѣдники, но и Магометане, вмѣстѣ съ Іудеями, обитавшими въ землѣ Козарской или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ, склонять Владиміра къ принятію

Вѣры своей, и что Великій Князь охотно выслушивалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы Государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также — увидѣвъ наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе язычества — искать истины въ разныхъ Вѣрахъ.

Первые Послы были отъ Волжскихъ или Камскихъ Болгаровъ (441). На восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала Вѣра Магометанская, утвержденная тамъ счастливымъ оружіемъ Аравитянъ: Болгары приняли оную и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе Магометова рая и цвѣтущихъ Гурій плѣнило воображеніе сластолюбиваго Князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино уставомъ безразсуднымъ. *Вино*, сказалъ онъ, *есть веселіе для Русскихъ; не можемъ быть безъ него.* — Послы Нѣмецкихъ Католиковъ говорили ему о величіи невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь отвѣтствовалъ имъ: *идите обратно; отцы наши не принимали Вѣры отъ Папы* (442). Выслушавъ Іудеевъ, онъ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? „Въ Іерусалимѣ,“ отвѣтствовали проповѣдники: „но Богъ во „гнѣвѣ Своемъ расточилъ насъ по землямъ „чуждымъ.“ *И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить другихъ?* сказалъ Владиміръ: *мы*

не хотимъ, подобно самъ, лишиться своего отечества. — Наконецъ безъименный Философъ (443), присланный Греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія Вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе Библіи, Ветхаго и Новаго Завѣта: Исторію творенія, рая, грѣха, первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, Христіанства, семи Соборовъ, и въ заключеніе показалъ ему картину Страшнаго Суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку (444). Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: „благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!" *Крестися,* отвѣтствовалъ Философъ — *и будешь въ раю съ первыми.*

Лѣтописецъ нашъ *угадывалъ,* какимъ образомъ проповѣдники Вѣръ долженствовали говорить съ Владиміромъ; но ежели Греческій Философъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника разумнаго въ великомъ превосходствѣ Закона Христіанскаго. Вѣра Славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ, которые играли жребіемъ людей и нерѣдко увеселялись ихъ кровію. Хотя Славяне признавали также и бытіе единаго Существа высочайшаго, но празднаго, безпечнаго въ разсужденіи судьбы міра, подобно божеству Эпикурову и Лукреціеву. О жизни за предѣлами гроба, столь любезной человѣку, Вѣ-

ра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: *одно земное* было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того Христіанство, представляя въ единомъ невидимомъ Богѣ создателя и правителя вселенныя, нѣжнаго отца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ, и награждающаго добрыхъ — здѣсь миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни — удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

г. 987. Владиміръ, отпустивъ Философа съ дарами и съ великою честію, собралъ Бояръ и *градскихъ старцевъ*; объявилъ имъ предложенія Магометанъ, Іудеевъ, Католиковъ, Грековъ, и требовалъ ихъ совѣта: „Государь!" сказали Бояре и старцы: „всякой человѣкъ хвалитъ Вѣру свою: ежели хочешь избрать „лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли, испытать, который народъ до„стойнѣе покланяется Божеству" — и Великій Князь отправилъ *десять* благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ Болгаровъ храмы скудные [445], моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ Нѣмецкихъ Католиковъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, *безъ всякаго величія*

и *красоты*; наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцаютъ они славу Бога нашего*! сказалъ Императоръ, и зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести Пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ Патріархъ (446), облаченный въ Святительскія ризы, совершалъ Литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго Духовенства Греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство олтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе Клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили Россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется . . . . Возвратясь въ Кіевъ, Послы говорили Князю съ презрѣніемъ о богослуженіи Магометанъ, съ неуваженіемъ о Католическомъ и съ восторгомъ о Византійскомъ, заключивъ словами: „всякой человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ „уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, „узнавъ Вѣру Грековъ, не хотимъ иной.“ Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе Бояръ и старцевъ. „Когда бы Законъ Греческій — сказали они — не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая „всѣхъ людей, не вздумала бы принять его.“ Великій Князь рѣшился быть Христіаниномъ.

Такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ, который безъ сомнѣнія зналъ еще современниковъ Владиміра, и по тому достовѣрный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сего Россійскаго посольства въ страну Католиковъ и въ Царьградъ, для испытанія Закона Христіанскаго, утверждается также извѣстіями одной Греческой древней рукописи, хранимой въ Парижской библіотекѣ: несогласіе состоитъ единственно въ прилагательномъ имени Василія, тогдашняго Царя Византійскаго, названнаго въ ней *Македонскимъ*, вмѣсто *Багрянороднаго* (447).

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и Священники Христіанскіе (448); но Князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни Цари Греческіе и Патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяли также Владиміру унизиться, въ разсужденіи Грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, *завоевать* Вѣру Христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, Великій
г. 988. Князь пошелъ на судахъ къ Греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видимы въ

Тавридѣ, близъ Севастополя (449). Сей торговый городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами Гераклейскими, сохранялъ еще въ X вѣкѣ бытіе и славу свою, не смотря на великія опустошенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ Скиѳовъ до Козаровъ и Печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть Императоровъ Греческихъ, но не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался собственнымъ законамъ Республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ Черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ. — Владиміръ, остановясь въ гавани или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великій Князь грозилъ имъ стоять три года подъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложенія, въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ Грековъ; старались уничтожать всѣ работы осаждающихъ, и сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ Лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую Россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства (450). Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ: сей человѣкъ пустилъ

къ Россіянамъ стрѣлу, съ надписью: *за вами, къ Востоку, находятся колодези, дающіе воду Херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отнять ее.* Великій Князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ (451), и велѣлъ перекопать водоводы (коихъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ Херсонскихъ). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, Россійскій Князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ, и чрезъ Пословъ обьявилъ Императорамъ, Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной Царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь (452). Родственный союзъ съ Греческими знаменитыми Царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти Героя Цимискія, была жертвою мятежей и безпорядка: Военачальники Склиръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ Государямъ своимъ, и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельства принудили Императоровъ забыть обыкновенную надменность Грековъ и презрѣніе къ язычникамъ (453). Василій и Константинъ, надѣясь помощію сильнаго Князя Россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ, отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть ихъ зятемъ; что принявъ Вѣру Христіанскую, онъ

получить и руку Царевны и Царство Небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы Императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество съ Княземъ народа, по мнѣнію Грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей *жестокимъ плѣномъ* (454) и ненавистнѣе смерти. Но Политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная Царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ встрѣтилъ ее какъ свою избавительницу со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что Великій Князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть; что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда Святитель возложилъ на него руку (455). Бояре Россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ Государемъ приняли истинную Вѣру (въ церкви Св. Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили Великій Князь и невѣста его). Херсонскій Митрополитъ и Византійскіе Пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ Царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи во многихъ

отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великій Князь, какъ вѣрный союзникъ Императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василію разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ Имперіи (456).

Сего не довольно: Владиміръ отказался отъ своего завоеванія, и соорудивъ въ Херсонѣ церковь — на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ Царямъ Греческимъ въ знакъ благодарности за руку сестры ихъ (457). Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ Іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани взялъ церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ (458), въ доказательство любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ быть, изящныя произведенія древняго Искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонскимъ Митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи Христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями

и свергнули съ горы въ Днѣпръ (459). Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины Княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ извверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлося Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди Русскіе, Вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься (460) — и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая Вѣра должна быть мудрою и святою, когда Великій Князь и Бояре предпочли ее старой Вѣрѣ отцевъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ Греческихъ Священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку (461): большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; Іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда Священный Соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ Кіевскихъ Христіанами: тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: „Творецъ „земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ „Твоихъ; дай имъ познать Тебя, Бога истин-

„наго; утверди въ нихъ Вѣру правую. Будь „мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да вос-„хвалю достойно святое имя Твое!" . . . *Въ сей великій день*, говоритъ Лѣтописецъ, *земля* и *небо ликовали*.

Скоро знаменія Вѣры Христіанской, при-
г. 988-990. нятой Государемъ, дѣтьми его (462), Вельможами и народомъ, явились на развалинахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. Великій Князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь Св. Василія (463), на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, и призвалъ изъ Константинополя искусныхъ зодчихъ для строенія храма каменнаго во имя Богоматери, тамъ, гдѣ въ 983 году пострадалъ за Вѣру благочестивый Варягъ и сынъ его. Между тѣмъ ревностные служители олтарей, Священники, проповѣдывали Христа въ разныхъ областяхъ Государства. Многіе люди крестились, разсуждая безъ сомнѣнія такъ же, какъ и граждане Кіевскіе; другіе, привязанные къ Закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII вѣка. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти; но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: *онъ старался просвѣтить Россіянъ*. Чтобы утвердить Вѣру на знаніи книгъ Божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ переведен-

ныхъ на Славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и безъ сомнѣнія уже давно извѣстныхъ Кіевскимъ Христіанамъ, Великій Князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Сіе благодѣяніе казалось тогда страшною новостію, и жены знаменитыя, у коихъ неволею брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

Раздѣленіе Государства.

Владиміръ имѣлъ 12 сыновей, еще юныхъ отроковъ (464). Мы уже наименовали изъ нихъ 9: Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ, родились, кажется, послѣ. Думая, что дѣти могутъ быть надежнѣйшими слугами отца, или, лучше сказать, слѣдуя несчастному обыкновенію сихъ временъ, Владиміръ раздѣлилъ Государство на области, и далъ въ Удѣлъ Вышеславу Новгородъ (465), Изяславу Полоцкъ, Ярославу Ростовъ: по смерти же Вышеслава Новгородъ, а Ростовъ Борису; Глѣбу Муромъ, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владиміръ Волынскій (466), Мстиславу Тмутороканъ или Греческую Тамтарху, завоеванную, какъ вѣроятно, мужественнымъ дѣдомъ его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туровъ, который донынѣ существуетъ въ Минской Губерніи и названъ такъ отъ имени Варяга Тура, повелѣвавшаго нѣкогда сею областію (467). Владиміръ отправилъ малолѣтныхъ Князей въ назначенный для каждаго Удѣлъ, поручивъ

ихъ до совершеннаго возраста благоразумнымъ пѣстунамъ. Онъ безъ сомнѣнія не думалъ раздробить Государства и далъ сыновьямъ одни права своихъ Намѣстниковъ; но ему надлежало бы предвидѣть слѣдствія необходимыя по его смерти. Удѣльный Князь, повинуясь отцу, самовластному Государю всей Россіи, могъ ли столь же естественно повиноваться и наслѣднику, то есть брату своему? Междоусобіе дѣтей Святославовыхъ уже доказало противное; но Владиміръ не воспользовался симъ опытомъ: ибо самые великіе люди дѣйствуютъ согласно съ образомъ мыслей и правилами своего вѣка.

Строеніе городовъ. Желая удобнѣе образовать народъ и защитить южную Россію отъ грабительства Печенѣговъ, Великій Князь основалъ новые города по рѣкамъ Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ, и населилъ ихъ Новогородскими Славянами, Кривичами, Чудью, Вятичами (468). Укрѣпивъ Кіевскій Бѣлгородъ
г. 990. стѣною, онъ перевелъ туда многихъ жителей изъ другихъ городовъ: ибо отмѣнно любилъ его, и часто живалъ въ ономъ.

г. 993. Война съ Хорватами и Печенѣгами. Война съ Хорватами, обитавшими (какъ думаемъ) на границахъ Седмиградской области и Галиціи (469), отвлекла Владиміра отъ внутреннихъ государственныхъ распоряженій. Едва окончавъ ее, миромъ или побѣдою, онъ свѣдалъ о набѣгѣ Печенѣговъ, которые пришли изъ-за Сулы и разоряли область Кіевскую. Великій Князь встрѣтился съ ними

на берегахъ Трубежа: при чемъ Лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующую повѣсть:

,,Войско Печенѣговъ стояло за рѣкою: ,,Князь ихъ вызвалъ Владиміра на берегъ и ,,предложилъ ему рѣшить дѣло поединкомъ ,,между двумя, съ обѣихъ сторонъ избранны- ,,ми богатырями. Ежели *Русской убьетъ Пе-* ,,*ченѣга*, сказалъ онъ, *то обязываемся три* ,,*года не воевать съ вами*; *а ежели нашъ по-* ,,*бѣдитъ*, *то мы вольны три года опусто-* ,,*шать твою землю*. Владиміръ согласился, и ,,велѣлъ *Бирючамъ* или Герольдамъ въ станѣ ,,своемъ кликнуть охотниковъ для поединка ,,(470): не сыскалось ни одного, и Князь Рос- ,,сійскій былъ въ горести. Тогда приходитъ ,,къ нему старецъ и говоритъ: *я вышелъ въ по-* ,,*ле съ четырмя сынами*, *а меньшій остался* ,,*дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ* ,,*одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ на меня,* ,,*онъ разорвалъ на двое толстую воловью* ,,*кожу. Государь! вели ему бороться съ Пе-* ,,*ченѣгомъ*. Владиміръ немедленно послалъ за ,,юношею, который для опыта въ силѣ сво- ,,ей требовалъ быка дикаго; и когда звѣрь, ,,раздраженный прикосновеніемъ горячаго же- ,,лѣза, бѣжалъ мимо юноши, сей богатырь ,,одною рукою вырвалъ у него изъ боку ку- ,,сокъ мяса. На другой день явился Печенѣгъ, ,,великанъ страшный, и видя своего мало- ,,рослаго противника, засмѣялся. Выбрали ,,мѣсто: единоборцы схватились. Россія- ,,нинъ крѣпкими мышцами своими давнулъ

„Печенѣга, и мертваго ударилъ объ землю.
„Тогда дружина Княжеская, воскликнувъ по-
„бѣду, бросилась на устрашенное войско
„Печенѣговъ, которое едва могло спастися
„бѣгствомъ. Радостный Владиміръ въ па-
„мять сему случаю заложилъ на берегу
„Трубежа городъ, и назвалъ его *Переяслав-
„лемъ*: ибо юноша Русской *переялъ* у вра-
„говъ *славу* (471). Великій Князь, наградивъ
„витязя и старца, отца его, саномъ Бо-
„ярскимъ, возвратился съ торжествомъ въ
„Кіевъ." Поединокъ можетъ быть истин-
ною; но обстоятельство, что Владиміръ
основалъ Переяславль, кажется сомнитель-
нымъ: ибо о семъ городѣ упоминается
еще въ Олеговомъ договорѣ съ Греками въ
959 году (472).

Г. 994-996. Церковь Десятинная.

Россія года два или три наслаждалась по-
томъ тишиною и спокойствіемъ. Владиміръ,
къ великому своему удовольствію, видѣлъ
наконецъ совершеніе каменнаго храма въ Кіе-
вѣ, посвященнаго Богоматери, и художе-
ствомъ Грековъ украшеннаго. Тамъ, испол-
ненный вѣры святой и любви къ народу, онъ
сказалъ предъ олтаремъ Всевышняго: „Го-
„споди! въ семъ храмѣ, мною сооруженномъ,
„да внимаешь всегда молитвамъ добрыхъ Рос-
„сіянъ!" и въ знакъ сердечной радости уго-
стилъ во дворцѣ Княжескомъ Бояръ и град-
скихъ старцевъ; не забылъ и людей бѣдныхъ,
щедро удовлетворивъ ихъ нуждамъ. — Вла-
диміръ отдалъ въ новую церковь иконы,

кресты и сосуды, взятые въ Херсонѣ: велѣлъ служить въ ней Херсонскимъ Іереямъ; поручилъ ее любимцу своему Анастасу; уставилъ брать ему десятую часть изъ собственныхъ доходовъ Княжескихъ, и клятвенною грамотою обязавъ своихъ наслѣдниковъ не преступать сего закона, положилъ оную въ храмѣ (473). Слѣдственно Анастасъ былъ Священнаго сана и, вѣроятно, знаменитаго, когда главная церковь столицы (донынѣ именуемая *Десятинною*) находилась подъ его особеннымъ вѣдѣніемъ. Новѣйшіе Лѣтописцы утвердительно повѣствуютъ о Кіевскихъ Митрополитахъ сего времени, но, именуя ихъ, противорѣчатъ другъ другу (474). Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о Митрополіи до княженія Ярославова, говоря единственно о Епископахъ, уважаемыхъ Владиміромъ, безъ сомнѣнія Грекахъ или Славянахъ Греческихъ, которые, разумѣя языкъ нашъ, тѣмъ удобнѣе могли учить Россіянъ.

Набѣгъ Печенѣговъ.

Случай, опасный для Владиміровой жизни, еще болѣе утвердилъ сего Князя въ чувствахъ набожности. Печенѣги, снова напавъ на области Россійскія, приступили къ Василеву, городу построенному имъ на рѣкѣ Стугнѣ (475). Онъ выпелъ въ поле съ малою дружиною, не могъ устоять противъ ихъ множества и долженъ былъ скрыться подъ мостомъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами свирѣпыми, Владиміръ обѣщался, ежели Небо спасетъ его, соорудить въ Василевѣ храмъ

празднику того дня, Святому Преображенію. Непріятели удалились, и Великій Князь, исполнивъ обѣтъ свой, созвалъ къ себѣ на пиръ Вельможъ, Посадниковъ и старѣйшинъ изъ другихъ городовъ. Желая изобразить его роскошь, Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ приказалъ сварить *триста варъ меду*, и восемь дней праздновалъ съ Боярами въ Василевѣ. Убогіе получили 300 гривенъ изъ казны государственной. Возвратясь въ Кіевъ, онъ далъ новый пиръ не только Вельможамъ, но и всему народу, который искренно радовался спасенію добраго и любимаго Государя. Съ того времени сей Князь всякую недѣлю угощалъ въ *Гридницѣ*, или въ прихожей дворца своего, Бояръ, *Гридней* (меченосцевъ Княжескихъ) воинскихъ Сотниковъ, Десятскихъ и всѣхъ людей именитыхъ или *нарочитыхъ* (476). Даже и въ тѣ дни, когда его не было въ Кіевѣ, они собирались во дворцѣ и находили столы покрытые мясами, дичиною и всѣми роскошными яствами тогдашняго времени. Однажды — какъ разсказываетъ Лѣтописецъ — гости Владиміровы, упоенные крѣпкимъ медомъ, вздумали жаловаться, что у знаменитаго Государя Русскаго подаютъ имъ къ обѣду деревянныя ложки. Великій Князь, узнавъ о томъ, велѣлъ сдѣлать для нихъ *серебряныя*, говоря благоразумно: *серебромъ и золотомъ не добудешь вѣрной дружины; а съ нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу*

Пиры Владиміровы.

моему и дѣду. Владимiръ, по словамъ лѣтописи, отмѣнно любилъ свою дружину и совѣтовался съ сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, какъ о воинскихъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ.

Будучи другомъ усердныхъ Бояръ и чиновниковъ, онъ былъ истиннымъ отцемъ бѣдныхъ которые всегда могли приходить на дворъ Княжескiй, утолять тамъ голодъ свой и брать изъ казны деньги (477). Сего мало: *больные*, говорилъ Владимiръ, *не въ силахъ дойти до палатъ моихъ* — и велѣлъ развозить по улицамъ хлѣбы, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ. „Гдѣ нищiе, недуж-„ные?" спрашивали люди Княжескiе, и надѣляли ихъ всѣмъ потребнымъ. Сiю добродѣтель Владимiрову приписываетъ Несторъ дѣйствiю Христiанскаго ученiя. Слова Евангельскiя: *блажени милостиви, яко тiи помиловани будутъ*, и Соломоновы: *дая нищему, Богу въ заимъ даете*, вселили въ душу Великаго Князя рѣдкую любовь къ благотворенiю и вообще такое милосердiе, которое выходило даже изъ предѣловъ государственной пользы. Онъ щадилъ жизнь самыхъ убiйцъ и наказывалъ ихъ только *Вирою*, или денежною пенею (478): число преступниковъ умножалось, и дерзость ихъ ужасала добрыхъ спокойныхъ гражданъ. Наконецъ духовные Пастыри Церкви вывели набожнаго Князя изъ заблужденiя. „Для чего не караешь зло-„дѣйства?" спросили они. *Боюсь гнѣва Небес-*

Милосердiе.

наго, отвѣтствовалъ Владиміръ. „Нѣтъ," сказали Епископы: „ты поставленъ Богомъ „на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе. „*Должно* карать преступника, но только „съ разсмотрѣніемъ." Великій Князь, принявъ ихъ совѣтъ, отмѣнилъ *Виру* и снова ввелъ смертную казнь, бывшую при Игорѣ и Святославѣ.

Симъ благоразумнымъ совѣтникамъ надлежало еще пробудить въ немъ, для государственнаго блага, и прежній духъ воинскій, усыпленный тѣмъ же человѣколюбіемъ. Владиміръ уже не искалъ славы Героевъ, и жилъ въ мирѣ съ сосѣдственными Государями: Польскимъ, Венгерскимъ и Богемскимъ (479); но хищные Печенѣги, употребляя въ свою пользу миролюбіе его, безпрестанно опустошали Россію. Мудрые Епископы и *старцы* доказали Великому Князю, что Государь долженъ быть ужасомъ не только преступниковъ государственныхъ, но и внѣшнихъ враговъ — и гласъ воинскихъ трубъ снова раздался въ нашемъ древнемъ отечествѣ (480).

Г. 997. Владиміръ, желая собрать воинство многочисленное для отраженія Печенѣговъ, самъ отправился въ Новгородъ; но сіи неутомимые враги, узнавъ его отсутствіе, приблизились къ столицѣ, окружили Бѣлгородъ и

Осада Бѣлагорода.

пресѣкли сообщеніе жителей съ мѣстами окрестными. Чрезъ нѣсколько времени сдѣлался тамъ голодъ, и народъ, собравшись на *Вѣче* или совѣтъ (481), изъявилъ желаніе сдаться

непріяпелямъ. „Князь далеко“, говорилъ онъ: „Печенѣги могутъ умертвить только нѣ„которыхъ изъ насъ; а отъ голода мы всѣ „погибнемъ.“ Но хитрость умнаго *старца*, впрочемъ не совсѣмъ *вѣроятная*, спасла граждан. Онъ велѣлъ ископать два колодезя, поставить въ нихъ одну кадь съ сытою, другую съ тѣстомъ, и звать старшинъ непріятельскихъ будто бы для переговоровъ. Видя сіи колодези, они повѣрили, что земля сама собою производитъ тамъ вкусную для людей пищу и возвратились къ своимъ Князьямъ съ вѣстію, что городъ не можетъ имѣть недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Печенѣги сняли осаду (482).

Вѣроятно, что Владиміръ счастливымъ оружіемъ унялъ наконецъ сихъ варваровъ: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ не упоминаетъ болѣе о ихъ нападеніяхъ на Россію до самаго 1015 году. Но здѣсь преданія *оставляютъ*, кажется, Нестора, и въ теченіе *семнадцати лѣтъ* онъ сказываетъ намъ только, что въ 1000 году умерли Мальфрида — одна изъ бывшихъ Владиміровыхъ женъ, какъ надобно думать — и знаменитая несчастіемъ Рогнѣда, въ 1001 Изяславъ, а въ 1003 младенецъ Всеславъ, сынъ Изяславовъ; что въ 1007 году привезли иконы въ Кіевскій храмъ Богоматери изъ Херсона или изъ Греціи, а въ 1011 скончалась Анна (483), супруга Владиміровa, достопамятная для потомства: ибо

Г. 997-1014.

Кончина Анны.

она была орудіемъ Небесной благодати, извлекшей Россію изъ тьмы идолопоклонства.

Война съ Эрикомъ Норвежскимъ.

Въ сіи годы, скудные происшествіями по Несторовой лѣтописи, Владиміръ могъ имѣть ту войну съ Норвежскимъ Принцомъ Эрикомъ, о коей повѣствуетъ Исландскій Лѣтописецъ Стурлезонъ (484). Гонимый судьбою, малолѣтный Принцъ Норвежскій Олофъ, племянникъ Сигурда, одного изъ Вельможъ Владиміровыхъ, съ матерію, вдовствующею Королевою Астридою, нашелъ убѣжище въ Россіи; учился при Дворѣ, осыпаемый милостями Великой Княгини, и ревностно служилъ Государю; но оклеветанный завистливыми Боярами, долженъ былъ оставить его службу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ—можетъ быть, съ помощію Россіи — онъ сдѣлался Королемъ Норвежскимъ, отнявъ престолъ у Эрика, который бѣжалъ въ Швецію, собралъ войско, напалъ на сѣверо-западныя Владиміровы области, осадилъ и взялъ приступомъ городъ Россійскій *Альдейгабургъ*, или, какъ *вѣроятно*, нынѣшнюю Старую Ладогу (485), гдѣ обыкновенно приставали мореплаватели Скандинавскіе, и гдѣ, по народному преданію, Рюрикъ имѣлъ дворецъ свой. Храбрый Норвежскій Принцъ четыре года воевалъ съ Владиміромъ; наконецъ, уступивъ превосходству силъ его, вышелъ изъ Россіи.

Судьба не пощадила Владиміра въ старости: предъ концемъ своимъ ему надлежало увидѣть съ горестію, что властолюбіе во-

оружаетъ не только брата противъ брата, но и сына противъ отца.

Намѣстники Новогородскіе ежегодно платили двѣ тысячи гривенъ Великому Князю и тысячу раздавали Гриднямъ или тѣлохранителямъ Княжескимъ (486). Ярославъ, тогдашній Правитель Новагорода, дерзнулъ объявить себя независимымъ и не хотѣлъ платить дани. Раздраженный Владиміръ велѣлъ готовиться войску къ походу въ Новгородъ, чтобы наказать ослушника; а сынъ, ослѣпленный властолюбіемъ, призвалъ изъ за моря Варяговъ на помощь, думая, вопреки законамъ Божественнымъ и человѣческимъ, поднять мечь на отца и Государя. Небо отвратило сію войну богопротивную и спасло Ярослава отъ злодѣянія рѣдкаго. Владиміръ, можетъ быть отъ горести, занемогъ тяжкою болѣзнію, и въ то же самое время Печенѣги ворвались въ Россію; надлежало отразить ихъ: не имѣя силъ предводительствовать войскомъ, онъ поручилъ его *любимому* сыну своему Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда въ Кіевѣ, и чрезъ нѣсколько дней скончался въ Берестовѣ, загородномъ дворцѣ, не избравъ наслѣдника, и оставивъ кормило Государства на волю рока. . . .

Г. 1014.

Бунтъ Владиміровасына, Ярослава.

Г. 1015.

Кончина Владиміра.

Святополкъ, усыновленный племянникъ Владиміровъ, находился въ столицѣ: боясь его властолюбія, придворные хотѣли утаить кончину Великаго Князя, вѣроятно для

того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться въ Кіевъ [487]; ночью выломали полъ въ сѣняхъ, завернули тѣло въ коверъ, спустили внизъ по веревкамъ и отвезли въ храмъ Богоматери. Но скоро печальная вѣсть разгласилась въ городѣ: Вельможи, народъ, воины бросились въ церковь; увидѣли трупъ Государя и стенаніемъ изъявили свое отчаяніе. Бѣдные оплакивали благотворителя, Бояре отца отечества. . . Тѣло Владимірово заключили въ мраморную раку и поставили оную торжественно, рядомъ съ гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, имъ сооруженнаго [488].

Сей Князь, названный Церковію *Равноапостольнымъ*, заслужилъ и въ Исторіи имя *Великаго*. Истинное ли увѣреніе въ святынѣ Христіанства, или, какъ повѣствуетъ знаменитый Арабскій Историкъ XIII вѣка [489], одно честолюбіе и желаніе быть въ родственномъ союзѣ съ Государями Византійскими рѣшило его креститься? извѣстно Богу, а не людямъ. Довольно, что Владиміръ, принявъ Вѣру Спасителя, освятился ею въ сердцѣ своемъ и сталъ инымъ человѣкомъ. Бывъ въ язычествѣ мстителемъ свирѣпымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ [490], воиномъ кровожаднымъ и — что всего ужаснѣе — братоубійцею, Владиміръ, наставленный въ человѣколюбивыхъ правилахъ Христіанства, боялся уже проливать кровь самыхъ злодѣевъ и враговъ отечества. Главное право

Свойства его.

его на вѣчную славу и благодарность потомства состоитъ конечно въ томъ, что онъ поставилъ Россіянъ на путь истинной Вѣры; но имя *Великаго* принадлежитъ ему и за дѣла государственныя. Сей Князь, похитивъ Единовластіе, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правленіемъ загладилъ вину свою; выслалъ многихъ опасныхъ Варяговъ изъ Россіи, но употребилъ въ ея пользу достоинства нѣкоторыхъ, отличивъ ихъ и саномъ и властію; смирилъ бунты своихъ данниковъ, отражалъ набѣги хищныхъ сосѣдовъ, побѣдилъ сильнаго Мечислава и славный храбростію народъ Ятвяжскій; расширилъ предѣлы Государства на Западѣ; мужествомъ дружины своей утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ Восточныхъ Императоровъ; старался просвѣтить Россію: населилъ пустыни, основалъ новые города; любилъ совѣтоваться съ мудрыми Боярами о полезныхъ уставахъ земскихъ; завелъ училища и призывалъ изъ Греціи не только Іереевъ, но и художниковъ; наконецъ былъ нѣжнымъ отцемъ народа бѣднаго. Горестію послѣднихъ минутъ своихъ онъ заплатилъ за важную ошибку въ Политикѣ, за назначеніе особенныхъ для сыновей Удѣловъ.

Слава его правленія раздалась въ трехъ частяхъ міра: древнія Скандинавскія, Нѣмецкія, Византійскія, Арабскія лѣтописи говорятъ о немъ. Кромѣ преданій Церкви и нашего перваго Лѣтописца о дѣлахъ Владиміро- Сказки народныя.

выхъ, памяшь сего Великаго Князя хранилась и въ сказкахъ народныхъ о великолѣпіи пировъ его, о могучихъ богашыряхъ его времени: о Добрынѣ Новогородскомъ, Александрѣ *съ золотою гривною,* Ильѣ Муромцѣ, сильномъ Рахдаѣ (который будто бы одинъ ходилъ на 300 воиновъ), Янѣ Усмошвецѣ, грозѣ Печенѣговъ, и прочихъ, о коихъ упоминаетпся въ новѣйшихъ, отпчасти баснословныхъ лѣтописяхъ (491). Сказки не Исторія; но сіе сходство въ народныхъ понятіяхъ о временахъ Карла Великаго и Князя Владиміра достойно замѣчанія: тотъ и другой, заслуживъ безсмертіе въ лѣтописяхъ своими побѣдами, усердіемъ къ Христіанству и любовію къ Наукамъ, живутъ донынѣ и въ сказкахъ богатырскихъ.

Богатыри.

Владиміръ, не смотря на слабое отъ природы здоровье (492), дожилъ до старости: ибо въ 970 году уже господствовалъ въ Новѣгородѣ, подъ руководствомъ дяди, Боярина Добрыни.

Прежде нежели будемъ говорить о наслѣдникахъ сего великаго Монарха, дополнимъ Исторію описанныхъ нами временъ всѣми извѣстіями, которыя находятся въ Несторѣ и въ чужестранныхъ, современныхъ Лѣтописцахъ, о гражданскомъ и нравственномъ состояніи тогдашней Россіи: чтобы не прерывать нити историческаго повѣствованія, сообщаемъ оныя въ статьѣ особенной.

ГЛАВА X.

О СОСТОЯНІИ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Предѣлы. Правленіе. Законы гражданскіе. Воинское искусство. Флоты. Чиноначаліе и внутреннее образованіе войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояніе городовъ. Деньги. Успѣхи разума. Механическія и свободныя художества. Нравы.

Въ самый первый вѣкъ бытія своего Россія превосходила обширностію едвали не всѣ тогдашнія Государства Европейскія (493). Завоеванія Олеговы, Святославовы, Владиміровы, распространили ея владѣнія, отъ Новагорода и Кіева, къ Западу до моря Бальтійскаго, Двины, Буга и горъ Карпатскихъ, а къ Югу до пороговъ Днѣпровскихъ и Киммерійскаго Воспора; къ Сѣверу и Востоку граничила она съ Финляндіею и съ Чудскими народами, обитателями нынѣшнихъ Губерній Архангельской, Вологодской, Вятской, также съ Мордвою и съ Казанскими Болгарами, за коими, къ морю Каспійскому, жили Хвалисы, ихъ единовѣрцы и единоплеменники (по чему сіе море называлось тогда Хвалынскимъ или Хвалисскимъ). Предѣлы.

Слова Новогородцевъ и союзныхъ съ ними народовъ, преданныя намъ Лѣтописцемъ: „хо- Правленіе.
„тимъ Князя, да владѣетъ и правитъ нами

„по закону," были основаніемъ перваго устава государственнаго въ Россіи, то есть, Монархическаго.

Но Князья привели съ собою многихъ независимыхъ Варяговъ, которые считали ихъ болѣе своими товарищами, нежели Государями, и шли въ Россію властвовать, а не повиноваться. Сіи Варяги были первыми чиновниками, знаменитѣйшими воинами и гражданами; составляли отборную Дружину и верховный Совѣтъ, съ коимъ Государь дѣлился властію. Мы видѣли, что Послы Россійскіе заключали договоръ съ Греціею отъ имени Князя и Бояръ его; что Игорь не могъ одинъ утвердить союза съ Императоромъ, и что вся *дружина Княжеская* должна была вмѣстѣ съ нимъ присягать на священномъ холмѣ (494).

Самый народъ Славянскій хотя и покорился Князьямъ, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ важныхъ, или въ опасностяхъ государственныхъ, сходился на общій совѣтъ. Бѣлогородцы, тѣснимые Печенѣгами, разсуждали на Вѣчѣ, что имъ дѣлать (495). — Сіи народныя собранія были древнимъ обыкновеніемъ въ городахъ Россійскихъ, доказывали участіе гражданъ въ правленіи и могли давать имъ смѣлость, неизвѣстную въ Державахъ строгаго, неограниченнаго Единовластія. Такъ Новогородцы объявили Святославу, что они требуютъ отъ него сына въ Правители, или, въ

случаѣ отказа, изберутъ себѣ особеннаго Князя.

На войнѣ права Государя были ограничены корыстолюбіемъ воиновъ: онъ могъ брать себѣ только часть добычи, уступая имъ прочее. Такъ Олегъ, Игорь взяли дань съ Грековъ на каждаго изъ своихъ ратниковъ; самые родственники убитыхъ имѣли въ ней долю (496). *Желая одинъ воспользоваться грабежемъ въ землѣ Древлянской*, Игорь удалилъ отъ себя войско: слѣдственно не только добычею счастливой битвы, но и данію, собираемою съ народовъ уже подвластныхъ Россіи, Князья дѣлились съ воинами.

Впрочемъ вся земля Русская была, такъ сказать, законною собственностію Великихъ Князей: они могли, кому хотѣли, раздавать города и волости. Такъ многіе Варяги получили Удѣлы отъ Рюрика. Такъ супруга Игорева владѣла Вышегородомъ, а Рогволодъ, по словамъ лѣтописи, *княжилъ* въ Полоцкѣ (497).

Варяги, на условіяхъ *Помѣстной Системы* владѣвшіе городами, имѣли титло Князей: о сихъ-то *многихъ* Князьяхъ Россійскихъ упоминается въ Олеговомъ договорѣ съ Греческимъ Императоромъ (498). Дѣти ихъ, заслуживъ милость Государя, могли получать тѣ же Удѣлы: Бояре Владиміровы назвали Полоцкъ, гдѣ княжилъ отецъ Рогнѣдинъ, ея наслѣдственнымъ достояніемъ или отчиною (499). Но Великій Князь какъ Государь располагалъ сими частными Княжествами: Вла-

диміръ отдалъ дѣтямъ своимъ Ростовъ, Муромъ и другія области, бывшія со временъ Рюриковыхъ Удѣлами Вельможъ Норманскихъ. — Другіе города и волости непосредственно зависѣли отъ Великаго Князя: онъ управлялъ ими чрезъ своихъ Посадниковъ или Намѣстниковъ [500].

Образъ сего внутренняго правленія отвѣтствовалъ простотѣ тогдашнихъ нравовъ. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: Государь совѣтовался о *земскихъ* учрежденіяхъ съ храброю дружиною [501]. Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владиміръ по волѣ своей отмѣнилъ и снова уставилъ смертную казнь — Несторъ упоминаетъ еще о *градскихъ старѣйшинахъ*, которые лѣтами, разумомъ и честію заслуживъ довѣренность, могли быть судіями въ дѣлахъ народныхъ.

Законы гражданскіе.

Во времена независимости Россійскихъ Славянъ гражданское правосудіе имѣло основаніемъ совѣсть и древніе обычаи каждаго племени въ особенности [502]; но Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію, извѣстные намъ по договорамъ Великихъ Князей съ Греками, и во всемъ согласные съ древними законами Скандинавскими. Напримѣръ: и въ тѣхъ и въ другихъ было уставлено, что родственникъ убіеннаго имѣлъ право лишить жизни убійцу; что гражданинъ могъ умертвить вора, который

не захотѣлъ бы добровольно отдаться ему въ руки; что за каждый ударъ мечемъ, копіемъ или другимъ орудіемъ, надлежало платить денежную пеню [503]. Сіи первые законы нашего отечества, еще древнѣйшіе Ярославовыхъ, дѣлаютъ честь вѣку и народному характеру, будучи основаны на довѣренности къ клятвамъ, слѣдственно къ совѣсти людей, и на справедливости: такъ виновный былъ увольняемъ отъ пени, ежели онъ утверждалъ клятвенно, что не имѣетъ способа заплатить ее; такъ хищникъ наказывался соразмѣрно съ виною, и платилъ вдвое и втрое за всякое похищеніе; такъ гражданинъ, мирными трудами наживъ богатство, могъ при кончинѣ располагать имъ въ пользу ближнихъ и друзей своихъ [504]. — Трудно вообразить, чтобы одно словесное преданіе хранило сіи уставы въ народной памяти. Ежели не Славяне, то по крайней мѣрѣ Варяги Россійскіе могли имѣть въ IX и X вѣкѣ *законы писанные*: ибо въ древнемъ отечествѣ ихъ, въ Скандинавіи, употребленіе Руническихъ письменъ было извѣстно до временъ Христіанства [505].

Церковный уставъ Владиміровъ.

Мы имѣемъ еще древній, такъ называемый *Владиміровъ уставъ*, по коему, сообразно съ Греческими Номоканонами, отчуждены отъ мірскаго вѣдомства Монахи и церковники, богадѣльни, гостинницы, домы странноприимства, лѣкари и всѣ люди увѣчные. Дѣла ихъ были подсудны однимъ Епископамъ:

*

также вѣсы и мѣрила городскія, распри и невѣрность супруговъ, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодѣйства дѣтей въ отношеніи къ отцу и матери, тяжбы родныхъ, оскверненіе храмовъ, церковная татьба, снятіе одежды съ мертвеца, и проч. и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что Духовенство Россійское въ первыя времена Христіанства рѣшило не только церковныя, но и многія гражданскія дѣла, которыя относились къ совѣсти и нравственнымъ правиламъ новой Вѣры (такъ было во всей Европѣ); нѣтъ сомнѣнія, что означенные здѣсь суды могли принадлежать ему (нѣкоторые изъ оныхъ и нынѣ остаются его правомъ): но сей *Уставъ* есть подложный — и вотъ доказательство: тамъ Владиміръ пишетъ, что Патріархъ *Фотій* далъ ему *перваго* Митрополита Леона; а *Фотій* умеръ за 90 лѣтъ до сего Великаго Князя (506).

Воинское искусство.

Варяги, законодатели нашихъ предковъ, были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны. Россіяне, предводимые своими Князьями, сражались уже не толпами безпорядочными, какъ Славяне древніе, но строемъ, вокругъ знаменъ своихъ или стяговъ, въ сомкнутыхъ рядахъ, при звукѣ трубъ воинскихъ; имѣли конницу, собственную и наемную, и *сторожевые* отряды, за коими цѣлое войско оставалось въ безопасности. Готовясь къ битвамъ, они выходили на открытое поле зани-

жаться воинскими играми: учились быстрому, дружному нападенію и согласнымъ движеніямъ, дающимъ побѣду; носили для защиты своей тяжелыя латы, обручи, высокіе шлемы. Мечи, съ обѣихъ сторонъ острые, копья и стрѣлы были ихъ оружіемъ. Укрѣпляя города свои стѣнами, хотя деревянными, но неприступными для народовъ варварскихъ, тогдашнихъ сосѣдовъ Россіи, нредки наши умѣли брать города чуждые, и знали искусство осадныхъ земляныхъ работъ; окружали глубокими рвами не только крѣпости, но и полевые станы свои для безопасности (507).

Флоты.

Подобно другимъ Славянамъ мужественные на сушѣ, они заимствовали отъ Варяговъ искусство мореплаванія, и только одинъ страшный *огонь Греческій* могъ спасти Царьградъ отъ флота Игорева: для того Великіе Князья всегда желали узнать тайный составъ сего огня; но хитрые Греки увѣряли ихъ, что Ангелъ божественный вручилъ оный Императору Константину, и что одни Христіане могутъ имъ пользоваться. Тогдашніе военные корабли Россійскіе были не что иное, какъ гребныя, съ помощію большихъ парусовъ весьма ходкія суда, на которыя садилось отъ 40 до 60 человѣкъ (508).

Чиноначаліе и внутреннее образованіе войска.

О древнемъ чиноначаліи и внутреннемъ образованіи войска извѣстно намъ слѣдующее. Князь былъ его Главою на водѣ и сушѣ; подъ нимъ начальствовали Воеводы, Тысячскіе, Сотники и Десятскіе (509). Дружину перваго со-

ставляли опытные витязи и Бояре, которые хранили его жизнь и служили примѣромъ мужества для прочихъ. Мы знаемъ, сколь Владимiръ уважалъ и любилъ ихъ. Дружина Игорева и по смерти Князя носила на себѣ его имя. Подъ симъ общимъ названiемъ разумѣлись иногда и молодые отборные воины, Отроки, Гридни, которые служили при Князѣ: первые считались знаменитѣе вторыхъ (510). Главные Воеводы имѣли также своихъ Отроковъ, какъ Свенѣльдъ, Воевода Игоревъ. — Варяги до самыхъ временъ Ярославовыхъ были въ Россiи особеннымъ войскомъ; они и Гридни, или *Мечники*, брали изъ казны жалованье; другiе участвовали только въ добычѣ (511).

Торговля. Народы, изъ коихъ составилось Государство Россiйское, и до пришествiя Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованiя: ибо самые грубые Древляне жили отчасти въ городахъ; самые Вятичи и Радимичи, варвары по описанiю Несторову, издревле занимались хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней; но мы не имѣемъ никакого историческаго объ ней свѣдѣнiя. Первыя извѣстiя о нашемъ древнемъ купечествѣ относятся уже ко временамъ Варяжскихъ Князей: договоры ихъ съ Греками свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ жило множество Россiянъ въ Царѣградѣ, которые продавали тамъ невольниковъ и покупали всякiя

шкани. Звѣриная ловля и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоцѣнныхъ мѣховъ, бывшихъ, вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ предметомъ ихъ торговли. Константинъ Багрянородный пишетъ, что въ Хазарію и въ Россію шли тогда изъ Царяграда пурпуръ, богатыя одежды, сукна, сафьянъ, перецъ: къ симъ товарамъ, по извѣстію Нестора, можно прибавить вино и плоды (512). Ежегодное путешествіе Россійскихъ купцевъ въ Грецію описываетъ Константинъ слѣдующимъ образомъ: ,,Суда ихъ приходятъ ,,въ Царьградъ изъ Новагорода, Смоленска, ,,Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвла- ,,стные Россамъ Славяне, Кривичи, Лучане ,,и другіе, зимою рубятъ лѣсь на горахъ ,,своихъ и строятъ лодки, называемыя *моно-* ,,*ξυλα*: ибо онѣ дѣлаются *изъ одного дерева*. ,,По вскрытіи Днѣпра Славяне приплываютъ ,,въ Кіевъ и продаютъ оныя Россіянамъ, ко- ,,торые дѣлаютъ уключины и весла изъ ста- ,,рыхъ лодокъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ собирает- ,,ся весь Россійскій флотъ въ городкѣ Ви- ,,тичевѣ, откуда идетъ уже къ порогамъ. ,,Дошедши до четвертаго и самаго опа- ,,снаго, то есть, *Неясытя*, купцы выгру- ,,жаютъ товары и ведутъ скованныхъ не- ,,вольниковъ около 6000 шаговъ берегомъ. ,,Печенѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за ,,порогами, близъ такъ называемаго *Кри-* ,,*рійскаго перевоза* (гдѣ Херсонцы, *возвра-* ,,*щаясь* изъ *Россіи*, переправляются чрезъ

,,Днѣпръ): отразивъ сихъ разбойниковъ, и ,,доплывъ до острова Св. Григорія, Россіяне ,,приносятъ богамъ своимъ жертву благо-,,дарности, и до самой рѣки Селины, кото-,,рая есть рукавъ Дуная, не встрѣчаютъ ,,уже никакой опасности; но тамъ, ежели ,,вѣтромъ прибьетъ суда ихъ къ берегу, они ,,снова должны сражаться съ Печенѣгами, и ,,наконецъ, миновавъ Конопу, Констанцію, ,,также устье Болгарскихъ рѣкъ, Варны и ,,Дицины, достигаютъ Месимвріи, перваго ,,Греческаго города (513).“ Сія торговля безъ сомнѣнія весьма обогащала Россіянъ, когда они для ея выгодъ отваживались на столько опасностей и трудовъ, и когда она была предметомъ всякаго ихъ мирнаго договора съ Имперіею. — Они ходили на судахъ не только въ Болгарію, въ Грецію, Хазарію или Тавриду, но, если вѣрить Константину, и въ самую отдаленную Сирію (514): Черное море, покрытое ихъ кораблями, или, справедливѣе сказать, лодками, было названо *Русскимъ* (515). Но Цареградскіе купцы едва ли ѣздили чрезъ пороги Днѣпровскіе; одни, кажется, Херсонцы торговали въ Кіевѣ.

Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго отечества, имѣли съ нимъ также и мирныя торговыя связи. Будучи народомъ кочующимъ и скотоводнымъ, подобно нынѣшнимъ Киргизамъ и Калмыкамъ, они продавали Россіянамъ множество Азіатскихъ ко-

ней, овецъ и быковъ; но Константинъ къ сему извѣстію прибавляетъ явную ложь, сказывая, что въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скота рогатаго. — Волжскіе Болгары, по сказанію Эбнъ-Гаукаля, Арабскаго Географа X вѣка, доставали отъ насъ шкуры черныхъ куницъ или Скиѳскихъ соболей; но сами не ѣздили въ Россію, будто бы для того, что въ ней убивали всѣхъ иноземцевъ (516).

О торговлѣ древнихъ Россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ Лѣтописцахъ. Средоточіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со временъ Рюриковыхъ поселились многіе Варяги, дѣятельные въ морскомъ грабежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоцѣнныя ткани, домовые приборы, Царскія одежды, шитыя золотомъ, и мягкую рухлядь. Первыя не могли быть собственнымъ рукодѣліемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что они покупали сіи богатыя одежды и ткани въ Царѣградѣ, куда, по сказанію Несторову, ѣзжали Новогородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Виннетѣ и другихъ Балтійскихъ городахъ находились купцы Россійскіе. Мы знаемъ, что Ливонія зависѣла отъ Владиміра: тамъ ежегодно бывали многолюдныя ярмонки, собирались весною Норвежскіе и другіе купцы, покупали невольниковъ, мѣха и возвращались въ отечество не прежде осени. Торговля

наша столь уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, что Лѣтописцы сего времени обыкновенно называютъ Россію страною *изобильною всѣми благами*, omnibus bonis affluentem [517].

Вѣроятно, что Великіе Князья, слѣдуя примѣру Скандинавскихъ Владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народной торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственная подать въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ *вещахъ*, нежели въ *деньгахъ*. Изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ *медомъ* и *шкурами*, или съ оброкомъ Княжескимъ — что называлось: *возить повозъ*. Слѣдственно казна изобиловала *товарами* и могла отпускать ихъ въ чужія земли [518].

Россіяне, подобно Норманамъ, соединяли торговлю съ грабежемъ. Извѣстно, что они славились морскими разбоями въ окрестностяхъ Меларскаго озера, и что желѣзныя цѣпи при Стокзундѣ (гдѣ нынѣ Штокгольмъ) не могли ихъ удерживать [519]. Требованіе Грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ мореходцы Россійскіе предъявляли отъ своего Князя письменное свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: ту, кажется, что нѣкоторые Россіяне подъ видомъ купечества выѣзжали грабить на Черное море, а послѣ вмѣстѣ съ другими приходили свободно тор-

говать въ Царьградъ. Надобно было отличить истинныхъ купцевъ отъ разбойниковъ.

Пышность и роскошь.

Счастливыя войны и торговля Россіянъ, служивъ къ обогащенію народа, долженствовали, въ теченіе сто лѣтъ и болѣе, произвести нѣкоторую роскошь, прежде неизвѣстную. Узнавъ пышность Двора Константинопольскаго, Великіе Князья хотѣли подражать ему: не только сами они, но и супруги ихъ, дѣти, родственники, имѣли своихъ особенныхъ придворныхъ чиновниковъ [520]. Не рѣдко Послы Россійскіе, именемъ Государя, требовали въ даръ отъ Грековъ Царской одежды и вѣнцевъ: чего Императоры, желая отличаться отъ *варваровъ* хотя украшеніями драгоцѣнными, не любили давать имъ, увѣряя, что сіи порфиры и короны сдѣланы руками Ангеловъ и должны быть всегда хранимы въ Софійской церкви. Друзья Владиміра, обѣдая у Князя, ѣли *серебряными* ложками. Медъ, древнее любимое питіе всѣхъ народовъ Славянскихъ, былъ еще душею славныхъ пировъ его; но Кіевляне уже въ Олеговы времена имѣли вина Греческія и вкусные плоды теплыхъ климатовъ. Перецъ Индѣйскій служилъ приправою для ихъ трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоцѣнные поясы, сафьянные сапоги [521], и проч.

Состояніе городовъ.

Города сего времени отвѣтствовали уже состоянію народа избыточнаго. Нѣмецкій

Лѣтописецъ Дитмаръ, современникъ Владиміровъ, увѣряетъ, что въ Кіевѣ, *великомъ градѣ*, находилось тогда 400 церквей, созданныхъ усердіемъ новообращенныхъ Христіанъ, и восемь большихъ торговыхъ площадей. Адамъ Бременскій именуетъ оный *главнымъ украшеніемъ Россіи* и даже *вторымъ Константинополемъ* (522). Сей городъ до XI вѣка стоялъ весь на высокомъ берегу Днѣпровскомъ: мѣсто нынѣшняго Подола было въ Ольгино время еще залито водою (523). Смоленскъ, Черниговъ, Любечь имѣли сообщеніе съ Греціею. Императоръ Константинъ, несправедливо называя Новгородъ столицею Великаго Князя Святослава, даетъ по крайней мѣрѣ знать, что сей городъ былъ уже знаменитъ въ X вѣкѣ.

Деньги. Народъ торговый не можетъ обойтися безъ денегъ, или знаковъ, представляющихъ цѣну вещей. Но деньги не всегда бываютъ металломъ: донынѣ, вмѣсто ихъ, жители Мальдивскихъ острововъ употребляютъ раковины. Такъ и Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурами звѣрей, *куницъ* и бѣлокъ: слово *куны* означало деньги. Скоро неудобность носить съ собою цѣлыя шкуры для купли подала мысль замѣнить оныя *мордками* и другими *лоскутками*, куньими и бѣльими (524). Надобно думать, что Правительство клеймило ихъ, и что граждане сначала обмѣнивали въ казнѣ сіи *лоскутки* на цѣлыя кожи. Однакожъ, зная

цѣну серебра и золота, предки наши издревле добывали ихъ посредствомъ внѣшней торговли. Въ Олеговыхъ условіяхъ съ Имперіею сказано, что Грекъ, ударивъ мечемъ Россіянина, или Россіянинъ Грека, обязывался платить за вину 5 литръ *серебра*. Россіяне брали также въ Царѣградѣ за каждаго невольника Греческаго 20 *золотниковъ*, т. е. Византійскихъ червонцевъ, *номисмъ* или *солидовъ* (525). Нѣтъ сомнѣнія, что и внутри Государства ходило серебро въ монетахъ: Радимичи вносили въ казну *щляги* или шиллинги, безъ сомнѣнія полученные ими отъ Козаровъ (526). Однакожъ мордки или куны долгое время оставались еще въ употребленіи: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всѣхъ торговыхъ оборотовъ и платежей народныхъ. Именемъ *гривны* означалось извѣстное число *кунъ*, нѣкогда равное цѣною съ полуфунтомъ серебра; но сіи лоскутки, не имѣя никакого существеннаго достоинства, въ теченіе времени болѣе и болѣе унижались въ отношеніи къ металламъ, такъ, что въ XIII вѣкѣ гривна серебра содержала въ себѣ уже семь гривенъ Новогородскими кунами (527).

Успѣхи разума и способностей его, необходимое слѣдствіе гражданскаго состоянія людей, были ускорены въ Россіи Христіанскою Вѣрою. Волхвы славились при Олегѣ гаданіемъ будущаго: вотъ древнѣйшіе мудрецы нашего отечества! Наука ихъ состояла или Успѣхи разума.

въ обманахъ или въ заблужденіяхъ. Народъ, погруженный въ невѣжество, считалъ дѣйствіемъ сверхъестественнаго знанія всякую догадку ума, всякое отмѣнно счастливое предпріятіе, и назвалъ Олега *вѣщимъ*: ибо сей великодушный, смѣлый Князь возвратился съ сокровищами изъ Константинополя. Любопытство, сродное человѣку, питалось историческими сказками и преданіями, украшенными вымысломъ. Въ сказкѣ о хитростяхъ Ольгиныхъ видимъ нѣкоторое остроуміе. Пословицы народныя: *погибоша аки Обри — бѣда аки въ Роднѣ — Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ* (528), и конечно многія другія, хранили также память важныхъ случаевъ. Въ государственныхъ договорахъ Великихъ Князей находимъ выраженія, которыя даютъ намъ понятіе о тогдашнемъ краснорѣчіи Россіянъ; на примѣръ: *дондеже солнце сіяетъ* и *міръ стоитъ — да не защитятся щиты своими — да будемъ золоти аки золото*, и проч. Краткая сильная рѣчь Святославова есть достойный памятникъ сего Героя. Но времена Владиміровы были началомъ истиннаго народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Скандинавы въ IX вѣкѣ знали употребленіе Руническихъ буквъ; однакожъ мы не имѣемъ никакихъ основательныхъ причинъ думать, чтобы они сообщили его и Россіянамъ. Руны, какъ мы выше замѣтили, недостаточны для выраженія многихъ звуковъ

языка Славянскаго. Хотя Кирилловскія письмена могли быть извѣстны въ Россіи еще до временъ Владиміровыхъ (ибо самые первые Христіане Кіевскіе имѣли нужду въ книгахъ для церковнаго служенія), но число грамотныхъ людей было конечно не велико: Владиміръ умножилъ оное заведеніемъ народныхъ училищъ, чтобы доставить Церкви Пастырей и Священниковъ, разумѣющихъ книжное писаніе, и такимъ образомъ открылъ Россіянамъ путь къ наукѣ и свѣдѣніямъ, которыя посредствомъ грамоты изъ вѣка въ вѣкъ сообщаются . . . . .

Здѣсь должно отвѣтствовать на вопросъ любопытный: какія Священныя книги были тогда употребляемы Христіанами Россійскими? тѣ ли самыя, коими донынѣ пользуется наша Церковь, или *иного, древнѣйшаго перевода*? Сличивъ рукописныя харатейныя Евангелія XII вѣка и разныя мѣста Св. Писанія, приводимыя Несторомъ въ лѣтописи, съ печатною Московскою или Кіевскою Библіею, всякой увѣрится, что Россіяне XI и XII столѣтія имѣли тотъ же переводъ ея (529). Мы знаемъ, что она нѣсколько разъ была исправляема: при Константинѣ, Волынскомъ Князѣ, въ XVI вѣкѣ; при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, Петрѣ Великомъ и Елисаветѣ Петровнѣ; однакожъ, не смотря на многократное исправленіе, состоящее единственно въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ словъ, сей переводъ сохранилъ, такъ сказать, свой

начальный, особенный характеръ; и люди ученые справедливо признають оный древнѣйшимъ памятникомъ языка Славянскаго (530). Библія Чешская или Богемская переведена съ Латинской Іеронимовой въ XIII или XIV вѣкѣ: Польская, Краинская, Лаузицская, еще гораздо новѣе.

Слѣдуетъ другой вопросъ: когда же и гдѣ переведена наша Библія? при Великомъ ли Князѣ Владимірѣ, какъ сказано въ любопытномъ предисловіи Острожской печатной (531), или она есть безсмертный плодъ трудовъ Кирилла и Меѳодія? Второе гораздо вѣроятнѣе: ибо Несторъ, почти современникъ Владиміровъ, ко славѣ отечества не умолчалъ бы о новомъ Россійскомъ переводѣ ея; но сказавъ: *симъ бо первая преложены книгы* (т. е. Библія) *въ Моравѣ, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть въ Руси* (632), онъ ясно даетъ знать, что Россійскіе Христіане пользовались трудомъ Кирилла и Меѳодія. Сіи два брата и помощники ихъ основали правила книжнаго языка Славянскаго на Греческой Грамматикѣ, обогатили его новыми выраженіями и словами, держась нарѣчія своей родины, Ѳессалоники, то есть Иллирическаго или Сербскаго, въ коемъ и теперь видимъ сходство съ нашимъ Церковнымъ. Впрочемъ всѣ тогдашнія нарѣчія долженствовали менѣе нынѣшняго разнишься между собою, будучи гораздо ближе къ своему общему источнику, и предки наши

тѣмъ удобнѣе могли присвоить себѣ Моравскую Библію. Слогъ ея сдѣлался образцемъ для новѣйшихъ книгъ Христіанскихъ, и самъ Несторъ подражалъ ему; но Русское особенное нарѣчіе сохранилось въ употребленіи, и съ того времени мы имѣли два языка, книжный и народный. Такимъ образомъ изъясняется разность въ языкѣ Славянской Библіи и *Русской Правды* (изданной скоро послѣ Владиміра), Несторовой лѣтописи и *Слова о Полку Игоревѣ*, о коемъ будемъ говорить въ примѣчаніяхъ на Россійскую Словесность XII вѣка.

Нужнѣйшія Искусства механическія, равно какъ и Свободныя, были извѣстны древнимъ Россіянамъ. И нынѣ селянинъ Русской дѣлаетъ собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: въ старину, когда люди менѣе сообщались другъ съ другомъ, они имѣли еще болѣе нужды въ сей промышленности. Мужъ обработывалъ землю, плотничалъ, строилъ; жена пряла, ткала, шила, и всякое семейство представляло въ кругу своемъ дѣйствіе многихъ ремеслъ. Но основаніе городовъ, торговля, роскошь, мало по малу образовали людей особенно искусныхъ въ нѣкоторыхъ художествахъ: богатые требовали вещей сдѣланныхъ удобнѣе и лучше обыкновеннаго. Всѣ Нѣмецкіе Славяне торговали полотнами: Русскіе издревле ткали холсты и сукна; умѣли также выдѣлывать кожи, и сіи ремесленники называ-

Механическія и свободныя художества.

лись *усмарями* (533). Народъ составленный изъ воиновъ, хлѣбопашцевъ и звѣролововъ, безъ сомнѣнія пользовался искусствомъ ковать желѣзо: что утверждается самою Несторовою сказкою о мечахъ, будто бы предложенныхъ Кіевлянами въ дань Козарамъ. — Христіанская Вѣра способствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ зодчества въ Россіи. Владиміръ началъ строить великолѣпныя церкви, и призвалъ художниковъ Греческихъ; однакожь и въ языческія времена были уже *каменныя* зданія въ столицѣ: на примѣръ, Ольгинъ теремъ. Стѣны и башни служили для городовъ не только защитою, но и самымъ украшеніемъ (534). Вѣроятно, что и тогдашнія деревенскія избы были подобны нынѣшнимъ; а горожане имѣли высокіе домы, и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низъ, можетъ быть, для погребовъ, кладовыхъ, и проч. *Клѣти*, или горницы, на обѣихъ сторонахъ дома раздѣлялись *помостомъ* или сѣньми. На дворахъ строились вышки для голубей (ибо Россіяне искони любили сихъ птицъ) и такъ называемыя *одрины*, или спальни лѣтнія 535). — Несторово описаніе Перунова истукана свидѣтельствуетъ о рѣзномъ и плавильномъ искусствѣ нашихъ предковъ. Вѣроятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владиміръ украсилъ Греческими образами одну Десятинную церковь; иконы другихъ храмовъ были, какъ надобно думать, писаны въ Кіевѣ. Греческіе художники могли выучить

Русскихъ. — Трубы воинскія, коихъ звукъ ободрялъ Героевъ Святославовыхъ въ жаркихъ битвахъ, доказываютъ древнюю любовь Россіянъ къ искусству музыкійскому.

Что касается собственно до нравовъ сего времени, то они представляютъ намъ смѣсь варварства съ добродушіемъ, свойственную вѣкамъ невѣжества. Россіяне IX и X вѣка славились на войнѣ корыстолюбіемъ и свирѣпостію; но Императоры Византійскіе вѣрили имъ какъ честнымъ людямъ въ мирныхъ договорахъ, позволяя себѣ, кажется, обманывать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ: ибо Несторъ называетъ Грековъ коварными (536). Мы видѣли грабежъ, убійства и злодѣянія внутри Государства: еще болѣе увидимъ ихъ; но чѣмъ же инымъ богата Исторія Европы въ среднихъ вѣкахъ? Одно просвѣщеніе долговременное смягчаетъ сердца людей: купѣль Христіанская, освятивъ душу Владиміра, не могла вдругъ очистить народныхъ нравовъ. Онъ боялся, по человѣколюбію, казнить злодѣевъ, и злодѣйства умножилисв .... Государство, основанное на завоеваніяхъ, уже доказываетъ необыкновенную храбрость народа: она была добродѣтелію нашихъ предковъ, и слово любимаго Вождя: *станемъ крѣпко, не посрамимъ земли Русскія,* вселяло въ нихъ рѣшительность побѣдить или умереть. Самыя жены ихъ не робѣли смерти въ битвахъ (537). — Дома, и въ мирное время, они любили веселиться: Владиміръ, же-

Нравы

дая казаться другомъ народа своего, давалъ ему пиры, и сказалъ Магометанскимъ Болгарамъ: *Руси есть веселіе пити* (538). Между достопамятными чертами древнихъ Русскихъ нравовъ замѣтимъ также отмѣнное уваженіе къ старцамъ: Владиміръ слушался ихъ совѣта; въ гражданскихъ Вѣчахъ они имѣли первенство (539). Наконецъ сей народъ, еще грубый, необразованный, умѣлъ любить своихъ добрыхъ Государей: плакалъ надъ тѣломъ Великаго Олега, мудрой Ольги, Св. Владиміра, и потомству своему оставилъ примѣръ благодарности, который дѣлаетъ честь имени Русскому.

Конецъ I Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ I ТОМУ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Сія мнимая Орфеева Поэма состоитъ изъ 1373 стиховъ. Вѣроятнѣе, что она есть произведеніе Стихотворца Ономакрима, Ксерксова современника. См. ея географическое изъясненіе въ Маннерт. Geographie der Griechen und Römer, T. IV, стр. 27 и слѣд. Не говорю еще о новѣйшей Поэмѣ Аргонавтовъ, сочиненной Аполлоніемъ Родосскимъ.

(2) См. Одис. XI, 13.

(3) Нынѣшніе греки и Турки называютъ его также *Μαυρο θάλασσει*, *Кара Декси* (Баер. Opuscula, de Cimmeriis стр. 127).

(4) Понтъ Эвксинскій (или Черное море) назывался прежде Ἄξενος, то есть *негостепріимнымъ*; а послѣ дали ему имя Εὔξεινος, то есть *гостепріимнаго* (Страбон. Geographia cum notis Casauboni, изд. Амстердамское, кн. VII, стр. 458). — Греки называли сперва Гипербореями всѣхъ людей живишхъ за Ѳракіею, откуда вѣялъ къ нимъ сѣверный вѣтеръ (См. Маннерт. Geographie der Griechen, T. IV, стр. 48); а послѣ Стихотворцы въ воображеніи своемъ отдалили сихъ мнимосчастливыхъ смертныхъ — коихъ Гомеръ въ Иліадѣ называетъ Авіями, а мнимый Орфей Макровіями — къ самымъ полунощнымъ границамъ міра, гдѣ возвышаются Рифейскія горы, подобно Гипербореямъ баснословныя (см. Страбона кн. VII, стр. 452, 458): ибо сомнительно, чтобы Греки разумѣли подъ симъ именемъ наши Уральскія горы, какъ думалъ Герберштейнъ, а за нимъ Штраленбергъ и другіе Географы. Помпоній Мела, Плиній, Солинъ, такимъ образомъ говорятъ о славныхъ Гипербореяхъ: „Земля у „нихъ плодоносная, воздухъ чистый и благорастворен„ный. Они живутъ долѣе и счастливѣе всѣхъ иныхъ „людей: ибо не знаютъ болѣзней, ни злобы, ни войны, „и проводятъ дни свои въ невинной, безпечной весело„сти и въ гордомъ спокойствіи. Жилища ихъ суть „прекрасные лѣса и дубравы, а плоды древесные слу-

„жатъ имъ пищею; они умираютъ равнодушно и единственно тогда, какъ жизнь уже теряетъ для нихъ всѣ „прелести: даютъ пиръ друзьямъ и родственникамъ; украшаютъ вѣнками свою голову и бросаются въ волны „морскія." Сіе описаніе, основанное на баснословіи Грековъ, плѣнило воображеніе нѣкоторыхъ ученыхъ мужей Сѣвера, и всякой изъ нихъ хотѣлъ быть единоземцомъ счастливыхъ Гипербореевъ. Олавъ или Олофъ Верелій, Шведскій Профессоръ, доказывалъ, что Гипербореи обитали въ его отечествѣ. Рудбекъ, также Шведъ, утверждалъ, что самое имя ихъ есть Скандинавское Yfwer-boren, люди *высокаго роду* (Atlantica, T. *I*. стр. 367). Торфей хотѣлъ обратить Норвегію въ страну Гиперборейскую. Мы, Русскіе, могли бы также объявить права свои на сію честь и славу! — Петербургскіе Академики, Баеръ и Фишеръ, писали о Гипербореяхъ. Любопытные найдутъ еще въ Mem. de l'. Acad. des Inscr. T. X, стр. 176 и 198, два разсужденія о томъ же предметѣ.

(5) См. о городѣ Ольвіи Страбон. Geograph. ст. 470. Діонъ Хризостомъ, славный Ораторъ Траянова времени, описываетъ въ Orat. Borysthenit. свое путешествіе въ Ольвію. Діонъ говорилъ тамъ, въ Юпитеровомъ храмѣ, высокопарную рѣчь, и плѣнилъ народъ своимъ краснорѣчіемъ. — Діодоръ Сицилійскій (XII, 31) пишетъ, что въ теченіе 85 Олимпіады (которая началась за 440 лѣтъ до Рождества Христова) Воспорское Царство уже существовало. Г. Келеръ издалъ описаніе двухъ статуй, посвященныхъ Воспорскою Царицею Комосаріею богинямъ Нергесѣ и Астарѣ лѣтъ за 200 до Р. X. и не давно найденныхъ въ Таврической Губерніи (см. Dissertation sur le monument de la Reine Comosarie). Г. Буле весьма справедливо изъяснилъ надпись сего памятника (См. *Москов. Учен. Вѣдомости*, 1805, No. 28).— См. о Херсонѣ Страбона Geogr. стр 474.

(6) Киммеріане, изгнанные Скиѳами (за 650 лѣтъ до Р. X.) удалились отчасти въ Малую Азію, отчасти въ

Германію, откуда они чрезъ нѣсколько вѣковъ, подъ именемъ Цимбровъ, ворвались въ Римскія владѣнія. Сіе мнѣніе есть общее; но Гаттерерь думаетъ, что Цимбры, побѣжденные Маріемъ, за 114 лѣтъ до Р. Х. вышли прямо изъ Крыма, будучи снова вытѣснены Скиѳами: см. Commentationes Societatis Scientiarum Gottingensis, Т. XII, стр. 146. — Геродотъ пишетъ (кн. IV), что въ его время были еще въ Скиѳіи *Киммерійскія стѣны, Киммерійскій проливъ* и страна *Киммерія*. Всѣмъ извѣстно названіе Воспора Киммерійскаго, соединяющаго Азовское море съ Чернымъ.

(7) Геродотъ пишетъ, что Скиѳы, извѣстные Персамъ подъ именемъ Саковъ, сами себя называли Сколотами. — Баеръ доказываетъ, что Геродотовъ Араксъ есть Волга (Opuscula, стр. 68—71). О Скиѳахъ въ южной Азіи см. Діодора Сиц. кн. II.

(8) Герод. кн. IV.

(9) См. Страбон. Geograph. стр. 474. Геродотъ измѣряетъ такъ называемыми *Олимпійскими* стадіями: въ каждой изъ нихъ считалось 600 Греческихъ или 569 Парижскихъ футовъ (см. Commentationes Societ. Scient. Gottingensis, Т. II, стр. 123). Вопреки разстоянію, означенному Геродотомъ, Рудбекъ искалъ Меланхленовъ близъ Ладоги и Онеги, ибо Греческій Историкъ сказываетъ, что за Меланхленами находились *озера!*

(10) Гаттереръ подъ именемъ Ирковъ разумѣетъ Аорсовъ; но Помпоній Мела и Плиній, слѣдуя Геродоту въ описаніи народовъ сѣверныхъ, называютъ ихъ Турками.

(11) Агриппеи разсказывали еще о другихъ людяхъ съ козьими ногами, а Исседоны о Циклопахъ-аримаспахъ. О Сибир. рудникахъ см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 88. Уже во времена Авраамовы было много серебра и золота въ Азіи и въ Египтѣ.

(12) См. Геродота, кн. I. въ концѣ. Тогда была у Массагетовъ Царица Томира или Томирисъ.

(13) *Извѣстно*, что Донъ въ Тульской Губерніи дѣйствительно вытекаетъ изъ Ивановскаго *озера*: чего Страбонъ и другіе новѣйшіе Географы не знали.

(14) Баеров. Opuscula, стр. 215-217.

(15) Герод. кн. IV.

(16) Трога Помпея, сокращеннаго Юстиномъ. Филиппъ вывелъ изъ Скиѳіи 20,000 женщинъ и дѣтей.

(17) Страбонъ пишетъ, что Воспорскій Царь Парисадъ добровольно поддался Митридату. О побѣдахъ Александра Великаго см. Арріана. Геродотъ называетъ Гетовъ *безсмертными*, ибо они вѣрили, что смерть переводитъ человѣка въ другую жизнь. Римляне обыкновенно именовали ихъ Даками. Они по смерти Беребиста начали утѣснять Гетовъ; но въ царствованіе Домиціана явился въ Дакіи новый Герой, Децебалъ, который принялъ къ себѣ многихъ Римскихъ воиновъ, основалъ крѣпости, и старался образовать народъ свой. Счастливый во всѣхъ воинскихъ предпріятіяхъ до временъ Траяна, Децебалъ уступилъ наконецъ побѣду сему знаменитому Императору, и гнушаясь рабствомъ, умертвилъ себя добровольно (см. Діона Кас. LXVIII, 14). Въ Страбоново время Даки еще имѣли до 40,000 воиновъ.

(18) См. Діона Хризост. Orat. Boristh.

(19) Вотъ слова Діодоровы (кн. II) по Латинскому переводу: Hi (Sauromatae) multis post annis numero et viribus aucti, magnam Scythiæ partem devastarunt, et omnibus, quos debellaverant, internecione sublatis, maximam regionis partem desolavere. Географы первыхъ вѣковъ все еще твердили о Каллипидахъ и другихъ Скиѳскихъ народахъ, повторяя Геродотовы извѣстія о Черноморской Скиѳіи, и мѣшая ихъ съ новѣйшими, то есть, бывшее съ настоящимъ. Слова Плиніевы (IV, 25): Scytharum verum nomen usque quoque transiit in Sarmatas atque Germanos: nec aliis prisca illa duravit appellatio, quam qui extremi gentium harum, ignoti prope caeteris mortalibus, degunt.

(20) См. Тунмана Gesch. der Völcker am Schwarz. Meere, стр. 10, также Маннерт. Geogr. IV, 139. Нѣкоторые причисляютъ Роксоланъ къ Скиѳскимъ народамъ; но Римляне, по сказанію Плинія, называли Скиѳами и Сарматовъ. Тацитъ, не только краснорѣчивѣйшій Историкъ, но и лучшій Географъ своего времени, именуетъ Роксоланъ Сарматами (кн. I, § 79), а не Германцами, какъ желаетъ доказать Гаттереръ. Къ сему прибавимъ еще два обстоятельства: 1) Страбонъ говоритъ, что Роксолане жили на колесницахъ (въ кибиткахъ), подобно Сарматскимъ и другимъ Азіатскимъ народамъ (кн. VII); 2) Язиги въ договорѣ съ Римлянами требовали для себя невозбраннаго сообщенія съ Роксоланами (см. Діона Касс. кн. LXXI): чѣмъ также подтверждается ихъ народное братство. Помпоній Мела пишетъ, что Сарматы раздѣлялись на множество племенъ (una gens, aliquot populi et aliquot nomina), изъ коихъ всякое имѣло особенное имя свое, но всѣ говорили однимъ языкомъ: какимъ? не знаемъ, вопреки Татищеву, который безпрестанно толкуетъ намъ слова *Сарматскія*, воображая, что сей языкъ и Финскій есть одинъ. Миллеръ скромнымъ образомъ замѣтилъ ошибку; но Русскіе Историки не послушались его, и Болтинъ также говоритъ о языкѣ Сарматскомъ, неизвѣстномъ никому въ ученомъ свѣтѣ. — Геродотъ (кн. IV) разсказываетъ, что Савроматы произошли отъ смѣшенія Амазонокъ съ юношами Скиѳскими: потому жены первыхъ всегда ходили воевать вмѣстѣ съ мужьями, и всякая дѣвица долженствовала убить непріятеля прежде своего супружества. Плиній называетъ Сарматовъ народомъ Мидійскимъ. Гаттереръ ясно доказываетъ, что они пришли изъ Азіи въ Европу лѣтъ за 80 до Р. Х. (см. Comment. Societ. Scient. Gottingensis, T. XII, 157-159).

Обширная Птолемеева Сарматія, изображаемая на всѣхъ картахъ древняго міра, дѣйствительно существовала только, по выраженію ученаго Тунмана (Gesch.

der Öst. Völck. 12), въ головѣ сего Александрійскаго Математика и Географа. Впрочемъ Птолемею не хотѣлось разстаться съ именемъ Скиѳіи, которое со временъ Геродотовыхъ было въ общемъ употребленіи: и для того онъ сохранилъ оную въ своемъ землеописаніи, назначивъ ей предѣлами всю страну отъ сѣверо-восточныхъ береговъ моря Каспійскаго до Имая (Альтайскихъ горъ въ Тобольской Губерніи, какъ думаютъ), и далѣе къ Серикѣ или къ границамъ Китайскимъ.

(21) См. Плинія кн. IV, гл. 12. Греки и Римляне называли ихъ *Метанастами* или *переселенцами*. Вѣроятно, что нѣкоторые изъ нихъ остались въ нынѣшней Россіи, въ окрестностяхъ Азовскаго и Черного моря (см. ниже); но объ нихъ не упоминается въ Исторіи. Одинъ Птолемей говоритъ во второмъ вѣкѣ о Язигахъ Меотисскихъ (Cl. Ptol. Geographia, кн. III).

(22) См. Діона Хр. Orat. Boristh.

(23) См. Штритт. Memor. populorum, T. IV, стр. 332, и Тунмана Gesch. der Östl. Völck. стр. 17. Діонисій Харакскій упоминаетъ объ Аланахъ еще въ первомъ вѣкѣ, называя ихъ сильнымъ народомъ, и богатымъ конями, обитающимъ отъ нынѣшняго Кинбурна на Сѣверъ между Дономъ и Днѣпромъ, въ сосѣдствѣ съ Роксоланами, *единоплеменными* съ ними, по сказанію Плинія (кн. IV, 25). Моисей Хоренскій полагаетъ Аланъ близъ Кавказа. Всѣхъ подробнѣе говоритъ объ нихъ Амміанъ Марцеллинъ, Историкъ IV вѣка (кн. XXXI, гл. 2). — Прокопій Кес. называетъ Аланъ Готескимъ народомъ, ибо они считались Массагетами, то есть, *Великими Гетами*: въ его же время не различали Гетовъ, народа Ѳракійскаго, и Готѳовъ, во первыхъ по сходству имени, а во вторыхъ и по тому, что Готѳы, завоевавъ Дакію, смѣшались съ древними ея жителями, Гетами. Дегинъ думаетъ (см. Histoire des Huns), что Алане обитали нѣкогда среди горъ Уральскихъ, и что названіе ихъ произошло отъ слова *Алинъ*, которое означаетъ гору. — Амміанъ Марцеллинъ

пишетъ, что мечь былъ единственнымъ божествомъ Аланъ: воткнувъ его въ землю, они покланялись ему какъ идолу (см. выше о Скиѳахъ). Сей Историкъ прибавляетъ, что Алане вообще сходствовали обычаями съ Гуннами.

(24) Объ нихъ говорятъ Страбонъ, Плиній, Тацитъ (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völck. 17-20).

(25) Дакію составляли Молдавія, Валахія, Трансильванія, даже часть Венгріи и Баннатъ Темесварскій (см. Маннертъ. Geographie, IV, 172). — О Готѳахъ см. Штриттъ. Memor. popul. I. 37-240. Здѣсь можемъ упомянуть о гипотезѣ болѣе остроумной, нежели вѣроятной, коею изъясняютъ ужасное остервененіе народовъ Германскихъ противъ Рима. Утверждаютъ, что Готѳы жили нѣкогда въ Скиѳіи на Черномъ морѣ, имѣли участіе въ войнахъ Митридата, и побѣжденные Легіонами Республики (уже во время Траяново, какъ думаетъ Далинъ) искали убѣжища въ странахъ полунощныхъ, съ вождемъ своимъ *Одиномъ*, который оружіемъ и мудростію покорилъ себѣ знатную часть Сѣвера и вселилъ въ народы его ненависть къ Риму. Въ одной Греческой, такъ называемой *Пасхальной лѣтописи* дѣйствительно сказано, что Траянъ въ 106 году воевалъ съ Персами и Готѳами: слѣдственно *послѣдніе обитали тогда близъ Персіи? Но Готѳы* въ третьемъ вѣкѣ пришли въ Дакію изъ Скандинавіи, какъ пишетъ ихъ Историкъ VI столѣтія, Іорнандъ (см. его сочиненіе de rebus Geticis, Гамбург. изд. 1611 года, стр. 83). Еще вѣка за три до Христіанскаго лѣтосчисленія славный Пиѳеасъ, Марсельскій уроженецъ, имѣвъ случай видѣть отдаленныя сѣверныя земли, въ окрестностяхъ моря Балтійскаго нашелъ Готѳовъ, которыхъ онъ и Плиній называютъ Гуттонами, Тацитъ Готонами, Птолемей Гитонами. Впрочемъ Пиѳеасъ слылъ великимъ лжецомъ, ибо хотѣлъ увѣрить современниковъ, что на Сѣверѣ Европы нѣтъ уже ни земли, ни моря, ни воздуха, и стихіи, перемѣшенныя между собою, образуютъ какое-то непроницаемое вещество (см. Страбона, стр.

163). По его словамъ, онъ доѣзжалъ отъ Испаніи до рѣки Эона и полунощнаго острова *Туле* за Британніею. Что касается до Исторіи Одина, Скандинавскаго Магомета, то она принадлежитъ вообще болѣе къ баснословію Скальдовъ, нежели къ достовѣрной Исторіи. По сказанію *Эдды*, онъ вышелъ изъ Азгарда; а какъ Страбонъ упоминаетъ о Скиѳскомъ народѣ Азіяхъ (стр. 779), извѣстныхъ также Плинію и Птолемею, то Сѣверные Повѣствователи (см. Стурлез. Hist. Reg. Sept. I, стр 2) безъ всякаго сомнѣнія выводятъ Одина изъ окрестностей Дона. Нѣкоторые увѣрены даже, что баснословный Азгардъ есть нашъ Азовъ. Маллетъ говоритъ (Histoire de Dannemarc, I, 54), что древнее Кельтское слово *Азъ* знаменовало *Господина* и *Бога*: можетъ быть, Исландскіе Стихотворцы хотѣли сказать только, что Одинъ родился въ *странѣ боговъ*.

(26) См. Memor. popul I, 42.—Іорнандъ (de rebus Geticis стр. 103) говоритъ, что Готѳамъ повиновались и *Меря* и *Мордва*, Merens, Mordens. Линней пишетъ, что многія огородныя травы, растущія единственно на степяхъ Азіатской Россіи, сдѣлались извѣстны въ Европѣ тогда, какъ Готѳы заняли Италію. Въ числѣ сихъ травъ онъ именуетъ шпинатъ, лебеду, чернобыльникъ, дикій хмѣль (см. Шлецер. Probe Russ. Annal. стр. 45).

(27) Скандинавы издревле называли *Эстландіею* всѣ восточные берега моря Бальтійскаго (см. Далина Gesch. des Schwedisch. Reichs, I, 297) отъ устья Вислы до залива Финскаго.

Іорнандъ de rebus Geticis, стр. 103: Post Herulorum caedem idem Hermanricus in Venetos arma commovit, qui quamvis armis desperiti, sed numerositate pollentes, primo resistere conabantur . . . . Nam hi, ut initio expositionis, vel catalogo gentis dicere coepimus, ab una stirpe exorti tria nunc nomina reddidere, id est Veneti, Antes, Sclavi, qui quamvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt, tamen tunc omnes Hermanrici imperiis serviere. Haestorum quoque

similiter nationem, qui longissimam ripam Oceani Germanici insident, idem ipse prudentiae virtute subegit. То есть: „По„бѣдивъ Геруловъ“ (обитавшихъ въ сіе время еще при Бальтійскомъ морѣ) „Германрикъ пошелъ войною на „Венетовъ, которые были въ дѣлѣ ратномъ неиску„сны, но многочисленны и старались сперва оборо„няться. Хотя Венеты, Анты, Славяне, называются „нынѣ сими тремя разными именами, однакожъ проис„ходятъ отъ одного племени. Теперь они за грѣхи на„ши вездѣ свирѣпствуютъ, но прежде всѣ повиновались „Германриковой власти. Онъ также покорилъ Эстовъ на „берегахъ Германскаго Океана“, и проч.

(28) См. Геродота, кн. III, и Баера de numo Rhodio въ его Opuscul. ad Historiam Antiquam, стр. 500. Зная единственно Адріатическихъ Венетовъ, Греки искали Эридана въ Италіи, и думали, что онъ есть рѣка По. Но Діодоръ Сицилійскій (кн. V) и Плиній (кн. XXXVII, гл. 2 и 3) ясно говорятъ, что янтарь собирается въ Сѣверной Европѣ, и что тамъ, а не въ Италіи, течетъ славная рѣка Эриданъ. Баеръ разумѣетъ подъ симъ именемъ Западную Двину (Opuscula, стр. 527, 528).

Нѣкоторые считаютъ Славянами и Венетовъ Италіянскихъ, будто бы пришедшихъ съ Антеноромъ изъ Фригіи послѣ разрушенія Трои, и говорятъ: „Венеты „назывались и Генетами, коихъ имя *безъ сомнѣнія* про„изошло отъ Греческаго слова Αἶνος, *хвала*“ — см. Іорнанда de reb. Get. гл. 29 и Павла Діак. de gest. Longobard. кн. II, гл. 14 — „*хвала* то же, что и *слава*, отъ „которой происходитъ имя Славянъ: и такъ Венеты „были Славяне!“ Но Страбонъ, которому надлежало знать Италіянскихъ Венетовъ, признаетъ ихъ (стр. 298) за одинъ народъ съ Белгическими Галлами-Венетами, побѣжденными Цесаремъ въ морскомъ сраженіи: Hos ego Venetos (Белгическихъ) existimo Venetiarum in Adriatico sinu esse auctores. — Гомерова Поэма столь прославила Трою, что всѣ народы хотѣли быть Троянами. Эвей

вышелъ изъ Трои: Одинъ Скандинавскій также (см. предисловіе къ *Исландской Эддѣ*): слѣдственно и Славянамъ надлежало дать право гражданства въ *Иліонѣ*.

Донынѣ въ Германіи именемъ Вендовъ означаютъ Славянъ: думаютъ, что Нѣмцы назвали ихъ такъ отъ глагола sich wenden, *обращаться, переходить съ мѣста на мѣсто*. Финны и всѣхъ Русскихъ именуютъ *Венналенами*.

(29) См. Шлецер. Nord. Gesch. 10—34 и Геснер. de Phoenicum navigationibus extra columnas Herculis. Въ Азіи цвѣли уже государства, когда въ Европѣ жили одни дикіе люди. Кадму и Финикіянамъ, основателямъ Кадикса, принадлежитъ честь и слава Европейскаго образованія. Мореходцы ихъ года по три не возвращались въ отечество (см. Шлецер. Versuch einer Geschichte des Handels und der Schiffahrt in den ältesten Zeiten). Къ сожалѣнію, всѣ книги Финикіянъ пропали, и только нѣкоторыя ихъ географическія свѣдѣнія дошли до насъ посредствомъ Грековъ. Стихотворецъ Авіенъ говоритъ о путешествіи Кареагенца Имилькона въ сѣверную часть міра еще за 150 лѣтъ до Пиѳеаса (см. Шпренгеля Gesch. der Entdeckungen стр. 57).

Янтарь и олово, привозимое Финикіянами изъ Британніи, были уже извѣстны Гомеру. Страбонъ (кн. III) разсказываетъ, что Финикіяне ходили къ островамъ Касситерскимъ, или Британскимъ, для купли олова, и таили сію торговлю отъ другихъ народовъ. Какой-то Финикіянинъ, видя, что одинъ Римскій мореплаватель не отстаетъ отъ него (въ надеждѣ узнать путь къ упомянутымъ островамъ) поставилъ на мѣль корабль свой и Римскій: за что сограждане наградили его деньгами изъ казны общественной. — Однакожь мы не хотимъ говорить утвердительно *о непосредственномъ* сношеніи Венедовъ съ Финикіянами, которымъ и Германцы, сосѣды первыхъ, могли доставлять янтарь. Въ Тацитово время онъ шелъ единственно изъ земли Эс-

новъ (Descr. German. XLV), куда въ царствованіе Нерона ѣздилъ для того одинъ Всадникъ Римскій (см. Плинія, кн. XXXVII, гл. 3). Сіи Эсты были народомъ Германскимъ, называли янтарь Glesum (Glas), и говорили языкомъ сходнымъ съ Британскимъ. Тунманъ заключаетъ (Untersuchungen über d. ält. Gesch. Nordisch. Völck. стр. 9) что они, завладѣвъ берегами Бальтійскими, принудили Венедовъ удалиться въ Литву, Россію и проч. Гарткнохъ того же мнѣнія (Alt- und Neues Preussen. гл. 1, стр. 10, 23). Онъ думаетъ, что имя Прусской Шалавоніи (Schalauen), Вендена, Виндау, Ушевенде въ Ливоніи и Курляндіи произошли отъ Славянъ и Венедовъ, которые жили тамъ прежде Эстовъ. Германскіе Эсты могли вмѣстѣ съ Готѳами переселиться въ Дакію.

Прибавимъ однакожь, что нѣкоторые изъяснители древностей считаютъ не Пруссію, а Ютландію тою землею, гдѣ Финикіяне и Римляне искали янтаря: см. Шпренгеля Gesch. der Entdeckun. 51 и 114.

(30) Тацитъ пишетъ (Descr. Germ. XLI), что они жили въ сосѣдствѣ съ Певками Дакійскими, а Плиній (кн. IV, гл. 13): quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hirris tradunt. — Если вѣрить извѣстію Космографа Эѳика (Aethici Cosmographia, стр. 26 въ изд. 1685 года), то Юлій Цесарь посылалъ трехъ ученыхъ мужей для измѣренія міра и для его описанія: Зенодокса въ страны восточныя, Ѳеодота въ сѣверныя, Поликлита въ южныя. Эѳикъ жилъ послѣ временъ Константина Великаго (см. Дю-Канж. Constantinop. Christ. I, 62).

(31) Птолемея Geograph. кн. III, стр. 73: Tenent autem Sarmatiam maxime gentes Venedae per totum Venedicum sinum (Бальт. море). Тунманъ (Untersuch. ü. d. Gesch. nord. Völck, стр. 9) думаетъ, что въ Птолемеево время уже не было Венедовъ въ земляхъ приморскихъ, и что сей Географъ сообщаетъ древнѣйшія и новыя извѣстія безъ всякаго разбора. — Не ссылаемся на Пеутингерскую

карту: ибо крайне сомнительно, чтобы она сочинена была въ III вѣкѣ, какъ прежде полагали Ученые. Маннертъ (утверждая сіе мнѣніе въ его разсужденіи de Tabulae Peutingeriane aetate), долженъ былъ согласиться, что въ ней есть по крайней мѣрѣ нѣкоторыя вставки монашескія новѣйшихъ временъ; на примѣръ, имя *Константинополя;* слова подъ Римомъ: ad Stum Petrum; надпись пустыни между Египтомъ и Палестиною: Desertum ubi quadraginta annis erraverunt filii Israel ducente Moyse, и проч. — Гаттерерь считаетъ Птолемеевыхъ Венедовъ Нѣмцами, т. е. Вандалами, воображая, что Славяне назвались ихъ именемъ, занявъ послѣ берега моря Бальтійскаго (см. его Weltgesch. и Comment. Societ. Gottingensis, XII, 265).

Преторій (см. его Orb. Goth.) думалъ, что Бальтійское море получило имя свое отъ *Бѣлыхъ* береговъ. *Бальтасъ* значитъ на Латышскомъ языкѣ *бѣлить*. Рыцари Нѣмецкаго Ордена, завоеватели Пруссіи назвалиея берега, гдѣ находился янтарь, *Витландіею,* или *Бѣлою землею* (Баер. Coniectura de nomine Balthici maris, въ Коментт. С. Петербургск. Академіи, *V,* 359). Шенингъ говоритъ, что слово *Бальте* или *Бельте* на древнемъ сѣверномъ языкѣ знаменуетъ *поясъ*. Готеы могли такъ назвать море свое, воображая, что оно какъ поясъ окружаетъ землю (см. Шлецер. Nord. Gesch. ст. 24). Въ Плиніевой Исторіи уже находимъ имя сѣвернаго острова Бальтіи: Пиеeасъ называетъ его *Базиліею*.

(32) „Мы должны“ — говоритъ ученый Гейне — „искать древнѣйшихъ свидѣтельствъ о народѣ, и время „ихъ считать первою эпохою бытія его для Исторіи. „Гдѣ онъ былъ прежде? или откуда вышелъ? узнаемъ „развѣ за предѣлами сего міра, extra anni solisque vias.“

Нѣкоторые Ученые (не говорю уже о Мавро-Урбинахъ, Раичахъ и подобныхъ Историкахъ) доказываютъ, что Венеды-Славяне были Скиеы. „Филиппъ Македон„скій, по ихъ мнѣнію, разрушилъ Монархію Скиескую;

„изъ остатковъ ея, кажется, произошли другіе народы,
„а въ числѣ ихъ и Венеды: ибо нѣкоторыя Скиѳскія „имена, сохраненныя Историками, могутъ быть изъяснены языкомъ Славянъ“ (см. Allg. Weltgesch. nach dem Plane Guthrie und Gray, T. III, или въ Гебгарди Gesch. der Wenden, I, въ предисл. стр. 21). Но 1) Филиппъ не истребилъ Скиѳовъ: черезъ 250 лѣтъ по его кончинѣ они жили въ окрестностяхъ Чернаго моря, сражались съ Митридатомъ, съ Римлянами и съ Гетами. 2) Венеды еще до временъ Филипповыхъ были уже извѣстны на берегахъ моря Бальтійскаго. 3) Нравы Венедовъ, изображенные Тацитомъ, ни мало не сходствовали съ обычаями Скиѳовъ. 4) Слова языка Скиѳскаго, приводимыя Геродотомъ, такъ мало подходятъ къ Славянскимъ, что ими скорѣе можно доказать несходство сихъ двухъ языковъ. На примѣръ (кн. IV): Эксампеосъ, *горькій источникъ;* Арима, *одинъ;* Спу, *глазъ, око;* Оіоръ, *мужъ;* Апіа, *земля;* Пата, *умертвить, задавить.* — Если же мы, согласно съ Эфоромъ, назовемъ всѣхъ полунощныхъ жителей Скиѳами, въ такомъ случаѣ конечно и Славяне будутъ Скиѳы; но сіе *общее* имя народовъ различныхъ объяснитъ ли для насъ ихъ происхожденіе?

(33) См. въ твореніяхъ Жебленевыхъ, sur la grammaire comparative, о связи Европейскихъ языковъ съ Восточными. — Сію вѣроятность Азіатскаго происхожденія всѣхъ народовъ подтверждаетъ славный Линней замѣчаніемъ весьма любопытнымъ. Онъ говоритъ: „Первые „люди, созданные Богомъ, жили между Тропиками: не „только Св. Писаніе, но и самая нагота человѣка свидѣтельствуетъ, что мы нѣкогда существовали тамъ, „гдѣ находимъ животныхъ безъ шерсти: слоновъ, носороговъ, Индѣйскихъ собакъ, и гдѣ *всегдашніе* древесные плоды служили ему вкусною и самою естественною пищею. Потопъ истребилъ людей, и ковчегъ Ноевъ, какъ сказано въ Св. Писаніи, остановился на горѣ „Араратской, откуда цѣпь горъ идетъ къ Сибири и Тата-

„ріи, странамъ *высочайшимъ*, изъ коихъ текутъ многія „рѣки въ море Ледовитое, Каспійское, Океанъ Восточный „и во всѣ земли окружныя. Сіи мѣста долженствовали „*казаться* Ноеву семейству лучшими и безопаснѣйшими „для обитанія, и Богъ произвелъ тамъ хлѣбъ, которымъ „болѣе всего питается человѣкъ внѣ Тропиковъ, и ко-„торый (что извѣстно Ботаникамъ) растетъ *дикій* „въ одной Россіи восточной. Гейнцельманнъ нашелъ въ „степяхъ Башкирскихъ пшеницу и ячмень. Жители Си-„бирскіе пекутъ хлѣбы изъ дикой ржи. Слѣдственно мож-„но заключить, что Сибирь была первымъ отечествомъ „Ноевыхъ потомковъ", и проч. (см. Шлецер Probe Russisch. Annal. стр. 45—46). Шлецеръ, напечатавъ сіе мѣсто изъ Линнеевой рукописной Диссертаціи, прибавляетъ: „Мысль новая и прекрасная! она разительнымъ „образомъ доказываетъ пользу Естественной Исторіи „для Исторіи народовъ." Озерецковскій (см. его *Путешествіе по озерамъ Ладож. и Онежск.* стр. 34), говоритъ, что въ Сибири называютъ дикою рожью и траву колосникъ (Elynus arenarius).

Антонъ (см. его Versuch über der alten Slaven Ursprung) замѣчаетъ, что въ языкѣ нашемъ есть имя слона, верблюда, обезьяны, которыхъ нѣтъ въ Европѣ. Другіе считаютъ названія нѣкоторыхъ древнихъ городовъ въ Азіи Славянскими: на примѣръ, Смирны. Но это не доказательство, чтобы Славяне уже *какъ народъ особенный* существовали въ Азіи.

(34) Для того назывались они *Гамаксобіями* (quia pro sedibus plaustra habent dicti Hamaxobii, пишетъ Мела, кн. II, стр. 39). — Слова Тацитовы о Венедахъ: domos figunt et pedum usu ac pernicitate gaudent, quae omnia diversa Sarmatis sunt, in plaustro equoque viventibus.

(35) См. Memor. popul. I, 452. Такъ описываетъ ихъ Амміанъ Марцеллинъ (XXX, 2): „Гунны, прежде едва извѣстные, имѣютъ отвратительныя лица и щеки изрѣзанныя ножемъ, для того, чтобы не росла борода. Они

всѣ безобразны, толстошеи, сутулы и кажутся не людьми, а грубыми болванами; ѣдятъ траву, коренья и сырое мясо, согрѣвъ его на сѣдлѣ подъ собою; не знаютъ домовъ, убѣгая ихъ какъ могилъ; скитаются всегда по горамъ и лѣсамъ, привыкаютъ терпѣть холодъ и зной, жажду и голодъ; носятъ одежду изъ полотна или кожъ звѣриныхъ, и гноятъ ее на своемъ тѣлѣ; на лошадяхъ ѣдятъ и спятъ; не сходятъ съ нихъ и во время народныхъ совѣтовъ; говорятъ нескладно и темно; живутъ безъ Вѣры и законовъ; не имѣютъ понятія о чести и нравственности; свирѣпы, лживы, хищны," и проч. — Іорнандъ, ненавидя Гунновъ за порабощеніе единоземцевъ его, расказываетъ нелѣпую басню о происхожденіи сего народа. „Въ войскѣ Готескаго Царя Филимера (говоритъ онъ) завелись волшебницы или вѣдьмы; будучи имъ высланы изъ стана, онѣ ушли въ степь и прижили тамъ съ Фаунами (quos Faunos Ficarios vocant) безобразныхъ Гунновъ, которые долго обитали на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, и наконецъ перешли на другую сторону, въ слѣдъ за ланію, указавшею имъ путь черезъ сіе море." Византійскіе Историки говорятъ только, что Гунны пришли изъ Азіи чрезъ рѣку Донъ. Дегинъ, по Китайскимъ лѣтописямъ, опредѣляетъ ихъ древнее жилище между рѣкою Иртышемъ и Китаемъ. Они безпрестанно опустошали сію Имперію, и славная стѣна Китайская построена вѣка за три до Христіанскаго лѣтосчисленія для защиты отъ ихъ набѣговъ. Гунны, около Рождества Христова, раздѣлились на Южныхъ и Сѣверныхъ; первые смѣшались съ Китайцами и Татарами; вторые, основавъ разныя области въ Татаріи, явленіемъ своимъ устрашили Европу (см. Histoire Genérale des Huns). Слѣдственно одинъ изъ народовъ Сибирскихъ уже въ IV вѣкѣ сдѣлался намъ извѣстенъ по Исторіи. — Гунны по общему мнѣнію были Калмыки. Гаттереръ причисляетъ къ нимъ Массагетовъ, Саковъ, Хоразовъ или древнихъ

жителей Хивы (см. Comment. Soc. Gottingens., T. XIV, стр. 24).

Іорнанд. de rebus Geticis, стр. 105: Hermanricus (уязвленный двумя измѣнниками) tam vulneris dolorem quam etiam incursiones Hunnorum non ferens, grandaevus et plenus dierum, centesimo decimo anno vitae suae defunctus est. Толкуютъ, что онъ умертвилъ самъ себя.

(36) См. выше, примѣч. 27. Прокопій (de bell.Goth. кн. III, гл. 4): Nomen etiam quondam Sclavenis Antisque unum erat . . . Una est lingua. Тамъ же кн. IV, гл. 4: ulteriora ad Septentrionem (страны дальнѣйшія отъ Чернаго моря къ Сѣверу) habent Antarum populi infiniti (заняты многочисленными племенами Антовъ).

(37) Іорнанд. de rebus Geticis, стр. 130. Всѣ они были распяты на крестѣ: in exemplo terroris cruci adfixit (Винитаръ).

(38) См. Присково описаніе посольства отъ Императора къ Аттилѣ (Memoriae populorum T. I, стр. 513), гдѣ Ромулъ исчисляетъ Аттилины завоеванія. Прискъ разсказываетъ весьма любопытныя подробности объ Аттилѣ, у котораго онъ самъ былъ нѣсколько дней. Греческіе послы нашли его въ станѣ воинскомъ. Аттила, принявъ ихъ и дары Императорскіе съ великою гордостію, велѣлъ имъ ѣхать за собою въ одно мѣстечко, гдѣ онъ жилъ обыкновенно въ мирное время. Тамъ встрѣтили его молодыя дѣвицы, въ длинномъ бѣломъ платьѣ, и пѣли въ честь ему пѣсни на языкѣ Скиѳскомъ. Деревянная стѣна окружала дворецъ, также деревянный и построенный на возвышеніи. Аттила, въ утреннiе часы выходя изъ дому, садился у дверей и рѣшилъ тяжбы народныя; въ день принималъ пословъ изъ разныхъ частей міра, а ввечеру ужиналъ съ ними. Всѣ другіе ѣли съ блюдъ серебряныхъ и пили изъ золотыхъ стакановъ: Аттилѣ подавали только деревянные. Въ концѣ ужина являлись Гуннскіе Стихотворцы, пѣть и славить великія побѣды Царя. Друзья и товарищи его,

оживленные воспоминанiемъ битвъ, изъявляли удовольствiе; старцы, лѣтами обезоруженные, плакали отъ умиленiя. Аттила, всегда мрачный и задумчивый, безмолвствовалъ, лаская рукою маленькаго сына своего, которому волхвы Гуннскiе обѣщали успѣхи и славу отца. Одежда, мечи и кони вождей его блистали золотомъ и драгоцѣнными каменьями: самъ Аттила презиралъ наружныя украшенiя. — Не только Гунны, но и другiе народы, имъ подвластные, любили сего удивительнаго человѣка за его великiя свойства и правосудiе. Многiе Греки и Римляне добровольно служили ему. Одинъ изъ нихъ сказалъ Приску: „Я люблю Скиѳскiе нравы. Мы „часто воюемъ; но за то въ мирное время наслаждаемся „совершеннымъ покоемъ, и не боимся утратить любез„ной собственности. Въ бывшемъ моемъ отечествѣ, въ „Римской Имперiи, властвуютъ тираны, а малодуш„ные рабы не смѣютъ обороняться. Тамъ нѣтъ пра„восудiя, ни равенства въ государственныхъ пода„тяхъ, и сильные угнетаютъ слабыхъ.“ — Въ числѣ пословъ Императорскихъ былъ человѣкъ, который взялся умертвить грознаго Царя Гунновъ: Аттила зналъ о семъ умыслѣ, но великодушно презрѣлъ его. Воинское счастiе вскружило ему голову, такъ же, какъ и Герою Македонскому. Александръ хотѣлъ называться Юпитеровымъ сыномъ: Аттила говорилъ о себѣ, что онъ *бичь Небесный и млатъ вселенныя;* что *звѣзды падаютъ и земля трепещетъ отъ его взора.* — Мы привыкли воображать Гунновъ чудовищами: надобно думать, что Аттила былъ не очень безобразенъ, ибо Гонорiя, сестра Императора Валентiана, предлагала ему руку свою.

(39) См. Iорнанд. de reb. Get. стр. 135. — Гепиды въ слѣдъ за Готѳами пришли съ береговъ моря Балтiйскаго.

(40) См. Iорнанд. de reb. Get. стр. 134: Sauromatae vero, quos Sarmatas diximus . . . et quidam ex Hunnis in parte

Illyrici ad castrum Martenam sedes sibi datas colvere. Алане владѣли въ Испаніи *Лузитанскою и Кароагенскою* провинціями; но многіе изъ нихъ остались между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, гдѣ они жили и въ 557 году (см. Memor. popul. I, 644). Въ Эрбелотовой *Восточной Библіотекѣ* упоминается объ Аланскомъ Князѣ, обитавшемъ въ IX вѣкѣ близь Дербента; Чингисханъ воевалъ тамъ съ Аланами (см. Hist. des Tatars d'Abulgasi, стр. 309). Карпинъ (въ Бержерон. Voyages стр. 58) и Рубруквисъ, или Руброкъ (стр. 24), Монахи и путешественники XIII вѣка, также говорятъ о Кавказскихъ Аланахъ, сказывая, что они назывались и Ясами (Asses, Acias), о коихъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ; были Христіане, искусные кузнецы и слесари; дѣлали прекрасное оружіе и хранили свою независимость. Полковникъ Герберъ описываетъ въ горахъ Кавказскихъ деревню Кубеша, гдѣ всякой житель есть оружейный мастеръ или серебреникъ. Миллеръ (Sammlung Russ. Gesch.) признаетъ сихъ людей, говорящихъ совсѣмъ особеннымъ языкомъ, потомками древнихъ Аланъ. Стриковскій мечтаетъ, что Алане перешли въ Литву (см. ниже, примѣч. 388).

(41) Memoriae popul. T. I. 545-568, и T. II. 495. Первое извѣстіе объ Уграхъ находится въ Прискѣ (Memor. popul. I, 642): онъ называетъ ихъ Гуногурами, Урогами, Сарагурами — Агаѳія Унугурами, Ѳеофилактъ Гунугурами, Огорами — Менандеръ Унигурами и Унгурами — Іорнандъ Гунугарами, прибавляя, что они торгуютъ мѣхами — Прокопій Утигурами и Кутригурами (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völck. ст. 30 и Гебгарди Gesch. des R. Hungarn, I, 321). Штраленбергъ, а за нимъ Татищевъ и Болтинъ говорятъ, что имя Угры есть Славянское, означая людей живущихъ *у горъ;* но Греки называли ихъ симъ или подобнымъ именемъ еще прежде, нежели узнали Славянъ (Memor. popul. I, 570). Нынѣшнюю Башкирію считаютъ древнимъ отечествомъ Угор-

скихъ народовъ (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völck. стр. 30); можетъ быть, они жили и гораздо далѣе на Востокъ. Абульгази (Histoire des Tatars, стр. 91-98) пишетъ о многочисленномъ народѣ Азіатскомъ, Угурахъ или Уйгурахъ, которые долгое время обитали въ Великой Татаріи и раздѣлились на двѣ части: одни остались въ первобытномъ отечествѣ, имѣя тамъ селенія и города; другіе же удалились къ Иртышу, вели тамъ жизнь кочевую и ловили звѣрей, бобровъ, куницъ, соболей, бѣлокъ. Сіи Угуры могли распространиться оттуда до Уфимской Губерніи. Юговосточные единоземцы ихъ были гораздо просвѣщеннѣе: знали хорошо Турецкій языкъ и служили писарями въ канцелляріи Чингисхана. См. ниже примѣчаніе 302.

Болгары называются также разными именами въ Византійской Исторіи (см. Memor. popul. II, 441). Вопреки Нестору (въ печат. стр. 145) многіе считали ихъ Славянами, для того, что сей народъ, завоевавъ послѣ ту часть Мизіи, гдѣ жили Славяне, смѣшался съ ними и въ теченіе времени принялъ языкъ ихъ; но Болгары говорили прежде особеннымъ языкомъ. Древнѣйшія собственныя имена ихъ совсѣмъ не Славянскія, а подобны Турецкимъ (см. роспись Болгарскихъ Царей въ Memor. popul. II, 457), равно какъ и самые обычаи (см. Тунмана Gesch. der Östl. Völck. стр. 36). Историки Византійскіе именуютъ Угровъ и Болгаровъ Гуннами (Memor. popul. I, 451 и II, 441). Болгары, по Восточнымъ лѣтописямъ, обитали издревле на берегу Волги, гдѣ найдемъ ихъ и въ X вѣкѣ. Византійцы полагаютъ *Великую* или *Старую Болгарію* между Волгою и Дономъ (Memor. popul. II, 441). Діоклеасъ (въ Швандтнер. изданіи Scribt. rerum Hung. etc. III, 478) и Никифоръ Григора, Историкъ XIV вѣка, пишутъ, что они названы такъ отъ рѣки Волги, обитавъ нѣкогда въ окрестностяхъ ея: въ чемъ Миллеръ сомнѣвается — „ибо Греки и Римляне (говоритъ онъ) именовали ее *Ра*, а Восточные

„народы *Атель* или Этель." Но Арабскіе Историки (см. Эрбелот. Biblioth. Orient. подъ слономъ Bulgar) называютъ Волгу *Булгаромъ*. Остается знать, народъ ли отъ рѣки, или рѣка отъ народа получила свое имя? Моисей Хоренскій, Армянскій Историкъ, первый упоминаетъ о Болгарахъ, сказывая, что еще за 100 лѣтъ до Рожд. Хр. многіе изъ нихъ вышли изъ своего древняго отечества, изгнанные внутреннимь мятежемъ, и поселились въ Арменіи (Mos. Chor. Hist. Arm. стр. 90 и 100).

Угры и Болгары вытѣснены были изъ Азіатской Россіи Савирами, народомъ мужественнымъ и безпокойнымъ, который скоро перешелъ къ горамъ Кавказскимъ, и воевалъ тамъ съ Римлянами и съ Персами до 578 года. Съ сего времени нѣтъ уже объ немъ ни слова въ лѣтописяхъ.

Не отъ имени ли Угровъ, Уроговъ, Сарагуровъ, Азовское море называлось въ Россіи *Сурожскимъ*? (см. *Воскресенск. Лѣтопис.* II, 286, и *Степен. Книгу*, I, 429).

Готѳы, оставшіеся въ Тавридѣ, назывались Готѳами-Тетракситами: см. ниже, примѣч. 88.

(42) *Можно:* но въ самомъ дѣлѣ Историкъ не поручится за истину сей этимологіи. По крайней мѣрѣ Русскіе Славяне совсѣмъ не думали изъяснять своего имени *славою*, ибо писались *Словенами*; въ Венгріи и Польшѣ называются *Словаками*, въ Богеміи Слованами (см. Гебгарди Geschichte Wendisch-Slavischen Staaten, T. I). Утверждаясь на томъ, многіе производятъ имя ихъ отъ *слова*, говоря, что сей народъ, не разумѣя языка другихъ, назвалъ ихъ Нѣмцами, то есть *нѣмыми*, а себя *словеснымъ* или Словенами. Предки наши дѣйствительно разумѣли всѣхъ иноплеменныхъ подъ именемъ Нѣмцевъ (см. сей *Исторіи* T. II, примѣч. 64) и мысль, что оно произошло отъ Германскихъ Неметовъ, кажется неосновательною; однакожь многія собственныя имена Славянъ — на примѣръ: Свято*славъ*, Ростис*лавъ*, Мстис*лавъ* — заставляютъ думать, что и въ народномъ имени былъ у нихъ А, а не О. Византійскіе Историки писали всегда

Склавини, Склави; Готескій Іорнандъ такъ же; а Моисей Хоренскій, сочинитель Арменской Исторіи, *Скалавацы* (Mos. Chor. Geograph. 347). — Говорить ли о другихъ толкованіяхъ, совсѣмъ невѣроятныхъ и даже смѣшныхъ? Думаютъ, что первый Славянинъ на вопросъ иностранца, кто онъ? отвѣтствовалъ: *человѣкъ* или *чловѣкъ*. Иностранцу послышалось: *Словекъ* — изъ сего вышло *Словакъ* и Словени. Нѣкоторые производятъ сіе имя отъ Склова или Шклова, извѣстнаго городка на Днѣпрѣ—отъ рѣки Лабы или Эльбы — отъ *Салавы*, означающей на Литовскомъ языкѣ *мысъ*, и проч. и проч. (см. Гебгарди Gesch. der Wenden, T. I, стр. 64—66). Мы видѣли, что самое древнее въ лѣтописяхъ имя Славянъ было Венеды (см. выше, примѣч. 27). Византійскій Историкъ Прокопій сказываетъ намъ еще, что Анты и Славяне именовались нѣкогда *Спорами*, отъ того, что жили въ разсѣяніи (σποραδην): но никакія лѣтописи не упоминаютъ о *Спорахъ*. Добровскій думаетъ, что Прокопій, слыша объ имени Славянскихъ Сербовъ, обратилъ его въ *Споры*. — Замѣтимъ еще, что Славяне назывались въ Германіи *Соланами* (см. Гебг. Т. I, стр. 65); а наконецъ заключимъ тѣмъ, что малѣйшій случай, малѣйшее обстоятельство, совсѣмъ неизвѣстное по лѣтописямъ, раждаетъ иногда народное имя, котораго никакая историческая ученость изъяснить не можетъ.

(43) См. выше, примѣч. 36. Въ другомъ мѣстѣ (de Bel. Goth. кн. III, гл. 43), Прокопій говоритъ, что Анты къ Западу граничили съ Славянами, которые жили отчасти близь Дуная, отчасти на самыхъ полунощныхъ берегахъ его (Memor. popul. II, 29 и 31). Іорнандъ пишетъ такъ (de rebus Geticis, стр. 85): „На сѣверной сторонѣ „горъ Карпатскихъ, отъ источниковъ Вислы, на про„странствахъ неизмѣримыхъ обитаетъ многочисленный „народъ Венедовъ, который по разнымъ племенамъ и мѣ„стамъ называется разными именами, но извѣстенъ „подъ двумя главными: Славянъ и Антовъ. Славяне жи-

„вуть (à civitate nova et Sclavino Rumunnense, et lacu qu„appellatur Musianus, usque ad Danastrum, et in Boream „Viscla tenus) отъ Новаго Города, Румунненской области „и Музіанскаго озера до самаго Днѣстра, а на Сѣверъ „до Вислы; болота и лѣса служать имъ вмѣсто крѣ„постей. Анты же, храбрѣйшіе (или сильнѣйшіе) изъ „обитателей Черноморскаго берега, занимаютъ всю „страну отъ Днѣстра до рѣки Дуная.“ Сей *Новый городъ*, по-Гречески *Неа*, по-Латини *Нове*, существовалъ въ Мизіи, не далеко отъ болотъ Эссекскихъ или Мурсійскихъ, которыя Іорнандъ могъ назвать Lacus Musianus вмѣсто Mursianus (см. Бишинг. Erdbeschr. T. II, стр. 481, Гамбург. изд. 1788). J. Христофоръ Іорданъ (см. его de originibus Slavicis, T. II, стр. 157, 158) столь же вѣроятно полагаетъ, что въ Іорнандѣ надобно читать lacus Mysianus, а не Musianus, и что его Румунненская область есть нынѣшній Воложскій округъ Ромунаци, Romunazzi, на западномъ берегу Алуты. Другіе же читаютъ сіе мѣсто въ Іорнандѣ такъ: a civitate Novietunense et lacu, думая, что имя Sclavinorum стояло въ древней рукописи только для объясненія вверху надъ Novietunense, а переписчики вставили оное въ строку между Noviet и unense. См. Дуриха Bibl. Slav. II, и Добровск. Slavin 294—297.

Мы не можемъ *точно* опредѣлить времени, въ которое Славяне овладѣли тою частію Германіи, гдѣ прежде обитали Тацитовы Свевы (см. Versuch in der ältest. Gesch. der Slav. in Teutsch. von Gercken). Гаттерерь думаетъ, что они утвердились въ Богеміи, Моравіи, Саксоніи и Турингіи въ 534 году, а въ Стиріи и Поммераніи отъ 569 до 588. Шлецеръ (Nord. Gesch. 23), именуетъ 33 народа изъ обитавшихъ въ Германіи Славянъ: Тунманъ замѣчаетъ, что къ сему числу можно еще прибавить нѣсколько именъ. Знатнѣйшіе были, кромѣ Чеховъ Богемскихъ и Моравовъ, Сорабы или Сербы въ Верхней Саксоніи, Лутичи въ Лаузицѣ, Вильцы или По-

моряне въ нынѣшней Поммераніи, Оботриты въ Мекленбургѣ, Укры въ Бранденбургѣ. Шлецеръ утверждалъ, что нѣкоторые народы Славянскіе издревле могли обитать въ Германіи. Тунманъ другаго мнѣнія (см. его Anmerk. über die Nord. Gesch. стр. 100-134).

Въ 590 году Славяне жили, по извѣстіямъ Византійскимъ (Memor. popul. II, 54) на самомъ краю *Западнаго Океана* или моря Бальтійскаго. Вѣрю, что Тацитовы Эсты (см. выше примѣч. 29) были Германцы; но быть можетъ, что нѣкоторые Славяне-Венеды и въ первомъ и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ все еще обитали въ древнемъ своемъ отечествѣ при Бальтійскомъ морѣ, то есть, въ сосѣдствѣ съ народами Готѳскими или Нѣмецкими.

(44) Славянъ можно назвать Сарматами *такъ* же, *какъ* и Скиѳами: то и другое имя давалось часто всѣмъ народамъ сѣвернымъ и неизвѣстнымъ. Ни Готѳскій Историкъ Іорнандъ, ни Византійскіе не называютъ Антовъ, Венедовъ и Славянъ Сарматами, которые были Азіатскимъ кочевымъ народомъ.

Гиббонъ (History of the decl. and fall of the Rom. Emp. T. V, гл. XLII) объявляетъ намъ, что Славяне около VI вѣка имѣли 4600 деревень въ Россіи и Польшѣ. Онъ ссылается на географическій отрывокъ 550 года, напечатанный въ Histoire des Peuples Графа Бюата (Т. II, стр. 145) и хранимый въ библіотекѣ Короля Баварскаго. Сіе любопытное извѣстіе заставило меня выписать изъ Парижа Бюатову забытую Исторію. Что жъ вышло? Сей отрывокъ, переведенный съ Латинскаго на Французскій, писанъ *единственно* по мнѣнію нашего ученаго Графа въ X вѣкѣ, а сочиненъ, *только по его же мнѣнію*, около 550 года. Правда, что именованные тамъ народы суть большею частію Славяне; однакожь не одни Польскіе и Россійскіе, но и Нѣмецкіе. На примѣръ: Vuilces, Вильцы; Linaa, Лины; Surbi, Сорбы; Nord-Abtrezi, Oster-Abtrezes, Сѣверные и Восточные Оботриты; Heb-

feldes, Гевельды; Bethemares, Поморяне (думаю); Miloxes, Мильцы; Sittices, Ситины; Marbariens, Марваны (Моравы); Lendizes, Лютичи; Prissans, Бризаны; Smeldingon, Смельдинги, Эльбскіе жители, о коихъ упоминается въ Исторіи Карла Великаго; Lunsiizes, жители Лаузица, и проч. Только слѣдующія имена могутъ означать Славянъ Россійскихъ и Польскихъ: Zerivars, можетъ быть Хорваты (grand royaume, d'où sont venues toutes les nations des Sclaves comme elles l'assurent); Wuislane, Висляне; Sleenzane, Силезійцы; Opolines, Поляне; Busans, Бужане; Sebbirozi, Сѣверяне; Unlize, Угличи, или Суличи Nerivans, не Древляне ли? Именуются еще Bruzes, Пруссы; Seravices, жители Сервіи; Chazirozes, Хазары или Козары; Vulgari, Болгары; Thalaminzes, Далматы; Ungare, Венгры — и наконецъ самые Россіяне, Ruzzes: сильнѣйшее доказательство, что сей отрывокъ сочиненъ не въ VI вѣкѣ, а гораздо послѣ! Авторъ даетъ каждому народу по нѣскольку городовъ (cités): Гиббонъ счелъ ихъ и называетъ *деревнями* (villages), отчасти Россійскими, отчасти *Польскими!* — Въ началѣ отрывка сказано (такъ переводитъ Бюатъ): Description des cités et régions, situées au coté septentrional du Dunube. Ceux-ci sont ceux qui habitent le plus près des frontieres des Danaens: т. е. *Грековъ*, толкуетъ Бюатъ; но гораздо вѣроятнѣе, что сочинитель называетъ симъ именемъ Датчанъ. Нѣкоторыя имена такъ испорчены, что не льзя отгадать ихъ значенія; напримѣръ: Phesnuzes, Thadeses, Glopéans, Zuyréans, Attarozes, Eptaradices и проч. Вообще кажется, что и самъ Авторъ писалъ на-обумъ, не имѣя вѣрнаго географическаго свѣдѣнія о сихъ народахъ.

(45) Птолемей Александрійскій во II вѣкѣ описалъ всѣ страны отъ моря Бальтійскаго до Чернаго, Азовскаго, и до глубины сѣверной Азіи; но повѣримъ ли, чтобы онъ, живучи въ Египтѣ, дѣйствительно имѣлъ свѣдѣніе о мѣстахъ столь отдаленныхъ, и чтобы его terra incognita начиналась только за шестьдесятъ-первымъ

градусомъ широты? Ни купцы пріѣзжавшіе въ Александрію изъ разныхъ земель, ни славная тамошняя Библіотека (см. Гаттерер. въ Comment. Societ. Gotting. XII, 210, и Маннерт. Geograph. IV, 132) не могли открыть ему, какіе народы жили тогда въ Россіи сѣверной. Что значатъ пустыя народныя имена, щедрою рукою разбросанныя на его картахъ Сарматіи, и совсѣмъ неизвѣстныя для Исторіи: Карвоны, Осіи, Салы, Кареоты, Пагириты, Офлоны, и проч.? Пусть Гаттереръ рѣшитъ, кого изъ нихъ должно считать Финнами, кого Нѣмцами; пусть Добнеръ (см. его Annales Bohemorum или примѣчанія на Гагеція) старается увѣрить себя, что они всѣ были Славяне; что имя Птолемеевыхъ Суланъ происходитъ отъ *соли*, Биссовъ отъ *пѣшихъ*, Бастарновъ отъ *пастыря*, Піеннатовъ отъ *пѣны*, Ставанъ отъ *стою*, Судиновъ отъ суда или *сосуда*; но гдѣ историческія доказательства? Понимаю, что Римляне I и II вѣка могли знать приморскихъ жителей Сѣвера и сосѣдовъ Дакіи: для того нахожу любопытнымъ, что пишетъ объ нихъ Тацитъ или Плиній; замѣчаю и сказаніе Птолемеево о Венедахъ, ибо они уже были извѣстны двумъ вышеупомянутымъ Историкамъ-Географамъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ выходятъ на ѳеатръ Исторіи. Птолемей зналъ ли внутренность Россіи, объявляя намъ, что Донъ вытекаетъ изъ горъ Рифейскихъ, и что Азовское море простирается къ Сѣверу отъ 48 градуса широты до 54? Къ тому же въ Географіи его видны многія прибавленія уже новѣйшихъ временъ (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 176). Могъ ли онъ знать Гунновъ (Хуновъ) между Азовскимъ моремъ и Днѣпромъ, Аваровъ (Авариновъ) и Прусскихъ Галиндовъ? Однимъ словомъ, Птолемеево сочиненіе любопытно и важно описаніемъ тогдашнихъ извѣстныхъ земель, а не сѣверной Россіи. Онъ первый изъ древнихъ Географовъ означаетъ теченіе Волги или Ра отъ баснословныхъ горъ Гиперборейскихъ къ морю Каспійскому; но

кто поручится, чтобы и сія рѣка не была вставлена въ Птолемеево твореніе новѣйшими Географами?

(46) (См. Memor. popul. T. II, 24-78.) Если дѣйствительно Моисей Хоренскій, жившій въ пятомъ вѣкѣ, былъ сочинителемъ Армянской Исторіи (въ чемъ Тунманъ сомнѣвается), то онъ ранѣе всѣхъ говоритъ о Славянахъ. Въ Географіи Птолемеевой (см. выше, примѣч. 44) есть имя сѣвернаго народа *Ставани:* нѣкоторые думаютъ, что надобно читать *Славяне.*

(47) Славяне разорили славный въ Далмаціи городъ Эпидавръ, и почти всѣхъ его жителей умертвили; только немногіе укрылись на крутой неприступной скалѣ, начали обработывать ее и мало по малу основали городъ Рагузу. Прокопій говоритъ, что Славяне въ своихъ нашествіяхъ всякой разъ убивали или плѣняли до 200,000 человѣкъ.

(48) Построенная Анастасіемъ между Селивріею и Чернымъ моремъ для удержанія Болгаровъ въ ихъ набѣгахъ.— Славяне и Болгары приближались къ Царюграду въ 559 году.

(49) Славяне платили имъ за перевозъ по червонцу съ человѣка (см. Прокопія въ Memor. popul. T. II, 40).

(50) Въ Таугастъ Туркестанскій и къ сосѣдственнымъ Мукритамъ: см. Memor. popul. 1, 719, и Дегина Histoire des Huns, кн. V, 368, и слѣд.

(51) См. Memor. popul. III, 44, и слѣд. Посолъ отъ Дизавула прибылъ въ Константинополь въ 568 году. Менандеръ называетъ Турковъ Саками, а Ѳеофанъ Массагетами. Восточные Историки говорятъ, что старшій Іафеѳовъ сынъ именовался Туркомъ, отъ коего произошелъ сей народъ (см. Эрбелот. Bibl. Orient.), единоплеменный съ Татарами.

Императоръ послалъ къ Хану Турецкому Земарха (см. Дегин. кн. V, 386, и Memor. popul. III, 50-52). Ханъ, за неимѣніемъ вина (ибо въ сей странѣ, по словамъ Византійскихъ Лѣтописцевъ, нѣтъ винограда) потчивалъ

Грековъ какимъ-то особеннымъ питьемъ, вѣроятно кумысомъ. Земархъ переѣхалъ черезъ рѣки Волгу, Яикъ или Уралъ и проч.

(52) Сіи золотыя и серебряныя вещи, хранимыя въ нашей Кунсткаммерѣ, большею частію найдены близъ Иртыша и Тобола, а въ могилахъ степей Енисейскихъ однѣ стрѣлы, кинжалы, ножи изъ красной мѣди: слѣдственно *народъ, тамъ обитавшій, еще не употреблялъ желѣза* (см. въ *Ежемѣсяч. Сочиненіяхъ* 1764 г. Изъясненіе Сибирскихъ Древностей, стр. 483 и слѣд.) Сіи могилы должны быть по тому гораздо древнѣе временъ Чингисхановыхъ. — Алтайскіе Турки славились богатствомъ, дѣлая изъ чистаго золота столы, сѣдалища, конскіе приборы (см. Memor. popul. III, 65, и Дегин. Histoire des Huns, кн. V, 388).

(53) Ханъ подарилъ Земарху одну молодую женщину народа *Киргизскаго, Χερχις* (см. Memor. popul. III, 52), а не *Черкесскаго*, какъ думалъ Дегинъ. *И такъ* Киргизы въ 569 году сдѣлались извѣстны въ лѣтописяхъ. — Мы называемъ Огоровъ или Аваровъ Гуннами, слѣдуя Византійскимъ Историкамъ, сказывающимъ, что Огоры жили *прежде на Востокъ отъ Волги: см. Memor. popul. I, 625* и 643. Сіи Авары-самозванцы именуются Pseudabares.

(54) См. Менандра въ Memor. popul. I, 647.

(55) Когда посолъ Тиберіевъ въ 580 году пріѣхалъ къ Хану Турецкому съ дружескими увѣреніями, сей Ханъ сказалъ ему: „Не вы ли, Римляне, говорите десятью „языками, и на всѣхъ равно обманываете людей? . . . „Мы Турки не знаемъ обмана, ни лжи: да будетъ же „вамъ извѣстно, что я найду способъ отмстить вашему Государю. Онъ увѣряетъ меня въ своемъ благо„расположеніи, и въ то же время дружится съ Аварами, „нашими бѣглыми рабами. Вы говорите, что чрезъ „одинъ Кавказъ можно достигнуть вашей страны: но „я вѣдаю *теченіе Днѣпра и Дуная; знаю, гдѣ и какъ* „вступили Авары въ Римскую Имперію; знаю и силы „ваши. Вся земля отъ Востока до Запада мнѣ пови-

„нуется.“ и проч. Въ 581 году область Турецкая раздѣлялась на восточную и западную; но скоро та и другая ослабѣла. Китайцы, Персы, Аравитяне утѣсняли ихъ, до самаго того времени, какъ Турки прославились во времена Калифовъ (см. древнюю ихъ Исторію въ Дегинѣ и въ Шприт. Memor. popul. T. III).

(56) Мененд. въ Memor. popul. T. II, 47 и слѣд. — Гебгарди хочетъ подъ сими Славянами разумѣть Антовъ; но если бы Лавритасъ былъ Княземъ Антскимъ, то онъ не могъ бы отвѣчать Аварамъ, что никто еще не отнималъ вольности у Славянъ: ибо Анты за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ были уже порабощены Ханомъ; и Византійскіе Лѣтописцы не могли бы сказать, что до сего времени никто еще не тревожилъ Славянъ въ собственной землѣ ихъ (Memor. popul. T. II, стр. 49). Съ 602 году лѣтописи уже не говорятъ объ Антахъ.

Іоаннъ, начальникъ городовъ Иллирическихъ, былъ отправленъ Тиберіемъ къ Аварамъ со множествомъ судовъ, на которыхъ онъ перевезъ войско ихъ въ Греческое владѣніе. Баянъ шелъ черезъ Иллирію, и снова переправился за Дунай къ Славянамъ. Мы не знаемъ, для чего онъ, владѣя страною Гепидовъ, не хотѣлъ прямо оттуда напасть на Славянъ, которые также обитали въ Дакіи къ Востоку и Сѣверу.

(57) Фредегарій Схоластикъ, Лѣтописецъ VIII вѣка (см. его Chron. гл. 48, стр. 155) разсказываетъ, что Авары, пріѣзжая на зиму къ Славянамъ, оскорбляли цѣломудріе ихъ женъ и дочерей; брали съ народа тягостную дань и всячески его угнетали (см. ниже, примѣч. 84). Гебгарди пишетъ, что Авары презирали Славянъ за ихъ хлѣбопашество и называли буйволами (у Фредегарія bifulcus, но въ другомъ смыслѣ): имя, которое донынѣ считается оскорбительнѣйшею бранью въ земляхъ Славянскихъ (см. Gesch. der Wenden, T. I, стр. 95).

Греческій Полководецъ, узнавъ отъ переметчика, когда и гдѣ Славяне хотятъ сдѣлать нападеніе, взялъ мѣры для лучшей обороны (Memor. popul. II, 72).

(58) Ѳеофилактомъ, Анастасіемъ, и Ѳеофаномъ (см. Memoriae populorum, T. II, стр. 53—54) въ описаніи 590 году.

(59) См. Геркена Versuch in der Gesch. der Slaven, § 11, 12, и Фредегарія въ Дюшен. собраніи Франкскихъ лѣтописей, гл. 48. Фредегарій говоритъ объ немъ: negotians, natione Francus; но сочинитель Хроники de conversione Bajoariorum, жившій въ половинѣ IX вѣка, называетъ его Славяниномъ: quidam Slavus, Samo nomine. Г. Пельцель (въ Abhandl. einer Privatgesell. in Böhm. T. II, стр. 226) доказываетъ, что Фредегарій употребляетъ имя negotians въ смыслѣ воина, а не купца.

(60) Константинъ въ книгѣ своей *о Правленіи* говоритъ, что Славяне пришли въ Далмацію изъ Великой или Бѣлой Хорватіи и Великой или Бѣлой Сервіи — то есть, по мнѣнію лучшихъ Историковъ (Гелазія, Бандури, Гаттерера, Геркена), съ береговъ Эльбы, Моравы и Вислы, гдѣ жили прежде Сербы или Сорабы, и Хорваты или нынѣшніе Кроаты. Сіе случилось во время Ираклія, который царствовалъ отъ 610 до 641 года. — Тогда же, или скоро послѣ, Славяне заняли Крайнъ, Каринтію, Стирію, Фріуль (см. Герк. Versuch и проч. стр. 49).

(61) Штриттеръ замѣчаетъ, что Византійскіе Историки не объявляютъ времени, въ которое Славяне поселились на южной сторонѣ Дуная. Они завладѣли Пелопоннесомъ при Константинѣ Копронимѣ въ 746 году (Memor. popul. II. 78). Слѣды ихъ сохранились въ Мореѣ: *начальники* донынѣ именуются тамъ *Воеводами*. Шатобріанъ считаетъ Майноповъ потомками Славянскаго народа (см. его *Путешествіе*, T. I).—5000 Славянъ удалились въ 665 году съ Абдерахманомъ, Княземъ Сарацинскимъ, въ Сирію. Юстиніанъ II въ 688 году отправилъ

*

многихъ Славянъ изъ Ѳракіи за Геллеспонтъ въ Опсицiумъ; 30,000 изъ нихъ составили Легiонъ его тѣлохранителей, которыхъ онъ считалъ непобѣдимыми. Чрезъ 70 лѣтъ послѣ того 208,000 Славянъ перешли за Черное море, въ Виѳинію, и на берегахъ Артанаса основали свои жилища. Memor. populorum, T. II.

(62) Одинъ изъ нихъ занималъ въ длину 50 верстъ. Въ горахъ Кавказскихъ, между Грузіею и Черкесами, донынѣ живетъ народъ Аварскій, говоритъ особеннымъ языкомъ и повинуется разнымъ маленькимъ Князькамъ. Главный изъ сихъ Князей, Усмей-Аваръ, въ 1727 году пріѣзжалъ въ станъ къ Русскимъ, и сказалъ, что „славныя дѣла ихъ возбудили въ немъ любопытство видѣть такихъ Героевъ; что одинъ изъ его предковъ, изгнанный изъ отечества, помощію Россіянъ былъ снова возведенъ на Княжескую степень свою, и что онъ хранитъ еще грамоту, данную Русскимъ Государемъ сему предку.“ Начальникъ войска желалъ видѣть сію грамоту: вышло, что она Татарская, и подписана славнымъ Батыемъ, завоевателемъ Россіи въ XIII вѣкѣ (см. въ Миллер. Sammlungen Russ. Geschichte извѣстія нашего Артиллерійскаго Полковника Гербера). — Авары Кавказскіе могутъ быть остаткомъ тѣхъ древнихъ истинныхъ Аваровъ, которыхъ побѣдили Турки Альтайскіе, и которыхъ именемъ назвалися Огоры, т. е. Лжеавары.

(63) См. Memor. popul. II, 501—510.

(64) Говоримъ о Россійскихъ Славянахъ.

(65) Въ одномъ мѣстѣ пишетъ Несторъ (стр. 6): „по мнозѣхъ же временѣхъ (послѣ Потопа) сѣли суть „Словени по Дунаеви, гдѣ есть Угорская земля и Болгарская, и отъ тѣхъ Словенъ разыдошась по земли.... „*Волохомъ* бо нашедшимъ на Словени на Дунайскіе и „насилящимъ имъ, Словены же ови пришедше сѣдоша „на Вислѣ,“ и проч. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 10): „Словенску же языку, *яко же рекохомъ, живущу на Дунаю*, „придоша отъ Скиѳъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи *Бол-*

„гаре, сѣдоша по *Дунаеви*, *населницы* (не *насильницы*) „Словеномъ быша." Тунманъ заключилъ изъ сихъ двухъ сказаній, что Несторъ подъ именемъ Волоховъ разумѣетъ Болгаровъ, ибо тому и другому народу приписываетъ одно дѣйствіе. Нѣтъ: Лѣтописецъ говоритъ, что Славяне изгнаны изъ *Болгаріи Болгарами*, а изъ *Венгріи Волохами*: „пріидоша *Угри* Бѣліи и наслѣдиша „землю Словенску, прогнавше *Волохи*, иже бѣша пріяли „землю Словенску" (Нест. стр. 10)—то есть, Венгрію, гдѣ Угры или Венгры въ концѣ IX вѣка дѣйствительно нашли *Волоховъ*, по извѣстію Лѣтописца Венгерскаго (Anonymi Hist. Ducum Hung. гл. XXIV, XXVI, XLIV). Болгары и Волохи весьма различны: первые суть Турки (см. выше, примѣч. 41), а вторые остатокъ древнихъ Гетовъ или Ѳраковъ (см. Тунмана über die Gesch. der Wlachen, стр. 323), смѣшенныхъ въ Дакіи съ Римскими поселенцами (см. выше примѣч. 17); но какъ многіе Волохи обитали и на южныхъ берегахъ Дуная, переходя съ мѣста на мѣсто, то Анна Комнина пишетъ, что въ просторѣчіи назывались Волохами Болгары, которые вели жизнь пастырскую или кочевую (Memor. popul. II, 670). Обыкновенные союзы тѣхъ и другихъ въ воинскихъ дѣлахъ были причиною, что Лѣтописецъ Никита Хоніатскій и новѣйшіе иногда разумѣли Болгаровъ подъ именемъ Волоховъ (Memor. popul. II, 673, 678, 686). Такъ Рубруквисъ, путешественникъ XIII вѣка, говоритъ: ces Bulgares sortirent aussi de la grande Bulgarie, de même que ceux qui sont au-delà du Danube près de Constantinople, qu'on apelle Flac (см. въ Бержерон. Voyages en Asie, стр. 47). И въ Татарской Исторіи Абульгази Хана (стр. 45) Болгары именованы Влахами, когда онъ пишетъ о войнѣ Огусъ-Хана съ Россіянами, Башкирцами и *Влахами* (ибо въ сосѣдствѣ съ Башкиріею жили Болгары).

Именемъ Воложской земли (у Нѣмцевъ Wälschland) наши предки означали всегда *Италію*: Wloch на Польскомъ языкѣ Италіянецъ. Несторъ говоритъ (стр. 5):

„по сему же морю сѣдять (Варяги) къ Западу до земли „*Агаянскія* и до *Воложскія*:“ здѣсь разумѣется Италія. Славяне назвали нынѣшнихъ жителей Дакіи Волохами по сходству ихъ языка съ Италіянскимъ, и для того, что Волохи сами себя, отчасти справедливо, именуютъ *Румунье* или Римлянами. Уже во время Киннама они считались переселенцами Италійскими (Memor. popul. II, 901). Половина ихъ языка состоитъ изъ Латинскихъ словъ (см. Тунман. Über die Gesch. der Wlachen, стр. 339). Тунманово мнѣніе, что имя Волоховъ происходитъ отъ Славянскаго глагола *влеку*, достойно ли опроверженія? — Въ какое время, буде сказаніе Нестора справедливо, они пришли въ Венгрію и вытѣснили оттуда Славянъ? вѣроятно въ VII или въ VIII вѣкѣ, когда сила Аваровъ ослабѣла.

Несторъ говоритъ выше (стр. 5, 6): „смѣси Богъ „языки (по разрушеніи Столпа Вавилонскаго),, и раздѣли „на 72 языка, и разсѣя по всей земли . . . Отъ сихъ же „72 языку бысть языкъ Словенескъ отъ племени Афетова, „*Норици*, еже есть Словени.“ То есть, Лѣтописецъ утверждаетъ, что въ исчисленіи семидесяти-двухъ народовъ подъ именемъ Нориковъ разумѣются Славяне. Сіи Норики сдѣлались извѣстны во время Римлянъ, и жили въ Австріи, Стиріи, Каринтіи, Крайнѣ (см. Маннерт. Geograph. der Griechen und Römer, III, 616), гдѣ въ Несторово время уже обитали Славяне: по тому онъ не различаетъ ихъ. Но древніе Норики считаются Кельтами или Галлами.

(66) Въ печатн. *Нест.* стр. 7, 8. Впрочемъ люди знающіе сомнѣваются въ истинѣ сего Андреева путешествія, и самъ Несторъ пишетъ о томъ единственно по слуху и народнымъ разсказамъ: „Андрею учащу въ „Синопѣ, *яко же рекоша*, и пришедшу ему,“ и проч. Ипполитъ, ученикъ Иринея, и славный Оригенъ повѣствуютъ, что Св. Апостолъ Андрей былъ въ Скиѳіи: заключили изъ сего, что онъ могъ быть и въ сѣверной

Россіи (см. Баеров. Origines Russicae, въ Комментп. нашей Академіи Т. VIII, стр. 390 и слѣд.). Митрополитъ Платонъ (*Церк. Ист.* 1, 12) благоразумно замѣчаетъ, что въ Апостольскія времена едва ли существовало обыкновеніе *ставить кресты* гдѣ-нибудь. Авторъ *Степен. Книги* прибавляетъ, что Св. Андрей *водрузилъ* жезлъ свой въ селѣ Друзинѣ близъ Новагорода, и что на семъ мѣстѣ сооружена церковь во имя *Андрея Первозваннаго*.

Несторъ при семъ случаѣ описываетъ Славянскія бани такимъ образомъ: „Приде (Св. Апостолъ) въ Словени, „и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како „ся мыютъ, хвощутся, и дивися . . . И рече (въ Римѣ): „видѣхъ (у Славянъ) бани древени, и пережгутъ каменіе „румяно, и розволокутся нази и облѣются *квасомъ* усніяным (щелокомъ) и возмутъ на ся прутье младое, „бьются сами, толма, едва слѣзутъ ли живы, и облѣются водою студеною, и тако оживутъ. И то творять по вся дни, не мучими никимъ же, но сами ся „мучатъ; а то творятъ *мовенье*, а не *мученье*.“ Лѣтописецъ хотѣлъ представить сіе древнее обыкновеніе страннымъ.

(67) Симъ опровергается мнѣніе Тунмана и Гаттерера, полагавшихъ, что Славяне Дунайскіе, утѣсненные Кувратомъ и сыномъ его, населили Россію въ VII вѣкѣ. Тунманъ утверждалъ сію вѣроятность сказаніемъ Никифора Патріарха (Memor. popul. II, 501), что Кувратъ, возставъ противъ Аваровъ, выгналъ изъ отечества весь народъ, данный ему ихъ Ханомъ: Cubratus contra Avarorum Chaganum rebellat, populumque omnem, quem ab ipso acceperat, contumeliose habitum patriis sedibus expellit. Извѣстіе темное: какой народъ? откуда изгнанъ? Можетъ быть, здѣсь говорится о какой-нибудь маловажной Ордѣ. Никифоръ умѣлъ бы назвать Славянъ именемъ ихъ, столь извѣстнымъ.—Болгары завладѣли Мизіею около 678 года (Memor. popul. II, 506-509). Аспарухъ нашелъ тамъ Славянъ именуемыхъ *Сѣверами*: въ Россіи также увидимъ Сѣве-

рянъ. Но быть можетъ, что они перешли не изъ Болгаріи къ намъ, но отъ насъ въ Болгарію.

(68) См. выше стр. 7 и 15. Вѣроятно, что древнія жилища Славянъ простирались отъ береговъ Пруссіи на Востокъ до Губерніи Смоленской и Черниговской. Гаттереръ считаетъ Андрофаговъ и Меланхленовъ Германцами.

(69) См. выше, примѣч. 17; см. также Маннерт. Res Traiani ad Danubium gestae.

Въ *Словѣ* о *полку Игоревѣ*, произведеніи XII вѣка (см. сей *Исторіи* Т. III, въ статьѣ о нашей древней словесности) говорится о *сѣгахъ* (а не *вѣгахъ*, какъ напечатано) Траяновыхъ, о *тропѣ* его и *седмомъ вѣкѣ Траяновомъ*, въ которомъ жилъ Полоцкій Князь Всеславъ (см. въ сей напечатанной повѣсти стр. 6, 14, 35). Извѣстна via Traiani, изображенная на Сульцеровой картѣ Валахіи: сія via, дорога или *тропа*, простирается отъ береговъ Дуная до Прута, и далѣе на Востокъ по южной Россіи (см. Кантемир. *Описаніе Молдавіи* и Бишинг. Erdbeschr. II, 770). Отъ временъ Траяна до Всеслава прошло гораздо болѣе *семи* вѣковъ; но 1) лѣтосчисленіе народа безграмотнаго не бываетъ вѣрно; 2) сочинитель *Слова* о *полку Игоревѣ* могъ также ошибиться, или 3) число *семь* есть описка.

Объ Александрѣ Великомъ см. ниже примѣч. 70, также Станислав. Сарницк. Annales Polonorum, кн. II, стр. 877— Мавра Урбина *Исторіографію народа Славянскаго*, стр. 3, и Раича Исторію *разныхъ Славянскихъ народовъ* изд. Вѣнскаго I, 3. Ѳеофилактъ, Визант. Историкъ, именно называетъ Славянъ древними Гетами (Memor. popul. II, 3); но не для того ли, что первые заняли въ VI вѣкѣ отечество послѣднихъ? Самые древніе жители Иллирика и Панноніи могли быть единоплеменники Славянъ. Думаютъ, что древнѣйшіе обитатели Венгріи гордо называли себя *Панами*, т. е. господами, и что отъ сего родилось имя Панноніи. Нѣмецкій Писатель Антонъ замѣчаетъ, что имена древ-

нихъ Иллирическихъ городовъ кажутся Славянскими. Впрочемъ останемся при одномъ чаяніи.

(70) „И отъ тѣхъ Ляховъ прозвашась Поляне," и проч. Добнеръ (см. его Annales Bohemorum или примѣчанія на Гагеція) думалъ, что имя Поляковъ составлено изъ предлога *по* и народнаго имени *Влахи*!

„Бяста бо два брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другый Вятко," и проч. Татищевъ думаетъ, что Несторъ ошибся, и что Вятичи были не Славяне, а Сарматы! „Имя ихъ (говоритъ онъ) есть Сарматское и знаменуетъ на семъ языкѣ (никому въ мірѣ неизвѣстномъ) людей *грубыхъ, безпокойныхъ*, каковы они и въ самомъ дѣлѣ были. Чуваши донынѣ именуются на Мордовскомъ языкѣ *Ветке*: слѣдственно они Вятичи!" Миллеръ въ своей рѣчи о происхожденіи народа Россійскаго повторяетъ слова Татищева, вопреки Нестору, который собственными глазами видѣлъ Вятичей!

Лѣтописецъ не означаетъ области Древлянъ; но мы увидимъ далѣе въ Россійской Исторіи, что Овручь и Коростенъ имъ принадлежали: первый есть и нынѣ городъ, а второй мѣстечко Искорость въ Волынской Губерніи на рѣкѣ Ушѣ, между Овручемъ и Житомиромъ. Авторъ *Степенной Книги* признается, что въ его время уже не знали, гдѣ было отечество Древлянъ, и что нѣкоторые искали онаго въ Новогородской области, въ которой одна Пятина (или округа) называлась Деревскою, а другія въ землѣ Сѣверянъ!

„Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Велыняне" (т. е. они послѣ назывались Волынцами, отъ стариннаго города Волыни, бывшаго между Владиміромъ и Львовымъ: см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 21).— „Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне." Слѣдственно подъ общимъ именемъ Волынцевъ разумѣлись въ новѣйшія времена и Бужане и Дулѣбы. Читателямъ извѣстно, что есть два Буга: одинъ впадаетъ съ Днѣпромъ въ Лиманъ, а другой въ Вислу. Дулѣбы жили въ западной Волыніи.

„*Лушичи* (въ нѣкоторыхъ спискахъ *Лущаци*) и Ти„вирцы сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ „множество ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря. „Сушь грады ихъ и до сего дне; да то ся зваху отъ „Грекъ Великая Скиѳь." Слѣдственно часть Молдавіи и Бессарабія принадлежали Россійскимъ Славянамъ. Нынѣшній Акерманъ назывался Бѣлымгородомъ (*Воскресенск. Лѣт.* I, 20) и едва ли не ими основанъ. Отъ Ушицы до устья Днѣстра могли издревле существовать и другіе города Княженія Галицкаго. Отъ имени Лушичей и Тивирцевъ, кажется, названы тамъ города Лутовиска и Тирава. Баеръ производитъ оное отъ рѣки Тибиска или Тисы: для чего же не отъ древняго Тираса, или Днѣстра? Древнѣйшіе Польскіе Историки, Кадлубекъ или Кадлубко (Hist. Polon. стр. 787) и Богуфалъ упоминаютъ о Тивіанцахъ, обитавшихъ близъ Днѣстра и служившихъ Князю Галицкому во XII вѣкѣ: названіе сходно съ Тивирцами; однакожь не оспориваю Тунмана, думающаго, что Кадлубекъ говоритъ о Волохахъ, называемыхъ по-Турецки *Тъюбанъ*. Нѣкоторые Волохи могли и тогда обитать въ Молдавіи.— Гельмольдъ, Историкъ XII вѣка, пишетъ о Бальтійскихъ Славянахъ Лутичахъ (Chron. Slav. гл. II), бывшихъ, какъ вѣроятно, одного племени съ Днѣстровскими.

Несторъ говоритъ о Бѣлыхъ Хорватахъ и Хорутанахъ (въ печатн. стр. 6), называя иногда и тѣхъ и другихъ просто Хорватами. Одни были нынѣшніе Кроаты, побѣдившіе Болгарскаго Царя Симеона въ 942 году (см. печатн. *Нест.* стр. 36, и Memor. popul. II, 602); а Бѣлые Хорваты обитали гораздо ближе къ Кіеву — думаю, въ окрестности горъ Карпатскихъ, едва ли не отъ ихъ имени такъ названныхъ— служили Олегу, воевали противъ Владиміра, и съ X вѣка утратили сіе имя въ нашихъ лѣтописяхъ. Константинъ Багрянородный (de Adm. Imp. гл. 30 и 31) пишетъ также о двухъ Хроватіяхъ: Иллирической и *Бѣлой* или *Великой*, за

Турцією, т. е. Венгріею, и ultra Bagibaream (см. Ансельма Бандури Animadversiones in libr. Constant. de Adm. Imp. стр. 91-92, и въ началѣ сихъ примѣчаній Делилевы Adnotationes in tab. geograph. ex Const. Porph.) По мнѣнію Бандури, *Вагиварея* есть испорченное Славянское имя Карпатскихъ или *бабьихъ горъ*, какъ ихъ нѣкоторые называютъ (а Добнеръ утверждаетъ, что Константинъ разумѣетъ здѣсь Баварію). Делиль говоритъ: quod ad Chrobatiam Albam attinet, ad montes Chrobatos porrectam fuisse Constantinus ait; hos autem non diversos esse ab iis, quos Crapack populares vocant, nominum affinitas svadet. Нарущевичь именуетъ Червенную Россію или Галицію Chrobacya Czerwona (см. его Hist. Narodu Polsk. II, 53, 55, 69). — Константинъ Багрянородный такимъ образомъ называетъ Славянъ Россійскихъ въ X вѣкѣ: *Δερβλενινοι*, Древляне; *Σερβιοι*, Сѣверяне; *Κριβιταιηνοι*, Кривичи; *Δρεγεβιται*, Дреговичи; *Λενζανηνοι*, Βερβιλνοι; Ουλτινοι: послѣдніе три народа не суть ли *Лучане* Волынскіе, отъ коихъ Луцкъ получилъ свое имя), *Тивирцы* и *Лутичи*? — Миллеръ думалъ, что Дорогобужъ названъ отъ имени Дреговичей. Нарушевичь (Hist. Nar. Polsk, II, 416) искалъ ихъ близъ Дрогичина Хельмскаго въ Галиціи.— Въ Греческой *Имперіи*, въ окрестностяхъ Θессалоники, одно мѣсто называлось *Другувитами* (см. Memor. popul. II, 95): тамъ обитали Славяне, однородцы, какъ вѣроятно, нашихъ Дреговичей.

Татищевъ опять толкуетъ намъ, что Кривичи были не Славяне, а Сарматы: „ибо слово *Криве* на Сар„матскомъ языкѣ значитъ *верховье рѣкъ*.“ А мы опять повѣримъ Нестору, который причисляетъ ихъ къ Славянамъ. Объ имени Кривичей скажемъ свое мнѣніе въ другомъ мѣстѣ. Владѣніе сего народа было весьма обширно, такъ, что Литовцы всю Россію называли Krewen-Zemla, или землею Кривичей.

„Рѣчки ради, яже течетъ въ Двину, именемъ По„лота, отъ сея прозвашася Полочане . . . *Отъ нихъ же*

„Кривичи; сѣдять наверхъ *Волги*," и проч. См. ниже, примѣчаніе 72.

Одни Ильменскіе поселенцы, какъ говоритъ Несторъ, назывались въ Россіи Славянами; всѣ другіе приняли имена особенныя, или отъ мѣста или отъ вождей своихъ. Ильмень въ древнѣйшихъ рукописяхъ называется вездѣ Ильмеромъ. — Я говорю, что Новгородъ основанъ *послѣ* Рождества Христова: ибо его не было еще въ то время, какъ Святый Андрей, по словамъ Несторовымъ, приходилъ въ Россію: „и пріиде въ Словены, идѣже *ны*„*нѣ* Новгородъ" (въ печатн. стр. 8). — Миллеръ думалъ, что Готескій Историкъ, Іорнандъ, подъ именемъ Civitas Nova (см. выше примѣч. 43) разумѣетъ Новгородъ: â Civitate Nova — et lacu, qui appellatur Musianus usque ad Danastrum, et *in Boream Viscla tenus*. — Если бы Іорнандъ говорилъ о Россійскомъ Новѣгородѣ и хотѣлъ описывать землю Славянъ отъ Сѣвера къ Югу, то онъ не могъ бы сказать: „до рѣки Днѣстра, а *на Сѣверъ до Вислы*," ибо Висла гораздо южнѣе Новагорода. — Восточный Историкъ X вѣка, Масуди, упоминаетъ о землѣ *Нукбардъ* или *Нукирадъ*, сосѣдственной съ Славянскою. Дегинъ думалъ, что сіе имя означаетъ Новгородъ. См. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothéque du Roi, I, 4.

Древній Лѣтописецъ не сообщаетъ никакихъ обстоятельныхъ извѣстій о построеніи Новагорода: за то находимъ ихъ множество въ сказкахъ, сочиненныхъ большею частію въ XVII вѣкѣ, и внесенныхъ невѣждами въ лѣтописи. Предлагаемъ здѣсь выписку изъ оныхъ для любопытныхъ: „Отъ правнука Іафеѳова, „Скиѳа, произошли пять братьевъ и Князей, именемъ „Словенъ, Русъ (самые мудрѣйшіе и храбрые), Бол„гаръ, Команъ, Истеръ. Всѣ они жили на берегахъ „Чернаго моря до 3099 году отъ С. М. Въ сіе вре„мя Словенъ и Русъ съ народомъ своимъ оставили „древнюю отчизну, *ходили по странамъ вселенныя*, обо„зрѣвали безмолвныя пустыни какъ *орлы быстрокрыла-*

„*тые*, 14 *лѣтъ искали* селенія по сердцу своему, и на„конецъ пришли къ озеру *Мойску*. Тогда *волхвованіе* „открыло имъ, что сіе мѣсто должно быть для нихъ „отечествомъ. Словенъ поселился на рѣкѣ *Мутной*, „основалъ городъ *Словенскъ*, и назвалъ рѣку *Мутную* „*Волховомъ*, протокъ ея *Волховцемъ* (по имени двухъ „сыновей), другую рѣку *Шелоною*, а озеро *Ильмеромъ* „(въ честь *жены своей* Шелоны и сестры *Ильмеры*). „Старшій сынъ былъ *лютый чародѣй*, принималъ на се„бя образъ крокодила, скрывался въ рѣкѣ, топилъ и по„жиралъ людей, нехотѣвшихъ обожать его какъ Перу„на. Онъ жилъ въ особенномъ городкѣ на берегу рѣки, „въ томъ мѣстѣ, которое именуется Перынью, и гдѣ „язычники покланялись ему. Они увѣряли, что Волховъ „*сѣлъ въ боги*; но мы знаемъ, что бѣсы утопили его въ „рѣкѣ. Надъ тѣломъ злаго чародѣя, волнами изверженномъ въ Перынѣ, злочестивые отправили тризну и „насыпали высокую могилу, которая черезъ три дни „провалилась въ адъ. — Именемъ *Волховцева* сына, *Жи*„*лотуга*, названъ особенный протокъ рѣки Волхова, гдѣ „*онъ утонулъ младенцемъ*" (подобно какъ Тиберинъ въ Тибрѣ: см. Т. Ливія, кн. I, отдѣл. 3). — „Братъ Слове„новъ, Русъ, основалъ городъ *Русу* и назвалъ тамъ одну рѣ„ку *Порусьею*, а другую *Полистою*: такъ именовались „жена и дочь его. Потомки сихъ Князей обогатились и „прославились мечемъ своимъ, *завладѣвъ всѣми странами* „сѣверными до Ледовитаго моря и *желтовидныхъ водъ*, и „за высокими каменными горами въ землѣ *Сибири* до Оби „и до устья *бѣловидныя, млечныя* рѣки, гдѣ ловятъ звѣ„ря *дынку* или соболя. Они воевали въ Египтѣ, въ стра„нахъ Іерусалимскихъ, Еллинскихъ и варварскихъ; міръ „ужасался ихъ храбрости. Во время Александра Македон„скаго управляли Словенами и Руссами Князья Велико„санъ, Асанъ, Авехасанъ. Сей Монархъ, слыша всеобщія жа„лобы на ихъ жестокость, сказалъ: *что мнѣ дѣлать съ* „*таким(и) сыроядцами, обитающими за морями и горами*

„*непроходимыми?* и написалъ къ нимъ, слово въ „слово, грамоту слѣдующую: *Александръ, Царь Ца-„ремъ, бичь Божій и предвитезный Рыцарь, всего свѣта „обладатель, и всѣхъ иже подъ солнцемъ грозный пове-„литель, покорнымъ мнѣ милосердый пощадитель, а не-„покорнымъ же яростный мечь, въ далекомъ, разстоя-„тельномъ и незнаемомъ краѣ вашемъ отъ нашего ве-„личества честь и миръ и милость вамъ, храбросердому „народу, славнѣйшему колѣну Русскому, Княземъ и Вла-„дыкомъ отъ моря Варяжскаго до Хвалижскаго, велико-„лѣпнымъ и милымъ моимъ, храброму Великосану, му-„дрому Асану, счастному Авехасану, вѣчно радоватися, „яко самѣхъ васъ любезно цѣлую, яко други по сердцу „моему. Да будете данницы нашему величеству, и сію „милость даю вашему владычеству: аще каковый на-„родъ вселится во предѣлахъ вашихъ, да будетъ вамъ и „по васъ сродству вашему подлежимъ вѣчнѣй работѣ; во „иные же предѣлы отнюдь да не вступитъ нога ваша. „Сіе же достохвальное дѣло затвержено симъ нашимъ „листомъ и подписано моею Царскою высокодержавною „десницею, и запечатано нашимъ перстнемъ, и дано ва-„шей честности на вѣки безконечные. Аминь. Писана же „сія наша грамота въ мѣстѣ нашего предѣла, въ вели-„цѣй Александріи, мѣсяца Примуса начальнѣйшаго дня.* „—Припись Царскія руки *златопернатыми* буквами: *мы „Александръ, сынъ великихъ боговъ Юпитера и Венусы „въ небѣ, земскихъ же Филиппа и Олимпіады, высоко-„державною правицею утвердихъ вѣчно.* — Словено-Рус-„скіе Князья, обрадованные такою грамотою, повѣсили „оную въ своемъ капищѣ съ правой стороны идола Ве-„леса, уставивъ великій праздникъ въ день ея написанія.— „Чрезъ нѣсколько времени возстали отъ ихъ рода два „Князя, Ляхъ (*Мамохъ, Лалохъ*) и *Лахернъ*, воевали зем-„лю Греческую и ходили подъ самый царствующій градъ: „тамъ, близъ моря, положилъ свою голову Князь Лахернъ „(гдѣ созданъ былъ послѣ монастырь Влахернскій), а то-

„варищь его съ глубокою язвою и съ великимъ богатствомъ возвратился въ отечество. Въ *Сидерѣхъ же* „(*σιδηρα?*), или въ Мордвѣ и въ Черемисѣ, княжили тогда „два брата, *Діюлель* и *Дидиладъ*, которыхъ язычники на„звали богами, за то, что они научили ихъ пчеловодству. „—Скоро ужасный моръ опустошилъ землю Словенскую; „остальные жители ушли на *Бѣлыя воды*, т. е. Бѣлоозеро, „или Тинное озеро, и назвалися Весью; другіе на Дунай, „къ древнимъ племенамъ своимъ; а въ Словенскѣ и въ „Русѣ обитали тогда одни дикіе звѣри. Чрезъ нѣкото„рое время Словени возвратились на берега Волхова и „привели съ собою многихъ Скиѳовъ и Болгаровъ; но „скоро Бѣлые Угры явились въ странѣ ихъ и разорили „оную до конца. Тогда Словени Черноморскіе, услышавъ „о запустѣніи отечественной земли своей, опять при„шли туда съ безчисленнымъ множествомъ Скиѳовъ, „Болгаровъ и всякихъ иноплеменниковъ, поставили но„вый городъ, отъ стараго Словенска внизъ по Волхову „съ версту, дали ему имя *Великаго Новаграда*, и вы„брали старѣйшину, Князя Гостомысла. Нѣкоторые *изъ* „*нихъ* назвались Полянами, другіе Кривичами, *Сербами*, „*Болгарами*, *Чудью*, *Мерею*, *Лопью*, *Мордвою*; земля Русская, „свергнувъ съ себя *ризы сѣтованія*, *облеклась въ порфи*„*ру и виссонъ*, уже *не вдовствуя*, но *опочивая* много лѣтъ „съ мудрымъ Гостомысломъ. Сынъ его, Словенъ, постро„илъ въ землѣ Чудской городъ Словенскъ, и черезъ 3 „года умеръ: а внукъ Гостомысловъ, Изборъ, переиме„новалъ сей городъ *Изборскимъ*, и также въ юности „умеръ отъ жала зміи.“ Конецъ басни увидимъ въ другомъ мѣстѣ (ниже, примѣч. 91). И многіе вѣрили симъ нелѣпостямъ! Вѣрили (умалчивая о другомъ), что на берегахъ Волхова былъ у Славянъ городъ за 4200 лѣтъ до нашего вѣка! Не только въ древней Несторовой лѣтописи, но и въ самой Никоновской, въ самыхъ Хронографахъ и въ Степенной Книгѣ XVI вѣка не упоминается еще о Словенскѣ: сей вымыселъ принадлежитъ, кажет-

ся, седьмому-надесять столѣтію. „Но близъ Новагорода есть мѣсто именуемое *Городище*," замѣчаетъ Миллеръ: оно доказываетъ только, что тамъ былъ прежде застроенъ *сей* городъ, названный *новымъ*, когда его перенесли на другое мѣсто. Гебгарди думаетъ, что Ильменскіе поселенцы пришли изъ окрестностей Неи или Нови, и въ память сей крѣпости основали Новгородъ.

(71) Лѣтописецъ сказываетъ единственно, что Кіевъ, подобно Новугороду, еще не существовалъ во время Апостола Андрея:„ слѣзе (Св. Андрей) съ горы, идѣже *послѣ* бысть Кіевъ" (въ печатн. стр. 8). Стриковскій пишетъ (кн. XI, гл. 3), что Кіевъ основанъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ 430 году. — Псковская Синодальная Лѣтопись XV или XVI вѣка (которая хранится въ Патріаршей Библіотекѣ подъ No. 349, л. 154) начинается такъ: „Въ лѣто 6362 бѣяху три браты; единому имя Кый . . . „И поставиша градъ на горѣ и нарекоша имя граду тому Кыевъ:" и такъ онъ будто бы основанъ уже въ 854 году? Но сіе новое извѣстіе не достойно уваженія (см. еще новѣйшую сказку о строителяхъ Кіева, ниже, примѣч. 282.) Въ *Пушкин.* и *Кенигсберг.* спискѣ: „ бяху (Кій съ братьями) мужи мудри и смыслени;" а въ *Троицк.*: „знатливы (знающіе) и разумни." — Въ *Кенигсберг.* сказано, что Лѣтописецъ не знаетъ, къ которому Царю приходилъ Кій; но въ харатейныхъ находятся только слова: „приходившю ему ко Царю, яко же сказують, „велику честь пріялъ отъ Царя."—Шлецеръ думаетъ (его Nest. I, 103), что древнее сказаніе о Кіи-перевозчикѣ, опровергаемое нашимъ Лѣтописцемъ, могло быть справедливо. „Франкфуртъ (говоритъ онъ), Охсенфуртъ и другіе города произошли такимъ же образомъ. На Днѣпрѣ еще не было моста, но уже было сообщеніе между обитателями его восточнаго и западнаго берега. Нѣкто, именемъ Кій, перевозилъ людей въ лодкѣ: тутъ, мало по малу, завелось селеніе; селеніе обратилось наконецъ въ городъ," и проч. Князь Щербатовъ, оставивъ достовѣр-

наго Нестора и последовавъ Автору Синопсиса, выписаннаго большею частію изъ Польскихъ Историковъ, Длугоша и Стриковскаго, сказываетъ, что Щекъ создалъ городъ Щековицу, Хоривъ Хоривицу или Вышегородъ, а сестра ихъ городъ Лыбедь: совершенная басня! такихъ городовъ не бывало въ Россіи; и Несторъ пишетъ, что всѣ три брата построили одинъ Кіевъ. Польскіе Историки отъ недоразумѣнія сочли *горы* за *города*. —Татищевъ думаетъ, что имя Кіева или Киви есть Сарматское и значитъ *горы*; онъ, кажется, не вѣритъ сказанію о трехъ братьяхъ. Щербатовъ находитъ имена ихъ Арабскими и Персидскими, и заключаетъ изъ того, что Кіевъ построенъ не Славянами, Гуннами; хотя Гунны разрушали города, а не строили ихъ, и говорили безъ сомнѣнія не Арабскимъ и не Персидскимъ языкомъ. Рейнегсь утверждаетъ, что „сей городъ основанъ *Готѳами*, ибо имя его есть *Финико-Арабское* и значитъ *мѣсто любимое, радостное* (см. Reineggs Beschreibung des Kaukasus, II, 200). Болтинъ признаетъ Аваровъ строителями Кіева, и говоритъ, что „*Кіевб* по-Венгерски есть „веселый, *Горогб* кривый, *Сцегб* кормило, *Лебегесб* тре-„петаніе: слѣдственно Кій, Хоривъ, Щекъ и Лыбедь „были Авары, которые говорили однимъ языкомъ съ „Венграми!" Но мы не видимъ нужды отвергать сказаніе Нестора, который приписываетъ строеніе Кіева Славянскимъ Полянамъ (слѣдственно не *Варяги*, какъ сказано въ Софійской Новогородской и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ, а Славяне были первыми жителями сего города). Имена древнія не всегда могутъ быть изъяснены языкомъ новѣйшимъ: изъ чего не слѣдуетъ, чтобы они произошли отъ инаго языка. Къ тому же Славянское мѣстоименіе *кій*, слова *щека*, *щекотать*, *гора*, *лебедь* и многія другія столь же близки къ именамъ Кіевскихъ братьевъ и сестры, какъ и Персидскія или Венгерскія *Кея*, *Хурехб*, *Горогб*, *Лебегесб*, и проч. Болтинъ думалъ, что гора, гдѣ жилъ Кій, есть та са-

мая, на коей построена Кіевская старая крѣпость. — На рѣчкѣ Лыбеди стоитъ загородный домъ нынѣшняго Кіевскаго Митрополита. Сіе мѣсто называется Шулявшино, окружено рощею и служитъ гуляньемъ для Кіевскихъ жителей. См. *Извѣстіе о погребенныхъ въ Кіевѣ Князьяхъ*, стр. 1.

Баеръ, желая утвердить истину Несторова сказанія, искалъ нашего Кія въ Готескомъ Королѣ *Книвѣ*, воевавшемъ въ Панноніи съ Императоромъ Деціемъ. Миллеръ, не находя въ Византійскихъ лѣтописяхъ никакого извѣстія о походѣ Кія въ Царьградъ, думалъ, что сей Князь служилъ въ войскѣ тѣхъ Гунновъ, которые при Өеодосіи II разоряли Имперію. Баеръ излишно уважалъ сходство именъ, недостойное замѣчанія, если оно не утверждено другими историческими доводами. Что ни будь одно: или вѣрить въ семъ случаѣ Нестору, или не вѣрить; если вѣрить, то Кій былъ Славянскій Князь, а не Готескій. Миллеръ же напрасно думалъ, будто Несторъ говоритъ о *войнѣ* Кія съ Императоромъ: во всѣхъ старинныхъ спискахъ лѣтописи его сказано единственно то, что Кій ходилъ въ Константинополь и былъ съ честію принятъ Царемъ Греческимъ; Византійскіе Историки могли умолчать о такомъ неважномъ происшествіи.

(72) Миллеръ въ рѣчи своей *о происхожденіи народа Россійскаго* несправедливо говоритъ, что Лѣтописецъ нашъ нигдѣ не именуетъ основателей Полоцка Кривичами. Въ Несторѣ (стр. 17): „первыи насельницы въ „Новѣгородѣ Словени, въ Полоцку Кривичи.“ Въ *Арханхел. Лѣт.*, стр. 4, названъ Изборскъ городомъ Кривичей. Константинъ Багрянородный пишетъ о Новѣгородѣ, Кіевѣ, Вышегородѣ, Смоленскѣ, Любечѣ, называя ихъ *Немоградъ, Кіова, Вусеградъ, Черниговa, Милиниска, Телюцца*, (Memor. popul. II. 982). Кіевъ, по его извѣстію, назывался еще *Самватасъ*.“ Не хотѣлъ ли Константинъ написать: *сама мать*, ибо Кіевъ назывался въ дре-

вности *матерію* городовъ Русскихъ? см. въ печатн. *Несторѣ* стр. 19. Арабскій Географъ XV вѣка, Бакуй (донынѣ еще не изданный) упоминаетъ о знаменитомъ Славянскомъ городѣ Maschphat близъ Козаріи: см. *Шпренгеля* Gesch. der Entdeck. 160.

(73) О Переславскомъ озерѣ см. *Никон Лѣт.* II, 229. Оно же называется и Плещеево. Іорнандъ упоминаетъ о Мери (Merens) въ числѣ народовъ покоренныхъ въ IV вѣкѣ Готескимъ Царемъ Эрманарихомъ (см. выше, примѣч. 26). Мордва и Черемисы сами себя именуютъ *Мари;* однакожь изъ того не слѣдуетъ, чтобы Несторъ подъ именемъ Мери разумѣлъ ихъ, ибо говоритъ о тѣхъ и другихъ въ особенности.

Народъ Мурома, обитавшій въ Губерніи Нижегородской, оставилъ памятникъ бытія своего въ названіи города Мурома.

Несторъ не означаетъ земли Черемисской, Мещерской, Мордовской, а только полагаетъ оную въ сосѣдствѣ съ Мерею. Мордва (Іорнандовы Mordens: см. выше, примѣч. 26) и Черемисы издревле жили тамъ, гдѣ живутъ и нынѣ: первые наиболѣе въ Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской Губерніяхъ; а вторые отъ Нижняго на лѣвомъ берегу Волги. Въ лѣтописяхъ среднихъ временъ именованы Мещерою нынѣшніе Мокшане, родъ Мордвы, обитающіе въ Пензенской и Тамбовской Губерніяхъ, въ окрестностяхъ рѣки Мокши (см. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 86). Мещеряками называются нынѣ Татары, живущіе въ землѣ Башкирской. Они тамъ пришельцы, равно какъ и Тептери, смѣсь Черемисовъ съ Вотяками, Чувашами и Татарами, которые въ XVI вѣкѣ, по разрушеніи Казанскаго Царства, ушли къ Башкирцамъ.

Ливонія получила имя свое отъ *Ливи*, народа Финскаго, котораго остатки существуютъ нынѣ въ Курляндіи, отъ Ангерскаго озера и береговъ залива Рижскаго до Виндавской границы, а въ Ливоніи (или Губерніи Лифляндской) въ окрестностяхъ рѣки Салиса и на остро-

въ Рунѣ. Другіе Ливонцы принадлежатъ къ народу Латышей (о которомъ см. ниже, примѣч. 80). Имя Ливоніи сдѣлалось извѣстно въ Европѣ не прежде XII вѣка.

Не только Эстонцы или Эстляндцы, Вожане или Водь (въ нынѣшней Ораніенбаумской округѣ: см. *Новогород. Лѣт.* 134), Ижорцы, Корелы, но и первобытные жители Двинской земли или Архангельской Губерніи, Вологодской, Вятской, Пермской, назывались Чудью (см. *Двинск. Лѣт.* въ Трудахъ Вольн. Росс. Собранія, *Журналъ Путешествія* Рычкова и его *Казанск. Исторію*, стр. 190. и слѣд.). Миллеръ въ *Рѣчи* своей *о происхожденіи народа Россійскаго* пишетъ: „*Чудь* знаменуетъ на „Русскомъ языкѣ вообще *первобытныхъ жителей*" (не лучше ли сказать: *иноплеменниковъ*, или *чуждыхъ*?): „ибо ежели вы на берегахъ Волги, Тобола, Иртыша, „Оби, Енисея, видя какое нибудь укрѣпленіе, могилу, „древнее зданіе, спросите у жителей: кто соорудилъ „ихъ? то они вамъ отвѣтствуютъ: *Чудь, народъ, кото-„рый обиталъ здѣсь прежде Русскихъ*". — Іорнандъ называетъ Чудь Thuidos. Баеръ думалъ, что имя Скиѳы и Чудь есть одно.

Имя города Нарвы происходитъ отъ имени *Наровской* Чуди.

Шлецеръ (см. его Nest. I, 50) несправедливо считалъ Емь Ижорцами: они въ нашихъ лѣтописяхъ обыкновенно именуются Ижерянами; были издревле подданными Новогородцевъ и *сами воевали съ Емью* (см. *Новогород. Лѣт.* 106 и 107). Татищевъ и Болтинъ столь же несправедливо полагали сей народъ между Ладожскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ, въ Двинской землѣ, со XII вѣка (если не ранѣе) провинціи Новогородской (см. *Новогород. Лѣт.* 59). Что Емью именовались Финляндцы, ясно доказывается слѣдующими извѣстіями *Лѣтописца Новогородскаго*: 1) Сумь (*Суоми*, какъ называютъ себя Финляндцы) и Емь въ 1240 году

шли на корабляхъ противъ Новагорода и хотѣли *взять Ладогу*: Князь Александръ *встрѣтилъ* ихъ (стр. 132, 133) *на рѣкѣ Невѣ*: слѣдственно они жили не между Ладожскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ. 2) Въ 1256 году Князь Александръ шелъ изъ Новагорода на Емь *чрезъ Копорье* (стр. 142, 143). 3) Въ 1228 году Ладожане побили Емь: непріятель, спасаясь отъ нихъ бѣгствомъ въ землю свою, былъ истребленъ Ижорцами и Корелами (стр. 107): пусть Читатель взглянетъ на карту. 4) Въ 1311 году Новогородцы воевали за моремъ, т. е. за Финскимъ заливомъ, съ Емью, и взявъ ихъ городъ *Ваний* на Черной рѣкѣ, опустошили берега Перны: мы знаемъ въ Новой Финляндіи *Ванакиле* и *Перно* (см. Бишинг. Erdbeschr.). *Черною* именуется въ нашихъ лѣтописяхъ рѣка Кумо. — Мѣстечко *Емсе* въ Тавастландскомъ Графствѣ также напоминаетъ *Емь*. Одинъ изъ моихъ пріятелей, знакомый съ сими мѣстами, писалъ ко мнѣ, что тамошніе жители донынѣ называютъ себя Hämi, и что имя Суми или Суоми въ особенности принадлежитъ Финляндцамъ сѣвернымъ. — Адамъ Бременскій, по мнѣнію Шлецера, называетъ Ямь Lami, а Гервазій, Авторъ XIII вѣка, Jarmenses, вмѣсто Jamenses. — Іорнандъ именуетъ Весь Vas.

Въ *Больш. Чертежѣ*, стр. 317: „Тѣ города по Сысвѣ и по Сосвѣ *Югра*." Герберштеинъ на картѣ Россіи полагаетъ Югру за Обью. Доселѣ Историки и Географы наши искали Югры на берегахъ Юга, Двины и Мезени. Описаніе похода Россіянъ въ землю Югорскую около 1500 года ясно доказываетъ, что она была за Каменнымъ Поясомъ: см. сей *Исторіи* Т. *VI*. Имя Остяковъ есть новое Татарское: покоривъ часть Сибири въ XIII вѣкѣ, Татары назвали ея жителей *Уштяками*, т. е. *людьми дикими*. Вогуличи именуютъ Березовскихъ Остяковъ *Мансами*: такъ называются и сами Вогуличи.

Теперь нѣтъ особеннаго народа Печорскаго. Думаю, что такъ назывались нынѣшніе Зыряне (см. *ниже*), а

не Самоѣды, которые въ Несторовой лѣтописи именуются особенно Самоядью.

(74) Меря, Мурома, Весь, уже давно обратились въ Россіянъ. Зыряне или Сыряне живутъ на берегахъ Выми, Сычолы, Вычегды и проч. Они принадлежали ко многочисленному народу Пермскому и говорятъ съ нимъ почти однимъ языкомъ, котораго словарь напечатанъ Миллеромъ въ его Sammlung Russ. Gesch. Болтинъ, не знавъ того, пишетъ, что Зыряне утратили языкъ свой и сдѣлались совершенно Русскими: см. *Путешествія Академика Лепехина,* Т. IV, стр. 404, Фишер. *Сибирск. Исторію,* стр. 81, 99, 100, и въ Миллер. Sammlung Russ. Gesch. словари Чудскихъ народовъ. Живъ долго между Татарами, Чуваши заимствовали отъ нихъ множество словъ; но языкъ ихъ въ основаніи есть также Финскій.

(75) См. Тацит. Descript. Germaniae гл. 46. Венеды, по его словамъ, граничили къ Сѣверу съ Финнами. Гаттереръ думаетъ, что Финны жили тогда въ Курляндіи, Самогитіи, сѣверной Литвѣ. Fenni, de quibus Plinius (ибо толкуютъ, что его Eningia есть описка вмѣсто Feningia) Tacitusque loquuntur, mortalium omnium pauperrimi Tacito visi, Curlandiam, Samogitiam et maxime septentrionalia Lituaniae tenuerunt (см. *Commentationes Societ. Gottingensis,* Т. XII, стр. 208, и Шлецер. Nord. Gesch. стр. 438). Можетъ быть, въ глубокой древности Финны пришли изъ сѣверной Азіи въ Европу; по крайней мѣрѣ языкъ ихъ весьма отличенъ отъ коренныхъ языковъ Европейскихъ, а сходенъ съ Венгерскимъ (см. D. Gyarmathi Affinit. ling. Hungaricae cum linguis Fennicae originis). Баеръ (а за нимъ и Гаттереръ) производитъ Финновъ отъ Скиѳовъ; но образъ жизни первыхъ, описанный Тацитомъ, не представляетъ ничего Скиѳскаго. Non arma, non equi; victui herba, vestitui pelle, cubile humus: можно ли отнести такое описаніе къ Геродотовымъ Скиѳамъ, сходнымъ съ нашими Киргизами или Татарами?

(76) Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что Весь, Меря и Мурома были единоплеменники Мордвы и другихъ Финскихъ народовъ.

(77) Такъ означаетъ Торфей границы ея (Historia Norveg. Т. I, стр. 162, и Шлецер. Nord. Gesch. 500). Въ древнихъ Скандинавскихъ извѣстіяхъ Бѣлое море называется Гандвикъ (Hist. Norveg. I, 163). — Квенландія значитъ *женская земля.* Сіе имя заставило Адама Бременскаго баснословить о сѣверныхъ Амазонкахъ (въ Линденброг. изданіи стр. 59). — Финскія чародѣйства подробно описываются въ сѣверныхъ сказкахъ (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 437 и его Nestor, Ч. II, стр. 45; также Торф. Hist. Norveg. Т. II, стр. 165).

(78) Исландія, островъ необитаемый до 874 года, и въ сіе время населенный Норвежцами, не хотѣвшими повиноваться Гаральду, первому Деспоту сѣверному, прославилась своими лѣтописями, которыя служатъ главнымъ источникомъ для Скандинавскихъ Историковъ. Лучшій Исландскій Лѣтописецъ есть Снорро Стурлезонъ или Стурлузонъ, бывшій въ XIII вѣкѣ Лагманомъ острова, то есть, блюстителемъ законовъ. Отъ лѣтописей, достойныхъ уваженія, надобно отличать Исландскія *Саги,* или сказки, весьма недостовѣрныя. Лейбницъ, Ире, Маллетъ, Шлецеръ, признаютъ ихъ болѣе романами, нежели Исторіею, хотя Шперлингъ и самый ученый Брингъ другаго мнѣнія, считая Поэзію Скальдовъ историческою драгоцѣнностію. Въ *Сагахъ,* какъ и во всѣхъ народныхъ сказкахъ, есть конечно истинныя древнія преданія: только онѣ сочинены уже гораздо послѣ десятаго вѣка — и кто отличитъ въ нихъ ложь отъ истины?

(79) См. Отерово путешествіе въ Форстеровой Geschichte der Entdeckungen in Norden.

(80) Нѣтъ нужды спорить съ тѣми, которые производятъ Лапландцевъ отъ Римлянъ, Македонянъ, Евреевъ, Сарациновъ, и проч. Большая половина языка

ихъ есть Славянская (см. Тунмана Über Nordl. Völcker); но упомянемъ о мнѣніи ученаго Гаттерера. Онъ признаетъ сей народъ Сарматами, говоря: „Ежели „Финны Скиѳы, а Славяне Дако-Геты, то не можно ли „Латышей произвести отъ Азіатскихъ Сарматовъ?" (см. его Weltgeschichte, стр. 737 особенно же Commentationes Societ. Gottingensis, T. XI и XII.) Но кто *доказалъ*, что Финны Скиѳы, а Дако-Геты Славяне? см. выше, примѣч. 69, 75. Нравы Латышей, извѣстные намъ съ IX вѣка по описанію Вульфстанова, не имѣли и не имѣютъ никакого сходства со нравами Сарматовъ. Вся Гаттererова *система народовъ* основана на словѣ *если!*

(81) *De reb. Geticis*, стр. 85: Ad littus autem Oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur, Vidioarii resident, ex diversis nationibus aggregati. Сіе мнѣніе ученаго Тунмана кажется мнѣ вѣроятнымъ. Многіе Готѳы и Славяне, бывшіе въ Дакіи, могли возвратиться къ Латышамъ и сообщить имъ нѣкоторыя слова Латинскія, находящіяся въ языкѣ послѣднихъ. Стриковскій и Преторій разсказываютъ, что Видвутъ, оскорбленный междоусобіемъ народнымъ, говорилъ такъ своимъ единоземцамъ: „Если бы вы имѣли хотя разумъ пчелъ, то ссоры „ваши давно бы прекратились. Знаете, что рой повинуется одной маткѣ, и что она для каждой пчелы „опредѣляетъ особенную работу, выгоняя лѣнивыхъ изъ „улья. Воспользуйтесь симъ примѣромъ; изберите Государя, и вручите ему судьбу вашу, да судитъ распри „гражданъ, отвращаетъ убійства, злоупотребленіе силы, „и печется о всеобщей безопасности!—Народъ единодушно избралъ его въ Цари: ибо Видвутъ былъ знаменитъ „какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и въ чужихъ земляхъ, „умомъ и богатствомъ. Болѣе кроткими наставленіями, „нежели строгостію, онъ пріучилъ своихъ подданныхъ „къ трудолюбію, земледѣлію, скотоводству."—Вотъ народная сказка, которая можетъ имѣть нѣкоторое историческое основаніе.

Летландіею называлась южная часть *Ливоніи*, гдѣ жили *Латыши* (а не *Ливь*).

(82) Въ нынѣшнемъ Натангенѣ, гдѣ село Гросвальденъ.

(83) Несторъ говоритъ: *почаша держати родъ ихъ* (Кія и братьевъ его) *Княженіе въ поляхъ, а въ Деревѣхъ свое, а Дреговичи свое, а Словени свое въ Новѣгородѣ*, и проч.—Полянъ обижали (пишетъ Несторъ) Древляне съ иными *окольными*.

(84) Несторъ (стр. 11): „въ сіи же времена" (Иракліевы, или въ началѣ *VII* вѣка) „быша Обри, иже воеваша на Царя Ираклія и мало его не яша." Ханъ Аварскій въ 619 году дѣйствительно едва не схватилъ Ираклія (см. Memor. popul. I, 743). Но Авары (чего не зналъ Русскій Лѣтописецъ) были извѣстны Грекамъ гораздо ранѣе временъ Иракліевыхъ (Memor. popul. I, 642).—Далѣе: „Сіи же Обри воеваша на Словены, и примучиша Дулѣбы, „сущая Словены, и насилье творяху женамъ Дулѣбскимъ: „аще поѣхати бяше Обрину, не дадяше впрячи коня, ни „вола, но веляше впрячи три ли, четыре ли, пять ли „женъ въ телегу и повезти Обрина . . . . И есть притча „въ Руси и до сего дне: *погибоша аки Обри*, ихъ же нѣсть „племене, ни наслѣдка."

(85) См. Memor. popul. III, 549 и слѣд. Нѣкоторые Арабскіе Писатели считаютъ Козаровъ за одинъ народъ съ Грузинами (см. Эрбелотъ, Biblioth. Orient. подъ словомъ Khozar). Тунманъ и Шлецеръ думали, что Несторъ Бѣлыми Уграми называетъ также Козаровъ, говоря: „Си бо „Угры почаша быти при Ираклiи Цари, иже находиша „на Хоздроя, Царя Перскаго." Византійская Исторія въ самомъ дѣлѣ начинаетъ много говорить о Козарахъ съ 626 года, когда Ираклій ввелъ ихъ въ войну съ Персіею; однакожь извѣстіе Несторово (стр. 10), что Бѣлые Угры завладѣли послѣ землею Славянскою (см. выше, примѣч. 65), можетъ относиться только къ дѣйствительнымъ Уграмъ: ибо Лѣтописецъ нашъ, какъ онъ сказалъ выше (стр. 6), означаетъ симъ именемъ Венгрію, ими

завоеванную. Греческіе Историки называютъ и Венгровъ и Козаровъ Турками (Memor. popul. III, 543, 607): не вообразилъ ли Несторъ, что мнимые Турки, помогавшіе Ираклію въ войнѣ Персидской, были Венгры? Впрочемъ Угры могли вмѣстѣ съ ними участвовать въ сей войнѣ. Надобно также знать, что Венгрія въ среднихъ вѣкахъ называлась *Бѣлою:* Alba Ungaria (см. Гебгарди Gesch. des R. Ungarn, I, 362, Пестскаго изданія 1802). — Татищевъ и Болтинъ несправедливо думали, что Козары и Хвалисы одинъ народъ (см. ниже примѣч. 493).— Моисей Хоренскій (Hist. Arm. кн. II, стр. 183) называетъ Козаровъ Хазирами, а нѣкоторые Византійцы Аказирами.

(86) Петръ Великій и храброе войско его, взявшее Дербентъ, съ удивленіемъ видѣли остатки сей стѣны, проведенной чрезъ горы и пустыни отъ Каспійскаго моря къ Черному. Князь Димитрій Кантемиръ, мужъ просвѣщенный и любопытный, описалъ ея развалины. „Въ *долинахъ,* говоритъ онъ, *стоятъ еще многія башни съ воротами,* похожія на башни Московскія. Стѣны въ толщину болѣе сажени; огромные камни, изъ коихъ она сдѣлана, безъ желѣза и безъ извести, сплочены весьма крѣпко (см. Баера de muro Caucaseo въ Комменш. Академіи Наукъ, Т. I, или въ его Opusc. стр. 94; см. также Эрбелот. Bibl. Orient. подъ словомъ Khozar).

(87) Д' Анвиль пишетъ, что въ началѣ V вѣка Татарскій Князь, именемъ Тулунъ или Турунъ, первый назвался Каганомъ или Ханомъ (см. его Mémoire sur les peuples de la Dace, въ Mém. de l' Acad. des Inscript. T. LII).

(88) См. Voyage de Rubruquis, въ Бержерон. изд. стр. 1. Кромѣ принадлежавшаго Греческимъ Императорамъ Херсона и юго-западной приморской области Дори, гдѣ жили 3000 независимыхъ Готѳовъ Христіанской Вѣры, остатокъ тѣхъ, которые въ IV вѣкѣ, при Эрманарихѣ, господствовали надъ всею восточною Европою. Сіи малочисленные Готѳы, вѣрные союзники Константинополя, славились храбростію и гостепріимствомъ, любили зем-

ледѣліе, жизнь сельскую и не терпѣли городовъ въ странѣ своей. Іустиніанъ I, для ихъ защиты, оградилъ Дори, въ нѣкоторыхъ опасныхъ мѣстахъ, каменною стѣною. (см. Прокоп. de Aedif. кн. III, гл. 7). Они уже въ концѣ IX вѣка были покорены Ханомъ Козарскимъ (см. Memor. popul. I, 245 и слѣд.)

Юстиніанъ II, свергнутый съ престола Тиверіемъ, ушелъ къ Хану Козаровъ и женился на его дочери, которую онъ послѣ вѣнчалъ царскимъ вѣнцемъ въ Константинополѣ. Филиппикъ также искалъ ихъ защиты. Императоръ Левъ женилъ сына своего, Константина, на Княжнѣ Козарской: отъ сего брака родился сынъ, который царствовалъ подъ именемъ Льва Козарскаго.

(89) Несторъ, описывая сіе происшествіе, еще не опредѣляетъ лѣтъ.

Въ *Пушкинск.* спискѣ: „И рѣша старци Козарстіи: „*не добра дань, Княже, мы ся доискахомъ оружьемъ* „*одиною стороною, рекоша саблями, а сихъ оружье* „*обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на* „*насъ и на инѣхъ странахъ.* Се же сбыся все; не отъ „своея воля рекша, но отъ Божія повелѣнья, яко при „Фараонѣ: еда приведоша Моисея предъ Фараона и рѣша „старѣйшины: *се хочетъ смирити область Египетскую;* „яко же и бысть . . . яко же бысть володѣютъ Козары „Русскіе до нынѣшняго дне.“ — Послѣ о дани Козарской сказано въ *Кенигсберг.* спискѣ: „имаху Козаре на По„лехъ и на Сѣверѣ и на Вятичехъ по *бѣлой дѣвици,*“ ошибкою вмѣсто *вѣверицы;* въ *Пушкин.* и въ печатномъ *Никонов.*: „по бѣлѣй вѣверицѣ;“ въ *Троицк.*: „по бѣлѣ и „по вѣверицѣ.“ Но то и другое имя значитъ одно. — Шлецеръ (см. его Nestor Ч. III, стр. 64) спрашиваетъ: „для чего Козары брали дань съ Кіевскихъ Славянъ бѣлками, а не медвѣдями? и заключаетъ, что Русскіе Славяне не имѣли оружія, потребнаго для медвѣжьей ловли! Козары брали дань кожами звѣрей самыхъ обыкновен-

ныхъ, и вѣверицы могли имъ быть нужнѣе медвѣдей для одежды.

(90) См. *Абульфеду*, въ Бишин. Historisch. Magaz. T. V. стр. 365, Эрбелот. Bibliothéque Orientale при имени Khosar, Balangiar, и Oriental Geography of Ebn Haukal, an Arabian Traveller of the tenth century, translated by W. Osely. стр. 185 = 190. Переведемъ здѣсь любопытныя извѣстія о Козарахъ изъ послѣдней книги и Chréstomathie Arabe, par Silvestre de Sacy:

„Каганъ (или Хаканъ) долженъ быть всегда Императорскаго поколѣнія. Только въ важнѣйшихъ дѣлахъ „можно имѣть къ нему доступъ; входящіе падаютъ ницъ „и ждутъ, чтобы онъ велѣлъ имъ встать, приблизиться и говорить. Никто не смѣетъ ѣхать верхомъ „мимо Кагановой могилы: надобно сойти съ коня, поклониться гробу, итти пѣшкомъ и сѣсть на лошадь единственно тогда, какъ могила уже сокроется отъ глазъ. „Если Каганъ скажетъ знатному чиновнику: *поди, умри*, то чиновникъ немедленно идетъ домой и убиваетъ „себя. Иногда самые бѣдные люди Каганскаго поколѣнія „восходятъ на тронъ въ свою очередь. Я слышалъ, что „одинъ молодой человѣкъ сидѣлъ въ лавкѣ, торгуя „бездѣлицами, и что народъ говорилъ объ немъ: *по „смерти нынѣшняго Кагана онъ сядетъ на престолъ!* „Но сей человѣкъ былъ Мусульманинъ, а Каганъ долженъ „быть всегда Іудейской Вѣры" (которую, по сказанію Восточнаго Историка, Масуди, жившаго въ X вѣкѣ, принялъ въ 740 году Козарскій Владѣтель Була: см. ниже). „Съ Царемъ судятъ девять чиновниковъ, которые могутъ „быть Мусульмане, Евреи, Христіане, идолопоклонники. „Меньшая часть жителей Іудейскаго закона, а большая „Магометанскаго и Христіанскаго . . . . Городъ Атель „окруженъ верстъ на семдесятъ плодоносными полями . . . „Главная пища жителей есть рыба и пшено; медъ и „воскъ привозятъ къ нимъ изъ Россіи. Знатнѣйшіе граждане Ательскіе суть Мусульмане и купцы; языкъ ихъ

„Турецкій . . . . Въ землѣ Козарской есть городъ „Асмидъ, весьма богатый садами. Дорога отъ Дербента „къ Серіру вся окружена ими; тутъ родится и вино-„градъ“ (Oriental Geography).

Масуди около 947 года пишетъ слѣдующее: „По „рѣкѣ, раздѣляющей столицу Козарскую на двѣ части, „ходятъ вверхъ большія суда, нагруженныя товарами „Ховарезмскими. На другихъ судахъ изъ земли Бертасъ „привозятъ шкуры черныхъ лисицъ, самыя славныя и „дорогія. Есть и красныя, бѣлыя, пестрыя. Такъ назы-„ваемыя Арабскія малоцѣннѣе всѣхъ иныхъ. Черныя „идутъ единственно изъ сей земли или изъ сосѣдствен-„ныхъ съ нею. Цари народовъ варварскихъ покупаютъ „оныя весьма дорогою цѣною для шапокъ и шубъ. Изъ „Козаріи отправляютъ ихъ не только въ Дербентъ, въ „Берду и другія мѣста въ Хорасанѣ, но и въ страны „Франковъ, въ Испанію.“ (Chréstomathie Arabe par S. de Sacy).

Хотя въ Козаріи было много городовъ, изъ коихъ Нубійскій Географъ (Шерифъ аль-Эдризи, писавшій около 1153 года) именуетъ Куранъ, Гадранъ, Сегесанъ, Самандаръ, Альбаиду, Садилъ и Ферузъ-Кападъ: но многіе люди жили тамъ еще въ шатрахъ или въ кибиткахъ. Дворецъ Кагановъ, на западномъ берегу Волги, былъ кирпичный; а другія жилища всѣ мазанки. Обыкновенная воинская дружина сихъ Государей состояла изъ 12,000 человѣкъ (Orient. Geogr.).—По другимъ Восточнымъ извѣстіямъ Каганская столица находилась ближе къ Дербенту.

Константинъ Багрянородный, описывая въ X вѣкѣ только южныя области Козарскія, на берегахъ Азовскаго и Чернаго моря, не упоминаетъ объ ихъ Волжскихъ или Каспійскихъ владѣніяхъ; но въ его время Каганы еще господствовали въ нынѣшней Астраханской Губерніи по Восточнымъ извѣстіямъ (см. нашей *Исторіи* годъ 1021), хотя Узы, народъ Турецкаго племени, уже кочевали тогда между Волгою и Дономъ,

или съ согласія или противъ воли Козаровъ (см. Конст. Багрянород. въ Бандури Т. 1, стр. 105, 106, и Делилеву географич. карту тамъ же, стр. 32, 33). Узы (Οὖζοι, Οὖζ) называются въ Византійскихъ лѣтописяхъ Гуннами и Скиѳами. Одинъ новѣйшій Глика причисляетъ ихъ именно къ Печенѣгамъ (Memor. pop.). Баеръ безъ всякаго основанія считалъ Узовъ и Половцевъ или Комановъ за одинъ народъ: Скилицій и Анна Комнина говорятъ особенно о томъ и другомъ. Ученый Прай (см. его Dissert. *VI*, стр. 111), ссылаясь на Дегина, несправедливо пишетъ: Abulfedha et Benschunach Uzos pro Comanis et vicissim usurpant. Дегинъ говоритъ о Туркоманахъ, а Туркоманы не Половцы, хотя и не сомнѣваюсь въ ихъ сродствѣ; ибо, кромѣ Глики, самъ Несторъ прибавляетъ (*Рос. Библіот.* 145): „Измаиловъ же родъ двѣнадцати сыновъ, отъ нихъ же „суть Торкмени, Печенѣги, Торки и Половци.“ Дегинъ сказываетъ, что Арабскіе Историки называютъ Узовъ Gozz. Если не ошибаюсь, то они въ лѣтописи Несторовой именуются Торками (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 112).

Имя города Саркела, по толкованію Константина Багрянороднаго и Продолжателя его, значило на языкѣ Козаровъ *бѣлую гостинницу* или *бѣлый домъ* (Memor. popul. T. III, стр. 567). На Турецкомъ языкѣ оно значитъ *бѣлый городъ* (Баер. Geographia Russ. ex Const. Porph. въ Комментъ. Академіи, Т. IX, стр. 399). По тому ученый Делиль (см. въ началѣ Бандури Animadvers. in Const. Porph. libros de Themat.) вообразилъ, что Саркелъ есть нынѣшній Бѣлгородъ въ Курской Губерніи, и что Константинъ назвалъ Танаисомъ не Донъ, а Донецъ. Баеръ, д' Анвиль (въ Mémoire sur les peuples qui habitent aujourd' hui la Dace: см. *Mém. de l' Acad.* des Inscr. год. 1758—1760) и другіе повѣрили ему; но сіе мнѣніе кажется несправедливымъ. Бѣлгородъ Курскій извѣстенъ только съ XVI вѣка (см. сей *Исторіи* годъ 1502, въ примѣч.) и названъ *Бѣлымъ* отъ своего положенія на мѣловой горѣ, съ которой перенесли его въ долину (см. *Большой Чертежъ*).

Люди, отправленные Императоромъ Θеофиломъ, приплыли на судахъ къ тому мѣсту, гдѣ надлежало имъ строить Саркелъ (Memor. popul. T. III, стр. 567—568); а Донецъ въ окрестностяхъ Бѣлагорода не удобенъ для судоходства (см. *Записки* В. Зуева, стр. 170). Козары, овладѣвъ Тавридою, желали имѣть Саркелъ для защиты отъ Печенѣговъ (см. Кедрина въ *Memor. popul.* T. III, стр. 568), которые еще жили тогда, по извѣстію Константинову, на берегахъ Яика и Волги: не Донецъ, но Донъ могъ быть границею между ими и Козарами. Делиль и Баеръ напрасно также говорятъ, будто Константинъ полагаетъ Саркелъ въ верховьѣ рѣки Танаиса: онъ, Продолжатель его и Кедринъ пишутъ только, что сей городъ стоялъ на берегу ея (см. Memor. popul. T. III, стр. 567—568). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ Императоръ (Бандури Т. I, стр. 113), что Донъ течетъ отъ Саркела: Tanais qui à Sarcel venit. Въ Астрахани можно сказать, что Волга течетъ отъ Царицына: слѣдуетъ ли, чтобы Царицынъ находился въ верховьѣ Волги? Константинъ не зналъ никакихъ мѣстъ на Дону выше Саркела, и для того употребилъ сіе выраженіе. Въ *Хожденіи Митрополита Пимена къ Царюграду*, писанному въ исходѣ XIV вѣка, сказано, что на Дону, въ двухъ дняхъ плаванія внизъ отъ устья Медвѣдицы, находились развалины древняго города *Серкліи* (см. нашей *Исторіи* T. V, примѣч. 133): вотъ мѣсто *Саркела*, если не ошибаюсь.

О Кагановомъ и другихъ *городищахъ* см. въ *Описаніи Харькова*, стр. 101; также въ *Географ. Словарѣ Рос. Госуд.* подъ именемъ *Воронежъ*. Въ *Большомъ Чертежѣ* упоминается о многихъ городищахъ на берегахъ Донца (стр. 47—50). Имена: *Колодезь Каганской*, *Перевозъ Каганской*, свидѣтельствуютъ, что сіи мѣста принадлежали Козарамъ.

Греческій Царь Михаилъ отправилъ въ Козарію Философа Константина, обратившаго ея жителей въ Христіанство. Они изъ благодарности хотѣли осыпать его да-

рами; но Константинъ требовалъ только освобожденія Греческихъ невольниковъ: что ими съ радостію было исполнено (см. Vitae ambae SS. Cyrill. et Method. in Act. Sanct. 9 Марта, Ассемани Kalend. Eccl. univers. III, 4; см. также нашу Минею, въ житіи Святыхъ Константина и Меѳодія). Между тѣмъ Каганы, не препятствуя народу креститься, сами еще оставались въ Іудейскомъ Законѣ (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 24, въ описаніи 1021 года). Св. Константинъ или Кириллъ чрезъ нѣсколько лѣтъ прославился изобрѣтеніемъ буквъ Славянскихъ и переводомъ церковныхъ книгъ съ Греческаго (см. ниже статью *о языкѣ и грамотѣ Славянъ*).

(91) Несторъ пишетъ: *имяху дань Варязи на Словенѣхъ . . . а Козаре на Полехъ . . . по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма*: не вѣроятно, чтобы два народа брали совершенно одинакую дань. Лѣтописецъ, кажется, не зналъ, чѣмъ Варяги обложили Ильменскихъ Славянъ; а говоритъ только, *что* Поляне давали Козарамъ.

Въ нѣкоторыхъ новыхъ спискахъ Нестора сказано, что Славяне, изгнавъ Варяговъ, начали ставить города: въ древнихъ нѣтъ сего прибавленія.

Сообщаемъ здѣсь конецъ сказки, внесенной нами въ примѣчаніе 70: „Когда Гостомыслъ дожилъ до глубокой „старости и не могъ уже править таками многочисленными, безпокойными народами: тогда сей великій мужъ, „*сѣдый умомъ и власами*, призвавъ начальниковъ Русской „земли, увѣщавалъ ихъ итти, по смерти его, за море „въ Прусскую и Варяжскую землю, къ тамошнимъ *Самодержцамъ*, отъ рода *Августа Кесаря*, и предложить „имъ власть надъ землею Славянскою. Гостомыслъ скоро умеръ, и Новогородцы погребли его съ великою честію на мѣстѣ именуемомъ *Волотово*, но долго не хотѣли Самодержавія и выбирали только *Посадниковъ*; „наконецъ безпорядки и междоусобіе заставили ихъ отправиться въ *Варяжскую землю* и въ *Пруссію* къ тамошнему *Курфирсту* Рюрику, потомку Августову въ

„XIV колѣнѣ, который согласился управлять ими.“ Сіи сказочники обьявляють нам, что Цесарь Августъ имѣлъ братьевъ: *Пруса*, Августула, Киринія, *Иллирика*, Ипіона, сродника Эвельгерда и проч. Такими и подобными историческими баснями отличался у насъ какой-то Діаконъ Холопьяго монастыря (донынѣ существующаго при устьѣ рѣки Мологи), именемъ Тимоѳей Каменевичь Рвовскій. Онъ жилъ и писалъ около 1699 году. Я нашелъ его сочиненія въ Синодальной библіотекѣ, въ рукописной книгѣ, названной *о древностяхъ Россійскаго Государства* No. 529, Т. II: мы упомянемъ объ немъ въ другихъ примѣчаніяхъ.

Выпишемь слова Несторовы о Руси: „Идоша за море къ Варягомъ къ Руси: сице бо ся зваху ти Варязи, „яко сіи друзіи зовуться Урмяне,“ и проч. (см. ниже, примѣч. 103). Далѣе: „и отъ тѣхъ прозвася Руськая „земля, а Новогородци отъ рода Варяжьска, преже бо „бѣша Словени“ (а въ другихъ спискахъ: „и суть Ново„городстіи людіе и до нынѣшняго дни отъ рода Варежь„ска: преже бо бѣша Словени“). То есть, Несторъ говорить, что *древніе* Новогородскіе Славяне отъ временъ Рюрика смѣшались съ племенемъ Варяжскимъ. — Слѣдственно имя нынѣшней Россіи происходитъ отъ Варяговъ-Руси, а не отъ *разсѣянія*, какъ думали нѣкоторые, согласно съ извѣстіемъ Прокопія о Спорахъ, ибо Варяги не были Славянами. Въ древнія времена писали у насъ *Русь*, послѣ *Русіа*, а наконецъ обратили букву У въ О. Татищевъ думалъ, что Митрополитъ Макарій первый ввелъ сію новость; но во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ *Степенной*, такъ называемой *Макаріевой Книги*, во всѣхъ рукописяхъ XVI вѣка, сколько мнѣ случалось ихъ видѣть, употребляется названіе *Русь* и *Русіа*. Болтинъ несправедливо также говоритъ, что *со временъ* Макаріевыхъ *начали* производить имя Россовъ отъ *разсѣянія*: нѣтъ, гораздо прежде: ибо Герберштеинъ пишетъ, что

въ его время сіе мнѣніе было уже общимъ въ Россіи (см. Rerum Moscoviticarum Comment. стр. 1).

Нѣкоторые новѣйшіе *Лѣтописцы*, вопреки Несторову сказанію, производили имя Руси отъ рѣки Порусья, говоря (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 61): „и пришедше Словени „съ Дуная и сѣдше у *езера Ладожьскаго*" (чего нѣтъ въ древней лѣтописи) и оттолѣ пришедше сѣдоша около езера *Ильменя*, и *нарекошася Русь*, рѣки ради Руссы, еже впадаетъ въ езеро *Ильмень*" (въ Полисту).

(92) „Ляхове же и Прусь и Чудь присѣдятъ къ морю Варяжскому"—говоритъ Несторъ. Достойно примѣчанія, что одинъ Арабскій Географъ упоминаетъ о *Варанкскомъ* морѣ, какъ о заливѣ Сѣвернаго, и сказываетъ, что *Варанкъ* есть имя народа, обитающаго на его берегахъ: Mare Warank exit ex ambiente mari Septentrionali versus meridiem, habetque longitudinis et latitudinis, quot satis sit. Warank est nomen gentis, quae litora eius obsidet (см. Абульфеду въ Бишинг. Hist. Magaz. T. IV, стр. 151).

(93) Гельмольдъ пишетъ: Exercitus Northmannorum collectus de fortissimis Danorum, Sveonum, Norveorum.

(94) Въ 516 году, по извѣстію Григорія Турскаго. Долго читали въ церквахъ молитву: à furore Normannorum libera nos, Domine—то есть: *сохрани насъ, Господи, отъ свирѣпства Норманов*ъ.

(95) См. Форстерово сочиненіе Von den Entdeckungen in Norden. Они въ 1001 году были занесены бурею къ Американскимъ берегамъ; послѣ нѣсколько разъ ѣздили туда изъ Гренландіи, и назвали сію новую землю Винландіею. Адамъ Бременскій упоминаетъ объ ней.

(96) Саксонъ, Авторъ XIII вѣка, прозванный Грамматикомъ по его чистому Латинскому слогу, дозволилъ себѣ выдумать всю начальную Исторію Скандинавіи, основываясь будто бы на древнихъ стихотвореніяхъ и надписяхъ, неизвѣстныхъ ни одному человѣку, кромѣ его. Не только благоразумные Критики—Маллетъ, Шлецеръ — но и самъ Шведскій повѣствователь Далинъ, весьма

склонный къ баснословію, отвергаетъ древнюю Исторію Саксонову. Не смотря на то, Миллеръ въ своей Академической рѣчи съ важностію повторилъ сказки сего Датчанина о Россіи, замѣтивъ, что Саксонъ пишетъ о Русской Царевнѣ Риндѣ, съ которою *Одинъ* прижилъ сына *Боуса*, и что у насъ есть также сказка о Бовѣ Королевичѣ, сынѣ *Додона*: „имена Боусъ и Бова, Одинъ и Додонъ, сходны; слѣдственно не должно отвергать сказаній Грамматика!“ (см. Миллерово сочиненіе *о народахъ въ Россіи обитавшихъ*, въ статьѣ *о Готѳахъ*).

Для читателей любопытныхъ предложимъ здѣсь сіи весьма недостовѣрныя извѣстія о древней Россіи.

Фротонъ I, Король Датскій, по мнѣнію Торфееву современникъ Христа, въ морскомъ сраженіи побѣдилъ Россійскаго Царя или Тирана (Сакс. Граммат. Hist. Dan. кн. II, стр. 21), именемъ Траннона; взялъ городъ его Роталу въ Ливоніи (см. Грубер. Liefländ. Chronik) и *Пелтискъ* или Полоцкъ, столицу Веспазія, другаго Царя Россійскаго; завоевалъ еще дальнѣйшую страну какого-то Царя Гандувана и женился на его дочери.—Въ I вѣкѣ Норвежскій Владѣтель Галфданъ воевалъ въ земляхъ Востока, Россіи и Ливоніи, убилъ на поединкѣ славнаго Царя Сигтригга и женился на дочери Россійскаго Государя, Эймунда, именемъ Альмвейгѣ или Альфніи (Торф. Hist. Norveg. I, 173). —Шведскій Король Готбродъ также счастливо воевалъ въ Россіи (Сакс. Грам. стр. 28). Наслѣдникъ его Готеръ погибъ въ сраженіи съ Боемъ, сыномъ Отина (или славнаго Одина) и Россійской Царевны Ринды. Колдунъ Финскій предсказалъ Отину сей случай; но мужественный Бой, самъ раненный въ битвѣ, умеръ на третій день и погребенъ съ великою честію Россійскими воинами, которые насыпали высокій курганъ надъ его могилою, да служитъ долговременнымъ памятникомъ славы Боевой (Сакс. Грам. Hist. Dan. стр. 44, 46).—Сынъ Готеровъ и преемники его имѣли многія войны съ Россіянами въ теченіе II вѣка.

Фротонъ III, Король Датскій, въ III вѣкѣ по исчисленію Торфееву, женился на дочери какого-то Царя Гунновъ, приворотилъ ее къ себѣ волшебнымъ питіемъ, и развелся съ нею: за что тесть его объявилъ ему войну и соединился съ Россіянами, но былъ побѣжденъ (Сакс. Грам. Hist. Dan. 69, 86, 89). Фротонъ отдалъ Гольмгардскую (или Новогородскую) область Царю Олимару, Эстію (Эстонію) другому Царю, а третьему Ковогардію, также Россійскую землю.—Въ Исландскихъ повѣстяхъ упоминается о знаменитомъ Россійскомъ Государѣ Зигурламѣ, который, по мнѣнію Торфея (Hist. Norv. I, 420), жилъ въ III вѣкѣ. Гейррида, дочь Русскаго богатыря и Владѣтеля Гейрравда, вышла за Норвежца Аугмунда, и не малая часть Россіи была ея приданымъ или наслѣдіемъ (Торф. Hist. Norv. I, 273). Оддъ, другой витязь Норвежскій, женатый на Силкизифѣ, Царевнѣ Россійской, также господствовалъ въ отечествѣ ея. Болѣе всѣхъ Россійскихъ Государей славился тогда могуществомъ и богатствомъ Гроллавгъ; а супруга его Герборгъ, сынъ Герлавгъ, дочь Гергерда, не менѣе славились красотою. Норвежецъ Гейдрикъ (Торф. Hist. Norv. I, 452) совокупился бракомъ съ Гергердою, и взялъ за нею въ приданое Виндландію (или Финляндію, какъ толкуютъ).

Одна пристань или городъ въ Россіи назывался Альдейгіабургомъ или Альдейгабургомъ (см. ниже примѣч. 485). Тамошній Владѣтель Ингварь былъ умерщвленъ Стурлавгомъ Трудолюбивымъ, который, на его дочери Ингигердѣ женивъ фрамора, отдалъ ему сію область (Торф. Hist. Norv. I, 204). Трандійскій Король Эистейнъ, осадивъ Альдейгабургъ, убилъ его Владѣтеля, именемъ Гергейра (Торф. Hist. Norv. I, 296). Біартмаръ, Графъ (Comes) Альдейгабургскій, не уступалъ въ силѣ Королямъ (Торф. Hist. Norv. I, 422). Сіи происшествія Торфей относитъ ко II или III вѣку.

Сынъ Фротона III, Фридлевъ, былъ воспитанъ въ Россіи (Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. VI, стр. 96) и съ по-

мощію тамошняго Царя восшелъ на престолъ отеческій. —Старкатеръ, витязь Датскій, обративъ въ бѣгство Россійскаго Князя (Principem) Флокка, овладѣлъ его несмѣтными сокровищами, множествомъ серебра и золота (Сакс. Грам. кн. VI, стр. 104, 105), и на поединкѣ одолѣлъ Визинна, богатыря нашего, въ царствованіе Фротона IV, т. е. въ IV вѣкѣ по хронологіи Торфеевой.—Спустя болѣе ста лѣтъ, Гальданъ, Король Датскій, помогалъ Россіянамъ противъ Шведскаго (Сакс. Грам. кн. VII, стр. 135); и Король Ярмерикъ воевалъ съ ними.

Знаменитый Король Сѣверный, Иваръ Видфадме, покоривъ Швецію, Данію, завоевалъ и часть Государства нашего. Дочь его Авдура Діупаудга (Торф. Hist. Norv. I, 442) или *пребогатая* (praedives), овдовѣвъ, ушла въ Россію съ малолѣтнымъ сыномъ Гаральдомъ и сочеталась бракомъ съ тамошнимъ Владѣтелемъ Радбардомъ. Иваръ, досадуя на зятя, хотѣлъ мстить ему, но утонулъ въ морѣ, и Гаральдъ съ помощію своего вотчима сдѣлался Королемъ Датскимъ, въ началѣ VII вѣка по Торфееву лѣтосчисленію. Сынъ Радбардовъ, мужественный Рандверъ, недовольный своимъ наслѣдственнымъ Россійскимъ Царствомъ, отправился въ Норвегію и Англію, гдѣ погибъ въ сраженіи. Родъ его долго царствовалъ въ Швеціи, Даніи и Норвегіи. Внукъ Радбардовъ, Регнальдъ, господствуя въ нашемъ отечествѣ, ходилъ въ Скандинавію помогать сыну Рандверову, Сигурту, который въ 735 году лишилъ жизни дядю своего, Гаральда.

Во время Карла Великаго жилъ славный Датскій Король, Регнеръ Лотброкъ, и завоевалъ Ливонію. Сыновья убитаго Короля ея, Діана, женатые на Россійскихъ Царевнахъ, съ помощію своего тестя сражались мужественно; но Регнеръ, побѣдивъ ихъ и завладѣвъ Россіею, Финляндіею, Біарміею, отдалъ сіи земли сыну своему, Витсерку. Царствованіе его было не долговременно: сынъ Ливонскаго Короля, именемъ Даксонъ, взялъ Витсерка и сжегъ на кострѣ (Сакс. Грам. Hist. Dan, кн. IX, стр. 174).

Симъ заключаемъ выписку изъ Саксона и повѣстей Исландскихъ о древней Россіи.

(97) *Гардъ* знаменуетъ не только городъ, но и страну. Датчане именовали Россію Острагардомъ, т. е. *восточною страною*: ибо она лежитъ отъ нихъ къ Востоку. Гардарикъ означаетъ или просто *государство* или *землю, въ которой есть города*; Гольмгардъ *землю островов, insularum regio*, или *городъ на островѣ*. Бангеръ думалъ, что Скандинавы назвали Россію Греціею отъ Вѣры, принятой Славянами отъ Грековъ, вмѣстѣ съ ихъ азбукою; но такъ именовалась она въ Скандинавіи еще и во время язычества (см. Баеров. Geograph. Russiae, ex Script. Septentr. Въ Комменm. Академіи, Т. X. стр. 371, и *разсужденіе* Ученаго Ире *о путешествіи Скандинавовъ въ Грецію*, въ Шлец. Nord. Gesch. 549-556) вѣроятно для того, что Норманы ѣздили въ Грецію обыкновенно черезъ Россію, и въ мысляхъ своихъ какъ бы соединяли сіи двѣ страны. Сѣверные Писатели именовали Россію и Хунигардомъ, то есть, по изъясненію Гельмольдову, *страною Гунновъ*. Гунны конечно могли въ IV и V вѣкѣ владѣть частію Россіи; но вѣроятнѣе, что имя Chunigard произошло отъ испорченнаго имени Кіева, называемаго Сѣверными Авторами Chive, Cuieua, Koenugardia.

Рунами именуются старыя письмена Скандинавскія. Ученые долго спорили о ихъ древности. По крайней мѣрѣ извѣстно, что сіи буквы употреблялись въ Скандинавіи уже около VII или VIII вѣка; ихъ находятъ еще на памятникахъ и гробахъ языческихъ, хотя, кромѣ сихъ надписей, не имѣемъ иныхъ *древнихъ* и важныхъ для Исторіи монументовъ Руническихъ (см. въ Шлецер. *Сѣвер. Ист.* Von der Schreibkunst in Norden). Жители Далекарліи донынѣ употребляютъ Руническіе знаки (см. Далинову Gesch. des Schwed. R. T. I, стр. 180).

(98) Дюшен. Historiae Francorum Scriptores T. II, 389, 524, 850: Classis Danorum in regnum Clotharii appulit, Ducibus Rorico et Godefrido (г. 850) . . . Northmannorum Rex Ro-

ricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Ludovicum dirigit (г. 845.) . . . Roruc, natione Nordmannus, qui temporibus Ludovici Imperatoris cum fratre Harioldo vicum Dorestadum jure beneficii tenuit, post obitum Imperatoris, defuncto fratre, apud Lotharium, qui patri successit in regno proditionis crimine falso insimulatus, tentus et in custodiam missus est; unde fuga lapsus, in fidem Ludovici, Regis Orientalium Francorum veniens . . . collecta Danigenarum non modica manu, coepit piraticam exercere . . . venitque (г. 850) per ostia Rheni fluminis Dorestadum, и проч.— Другія имена см. въ Баеровомъ сочиненіи de Varagis въ Коммент. Академіи, Т. IV, или въ его Opusc. стр. 339. Въ договорахъ первыхъ Князей Русскихъ съ Греческою Имперіею называются многіе Бояре ихъ также Скандинавскими именами; на примѣръ: „Мы отъ роду *Русьскаго* „Карлъ Инегельдъ, Веремундъ, Рулавъ, Руальдъ, и *проч.* „посланы отъ Ольга, Великаго Князя Русьскаго," и *проч.* (см. печатн. *Нестора*, стр. 26).

(99) Russios, quos alio nomine Nordmannos vocamus, (стр. 92); и въ другомъ мѣстѣ (стр. 144) онъ тоже повторяетъ.

(100) Анна Комнина пишетъ, что Варяги (или, по Греческому произношенію, *Варанги*) были изъ Туле, т. е. изъ Скандинавіи. Кедринъ также признаетъ ихъ Скандинавами. Когда Эрикъ, *Датскій* Король, пріѣхалъ въ Царьградъ, то Варяги *получили* дозволеніе *итти* къ нему: ибо онъ былъ Государемъ *ихъ* народа. Норвежскаго Принца Гаральда избрали Константинопольскіе Варяги, какъ *своего единоземца*, въ начальники ихъ дружины (см. *Разсужденіе* Баера de Varagis, въ Коммент. Академіи, Т. IV). Впрочемъ между Константинопольскими Варягами были другіе чужеземные воины: Англы, Франки (см. Memor. popul. Т. IV, стр. 431 и слѣд.).

(101) См. ученаго Ире Reise der Normänner im Mittel-Alter, въ Шлецер. Nord. Gesch. стр. 546. Еще отъ временъ Константина Великаго Римляне называли

Готскую дружину Foederati, или *союзники*. Шведы уже въ половинѣ IX вѣка имѣли сообщеніе съ Царемградомъ (см. *ниже* примѣч. 110). Константинъ Багрянородный называетъ Варяговъ Фарганами. (см. Memor. popul. IV, 435). — Упомянемъ еще о трехъ толкованіяхъ Варяжскаго имени. Нѣкоторые хотѣли производить его отъ Финскаго слова *Варасъ*, т. е. *воръ*: ибо не только Скандинавскіе витязи, но и самые Короли ихъ не стыдились быть разбойниками, и часто опустошали Эстонію. На примѣръ: „Король Гейдерихъ съ сильнымъ войскомъ разбой„ничалъ на восточныхъ берегахъ моря Бальтійскаго,“ сказано въ Hervarar Saga, гл. XIII. Финны конечно могли такъ назвать ихъ; но трудно вообразить, чтобы сами Норманы приняли сіе бранное, чужеземное имя и назвались имъ въ Россіи, гдѣ Князья ихъ властвовали, и въ Константинополѣ, гдѣ они хранили дворецъ Императоровъ.—Вотъ другое толкованіе: „Въ Нормандіи до„нынѣ называется Varech то, что выбрасывается мор„скими волнами на берегъ, а *береговое право* жителей „на все, что они спасаютъ отъ кораблекрушенія, droit „de varech. Сіе слово конечно введено тамъ Скандинава„ми, когда они завладѣли Нормандіею, и должно значить „*морское*, maritimus, marinus. Норманы, приставая къ бе„регамъ чужеземнымъ, назывались, можетъ быть, Ва„рягами въ смыслѣ *мореплавателей*; а Финны и Славя„не обратили сіе имя въ собственное.“ Такъ говоритъ Миллеръ въ Sammlung R. S.; но вѣроятно ли, чтобы тѣлохранители Императорскіе въ Константинополѣ, служившіе не на корабляхъ, а стоявшіе на караулѣ въ спальнѣ Царя и провождавшіе его въ церковь, именовались *морскими людьми*? Къ томуже Varech значитъ собственно *кораблекрушеніе*: всякія разбитыя, потонувшія суда называются по-Французски varech. — Третіе изъясненіе гораздо вѣроятнѣе: „*Имя Варягъ* могло произойти отъ древняго Нѣмецкаго War, *война*, и знаменовать *воина*; оно сохранилось въ языкѣ Англійскомъ.“ Замѣтимъ, что

въ Германскихъ законахъ IX вѣка упоминается о *Варгенгахъ*, или нашихъ Варягахъ, какъ надобно думать; на примѣръ: Si quis Wargengum occiderit, solidos sexcentos in dominico componat (см. изданный Петромъ Георгишемъ Corpus iuris Germanici antiqui, стр. 782); то есть: „кто убьетъ *Варгенга*, платитъ въ казну 600 солидовъ." Здѣсь сіе имя употреблено, кажется, въ смыслѣ *военнаго человѣка*, а можетъ быть и *союзника*.

(102) Первый, какъ говоритъ Константинъ въ книгѣ *о правленіи* (Memor. populorum T. II. стр. 982), назывался по-Славянски *Нессупи* (такъ надобно читать вмѣсто *Эссупи*), то есть, *не спи*; вторый *Островуни прагъ* (островный прагъ); третіи *Геландри*; четвертый *Неаситъ* (птица неясыть, или пеликанъ); пятый *Вульнипрагъ* (вольный прагъ); шестый *Веруци* (βερυτζή, quasi dicas aquae scaturigo: *ручей или вертящій?*); седьмый *Напрези*; а по-Русски: первый также *Нессупи*, вторый *Ульворси*, четвертый *Аифаръ*, пятый *Баруфоросъ*, шестый *Леанти*, седьмый *Струвунъ*. Константинъ толкуетъ Славянскія имена справедливо, кромѣ третьяго и седьмаго: *Геландри* не есть *шумный*, а *Напрези* не *малый прагъ*, какъ онъ говоритъ; первое слово не имѣетъ никакого значенія въ языкѣ Славянскомъ, а второе можетъ происходить отъ стариннаго глагола *прягу* или *связываю*. Вѣроятно, что сей *малый* водопадъ не мѣшалъ дѣйствію парусовъ, и что его назвали такъ отъ крика лодошниковъ: „Напрягай или „навязывай парусы!"—Баеру казались Русскія имена совсѣмъ непонятными; но Струбе и Тунманъ признаютъ ихъ Скандинавскими. 1. *Нессупи* и на семъ языкѣ можетъ значить *не спи*: *не* есть отрицаніе; sof *или* suef *спи*; розница между Славянскимъ и Норманскимъ именемъ такъ *мала*, что Константинъ не хотѣлъ и замѣтить ее. — 2. *Ульворси* или *Гульворси* составлено изъ *гольмъ*, т. е. островъ, и *форсъ*, т. е. порогъ: смыслъ выходитъ тотъ же, что и на Славянскомъ. —3. *Гелан-*

дри по-Исландски *шумящій:* вѣроятно, что переписчики Константиновой книги выпустили Славянское имя сего порога и назвали Норманское Славянскимъ.—4. *Аифаръ* или *Аіеваръ* на древнемъ Нѣмецкомъ языкѣ означаетъ аиста: сіе имя (говоритъ *Струбе*) находится во всѣхъ Голландскихъ лексиконахъ. Скандинавы, не зная пеликановъ въ сѣверныхъ странахъ своихъ, назвали ихъ аистами. — 5. *Баруфоросъ* на *Скандинавскомъ* языкѣ почти тоже, что *вольный прагъ:* var *тихій, смирный*, а fors *порогъ*.—6. *Леанти* происходитъ отъ глагола lain, lein, *течь сильно* или *кипѣть:* что отвѣтствуетъ смыслу имени Славянскаго *вертящій*.— 7. *Струбунъ* значитъ по-Готески *навязывай*, Stroup-on (см. Тунмана über einige Gegenstände der Russ. Geschichte, и Струбе Dissertation sur les anciens Russes, также Лерберг. Untersuchungen, стр. 350 и слѣд. Послѣдній не соглашается съ двумя первыми въ нѣкоторыхъ изъясненіяхъ, но согласенъ въ главномъ.— И такъ сіе важное мѣсто въ Константиновомъ сочиненіи доказываетъ: 1) что около половины X вѣка говорили въ Россіи двумя языками, и что 2) Русскимъ назывался Скандинавскій, бывшій конечно нѣсколько времени въ употребленіи между нашими Князьями и Вельможами Норманскаго происхожденія, но мало по малу оставленный ими, подобно какъ Болгары забыли свой языкъ между Славянами, а Франки между Галлами. Сіе ни мало не удивительно: Скандинавы приходили въ Россію большею частію безъ семействъ, и женились на Славянкахъ; дѣти, воспитываемыя матерями, должны были знать лучше языкъ ихъ, нежели отцевскій, которому надлежало совсѣмъ исчезнуть въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ. Однакожъ нѣкоторыя Скандинавскія и Шведскія слова донынѣ остались въ языкѣ Русскомъ; на примѣръ: Besman *безменъ*, Grus *грузъ*, и проч.

(103) Въ печатн. стр. 5: „Ляхове же и Пруси и Чудь „присѣдятъ къ морю Варяжскому. Посему же сѣдятъ

„Варяги сѣмо къ Въстоку предѣла Симова; *по томужe* „*морю сѣдять* (Варяги) *къ Западу до земли Англянскія* „и до Воложскія“ (*Италіи*): то есть, Шведы къ Востоку или предѣлу Симову, Норвежцы и Датчане къ Западу. Далѣе: „Идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сице бо „ся зваху ти Варязи, яко се друзіи зовуться Свіе, друзіи „же Урмяне, Англяне, друзіиГоте.“ Часть Лапландіи, которою владѣли Норвежцы, называлась по-Русски Мурманскимъ Лопорьемъ. Струбе, въ Dissertation sur les anciens Russes, пишетъ, что Финны называютъ Датчанъ Йотами.

(104) См. Штриттеровы Memor. popul. T. IV, стр. 431, *объ имени, отечествѣ и родѣ Варяговъ.*— Англяне, Angli, уже извѣстные Тациту въ числѣ Свевскихъ народовъ, обитали прежде на Сѣверныхъ берегахъ Эльбы, и вмѣстѣ съ Саксонами въ *V* вѣкѣ овладѣли Англіею; они, подобно Скандинавамъ, издревле славились морскими разбоями.

(105) Въ чемъ согласны всѣ ученые Историки, кромѣ Татищева и Ломоносова. Первый хотѣлъ непремѣнно сдѣлать Русскихъ Варяговъ Финляндцами, не думая о томъ, что сіи послѣдніе называются въ нашихъ лѣтописяхъ Емью (см. выше, примѣч. 73); что имена Варяжскія, сохраненныя Несторомъ, не Финскія, а Скандинавскія; что изъ Россіи, какъ говоритъ Несторъ, ходили къ Варягамъ по Западной Двинѣ (см. печатн. *Нест.* стр. 7); что они жили на морѣ къ *Англіи* (*Нест.* стр. 5). Онъ долженъ былъ опровергнуть еще другое возраженіе: Лѣтописецъ говоритъ, что Варяги пришли *изъ заморя*; а Финны и Славяне обитали на одной сторонѣ Балтійскаго. Татищевъ отвѣтствуетъ: „Финны жили за Ладожскимъ озеромъ, которое на ихъ языкѣ называется (*будто бы*) Русскимъ моремъ: слѣдственно Несторъ могъ привести Варяговъ Русь или Финновъ *изъ заморя*!“ Такъ не заключаютъ Историки: ему надлежало бы доказать, что и Славяне именовали Ладожское

озеро моремъ; но древняя лѣтопись наша говоритъ, что сіе озеро всегда называлось (*Нест.* стр. 7) *озеромъ* Невомъ. Для чего онъ не подумалъ лучше о Финскомъ заливѣ? Любопытно знать главную причину, которая заставила Татищева признать Финновъ Варягами-Русью: „Въ Финляндіи есть гора, называемая *Русскою*, и „жители имѣютъ по большой части *русые* волосы: „слѣдственно Финны суть Руссы" (Исторія Татищ. Т. I, стр. 390). Можно ли вообразить, чтобы въ землѣ *Русской* одну гору преимущественно назвали *Русскою*? Что же принадлежитъ до цвѣта волосовъ, то и Славяне казались Грекамъ по большей части русыми (см. Memor. po, ul. II, 29), вопреки Болтину, который, не справясь съ извѣстіями современныхъ Византійскихъ Историковъ, называетъ древнихъ Славянъ *черноволосыми*, утверждая тѣмъ ихъ мнимое Азіатское происхожденіе.—Въ *Степенной Книгѣ* сказано, что Рюрикъ вышелъ изъ Пруссіи (см. ниже, примѣч. 111). по сему Ломоносовъ утверждалъ, что Варяги-Русь были Пруссы, то есть, Латыши, единоплеменники Славянъ: Новгородъ безъ великаго стыда могъ требовать отъ нихъ Владѣтелей; гораздо оскорбительнѣе повиноваться Князьямъ иноплеменнымъ. Къ тому же Польскіе Историки—Длугошъ, Кромеръ, Стриковскій — нашли знаменитыхъ Римлянъ между Латышами; слѣдственно Варяги наши могли быть родственниками Цесарей: чѣмъ въ Герберштейново время уже хвалились Руские: hosce fratres originem à Romanis traxisse gloriantur Rutheni (Rerum Mosc. Com. стр. 3), и сочинитель *Книги Степенной* доказываетъ, что Рюрикъ именно происходитъ отъ Августа! Но если мы захотимъ соображать Исторію съ пользою народнаго тщеславія, то она утратитъ главное свое достоинство, истину, и будетъ скучнымъ романомъ. Собственныя имена Варяговъ не Латышскія, не Славянскія: слѣдственно они не древніе Пруссы, не Славяне. Несторъ же весьма ясно отличаетъ ихъ отъ Прус-

совъ, говоря (стр. 5): „*Прусь* и *Чудь* присѣдять къ мо-„рю *Варяжскому*; по сему же морю сѣдять *Варязи*.“

(106) Симь молчаніемъ Ломоносовъ хотѣлъ опровергнуть ясную, неоспоримую истину, что Рюрикъ и братья его были Скандинавы; но Шведы и Датчане имѣютъ ли собственную подробную, вѣрную Исторію сего времени? Нѣтъ: Саксонъ Грамматикъ выдумывалъ, Торфей угадывалъ, Далинъ обратилъ сказки древнихъ о Гетахъ и Скиѳахъ въ Шведскія лѣтописи! Ссылаемся на благоразумнаго Маллета, который весьма основательно доказываетъ ненадежность всѣхъ источниковъ древней Скандинавской Исторіи. Многія смѣлыя предпріятія Нормановъ въ VIII и въ IX вѣкѣ извѣстны намъ единственно по тому, что память ихъ сохранилась въ иностранныхъ лѣтописяхъ, которыя служили источникомъ для новѣйшихъ Историковъ Скандинавіи. Такимъ образомъ и Далинъ, узнавъ изъ Нестора о Рюрикѣ, пишетъ, что сей Князь былъ Шведскій Принцъ Эрикъ Біэрнсонъ (Т. I, стр. 410 въ Нѣм. переводѣ его Исторіи)! Не считаю за нужное говорить здѣсь о всѣхъ нелѣпостяхъ ученаго Далина, который обьявляетъ намъ, что около Рождества Христова большая часть Швеціи скрывалась еще подъ водою; что сѣверная Россія въ глубокой древности состояла изъ однихъ острововъ и была Шведскою провинціею отъ Новагорода до Кіева! — Шлецеръ замѣчаетъ въ своемъ *Несторѣ*, что въ *Исландскихъ повѣстяхъ*, Herrauds и Bose Sage, упоминается о трехъ славныхъ Упландскихъ морскихъ разбойникахъ, которыхъ имена похожи на имя Рюрика, Синеуса и Трувора (Rörerkr, Siggeir, Tuares), но которые, по симъ сказкамъ, жили не въ то время.

(107) Далинъ замѣчаетъ, что Стурлезонъ именуетъ сію область Sialand; но сіе не доказываетъ, чтобы она въ то же время не называлась и Рос-лагеномъ. Sialand означаетъ вообще приморскую землю. — Далинъ про-

изводитъ имя Рос-лагена отъ Шведскаго глагола ro, т. е. *грести весломъ* (Schw. Gesch. I, 306).

(108) *Даже и въ лѣтописяхъ* XIII вѣка Готландцы не именуются у насъ Шведами. Въ Швеціи, въ Норвегіи каждый уголокъ земли составлялъ нѣкогда особливое Королевство или Графство (см. Далина I, 306). Потому Несторъ могъ говорить въ особенности о Варягахъ-Свіяхъ или Шведахъ, и Варягахъ-Руси, едва ли знавъ, что послѣдніе вышли изъ той страны, которая въ его время составляла часть общей Державы Шведской.—Тунманъ, Гаттерeръ (Comment. Societ. Gotting. XIII, 126), Шлецеръ, признаютъ Рюрика и братьевъ его Шведами. — По извѣстію Видекинда, описавшаго войну Шведскую съ Русскими въ бѣдственныя времена Лжедимитріевъ, Архимандритъ Кипріанъ, Депутатъ Новагорода, убѣждая Бояръ Московскихъ избрать въ Цари Шведскаго Принца Карла, сказалъ, что и первый Князь нашъ былъ изъ Швеціи (см. Шлецер. *Нестора* I, 184): „слѣдственно" (заключаетъ Шлецеръ) „въ началѣ XVII вѣка сами Рус„скіе были увѣрены, что Несторъ именовалъ Варягами „Русью Шведовъ." Но справедливо ли сіе обстоятельство? Видекиндъ могъ выдумать его.

(109) См. Finnisches Lexicon, и Гупелеву Estische Grammatik; также Далин. Gesch. des Reichs Schw. I, 306.

(110) Т. III, стр. 195: Misit Theophilus Imp. cum eis (съ послами къ Людовику Благочестивому или Добродушному) quosdam, qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant: quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad se amicitiae, sicut asserebant, caussa direxerat: petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate Imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per Imperium suum tutum habere possent: quoniam itinera, per quae ad eum Constantinopolin venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent, redire noluit: quorum adventus caussam Imperator diligentius investigans, comperit, eos gentis esse Sueonum, exploratores potius regni illius nostrique

quam amicitiae petitores ratus, penes se eo usque retinendos iudicavit, quoad veraciter inveniri posset, utrum fideliter eo nec ne pervenerint: idque Theophilo per memoratos legatos suos atque epistolam intimare non distulit, et quod illius amore libenter susceperit, ac, si fideles inuenirentur, et facultas absque illorum periculo in patriam remeandi daretur, cum auxilio remittendos: sin alias, una cum missis nostris ad eius praesentiam dirigendos, ut, quid de talibus fieri deberet, ipse decernendo efficeret.

Гаканъ (Hakan) есть собственное, весьма обыкновенное имя Скандинавское (см. Исторію Далинову). Сходство его съ именемъ Хакана, которымъ назывались Цари Козарскіе, заставило нѣкоторыхъ думать, что мнимые Послы Русскіе были Козары: такъ мыслилъ не только Болтинъ, но и Шлецеръ въ своихъ Proben Russ. Annal. Но Козары въ концѣ седьмаго вѣка, въ осьмомъ и девятомъ имѣли безпрестанное сношеніе съ Константинополемъ: могъ ли Императоръ Ѳеофилъ говорить о друзьяхъ и союзникахъ какъ о народѣ ему неизвѣстномъ? Могъ ли назвать ихъ чуждымъ именемъ и отправить въ Германію, чтобы они удобнѣе возвратились оттуда въ землю свою, *сопредѣльную* съ его Таврическими владѣніями? — Миллеръ воображалъ сихъ Пословъ Варягами-Русью, которые будтобы еще прежде Рюрика утвердились въ Кіевѣ, пріѣзжали оттуда въ Константиноподь, и назвали своего Князя Каганомъ для того, что сіе имя было въ великомъ почтеніи у Грековъ. Если бы Миллеръ видѣлъ *Житіе Владиміра,* харатейную рукопись XIII или XV вѣка, хранимую въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, то могъ бы доказать, что самые Русскіе или Кіевскіе Государи именовались Каганами: ибо такъ называется Владиміръ въ *Житіи* его: Однакожь сіи Послы народа Россовъ были конечно не изъ Кіева, куда Греческій Императоръ не могъ отправить ихъ чрезъ Нѣмецкую землю. Кіевъ принадлежалъ тогда Козарамъ: сообщеніе между ими и Греціею было свободно мо-

ремъ или сухимъ путемъ, чрезъ Болгарію: гдѣ путь *многія варварскія* земли, о которыхъ Ѳеофилъ говоритъ въ письмѣ своемъ къ Людовику? Но если Послы (что всего вѣроятнѣе) пріѣзжали изъ Швеціи, то они въ самомъ дѣлѣ могли возвратиться въ свое отечество чрезъ Германію удобнѣе, нежели чрезъ владѣнія многочисленныхъ Славянскихъ и Финскихъ народовъ, еще полудикихъ въ IX вѣкѣ.—Шведы были уже извѣстны при дворѣ Людовика, который въ 82 году самъ отправлялъ къ нимъ посольство (см. *Далина*).

(111) Въ *Степен. Книгѣ*, I, 7 и 79: „Рюрикъ, иже пріиде изъ Варягъ . . . Бѣ отъ племени Прусова, по его „же имени Прусская земля именуется, и егда живяху „за моремъ, Варяги именовахуся." Въ нѣкоторыхъ спискахъ сокращеннаго Нестора сказано также: „пріиде „Рюрикъ *изъ Пруссъ*."

О *Руссѣ* и *Руснѣ* см. Гарткноха Alt und Neu-Preuss. стр. 9. Имя Pruzzi сдѣлалось извѣстно въ 997 году: въ первый разъ употребилъ его безъименный сочинитель жизни Св. Адальберта (Acta Borussica T. II. стр. 1). Всего вѣроятнѣе, что оно произошло отъ рѣки Русы или Русны, а не отъ сосѣдства съ Россіею, какъ многіе толковали. Такъ *Поволожьемъ* назывались окрестности Волги, *Поморьемъ* окрестности моря, и проч.; никогда же не бывало *Погреціи* или *Почудья* или *Понѣмечья*.

О переселеніи Скандинавовъ въ Пруссію см. Lucas David's Preussische Chronik, I, стр. 14, 15, 18. Славный Видвутъ былъ изъ числа ихъ, также и Первосвященникъ Криве или Криво.—Лѣтописцы Прусскіе говорятъ о частыхъ войнахъ *Россіянъ* съ Пруссами въ VI вѣкѣ (Lucas Dav. Chr. 41, 45, 53, 55). Князь первыхъ, союзникъ Мазовскаго, именовался Чимбахъ или Чинбегъ. Или сіи Лѣтописцы смѣшиваютъ новѣйшія дѣянія съ древними, или повѣствованіе ихъ доказываетъ, что Россіяне прежде Рюриковыхъ временъ жили гдѣ нибудь въ ближнемъ сосѣдствѣ съ нынѣшними Пруссами.

О *Прусской* улицѣ въ Новѣгородѣ см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 108; и въ многихъ мѣстахъ *Новогород. Лѣт.* объ ней упоминается.

Географъ Равенскій, изданный въ 1688 году Монахомъ Першерономъ, говоритъ (стр. 140): Item juxta Oceanum est patria, quae dicitur Roxolanorum, Suaricum, Sauromatum, per quam patriam inter cetera transeunt flumina, quae dicuntur, fluvius maximus, qui dicitur Vistula, quia nimis undosus in Oceano mergitur, et fluvius, qui nominatur Lutta (по мнѣнію Гаттерера *Рутта* или Руса). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 293) онъ пишетъ, что Сѣверный Океанъ есть полунощная граница міра, обтекая землю Роксоланъ, Сарматовъ, Скиѳовъ, Ререфенновъ, Скридефенновъ и Германію, гдѣ обитаютъ Датчане, Саксоны, Фризы. Сей Географъ обезображенъ переписчиками; однакожъ достоинъ вниманія, и Лейбницъ, изъясняя происхожденіе Франковъ, ссылается на его свидѣтельство.

Лѣтописцы среднихъ вѣковъ любили давать народамъ имена древнія, сходныя: такъ и Лука Давидъ въ своей Хроникѣ называетъ Россіянъ Роксоланами. Миллеръ въ рѣчи своей о древностяхъ нашего отечества, вмѣстѣ съ Баеромъ признавъ Варяговъ Скандинавами, справедливо доказалъ ошибку тѣхъ, которые единственно по сходству имени считаютъ Варяговъ-Русь *древними* Роксоланами: ибо первые жили на Сѣверѣ, а другіе въ окрестностяхъ Азовскаго моря. Нынѣ трудно повѣрить гоненію, претерпѣнному Авторомъ за сію Диссертацію въ 1749 году. Академики по Указу судили ее: Ломоносовъ, Поповъ, Крашенинниковъ, Струбе, Фишеръ на всякую страницу дѣлали возраженія. Исторія кончилась тѣмъ, что Миллеръ занемогъ отъ безпокойства, и Диссертацію, уже напечатанную, запретили. Наконецъ Миллеръ согласился, что Варяги-Русь могли быть Роксолане въ смыслѣ Географа Равенскаго, а *не древніе*.

Варяги-Русь, по словамъ Нестора, были *изъ-за моря*, а Пруссія съ Новогородскою и Чудскою землею на одной

сторонѣ Бальтійскаго: сіе возраженіе не имѣетъ никакой силы: что приходило моремъ, называлось всегда заморскимъ; такъ о Любекскихъ и другихъ Нѣмецкихъ корабляхъ говорится въ *Новогород. Лѣт.*, что они приходили къ намъ *изъ-за моря.*

(112) И такъ Бертинскія лѣтописи первыя упоминаютъ о Россахъ: по Византійскимъ сдѣлались они извѣстны уже за половину IX вѣка. Хотя Никифоръ Григора, Писатель XIV вѣка, увѣряетъ, что еще при Дворѣ Константина Великаго одинъ *Россіи* Князь былъ Стольникомъ; однакожь всѣ благоразумные Историки считаютъ сіе извѣстіе ложнымъ: ибо никто изъ *древнѣйшихъ* Византійскихъ Лѣтописцевъ не говоритъ до IX вѣка о Россахъ (см. Штриттеровы Memoriae populorum, T. II, стр. 956). Въ описаніи Антіохійскаго Собора 363 году упоминается о *Россkомъ* Епископѣ; но сей Епископъ именовался такъ отъ города Росса (Ρωσσος) въ Киликіи: не оттуда ли былъ и Стольникъ Константиновъ, о которомъ пишетъ Никифоръ? (см. Баер. Origines Russiae въ Комментъ. Академіи, T. VIII, стр. 392). Другой городъ во Ѳракіи назывался Русіонъ.—Многихъ также ввелъ въ заблужденіе Латинскій Ѳеофановъ переводчикъ, который изъ словъ ϱὡσια, Χελάνδια т. е. *красныя ладіи*, сдѣлалъ Russorum Chelandia, то есть, *Русскія ладіи*: чѣмъ хотѣли доказать мнимую извѣстность народа Русскаго въ Греціи около 774 году (см. Штр. Memoriae T. II, стр. 957).

(113) Говорить ли о мнимомъ происхожденіи Русскихъ отъ Роса, о которомъ будто бы упоминается въ главѣ 38 и 39 Пророка Іезекіиля? Татищевъ уже доказалъ сію ошибку: Еврейское слово *Росъ* означаетъ *главу* или *начальника*; оно не есть собственное имя: что утверждается всѣми переводами Библіи, кромѣ одного Греческаго и Славянскаго. Нѣкоторые Византійскіе Писатели также производили Россовъ отъ Росса, какого-то знаменитаго мужа, будто бы избавившаго согра-

жданъ отъ ига тирановъ (см. Штриттъ Memoriae popul. T. II, стр. 939).

Мы должны упомянуть здѣсь о Dissertation sur les anciens Russes, сочиненіи Г. Струбе, въ коемъ онъ силится доказывать, что Несторовы Варяги-Русь были Готѳы Роксолане, будто бы жившіе между Балтійскимъ и Ледовитымъ моремъ, въ землѣ, которая въ Исландскихъ сказкахъ именуется Ризаландіею, Risaland, или *страною Великановъ*. Струбе говоритъ, что Роксолане, по Географіи Страбоновой, обитали въ самой глубинѣ Сѣвера! Можно ли Академику такимъ образомъ изъяснять Страбона, не имѣвшаго идеи о Сѣверной Европѣ? Сей Географъ самъ признается, что ему извѣстны только земли Черноморскія, а Германія до рѣки Эльбы; что описанія Сѣвера основаны единственно на догадкахъ, и никто не знаетъ, есть ли народы между Восточными Германцами и Океаномъ (an aliud genus hominum orientalibus Germanis et Oceano sit interjectum: см. Страбон. Geograph. стр. 452). Роксолане, по его словамъ, жили *сѣвернѣе Атмоновъ, Сидонянъ, Певковъ*, и кочевали лѣтомъ между рѣками Дономъ и Днѣпромъ, а зимою въ окрестныхъ болотахъ Азовскаго моря (кн. VII, стр. 471, 472): Peucini, qui insulum Istri Peucen occuparunt, et Roxolani maxime septentrionales, qui campos inter Tanain et Borysthenem incolunt . . . . Hyeme in paludibus Moeotidi propinquis, aestate etiam in campis. Какъ еще далеко оттуда Ледовитое море! Ризаландія, земля Великановъ, или Йотунгеймъ, принадлежитъ къ баснословію Исландскому: тамъ обитали не Варяги-Русь, а злые духи, оборотни, чудовища (см. Samsonfagre Saga) или, какъ воображаетъ Далинъ, древніе Готѳы, которые, будучи велики ростомъ, прозвались Великанами (см. его Gesch. des R. Schw. I, 61).

(114) Штриттеръ въ своей Россійской Исторіи пишетъ, что Славяне въ 859 году изгнали Варяговъ: такъ

сказано единственно въ *Никонов. Лѣт.*; но во всѣхъ древнихъ спискахъ Нестора: „*въ лѣто* 6367 (то есть, въ 859 году) *имаху дань Варяги изъ заморья.*“ Славяне отказались платить сію дань уже въ слѣдующіе годы. Слова Несторовы: „въ лѣто 6368, 6369, 6370, *быша Варязи изъ заморья, и не даша имъ дани, и почаша сами собѣ володѣти.* Откуда взялъ Штриттеръ, что Варяги, обложивъ данію Славянъ, „частію возвратились домой, ча„стію остались въ землѣ побѣжденныхъ, чтобы вла„ствовать надъ ними?“

(115) „Имаху бо обычаи свои и законъ отцевъ своихъ,“ говоритъ Лѣтописецъ.

(116) Гаттереръ думаетъ, что Норманы овладѣли Россіею при Королѣ Иварѣ Видфадмѣ, который въ концѣ *VI* вѣка (по лѣтосчисленію Торфееву, а по Далинову уже въ *VIII*) соединилъ Данію со Швеціею; завоевалъ часть Саксоніи, Нортумберландъ въ южной Британніи и *многія земли* на восточныхъ берегахъ Бальтійскихъ (см. Гаттер. Allgemeine Weltgeschichte). Миллеръ приписываетъ сіе завоеваніе потомку его, славному Рангару Лодброку, современнику Карла Великаго (см. Мил. Origines gentis et nominis Russorum); а Тунманъ Эрику Рефильсону, умершему въ 852 году (см. Тун. сочиненіе Über einige Gegenstände der Rus. Gesch.)

(117) См. въ печатномъ *Несторѣ* о изобрѣтеніи Славянскихъ писменъ, стр. 21.

(118) Въ древнемъ *Пушкин.* и во многихъ другихъ полныхъ спискахъ Нестора сказано: „Наченшу Михаилу „царствовати, начаша прозыватися Руськая земля. О „семъ бо увѣдѣхомъ, яко при семъ Царѣ приходиша Русь „на Царьгородъ, яко пишется въ лѣтописаньи Гречe„стѣмъ. Тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ.“

(119) См. ниже, примѣч. 260.

(120) Того, разумѣю, которое относится собственно къ нашимъ внутреннимъ происшествіямъ: не говорю о Византійскомъ, иногда явно несправедливомъ въ по-

казаніяхъ Нестора; не говорю также о противорѣчіи въ годахъ, о ложныхъ соображеніяхъ *Никонов. Лѣтописца, Архангельскаго и другихъ новыхъ. Шлецеръ думаетъ,* что Государство Россійское основалось *въ срединѣ* IX вѣка (см. его Nestor, Ч. III, стр. 12): можетъ быть; но какъ *доказать*, что древній Лѣтописецъ ошибся, и что Рюрикъ пришелъ ранѣе 862 года?

(121) Memor. popul. II, 29. Нѣкоторые пишутъ, что Славяне омывались три раза во всю жизнь свою: въ день рожденія, женидьбы и смерти (см. въ Раичевой *Исторіи Славян. народовъ* кн. I, гл. V).

(122) Memoriae populorum T. II, стр. 28—29, и Маврик. Strategicum Упсальскаго изданія, кн. II, гл. 5. Императоръ Маврикій сочинилъ XII книгъ о военномъ искусствѣ, изданныхъ Шефферомъ въ 1664 году: для насъ всего любопытнѣе въ нихъ описаніе Славянскихъ нравовъ, которое читатель найдетъ въ Масков. Gesch. der Deutschen, T. II, въ примѣч. стр. 211, 212.

(123) Выше, стр. 27.

(124) Memor. popul. II, 36.

(125) См. Маврик. Strateg. кн. II, гл. 5, — Тацита о Венедахъ, Прокопія въ Mem. popul. II, 29, 33, и Фредегарія Chron. гл. 48. Маврикій пишетъ, что ядъ, коимъ Славяне намазывали стрѣлы, былъ весьма дѣйствителенъ и могъ заразить все тѣло уязвленнаго, ежели не давали ему принять Ѳеріака, либо другихъ лекарствъ, или не вырѣзывали мяса вокругъ раны. — Луки у Славянъ *были* деревянные. Ни Прокопій, ни Маврикій не говорятъ о мечахъ; но предки наши безъ сомнѣнія употребляли ихъ, ибо Лавритасъ, вождь Славянскій, въ отвѣтъ Аварскому послу сказалъ. „никто не покоритъ насъ, доколѣ будутъ война и *мечи* въ свѣтѣ" (см. выше, стр. 25).

(126) См. выше, стр. 25.

(127) См. въ Memor. popul. II, 34, 43.

(128) Vita S. Severini, гл. II — въ Гебгарди Gesch. der Wenden, T. I, стр. 12. Греческіе поселяне называли ихъ *Скамарами*. Добнеръ думаетъ, что сіе имя есть Славянское и происходитъ отъ слова *кама*, означающаго *яму* или *пещеру*.

(129) Memor. populor. II, 37. Славяне сажали плѣнниковъ на колъ, запирали въ хлѣвы и сожигали вмѣстѣ съ скотомъ, котораго не могли увести съ собою.

(130) Memor. popul. T. II, стр. 59.

(131) Маврикій говоритъ, что они скрываютъ свое имѣніе какъ воры. — Поморяне (пишетъ Гельмольдъ) отправляясь на войну, также зарывали все драгоцѣнное въ землю. И въ наши времена нигдѣ простые люди не говорятъ столько о *кладахъ* и тайныхъ сокровищахъ, какъ въ земляхъ Славянскихъ.

(132) Слова Прокопіевы: ingenium ipsis nec malignum, nec fraudulentum, et cum simplicitate mores Hunnicos in multis retinent. Маврикіевы: Qui sunt in captivitate apud eos, non omni tempore, ut apud gentes alias, in servitute tenentur, sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum relinquendo, si oblata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici.

(133) Адамъ Бременскій: Moribus et hospilitate—ut nulla gens honestior aut benignior potuit inveniri (кн. II, гл. 12). Маврикій: Sunt quoque aduersus peregrinos benigni magnoque studio servant incolumes salvosque de uno loco in alium deducunt, quo necesse habent, ut et, si per incuriam eius, qui servare talem debet, accidat, ut damno peregrinus afficiatur, bellum ipsi inferat vicinus ejus, pietatem arbitratus, sic ulcisci peregrinum.

(134) Козма Пражскій въ Менкен. Script. rer. Germ. I, 1970, и Vita Ottonis, стр. 690. Далѣе см. Гельмольда Chron. Slavorum, кн. I, гл. 83.

(135) См. выше стр. 15.

(136) См. Маврик. Strateg. Св. Вонифатій, жившій въ половинѣ VIII вѣка, въ письмѣ своемъ къ Королю

Англійскому такъ говоритъ о Нѣмецкихъ Славянахъ или Вендахъ: Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset, et laudabilis mulier inter illas esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pariter ardeat cum viro suo. См. Abhandl. Böhmischer Gesellsch. Ч. III, стр. 158. также Дитмара Chron. стр. 419, и Д. Антона Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, etc. стр. 125. Г. Добровскій (Abhandl. der Böhm. Gesellsch. годъ 1787 стр. 159) находитъ въ имени *свадьбы* и *свата* доказательство, что Славяне отмѣнно уважали бракъ: ибо сіи имена, какъ онъ думаетъ, происходятъ отъ *святости*. Докторъ Антонъ оспориваетъ мнѣніе Добровскаго, и толкуетъ, что *сватъ* есть *свидѣтель*. Оба не правы. *Свататься* значило прежде *сговариваться*, *соглашаться*: такъ въ Несторовой лѣтописи сказано (въ печатн. стр. 123): „Изяславъ *сватается* со Всеславомъ, мысля на *наю*" (насъ двухъ).— Прелюбодѣяніе наказывалось у Польскихъ Славянъ весьма жестоко. Виновному отдавали на выборъ, быть евнухомъ или умереть (см. Дитм. Chron. кн. VIII въ началѣ).

(137) См. Abhandlung. von den Heyrathsgebräuchen der Oberlausitzischen Wenden, Гебгарди въ Geschichte der Slaven, T. I, стр. 8, и Антона Versuch. стр. 127. Вѣно означало у древнихъ Славянъ плату, которую женихъ давалъ за невѣсту отцу или сродникамъ ея.

(138) Memoriae popul. II, 72.

(139) Антон. Versuch, стр. 54.

(140) Vita S. Ottonis, стр. 682.

(141) Гебгарди Gesch. der Wenden, I, 9. Другіе народы языческіе, Пруссы, Герулы, поступали такъ же (см. Гарткнох. Antiqu. Pruss. Dissert. XIII, стр. 18?, и Масков. Geschichte der Deutschen, кн. XI, гл. 24). Вообще находимъ великое сходство между нравами Славянъ и народовъ Германскихъ.

(142) Chron. Slavorum, въ издан. Линденброг. стр. 202.

(143) См. печат. Нестора, стр. 12. Увидимъ послѣ, что и Князья Россійскіе дозволяли себѣ многоженство. Козма Прагскій говоритъ, что древніе Богемцы, подобно нашимъ Сѣверянамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, не знали брака.

(144) Въ точности ли справедливо сіе описаніе нравовъ? Не излишно ли Несторъ хвалитъ Кіевлянъ, между которыми онъ самъ жилъ? Не излишно ли чернитъ другихъ Славянъ, можетъ быть, для того, что они и въ его время не хотѣли еще совсѣмъ оставить идолопоклонства? О свойствѣ же Новогородцевъ, отдаленныхъ отъ Кіева, не говоритъ ни слова: видно, что ихъ древніе обычаи и преданія были ему мало извѣстны.— О жилищахъ Славянъ см. въ Memor. popul. II, 29. Іорнандъ (de reb. Get. стр. 85): hi paludes sylvasque pro civitatibus habent. Древнее Славянское обыкновеніе, зарывать хлѣбъ въ землю, донынѣ существуетъ въ Молдавіи и Валахіи. См. выше, примѣч. 131.

(145) Маврикій: Abundant copia brutorum omnis generis et terrae nascentium, quae comportant in cumulum; praecipue vero milii (просо) et panici (гречиха? см. Плин. H. N. XVIII, 7).

(146) См. Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 42. Послѣ будемъ говорить о сходствѣ многихъ Латинскихъ и Славянскихъ словъ.

(147) См. выше, примѣч. 134—Mem. popul. II, 29, и Гельмольд. Chron. Slavor. кн. I, гл. 83. Древніе Латыши и сѣверные Нѣмцы также любили медъ. Вульфстанъ, который жилъ во время Англійскаго Короля Альфреда, т. е. въ IX вѣкѣ, говоритъ, что Пруссія изобилуетъ пчеловодствомъ; что самые бѣдные люди пьютъ медъ, а богатые кобылье молоко (см. Форстер. Entdeckungen in Norden стр. 99). — Эдда называетъ Miöd божественнымъ питіемъ. Жители Дакіи въ V вѣкѣ, по словамъ Приска, употребляли вмѣсто вина Μέδον (Memor. po-

pulor. I, 504). Сіе имя не есть только Славянское, какъ нѣкоторые думали: на древнемъ языкѣ Греческомъ Μέθη значитъ *пьянство*, Μέθυ *чистое вино*, Μεθυδώτης Бахусъ.

(148) Memoriae populorum, II, 29, и въ Машев. Alterthümer der Obotriten изображеніе 10 и 20.

(149) Гебг. Gesch. der W. u. der Slav. T. I, стр. 44—45.

(150) Адамъ Бременскій называетъ сей городъ Юлиномъ, а Гельмольдъ Виннетою (см. перваго Hist. Eccl. стр. 19, и Chron. Slav. втораго, кн. I, гл. 2). Баеръ думалъ. что имя Юлина есть описка (см. Шлец. Nordische Geschichte стр. 505); но многіе утверждали, что оно происходитъ отъ Юлія Цесаря, такъ же какъ Волгастъ значитъ Iulia-Augusta, а Деминъ Domina mundi (см. *Вандалію* Альберта Кранца, кн. II, гл. 33). Ни Юлій Цесарь, ни Римскія войска никогда въ сихъ мѣстахъ не бывали.

(151) Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 45. — Мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о торговлѣ Славянъ Россійскихъ *до временъ Рюриковыхъ*.

(152) Vita S. Ottonis, въ описаніи Славянскихъ храмовъ въ Штетинѣ, и Бекман. Beschreibung der Mark Brandenburg стр. 392 и 398. Карлъ Великій уставилъ, чтобы никто не смѣлъ въ Германіи продавать оружія Славянамъ (*Гебгарди* Gesch. der Slav. T. I, стр. 45): „слѣдственно" — говорятъ нѣкоторые — „они не умѣли сами дѣлать его." Заключеніе не весьма убѣдительное. Англичане, ведя войну съ Французами, не хотятъ, чтобы Шведы или Нѣмцы возили моремъ оружіе въ Руанъ или въ Брестъ; но у Французовъ есть Версальская фабрика и другія.

(153) См. Тунмана über die gottesdienstl. Alterthüm. der Obotriten стр. 262. Многія Нѣмецкія слова рудокопнаго искусства могутъ быть изъяснены только Славянскими. Тунманъ заключаетъ, что Нѣмцы заимствовали оное отъ Богемскихъ Вендовъ.

(154) См. Hofpredigers Masch Gottesdienstliche Alterthümer der Obotriten, и Voyage en Basse Saxe Графа Потоц-

каго. Сіи любопытныя древности хранились въ Рацебургской библіотекѣ и въ Нейбрандебургѣ въ Кабинетѣ Г. Шпонгольца. См. также Бекман. Beschreib. der Mark Brandenburg, T. II, стр 576.

(155) Гельмольдъ въ Chron. Slavorum: casas de virgultis contexunt, necessitati tantum consulentes aduersus tempestates et pluvias. О городахъ и храмахъ Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 41, и Vita S. Ottonis, стр. 680.

(156) См. выше, стр. 26. Докторъ Антонъ толкуетъ, что имя *гусли* происходитъ отъ *гуся!* См. его Erste Linien стр. 142—146. Между Славянскими древностями нашли изображеніе воина, играющаго на волынкѣ (см. Маш. Gottesdienstl. Alterthümer der Obotriten).

(157) Memor. popul. II, 61. Прокопій называетъ сіи пѣсни Аварскими единственно для того, что Греки считали Аваровъ и Славянъ какъ бы за одинъ народъ. См. еще Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 6.

(158) Д. Антона Versuch etc. стр. 33 и 143., Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 7, и Vita S. Ottonis (см. ниже).

(159) Я выписалъ сіи древнія *Русскія* имена изъ харатейнаго Евангелія 1144 года (см. ниже, примѣч. 529): они употреблялись всѣми племенами Славянскими, съ нѣкоторою разностію по климатамъ. Вотъ Малороссійскія и Польскія для сравненія:

		Малорос.		*Польск.*
Генварь	———	Сѣчень	———	Стычень.
Февраль	———	Лютый	———	Луты.
Мартъ	———	Березозолъ	———	Марзецъ.
Апрѣль	———	Цвѣтень	———	Квецень.
Май	———	Травень	———	Май.
Іюнь	———	Червецъ	———	Червецъ.
Іюль	———	Липецъ	———	Липецъ.
Августъ	———	Серпень	———	Серпень.
Сентябрь	———	Вресень	———	Вржесень.
Октябрь	———	Паздерникъ	———	Паздерникъ.

Ноябрь ——— *Листопадъ* ——— *Листопадъ.*
Декабрь ——— *Студень* ——— *Груденъ.*

Малороссіяне, какъ видно, хотѣли принаровиться къ Полякамъ. Вѣроятно, что Русское имя Февраля, *Сѣчень*, отвѣтствовало смысломъ *Лютому*: лютый морозъ *сѣчетъ*, убиваетъ. — Въ Апрѣлѣ наши Славяне жгли *березовую золу* для щелока. — Смыслъ *рюина* (у Славянъ Иллирическихъ Rujan) остался въ простонародномъ глаголѣ *рюмить*, т. е. плакать. *Слезные* или *плачевные сосуды* древнихъ Славянъ едвали не именовались *рюмками*. Польское Wrzesien происходитъ отъ wrzesnia, т. е. *тамарисковое дерево*. tamariscus germanica. — Зимняя дорога называлась въ старину *груднымъ путемъ* (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 182).

(160) Memor. popul. II, 28. Маврикій говоритъ: neminem ferant imperantem.

(161) Вотъ причина великаго къ нимъ уваженія во времена глубокой древности, когда письмо и типографіи были неизвѣстны! Нынѣ учатся изъ книгъ; а прежде учились только у старцевъ: они давали совѣты, и лучше другихъ могли удовлетворять самому любопытству.

(162) Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что Баянъ въ концѣ *VI* вѣка опустошалъ и жегъ *селенія* Дунайскихъ Славянъ (Memor. popul. II, 48).

(163) Шурцфлейшъ de rebus Slavicis 468.

(164) См. выше, стр. 27, и Гебгарди Gesch. der Wen. и der Slav. I, 49.

(165) Гельмольдъ въ Chron. Slavor. (кн. I, гл. 16) пишетъ, что Мекленбургскій Князь Мистивой, въ 1013 году оскорбленный Саксонскимъ Герцогомъ, собралъ въ Ретрѣ старѣйшинъ изъ всѣхъ областей Славянскихъ, и требовалъ отъ нихъ мести. См. Chron. Дитмара Мерзебургскаго (писавшаго въ самомъ началѣ XI вѣка) кн. VI, Маша über die gottesdienstl. Alterthüm. der Obotrit. и Тунмана разсужденіе о семъ предметѣ.

(166) Козма Прагскій, кн. I, стр. 1972, въ изд. Менкен.

(167) Паганъ, Владѣтель Болгарскій, приходилъ къ Императору съ своими *Бойлядами* (μετα των Βοιλαδων αυτȣ): симъ именемъ означались безъ сомнѣнія Бояре. Никифоръ Патріархъ толкуетъ, что оно знаменовало Вельможу или начальника (Memor. popul. II, 525). — Русскіе стали писать *Боляре*, вмѣсто *Бояръ*, уже въ новѣйшія времена.—См. Гебгарди Gesch. der Slav. I, 52. Нѣмецкое слово Герцогъ и Латинское Dux имѣютъ тотъ же смыслъ и тоже происхожденіе.— Польскій Воевода былъ предводителемъ Дворянъ на войнѣ, а въ мирное время начальствовалъ въ ихъ собраніяхъ и въ судахъ. Воеводы Россійскіе имѣли также воинскую и судебную власть.

(168) Vita S. Ottonis. См. также Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 52. Въ Лаузицѣ изъ учтивости называютъ всякаго *Княземъ*, т. е. господиномъ, хозяйку *Княгинею*, а Священника *Княземъ духовнымъ* (см. Шлецер. Russische Annalen Ч. I, стр. 174).

(169) Memor. popul. T. II, стр. 395,—Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 52, и Добнеръ ad Hagecium T. II, стр. 56. Поляки говорятъ: *Панъ Богъ*, такъ же, какъ мы говоримъ *Господь-Богъ*. *Нашъ Панъ* есть Христосъ.

(170) Memor. popul. T. II, стр. 89 и 395. Константинъ говоритъ всегда *Жупаны-старѣйшины*, οἱ γεροντες senes. Іоаннъ Луцій пишетъ, что сіе имя происходитъ отъ древняго слова Zupa, которое означало *народъ* или *населенную страну*: Zupania a Zupa deducitur, quod populum vel regionem aliquam populatam significat (см. его de regno Dalm. et Croat. кн. I, гл. 13, стр. 78). Гелазій Добнеръ не вѣритъ его толкованію: nam meo quidem judicio contrarium prorsus sentiendum est, Zupasque seu Zupanias à Zupanis nomen suum traxisse, nam qua radice Slavica id oriatur, ut Zupa habitatam terram significet, nuspiam reperio (въ примѣч. на Гагек. лѣтопись, Ч. II). Но въ *Уставѣ* Стефана, Царя Сербскаго, сочиненномъ въ 1249 году, дѣйствительно употреблено слово *Жупа* въ

смыслѣ *жительства* или *селенія*. Въ статьѣ 54, о *смертоубійствѣ*, сказано такъ: „Аще біетъ Властелинъ себра „у граду или у *жупы*" (см. Раичеву *Исторію Славянск. народовъ*, IV, 242 и 255). Собственное Добнерово изъясненіе, что Zupan есть *сопанъ* или *товарищъ Пановъ*, совсѣмъ несправедливо: ибо Славяне говорили и писали *Жупанъ*. Дурихъ (Bibliotheca Slavica T. I, стр. 125) видѣлъ одно весьма древнее Славянское Евангеліе, на которомъ подписано: *азъ Жюпанъ Ханьшь Бѣгнеръ отъ Брашевъ* (т. е. изъ Брасковіи, Трансильванскаго города Кронштата) *написахъ сію книгу четвероблаговѣстіе*. Въ нашей Кормчей Книгѣ, гл. 46, сказано: *довлѣетъ бо Жупаномъ часть Княжа*. Симъ опровергается и мнѣніе Д. Антона, что Zupan есть *Судпанъ* или *Панъ судящій*. Греческіе и Латинскіе Историки, не имѣя въ своей азбукѣ Ж, писали Ζεπανος, Zupanus.—На Польскомъ языкѣ Zupa значитъ *солянную варницу*, *соляный анбаръ* и *рудокопню*; Zupan *полукафтанье*.

(171) Гебгарди въ Gesch. der Slav. T. I, стр. 52-57. Въ XI вѣкѣ начальствовали въ Босніи два Жупана, а другіе слабѣйшіе Князья не смѣли такъ именоваться. Король Далматскій Мунимиръ въ 892 году пожаловалъ главныхъ своихъ придворныхъ чиновниковъ въ Жупаны. Въ XI и XII вѣкѣ самые Короли Славянскіе въ Сервіи и Далмаціи гордились именемъ *Великихъ Жупановъ*.

(172) Д. Антонъ Versuch etc. стр. 90. Другіе утверждаютъ, что слово Краль произошло отъ имени Карла Великаго (см. въ Neuern Abhandl. der Böhm. Gesel. der Wissenschaft. Добровск. Исторію Богемск. языка, T. I, стр. 324). На языкѣ Арменскомъ *Кароль* есть *сильный*, *могущественный* (Bibliotheca Slavica T. I, стр. 302).

(173) Гебг. Gesch. des Slav. I, 53, 54.

(174) Шреттер. III Abhandlung aus dem Österreichischen Staatsrechte стр. 116, и Гебгард. I, 54. Исторія сохранила намъ примѣръ еще страннѣйшаго обыкновенія въ Богеміи. Король, отправляясь къ Нѣмецкому Им-

ператору, могъ на пути своемъ жечь деревни (Добнер. Monumenta Historica Boemiae IV, 54, и Гебгарди Gesch. der Slav. I, 54).

(175) Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 54.

(176) Гельмольд. Chron. Slav. кн. I, гл. 84, стр. 68; также Vita S. Ottonis стр. 670. Имя *Прове* значило *правый* или *правъ*.

(177) См. Саксон. Грамматт. Hist. Dan. стр. 291, изд. 1644 года, и Дитм. Мерзебург. Chron. кн. VI. Обрядъ класть оружіе и золото, при заключеніи мира, къ ногамъ идоловъ, былъ соблюдаемъ Россійскими Славянами (см. въ сей *Исторіи* описаніе временъ Игоря I).

(178) Гебгарди Gesch. der Slav. T. I, стр. 57. Сія дань называлась въ земляхъ Нѣмецкихъ Славянъ *Воеводскою трагою*.

(179) См. *Нест.* стр. 11, 12, и Прокопія въ Memor. popul. II, 28.

(180) См. выше, примѣч. 167.—Увидимъ послѣ, что Древляне до самаго Святослава—вѣроятно, и гораздо прежде Рюрика—имѣли собственныхъ Князей.

(181) Прокопій въ Memor. popul. T. II, стр. 28: unum enim Deum fulguris effectorem, Dominum hujus universitatis solum, agnoscunt.

(182) Fatum minime norunt, ne dum illi in mortales aliquum vim attribuunt (Memor. popul. T. II, стр. 28).—Ломоносовъ (а за нимъ и Леклеркъ), основываясь на понятіи Славянъ о божественности рѣкъ, думалъ, что и самое имя Вышняго Существа, Бога, происходитъ отъ Буга: мысль совсѣмъ невѣроятная! Славяне покланялись Творцу и Міроправителю безъ сомнѣнія гораздо прежде, нежели рѣкамъ, и самые дикіе народы искали *главныхъ* боговъ своихъ на небесахъ, выше солнца и звѣздъ, а не въ водѣ и не между рыбами.—Докторъ Антонъ производитъ имя Бога отъ глагола *бѣгу*, воображая, что движеніе тѣлъ небесныхъ сообщило какъ Грекамъ (Θεος *Богъ*, θέω *бѣгу*), такъ и Славянамъ первое понятіе о вышнемъ Су-

ществѣ. Другіе утверждаютъ, что названіе Богъ имѣетъ смыслъ *богатаго, обогащающаго* (см. *Кутеинскій Лексиконъ* 1653 года, стр. 245). Толкованія безполезныя и ни мало неубѣдительныя! Никто не изъяснитъ намъ, для чего древніе Славяне назвали Міроправителя Богомъ, Греки Θεος, Нѣмцы Gott, и проч. Мы знаемъ имя Его на 200 языкахъ: одно Монгольское, *Бурханъ*, имѣетъ нѣкоторое сходство съ Славянскимъ именемъ Бога (см. Linguarum totius orbis vocabularia comparativa, или *Сравнительные словари всѣхъ языковъ*, напечатанные въ С. Петербургѣ).

(183) Гебг. Gesch. de Wend. u. d. Slav. T. I, стр. 23.

(184) Гельмольд. Chron. Slav. кн. I, гл. 84. См. также Гебгарди Gesch. der Slav. 21, 24. Славяне и всѣхъ добрыхъ боговъ именовали *Бѣлыми*.

(185) Гельм. въ Chron. кн. I, гл. 53: malum deum sua lingua Diabol siue Zcerneboch, id est nigrum deum, appellant. Имя *черта*, которымъ Христіанскіе Славяне назвали Діавола, произошло, думаю, отъ чернобога. Въ Верхнемъ Лаузицѣ есть гора именуемая *Чернебогъ*; а въ Сервіи былъ городокъ *Черноможскій*. См. Aнт. Versuch, стр. 52, Маша и Гунмана von den Alterthüm. der Obotriten, 305, I Соборное Посланіе Св. Апостола Петра гл. 5, ст. 8, и Гебг. въ Gesch. der Slav. 1, 23.

(186) Несторъ стр. 53, Д. Аншонъ стр. 146, и Гебг. T. I, стр. 22.

(187) Гельмольдъ пишетъ Zwantevith, а Саксонъ Грамматикъ Swaantowith. Нѣкоторые, считая сего идола Славянскимъ Фебомъ, думаютъ, что надобно писать *Свѣтовидъ*; но вѣроятнѣе, что кумиръ его назывался *Святовидомъ*, то есть, *святымъ образомъ*. См. Лудевиг. de Idolis Slavorum въ Opusc. miscell. T. II, Сакс. Граммат. Hist. Dan. гл. XIV, стр. 320-321, Гельмольда кн. II, гл. 12, стр. 89—90, и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 25 въ примѣчаніи.

(188) См. Русской переводъ его, стр. 66. — Св. Мученикъ Витъ жилъ во время Діоклитіаново, а Монахи

Корбейскіе проповѣдывали Христіанство на островѣ Рюгенѣ въ царствованіе Императора Людовика Благочестиваго. Святовидово; идолопоклонство началось бы только въ IX вѣкѣ, еслибъ сказаніе Гельмольда и Саксона было справедливо.

(189) Сакс. Грам. Hist. Dan. кн XIV, стр. 327. Dignum numen, говоритъ онъ, cujus effigies tam deformiter à volucribus foedaretur! Тунманъ думалъ, что Рюгенскій Поревитъ былъ Перунъ нашихъ Славянъ, и что онъ же назывался какъ Святовидомъ, такъ и Ругевитомъ; но различныя изображенія сихъ идоловъ противорѣчатъ сему мнѣнію. См. Гебг. Т. I, стр. 27. Нѣкоторые считаютъ Поренута богомъ беременныхъ женщинъ.

(190) См. Маша über die Alterthüm. der Obotriten и Потоцк. Voyage en Saxe. На мѣдной бляхѣ, хранящейся вмѣстѣ съ другими Славянскими древностями въ Кабинетѣ Г. Шпонгольца, изображенъ Радегастъ и жертвенникъ, на которомъ лежитъ отрубленная голова: Г. Машъ считаетъ ее головою Мекленбургскаго Епископа Іоанна, принесеннаго въ жертву Радегасту. — Адамъ и Гельмольдъ пишутъ: Simulacrum ejus auro, lectus ostro paratus. Первый о храмѣ Упсальскомъ: Totum auro paratum (De situ Daniae, стр. 143).

(191) Въ городѣ Саксенъ-Лауенбургскаго Герцогства, которое составляло нѣкогда землю Славянскихъ Полабовъ. См. Гельмольда гл. 53, Маша Alterthüm. der Obotriten, Тунмана стр. 274, и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 25.

(192) Въ странахъ Балтійскихъ, около Вислы и горъ Карпатскихъ: см. Тунмана Über die Alterthüm. der Obotriten, стр. 273-274 и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 26.

(193) См. въ *Хроникѣ* Матв. Стриковскаго о богахъ Латышскихъ, и Маша Über die Alterthüm. der Obotriten.

(194) См. Маша Alterthüm. der Obotriten. и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 26.

(195) Vita S. Ottonis, стр. 479, 495, 502—и Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 27.

(196) Въ нынѣшнемъ Герцогствѣ Голштейнскомъ. См. Гельмольда гл. 84.

(197) Потоцк. Voyage en Saxe, стр. 85, фигур. 12. Въ противность тому Гельмольдъ пишетъ (кн. I, гл. 84), что сей богъ никакъ не изображался у Славянъ.

(198) См. Маша Alterthüm. der Obotriten, Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 23, и Тунмана стр. 316.

(199) См. Chron. Дитмара Мерзебургскаго, стр. 417. Я не говорю о *Кродѣ*, *Флинцѣ* и другихъ мнимыхъ богахъ Славянскихъ, о которыхъ не находимъ извѣстія въ достовѣрныхъ Историкахъ.

(200) Живутъ въ Далмаціи. Земля къ южной части залива Венеціянскаго, между Истріею и Далмаціею, называется собственно Морлахіею. См. Д. Антона Erste Linien etc. стр. 50.

(201) Кадлубека, Длугоша, Кромера, Стриковскаго, Гваньини. Сходство между Греческимъ или Римскимъ и Славянскимъ басисловіемъ весьма замѣтно. Стриковскій упоминаетъ о матери Кастора и Поллукса, *Греческой* Ледѣ. Нѣкоторые писатели Россійскіе, вообразивъ, что она есть Славянская Венера, догадкою обратили Леля въ Купидона, а Полеля въ Гименея.

(202) Несторъ стр. 70. Славянскій глаголъ *перу* значитъ не только *пру*, но и *бью, ударяю;* валекъ, которымъ въ мытьѣ колотятъ бѣлье, для того назывался въ старину *пральникомъ*: слѣдственно имя Перуна означало *бога разящаго*. Въ новѣйшія времена стали называть Перуномъ молнію. Стриковскій, Гваньини и Сочинитель Синопсиса говорятъ, что Кіевскій Перунъ стоялъ на желѣзныхъ ногахъ, въ рукѣ держалъ камень, на подобіе молніи украшенный рубинами и карбункулами; что одежда Перунова была искусно вырѣзана изъ дерева; что дубовый костеръ вѣчно пылалъ предъ идоломъ, и если жрецы отъ нерадѣнія давали огню угаснуть, то наказывались смертію какъ преступники и враги бога. Не находя сихъ подробностей въ Несторѣ, сомнѣваемся

включить ихъ въ Исторію; но можемъ вѣрить Стриковскому, что древніе Латыши посвящали неугасимый огонь своему идолу *Перкуну*, который знаменовалъ одно съ Перуномъ Славянскимъ. Въ Далмаціи есть лѣсъ именуемый Pirun Dabrawe. Можно заключить, что и Славяне Иллирическіе обожали Перуна (см. Д. Антона Versuch, стр. 49.)

(203) Такъ они названы въ древнѣйшихъ спискахъ Нестора, въ *Пушкин.* и *Троицк. Стрибогъ*, кажется, былъ Славянскимъ Эоломъ. Въ древнемъ *Словѣ о полку Игоревѣ* сказано: *се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на полкы Игоревы.* Народъ Русскій признаетъ Св. Власія покровителемъ *стадъ: не для того ли*, что его имя сходно съ Волосовымъ?

(204) См. также Минею 15 Іюля, въ житіи Владиміра, и въ рукописномъ такъ называемомъ *Новогород. Лѣтописцѣ по 1717 годъ*, (хранящемся въ Архивѣ Иностранной Коллегіи) главу *о идолѣхъ*.

(205) См. Стриковскаго въ описаніи Литовскихъ идоловъ. Имя сего бог напоминаетъ слова *ладъ* и *ладить*; въ старинныхъ Русскихъ пѣсняхъ *ладо* значитъ мужа, на примѣръ: *у меня ладо змѣя скоропѣя*, и проч. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* Ярославна называетъ супруга *ладою*, стр. 38 и 39.

(206) Онъ пишетъ: *Греки*; но Бангертъ и Гарткнохъ *доказали, что Адамъ называетъ такъ Русскихъ* (*см.* въ Коммент. нашей Академіи Баерову Geograph. Russ. ex Script. Sept. T. X, стр. 371, или Шлец. Nord. Geschichte стр. 495).

(207) См. Кантемирово описаніе Молдавіи и Сульцер. Исторію Дакіи, Т. II, стр. 322.

(208) См. Синопсисъ и Ломоносова *Рос. Исторію.* Въ первомъ сказано, что играющіе воспѣваютъ имя *Купала*; но мы не знаемъ ни одной старинной пѣсни, гдѣ бы оно упоминалось. Сочинитель бралъ свои извѣстія изъ Польскихъ Историковъ, и говоря о богахъ Хорсѣ, Мокошѣ,

Симарглѣ, ссылается, вмѣсто Нестора, на Стриковскаго; согласно съ нимъ осуждаетъ также *качели*, древнюю забаву Славянскую, называя ихъ *Діавольскою сѣтію*; но забавы язычниковъ не всѣ принадлежали къ ихъ Вѣрѣ. См. еще нашей *Исторіи* Т. VII, въ описаніи временъ Василія Іоанновича, при концѣ; также *Путешеств.* Академика *Лепехина* Ч. IV, стр. 410, и Раичеву *Исторію Славянскихъ народовъ*, кн. I, гл. 21, стр. 172.

(209) Чему я самъ нѣсколько разъ бывалъ свидѣтелемъ. Пѣсня, которую поютъ въ такомъ случаѣ, напечатана въ *Абевегѣ Русскихъ суевѣрій*, стр. 224. — Наши святошныя игрища не имѣютъ связи ни съ Римскимъ праздникомъ Януса, въ первой день Генваря (когда чиновники Республики, въ *новой* одеждѣ, ходили жертвовать въ храмъ Юпитеровъ), ни съ Италіянскимъ Карналомъ, который отъ 7 Генваря продолжается до самаго Великаго поста.

(210) Недѣля отъ седмицы Св. Отецъ до Троицына дня называлась у насъ въ старину *Русалною* (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 10). Авторъ Синопсиса, ссылаясь только на Кромера и Гваньини, въ числѣ Русскихъ боговъ называетъ еще *Посвиста* или *Похвиста*, бога ведра и ненастья. Въ Русскихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ о древнемъ идолопоклонствѣ нашихъ предковъ говорится о *Чурѣ*, Славянскомъ Терминѣ, богинѣ Ладѣ или Венерѣ, Лелѣ и Полелѣ, или Купидонѣ и Гименеѣ, Дидѣ или Антеросѣ, *Царѣ морскомъ* или Нептунѣ, Зимстерлѣ или Флорѣ, и проч.; но догадки и выдумки не принадлежатъ къ Исторіи. Нѣкоторые обратили бога Лада въ богиню, а припѣвъ *дидисъ*, т. е. *великій* (см. выше) въ Купидона Дида или въ Антероса. Чуромъ именовался въ старину рубежъ; но чтобы Славяне обожали въ немъ Термина, о томъ не имѣемъ никакого историческ го свѣдѣнія. О Лелѣ и Полелѣ упоминаетъ Стриковскій и Гваньини, сравнивая ихъ (см. выше) съ Касторомъ и Поллуксомъ,

дѣтьми *Греческой Леды*, а не съ Купидономъ и Гименеемъ. Самъ Авторъ Синопсиса не причисляетъ ихъ къ *Русскимъ* богамъ. Хотя Стриковскій, основываясь на Длугошѣ, и говоритъ, что не только въ Литвѣ, но и въ Россіи народъ величаетъ Леду, мать Кастора и Поллукса, въ припѣвѣ *Ладо, Ладо*; но сіе имя, по его же извѣстію (см. выше), означало бога Лада. Развѣ изъ одного народнаго припѣва *лёли, люли,* заключимъ, что наши предки боготворили Леля? — Зимстерла вышла, догадкою или ошибкою, изъ *Семаргла,* о которомъ пишетъ Несторъ. Мавро-Урбинъ, знавъ о Славянскомъ идолослуженіи единственно то, что говорятъ Польскіе Историки, называетъ сію мнимую богиню *Зимцерлою.*—*Царь морскій, чуда морскія, Баба-Яга, Волоты* или Великаны, *Полканъ* или *Кентавръ*, вымышлены Русскими сказочниками, и не относятся къ древней Славянской Вѣрѣ.

(211) Главные идолы были такой величины, что нѣсколько воловъ не могли сдвинуть ихъ съ мѣста (Vita S. Ottonis и Тунм. Über die Alterthüm. der Obotrit. стр. 293). Но между огромными кумирами въ храмѣ Ретрскомъ стояли и маленькіе, литые, на тронахъ или круглыхъ подножіяхъ, и каждый имѣлъ свои особенныя жертвенныя орудія. См. Маша и Гебг. Gesch. der Slav. T. I. стр. 29.

(212) Козма Прагскій въ Менкен. изданіи T. I, стр. 2074, и Vita S. Ottonis, стр. 680. Въ послѣдней сказано: Erat praeterea ibi (въ Штетинѣ) quercus ingens et frondosa, et fons subter eam amoenissimus, quam plebs simplex numinis alicuius inhabitatione sacram aestimans, magna veneratione colebat.

(213) См. Chron. Дитм. кн. VI.

(214) Въ рукописномъ *житіи Муромскаго благовѣрнаго Князя Константина Святославича*, которое хранится въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина, и въ которомъ многія мѣста отмѣчены рукою Екате-

рины Великой, именно сказано, что наши язычники приносили жертвы (*требы кладуще*) озерамъ и рѣкамъ. Впрочемъ сіе *Житіе*, равно какъ и печатное (см. Прологъ, Маія 21) писано не ранѣе XVII вѣка (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 153). *Далѣе* въ *Житіи Константина* говорится о Русскихъ язычникахъ: „очныя „ради немощи (въ кладезяхъ) умывающеся, и *сребреницы* „въ ня повергающе.“ И нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи поселяне дѣлаютъ тоже (что я видѣлъ собственными глазами). См. еще Синопсисъ, Рос. Исторію Ломоносова, и Раича, который описываетъ такія же обыкновенія у Сербовъ.

(215) Гельм. въ Chron. Slav. кн. I, гл. 84, и Vita S. Ottonis. Сочинитель именуетъ сіе дерево hastam Julii Caesaris, *копьемъ Юлія Цесаря.*

(216) Въ рукописномъ *Житіи Муром. Князя Константина:* „дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ „обвѣшивающе, и симъ покланяющеся,“ и проч.

(217) Memoriae populorum T. II, стр. 984. Сей островъ Св. Григорія долженъ быть Хортица.

(218) Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 30.

(219) Сакс. Грам. Hist. Dan. стр. 322, Маштъ Über die Alterthüm. der Obotriten, и Chron. Дитм. Мерзебург. стр. 415.

(220) См. изображеніе сихъ требищъ въ Бекман. Histor. Beschreibung der Mark Brandenburg, Ч. II, стр. 347; см. также Гебгарди Gesch. der W. и d. Slav. I, 31.

(221) Подобныя существуютъ донынѣ въ Англіи, Ирландіи, Вестфаліи, Брауншвейгѣ (см. Маллет. *Исторію Даніи* T. I, гл. XII). Историки признаютъ сіи монументы Славянскими въ Мекленбургѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ обитали Венды; однакожь замѣтимъ, что народы Свевскіе жили тамъ еще прежде Славянъ, и могли быть строителями сихъ удивительныхъ памятниковъ.

(222) Vita S. Ottonis, стр. 680.

(223) Сакс. Грам. Hist. Dan. кн. XIV, стр. 319.

(224) Сей храмъ былъ основанъ на столпахъ, которые имѣли *образъ звѣриныхъ роговъ:* такъ по крайней мѣрѣ изъясняетъ сіе мѣсто Нѣмецкій переводчикъ Дитмаровой Хроники, Г. Урзинусъ, стр. 328. — См. Гельм. Chron. Slav. кн. I, гл. 53.

(225) Только въ Патерикѣ Кіевскомъ, въ житіи Исаіи Чудотворца, сказано, что сей Угодникъ разорялъ *капища* въ Ростовской области.

(226) Гебг. Gesch. d. W. u. d. Slav. T. I, стр. 34—36, Сакс. Грам. Hist. Dan. 320—321, и Гельм. Chron. Slav. кн. I, гл. 53.

(227) Несторъ, стр. 71, и Гельм. Chr. Slav. гл. 23.

(228) Сакс. Граммат. кн. XIV, стр. 320—321, Vita S. Ottonis, стр. 681, и Дитм. Мерзебург. Chron. кн. VI.

(229) Сакс. Грамм. кн. XIV, стр. 320.

(230) Гебг. Gesch. der Slav. T. I, стр. 36. Извѣстно, что Русскіе земледѣльцы въ день Св. Флора и Лавра приводятъ лошадей своихъ къ церкви: сіе обыкновеніе не происходитъ ли отъ древняго язычества?

(231) Гельм. въ Chron. Slav. гл. 84.

(232) Д. Антон. стр. 71, и Гебг. T. I, стр. 36. Наши родительскія Субботы напоминаютъ сей древній обычай Славянъ. Въ Богеміи поютъ тогда:

Giz nesem smrt ze wsy,
Nove leto do wsy.
Witey leto libezne,
Obilicko zelene.

То есть: „уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь. Здравствуй любезная весна и зелень!“ — Длугошъ несправедливо мыслилъ, что сіе торжество означаетъ уничтоженіе идолопоклонства и введеніе Христіанской Вѣры въ земляхъ Славянскихъ.

(233) Козма Прагск. кн. III, подъ годомъ 1093, и Дитм. Chron. кн. I. Slavi, говоритъ послѣдній, qui cum morte temporali omnia putant finiri.

(234) Д. Антонъ и Гебг. Т. I, стр. 56. Въ урны клали разныя вещи, которыя принадлежали умершему: ножницы, Римскія монеты, дѣтскія игрушки, маленькіе кумиры.

(235) Mem. popul. II, 61. *Страва* значитъ на Польскомъ языкѣ *кушанье, пищу*. Отъ сего древняго Славянскаго имени происходитъ глаголъ Русскій *травить*.

(236) *Тризна* есть *подвигъ*, tournoi.--См. Нестор. стр. 12 Въ лѣтописи его упоминается о могилѣ Аскольда, Дира, Олега въ Кіевѣ; также о высокой могилѣ Игоря и внука его, Олега, въ землѣ Древлянской.—Въ *Житіи Муромскаго Кн. Константина*: „кони закалающе, и по мертвыхъ ременныя плетенія древолазная съ ними въ землю погребающе, „и битвы и *кроеніе* и лицъ настреканія и драніи творяще.“ *Кроеніе* значитъ здѣсь изрѣзаніе лица ножемъ въ знакъ печали. Такъ сказано въ III Моисеевой книгѣ, гл. 19, ст. 28: „кроенія не сотворите на тѣлѣ вашемъ о души.“

(237) Vita S. Columbani, въ Ассем. Kalend. Eccl. Univ. II, 21, и Гебг. Gesch. der Slav. I, 13. — Гельмольдъ, кн. I, гл. *VI*, пишетъ о Славянахъ: nec est aliqua barbaries sub coelo, quae Christocolas ac Sacerdotes magis exhorreat. — Германскіе Венды со временъ Карла Великаго нѣсколько разъ принимали Христіанскую Вѣру, но только неволею, и снова обращались къ идолопоклонству, которое совершенно истребилось между ими только въ XIII вѣкѣ. Болгары, Чехи и Моравы крестились около половины IX вѣка (см. Мозгеймову *Церковную Исторію*); а Славяне Иллирическіе при Императорѣ Василіи Македонскомъ, который началъ царствовать въ 867 году (см. Константина Багрянороднаго de adm. Imp. гл. IX, и Мозг. *Церк. Исторію*).

(238) Прокопій называетъ его *варварскимъ*: lingua barbara (Memor. popul. T. II, стр. 29).

(239) См. ниже, о грамотѣ Славянъ.

(240) Въ чемъ всякой, развернувъ лексиконы языка нашего, Польскаго, Богемскаго, Иллирическаго, можетъ

легко увѣриться. — Кромѣ общаго, мы имѣемъ нѣсколько особенныхъ нарѣчій: Украинское, Суздальское, Новогородское. Въ Суздальскомъ много чуждыхъ, неизвѣстныхъ словъ; на примѣръ, Богъ называется *Стодъ*, отецъ *Хрутинъ*, сестра *Миндра*, жена *Эльтона*, дѣва *Шиктора* (см. *Сравнительные словари всѣхъ языковъ*, напечатан. въ С. Петербургѣ 1787).

(241) См. Гаттерера Einleitung in die Synchr. Universalhistorie, стр. 127.

(242) De orig. Slav. стр. 108. — Добров. Litterarisch. Magazin von Böhmen, — Поповича, Австрійскаго ученаго Славянина, Untersuchungen vom Meere, — Гаттерера Synchr. Universalhist. и *Сравнительн. Словари*, напечатанные въ С. Петербургѣ. — Въ раздѣленіи Славянскихъ нарѣчій слѣдую ученому Богемцу Добровскому (см. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft, годъ 1791, стр. 313 — 314), который могъ судить о томъ лучше Гаттерера, Шлецера, Ридигера, и проч. „Ежели отмѣны въ двухъ „или трехъ нарѣчіяхъ (говоритъ онъ) могутъ быть под„ведены подъ общія правила одной Грамматики, то ихъ „не должно считать разными нарѣчіями, хотя нѣкото„рыя слова иначе произносятся, и нѣкоторыя имѣютъ „смыслъ особенный. Но ежели два нарѣчія существенно „несогласны въ Грамматикѣ, тогда признаю ихъ разными.“

(243) См. Untersuch. vom Meere. Болгарскимъ нарѣчіемъ говорятъ въ Турецкой Болгаріи и въ Расціи, т. е. Восточной Сервіи или древней Дарданіи, названной такъ отъ рѣки Раски; а Славонскимъ въ Славоніи.

(244) См. Гаттер. Universalhist. Послѣдній человѣкъ, который говорилъ по-Славянски на островѣ Рюгенѣ, умеръ въ 1404 году (см. Untersuchungen der v. d. Königl. Academie zu Berlin auf d. J. 1752 aufgegebenen historisch. Fragen, стр. 30). Нѣмцы, покоривъ Славянъ въ Германіи, старались истребить языкъ ихъ.

(45) См. Лаузицкія Provinzialblätter стр. 101. Замѣтимъ, что есть сходство даже между Индѣйскимъ, Сан-

скришскимъ и нашимъ языкомъ; на примѣръ: *эторонъ*, второй; *пieme*, пiешъ; *тону*, шонкiй; *мри*, *умри*; *сото*, сто; *чотуръ*, четыре; *тритiё*, трешiе; *томо*, шемно; *моду*, медъ. Въ Индѣйскомъ языкѣ имена сущесшвишельныя оканчиваюшся на *твонъ*, въ Славянскомъ на *тво*; на примѣръ: *богатство*, *безумство*, и проч. (см. Шлегеля über die Sprache und Weisheit der Indier, стр. 11 и далѣе). Самое измѣненiе дѣйсшвишельныхъ глаголовъ Лашинскихъ, Нѣмецкихъ и Славянскихъ бываешъ по одному закону. Въ изъявишельномъ наклоненiи насшоящаго времени, множесшвеннаго числа, перваго лица, главная буква въ Лашинскомъ и Славянскомъ М: *любимъ*, *читаемъ*, amamus, legimus. Окончанiе единсшвеннаго числа, въ трешьемъ лицѣ, шоже на всѣхъ шрехъ языкахъ: *любитъ*, amat, liebet; во множесшвенномъ числѣ одно на Лашинскомъ и Славянскомъ: accipiunt, legunt, *принимаютъ*, *читаютъ*. Во вшоромъ лицѣ ошличишельная буква есшь шакже одна: docetis, учише, lehret; а въ повелишельномъ наклоненiи еще болѣе сходсшва: *любите*, *учите*, amate, docete, и проч.

(246) Въ именахъ сущесшвишельныхъ: *Матерь*, *μήτηρ*, mater, Mutter.—Πατήρ, Vater, pater, по-Малороссiйски *батько*, у Славянъ Иллирическихъ Bascta, въ Русскомъ языкѣ уменьшишельное *батюшка*; слово *отецъ* есшь древнее Кельшское *Атъ*, шакже сходное съ pater: см. Dictionnaire Celtique par Ballet. Сей Ученый назвалъ Кельшскимъ языкъ Гальскiй, Кимрскiй и Басконскiй (le Basque), кошорыхъ однакожь нельзя считашь однимъ языкомъ: см. Шлецер. Nord. Gesch. 340. — *Братъ*, Bruder, frater. Граждане одного цеха назывались въ Аѳинахъ *Φρατορες*, а собрашсшва ихъ *Φρατρίαι*. — *Сестра*, soror, Schwester. — *Свекоръ*, *свекровь*, socer, socrus, Schwiegervater, Schwiegermutter. — *Сынъ*, Sohn. — *Дочь* по-Тевшонски *Дотеръ*: отъ чего произошло Нѣмецкое Tochter. — *Деверь*, *δαήρ*. — *Люди*, Leute, *λαός*. — *Мужъ*, Mann, mas (мужескiй). — *Вдова*, vidua, Wittwe. — *Жена*, *γυνή*. — Пасшырь, pastor, *βοτήρ*. — *Око*, oculus, Auge. — *Брада*, Bart, barba. — *Пята*, *πτέρνα*. — *Волосъ*, pilus.

— *Брови*, Augenbraunen, по-Англійски brow. — *Сердце*, Herz, κῆρ, καρδία, cor. — *Уста*, ςόμα. — *Спина*, spina (крестецъ: supinus, навзничь, *на спинѣ* лежащій). — *Кость*, ὀςέον, costa (ребро), Knochen. — *Ребро*, Ribbe. — *Ноготь*, Nagel. — Слюна, saliva. — *Кровь*, cruor. — *Солнце*, sol, Sonne. — *Огнь*, ignis (πῦρ и Feuer, по-Англо-Саксонски, Шведски и Датски Fyr, имѣютъ одно происхожденіе). — *Пламя*, flamma, Flamme, Φλὸξ. — *Лучь*, λύκη, lux (свѣтъ), Licht. — *Мѣсяцъ*, μὴν, mensis. — *День*, dies; у Грековъ δὴν значитъ *давно*, δηναιὸς *давнишній*. — *Вечеръ*, vesper, ἕσπερος. — *Ночь*, nox, νὺξ, Nacht. — *Вѣтръ*, ventus, Wind. — *Тепло*, tepor (Греческое θέρμη близко къ Нѣмецкому Wärme). — *Копоть*, καπνὸς. — *Вода*, vadum (иногда *мелкая*, иногда просто *вода*) ὕδωρ, Wasser. — *Ведро*, ὑδρία, hydria. — *Влага*, φλέγμα. — *Глыба*, gleba. — *Паръ*, vapor. — *Роса*, ros, δρόσος. — *Пыль*, pulvis. — *Поле*, βῶλος. — *Долина*, Thal. — *Стезя*, Steg. — *Море*, mare, Meer. — *Волна*, Welle. — *Соль*, sal, Salz, ἅλς. — *Гора*, ὄρος (Нѣмецкое Слово Berg и Славянское *верхъ* есть одно). — *Холмъ*, culmen, κολωνὸς (древнее Германское слово Holm означало не только *островъ*, но и *холмъ*). — *Скала*, по-Славянски *гора* каменная, а по-Латини scala *крыльцо*, ибо ступени его подобны *уступамъ горъ*. Греческій глаголъ σκάλλω *(рою, долблю)* имѣетъ, кажется, близкое отношеніе къ сему имени. — *Сребро*, Silber. — *Гость*, Gast, hospes (также Латинское имя hostis означало сперва не врага, а *чужестранца*, слѣдственно *гостя*). — *Бой*, βοή. — *Бой*, βοή. — *Кликъ*, κλῆσις. — *Звонъ*, *звукъ*, φωνὴ, sonus. — *Сонъ*, somnus. — *Обитаніе*, habitatio. — *Ужинъ*, coena. — *Рушеніе*, ruina. — *Селеніе*, colonia. — *Цѣль*, τέλος, Ziel. — *Покой*, quies. — *Цѣлость*, salus. — *Корыстью* называлась прежде воинская добыча; а воинъ назывался по-Гречески κορυςής. — *Домъ*, δόμος, domus; *дома*, domi. — *Дверь*, θύρα, Thüre. — Сѣно, foenum. — *Ось*, axis, ἄξων, Achse. — *Сѣкира*, securis. — *Скамья*, scamnum. — *Труба*, tuba. — *Валекъ*, volgiolus. — *Иготь*, ἴγδη, — *Сито*, Sieb (по-Гречески σήθω сѣю ситомъ). — *Ремень*, Riemen. — *Иго*, ζυγὸς, jugum, Joch. — *Коробъ*, corbis, Korb. — *Скринъ*, (скринка), scrinium, Schrank. — *Кадь*,

cadus, *κάδος*. — *Ворота*, porta. — *Дельва* (бочка), dolium, Tonne. — *Якорь*, Anker, anchora, *ἄγκυρα*. — *Щеть*, seta. — *Мѣра*, *μέτρον*, mensura, Maass. — *Бремя*, *βάρος*. — *Щитъ*, Schild, scutum. — *Мельница*, *μύλη*, mola, Mühle. — *Баня*, Bad, *βαλανεῖον* balneum. — *Весь*, vicus. — *Древо*, *δρῦς*, *δένδρον*. — *Кора*, cortex. — *Клей*, *κόλλα*. — *Липа*, Linde. — *Береза*, Birke, betula. — *Мохъ*, Moos, muscus. — *Гнѣздо*, nidus, Nest. — *Сокъ*, succus, Saft. — *Жиръ*, *στέαρ*. — *Вино*, vinum, Wein, *οἶνος*. — *Млеко*, Milch, lac. — *Яицо*, Ey, ovum. — *Ленъ*, *λίνον*, linum, Lein. — *Конопли*, cannabis, *κάνναβις*. — *Сѣмя*, semen, Saame. — *Зерно*, Kern. — *Мята*, menta, Münze. — *Шелкъ*, sericum; а на Шведскомъ языкѣ silk; по-Англійски такъ же. — *Волна*, Wolle, lana. — *Имя*, *ὄνομα*, nomen, Name. — *Воръ*, *φώρ*, fur. — *Рѣчь*, *ῥῆσις*, Rede. — *Даръ*, *δῶρον*, donum. — *Работа*, Arbeit, labor. — *Гробъ*, Grab. — *Гладкость*, *γλαφυρότης*, glabries, Glätte. — *Лѣпость*, lepor, lepos. — *Кругъ*, Kreis. — *Рядъ*, ordo, Reihe. — *Воля*, *βουλή*, *βούλημα*, voluntas, das Wollen. — *Лесть*, List. — *Спѣхъ*, (поспѣхъ) *σπεῦσις*. — *Знамя*, *σημαία*. — *Пеня*, *ποινή*, poena. — *Любовь*, Liebe (отъ сего происходитъ въ Латинскомъ языкѣ lubido, lubet или libet). — *Овца*, ovis, *ὄϊς*. — *Быкъ*, bos, *βοῦς*. — *Агнецъ*, agnus, *ἀμνός*. — *Свинья*, Schwein, *σῦς*, sus. — *Поросенокъ*, porcus. — *Бобръ*, Bieber, fiber. — *Левъ*, *λέων*, leo, Löwe. — *Осля*, asellus, Esel. — *Мышь*, *μῦς*, mus, Maus. — *Муха*, musca, Mücke, *μυῖα*. — *Гусь*, Gans, anser. — *Котъ*, catus, Kater. — *Голубь*, columbus. — *Ворона*, *κορώνη*. — *Чижикъ*, Zeisig.

Въ именахъ числительныхъ: *Единъ*, unus, eins, *εἷς*; *два*, duo, *δύο*, zwey; *три*, tres, *τρεῖς*; *четыре*, *τέσσαρες*; *пять*, *πέντε*; *шесть*, sex, sechs, *ἕξ*; *семь*, sieben, septem, *ἑπτά*; *осмь*, *ὀκτώ*, octo, acht; *десять*, *δέκα*, decem, zehn; *сто*, centum; *тысяча*, Tausend. — *Оба*, ambo, *ἄμφω*.

Въ прилагательныхъ: *Лѣвый*, laevus, *λαιός*, link; *десный*, *δέξιος*, dexter, rechter; *прежній*, prior; *лѣпый*, lepidus; *новый*, novus, *νέος*, neu; *ветхій*, vetus; *блеклый*, welk; *юный*, jung, junior (*юнѣйшій*); *правый*, probus; *сухій*, siccus; *чи-*

стый, castus; *кривый*, curvus; *свирѣпый*, severus; *тонкій*, tenuis, dünn; *короткій*, curtus, kurz; *легкій*, levis, leicht; *нагій*, nackt, nudus; *сладкій*, suavis, süss, γλυκὺς; *пѣшій*, pedester, πεζὸς; *сытъ*, satur, satiatus, satt (а по-Гречески σιτία значитъ *яство, кушанье*, σιτέω *насыщаю* и *насыщаюсь*); *долгій*, δολιχὸς; *постный*, ἄπαστος; (по-Нѣмецки fasten *поститься*); *достойный*, dignus; *святый*, sanctus, σεπτὸς; *слабый*, schlaff; *лѣнивый*, lenis; *живый*, vivus; *мертвый*, mortuus; *рыжій*, russus (*красный*), ῥούσσαιος; *строгій*, streng; *полный*, plenus.

Въ мѣстоименіяхъ: *мнѣ, мя*, μοί, μέ, mihi, me, mich; *ты*, tu, du; *тебѣ, тя*, tibi, te, dir, dich; *себѣ, ся* (*себя*), sibi, se, sich; *мой*, meus, mein; ἐμὸς; твой, tuus, dein; *его*, ejus; свой, suus, sein; *мы*, ἡμεῖς; *нашъ*, noster; вы, vos; *вашъ*, vester; *какій*, qualis; *такій*, τοιοῦτος, τοῖος, talis.

Въ глаголахъ: *есмь*, εἰμί, sum; *еси*, εἶς, es; *есть*, ἐστὶ, est, ist; *есмы*, ἐσμέν, sumus; *есте*, ἐστὲ, estis; сутъ, sunt, sind, εἰσί; *яду* (ѣмъ), ἔδω, edo, esse; *пію*, πίνω (*пить*, poto); *гряду*, gradior; *сидѣть*, sedere, sitzen; *стою*, sto, stehe; *видѣть*, videre, εἰδέω; *даю*, do, δίδωμι; *строить*, struere; *кормлю*, κορέω; *сѣку*, seco; *вью*, vieo, winde; *бить*, battuo; *пасти*, pascere; *сосу*, sugo, sauge; *лежу*, λέγω (Гомеръ употребляетъ сей глаголъ въ такомъ смыслѣ), liege; *клоню*, κλίνω, clino; *плыву*, πλέω; *везу*, veho; *деру*, δέρω; *пеку*, πέπτω; *влеку*, ἕλκω; *врѣю*, ferveo; *варю*, wärme; *вѣю*, wehe; *кую*, cudo; *прошу*, rogo; *отпираю*, aperio; *кричу*, quirito, κράζω, schreie; *гремѣть*, βρέμω; *стонать*, stöhnen; *мѣшать*, mischen, miscere; *верчу*, verto; *дѣлю*, theile; *дремлю*, dormio, dormito; *трепещу*, τρέμω, tremo; *лижу*, lecke, λείχω, lingo; *орю*, aro, ἀρόω; *глотаю*, glutio; *скоблю*, scabo; *валяю*, volvo, wälze; *сѣю*, säe, sero; *кличу*, καλέω; *мелю*, molo, mahle; *лгу*, lüge; *числю*, zähle; *могу*, *мочь*, mögen; *тру*, tero; *совѣтую*, suadeo; *усиляю*, помогаю, auxilior; *плету*, plecto, πλέκω, flechte; *шью*, suo; *рву*, ruo; *слабѣю*, labo; *граблю*, rapio, raube.

(247) На примѣръ: *карканье, блеяніе, кваканье,* и проч.

(248) Это справедливо замѣтилъ Левекъ. Можно думать, что глаголъ *быть* въ настоящемъ времени образованъ по-Греческому и Латинскому въ новѣйшія времена. „*Никто не сомнѣвается* (*пишетъ* Шлецеръ въ Proben Russisch. Annal. стр. 71), чтобы Нѣмецкій, Греческій и Латинскій не были въ основаніи однимъ языкомъ — Славянскій также.“ Юніусъ, Ире, доказывали великое сходство Греческаго и Готескаго. Исповичъ говоритъ, что Греки утратили коренное значеніе многихъ древнихъ словъ, и должны искать его въ Славянскомъ языкѣ, гдѣ оно сохранилось (см. Шлецер. Nord. Gesch. стр. 325). Такъ Ире изъяснилъ нѣкоторыя Греческія слова древними Нѣмецкими.

(249) См. выше, стр. 22.

(250) *Скиѳскимъ*, говоритъ ученый Ире (см. его Prooemium или предисловіе въ Лексиконѣ Шведо-Готескомъ); *но Скиѳы пришли изъ Азіи уже въ то время, когда Европа* имѣла своихъ жителей (см. выше стр. 6). *Кельтскимъ*, скажетъ Пеллутье, написавшій Histoire des Celtes: ибо Греческіе и Римскіе Историки признаютъ Кельтовъ самыми древнѣйшими Европейцами, предками Галловъ и Германцевъ, жившими на обѣихъ сторонахъ Рейна, на Дунаѣ, Днѣпрѣ, гдѣ они смѣшались съ народами Ѳракійскими и Скиѳами (см. Страб. Geograph. стр. 58 и 465), на берегахъ Сѣвернаго *Океана, близъ* горъ Рифейскихъ (см. Плутарха въ жизни Камилла), въ Италіи и въ Испаніи, такъ что Птолемей всю Европу называетъ Кельтикою. Но Шлецеръ замѣчаетъ справедливо, что сіе имя, подобно Скиѳіи, есть болѣе географическое, нежели историческое, означая у Древнихъ, по системѣ Эфоровой, западную часть свѣта со всѣми ея жителями безъ всякаго различія въ народахъ. Если бы Эѳіопы перешли изъ Африки на Рейнъ, то Эфоръ назвалъ бы ихъ Кельтами. Юлій Цесарь въ самой Галліи отличаетъ Кельтовъ отъ народовъ Аквитанскаго и Бельгскаго, имѣв-

шихъ языки и нравы особенные; но Греки, по своему невѣжеству, именовали Кельтами и Скиѳами народы многіе и совсѣмъ не единоплеменные.

(251) См. Ире Prooemium, стр. XXI, XXVIII. Геродотъ (кн. II) сказываетъ, что Эллада называлась нѣкогда Пеласгіею; что древніе Аттики были Пелазги, которые жили прежде во Ѳракіи. Гекатей Милетскій по извѣстію Страбонову (кн. VI) говоритъ также, что Ѳраки населили Аттику.

(252) См. Шлец. Nord. Gech. стр. 599.

(253) См. Réligion des Gaulois T. I, стр. 39 и Тунман. Erklärung einer alten Preuss. Aufschrift стр. 229. — Доказано, что Готѳы еще прежде имѣли буквы; но Ульфила, переводя Евангеліе, изобрѣлъ только нѣкоторыя новыя (Ире Analecta Ulfil. Diss. I; см. также Шлец. Nord. Gesch. Маллетову Histoire de Dannemarc и Тунмана. Бетикою называлась часть Испаніи отъ рѣки Анаса на полдень до моря. Руны были извѣстны въ Германіи и въ Британніи (см. von der Schreibkunst im Norden въ Шлец. Nord. Gesch.) Фортунатусъ, Поэтъ VI вѣка, упоминаетъ объ нихъ въ стихахъ своихъ. (Шлец. Nord Gesch. стр. 61).

(254) См. Тунмана Erklär. einer Preuss. Aufschrift стр. 229

(255) Геренов. Ideen über den Verkehr der alten Welt, T. II, стр. 556.

(256) Турдетане увѣряли во время Страбоново, что они уже 6000 лѣтъ умѣютъ читать и писать. Сіи 6000 лѣтъ могутъ быть опискою (см. Шлец. Nord. Gesch. стр. 596).

(257) См. Тунмана Erklär. alt. Preuss. Aufschr. стр. 230—232, и Битнер. Vergleichungstafeln der Schriftarten verschiedener Völck. Tab. II.

(258) Тацитъ сказалъ о Германцахъ: litterarum secreta viri pariter ac feminae ignorant. Изъ сего нѣкоторые заключили, что они въ его время не знали письма; но Римскій Историкъ говоритъ о *тайныхъ* любовныхъ

письмахъ, хваля супружескую вѣрность и цѣломудріе Германцевъ. *Лаблеттери*, Тунманъ, *Миллеръ* и другіе такъ разумѣли слова его. Самъ же онъ пишетъ (Descr. Germaniae), что многіе памятники между Реціею и Германіею были исписаны буквами. Жители Панноніи знали искусство писать отъ Римлянъ).

(259) Плиній кн. *VII*, гл. 57: Utique in Graeciam intulisse e Phoenice. Cadmum sedecim numero, quibus Trojano bello Palamedem adjecisse quatuor, totidem post Simonidem Melicum . . . . In Latium eas (буквы) attulerunt Pelasgi.

(260) См. Voigts Untersuchung über die Einführung der Buchstaben in Böhmen, въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen, Ч. I, стр. 164 и слѣд. Одинъ Лѣтописецъ Россійскій среднихъ временъ, повторяя Несторово извѣстіе о буквахъ Кирилловыхъ, прибавляетъ: „преже убо Словени не имѣаху письменъ, *но начертаньми „и нарѣзаньми* чиптаху и гадаху" (см. въ Синодальн. библіотекѣ рукописн. книгу о *древностяхъ Россійск. Государства*, подъ No. 529, Т. I, кн. 2).

(261) Acta Sanctorum IX Mart. Добнер. Annales Bohemorum Ч. III, Коля Introductio in hist. et rem litt. Slavorum, гл. II, и въ *Несторѣ* стр. 20. Византійскіе Лѣтописцы не упоминаютъ о семъ происшествіи. Несторъ описываетъ его между случаями 898 году: явная ошибка! Михаилъ убитъ въ 867 году, а Константинъ или Кириллъ и Меѳодій, какъ самъ Несторъ пишетъ, были имъ отправлены въ Моравію (а не въ городъ Раву, какъ думалъ Татищевъ). Они перевели на Славянскій языкъ Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь и Октоихъ. — Нѣкоторые суевѣры возстали противъ сей новости, доказывая, что одни Евреи, Греки и Римляне могутъ имѣть грамоту: ибо на крестѣ Спасителя не было иныхъ надписей, кромѣ Еврейской, Еллинской и Латинской. Но Папа утвердилъ письмена Моравскія, и сказалъ, что Бога должно славить на всѣхъ языкахъ. Потомъ Константинъ отправился въ

Болгарію учить Христіанству; а Меѳодій, Епископъ Паннонін, избралъ двухъ Священниковъ, искусныхъ въ языкѣ и въ письмѣ, которые въ шесть мѣсяцевъ, отъ Марта до 12 Октября, перевели съ Греческаго на Славянскій всѣ книги церковныя.—Такъ повѣствуетъ Несторъ. Въ книгѣ *Житій Святыхъ*, въ описаніи дѣлъ Константина и Меѳодія 15 Маія, сказано, что они прежде—(въ 858 году; см. Гаттерер. Weltgeschichte стр. 578)—,,обратили уже многихъ Козаровъ въ Христіанство; что Царь Михаилъ для того послалъ ихъ и въ Моравію, убѣдивъ Константина принять санъ Архіерейскій; что сей мужъ добродѣтельный еще въ Царѣградѣ *изобрѣлъ* азбуку Славянскую и началъ переводить *Евангеліе отъ Іоанна*; что Моравскій Князь, Ростиславъ, принявъ его и Меѳодія съ великою ласкою, велѣлъ отрокамъ учить новую азбуку и переведенныя книги, Часословъ и Псалтирь; что святые мужи въ четыре года утвердили всю землю Славянскую въ истинной Вѣрѣ, перевели Евангеліе, Апостолъ, Литургіаріонъ, и совершали Божественную службу на языкѣ Славянскомъ; что Епископы Западной Церкви вознегодовали по тѣмъ причинамъ, о которыхъ говоритъ Несторъ, и Папа, Николай IX, позвалъ въ Римъ Константина и Меѳодія, но самъ въ тоже время умеръ; что преемникъ его, Адріанъ II, одобрилъ ихъ дѣло и предалъ анаѳемѣ хулителей новой Литургіи; что они, Константинъ и Меѳодій, служили въ Римѣ обѣдню на языкѣ Славянскомъ; что Константинъ занемогъ тамъ, принялъ на себя святую схиму, названъ *Кирилломъ*, вручилъ Епископство свое Меѳодію, скончался и погребенъ въ Церкви Св. Климента (слѣдственно не ѣздилъ въ Болгарію, какъ говоритъ Несторъ); а Меѳодій Епископъ жилъ долгое время въ Панноніи, и перевелъ множество книгъ съ Греческаго. Ежели Константинъ и братъ его жили въ Моравіи четыре года и пріѣхали въ Римъ скоро по смерти Николая IX, то Славянская грамота изобрѣтена ими въ 863 году: ибо сей Папа умеръ въ 867. Римскіе Acta San-

ctorum и всѣ иностранные Писатели согласны по крайней мѣрѣ въ главномъ съ нашею Минеею (см. Шлец. *Несторъ* Ч. III, стр. 198—241). Папа Іоаннъ VIII въ Буллѣ своей, писанной въ 880 году къ Моравскому Князю Святополку, именно называетъ Константина изобрѣтателемъ буквъ Славянскихъ: litterae Slavonicae à Constantino quodam repertae. Такое свидѣтельство всѣхъ другихъ важнѣе и достовѣрнѣе. Извѣстіе Несторово, что два Священника, избранные Меѳодіемъ, *въ шесть мѣсяцовъ* перевели *всѣ* церковныя книги, раждаетъ вопросъ: *какія? всю ли* Библію, то есть, Ветхій Завѣтъ (ибо Новый былъ уже переведенъ Константиномъ и Меѳодіемъ)? Это кажется невозможнымъ. Шлецеръ думаетъ, что они въ шесть мѣсяцовъ только *списали* новую Славянскую Библію; но Лѣтописецъ говоритъ: *преложиста:* да и важно ли знать время, употребленное на ея списываніе?

(262) Буква Ш есть Еврейская ש. Фришъ считаетъ Б и Ь также Еврейскими (см. его Hist. linguae Sclavonicae etc. гл. I). Нѣкоторые утверждали, что Ѫ употребляемъ въ Россіи только со временъ Митрополита Кипріана или съ XIV вѣка; но сіи господа не видали харатейнаго Евангелія Софійскаго, найденнаго въ Петербургѣ между книгами Екатерины Великой въ 1806 году и писаннаго съ юсами въ половинѣ XI вѣка (см. нашей Исторіи Т. II, примѣч. 114). Ѫ тоже, что У. Даже вмѣсто Ю писали J—Ѫ.

(263) Несторъ говоритъ: „симъ бо первая преложе„ны *книгы* (т. е. Библія) въ Моравѣ, яже прозвася „грамота Словенская, *еже грамота есть въ Руси.*"

(264) Нѣкоторые воображали Св. Іеронима Далматскимъ Словениномъ (хотя Славяне вошли въ Далмацію только въ VII вѣкѣ: см. выше, стр. 28); а какъ Іеронимъ, по его словамъ, перевелъ Библію на *свой народный языкъ*, то думали, что ему надлежало быть и первымъ изобрѣтателемъ буквъ Славянскихъ. Несправедливость сего мнѣнія уже замѣтили Бандури, Коль, Ассемани и

другіе. Іеронимъ перевелъ Библію не на Славянскій, а на Латинскій языкъ, которымъ говорили тогда въ Далмаціи. Оставляемъ Д. Антону (въ Geschichte der Germanen, стр. 378-379) доказывать, что Славяне обитали искони въ Иллиріи: ибо древніе жители ея, по извѣстію Амміана Марцеллина, дѣлали изъ ячменя питье и называли его Sabaja: нѣтъ сомнѣнія, какъ думаетъ Антонъ, что сіе имя есть Славянское, и происходитъ отъ глагола *запивать*!

(265) То есть, 1222 году (Ассем. Kalendaria Ecclesiae Universae T. IV, стр. 443).

(266) Такъ называемый *Сборникъ*, отданный Кн. Щербатовымъ въ библіотеку Эрмитажа, и Евангеліе Софійское (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 114).

(267) См. Шлецер. Nestor. Ч. II, стр. 327, Добровскаго въ Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft in Böhmen T. V, стр. 318, и Voigts Untersuch. über die Einführ. der Buchstab. въ томъ же сочиненіи, T. I, стр. 176.—Однакожь не всѣ Ученые такъ думали. Богемецъ Добнеръ утверждалъ, что истинная Кириллова азбука есть Глагольская, и что наша, изобрѣтенная послѣ, несправедливо названа симъ именемъ (Abhandlungen der Böhmisch. Gesellschaft der Wissenschaften, годъ 1785, стр. 101-13).

I)„ Буквы Глагольскія, грубыя и нескладныя, имѣютъ „всѣ признаки древности, и не сходны ни съ какими „другими: Кирилловскія же суть не что иное, какъ Гре„ческія, и не могли бы въ IX вѣкѣ прослыть новымъ „изобрѣтеніемъ. Между ими видимъ только *семь* не Гре„ческихъ буквъ, которые взяты изъ Глагольской азбуки.“ —Ученому Греку Кириллу всего естественнѣе было дать Славянамъ Греческія письмена; надлежало выдумать новыя единственно для такихъ звуковъ, которыхъ нѣтъ въ языкѣ Греческомъ. Не всѣ, но только двѣ изъ сихъ новыхъ буквъ одинаковы съ Глагольскими; на примѣръ: Ш, Щ. Не правда также, чтобы другія Глагольскія совсѣмъ не походили на Кирилловскія. Изобрѣтатель

первыхъ, *желая отличиться*, писалъ иныя *на оборотъ* (Е, З—З, ო, — Р. Ꮟ); къ другимъ прибавлялъ черты (п, Г—ш, П) и хитрилъ въ красивости (Λ, Ѧ—м, ѧ); буква Ф совершенно та же. Кирилловскія писмена имѣютъ образъ Греческихъ девятаго вѣка (см. Монфоконову Греческ. Палеографію, также примѣры въ Ephemerid. Graeco-Moscis, T. I, и въ Ламб. Commentar. de Bibliotheca Vindobonensi): доказательство, что Славяне приняли ихъ дѣйствительно во время Константина и Меѳодія, а не въ новѣйшія времена, когда образъ Греческихъ буквъ уже перемѣнился. „Но для чего же Кириллъ былъ названъ *изобрѣтателемъ*?“ Для того, что Славяне прежде не имѣли грамоты, и что нѣкоторыя буквы въ семъ алфавитѣ дѣйствительно *изобрѣтены* имъ.— 2) „Римскіе „Духовные въ XI вѣкѣ называли Славянскій алфавитъ Готѳскимъ“ (dicebant enim gothicas literas à quodam Methodio haeretico fuisse repertas, говоритъ Ѳома Архидіаконъ Спалатрскій, въ Швандтнер. собраніи Script. rer. Hung. T. III, стр. 552—554): „слѣдственно они разумѣли „подъ симъ именемъ не Кирилловскій, а Глагольскій, дѣй-„ствительно сходный въ кудрявости съ Готѳскими „буквами.“ Римскіе Духовные называли Славянскій алфавитъ Готѳскимъ единственно для того, что они считали Готѳовъ и Славянъ за одинъ народъ (см. въ Швандтнер. собраніи Script. rer. Hung. T. II стр. 119, слова Далматскаго Аббата Лудовика Тубера: praeter Gothas, quos Slavenos nuncupant, и проч.; см. также въ Ассем. Kalend. Eccl. I, 318). — 3) „*Имя Кирилловской* азбуки „есть *новое*; мнимый изобрѣтатель ея только за 50 „дней до кончины своей былъ названъ *Кирилломъ*: спра-„шиваю, какъ же она прежде называлась?“ Азбукою или грамотою, или *Славянскою* азбукою, и проч. Кирилловскою стали называть ее конечно въ новѣйшія времена, когда Славяне Далматскіе ввели у себя другую, т. е. Буквицу или Глагольскую. — 4) „Далматскіе Славяне „употребляютъ Буквицу, Россіяне Кирилловскую: слѣд-

„ственно первая древнѣе, ибо Россіяне приняли Хри-
„стіанство 100 лѣтъ послѣ Далматовъ, т. е. въ кня-
„женіе Владиміра.“ Во-первыхъ Христіанство вошло въ Россію еще въ 867 году, по извѣстію Византійскихъ современныхъ Лѣтописцевъ (о чемъ см. ниже); во-вторыхъ, ежели другіе Славяне, на прим. Сербы, *по мнѣнію Добнера* оставили *древнѣйшую* азбуку свою, принявъ новѣйшую Кирилловскую, то и Далматскіе могли промѣнять Кириллову на Буквицу. — 5) „Пусть покажутъ
„намъ Кирилловское письмо девятаго столѣтія!“ Отвѣчаемъ: пусть покажутъ намъ Глагольское письмо ранѣе XIII столѣтія! По крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ существовала Кирилловская грамота: сіи буквы видимъ уже въ надписи Кіевской церкви (см. ниже примѣч. 473), достроенной въ 996 году. — 6) „Но въ предисловіи ха-
„ратейной Глагольской Псалтири 1222 году какой-то
„*Николай* говоритъ, что она списана съ подлинника
„временъ Ѳеодора, *послѣдняго* Епископа Салонскаго; а
„какъ ученый Ассемани доказалъ, что *послѣднимъ* Са-
„лонскимъ Епископомъ надлежитъ считать Ѳеодора
„жившаго въ концѣ IX вѣка, то слѣдуетъ, что Гла-
„гольскими буквами уже писали въ IX вѣкѣ.“ Добнеръ не хотѣлъ замѣтить, что самъ Ассемани сомнѣвается въ истинѣ сего извѣстія; въ подлинникѣ (думаетъ онъ) стояло, можетъ быть, только: scriptum impensis et mandato Theodori Episcopi; а догадливый писецъ Николай прибавилъ отъ себя: ultimi Salonitani Episcopi (Ассем. Kalend. Eccl. Univ. T. IV стр. 445 въ примѣч.) Къ тому же сіе Евангеліе могло быть списано Николаемъ съ Кирилловскаго, а не съ Глагольскаго подлинника. — 7) „Фран-
„цузскіе Бенедиктинскіе Монахи въ своей *Новой си-*
„*стемѣ Дипломатики*, Ч. II, стр. 166, говорятъ о Бол-
„гарской рукописи, хранимой въ Парижской библіотекѣ
„подъ No. 2340 и писанной лѣтъ за 800 или 900 до на-
„шего времени: сія же рукопись есть Глагольская.“ Но ежели Французскіе Монахи ошиблись въ своемъ *мнѣ-*

ніи тремя стами лѣтъ? На рукописи не означено ея древности, ибо они не сказали бы тогда: „за 800 или „900 лѣтъ." Мы знаемъ также, что въ Болгаріи употребляются не Глагольскія буквы, а Кирилловскія.

Любопытные могутъ видѣть Буквицу во Франц. Энциклопедіи. Я имѣлъ въ рукахъ своихъ букварь Іеронимовскіи, напечатанный въ 1753 году въ Римской Типографіи Пропаганды, и молитвенникъ изданный въ Венеціи. Первая книга, напечатанная Глагольскими буквами, есть Новый Завѣтъ, изданный въ Тибингенѣ въ 1553 году (см. Abhandl. einer Priv. Gesell. in Böhm. Т. I, стр. 176-177).

(268) Богемскіе Историки пишутъ (см. Добнера въ Annal. Bohemorum Ч. III, стр. 188), что Костантинопольскій Патріархъ Фотій, недовольный Меѳодіемъ за его сношенія съ Римомъ, поставилъ въ Моравію инаго Епископа Агаѳона, а въ Нейтру Гораздоса; но Князья Моравскіе не хотѣли принять ихъ. Агаѳонъ былъ Греческимъ посломъ въ Германіи около 873 года, а Гораздосъ Болгарскимъ Архіепископомъ въ 880 (Гебг. Gesch. des Staats Mähren, стр. 28). Съ того времени, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, не находимъ уже ни одного Греческаго Епископа въ Моравіи.

(269) См. Буллу его 968 году (въ Исторіи Козмы Прагскаго, въ Менкен. собран. Script. rer. Germ. Т. I, стр. 1994), въ коей онъ запрещаетъ употребленіе Славянскаго или Русскаго языка; и въ тѣхъ земляхъ, гдѣ изобрѣтена Кириллова азбука, не осталось даже никакихъ слѣдовъ ея. Время и Паписты истребили тамъ всѣ древнія Славянскія рукописи (см. Abhandl. der Böhm. Gesellsch. на 1785 годъ, стр. 136.)

(270) См. выше, примѣч. 262, и Гебг. Gesch. der Slav. Т. I, стр. 20.

(271) Сильнѣйшею изъ нихъ была область Кривичей, владѣвшихъ Полоцкою, Витебскою (въ верховьѣ Двины), Псковскою, Смоленскою и, можетъ быть, частію Твер-

ской Губерніи. *Латыши* донынѣ именуютъ Россіянъ Кревами или Кривичами. — Напрасно многіе воображаютъ Новгородъ уже великимъ и знаменитымъ прежде Рюрика: народная пословица, свѣданная нами отъ Кранца, писавшаго въ *XV* и *XVI* вѣкѣ: quis potest contra Deum et magnam Novgardiam? *кто противъ Бога и великаго Нова-града?* (Wandalia, стр. 5) можетъ относиться единственно ко временамъ позднѣйшимъ. Въ IX вѣкѣ область его, окруженная на Югѣ Кривичами, а на Западъ, Сѣверъ и Востокъ разными Финскими племенами, едва ли составляла и половину нынѣшней Губерніи Новогородской.

(272) Гроза, которая сокрушила величіе Рима, и нѣсколько вѣковъ свирѣпствовала въ Европѣ, начала утихать уже въ концѣ VI вѣка. Все бывшее исчезло: явились новыя правленія, новые обычаи и законы: прославились новыя имена народовъ. Германцы, оставивъ большую половину своего древняго отечества Славянамъ, властвовали въ Англіи, Галліи, Италіи; но въ *VIII* вѣкѣ уступили Испанію Аравитянамъ, пришедшимъ въ Европу съ мечемъ, Алкораномъ и съ любовію къ Наукамъ. Карлъ Великій, въ послѣдній годъ сего вѣка, основалъ Имперію Западную, несравненно сильнѣйшую Восточной, которая ужасалась всякаго непріятеля, но дерзала еще именоваться Римскою. Скандинавія — officina gentium, vagina nationum, какъ говоритъ Іорнандъ — раздѣленная на малыя Королевства, повелѣвала морями: ея безчисленные витязи, скучая тѣсными предѣлами отечества, суровымъ его климатомъ и праздностію, трубили въ рога, стремились отъ пиршествъ на легкіе корабли свои, искали добычи, новыхъ земель и завоеваній. Азіатскіе народы — Болгары, Козары — господствовали на западныхъ и сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Калифы, наслѣдники Магометовы, еще славились на Востокѣ. — Въ сіе время начинается Исторія Государства Россійскаго.

(273) Несторъ: „почаша сами въ собѣ володѣти, и „не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, и быша „въ нихъ усобицы, и воевать почаша сами на ся." Въ *Никонов. Лѣт.* сказано, что они долго спорили между собою, отъ кого требовать Владѣтелей: одни предлагали Козаровъ, другіе Полянъ, — *Дунайцей* и Варяговъ; нѣкоторые единоземцевъ своихъ: *и бысть о семъ молва велія.* Все вымыслы и догадки.

(274) Преданіе о Гостомыслѣ сомнительно: въ Несторовой лѣтописи, въ самой *Никонов.* и въ *Степен. Книгѣ* нѣтъ о томъ ни слова. Однакожь Герберштеинъ, который въ 1517 и 1526 году пріѣзжалъ въ Москву, говоритъ уже о семъ знаменитомъ Новогородскомъ мужѣ (Rerum Moscovit. Commentarii, стр. 3). Въ историческомъ отрывкѣ, внесенномъ въ лѣтопись Попа Іоанна (стр. 317), названъ Гостомыслъ первымъ Новогородскимъ Посадникомъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ *дополненнаго* Нестора (на примѣръ, Софійскаго Новогородскаго) сказано также, что Славяне, *пришедше на Ильмень съ Дуная*, выбрали Гостомысла въ старѣйшины; но въ такомъ случаѣ ему надлежало бы умереть за нѣсколько вѣковъ до Рюрика (см. выше, примѣч. 70 и 91).

(275) Я не вижу причины думать, чтобы Весь и Чудь *тогда уже* зависѣли отъ Славянъ: тѣ и другіе, по извѣстію Несторову, искали Государей: слѣдственно они имѣли равныя права. Въ Псковской лѣтописи (въ Синодальн. Библіот. No. 349) именно сказано, что каждый изъ упомянутыхъ народовъ имѣлъ особенное правленіе: „Новогородцы свою власть имѣяху, а Кривичи „свою, а Чудь своими владѣху, и дань даваху Варягомъ" (л. 154 на обор.).

(276) Миллеръ—см. въ его *Описаніи народовъ, издревле обитавшихъ въ Россіи*, статью *о Варягахъ* — думалъ, что Славяне и Финны звали Варяговъ не для правленія, а единственно для защиты границъ своихъ и что Рюрикъ былъ *похитителемъ* власти. Но ясныя слова

Лѣтописца: *да пойдете княжить и володѣть нами*, опровергаютъ сіе мнѣніе. Не внѣшніе враги, счастливо изгнанные Славянами, а внутренніе безпорядки принудили ихъ искать Князей за моремъ; слѣдственно они хотѣли *властителей: ибо одна гражданская власть могла* пресѣчь зло неустройства и безначалія. Такъ ли было дѣйствительно, не знаемъ; но такъ говоритъ Лѣтописецъ. Истину знали вѣрно одни современники.

(277) Въ *Пушкин.*, въ *Троицк.* и во всѣхъ старыхъ спискахъ находимъ имя *Рюрикъ*, а не *Рурикъ*, какъ писали уже въ новѣйшія времена. — Въ *Никон. Лѣт.* прибавлено: *онижъ* (Варяги) *бояхусь звѣринаго ихъ* (Славянъ и Финновъ) *обычая и нрава, и едва избрашась три брата.* Народъ, который жертвуетъ вольностію порядку и гражданской безопасности, не имѣетъ уже *звѣрскихъ обычаевъ*, и смѣлые Варяги конечно не испугались власти, съ такимъ добродушіемъ имъ предложенной. — Замѣтимъ, что Кіевъ былъ *основанъ тремя братьями*; что Радимичи и Вятичи назвались именемъ двухъ *братьевъ*; что Славяне и Финны призвали изъ Варяжской земли трехъ *братьевъ*: сіе *братство* можетъ показаться сомнительнымъ.

(278) *Избрашася 3 братья съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь; пріидоша* — и проч. Здѣсь нѣтъ двусмыслія для знающихъ древній и въ особенности Несторовъ языкъ. Слова: *пояша по собѣ всю Русь*, знаменуютъ, что братья раздѣлили *между собою* Чудскую и Славянскую землю, которая назвалась послѣ *Русью;* а не то, чтобы они взяли *съ собою всѣхъ* Русскихъ Варяговъ. Лѣтописецъ уже выше сказалъ, *съ кѣмъ* сіи *братья пришли въ нашу страну: съ роды своими*, то есть, съ семействами, съ родственниками.

Въ *Пушкин.* харатейномъ спискѣ Нестора: *пріидоша старѣйшій Рюрикъ . . . .* а *другой Синеусъ на Бѣлѣозерѣ*, а *третій* (въ) *Изборстѣ Труворъ*. Названіе мѣста, гдѣ княжилъ Рюрикъ, пропущено; въ *Троицкомъ* (что достойно

замѣчанія) также; но вверху приписано, надъ именемъ Рюрика: *Новг.* . . . . По всѣмъ инымъ извѣстнымъ спискамъ Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ; только въ *Кенигсбергскомъ*, *Хлѣбниковскомъ* и въ *Ипатьевскомъ*, гораздо новѣйшихъ, сказано такъ: „*Избрашась* 3 братья и „пріидоша къ *Словеномъ первое*, и *срубиша городъ Ладо-* „*гу*, *и сѣде* въ *Ладогѣ* старѣй Рюрикъ.“ Далѣе: „по двою „же *лѣту* умре Синеусъ и Труворъ, и прія всю власть „Рюрикъ одинъ, и *пришедъ ко Ильмерю*, *и сруби городъ* „*надъ Волховомъ и прозва Новгородъ* и сѣде ту.“ Сіе мѣсто о Ладогѣ и Новѣгородѣ, основанномъ будто бы Рюрикомъ, прибавлено безъ сомнѣнія въ новѣйшія времена: вотъ доказательства: 1) Рюрикъ прибылъ къ Славянамъ въ 862 году; ежели онъ два года, т. е. по смерть братьевъ его, *жилъ* въ Ладогѣ, то ему надлежало переселиться въ Новгородъ уже въ 864 году; но во *всѣхъ* спискахъ, въ самомъ *Ипатьев.*, *Хлѣбников.*, *Кенигсбергскомъ*, сказано, что сей Князь въ 863 году уже былъ въ *Новѣгородѣ*: *Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ въ лѣто* отъ „созданія міра 6371 (863 отъ Р. X.), 6372“ — и такъ далѣе. 2) Онъ не могъ срубить Новагорода, ибо Несторъ, по самому *Ипат.*, *Хлѣбн.* и *Кенигсберг.* списку, уже сказалъ въ началѣ, что Славяне построили Новгородъ въ одно время съ Кіевомъ, пришедши съ Дуная: слѣдственно гораздо ранѣе временъ Рюриковыхъ. Также въ самомъ *Ипат.*, *Хлѣбн.* и въ *Кенигсберг.* спискѣ подтверждено извѣстіе Несторово, что древнѣйшіе основатели или жители Новагорода были Славяне, а не Варяги, населившіе его уже со временъ Рюриковыхъ (см. печатн. *Нестора* по *Кенигсберг.* списку, стр. 17). Какой нибудь любитель Русской Исторіи, списывая Нестора съ древняго подлинника, гдѣ пропущено было имя Новагорода (такъ же, какъ въ *Пушкин.* и *Троицк.*: „Рюрикъ старѣй„шій . . . а другой, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ)“ вставилъ Ладогу для того, что она, по народному преданію, уже существовала во времена Рюрика, и что въ ней доны-

нѣ есть мѣсто называемое *Рюриковымъ домомъ.* За одною вставкою слѣдовала другая: „Новагорода конечно „не было, ежели Великій Князь жилъ сперва въ Ладогѣ:“ думая такъ, сей же или другой любитель Исторіи, безъ всякаго соображенія, прибавилъ обстоятельство, что Рюрикъ послѣ основалъ Новгородъ. Герберштейнъ, въ началѣ XVI вѣка, имѣлъ Несторову лѣтопись съ такою поправкою, и говоритъ: Rurik principatum Novuogardiae obtinet, sedemque suam ponit in Ladoga (Rerum Moscov. Comment. стр. 3). Стрыковскій, не понявъ его, обратилъ городъ въ островъ Ладожскаго озера. Но Длугошъ, Польскій Историкъ XV вѣка, выбравъ изъ Нестора всѣ свои извѣстія о Россіи, не упоминаетъ о Ладогѣ, и пишетъ, что Князь Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ: primus autem dictus est Rurek, qui in Nouogrod, secundus Scyniew, qui in Bialeiezioro, tertius Trubor, qui in Zborsk sedes suas posuerunt (его Hist. Pol. кн. I, стр. 48 и слѣд.). Наконецъ предложимъ самое важнѣйшее свидѣтельство. Въ харатейномъ сокращеніи Нестора, которое писано въ XIII вѣкѣ и найдено мною въ *Древнихъ правилахъ Софійскихъ* (Новогородскаго Собора) или въ Кормчей Книгѣ (Синодальн. библіотеки No. 82) сказано: „старѣй Рюрикъ сѣде *Новѣгородѣ,* Синеусъ на Бѣлѣозерѣ,“ и проч. —Рюрикъ *могъ* построить Ладогу (о чемъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ); она *могла* даже существовать и прежде его, хотя лѣтописи наши упоминаютъ объ ней въ первый разъ около 1105 году (см. напечат. въ Москвѣ *Новгород. Лѣтоп.* стр. 9); но дѣло состоитъ въ томъ, что Рюрикъ, по истинному сказанію Нестора, княжилъ съ самаго начала въ Новѣгородѣ. Симъ опровергается заключеніе Миллера и другихъ, что „Новогородцы не хотѣли принять къ себѣ Рюрика, а велѣли ему жить въ Ладогѣ для удобнаго отраженія морскихъ разбойниковъ, Варяговъ“—слѣдственно единоземцевъ его: странная довѣренность!

Въ *Кенигсберг.* спискѣ, которой теперь у меня въ рукахъ, написано ошибкою: *Сидецнасъ на Бѣлѣозерѣ*, вмѣсто: *Синеусъ на Бѣлѣозерѣ*; а другою новѣйшею рукою прибавлено вверху: *Синеусъ*; изъ чего вышло: „Синеусъ *сиде у насъ* на Бѣлѣозерѣ.“ Татищевъ же изъ сей *описки* заключилъ, что Несторъ, сочинитель лѣтописи, былъ родомъ изъ Бѣлаозера!—Городъ Бѣлозерскъ, по древнему преданію его жителей, стоялъ въ IX вѣкѣ на сѣверномъ берегу озера: Владиміръ, какъ они сказываютъ, перенесъ его на то мѣсто, гдѣ вытекаетъ рѣка Шексна (см. Миллеровъ *Географич. Лексиконъ*); нынѣ сей городъ находится, какъ извѣстно, на южной сторонѣ Бѣлаозера.

Въ *Архангельск. Лѣтописцѣ*, стр. 4: „Труворъ сѣде „во Изборску, а то нынѣ пригородокъ Псковскій, а тог„да былъ въ Кривичехъ большій городъ“—нынѣшняя слобода Изборскъ въ 26 верстахъ отъ Пскова. Миллеръ, желая Скандинавскимъ языкомъ изъяснить имя его, говоритъ, что Изборскъ значитъ *Исаборгъ* (см. въ его *Описаніи древнихъ народовъ* и проч. статью о *Варягахъ*) т. е. городъ на рѣкѣ Исѣ. Но Иса далеко отъ Изборска.

„Синеусъ и Труворъ (говоритъ Миллеръ) построили, „кажется, Изборскъ и Бѣлоозеро на границахъ Лифлян„діи и Біарміи, чтобы тѣмъ удобнѣе оберегать внѣш„ніе предѣлы Россіи.“ Они не *построили* сіи города, а только жили въ нихъ, по сказанію Лѣтописца: для того ли, чтобы оберегать границы, или для того, что западные Кривичи и Весь хотѣли имѣть особенныхъ правителей, мы не знаемъ. Согласимся на первое: слѣдуетъ ли изъ того, чтобы Князья были единственно *наемными* стражами, а не Властителями, какъ думалъ Миллеръ? Всякой Государь есть стражъ государства.

Замѣтимъ, что Изборскъ два раза былъ переносимъ съ мѣста на мѣсто: въ 1303 и въ 1330 (см. *Псков. Лѣт.*).

(279) См. *Книгу Степен.*, *Никоновск.*, также *Софійскую*, письменную Новогородскую и *Подробную лѣтопись*, изданную Львовымъ.

(280) *Архангельск.*, *Никон.* и *Софійск. Лѣт.* причисляютъ Мерю къ народамъ вызвавшимъ Рюрика съ братьями; но древній Лѣтописецъ именуетъ только Кривичей, Славянъ или Новогородцевъ, Чудь и Весь, которые хотѣли Князей: изъ сего должно заключить, что Варяги уже послѣ овладѣли страною Полочанъ, Мери и Муромы. Въ *Воскресен.* и другихъ лѣтописяхъ именно прибавлено, что Рюрикъ и братья его, утвердившись въ Россіи, *почаша* воевать всюду.

(281) См. Шведск. Далинову Gesch. des R. Schwed. T. I, и Маллет. Histoire de Dannemarc.

(282) Въ *Архангельск. Лѣт.* сказано: „за то, что онъ не далъ имъ ни града, ни села.“— ъ древнихъ спискахъ стоитъ *Аскольдъ* и *Скальдъ*, а не *Оскольдъ*.

Въ Несторѣ: „и бяста у него (у Рюрика) два мужа ни племени его, ни Боярина; и та испросистася ко Царюгороду съ родомъ своимъ.“ Въ *Кенигсбергск.* спискѣ ошибкою: „ни племени его, но Боярина:“ Татищевъ назвалъ ихъ потому знаменитыми мужами. Они уже по кончинѣ Синеуса и Трувора отправились изъ Новагорода —слѣдственно въ 864 году—и должны были итти чрезъ владѣнія независимыхъ Славянъ, которые едва ли могли пропустить ихъ дружелюбно. Въ *Архангельск. Лѣт.* сказано, что они плыли Днѣпромъ мимо Смоленска, и не смѣли войти въ сей городъ *великій и многолюдный*. Такія прибавленія въ новыхъ лѣтописяхъ явно основаны на догадкѣ. У насъ есть новѣйшая сказка о началѣ Кіева (см. въ Синодальн. библіот. книгу о *древностяхъ Рос. Государства* подъ No. 529), въ коей Авторъ пишетъ, что Аскольдъ и Диръ, отправленные изъ Новагорода Олегомъ послами въ Царьградъ, увидѣли на пути Кіевъ, плѣнились красотою онаго и завладѣли имъ, убивъ Кія, братьевъ и сестру его. Тутъ же сказано, что Кій, Щекъ и Хоривъ были разбойники въ Новогородской области; что Новогородцы посадили ихъ съ сестрою Лыбедью и съ 27 товарищами въ темницу и хотѣли повѣсить;

что Князь изъ жалости далъ имъ свободу; что сіи разбойники два мѣсяца шли дикими мѣстами до рѣки Днѣпра, впадающаго въ *Теплое* море, по коему живутъ Варяги; что Кій основалъ тамъ Кіевъ, и принявъ къ себѣ многихъ бродягъ, началъ обработывать землю; что товарищи его назвалися Древлянами, и проч.

„Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ и многи Варяги совокуписта." Вѣроятно, что Варяги, свѣдавъ о завоеваніи Кіева, пришли туда изъ Новагорода по слѣдамъ Аскольда и Дира.

Баеръ думалъ, что Аскольдъ и Диръ есть имя одного человѣка; что слово *Діаръ* означало на языкѣ Скандинавскомъ *вельможу* или *полководца*, и что Русскій Лѣтописецъ по незнанію обратилъ его въ другое *собственное* имя. Сія мысль полюбилась Татищеву и Миллеру. Но Шлецеръ доказалъ ошибку Баерову. Названіе Діаръ совсѣмъ не употребительно въ языкѣ Скандинавскомъ, и встрѣчается только одинъ разъ въ Стурлезонѣ, который говоритъ, что въ Скандинавію пришли съ *Одиномъ* 12 Diar: сіе имя есть множественнаго числа; въ единственномъ оно Di, и въ самомъ дѣлѣ означало не *вельможу*, не *полководца*, а *первосвященника* (см. Шлецеров. Oskold und Dir, eine Russ. Geschichte). Самъ Баеръ, не увѣренный въ истинѣ своего толкованія, прибѣгнулъ къ другому, еще менѣе основательному „На „Арабскомъ и Турецкомъ языкѣ Dijar означаетъ *собраніе* „*домовъ*, страну, область: по тому Козары, говорившіе „Турецкимъ языкомъ, назвали Аскольда *Діяромъ*, или „правителемъ области!" *Но область* не есть *правитель*. Къ тому же Несторъ опредѣляетъ даже разныя мѣста, гдѣ Аскольдъ и Диръ были погребены въ Кіевѣ: онъ еще собственными глазами видѣлъ ихъ могилы. Надобно имѣть основательные доводы, чтобы оспоривать Лѣтописца древняго въ случаѣ возможномъ: Баеръ и Миллеръ не представили ихъ. Мы знаемъ Императоровъ Римскихъ, которые избирали себѣ товарищей въ правленіи; для

чего же было не княжить вмѣстѣ Аскольду и Диру, храбрымъ витязямъ и друзьямъ?

(283) Россы, по извѣстіямъ Византійскимъ, ограбили всѣ монастыри и селенія прекрасныхъ острововъ Платы, Іатра, Теревинѳа, убивъ множество людей. Въ Теревинѳѣ жилъ тогда изгнанникомъ благочестивый Патріархъ Игнатій, и едва могъ спасти жизнь свою (см. Баера de Russorum prima expeditione Constanstinopolitana, въ Коммент. Академіи, Т. VI, стр. 376—378). Фотій поставилъ ему въ вину то, что онъ, лишенный сана духовнаго, дерзнулъ снова освятить Теревинѳскую церковь, опустошенную Россіянами. Императоръ, Василій Македонскій, въ 867 году возвратилъ Игнатію достоинство Патріарха, удаливъ Фотія.

Несторъ говоритъ, что Россіяне вошли въ *Судъ*, то есть, гавань Цареградскую, (см. ниже, примѣч. 308). — О семъ нападеніи *Россовъ* пишутъ Византійскіе Историки Левъ Грамматикъ, неизвѣстный Продолжатель Константиновъ, Георгій Монахъ и проч. не опредѣляя времени; одинъ Симеонъ Логоѳета сказываетъ, что Россы осаждали съ моря Константинополь въ *десятый* годъ Михаилова правленія; а какъ Михаилъ назывался Императоромъ уже съ 842 году, то многіе думали, что хронологія Логоѳеты несогласна съ Несторовою, и что нападеніе Россовъ было въ 852. Но Византійскій Лѣтописецъ говоритъ, что оно случилось во время Фотіева Патріаршества: Фотій же сдѣлался Патріархомъ только въ 858 году. Ученый Баеръ весьма основательно рѣшилъ сомнѣніе. Михаилъ царствовалъ 14 лѣтъ подъ опекою матери своей, Ѳеодоры. Логоѳета исключаетъ ихъ, и разумѣетъ *десятый годъ его самовластнаго правленія*, слѣдственно 866 (см. de Russorum prima expeditione Constantinopolitana, Коммент. С. Петерб. Академіи, Т. VI); слѣдственно Штриттеръ несправедливо вмѣстилъ походъ Аскольда и Дира въ случаи 859 году (см. его *Россійск. Исторію*, Т. I, стр. 17—18); несправедливо думалъ,

вопреки нашему древнему *Лѣтописцу*, что Варяги завладѣли Кіевомъ еще прежде *Рюрикова княженія* въ Новѣгородѣ. Сочинитель *Никон. Лѣт.* хотѣлъ такимъ же образомъ поправить Нестора, и выдумалъ *разные* походы Аскольда и Дира къ Царюграду: чему вѣрилъ и *Миллеръ*.—Несторъ ошибся въ одномъ: 866 годъ не былъ ни въ какомъ смыслѣ *четырнадцатымъ* Михаилова царствованія, какъ онъ говоритъ.

См. Memor. popul. T. II, стр. 957—958. Греки воображали, что на Сѣверѣ, около источниковъ рѣки Днѣпра, есть великая гора Тавръ (см. Баер. Origines Russicae, въ Комменш. Академіи Т. VIII, стр. 402).

Шлецеръ не признаетъ сихъ *Россовъ* Кіевскими. „Вѣроятно ли (говоритъ онъ въ своемъ Nestor, Ч. II, стр. 258), чтобы Аскольдъ и Диръ, едва утвердясь въ Кіевѣ съ горстію Варяговъ, собрали такъ скоро многочисленное войско и дерзнули приступить къ Царюграду?“ Вѣроятно, если Аскольдъ и Диръ въ 864 году—или ранѣе, ибо древняя хронологія нашего Лѣтописца подвержена сомнѣнію (см. выше, стр. 51)—могли завладѣть Кіевомъ; если дружина ихъ, какъ пишетъ Несторъ, была усилена Варягами, пришедшими въ слѣдъ за ними изъ Новагорода; если они также взяли съ собою и Кіевлянъ. Впрочемъ мы не видимъ отмѣнной многочисленности ихъ войска. Историки Византійскіе говорятъ о двухъ стахъ лодкахъ, на которыхъ едва ли было и 10,000 человѣкъ (см. ниже). Они шли не взять Константинополь, а грабить приморскіе монастыри и селенія. Михаилъ, не имѣя на тотъ разъ флота въ готовности, могъ удалить грабителей только молитвою или золотомъ. Преемникъ его, Василій Македонскій, отправилъ къ нимъ дары, желая избавить берега Чернаго моря и Воспора отъ новаго опустошенія. Слова Фотія, что Россіяне господствовали уже надъ сосѣдственными землями, изъясняются вѣроятнымъ предположеніемъ, что Аскольдъ и Диръ, утвердясь въ Кіевѣ, покорили нѣкоторыя Славянскія племена въ его

окрестностяхъ. Къ тому же молва народная всегда увеличиваетъ силу непріятеля новаго. — Тѣ же самые Византійскіе Историки, которые пишутъ о нападеніи *Россовъ* при Михаилѣ: Левъ Грамматикъ, Константиновъ Продолжатель, Симеонъ Логоѳета, Георгій Монахъ, Кедринъ, Зонара, описываютъ и походъ Игоревъ *изъ Кіева* въ 941, называя тѣхъ и другихъ непріятелей однимъ именемъ: слѣдственно они считали ихъ однимъ народомъ, уже весьма извѣстнымъ въ Константинополѣ около 902 году, ибо многіе Кіевскіе Россы служили тогда въ Греческомъ флотѣ (Memor. popul. T. II, стр. 972): о чемъ будемъ говорить ниже. Гдѣ истина сама собою представляется глазамъ Историка, тамъ нѣтъ нужды прибѣгать къ страннымъ гипотезамъ и выдумывать еще другихъ Россовъ, которые, по мнѣнію Шлецера, „въ 866 году приходили на 200 судахъ къ Царюграду, „неизвѣстно откуда, *только не изъ Кіева*; названы такъ, „неизвѣстно для чего; ушли, неизвѣстно куда, и послѣ „совсѣмъ исчезли въ Исторіи, уступивъ имя и мѣсто „Россіянамъ Кіевскимъ!“ Народы не падаютъ съ неба, и не скрываются въ землю, какъ мертвецы по сказкамъ суевѣрія.

Удовольствія малой и низкой души были единственнымъ предметомъ Императора Михаила, а добродѣтель казалась ему врагомъ удовольствія. Онъ жилъ на Гипподромѣ, и восхищаясь ристаніемъ, не хотѣлъ слушать людей, которые приходили ему сказывать о близости непріятелей; велѣлъ даже сломать такъ называемыя сторожевыя башни, чтобы звукъ набата не безпокоилъ ушей его. Неронъ по крайней мѣрѣ любилъ музыку и поэзію: Михаилъ однихъ коней и распутство.

(284) Во время Императора Льва Македонскаго два брата, именемъ Гальвій и Кандидъ, похитили ризу Богоматери въ домѣ одной старой Галилейской Жидовки, принесли въ Константинополь и наконецъ отдали въ храмъ Богоматери Влахернской (см. въ

Мин. Чет. Іюля 2, сказаніе о семъ случаѣ, и Баера de Russ. prima exped. Constant. стр. 380). Сія церковь есть славнѣйшая въ лѣтописяхъ Восточнаго Христіанства. Имя *Влахернъ* произошло отъ какого-то Влахерна, будто бы княжившаго не далеко отъ Византіи еще прежде временъ Константина Великаго. Дюканжъ подробно описываетъ ея великолѣпіе и чудеса, которыя въ ней случились (Constantinopolis Christiana стр. 83). — О ризѣ Богоматери пишутъ здѣсь Левъ Грамматикъ и Симеонъ Логоѳета; Продолжатель Константиновъ говоритъ только, что Россы, *удовлетворивъ гнѣву Небесному*, возвратились домой, и что молитва Фотіева защитила Царьградъ. Вотъ слова Кедрина и Зонары: „Россы, испытавъ гнѣвъ Божій, удалились" (Memor. populor. T. II, 957-958). Самъ Фотій въ окружной грамотѣ своей къ Архіепископамъ Восточнымъ, упоминая о нападеніи Россовъ (Барон. Annal. Eccles. X, 253) молчитъ о дѣйствіи святой ризы. Татищевъ, въ утвержденіе сего чуда, приводитъ (см. Исторіи его Т. II, стр. 364) молитву изъ Акаѳиста Богоматери, гдѣ сказано: *яко же иногда древле всесильнымъ воеводствомъ спасла еси царствующій градъ свой отъ Скиѳскаго воеводы, звѣрообразнаго, лукаваго вепра, онаго прегордаго Кагана, и разсвирѣпѣющимъ моремъ тьмочисленныя воинства потопила еси.* Хотя Русскіе Князья и назывались Каганами: ибо въ древнемъ харатейномъ спискѣ *Житія Владимірова* (см. выше, примѣч. 110) сказано: *похвалимъ же великаго Кагана нашей земли, Володимера* (см. также *Слово о полку Игоревѣ*, стр. 44, Московскаго изданія): но въ сей молитвѣ говорится о другомъ чудѣ, которое описано въ Синаксаріи читаемомъ въ Субботу пятыя недѣли Поста (см. Тріодіонъ), и случилось въ VII вѣкѣ. Подъ именемъ *гордаго Кагана* разумѣется Ханъ Аварскій, приступавшій моремъ и сухимъ путемъ къ Царюграду въ 626 году (Memor. popul. T. I, стр. 747).—Кіевскіе жители употребляли имя *Кагана*, вмѣсто Государя, для того, что они

долгое время были подвластны Хазарскимъ Великимъ Каганамъ. *Далинъ* (см. его Gesch. des R. Schw. T. I, стр. 400) угадывалъ, что Императоръ откупился отъ Россовъ золотомъ. Шлецеръ нашелъ въ лѣтописяхъ Франкскихъ, изданныхъ Дюшеномъ, что риза же Богоматери спасла городъ Шартръ отъ свирѣпости Норманов (см. его *Нестора*, Ч. II, стр. 235).

(285) См. Memor. popul. T. II, стр. 958., Баера de Russ. prima exped. Const. и Бароніевы Annales Eccl. X, 253. Напрасно жестокій ненавистникъ Фотія, ученый Ассемани, доказываетъ намъ, что сей великій Патріархъ хотѣлъ обмануть современниковъ и потомство, и сочинилъ *мнимое* свое посланіе уже тогда, какъ Игнатій снова управлялъ Церковію: ибо (говоритъ Ассемани) Депутаты Восточныхъ Престоловъ на *осьмомъ* Соборѣ, бывшемъ въ 869 году, объявили, что они не имѣли никакого сношенія съ Фотіемъ (Kalend. Eccl. Univ. II, 254, 256). Фотій превосходилъ всѣхъ современниковъ въ учености: чему доказательствомъ служитъ его такъ называемая *Библіотека* или выписки изъ разныхъ книгъ, сдѣланныя имъ для своего брата. Въ сихъ выпискахъ упоминается о двухъ или трехъ стахъ сочиненіяхъ, намъ совсѣмъ неизвѣстныхъ (см. Extraits de Photius, въ Mémoires de l' Académie des inscr. etc. годв 1738). — Древнее истинное преданіе, что *Христіанство вошло въ Россію при Фотіи*, ввело новѣйшихъ Лѣтописцевъ въ грубую ошибку: не сообразивъ разности временъ, они говорятъ, что Фотій крестилъ Ольгу (см. ея *житіе* въ Прологѣ), и что Фотій же прислалъ Епископовъ ко Владиміру!

(286) Memor. popul. T. II, стр. 962—964. — Михаилъ умерщвленъ въ 867 году, 23 Апрѣля; чрезъ 5 мѣсяцевъ Императоръ Василій Македонскій возвратилъ Игнатію санъ Патріаршій (см. Баера de Russ. prima exped. Const.). — Константинъ такъ повѣствуетъ: „Князь и Вельможи „Русскіе, въ торжественномъ собраніи слушая Еван-„гельское ученіе, не хотѣли вѣрить ему, но сказали

„Греческому Епископу: *брось въ огонь сію книгу, и еже-„ли она не сгоритъ, то мы повѣримъ ея святости.* „Епископъ исполнилъ ихъ волю, и Евангеліе осталось „невредимо. Тогда, убѣжденные чудомъ, Князь и Вель-„можи приняли Христіанство.“ Въ *Никон. Лѣт.* упоминается о семъ случаѣ, Т. I, стр. 21—22, и въ *Степен. Книгѣ* Т. I, стр. 85.

(287) Въ договорѣ Игоревомъ съ Греками сказано: „Мы же Русь, елико насъ крестилися есмы, кляхомся „церковію Св. Иліи.“ Далѣе: „а иже преступитъ се отъ „страны нашея, или Князь, или инъ кто, или крещенъ „или не крещенъ.“ (См. въ Несторѣ стр. 44).

(288) См. выше, примѣч. 261. Варяги исповѣдывали Вѣру Одинову (см. Исландскую Эдду).

(289) *Никон. Лѣт.* говоритъ, что въ 864 году Болгары умертвили сына Аскольдова; что въ 865 Аскольдъ и Диръ воевали съ Полочанами, въ 866 съ Греками, а въ 867 побили множество Печенѣговъ: то есть, сочинитель сей новой лѣтописи выдумалъ на каждый годъ особенную войну для Князей Кіевскихъ — забывъ, что въ 865 году Полоцкъ уже принадлежалъ Рюрику (слѣдственно Варягамъ, Аскольду и Диру, надлежало бы воевать съ Варягами); забывъ, что въ 867 году еще не было Печенѣговъ близъ Кіева. Въ *Воскресенск.* и другихъ лѣтописяхъ сказано, что Аскольдъ и Диръ, за нѣсколько времени до своего Константинопольскаго похода, воевали съ Древлянами и *Угличами* (см. ниже, примѣч. 362); но въ харашейныхъ, вѣрныхъ спискахъ Нестора нѣтъ сего обстоятельства. Въ Демидовскомъ Хронографѣ, находящемся въ Университетской библіотекѣ, есть слѣдующее мѣсто: „При Царѣ Михаилѣ, въ лѣто „6360, ходили Русь войною изъ Кіева града, *Князь име-„немъ Бравалинъ,* воевати на Греки, на Царьградъ, и „повоеваша Греческую землю, отъ Херсона и до Ску-„руева и до Сурожа . . . о томъ писано въ *Чюдесѣхъ Св.*

„*Стефана Сурожскаго*" (ни въ Прологѣ, ни въ Минеѣ „нѣтъ сего извѣстія).

Въ *Никон. Лѣт.* еще прибавлено: „возвратишася „Аскольдъ и Диръ въ малѣ дружинѣ, и бысть въ Кіевѣ „плачь велій. . . . Бысть въ Кіевѣ гладъ велій."

(290) См. Маллетову Histoire de Dannemarc T. I, 146.

(291) По рукописному житію Св. Князя Константина (см. выше, примѣч. 214). Онъ нашелъ въ Муромѣ всѣ древнія обыкновенія Славянской Вѣры. Св. Аврамій (см. *Прологъ*) разрушилъ въ Ростовѣ Кумиръ *Велесовъ*. Въ *Воскресен. Лѣт.* предъ годомъ 866 сказано: „Рюрику „же княжущу въ Новѣгородѣ, и роди сынъ и нарече „ему имя Игорь; возрастъ же и бысть храборъ и мудръ." Въ *Никон. Лѣт.* означено, что Игорь родился въ 865 году. Но въ харатейныхъ написано *только*, что онъ по смерти Рюрика остался младенцемъ: *бѣ бо дѣтескъ вельми* — Въ *Степен. Кн.* съ большею вѣроятностію прибавлено: „остави (Рюрикъ Игоря) яко двою лѣтъ." Въ нѣкоторыхъ новыхъ историческихъ повѣстяхъ Олегъ названъ *племянникомъ* Рюрика (*Др. Рос. Вивліоѳ.* XVI 53); сказано также, что послѣдній умеръ въ *городѣ Корелѣ*.

(292) Сказка, что Олегъ на пути своемъ въ Кіевъ построилъ Москву, есть новое изобрѣтеніе, которымъ Г. Елагинъ напрасно укоряетъ Митрополита Макарія. Она находится въ краткихъ историческихъ повѣстяхъ (не смѣю назвать ихъ *лѣтописями*) сочиненныхъ около временъ Царя *Алексія Михайловича*: на примѣръ, въ Кикинской рукописи библіотеки Миллеровой (въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, No. 4). Въ доказательство ума и знаній сего изобрѣтателя привожу слова его: „Пріиде же (Олегъ) на рѣку глаголемую Москву, въ нея „же ту *прилежать* двѣ рѣцѣ: единой имя Неглинна, а „друзѣй Яуза; и постави ту градъ малъ, и прозва его „Москва, и посади ту на Княженіе отъ сродниковъ „своихъ. Пріиде же и въ Кіевъ, и убивъ *тріехъ братовъ*,

„Кіевскихъ начальниковъ, *Кія, Щека, Хорива.*“ Довольно. —Въ Несторѣ: „*И приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія „градъ.*“ Въ войскѣ Олеговомъ были не одни Кривичи: Несторъ, кажется, хочетъ сказать, что они болѣе другихъ помогли ему взять городъ. *Архан. Лѣт.* придумалъ разныя обстоятельства. „Князь Рускій стоялъ на берегу Днѣпра въ шатрахъ разноцвѣтныхъ. Старѣйшины Кривичей, видя ихъ, съ удивленіемъ спросили: кто является намъ *въ такой славѣ? Князь или Царь?* Тогда Олегъ вышелъ изъ шатра, держа на рукахъ Игоря, и сказалъ имъ: се Игорь, Князь Русскій! И Кривичи нарекли его своимъ Государемъ.“ Такъ въ новѣйшія времена украшали простыя Несторовы сказанія. — По одной догадкѣ прибавлено въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что Смоленскіе Кривичи отказались платить дань Олегу, и что онъ за то взялъ ихъ городъ.

Въ *Троицк.* спискѣ именно сказано, что Олегъ оставилъ въ Смоленскѣ *Боярина;* въ *Пушкин:* „посади мужь свой.“ Въ первомъ нѣтъ о Любечѣ; но во второмъ: „взя Любецъ и посади мужи свои.“ Нынѣ Любечь есть торговое мѣстечко, Губерніи Черниговской, на Днѣпрѣ.

Новые Историки и Лѣтописцы Русскіе говорятъ отъ себя, или вѣря Стриковскому, что бѣдствіе, претерпѣнное Аскольдомъ и Диромъ на Воспорѣ, заставило Олега итти къ Кіеву; но между сими двумя случаями прошло 16 лѣтъ. Изъ Несторовыхъ словъ: *придоста къ горамъ Кіевскымъ,* и *увѣдѣ Олегъ, яко Аскольдъ* и *Диръ княжита,* заключимъ ли, что сей Князь только подъ Кіевомъ узналъ о державѣ ихъ? Вѣроятно ли, чтобы между Варягами Кіевскими и Новогородскими въ теченіе осьмнадцати лѣтъ не было никакого сообщенія? Вѣроятно ли, чтобы Олегъ съ войскомъ многочисленнымъ скитался безъ цѣли и намѣренія, не зная, какія мѣста встрѣтятся ему на пути его?

(293) Нынѣшній такъ называемый *Старый городъ*, между Кіево-Печерскою крѣпостію и Подоломъ: мѣсто рѣдкое своимъ красивымъ видомъ.

Олегъ, по *Никон. Лѣт.*, сказался больнымъ, велѣвъ объявить Кіевскимъ Владѣтелямъ, что у него множество *бисера драгоцѣннаго*, и что ему надобно говорить съ ними о важномъ дѣлѣ! Жаль, что сія выдумка укрылась отъ вниманія нѣкоторыхъ Историковъ: они доказали бы намъ, что купцы Новогородскіе въ IX вѣкѣ торговали *жемчугомъ восточнымъ*!

(294) И такъ Олегъ признавалъ Игоря законнымъ Государемъ и думалъ властвовать его именемъ. Въ лѣтописи: „и *вынесоша* Игоря:" слѣдственно младенца (см. выше, примѣч. 291).

(295) Не Ольгинъ, какъ думалъ Щербатовъ, повѣривъ *Синопсису*. Кто былъ сей Ольма, безъ сомнѣнія знаменитый человѣкъ въ древнемъ Кіевѣ? неизвѣстно. Шлецеръ (Nestor. T. II, стр. 63) называетъ его строителемъ церкви Св. Николая: по чему? Лѣтописецъ не говоритъ того. — Далѣе: „а могила Дирова за *Св.* Ориною." Не за монастыремъ ли *Св.* Ирины, основаннымъ при Ярославѣ? См. печатн. *Нест.* стр. 105. и *Путешествіе въ Кіевъ нѣкоторыхъ духовныхъ особъ*. Татищевъ думалъ, что Кіевляне построили въ новѣйшія времена церковь надъ могилою Аскольда въ знакъ его Христіанскаго благочестія: догадка сомнительная. Ежели бы въ древнемъ Кіевѣ было преданіе о Христіанской Вѣрѣ сего Князя, то Несторъ сохранилъ бы оное въ своей лѣтописи.

(296) „И сѣде Олегъ княжа въ Кыевѣ, и рече Олегъ: „се буди *мати* градомъ Русьскымъ; и бѣша у него „Варяги и Словени и прочіи, и *прозвашася Русь*." Но Аскольдъ и Диръ еще до Олега сдѣлали имя *Руси* извѣстнымъ въ сихъ мѣстахъ и въ Греціи, такъ что Кіевская область въ XII и въ XIII вѣкѣ преимущественно на-

зывалась у насъ *Русью* (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 516, и Т. III, примѣч. 74, годъ 1193).

(297) Мы видѣли, что онъ въ Смоленскѣ оставилъ своего Боярина. Въ договорѣ, заключенномъ послѣ Россіянами съ Греціею (см. *ниже*), сказано, что Олегъ имѣлъ подъ рукою своею многихъ Князей или Вельможъ, которые управляли городами.

(298) *Гривна* означала 1) украшеніе золотое, носимое Князьями и Вельможами на шеѣ; 2) вѣсъ и монету числительную. Въ *Уставѣ ратныхъ дѣлъ*, писанномъ въ царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго, сказано (Т. II, стр. 17), что „ядро пищали (пушки) *Василиска* вѣсило 70 *гривенокъ*, и что 240 такихъ ядеръ составляли 168 *контаревъ*, а въ контарѣ два пуда съ половиною (стр. 18).“ слѣдственно въ семъ ядрѣ было 70 фунтовъ; слѣдственно *гривенка* въ общемъ смыслѣ вѣса означала *фунтъ* (такъ показано и въ нашихъ древнихъ рукописныхъ Ариѳметикахъ, съ прибавленіемъ, что *малая* гривенка есть ½ фунта). Но въ металлахъ драгоцѣнныхъ подъ именемъ *гривны* разумѣли только 48 золотниковъ или Нѣмецкую марку. Леонтій Магницкій въ Ариѳметикѣ своей, напечатанной по приказанію Государя Петра Великаго въ 1703 году, и выбранной отчасти изъ старинныхъ математическихъ Славянскихъ книгъ, говоритъ (листъ 37 на оборотѣ), что гривна серебра имѣетъ въ себѣ 16 лотовъ, а гривна золота 56 червонцевъ. Имѣемъ еще вѣрнѣйшее свидѣтельство. Въ посольскихъ дѣлахъ Прусскихъ (см. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, No 1, л. 146, годъ 1518) сказано: „Зоветця *марка*, а у насъ по-Русски *гривенка* „(серебра) . . . и кояждо гривенка на 16 лотовъ „раздѣлитца.“—И въ лѣтописи Несторовой и въ Русской Правдѣ за числомъ гривенъ означается металлъ, когда говорится о золотѣ; но гдѣ рѣчь идетъ просто о гривнахъ, тамъ всегда разумѣется серебро. Но какъ *ходячая монета* древнихъ Россіянъ была дѣйствитель-

но не серебряная, а *кожаная* (см. ниже, примѣч. 524 и 527), что подъ именемъ гривны надобно разумѣть единственно монету *числительную*, которая *сначала* хотя и представляла цѣну серебра, но скоро, не имѣя достоинства внутренняго, унизилась въ отношеніи къ металлу и къ вещамъ.

(299) „Устави (Олегъ) дани Словеномъ, Кривичамъ „и Мерямъ Варягомъ дань дати, отъ Новагорода гри„венъ 300, *мира* дѣля" (для). По точному смыслу лѣтописи не одинъ Новгородъ, но и другіе народы Русскіе платили Варягамъ, хотя Несторъ сказываетъ только, чѣмъ обложены были Новогородцы, для соблюденія мира и дружбы съ корыстолюбивыми воинами Скандинавскими. Вмѣсто того, чтобы давать имъ жалованье изъ казны, Олегъ разложилъ его на свои области. Узнаемъ въ послѣдствіи, что Новгородъ, кромѣ сего жалованья, платилъ еще особенную дань Государямъ Кіевскимъ.

(300) То есть, между сими народами, по Несторовой Географіи, не было иныхъ. Кривичи восточные, или Смоленскіе, могли граничить съ Клещинскою Мерею въ нынѣшней Московской Губерніи. О дани Древлянской сказано: „по чернѣ кунѣ:" съ человѣка или съ дыма? второе вѣроятнѣе. Домы можно было исчислить скорѣе людей. Такъ Кіевляне, Сѣверяне и другіе платили Козарамъ по бѣлкѣ съ дыма. — Олегъ, уже прежде взявъ на Днѣпрѣ городъ Сѣверянъ, Любечь, еще не завоевалъ тогда всей ихъ области. — О дани Радимичей: „и вдаша „Ольгови по щлягу, яко же Козаромъ." Они платили одну дань съ Вятичами, которые (что увидимъ въ княженіе Святослава) давали Хану *по щлягу съ сохи*. Сія монета (у Поляковъ szelag) есть тоже, что шиллингъ Нѣмецкихъ народовъ. — Слѣдственно Радимичи имѣли уже *деньги* въ IX вѣкѣ? Сначала сказалъ Лѣтописецъ, что Козары обложили ихъ только вѣверицами (см. Т. I, стр. 42); но быть можетъ, что Радимичи и Вятичи,

имѣвъ долговременное сношеніе съ Козарами, получили отъ нихъ монету. — По миролюбивому расположенію Козаровъ новѣйшіе Арабскіе Историки говорятъ, что мнимый праотецъ сего народа, именемъ *Козаръ*, былъ человѣкъ кроткій, благодѣтельный и молчаливый (см. въ Эрбелот. Biblioth. Orient. подъ словомъ Khozar).

(301) Въ лѣтописи сказано только, что Олегъ *имѣлъ рать* съ Суличами; но какъ наслѣдники его безъ войны уже владѣли берегами Сулы, то заключаемъ, что сей народъ былъ покоренъ Олегомъ. Суличи принадлежали ко племени Сѣверянъ (см. *Нестор.* стр. 7). — Лутичи и Тиверцы жили по Днѣстру до самаго моря: быть можетъ, что Печенѣги, завладѣвъ въ X вѣкѣ берегомъ Черноморскимъ, принудили ихъ отчасти удалиться въ Подольскую Губернію или Галицію.

(302) Сихъ Угровъ, то есть, нынѣшнихъ Венгровъ, Несторъ въ одномъ мѣстѣ называетъ *Черными*, а древнихъ Угровъ, извѣстныхъ еще въ Ираклієво время, *Бѣлыми* (см. выше, примѣч. 41). „Придоша" (*Нест.* стр. 10) „Угри *Бѣли* и наслѣдиша землю Словенску." Ниже, стр. 11: „идоша Угри *Черніи*"—(такъ въ харатейныхъ и другихъ спискахъ, кромѣ *Кенигсберг.*, гдѣ нѣтъ сего прилагательнаго)— „мимо Кыевъ, послѣ же при Ользѣ (Олегѣ)." По Восточному обыкновенію, *бѣлое* означало у Славянъ или *великое* или *древнее*: такъ Великая или древняя Хроватія называлась *Бѣлою* (Memor. popul. II, 390); такъ Дунайскіе Болгары въ Игоревомъ договорѣ (*Нест.* стр. 42) именованы *Черными* въ отношеніи къ Великой Болгаріи; такъ Венгрія около X вѣка раздѣлялась на *Бѣлую* и *Черную* (см. Гебгард. Gesch. des R. Hungarn, T. I, стр. 362 и 376 Пестск. изд. 1802). Константинъ Багрянородный пишетъ, что Венгры, изгнанные Печенѣгами изъ Лебедіи, страны Козарской, обитали тамъ три года, и помогали Кагану на войнѣ (въ Бандури Т. I, стр. 107). Тунманъ изъясняетъ, что вмѣсто *трехъ лѣтъ* надобно читать 203 года (Gesch. der

Östl. Völck. стр. 106): „ибо Угры съ 680 году находились въ подданствѣ у Кагановъ.“ Но сіи изгнанные Печенѣгами Угры могли быть новыми пришельцами. Константинъ говоритъ, что они не имѣли Государя, ни *собственнаго*, ни *чужеземнаго* (principem vel indigenam vel alienigenam habuerunt nunquam): слѣдственно не были дѣйствительными подданными Кагана, хотя и помогали ему на войнѣ, кажется, за то, что онъ дозволилъ имъ обитать въ его владѣніяхъ. — Исторія древнѣйшихъ Угровъ, или Уроговъ, Гунигуровъ, Сарагуровъ, и проч. исчезаетъ въ Византійскихъ лѣтописяхъ около *VI* вѣка. Кажется, что сей народъ, побѣжденный Козарами, смѣшался съ ними.

Спрашивается, откуда пришли Венгры? Несторъ пишетъ: *отъ Востока*; а древнѣйшій Венгерскій Лѣтописецъ говоритъ: изъ-*за Суздаля* (см. ниже). Путешественники XIII вѣка, Іуліанъ, Планъ Карпинъ, Рубруквисъ, нашли въ сосѣдствѣ съ Казанскою Болгаріею, между Ураломъ и Волгою, людей говорящихъ языкомъ Венгерскимъ (см. Бержероновы Voyages en Asie T. I, и Прая Dissert. II in ann. veter. Hung. стр. 36—39). Рубруквисъ именуетъ сію страну Pascatir, т. е. Башкиріею: изъ тѣхъ же, или окрестныхъ мѣстъ, вышли, какъ вѣроятно, въ *V* вѣкѣ и древнѣйшія Угорскія племена, Унногуры, Гуннагары и проч. (см. выше, примѣч. 41). Башкирцы говорятъ нынѣ языкомъ Татарскимъ: надобно думать, что они приняли его отъ своихъ побѣдителей и забыли собственный въ долговременномъ общежитіи съ Татарами. — Другіе искали древняго отечества Венгровъ или Угровъ за Каменнымъ поясомъ на берегахъ Оби и Сосвы, въ землѣ Югорской (см. выше, примѣч. 73) основываясь во-первыхъ на сходствѣ имени, а во вторыхъ и на сходствѣ языка Вогуличей и Березовскихъ Остяковъ съ Венгерскимъ (Прая Dissert. II in ann. vet. Hung. стр. 18-34, и Гіармати Affinitas lingvae Hung. cum lingvis Fenicae originis); то есть, полагали

Венгровъ единоплеменниками Финновъ. Такъ думали и Россіяне XVI вѣка, по увѣренію Герберштейна (Rer. Moscovit. Comment. 63). Но Константинъ Багрянородный называетъ Венгровъ Турками, и въ языкѣ первыхъ находится весьма много Турецкихъ словъ (см. Прая Dissert. V. in an. vet. Hung. стр. 106-108). Имена древнихъ вождей Маджарскихъ суть также неоспоримо Турецкія: Сальмуцъ, Арпадъ, Кузанъ, Карханъ, Салтанъ, и проч. (Memor. popul. III, 590). Самый народный характеръ отличаетъ Венгровъ отъ Финновъ: первые имѣли всегда духъ воинственный, сражались обыкновенно на коняхъ и жили, какъ Половцы и другія Татарскія племена, въ *вежахъ* (Нест. стр. 20) или въ кибиткахъ. Впрочемъ нѣкоторые и Финновъ производятъ отъ Гунновъ и считаютъ единоплеменниками Аваровъ, Печенѣговъ и другихъ Турецкихъ народовъ (см. Прая. Dissert. I, стр. 8-14): вѣрю; но Финны утратили свой первобытный Азіатскій характеръ, отдѣлясь отъ нихъ въ глубокой древности; а Маджары сохранили его.

Венгры сами себя называютъ Маджарами, и въ Восточныхъ лѣтописяхъ извѣстны подъ симъ же именемъ. Но вѣроятно, что общее, древнѣйшее имя сего народа есть Угры, и что Маджарами называлось прежде какое нибудь особенное, сильное племя. Константинъ Багрянородный говоритъ, что Венгры въ IX вѣкѣ раздѣлялись на семь поколѣній, изъ которыхъ одно именовалось Μεγερη (въ Бандури Т. I, стр. 109): кажется, *Маджарами*.

Далѣе Константинъ пишетъ, что въ странѣ Лебедіи, названной такъ по имени знаменитѣйшаго Воеводы Угорскаго, Лебедія, течетъ рѣка Хингилъ: вѣроятно, Ингулъ или Ингулецъ (Memor. popul. III, 608). Областъ Угровъ не простиралась ли отъ Харьковской Губерніи до пороговъ Днѣпровскихъ и до устья рѣки Ингульца? Оттуда могли они имѣть сообщеніе съ Дунайскими Болгарами, о которомъ упоминаютъ Византійскіе Лѣтописцы между 829 и 842 годами (Memor. popul. III, 614).

Тунманъ искалъ *Лебедіи* въ верховьѣ Ингула, въ бывшемъ Кіевскомъ Воеводствѣ (Gesch. der östl. Völck. 142), гдѣ монастырь и лѣсъ донынѣ именуются *Лебединскимъ* (см. Hist. de la Tauride, par Sestrencewiez. II, 89).—Съ Несторовымъ сказаніемъ, что Угры шли мимо Кіева, согласны и Венгерскія лѣтописи (см. ниже); но когда? Несторъ назначаетъ 898 годъ, *Нотарій Короля Бѣлы* 884, Константинъ 894, или 899. По извѣстіямъ Франкскихъ Лѣтописцевъ (Шлец. Nestor III, 140), Угры завладѣли Молдавіею въ 894, а по мнѣнію Тунмана (стр. 107) и Гаттерера (Allgem. Weltgesch. стр. 570) еще въ 883.

Въ Кавказской Губерніи, на рѣкѣ Кумѣ, видны остатки и развалины каменныхъ зданій, называемые *Маджарами* (см. Samml. Russ. Gesch. IV, 22, и Бишинг. Hist. Magazin, V, 503). Думають, что на семъ мѣстѣ былъ городъ Угровъ, бѣжавшихъ отъ Печенѣговъ на границу Персіи. Имя, кажется, дѣйствительно происходитъ отъ нихъ. Хотя нѣкоторые ученые путешественники утверждали, что славныя развалины Кумскія суть единственно остатки великолѣпнаго Магометанскаго кладбища, принадлежавшаго Моголамъ, которые въ XIII вѣкѣ господствовали между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ (см. Гильденштет. Reisen durch Russland, II, 27, и Палласовъ Vogage dans les gouvern. merid. de l' emp. de Russie, I, 264); однакожь о *городѣ Маджарахъ* именно упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ XIV вѣка.—Паллась говоритъ еще о *Маджарскомъ* соляномъ озерѣ, близъ Кумы, и другихъ развалинахъ, извѣстныхъ Черкесамъ подъ именемъ *Маджаръ-Юна* или *домовъ Маджарскихъ*.

Шлецеръ хочетъ доказывать, что мѣсто Угорское близъ Кіева названо такъ отъ своего положенія *у горы* но самая гора называлась симъ именемъ. Несторъ говоритъ: „Приплы *подъ* Угорское . . . . Несоша на гору, еже нынѣ зовется Угорское (Нест. стр. 18 и 19).

Безъименный Венгерскій Лѣтописецъ, такъ называемый Нотарій Короля Белы, писавшій не ранѣе XIII

вѣка, разсказываетъ слѣдующую *сказку*: „Угры подъ „начальствомъ Воеводы Альма, *родственника славнаго „Аттилы*, въ 884 году тронулись изъ Скиѳіи, гдѣ атт„ные люди и пастухи носятъ собольи шубы, гдѣ въ рѣ„кахъ блистаютъ драгоцѣнные камни, гдѣ золота и се„ребра множество; вошли въ *Суздаль*, и въ окрестно„стяхъ Кіева переправились чрезъ Днѣпръ. Тамъ взду„мали они завладѣть Россіею. Ея Герцоги или Воеводы „(duces), узнавъ о семъ намѣреніи, призвали къ себѣ на „помощь семь Куманскихъ (Половецкихъ) Воеводъ; но *Духъ „Святый* былъ союзникомъ Альма. Сей Герой сѣлъ на „коня и сказалъ воинамъ: о *Скиѳы, товарищи! вы, дол„женствующіе оружіемъ пріобрѣсти себѣ отечество! „испугаетесь ли множества Россіянъ* и *Кумановъ, по„добныхъ нашимъ псамъ, которые боятся голоса сво„ихъ господъ? Не число, но великодушіе побѣждаетъ. „Развѣ не знаете, что одинъ левъ, по словамъ нѣкото„раго Философа, обращаетъ въ бѣгство многихъ еленей? „Не погибъ ли Киръ съ 330,000 воиновъ въ Скиѳіи? Не „бѣжалъ ли отъ нашихъ предковъ Дарій, потерявъ „800,000 человѣкъ, и самъ Александръ, сынъ Короля „Филиппа и Королевы Олимпіады? И такъ поразимъ „сихъ непріятелей какъ мухъ!* Угры, затрубивъ въ во„инскія трубы, на голову побили Русскихъ, и мечами „своими сѣкли головы Половецкія какъ сырыя тыквы „(crudas cucurbitas). Видя сіе геройство, Воеводы Рус„скіе согласились давать Альму ежегодно по 10,000 ма„рокъ, и сверхъ того съѣстный запасъ, одежду и другія „надобности, прося его, чтобы онъ шелъ чрезъ Галицію „за лѣсъ *Говосъ*, въ Паннонію, гдѣ нѣкогда царствовалъ „его предокъ Аттила; гдѣ много рѣкъ изобильныхъ ры„бою, и гдѣ живутъ Славяне, Болгары, Влахи, Римскіе „пастыри. Альмъ согласился: тогда Воеводы, Кіевскій и „Суздальскій, прислали ему аманатовъ, 10,000 марокъ, „1000 лошадей съ нарядными уздами и сѣдлами, 100 „мальчиковъ Куманскихъ, 40 вельблюдовъ, и проч. Вое-

„воды Куманскіе, видя милость Альмову, упали къ но-„гамъ его и сказали: *отнынѣ будь Государемъ нашимъ, „и куда судьба поведетъ тебя, туда и мы съ тобою!* „Съ обѣихъ сторонъ, Угры и Куманы, дали другъ другу „присягу въ вѣрности и вмѣстѣ отправились въ Пан-„нонію; а съ ними и многіе Русскіе, которые донынѣ „живутъ въ разныхъ мѣстахъ Венгріи. Жители Кіев-„скіе повели ихъ къ городу *Лодомиру* или *Владиміру*. „Тамошній Воевода съ дарами встрѣтилъ Альма, который „пробылъ въ семъ мѣстѣ 3 недѣли. Воевода Владимірскій „далъ ему аманатовъ, 2000 марокъ серебра, 100 марокъ „золота, 300 коней съ уздами и сѣдлами, 25 вельблюдовъ, „1000 воловъ и проч. Въ четвертую недѣлю пришелъ Гер-„цогъ Альмъ въ Галицію и захотѣлъ отдохнуть. Галиц-„кій Воевода со всѣми своими вышелъ босой на встрѣчу „къ нему, принялъ его какъ Государя, далъ ему амана-„товъ, 100 лучшихъ Арабскихъ и 300 другихъ коней, „3000 марокъ серебра, 200 марокъ золота, для него и для „всѣхъ воиновъ; но чрезъ мѣсяцъ просилъ его итти на „Западъ, въ Паннонію, гдѣ царствовалъ нѣкогда Аттила „и проч. Альмъ согласился, и Воевода Галицкій далъ „ему 2000 стрѣльцовъ и 3000 крестьянъ, чтобы проло-„жить дорогу чрезъ лѣсъ *Говосъ* до границъ Венгріи" и проч. (Anonymi Belae Regis Notarii Historia Hungarica, въ *Швандтнеровомъ собраніи Венгерскихъ Историковъ* Т. I, стр. 3—10). Сказка недостойная имени лѣтописи! Такъ думали всѣ хорошіе Историки — Прай, Тунманъ, Гаттерeръ, Гебгарди. Шлецеръ убѣдительнѣе другихъ представилъ ея нелѣпость (см. его Nestor, Ч. III, стр. 132). Нотарій Короля Белы, видя въ свое время, Россіянъ и Комановъ между Венгерцами, думалъ сею баснею изъяснить, какимъ образомъ они зашли въ его отечество. Но Половцевъ не было тамъ до 1070 году (см. Гебгард. Gesch. der Reichs Hungarn и Шлец. Nestor, Ч. III, стр. 137). Въ Россіи также не знали ихъ при Олегѣ. Волынскій городъ Владиміръ построенъ уже

Великимъ Княземъ Владиміромъ. Такіе анахронизмы доказываютъ невѣжество Венгерскаго Лѣтописца. Нотарій, по вѣроятному мнѣнію Шлецера, хотѣлъ оправдать властолюбивые замыслы Венгерцевъ, которые въ его время старались присвоить себѣ Галичь и Владиміръ: для того онъ выдумалъ, что сіи области были нѣкогда въ подданствѣ у Герцога Альма. — Россіяне, живущіе въ разныхъ округахъ или Графствахъ Венгріи, на лѣвой сторонѣ Дуная, поселились тамъ безъ сомнѣнія въ древнія времена, но только уже Христіанами (не ранѣе XI или XII вѣка): ибо они всѣ были Греческаго Исповѣданія, слѣдственно не въ Католической Венгріи приняли Христіанскую Вѣру. Хотя Византійскіе Лѣтописцы, Іоаннъ Скилицисъ, Кедринъ, Зонара, говорятъ о двухъ Венгерскихъ Князьяхъ, Булосудѣ (Бульцѣ) и Гилѣ, которые въ X вѣкѣ крестились въ Царѣградѣ и взяли съ собою монаха Іероѳея, названнаго первымъ Епископомъ народа ихъ (Memor. popul. T, III, стр. 620); но сей случай не имѣлъ важныхъ слѣдствій, и Христіанство утверждено въ Венгріи только при Гейзѣ, Римскими, а не Греческими Миссіонаріями (Гебгарди Gesch. des Reichs Hungarn, T. I, стр. 361). — Жестокія утѣсненія заставили наконецъ бѣдныхъ Венгерскихъ Россіянъ пристать къ Уніи. Одинъ изъ нихъ, Г. Орлай, Штабъ-Лекарь Двора нашего, говоритъ въ сочиненіи своемъ о *Карпато-Россахъ*: „мы лишились отечества, Закона прародительскаго и свободы!“ Число ихъ, по извѣстію Г. Орлая, простирается до 800,000. Они говорятъ и пишутъ совершенно Русскимъ нарѣчіемъ. Въ примѣръ сообщаю одно изъ ихъ новѣйшихъ стихотвореній:

Русскія Музы! съ Карпатскихъ снидите горъ,
До Уга; во мой ставтеся Владычій дворъ.
Внушите: отъ Песта вѣсть радостну пріяхъ,
Что праздникъ строится на Дунайскихъ струяхъ.
Францішкъ, Графъ Сечени, Угорскій Аполло,
Егоже имя во Европѣ процвѣло,

Венгерскія бібліоѳеки создатель,
Здѣшнихъ народовъ Музамъ истый пріятель,
На день Обручнику Іосифу святый,
Князю Палатіну тезоименитый,
Готовитъ пиръ и изрядное торжество,
Сообщаяй себѣ въ томъ все отечество.
Для того подданнымъ Музамъ разгласилъ Соборъ,
Да сберутся на Парнасъ, то есть, его дворъ.
Той Царевичу представитъ оныхъ лики,
Игры, привѣты и веселы мусики.
Въ храмъ Славы показуетъ Музамъ дорогу,
Аможе съ вами тщуся, колико могу.
Сихъ ради и вы, моя дщеры любезны!
Кончаите скорьбь, и ліять потоки слезны.
Невску престаньте Нимфу плакати (*):
Дастъ Небо, ей во сестрѣ равной востати.
Прочь слезы, и черны ризы! мракъ отходитъ;
Вновь солнце восходяй, новъ свѣтъ намъ воводитъ....
Вѣмъ: Паллась при Невѣ престолъ положила — ...
Карпатъ Славяновъ есть истый отецъ, мати;
Но разсѣянны дѣти то не ищутъ знати.
Буди тако: вы отъ Перемесскихъ токовъ
Далеко: да живетъ тамо Сумароковъ!
Любовь, вѣрность, кротость, простота природна,
Паче правилныхъ риѳмовъ Княземъ угодна — и проч.

Несторъ пишетъ далѣе, что Угры шли чрезъ горы названныя послѣ *Угорскими*: то есть, Карпатскія.

(303) По *Троиц.* списку, отъ 885 до 906 года. Сію пустоту наполняетъ Несторъ извлеченіемъ изъ Византійскихъ лѣтописей о царствованіи Льва и Александра (которое ни мало не касается до нашей Исторіи), сказаніемъ объ Играхъ, Славянскихъ буквахъ, переводѣ церковныхъ книгъ, Апостолѣ Павлѣ и Андроникѣ, мнимыхъ учителяхъ Славянскаго народа, и наконецъ о бракѣ Иго-

(*) Великую Княгиню Александру Павловну.

ревѣ: „Игореви же взрастшу, и хожаше по Ользѣ и слушаше его.“ Другими словами: „онъ не имѣлъ никакой власти при Олегѣ!“

Городъ Псковъ обыкновенно именуется *Плесковымъ* въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ: слѣдственно онъ уже существовалъ тогда по словамъ Нестора, вопреки баснословію *Степенной Книги*, говорящей (стр. 30), что на его мѣстѣ, при Ольгѣ, былъ великій *лѣсъ со многими дубравами*, и что она, увидѣвъ тамъ *чудесное сіяніе*, предсказала бытіе Пскова. Татищевъ дополнилъ сіе извѣстіе, сказавъ, что Ольга, возвратясь въ Кіевъ, послала множество серебра и золота въ *Изборскую* область на строеніе новаго города (его *Ист.* Т. II. стр. 41). Елагинъ, вѣря ему болѣе нежели древнему Лѣтописцу, удивляется заблужденію великаго Историка Ломоносова и невѣжеству Миллера, которые говорятъ, что Псковъ уже былъ въ 903 и 947 году!—Рукописное *Житіе Св. Ольги*, которое я нашелъ въ Троицкой библіотекѣ, сочинено не ранѣе XVI вѣка: такъ думаю по новому слогу его. Слѣдственно оно не можетъ имѣть никакой исторической достовѣрности въ происшествіяхъ древнихъ.

Въ *Житіи Ольги* и въ *Степен. Книгѣ* сія дѣвица сельская говоритъ весьма умную рѣчь *нескромному* Игорю: напоминаетъ ему обязанности Государей; увѣряетъ его, что она во глубинѣ рѣки спасетъ свою невинность, и проч. и проч. См. также Минею.

(304) Memor. popul. II. 972 и 1035.

(305) Несторъ именуетъ здѣсь и Вятичей, но, кажется, ошибкою: ибо самъ говоритъ послѣ, что до временъ Святославовыхъ они не признавали надъ собою господства Князей Россійскихъ. Олегъ, по *Троицк.* списку, ходилъ къ Царюграду въ 906 (а не 907 году): „въ лѣто 6914 иде Олегъ,“ и проч.

(306) Днѣпровскіе пороги, говоритъ Г. Зуевъ, суть не что иное, какъ быстрое стремленіе воды по камнямъ большимъ и малымъ, которые лежатъ въ рѣкѣ и мѣша-

ютъ судоходству. Они простираются на 65 верстъ. Главныхъ считается 13 (см. *Записки В. Зуева* стр. 253). Правительство давно уже старается очистить безопасный путь для судовъ сквозь сіи пороги.

(307) Константинъ, говоря о своемъ времени, именуетъ Печенѣговъ; но Лѣтописецъ нашъ еще не упоминаетъ объ нихъ при Олегѣ. Впрочемъ они, по Византійскимъ и другимъ извѣстіямъ, могли уже быть тогда въ Екатеринославской Губерніи (см. ниже). Достойно замѣчанія, что имя главнаго порога, *Ненасытскаго* (см. *Записки Г. Зуева*), отъ временъ Константиновыхъ сохранилось донынѣ: Императоръ называетъ его Νεασὴτ, ибо тамъ на высокихъ камняхъ гнѣздились *неясыти*. Россіяне находили способъ проводить суда чрезъ другіе пороги, но въ семъ мѣстѣ обыкновенно влекли ихъ берегомъ (Memor. popul. II, 982).

(308) Гиббонъ такъ описываетъ характеръ сего Императора: „Леонъ удостоился имени Философа. Соединеніе власти съ мудростію, тонкаго умозрѣнія съ полезною дѣятельностію, можно назвать совершенствомъ „человѣка; но Леонъ былъ весьма далекъ отъ сего воображаемаго превосходства. Разумъ господствовалъ ли въ „немъ надъ страстями? Леонъ провелъ жизнь свою въ „роскоши Двора, въ обществѣ женъ и наложницъ. Милосердіе и миролюбіе его было дѣйствіемъ слабости и „характера безпечнаго. Побѣдилъ ли онъ предразсудки „свои и народные? душа его омрачалась самымъ ничтожнымъ суевѣріемъ. Законы его утвердили излишнюю „власть Духовенства и заблужденіе народа: его пророчества о судьбѣ Имперіи основаны на Астрологіи и „мнимомъ волшебствѣ. Но Леонъ названъ мудрымъ, „для того, что былъ воспитанъ ученымъ Фотіемъ; что „многія книги имъ или подъ его именемъ написаны, и „что онъ жилъ во времена общаго невѣжества“ (Decline and fall of the Roman Empire, T. VIII, гл. XLVIII).

Несторъ пишетъ: „замкнули (Греки) *Судъ.*“ Въ разныхъ новѣйшихъ спискахъ его прибавлено: „цѣпію, „веригами.“ Русскіе Историки толковали, что онъ подъ именемъ Суда разумѣетъ Воспоръ, или каналъ соединяющій Черное море съ Бѣлымъ или съ Пропонтидою; но Византійскіе Лѣтописцы говорятъ, что въ случаѣ опасности Греки преграждали цѣпію не каналъ, а только гавань или заливъ его, называемый Рогомъ, Κερας, Synus Ceraticus (Дю-Канж. Constantinopolis Christiana, Глав. VI Catena, стр. 9—10). Въ 707 году сія цѣпь спасла Царьградъ отъ Аравитянъ, а въ 822 отъ мятежника Ѳомы; но не могла спасти его въ XIII вѣкѣ отъ Крестовыхъ воиновъ, ни въ XV отъ Турковъ. Она была проведена отъ Акрополя до Галатской башни, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сей заливъ несравненно у́же Воспора (см. планъ древняго Константинополя въ Бандури, Т. II, и въ Шевалье Vogage de la Propontide T. I). Шлецеръ предлагаетъ другое изъясненіе: онъ думаетъ, что Несторовъ *Судъ* есть окопъ, или Византійское слово Σȣδα, которое значитъ *ровъ* обнесенный тыномъ: fossa, seu potius vallum vel sudes (тынъ), quibus vallum ipsum et castra muniuntur (см. его Nestor, Ч. III, стр. 258 и слѣд.); но сіе изъясненіе явно несправедливо. Лѣтописецъ четыре раза говоритъ о *Судѣ.* 1) Аскольдъ и Диръ вошли со флотомъ *внутрь Суду* (*Несторъ* стр. 17); 2) Греки замкнули *Судъ* отъ флота Олегова; 3) Игорь пожегъ весь *Судъ* (стр. 4), не *Суды*, какъ сказано въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ спискахъ; 4) Ольга, прибывъ въ Царьградъ на кораблѣ, долго стояла въ *Судѣ* (стр. 54). Какимъ же образомъ флотъ Аскольда и Дира вошелъ *внутрь окопа?* какъ *замкнуть окопъ*, и какъ Ольга могла въѣхать въ него съ кораблемъ своимъ? Но разумѣя подъ именемъ *Суда* гавань, все находимъ яснымъ. Такъ и древній *Новогород. Лѣт.*, напечатанный въ Москвѣ, говоритъ (стр. 66), что Франки, овладѣвшіе въ 1204 году Константинополемъ, вошли сперва въ *Судъ, разбивъ* желѣзные замки его:

мы знаемъ, что они вошли въ гавань Цареградскую, разбивъ цѣпь, которою ,онъ былъ замкнутъ (Constant. Christiana, гл. V). *Судъ* древнее ли Русское имя, означавшее *судовую* пристань? или Византійское Σϐδα, которое, можетъ быть, употреблялось и въ смыслѣ укрѣпленной гавани? второе кажется вѣроятнѣе: ибо въ нашихъ лѣтописяхъ именуется *Судомъ* одна Константинопольская гавань.

(309) Магометъ велѣлъ тащить, отъ деревни Бешикташа до Галаты, 80 галеръ по сосновымъ *насаленнымъ* доскамъ, въ то мѣсто гавани, которое называется нынѣ Кассимъ-Паша (см. *Кантемир. Исторію Оттом. Порты*, кн. III, и Риттерово *описаніе Константинопол. осады*. Въ Нѣмецк. Allgem. Gesch.) Турецкіе сказочники также говорятъ, что парусы сихъ галеръ развѣвались на сухомъ пути. — Въ нѣкоторыхъ Русскихъ историческихъ повѣстяхъ прибавлено слѣдующее забавное обстоятельство: „сотвори (Олегъ) кони и люди бумажны вооружены и позлащены, и пусти на воздухъ на градъ; видѣвъ „же Греци и убояшася" (*Др. Рос. Вивліоѳ.* XVI, 54).

Несторъ утверждаетъ, что Греки дѣйствительно хотѣли отравить Россіянъ, и удивленные догадкою Князя, сказали: „Нѣсть се Олегъ, но Св. Димитрій, по„сланъ отъ Бога на ны." Димитрій Солунскій былъ храбрый воинъ.

Въ лѣтописи сказано, что Олегъ требовалъ съ Грековъ „по 12 гривенъ на человѣкъ." Г. Болтинъ хотѣлъ доказать, что здѣсь слово *человѣкъ* есть винительный падежъ множественнаго числа, и что Олегъ взялъ 12 гривенъ на людей, бывшихъ въ каждой лодкѣ: „ибо Лѣ„тописецъ сказалъ бы въ единственномъ: *на человѣка*." Г. Болтинъ не замѣтилъ, что Несторъ и во многихъ другихъ случаяхъ не различаетъ падежей именительнаго и винительнаго; на примѣръ Ольга, по всѣмъ древнимъ спискамъ, говоритъ Древлянамъ: „пойду за *Князь* вашъ," а не *Князя*. Ежели бы Олегъ требовалъ дани на суда, то

Лѣтописецъ не имѣлъ бы нужды означать въ семъ мѣстѣ число людей; но онъ тотчасъ прибавляетъ: *а въ кораблѣ 40 мужъ*, чтобы исчислить сумму.

Въ *Троицк.*: „дабы не воевалъ (Олегъ) гражанъ по „пристанищемъ." Къ сожалѣнію, въ *Пушкин.* харатейномъ спискѣ нѣтъ 12 листовъ, и я долженъ былъ отъ 898 году до 929 руководствоваться однимъ *Троицкимъ*, сравнивая его съ *Ипатьев.*, *Хлѣбников.* и съ другими новѣйшими.

(310) Въ подлинникѣ: „12 гривенъ на *ключь*." Татищевъ, желая умѣрить дань, сказалъ, что *ключь* есть лодка: всѣ другіе повѣрили ему; но чѣмъ же можно утвердить истину сего толкованія? Въ какой старинной Русской книгѣ, въ какомъ Славянскомъ нарѣчіи слово *ключь* знаменуетъ лодку?

Несторъ уже означилъ выше Олегово требованіе (см. выше. примѣч. 309) и сказалъ, что Греки *согласились* на оное: „и яшася Греци по се." Слѣдственно они дали по 12 гривенъ на воина, и слово *ключь* употреблено здѣсь въ смыслѣ *человѣка*. Всякой языкъ имѣетъ нѣкоторыя особенныя выраженія, въ коихъ принадлежность вещи берется за самую вещь. Такъ Несторъ пишетъ: „по „бѣлѣй вѣверицѣ *отъ дыма*," вмѣсто *съ дома*, и: „по щлягу *отъ рала*," вмѣсто *земледѣльца* (въ печатн. стр. 16 и 56). Можно думать, что каждый Славянинъ, запирая драгоцѣннѣйшую собственность, обыкновенно ходилъ съ ключемъ, привязаннымъ къ поясу (что дѣлаютъ и нынѣ Русскіе крестьяне и простолюдины); отъ того стали говорить: *на ключь*, вмѣсто: *на человѣка*. Въ семъ же смыслѣ сказано въ *Арханг. Лѣт.* (стр. 43), что Новогородцы дали Варягамъ по гривнѣ *на щитъ*, вмѣсто *на воина*. Прибавимъ также, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ именно сказано: „нача (Олегъ) дань „имати на 2000 кораблей, *на человѣка* по 12 гривенъ" (см. *Московск. Лѣтоп.* л. 139, въ Синодальн. Библіот. No. 52).

Чтобы судить о вѣроятности означенной дани, надобно имѣть понятіе 1) вообще о суммахъ, какія Норманы или наши Варяги брали въ IX и X вѣкѣ съ народовъ, *ими побѣждаемыхъ, и 2) о тогдашнемъ богатствѣ* Грековъ. Въ 810 году Норманы пришли на 200 корабляхъ въ Фрисландію и взяли съ жителей 100 фунтовъ серебра (Annales Fuldenses, въ Дюшенѣ Т. II, стр. 541). Городъ Парижъ заплатилъ имъ въ 845 году 7000 фунтовъ серебра (Т. III, стр. 201). Карлъ *Плѣшивый*, заключивъ миръ съ Норманами, далъ имъ въ 866 году 4000 фунтовъ серебра (Дюшен. Т. III, стр. 225). Въ 884 году они требовали съ Карломана 12,000 фунтовъ чистаго, пробнаго серебра (XII millia pondera argenti puri atque probati), обязываясь 12 лѣтъ не тревожить набѣгами областей его (Annales Metenses, Т. III, стр. 320). Сіи мѣста лѣтописей приведены Г. Кругомъ въ его сочиненіи *Münzkunde Russlands, стр. 166—173. Что принадлежитъ* до Грековъ, то они въ X вѣкѣ были конечно самымъ богатѣйшимъ народомъ Европы. На примѣръ: въ 902 году жалованье войска ихъ, отправленнаго въ Критъ, составляло 271,010 *солидовъ* или червонцевъ. Императоры ежегодно дарили въ церковь Св. Софіи 120 литръ золота. Кто хотѣлъ войти въ число Императорскихъ тѣлохранителей, тотъ вносилъ въ казну 504 *солида* (см. Константин. de Cerim. стр. 378, 20, 21, 107, 400; въ сочин. Г. Круга Münzk. Russl. стр. 177, 185). Въ Константинополѣ безъ сомнѣнія можно было собрать нѣсколько милліоновъ рублей (о цѣнѣ гривны въ древней ходячей Россійской монетѣ см. ниже, примѣч. 527). Однакожь вѣроятнѣе, что Несторъ *увеличилъ взятую дань или* число Олеговыхъ воиновъ. Россіяне, въ 1043 году приступивъ къ Константинополю, требовали съ Грековъ по три фунта золота на каждаго изъ своихъ ратниковъ; но Императоръ отвергнулъ сіе требованіе какъ нелѣпое (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 37.).

Укладами называлась дань или налоги. — Здѣсь упоминается о Переяславлѣ: слѣдственно сей городъ (на рѣкѣ Трубежѣ, въ 60 верстахъ отъ Кіева: ибо мы не знаемъ инаго въ древней Россіи) былъ уже въ Олегово время? Полтескъ есть Полоцкъ.—Въ *Кенигсберг.* спискѣ сказано ниже: „*Великіе* Князи;“ въ другихъ просто: „Князи,“ подданные Олеговы.

(311) Въ *Кенигсберг.* и другихъ спискахъ: „да прихо-„дяще Русь, слюбное емлють, елико хотяче.“ Въ *Никонов.*: „*снѣдное*;“ въ печатномъ Несторѣ также; въ *Троицк:*. „дань емлютъ, елико хотяче.“ Истинное Несторово слово есть *сольбное*, которое употреблено въ договорѣ Игоря съ Греками (см. ниже) по харатейнымъ спискамъ, въ такой же связи, какъ и здѣсь. *Сольба* значитъ посольство; а *сольбнымъ* называлось то, что давалось чужестраннымъ посламъ на содержаніе. Писецъ въ *Троицк.* спискѣ хотѣлъ изъяснить сіе значеніе словомъ *дань*, котораго древній смыслъ есть *даръ*. — Несторъ именуетъ здѣсь Русью пословъ, отличая ихъ отъ купцевъ Русскихъ. Трактатъ Игоревъ обьясняетъ темное въ Олеговыхъ условіяхъ.

Въ Константинополѣ жалованье войску, церковнымъ служителямъ и хлѣбъ изъ казенныхъ магазиновъ выдавались обыкновенно *по-мѣсячно* (см. Дю-Канж. Glossar. въ словахъ Μηνιαια, Μηνιαιορογιον). Греки обязывались только 6 мѣсяцовъ содержать всякаго купца Русскаго: иначе сіи гости долговременнымъ пребываніемъ своимъ въ Царѣградѣ могли бы обременить ихъ.

(312) Въ *Троицк.*: „да творятъ имъ *мовницы* (въ „Кенигсберг. *мовь*) елико хотятъ.“ *Мовницею* и *мовью* называлась баня. Такъ въ *Пушкин.* и *Троицк.* сказано, что Ольга для пословъ Древлянскихъ (см. ниже) велѣла *сотворить мовь*, т. е. изготовить баню. Издатель Кенигсберг. списка, вспомнивъ Польское слово Mowa (*рѣчь*), изъясняетъ, что выраженіе: „да творятъ имъ мовь, елико хотятъ,“ знаменуетъ: *да объявятъ имъ!*

Константинополь славился народными банями (Constantinopolis Christiana, гл. XXVII, стр. 88). Дю-Канжъ описываетъ ихъ двадцать четыре; такъ называемыя *Зевксипповы* были украшены мраморомъ и статуями великихъ Поэтовъ, Ораторовъ, воиновъ; въ нѣкоторыхъ баняхъ мылись и женщины и мужчины (Balneum duplex, въ Constant. Christ. стр. 94).

(313) Между городскими стѣнами и Воспоромъ. Тамъ была церковь и монастырь Св. Мамы, дворецъ, портикъ и гавань (Бандури Imperium Orientale, T. II, стр. 719, и Дю-Канж. Constant. Christiana, кн. IV, стр. 185). Французы, овладѣвъ Константинополемъ въ 1204 году, увезли голову Св. Мамы, которая хранилась въ тамошней церкви. Далѣе въ лѣтописи: „возьмуть мѣсячное свое, *первое* „отъ града Кыева, и *пакы* изъ Чернигова, изъ Переяслав„ля, и прочія грады." Шлецеръ не находитъ тутъ смысла: Болтинъ, въ примѣчаніяхъ на Исторію Щербатова, говоритъ, что сіи слова ошибкою перенесены изъ одной статьи въ другую; но они и въ Игоревомъ договорѣ стоятъ въ такой же связи. Ошибки нѣтъ, и смыслъ ясенъ: сочинитель договора означаетъ, изъ *какихъ* городовъ Россіяне пріѣзжали въ Константинополь: 1) Кіевляне, 2) Черниговцы—и проч. Слова: *первое* и *паки* (вмѣсто: *во-первыхъ* и *во-вторыхъ*) относятся здѣсь единственно къ порядку, въ которомъ наименованы жители сихъ городовъ.

(314) Несторъ говоритъ о двухъ Царяхъ Греческихъ: Львѣ и братѣ его Александрѣ, который дѣйствительно имѣлъ титулъ Царя (см. ниже, примѣч. 317), хотя Левъ по смерть свою одинъ управлялъ Имперіею (см. *Гиббона* T. VIII, гл. 48, стр. 365. Базельск. изданія). Политика могла заставить Олега чтить боговъ и Вѣру главнаго народа въ государствѣ своемъ.

(315) Стриковскій (см. въ его Хроникѣ гл. III) видѣлъ на Галатскихъ воротахъ, противъ Константинополя, изображеніе всадника, бывшаго Московскимъ гербомъ, и думалъ, что сей всадникъ списанъ тамъ съ древ-

няго щита Олегова! Князь *могъ* повѣсить щитъ свой на Цареградскихъ воротахъ, но Греки не захотѣли бы долго имъ *любоваться*, и Св. Георгій не былъ конечно гербомъ Олеговымъ. Въ другомъ мѣстѣ Стриковскій пишетъ, что подъ симъ гербомъ находилась Греческая надпись, и что содержаніемъ ея были славныя дѣла Владиміра Святаго, зятя Греческихъ Императоровъ. — Норманскіе храбрецы выставляли иногда щиты свои на городскихъ воротахъ въ знакъ мира: чѣмъ Ютландскіе Короли, Готфридъ и Сигфридъ, въ 882 году обманули воиновъ Императора Карла *Тучнаго*, заманивъ ихъ безоружныхъ въ крѣпость свою и взявъ въ полонъ (см. Fortsetzung der Allgem. Weltgesch. Ч. XXXII, стр. 395).

Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ на возвратный путь велѣлъ сшить Русскимъ *прѣ паволочиты,* парусы изъ шелковой ткани, а Славянамъ *кропиные* или *полотняные* (ибо изъ кропивы дѣлается особенный родъ полотна); но что вѣтеръ разодралъ ихъ, и Славяне сказали: „намъ „не даны такіе парусы; возмемся опять за свои *толсти-* „*ны,*" или холстинные. Несторъ повѣрилъ сказкѣ. Такъ въ *Словѣ о полку Игоревѣ,* желая изобразить богатство добычи его въ землѣ непріятельской, сочинитель говоритъ, что Русскіе *мостили мосты на болотахъ* Половецкими узорочьями (стр. 11). — Древнее слово *прѣ* или *пря* (такъ въ нѣкоторыхъ спискахъ) имѣетъ связь съ глаголомъ *пряду*.

Въ *Троицк.* спискѣ: „и пріиде Олегъ къ Кыеву, не- „ся злато и паволоки, овощи и вина, и всякыя узорочья, „и прозваша Ольга *вѣщій;* бяху бо людье погани и *невѣ-* „*голоси*" — то есть, *невѣжды* (см. *Стоглав.* вопросъ 16. гл. 41).

(316) Левъ Грамматикъ, Симеонъ Логоѳета, Продолжатель Константиновъ, Георгій Монахъ, Кедринъ, Зонара — самые тѣ, которые повѣствуютъ о нападеніи Россіянъ въ 866 и 941 году. Но слѣдуетъ ли заключить, что происшествіе, ими не описанное, должно быть вы-

думкою? Нѣтъ: 1) вообще отъ 813 до 959 года Византійская Исторія, по замѣчанію Баера, весьма неполна (см. Шлецер. Nestor Ч. I, стр. 13); 2) не всѣ лѣтописцы Византійскіе дошли до насъ; 3) чего нѣтъ въ извѣстныхъ намъ, могло быть въ утраченныхъ, ибо мы видимъ, что многіе изъ нихъ говорятъ о случаяхъ, о которыхъ молчатъ другіе, описывая то же время; 4) Скилицій, Кедринъ, Зонара, называютъ Св. Владиміра зятемъ Василія и Константина, но не пишутъ ни слова, когда и какъ Россійскій Князь женился на Аннѣ: слѣдственно *не всѣ* важные случаи описаны Византійскими Историками.

Всѣ народы въ юности своей, не зная письменъ, любили историческія пѣсни и сказки, подобныя Исландскимъ Сагамъ: *Слово о полку Игоревѣ* даетъ намъ понятіе о нашихъ древнихъ сказкахъ. Несторъ могъ заимствовать изъ нихъ нѣкоторыя обстоятельства: на примѣръ, число кораблей Олеговыхъ, *сопровождаемыхъ конницею*; его *сухопутное плаваніе*; непомѣрную дань, будто бы взятую имъ съ Грековъ; щитъ повѣшенный на воротахъ Константинопольскихъ, и *паволоки вмѣсто парусовъ.* Истина служитъ основаніемъ для исторической Поэзіи; но Поэзія не Исторія: первая болѣе всего хочетъ возбуждать любопытство, и для того мѣшаетъ быль съ небылицею; вторая отвергаетъ самые остроумные вымыслы и хочетъ только истины.

Описавъ походъ Олеговъ, Несторъ говоритъ: „въ лѣ„то 6415—6418 явися звѣзда велика на Западѣ *копіинымъ* „образомъ.“ О сей Кометѣ упоминаютъ разныя, Византійскія и Франкскія лѣтописи; въ послѣднихъ именно сказано, что она имѣла образъ длиннаго *копья.* Только Несторъ ошибся годами: Комета являлась въ 905 году по Р. Х. (см. Cométographie, I, 352).

(317) Самыя первыя условія Олеговы съ Греками описаны имъ, кажется, по словесному преданію о выгодѣ ихъ для Россіянъ и по сообраҗенію съ новѣйшими договорами: они предложены кратко и не имѣютъ точно-

сти, соблюденной въ договорахъ 912 и 945 года. Лѣтосчисленіе въ *Троицк.* спискѣ отстаетъ здѣсь годомъ противъ иныхъ, такъ же, какъ и въ извѣстіи о походѣ Олеговомъ къ Царюграду (см. ниже, примѣч. 325). Въ концѣ самаго договора, по *Троицкому* же списку, стоитъ: „мѣсяца Сент. въ 2 Недѣлю, *пятоенадесять* „лѣто созданье міра.“ *Пятоенадесять* лѣто означаетъ 15 Индиктъ: слѣдственно договоръ заключенъ, по нынѣшнему лѣтосчисленію, въ Сентябрѣ 911 года, за 8 мѣсяцевъ до кончины Императора Льва, умершаго въ 912 году, Маія 11, по точнымъ словамъ Константинова Продолжателя: Maii 11, die 3, indictione 15 diem obiit Leo. Здѣсь ошибка единственно во дни недѣли: 11 Маія было въ семъ году не Вторникомъ, а Понедѣльникомъ. Императоръ Александръ умеръ въ 913 году, Іюня 6, въ Воскресенье, чрезъ годъ и нѣсколько дней послѣ брата. Напрасно Паджи, вопреки современному Лѣтописцу, относитъ кончину Льва къ XIV Индикту (см. Круга Chronologie der Byzantier стр. 81-93).

Шлецеръ (см. его Nest. *IV*, 10, 11) въ опроверженіе Олегова трактата говоритъ, что „въ немъ именованы Царями Греческими Левъ, *Александръ* и *Константинъ*: Левъ же не имѣлъ соправителя, и Константинъ восшелъ на престолъ уже въ 912 году.“ Но Кедринъ пишетъ, что Императоръ Левъ еще задолго до смерти своей короновалъ сего младенца. По Русскому переводу (Т. II, л. 91): „Императоръ сына своего, Константина, увѣнчалъ рукою „Евфимія Патріарха.“ Что касается до Александра, то онъ и при жизни Льва назывался Царемъ. Левъ Грамматикъ, въ описаніи Львова государствованія (гл. *V*), сказываетъ, что крестнымъ отцемъ Зоина сына, Константина, (въ 905 году), былъ *Царь Александръ.*

(318) Между сими новыми послами именованы и тѣ, которые заключили прежнія условія съ Греками. Въ разсужденіи именъ слѣдую *Троицкому* списку, какъ древнѣйшему; но многія и въ немъ безъ сомнѣнія испорчены. Всѣ они раздѣлены точками въ подлинникѣ.

(319) *Отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его*: древнее Русское, сильное выраженіе.

Ниже въ *Троицк.*: „многажды право судихомъ (о мирѣ), „но точію православесно" — въ другихъ *простословесно*: изъ чего *должно*, кажется, заключить, что прежнія условія не были письменныя.

(320) Ни слова объ Игорѣ: доказательство, что онъ при Олегѣ не имѣлъ власти.

Подлинный договоръ во многихъ мѣстахъ кажется невразумительнымъ отъ того, что писецъ, можетъ быть, еще прежде Нестора внесъ оглавленіе статей въ ихъ содержаніе. На примѣръ: „иже ся ключитъ проказъ, *да ели*„*ко явѣ будеть показаньи явленными,* да имѣютъ о та„ковомъ явленьи (свидѣтельства). *А ему же начнутъ не*„*яти вѣры,* да не клянется часть та, иже ищетъ." Здѣсь означенныя косыми буквами слова суть не что иное, какъ оглавленіе. Для чего вѣрили въ судѣ, за недостаткомъ свидѣтелей, присягѣ отвѣтчика, а не истца? угадать не трудно. Законодатель полагаетъ, что и тотъ и другой могутъ быть безсовѣстны: вѣря ложной клятвѣ перваго, судья только *оправдываетъ виновнаго*; но принимая ложь втораго за истину, онъ *наказываетъ невиннаго.* Россіянамъ извѣстно изрѣченіе великаго ума: „лучше оправдать многихъ виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго." Законы Ярославовы также отвергаютъ присягу истца.

(321) Въ *Хлѣбников.*, *Ипатьевск.* и въ другихъ: „Аще „есть имовитъ (убійца), да часть его, сирѣчь иже его „будетъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго." Въ *Троицк.* выпущены слова: „сирѣчь иже;" но то и другое ясно. Далѣе въ *Ипатьев.* и *Хлѣбниковскомъ*: *а и жена* убившаго да имѣетъ толицѣмъ же пребудетъ по закону." Въ *Троицк.*: „*а жена* убившаго, да имѣетъ та, олицѣмъ же пребудетъ по закону." Татищевъ и Ломоносовъ толкуютъ, что родственникъ убитаго бралъ себѣ имѣніе *и жену* убитаго! По законамъ Ладислава, Короля Вен-

герскаго, жена и дѣти убійцы получали третію часть изъ его имѣнія (Decret. S. Ladisl. кн. II, гл. VIII). Въ договорѣ *Игоревомъ* сія статья предложена такъ: „аще ли „ускочитъ створивый убой, и аще будетъ имовитъ, да „возмутъ имѣніе его ближніи убіенаго.“ Нѣтъ о женѣ ни слова.

(322) „Да держится тяжи;“ а Татищевъ говоритъ: *судъ кончить*—то есть, совсѣмъ противное.

Въ Греческой литрѣ было 72 золотника, а литра серебра цѣною равнялась съ пятью *солидами* или червонцами (см. Dissertation sur l' état de la monnaie Romaine въ Mémoires de l' Academie des Inscriptions годъ 1718-1725, стр. 364, и сочиненіе Г. Круга Zur Münzkunde Russlands, стр. 153). Ярославовы законы опредѣляютъ 12 гривенъ пени за ударъ мечемъ и сосудомъ: изъ чего слѣдовало бы, что 12 гривенъ Ярославова времени равнялись цѣною съ 25 червонцами; но должно замѣтить, что Олегъ въ договорѣ своемъ могъ возвысить сію пеню для безопасности Россіянъ, жившихъ въ Царѣградѣ (см. о гривнѣ выше, примѣч. 298, и ниже, примѣч. 527.)

Ниже: „да соймегѣ съ собе и ты самыя порты, въ „нихъ же хожаше.“ Портами называлась вообще одежда; теперь въ семъ значеніи осталось только имя *портной*.

(323) Въ *Троицк.* и въ нѣкоторыхъ: „мечьтая обра„зомъ искусъ творити.“ Выраженіе: *творить искусъ*, значило *дѣлать обыскъ*. Такъ ниже, въ статьѣ VIII, сказано, что купецъ вездѣ можетъ искать бѣглаго своего невольника, и что всякой, кто не дастъ *творить сего искушенія*, признается виновнымъ. Писцы, не разумѣя сего выраженія, обратили слово *мечьтая въ мученіе*.—Въ сей V статьѣ выше сказано о ворѣ по *Ипатьевск.* и *Хлѣбников.* списку: „отдасть *трейчи*:“ втрое?

Снабдѣти лодью есть *сохранить, соблюсти*. Такъ въ Псалтири (Пс. 78, ст. 12) сказано: *снабди сыны умерщвленныхъ*. Только въ нынѣшнемъ просторѣчіи глаголъ сей значитъ *надѣлить*.

Ниже: „отъ бури или бороненья земленаго ради:“ слово *бороненье* значитъ *препятствіе*. Славянскій глаголъ *бранити* значитъ то же, что *возбранять*.

Ниже: „Да егда ходимъ въ Греки, *ли* сольбою Цареви „вашему, *ли съ куплею*.“ Татищевъ обратилъ *сольбу*, то есть посольство, *въ мольбу*, и доказываетъ, что Кіевскіе Христіане ѣздили молиться въ Константинополь.

(324) Сей смыслъ долженъ быть, кажется, въ словахъ: *то аще ключится також прокиза лодьи Рустѣй*, которыя находятся въ срединѣ статьи и затемняютъ ея разумъ. Посламъ Олеговымъ надлежало требовать взаимныхъ услугъ отъ Грековъ.

Слѣдующую, наполненную описками статью можно изъяснить только шестою статьею Игорева договора (см. *ниже*): та и другая одного содержанія. Здѣсь писецъ также внесъ оглавленія—на примѣръ: *еже требуеть на войну ити; о плѣненіи, о Руси, о Крестьянѣхъ* (Христіанахъ)—въ самый трактатъ: отъ чего вышло повтореніе, замѣченное имъ или кѣмъ нибудь (вѣроятно на полѣ) словомъ *многажды*—на прим. *о плѣненіи многажды*; а другой писецъ включилъ въ содержаніе и сіи слова.

Ниже: „или мнится въ куплю на день челядиная цѣна.“ Слово *мнится* тоже, что *вмѣнится* (см. *Лексиконъ Славянороссійскій*, напечатанный въ типографіи *общежительнаго монастыря Кутеинскаго* въ 1653 году, стр. 80). *Цѣна на день* есть цѣна того времени или настоящая.

Далѣе: „тако же аще и отъ рати ять будетъ, да взвра„тится во свою землю, и дана будетъ цѣна его; якоже „реченное, якоже есть *купля*;“ а *ниже сказано*, что цѣна выкупная есть 20 златыхъ, то есть Византійскихъ *номисмъ* или *солидовъ*, которые имѣли вѣсъ Голландскихъ червонцевъ или не много болѣе (см. Рейске Comment. ad Cerim. Const. Porph. стр. 44, и сочиненіе Г. Круга Münzkunde Russlands, I, 137).

Далѣе въ *Троицк.*: „еже требуетъ на войну итти, „егда потребу творити, и сихъ почтити Царя вашего „(не *нашего*), да аще въ кое время елико ихъ придетъ, „и хотятъ остати у Царя вашего, своею волею да бу-„дутъ.“ Греки, соглашаясь возвратить всѣхъ невольниковъ въ Россію, исключаютъ Русскихъ воиновъ, которые добровольно захотятъ служить Императорамъ. Наши толкователи, соединивъ съ сими словами слѣдующія: *о Руси*, *о плѣненьи*, написанныя въ *Кенигсбергскомъ*: „отъ „Руси отполонени,“ думали, что Царю Греческому надлежало выкупить Русскихъ плѣнниковъ; но сіе изъясненіе совсѣмъ не основано на словахъ лѣтописи.

Ниже въ договорѣ: *по нужи проданъ будетъ*, то есть, отнятъ подъ видомъ купли; на примѣръ, если бы Грекъ, отнявъ невольника у купца Русскаго, и бросивъ ему нѣсколько денегъ, сказалъ, что сей невольникъ имъ купленъ.

Далѣе: „Аще кто искушенья (обыска) того не дастъ „творити, местникъ да погубитъ правду свою.“ Татищевъ изъяснялъ, что *искушеніе* есть истязаніе, *местникъ* городской начальникъ, *а погубить правду* нарушить законъ. Всѣ три изъясненія несправедливы и даже не имѣютъ смысла. *Искушеніе* обыскъ (въ Лексиконѣ Купеинскомъ: „досвѣтченье, довѣдываніе“); *местникъ* тоже, что мститель, врагъ или противникъ въ тяжбѣ; *а погубить правду* значитъ лишиться своего права въ судѣ, быть обвиненнымъ.

(325) Такъ въ *Троицкомъ*. — Въ сей статьѣ и слѣдующей опять внесены оглавленія въ слова договора, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ

(326) „Си бо вся да творятъ Русь Грекомъ, идѣ же „аще ключиться таковое.“ Сіе относится къ тремъ предъидущимъ статьямъ.

(327) См. выше, примѣч. 317. Я воспользовался здѣсь умнымъ замѣчаніемъ Г. Круга и принялъ его мнѣніе, что переписчикъ договора вмѣсто: *киноварнымъ писань-*

емъ, ошибкою поставилъ: *Ивановымъ писаньемъ* или *написаньемъ*; ибо выраженіе: διὰ κινναβάρεως γράμματα, обыкновенно употреблялось въ Византійскихъ трактатахъ; напротивъ того ни въ нихъ, ни въ Русскихъ *древнихъ* не находимъ имени писцевъ. Договоры Грековъ съ другими народами, имѣвшими буквы, писывались обыкновенно на двухъ языкахъ (см. въ Менандеровыхъ *Посольствахъ* извѣстіе о мирѣ, заключенномъ между Іустиніаномъ и Персидскимъ Царемъ Хозроемъ).

(328) Memor. popul. I, 8 и 103. Александръ думалъ племянника своего, Константина, сдѣлать евнухомъ, чтобы увѣнчать безумныя дѣла свои. Патріархъ Славянинъ назывался Никитою.

(329) Memor. popul. II, 983.

(330) *Фофудьями*, какъ въ лѣтописи сказано: слово не Русское (ибо въ Славянскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ буквы ф), но Греческое Φουφάδοτος (см. Дюканж. Византі. Лексик.) то есть, *носимый съ поясомъ кафтанъ*. Оно есть прилагательное имя и составлено изъ Еврейскаго слова *фуфель, поясъ*, и Греческаго глагола δέω или δω, *связываю*. Шлецеръ не справился съ Лексикономъ Византійскаго языка, и не зналъ, что такое Несторовы *фофудьи*. Далѣе: „еще же" (велѣ имъ показати) „чудеса Бога сво-„его, страсти Господнѣ, вѣнецъ, и гвоздья, и хламиду „багряную, и мощи Святыхъ." По Византійскимъ лѣтописямъ, около сего времени Царь Левъ угощалъ пословъ *Сарацынскихъ*, и показывалъ имъ всѣ драгоцѣнности церковныя (см. Кедрина и Льва Грамматика).

(331) Несторъ: „и живяше Олегъ, миръ имѣя ко всѣмъ „странамъ, *княжа въ Кыевѣ*:" въ противность чему *Арханг. Лѣт.* говоритъ о путешествіи Олега въ Новгородъ и смерти его въ Ладогѣ.

(332) Въ одной *Исландской Сагѣ*, сообщенной намъ Торфеемъ, есть такая же басня о рыцарѣ Орварѣ Оддѣ. Вѣщунья предсказала ему смерть отъ любимаго коня его, именемъ *Факса*. Конь умеръ, и рыцарь, стоя на его мо-

тилѣ, думалъ, что вся опасность миновалась; но *ящерица* (lacerta) выползла изъ гніющаго черепа Факсова, и въ пяту укусила Овара (Торф. Hist. Norveg. T. I, кн. *VI*, гл. 6, стр. 273). Кіевскіе ли Варяги передали сію сказку сѣвернымъ землякамъ своимъ, или Сѣверные Кіевскимъ?

(333) То есть, мы полагаемъ, что Хорваты, имъ покоренные, жили въ окрестности сихъ горъ (см. выше, примѣч. 70).

(334) Что Юмъ говоритъ о своихъ Англо-Саксонцахъ, можемъ отнести къ Русскимъ Варягамъ и Славянамъ: „Народъ, столь мало зависимый отъ уставовъ „гражданскихъ, могъ ли съ точностію слѣдовать обык„новеніямъ наслѣдственной власти? Ежели сынъ умер„шаго Короля былъ въ совершенныхъ лѣтахъ, то онъ „безспорно восходилъ на тронъ; а ежели оставался въ „малолѣтствѣ, то ближній родственникъ его присво„ивалъ себѣ власть и сообщалъ ее дѣтямъ своимъ.“ *Истор. Англ.* T. II, въ началѣ.

(335) Здѣсь новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ о войнѣ Игоря съ Угличами (см. ниже, примѣч. 562). Отъ похода Олегова до 945 года лѣтосчисленіе *Троицкаго* списка все еще отстаетъ годомъ отъ другихъ: „Въ лѣто „6420 заратишася Древляне по Олговѣ смерти. . . . Въ „лѣто 6421 иде Игорь на Деревляны. . . Приде Симеонъ „Болгарьскый на Царьградъ. . . Въ лѣто 6422 придоша „Печенѣзи. . . Въ лѣто 6427 поставленъ бысть Романъ „Царемъ въ Грецѣхъ. . . Въ лѣто 6449 Симеонъ иде на „Хорваты и побѣжденъ бысть.“ Въ *Пушкин.* и въ другихъ спискахъ все относится къ слѣдующему году, отчасти справедливѣе: на примѣръ, по сказанію Кедрина, Хорваты разбили войско Болгарское въ 15 Индиктъ, 27 Маія (Memor. popul. II, 602): слѣдственно въ 942 году. Но Романъ сдѣлался Греческимъ Императоромъ въ 919, а не въ 920 году.

(336) Нѣмецкіе Лѣтописцы называютъ ихъ *Пеценацами* и *Пецинегами*, Византійскіе *Пацинакитами* и *Пацинаками*. Венгерскіе *Биссенами* и *Бессами*, Польскіе и Русскіе Печенѣгами (см. Шлецер. Geschichte der Deutchen in Siebenbürgen, стр. 452). —Мы не знаемъ языка ни Гунновъ, ни Аваровъ, ни Печенѣговъ. Знаемъ только, что послѣдніе говорили однимъ языкомъ съ Команами или Половцами: въ чемъ увѣряетъ насъ свидѣтельство Анны Комнины (Memor. popul. III, 908). — Дунайскіе Болгары до самаго завоеванія Мизіи были, кажется, народомъ кочующимъ. Волжскіе и Камскіе имѣли селенія и города, но уже въ позднѣйшія времена. — Болгары, завоеватели Мизіи, давно уже обратились въ Славянъ по языку и нравамъ своимъ. — Константинъ (въ Бандури Т. I, стр. 106) пишетъ, что три колѣна Печенѣговъ, славнѣйшія храбростію, именовали себя *Кангаръ* (см. выше, примѣч. 90). —Далѣе Константинъ говоритъ (въ Бандури стр. 105), что Печенѣги жили въ сосѣдствѣ съ Узами и *Мазарами*, и что Узы съ помощію *Хазаровъ* выгнали ихъ оттуда. Нѣкоторые ученые (Тунманъ, Гаттерерь) думали, что здѣсь имя *Мазары* ошибкою стоитъ вмѣсто *Хазаровъ*; напротивъ того иные мыслятъ, что послѣднее есть описка (вмѣсто *Мазаровъ*). Если бы Козары выгнали Печенѣговъ изъ *отдаленныхъ* Уральскихъ окрестностей, то вѣроятно ли, чтобы сей народъ — т. е Печенѣги — осмѣлились въ бѣгствѣ своемъ *приближиться* къ нимъ съ другой стороны и завладѣть частію ихъ собственныхъ Азовскихъ и Таврическихъ владѣній? Подъ именемъ Константиновыхъ Мазаровъ гораздо скорѣе можно разумѣть единоплеменниковъ Венгерскаго или Маджарскаго народа, который безъ сомнѣнія не весь оставилъ свои древнія жилища; не весь перешелъ въ область Козарскую: его-то, думаю, называетъ Абульгази (Hist. des Tatars, стр. 45) Мадзарами (Madsahres) и полагаетъ ихъ, за нѣсколько вѣковъ до временъ Чингисхана, въ сосѣдствѣ съ Россіянами и Казан-

скими Болгарами около Урала и Волги.—О Лебедіи см. выше, примѣч. 302.

(337) Post aliquot annos, по словамъ Константина (въ Бандури Т. I, 108). Франкскіе Лѣтописцы согласно говорятъ, что Печенѣги выгнали Угровъ изъ Молдавіи въ 896 году: см. Шлец. Nestor III, 140; также Констант. Багр. въ Бандури I, 106, Баеров. Geograph. Russ. ex Const. Porph. въ Коммент. Акад. IX, 399, и Гаттер. Allgem. Weltgesch. 582. Константинъ полагаетъ только *день ѣзды* отъ Россіи до владѣній Печенѣжскихъ, отъ Узіи и Хазаріи пять дней, отъ Аланіи (въ Кавказской Губерніи) шесть, отъ Мордіи (Мордвы) десять.

(338) Memor. popul. III, 815. и Шлец. Gesch. der Deutsch. in Sieb. 224-225.

(339) Извѣстія Франкскихъ Лѣтописцевъ заставляютъ думать, что сей народъ утвердился въ Молдавіи еще съ 896 года (см. выше, примѣч. 337). Печенѣги, о которыхъ говоритъ здѣсь Несторъ, шли, *кажется*, изъ Лебедіи. Въ княженіе Олегово могли они ходить оттуда къ Дунаю не захватывая Россіи, чрезъ владѣнія Козаровъ и Херсонцевъ.

(340) Конст. Багрян. въ Бандури, Т. I, стр. 56.

(341) Memor. popul. II, 973. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Нестора сказано, что Игорь еще въ 921 году приготовилъ сильное войско и множество кораблей.—Кедринъ и Зонара говорятъ о 15,000 судовъ! Число безъ сомнѣнія увеличено. Современный Историкъ Ліутпрандъ (о которомъ см. ниже) кажется справедливѣе пишетъ что Игорь имѣлъ *тысячу* и *болѣе* судовъ (кн. V, гл. 6). Левъ Грамматикъ полагаетъ, что Россіянъ всего на все было только 10,000 человѣкъ (Memor. pop. II, 967).—Тогда правилъ Имперіею одинъ Романъ Лакапинъ, тесть Константина Багрянороднаго, и не давалъ послѣднему никакой власти.

(342) Онъ пишетъ, что Россіяне забавлялись муками несчастныхъ плѣнниковъ: распинали ихъ, разстрѣливали и вбивали имъ въ голову желѣзные гвозди. Кедринъ

тоже слово въ слово (см. Русскій переводъ его, листъ 109. и Memor. popul. II, 970). Греки любили увеличивать звѣрство своихъ непріятелей.—Простовестіарій былъ хранителемъ царскихъ одеждъ и первымъ по Доместикѣ или начальникѣ сухопутныхъ войскъ (см. Кодина *о чинахъ Константинопольскаго Двора*).

(343) Онъ стоялъ на Европейскомъ берегу Воспора. въ *Воскресен. Лѣт.*: „Романъ же посла дромоны" (суда, у Дю-Канжа navis oblonga) „елико бяху въ Константи-„нѣградѣ съ Ѳеофаномъ на Русь. Ѳеофанъ же лодейныя воя „преже урядивъ и уготовивъ, и слюзами себе утвердивъ, „Руси ожидая, въ ладіяхъ на ня хотя ити съ окрест-„наго глаголемаго фара, стражница, въ ней же огнь „влагаемъ на просвѣщеніе въ нощи: се на устьи Понта „стражу дѣя, зане ту часто разбойничество и на стра-„ны нагнанія," и проч.

О повелѣніи брать Грековъ живыхъ пишетъ Ліутпрандъ въ Histor. et legat. ad Nic. Phocam, кн. *V*, гл. 6; не милосердіе, но корыстолюбіе заставило Игоря дать оное: ибо Россіяне торговали плѣнниками. Тѣмъ болѣе не вѣрю Византійскимъ Лѣтописцамъ, чтобы воины Игоревы убивали всѣхъ Грековъ, которые попадались имъ въ руки.—Υγρου πυρ, Греческій огонь, изобрѣтенъ, какъ извѣстно, въ VII вѣкѣ Грекомъ Каллиникомъ. Въ наше время не умѣютъ составлять его.—Россіяне, по словамъ Лѣтописца, говорили: „якоже „молнія, иже на небеси, Греци имуть у собе; пущающе „жгуть насъ, и сего ради не одолѣхомъ имъ." Игорь, по Несторову извѣстію, опустошилъ Виѳинію и Пафлагонію прежде Европейскихъ береговъ Воспора; но Греческіе Историки всѣ согласно повѣствуютъ, что флотъ его, уже разбитый Ѳеофаномъ, присталъ къ берегамъ Виѳиніи. Несторъ пишетъ еще, что Россіяне выжгли *Судъ* или гавань Цареградскую; а Византійцы говорятъ только о *Стенѣ*: Stenum enim, ita dictum, igne vastaverunt (Memor. popul. II, 969). Подъ симъ именемъ

разумѣлись вообще берега Воспора Ѳракійскаго; иногда же одинъ Европейскій берегъ, отъ Св. Мамы до Чернаго моря, Лѣтописецъ нашъ поставилъ *Судъ* вмѣсто *Стена*. Гавань осталась цѣла, ибо изъ нее вышелъ тогда же флотъ Греческій.

(344) Отъ Іюня до Сентября (Memor. popul. II, 967—970).

(345) Эльмакинъ или Альмакинъ, крещеный Арабъ, бывшій въ 1302 году Секретаремъ Египетскаго Калифа, говоритъ (Historia Saracenica стр. 213): hoc anno, scilicet 329 (т. е. 940) oppugnarunt Russae Constantinopolin; sed restiterunt iis Romani, qui persequuti eos sunt, et in regionem suam se recipere coegerunt. Ліутпрандъ (Historia et legatio ad N. Ph. кн. *V*, гл. 6) пишетъ, что флотъ Греческій, во время *Игорева нападенія*, былъ въ отсутствіи. „Императоръ, думая, какъ отразить вра„говъ, провелъ безъ сна нѣсколько ночей; узнавъ же, что „въ гавани есть 15 ветхихъ судовъ, велѣлъ исправить „ихъ и выслалъ оныя съ огнемъ противъ Игоря. Вѣтеръ, „мѣшавшій дѣйствію сего огня, утихъ, и Греки зажгли „суда непріятельскія. Россіяне, чтобы спастись отъ „пламени, бросались въ воду: многіе утонули отъ „тягости своихъ шлемовъ и латъ; другіе боролись съ „волнами и также погибли; живы остались единствен„но тѣ, которые ушли на берегъ. Греческія большія „суда не могли гнаться за Русскими лодками, плаваю„щими въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ"—и проч.

(346) Прастѣна, Володислава. Такое множество пословъ удивляетъ насъ; но въ древнія времена оно было знакомъ особеннаго уваженія къ Монарху или народу, который принималъ ихъ (см. sur les fonctions des Ambassadeurs chez les Anciens, въ Mem. de l' Acad. des Inscr. год. 1734—1737). Можемъ найти и другую причину: Императоры *дарили* пословъ, и для того Россіяне *любили* ѣздить къ нимъ съ порученіями отъ своего Двора.

(347) „Иваръ, солъ Игоревъ, и *обчи* слы Вуефастъ „Святославль, сынъ Игоревъ“ (Святослава, сына Игорева), „и Скусеви Ольги Княгини—Каницаръ Передславинъ, „Шиихберъ Сваиндръ, жены Улѣбовы“— (*нетія* Игорева, какъ сказано выше) — „*Прастѣнъ* Акунь, нетій „Игоревъ“ (Акуна, нетія Игорева). Г. Болтинъ толковалъ, что „*Нетій* было названіе достоинства, перваго по Боярахъ“—см. его *Примѣчанія на Исторію Щербатова* Т. I, стр. 252 — и что „оно происходитъ отъ Шведскаго слова naett (*чистый*, *изящный*);“ но сіе имя есть древнее Славянское и значитъ сестрина сына: такъ въ *Никонов. Лѣт.* V, 88, сказано: „служа Царю Мусульману съ нетіи своими, рекше съ сестриничи.“ Слѣдственно Рюрикъ имѣлъ дочь.—Передслава была, кажется, супругою Игорева племянника Улѣба, а не Князя Святослава, какъ пишетъ мнимый Іоакимъ или Татищевъ.

(348) Въ сей самый годъ, т. е. въ 945, Романъ былъ свер жен ъ съ престола Стефаномъ и Константиномъ, неблагодарными дѣтьми своими.

(349) См. выше стр. 134.

(350) „Входяще же Русь въ градъ, да не имѣютъ „волости купити паволокъ *лише пятидесяти* золотникъ“ — а не *осьми*, какъ говоритъ Татищевъ, принявъ *Н* за *И* — „и *отъ тѣхъ* паволокъ аще кто купитъ, да показываетъ è Цареву мужу, и тотъ è „запечатаетъ и дастъ ему.“ Ліутпрандъ, какъ онъ самъ пишетъ, долженъ былъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Царяграда показать всѣ драгоцѣнныя ткани, имъ купленныя; городскіе чиновники приложили къ нимъ печать, но удержали самыя лучшія, возвративъ ему деньгами, чего онѣ стоили, и сказывая, что сіи ткани запрещено вывозить изъ Константинополя: „ибо Греки, превосходя иные народы богатствомъ и мудростію, должны превосходить ихъ и красотою одежды“ (Legatio

Liutprandi etc. въ Мураттори Т. II, стр. 487, Круга Münzkunde Russlands стр. 93—97).

Греки не хотѣли, чтобы Россіяне, получая даромъ все съѣстное, заживались въ Константинополѣ.

(351) Въ Олеговомъ трактатѣ нѣтъ сего условія: слѣдственно здѣсь упоминается о другомъ договорѣ, заключенномъ съ Греками, можетъ быть, въ началѣ Игорева княженія. Татищевъ вмѣсто паволоки написалъ: „по два кафтана;" но паволока не кафтанъ, а ткань. — Надобно думать, что нѣкоторыя особенныя ткани, опредѣленной доброты и мѣры, ходили въ Греціи какъ деньги. Протоспаѳарій, или начальникъ тѣлохранителей Императорскихъ (меченосцевъ), именемъ Эпифаній, отправленный въ Ломбардію, взялъ съ собою на издержки между прочимъ и разноцвѣтныя ткани (Констант... de Cerim. стр. 382., въ Кругов. сочиненіи Münzkunde Russl. стр. 86). Греки выкупали плѣнныхъ шелковыми одеждами (Memor. popul. II, 82). Норманы означали цѣну вещей тканями (Ире Glossarium подъ словомъ Vadmal). Далѣе Татищевъ вмѣсто двухъ золотниковъ поставилъ *двадцать*.

(352) Въ Олеговомъ договорѣ положено выкупу 20 золотниковъ за каждаго Греческаго невольника.

(353) Въ *Пушкинск.* и *Троицк.*: „Князь Руській да „воюетъ на тѣхъ странахъ," и проч. Въ *Кенигсб.* ошибкою поставлено: „на *всѣхъ* странахъ." Русскіе въ окрестностяхъ Херсонскаго владѣнія могли воевать съ Козарами и Печенѣгами.

(354) Въ Олеговомъ договорѣ сказано тоже, съ прибавленіемъ другихъ обстоятельствъ.

(355) При устьѣ Днѣпра, нынѣ Березань (Memor. popul. II, 984). Въ *Историческомъ изслѣдованіи о мѣстоположеніи Тмутороканскаго Княженія*, стр. 36—37, сказано, что область Россіи простиралась тогда до устья Днѣпровскаго: при чемъ Авторъ ссылается на сіе мѣсто Игорева договора. Напротивъ, оно доказываетъ, что устьемъ Днѣпра владѣли Херсон-

цы, когда Россіянамъ не позволялось тамъ зимовать. Въ подлинникѣ: *егда придетъ осень, да идутъ въ домы своя, въ Русь.* Слѣдственно Россіяне были тамъ *не дома* или не въ своемъ владѣніи; но могли, кажется, вмѣстѣ съ Херсонцами ловить рыбу въ Лиманѣ или въ морѣ. Даже и пороги Днѣпровскіе находились уже внѣ Россіи, въ области Печенѣговъ (см. выше, примѣч. 307).

(356) См. Констант. Багрянород. de Adm. Imp. въ Бандури Т. I, стр. 113.

(357) См. выше, стр. 137.

(358) Въ Царѣградѣ была славная церковь Св. Иліи; но здѣсь, какъ увидимъ ниже, говорится о Кіевской. — Слово *обручь* значитъ тоже, что кольцо. — Далѣе слѣдуютъ заклинанія, какъ и въ началѣ. Татищевъ означилъ годъ и число договора (Апрѣля 20); но ихъ нѣтъ въ лѣтописи.

(359) Несправедливо считаютъ церковь Св. Николая древнѣйшею въ Кіевѣ. Несторъ пишетъ только, что она въ его время стояла на могилѣ Аскольдовой; а когда построена, неизвѣстно. Соборная церковь Св. Иліи была, по словамъ Лѣтописца, *надъ ручаемъ, конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ*: думаю, что *Пасынскою бесѣдою и Козарами* назывались двѣ улицы или части древняго Кіева, и что сія церковь находилась между ими. Имя *бесѣда* означало въ старину *сѣдалище*. Въ *древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ*, стр. 3, сказано: „подернута „*бесѣда* рытымъ бархатомъ; на бесѣдѣ то сидитъ Ку„павъ молодецъ.“

Татищевъ прибавилъ здѣсь отъ себя: „Варяги, *Сла„вяне* и Руссы.“ Несторъ отличаетъ первыхъ только отъ Славянъ, а не отъ Руси.

(360) *Челядью*, т. е. рабами или невольниками, которыми торговали Россіяне.

(361) Константинъ называетъ ихъ по-Русски *Гирами* (γύρχ). На языкѣ Оссетинцевъ *Гиръ* значитъ округъ или область (см. Гильденштет. Reisen, Т. I, стр. 469).

(362) Не только Князья, но и всякой знаменитый Воевода имѣлъ свою особенную дружину.

Можетъ быть, для объясненія зависти Игоревыхъ воиновъ въ нѣкоторыхъ *новѣйшихъ* спискахъ къ описанію случаевъ 914 года, когда Игорь усмирилъ Древлянъ, прибавлено слѣдующее: „И бѣ у него Воевода Свѣнельдъ, „и примучи *Углици*, и возложи на ня дань Игорь и вдасть „Свѣнельду, и не вдашется ему единъ градъ, именемъ „Пересѣченъ, и сѣде около его три лѣта, и одва взятъ „его. И бяше сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ, и по семъ „пріидоша межи *Воинъ Дестръ* и сѣдоша тамо. И дасть „(Игорь) дань Деревскую Свѣнельду, и рѣша дружина „Игорева: *се далъ еси единому мужеви много*. По семъ „послѣ скажемъ." Угломъ называлась прежде рѣка Орель въ Екатеринославской Губерніи, какъ говоритъ Лѣтописецъ въ описаніи войны нашихъ Князей съ Половцами въ 1185 году. И такъ подъ именемъ *Углицей* (если оно не описка вмѣсто *Сулицей*: см. выше, стр. 127) надлежало бы разумѣть Славянъ, которые обитали нѣкогда близъ рѣки Орели, и поселились наконецъ не далеко отъ Переяславля и Кіева, гдѣ былъ городъ Пересѣченъ (см. *Воскресенск. Лѣт.* II, 31). Слова: „межи *Воинъ Дестръ*," должны быть опискою, вмѣсто: „межи *Воинъ* и *Днѣпръ*:" ибо Воинемъ называлась рѣка или мѣсто за Переяславлемъ на Востокъ (см. ниже). Но извѣстіе о притѣсненныхъ мнимыхъ Угличахъ и щедрости Игоря въ отношеніи къ Свѣнельду кажется прибавленіемъ новѣйшаго Автора: оно несогласно съ сказаніемъ Нестора, который совсѣмъ не упоминаетъ о народѣ такого имени въ описаніи Славянскихъ племенъ, и сказываетъ, что Игорь взялъ Древлянскую дань себѣ, а не для Свѣнельда, и что онъ еще увеличилъ ее: „примышляше къ *первой* дани."

(363) См. ниже, примѣч. 401. Мы уже сказали выше, что Коростенъ есть нынѣшнее мѣстечко Искорость въ Волынской Губерніи на рѣкѣ Ушѣ.

(364) Абульфеда въ Annal. Moslem., стр. 265: Anno 332 (г. 943—944) Russorum aliqua natio, domo egressa navibus, per mare Caspium et fluvium Corr subvecta usque ad urbem Bardaah penetrabat, eam occupabat, caedibus et rapinis complebat, et tandem domum eadem, qua venerat, via redibat.— Абульфарагія или Абульфарача, или Баръ-Еврея Chronicon Syriacum, стр. 193: Anno, quo Mostacphius regnare coeperat (г. 944) exierunt varii populi, Alani, Sclavi et Lazgi, qui usque ad Adorbiganam progressi urbem expugnarunt Bardoam, in qua ad 20,000 occiderunt (т. е. *убили* въ Бардѣ до 20,000 человѣкъ). Барда есть нынѣ мѣстечко, называемое Берде. — Абульфеда жилъ въ XIV, Абульфарачь въ XIII вѣкѣ.

(365) Татищевъ, ссылаясь на *Ростовскую лѣтопись*, полагаетъ рожденіе Святослава въ 920 году; но въ первой, въ *Ипатьев.*, *Хлѣбниковск.* и *Воскресенской* означено, что сей Князь родился въ 942: слѣдственно въ 39 годъ Ольгина замужества? вѣроятно ли? Въ 946 году Святославъ уже могъ воевать, хотя, по словамъ Лѣтописца, былъ еще *дѣтескъ*, т. е. очень молодъ; а въ 970 сыновья его начальствовали въ удѣльныхъ областяхъ (см. ниже). Въ годъ Игоревой кончины Святославу могло быть лѣтъ 12. Въ такомъ случаѣ Ольга родила его будучи по крайней мѣрѣ сорока трехъ лѣтъ (см. ниже, примѣч. 382).

(366) „Кормилецъ его Асмудъ, Воевода бѣ Свѣнельдъ, „*то же отецъ Мистишинъ*.“ Но кто былъ Мистиша, Лѣтописецъ не сказываетъ: можетъ быть, и самъ не зналъ, взявъ сіе имя изъ какой нибудь древней исторической сказки или пѣсни.

(367) Такъ Гомеровы Поемы, будучи зеркаломъ древнихъ обычаевъ и нравовъ, весьма любопытны для самаго Историка.

(368) Здѣсь Несторъ описываетъ положеніе древняго Кіева: чѣмъ мы воспользуемся въ другомъ мѣстѣ.

(369) Въ *Пушкинскомъ*: „уже мнѣ своего не *кресити*.“ Древній глаголъ *кресить* значилъ то же, что *воскрешать* или *возстановлять*.

(370) „Сѣдяху въ *перегбѣхъ*, въ великыхъ *сустугахъ* гордящеся.“ *Перегибами* назывались, кажется, нѣкоторыя особенныя лодки. *Сустуги* могутъ значить кривлянье.

(371) Въ *Никонов.* и въ другихъ новыхъ спискахъ означено даже число ихъ: *сорокъ*.

(372) См. *Волынскія Записки* Г. Руссова, стр. 100. Онъ пишетъ, что древній Коростенъ принадлежитъ нынѣ помѣщикамъ Любовицкимъ, и называется селомъ Дѣдичнымъ; что въ лѣсу видно мѣсто города и воротъ; что тамъ, гдѣ былъ Ольгинъ станъ, находится теперь деревенька Шатрицы.

(373) Ольга, любивъ мужа, хотѣла, чтобы Игоревы тѣлохранители и по кончинѣ сего Князя составляли особенную дружину. — Лѣтописецъ думалъ, кажется, почтить женскую чувствительность Ольги, сказывая, что она не хотѣла быть зрительницею кровопролитія.

(374) *Цѣрь*. Въ рукописномъ житіи Ольги сказано: *сѣру съ огнемъ*. — Когда Древляне предлагали дань Великой Княгинѣ, она сказала имъ: „нынѣ у васъ нѣтъ „меду, ни скоры; азъ бо не хощу тяжкы дани взложити, „яко же и мужъ мой.“

(375) Сватовство кажется сомнительнымъ: Ольгѣ было тогда уже за 50 лѣтъ.

(376) Олегъ, по извѣстію Лѣтописца, основалъ многіе города. —*Вѣно* значитъ *приданое*; иногда *выводное*, или то, что женихъ даетъ за невѣсту. Примѣры увидимъ въ княженіе Владиміра и Ярослава. — О Вышегородѣ см. въ Memor. popul. II, 982.

(377) Несторъ: „уставляюще уставы и урокы; суть „*становища ея* и ловища:“ то есть, извѣстны мѣста, гдѣ находились ея станы, и гдѣ она ловила звѣрей. *Становищами* также назывались въ старину хуторы и домы, гдѣ можно было *приставать*. Такъ сказано въ *Лѣтописцѣ Соловецкаго Монастыря*, стр. 25, что Игуменъ

Филиппъ въ 1561 году построилъ въ *Заяцкомъ становище каменное съ поварнею.*

Далѣе въ *Троицк.* спискѣ: „Иде Ольга къ Новугороду, сына своего, Святослава, оставивше Кыевѣ, и нача „уставливати *по Мьстѣ и погосты и дани, и по Лузѣ* „оброки устави и дани, и *ловища* ея суть и до сего „дни по всей земли Русьтѣй и Новогородьстѣй, знаманья же и мѣста и погосты; и сани ея стоять въ „Пльсковѣ и нынѣ; и по Днѣпру *перевѣсища* ея суть, и „по Деснѣ, и есть село ея у Кыева близь на Деснѣ *Ольжищи* и до сего дни." Слово *погостъ* употребляется нынѣ въ двухъ смыслахъ, означая село съ деревнями прихода его и мѣсто вокругъ церкви, гдѣ погребаютъ мертвыхъ. Въ древнія времена погостомъ называлась округа или нѣсколько деревень, подсудныхъ одному начальству. Раздѣленіе областей на такія округи могло быть въ Ольгино время дѣломъ великой законодательной мудрости.—*Ловище* есть мѣсто звѣриной и рыбной ловли, а *перевѣсище* мѣсто *перевѣса*, или сѣтей развѣшенныхъ для ловленія птицъ (см. въ новомъ изд. *Руской Правды* стр. 78, и въ *Уложеніи* гл. XVII, отдѣлен. 23). Историки наши несправедливо думали, что Ольга *распорядила* въ государствѣ *звѣриную, птичью и рыбную* ловлю: здѣсь говорится о *мѣстахъ*, гдѣ Княгиня *сама* забавлялась ловлею, мѣстахъ извѣстныхъ и въ Несторово время подъ именемъ *Ольгиныхъ*. Такъ называлась и въ XV вѣкѣ одна гора близъ Пскова (см. сей *Исторіи* Т. V. примѣч. 197). Лѣтописецъ называетъ ихъ *знаменіемъ* ея, т. е. памятникомъ. Каменевичь-Рвовскій (см. выше, примѣч. 91), описывая путешествіе сей Княгини, говоритъ, что она была и въ Ярославской Губерніи, гдѣ въ его время, т. е. въ XVII вѣкѣ, одинъ большой камень на берегу Волги, въ верстѣ отъ устья Мологи, именовался *Ольгинымъ*; что тамъ же сынъ ея Святославъ въ окрестностяхъ небольшаго озера ловилъ *птицъ, соколовъ, кречетовъ*, и прозвалъ сіе озеро въ свое

имя *Святославлимъ:* оно называется нынѣ Святымъ. Но Каменевичь забылъ, что Великая Княгиня путешествовала безъ сына.—Татищевъ увѣрялъ, что село Ольжищи или Ольжичи донынѣ существуетъ близъ Днѣпра и Чернигова. Я справлялся и получилъ въ отвѣтъ отъ Г. Черниговскаго Губернатора, Барона Френздорфа, что такого селенія не бывало въ Черниговской Губерніи; нѣтъ и близъ Кіева на Деснѣ. Оно было ниже Моровска по нашимъ лѣтописямъ XII вѣка.

(378) Татищевъ, ссылаясь на какую-то лѣтопись Симона Епископа (который никогда не бывалъ Лѣтописцемъ) полученную имъ отъ Волынскаго, говоритъ, что „Ольга хотѣла, но не могла креститься въ Кіевѣ, боясь народа, и для того, по данному ей отъ Христіанъ совѣту, отправилась въ Константинополь.“ Но мы знаемъ, что народъ терпѣлъ Христіанъ въ Кіевѣ. Ольга же могла бы и тайно окреститься.

Патріархъ, крестившій Ольгу, названъ во многихъ спискахъ Несторовой лѣтописи Фотіемъ: его уже около 60 лѣтъ не было на свѣтѣ; могъ крестить ее Ѳеофилактъ или Поліевктъ.

Мы слѣдуемъ Несторовой хронологіи; однакожъ замѣтимъ ея несогласіе съ Византійскими извѣстіями. Кедринъ, Историкъ XI вѣка, сказавъ, что въ 948 году Императоръ Константинъ Багрянородный взялъ Романа въ соправители, и что два Князя Турецкіе (или Венгерскіе) приняли Вѣру Христову въ Царѣградѣ, говоритъ о крещеніи Ольги, о смерти Романовой супруги Берты или Евдокіи, о пораженіи Хавдаса, вождя Арабскаго, и наконецъ о смерти Патріарха Ѳеофилакта. Жена Романова умерла въ 949 году (см. Дюканж. Famil. August. Byzant. стр. 143): слѣдственно Ольга крестилась или въ 948 или 949 годахъ? Хавдасъ былъ побѣжденъ два раза, въ 950 и 956 г. (Аль-Макин. Historia Saracenica г. Эгиры 339 и 345), а Ѳеофилактъ умеръ въ 956. — Но въ книгѣ, приписываемой самому Константину Багрянородному

(de Cerim. Aul. Byzant.) сказано, что онъ угощалъ Великую Княгиню Россійскую 9 Сентября въ Среду и 18 Октября въ Воскресенье: по церковному Пасхальному кругу сіи числа были Средою и Воскресеньемъ въ 946 и 957 годахъ. Далѣе въ томьже Константиновомъ повѣствованіи говорится о дѣтяхъ Романовыхъ; а какъ Романъ въ 946 году еще самъ находился отрокомъ (хотя и женатымъ), то надобно, чтобы Ольга крестилась въ 957 году, когда онъ уже могъ имѣть дѣтей отъ второй супруги своей Θеофаніи (см. Круга Chronologie der Byzantier стр. 267 и слѣд.; также Архіеписк. Евгенія Булгара *Разысканіе о времени крещенія Ольги*).

(379) Memor. popul. II, 976—979. Выписываемъ здѣсь подробности. Ольга, вошедши во дворецъ, остановилась тамъ, гдѣ Логоѳетъ или Канцлеръ обыкновенно предлагалъ иноземнымъ посламъ вопросы. За нею стали, убаясь, ея послы или чиновники (Αποκρισιαριοι) и купцы. Логоѳетъ ввелъ Великую Княгиню въ посольскую залу, гдѣ Императоры въ такихъ случаяхъ обыкновенно сидѣли на золотыхъ креслахъ, между всѣми чиновниками Двора, изъ коихъ всякой отличался особеннымъ знакомъ. Поговоривъ съ Императоромъ, она долженствовала итти чрезъ разныя комнаты въ Августеонъ или круглое зданіе со многими крытыми переходами, и тамъ сѣла. Когда Императоръ возвратился изъ залы въ палату, тогда слѣдовало второе представленіе въ комнатахъ у Императрицы. Въ залѣ Юстиніановой было возвышенное мѣсто, покрытое багрянаго цвѣта коврами: на ономъ стоялъ тронъ Императора Θеофила, а съ другой стороны золотыя царскія кресла; на тронѣ сидѣла Императрица, на креслахъ невѣстка ея. Ольгу проводили изъ Августеона въ ближайшую горницу, и ввели въ залу, когда собрались тамъ придворныя госпожи. Церемонимейстеръ именемъ Царицы предложилъ Великой Княгинѣ нѣкоторые вопросы: послѣ чего Ольга вышла въ другую комнату, называемую Σκυλα. Импе-

ратрица также удалилась въ свои внутреннія комнаты. Туда же отвели и Княгиню Россійскую, гдѣ Императоръ находился со всѣмъ Царскимъ семействомъ; посадивъ ее, онъ вступилъ съ нею въ разговоръ. — Предъ обѣдомъ Княжескія особы кланялися Императрицѣ до земли: Ольга же только кивнула головою. Послы Россійскіе обѣдали въ *златой палатѣ* (Χρυσοτρικλίνω). — Закуски были приготовлены для Императорскаго семейства и гостьи въ обыкновенной столовой комнатѣ.

(380) Въ *номисмѣ*, въ *солидѣ* или въ червонцѣ было 12 миліарезій (см. Дюканжа въ словѣ Μιλιαρίσιον); но Византійскіе червонцы содержали въ себѣ 70 грановъ золота, а въ Голландскихъ только 57.

(381) Мы опредѣляемъ здѣсь цѣну обыкновенныхъ Миліарезій (или Миліаризій); но у Грековъ были еще двойныя, διπλατα μιλιαρισια (см. сочин. Г. Круга Münzkunde Russlands, стр. 158). Въ такомъ случаѣ Ольга взяла 32 червонца.

Константинъ въ книгѣ de Cer. Aul. Byz. не говоритъ ни слова о крещеніи Ольги: молчаніе его заставило ученаго Геснера сомнѣваться въ истинѣ сего случая. Но въ книгѣ, сочиненной *единственно* для описанія придворныхъ обрядовъ, нужно ли было говорить о крещеніи Ольгиномъ? Вотъ слова Кедрина (писавшаго въ половинѣ XI вѣка) и Зонары: „*Ольга*, супруга Князя „Россійскаго, который ходилъ со флотомъ противъ „Грековъ, по смерти мужа была въ Константинополѣ, „крестилась тамъ, оказала великое усердіе къ Вѣрѣ ис„тинной и съ честію возвратилась въ отечество“ (Memor. popul. II, 976). — Продолжатель лѣтописи Региноновой также упоминаетъ о крещеніи Ольги въ *царствованіе Романа* — вѣроятно, сына Константинова. Онъ называетъ ее Королевою Ругійскою, *Еленою* (см. Ассемани Kalend. Eccl. univ. IV, 20). Не говорю о свидѣтельствѣ Длугоша, которое доказываетъ только, что

онъ читалъ Нестора; а новѣйшіе Богемскіе Лѣтописцы, упоминая о крещеніи Ольги, повторяютъ Длугоша.

(382) Въ древнихъ спискахъ, въ *Пушкин.* и въ *Троицк.*, сказано, что Греческимъ Царемъ былъ тогда Цимискій: въ новѣйшихъ, въ *Кенигсберг* и другихъ, сія Несторова ошибка поправлена, и вмѣсто Цимискія поставленъ Константинъ. Слова Лѣтописца: „Приде къ нему Ольга, и „видѣвъ ю *добру сущу зѣло лицемъ и смыслену*, удивився Царь разуму ея, бесѣдова къ ней и рекъ ей: *по*„*добна еси царствовати въ градѣ съ нами.* Она же ра„зумѣвши, рече ко Царю: *азъ погана есмь; да аще* „*мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли не* „*самъ, то не крещуся.* И крести ю Царь съ Патріар„хомъ, и возва ю Царь и рече ей: *хощу пояти собѣ* „*женѣ.* Она же рече: *како хощеши мя пояти? крестилъ* „*мя самъ и нарекъ мя дщерью, а (въ) Хресьянѣхъ того* „*нѣсь закона . . .* И рече Царь: *переклюкала мя еси,* „Ольго.“ (*Переклюкала* есть собственно *перекривила* или перехитрила, отъ слова: *клюка*, т. е. загнутая или *кривая* палка.) Ежели Ольга въ 903 году вышла замужъ и двѣнадцати лѣтъ, то въ 955 было ей уже 64 года: одна Нинонъ Ланкло прельщала въ такой старости — и для того Шлецеръ въ своей краткой Рос. Исторіи называетъ ее *Сѣверною Нинонъ! Архангел. Лѣт.* говоритъ, что она десяти лѣтъ вышла за Игоря: положимъ! Сей же Лѣтописецъ прибавляетъ слѣдующее: „Ольга, пришедъ къ церкви, не видѣ Царя, и рече: *кому* „*мя крестити?* Патріархъ же рече: *азъ крещу тя.* „Ольга жь посла къ Царю и рече: *аще не крестишь мя* „*самъ, то не крещуся.*“ — Несторъ, описывая, какъ Патріархъ училъ ее, говоритъ: „Она же *поклонивши* „*главу* стояше аки губа напаяема, внимающе ученья.“ Можетъ быть, Лѣтописецъ видѣлъ образъ, который представлялъ Ольгу въ семъ положеніи. — Далѣе: „и „дасть ей (Царь) дары многи, злато и сребро, паволоки „и ссуды (сосуды) различныя, и отпусти ю, нарекъ

„ю дщерью собѣ.“ Въ ея житіи, напечатанномъ въ Прологѣ, сказано: „пріимши крестъ и Пресвитера, иде „въ свою землю, *и той крестъ* и донынѣ стоитъ во „Святѣй Софіи“ (Кіевской Соборной церкви) „въ олтарѣ, „на деснѣй странѣ, имѣяй письмена сице: *обновися „Россійская земля святымъ крещеніемъ, его же пріятъ Ольга Благовѣрная Княгиня.*“ Сего креста нѣтъ, и никто не слыхивалъ объ немъ въ Кіевѣ.

(383) Нынѣ маленькая рѣчка, текущая внѣ города Кіева, къ Сѣверу, и впадающая въ Днѣпръ. — Татищевъ вмѣсто *Суда*, ему неизвѣстнаго, поставилъ здѣсь *Скутари*; далѣе говоритъ, что Святославъ не любилъ Грековъ, и что Ольга, одаривъ пословъ, отпустила ихъ съ великою честію: въ лѣтописи нѣтъ о томъ ни слова. — — Шлецеръ въ своемъ Nestor съ жаромъ утверждаетъ, что гордый Императоръ Греческій не могъ *требовать даровъ* отъ Княгини Россійской.

(384) Βελλα χρυσῆ διςολδια. Золотая печать сей грамоты стоила два *солида* или червонца. Когда въ 946 году представляли пословъ Эмира Тарсійскаго Императорамъ, тогда многіе *крестившіеся* Россіяне, вооруженные мечами, были во дворцѣ и держали въ рукахъ знамена. Въ 949 году находилось около 600 Россіянъ въ Греческомъ флотѣ, отправленномъ къ острову Криту. Полководецъ Никифоръ Фока въ 962 и 963 году имѣлъ также Россіянъ въ войскѣ своемъ (Memor. popul. II, 973, 974, 980). Арабскій Историкъ, Ахметъ Эби-Абдаль-Вегабъ, прозванный Новайри, пишетъ въ Histoire de Sicile, переведенной Французскимъ Профессоромъ Коссеномъ, что въ срединѣ *Шцаля* 353 (т. е. 25 Окт. 964 году), Греки, имѣя съ собою многихъ Персовъ, Армянъ и *Россіянъ*, окружили въ Сициліи Аль-Гассана. Сія Исторія напечатана при Voyage en Sicile, par le Baron de Riedesel.

(285) Татищевъ пишетъ (г. 964): „тогда же отрѣши Ольга *Княжее*, а уложила брать отъ жениха по

„черне куне, какъ Князю, такъ и Боярину отъ его под„данпаго." Въ примѣчаніи говоритъ, что сіе мѣсто взято имъ изъ Раскольничьей лѣтописи; что *Княжимъ* называлось, можетъ быть, право господъ растлѣвать невѣсть въ своихъ помѣстьяхъ, и ссылается на Геродота! Мнимая Раскольничья лѣтопись такъ же достовѣрна, какъ Іоакимъ.

(386) Вятичи жили на Окѣ. Несторъ пишетъ: „Въ „лѣто 6472 Святославъ налѣзе Вятичи, и рече Вятичемъ: *кому даете дань*? Онижь рѣша: *Козаромъ по „щлягу отъ рала даемъ*." Далѣе: „Въ лѣто 6474 Вятичи „побѣди Святославъ и дань на нихъ взложи." И такъ Святославъ въ 6472 году приходилъ къ Вятичамъ единственно за тѣмъ, чтобы предложить имъ вопросъ? Сомнительно также, чтобы они *въ сіе время* платили дань Кагану: Русскіе и Печенѣги жили между ими и Козарскимъ владѣніемъ. Но быть можетъ, что Вятичи все еще назывались подданными могущественнаго Кагана, въ надеждѣ на его защиту.

(387) Названія Саркелъ и Бѣлая Вежа имѣютъ одинъ смыслъ: *вежа* означаетъ и шатеръ и башню городскую; а Саркелъ *бѣлый городъ* (Баер. Geographia ex Const. Porph. въ Коммент. Академіи Т. IX, стр. 399). Сей городъ былъ на Дону (см. выше, примѣч. 90). Другая Новая Бѣлая Вежа находилась между Нѣжинымъ и Роменомъ, въ верховьѣ рѣки Остера (см. *Большій Чертежъ*, стр. 149—150, и нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 219). Татищевъ и Болтинъ несправедливо полагали древнюю Козарскую Бѣлую Вежу при устьѣ Днѣпра, гдѣ цвѣла нѣкогда славная Ольвія. Первый ссылался на договоръ Игоревъ съ Греками; но тамъ, по всѣмъ спискамъ Несторовой лѣтописи, говорится о *Бѣлобережьѣ* при устьѣ Днѣпра: Татищевъ не разобралъ или хотѣлъ поправить, и въ Исторіи своей обратилъ имя сего мѣста въ *Бѣлую вежу*. Онъ не зналъ, что Херсонцы, а не Козары владѣли Восточными берегами Днѣпра и приморскою землею

отъ Крыма до Лимана (см. Баер. Geograph. Russ. ex Const. Porph. въ Коммент. Акад. Т. IX, стр. 397 и 398).

(388) О Кавказскихъ Оссахъ или Оссетинцахъ см. Гильденштета Reisen durch Russland, T. I, стр. 470. Арабскіе и Татарскіе Историки называютъ Ясовъ Аланами (см. выше, примѣч. 40). Часть горъ Кавказскихъ именовалась у насъ въ XIII и въ XIV вѣкѣ *Ясскими* (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 291). Ясскій городъ Дедяковъ или Тетяковъ былъ въ Дагестанѣ (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣчаніе 157). Тамъ Яссы или Аланe сражались съ Татарами (см. Абульгази Histoire des Tatars, 308, 309). Близъ устья Волги находился городъ Аланъ или Ясовъ (см. Рубруквиса въ Бержерон. Vogages, 137). Думаю, что имя сего народа произошло отъ древнихъ Язиговъ, которые смѣшались съ Аланами (см. выше, примѣч. 21). Въ надписи временъ Адріановыхъ, найденной въ Трансильваніи, Сарматскіе Язиги, перешедшіе около половины I вѣка въ Дакію, именно названы Ясами: ex voto XXX. magno et invicto Imper. Caes. T. Ael. Hadriano. Antonino. Pio. Aug. Pont. Max. Trib. pot. XVI cos. III p. p. pro. salute. et. felici. Pont. Max. et. annial. Faustinae. Aug. coniugi. C. Clod. VI. Praef. M. Dacorum. Jassiorum. hanc. statuam. in. auraria. numinibus. Maiestatiq. eor. (см. Прая Dissert. VI, стр. 123).

О Касахіи см. Баер. Geograph. Russ. ex Const. Porph. Коммент. Академіи Т. IX, 382—383, и Академика Гильденштета Reisen durch Russland. I, 466. Вѣроятно, что въ Константиново время и послѣ они были извѣстны какъ въ Россіи, такъ и въ Греціи подъ симъ общимъ именемъ. Татары въ 1224 году шли съ Востока къ Дону чрезъ землю Касоговъ (*Никон. Лѣтоп.* II, 349).

(389) См. о Таматархѣ извѣстіе Конст. Багрянород. въ Бандури, I, 113. Греки называли сей городъ также *Матархою* и *Метрахою*; а Нубійскій Географъ именуетъ его Метрехою (см. Тунман. Über die Gesch. Öst. Völck. 156). Баеръ *первый* сказалъ, что имя *Тмуторокань*

есть одно съ именемъ *Тиматархи* (см. его *Азовскую Историю* въ Samml. Russ. Gesch. II, 77). Островъ Таманъ называется въ житіи Св. Никона *Тмуторокanскимъ* (см. *Патер.* лист. 72).

(390) Могущество Козаровъ ослабѣло отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ завоеваній Олеговыхъ и внутреннихъ междоусобій; ибо нѣкоторыя племена Козарскія, недовольныя Каганомъ, оставили свое отечество и перешли къ Уграмъ въ Паннонію (см. извѣстія Конст. Багр. въ Бандури Т. I, стр. 108). — Татищевъ пишетъ, что Святославъ привелъ многихъ Касоговъ и Ясовъ въ Кіевъ на поселеніе, разоривъ собственные города ихъ, которыхъ слѣды видны еще на берегахъ Днѣстра, Дуная, Буга и Днѣпра. 1) Ясы и Касоги жили въ Азіи; 2) въ лѣтописяхъ нѣтъ ни слова о томъ, чтобы Святославъ переселилъ Касоговъ и Ясовъ въ Кіевъ.

(391) Такъ Византійскіе Историки описываютъ причину сей войны (Memor. popul. II, 987). Несторъ говоритъ просто: *иде Святославъ на Дунай на Болгары.* О 15 центнерахъ золота, присланныхъ къ Святославу съ Калокиромъ, о числѣ Россіянъ и проч. говоритъ Левъ Діаконъ, Византійскій Лѣтописецъ десятаго вѣка, нынѣ издаваемый Гм. Газе въ Парижѣ, а прежде извѣстный намъ только по выпискамъ Ф. Паджи или Паги въ замѣчаніяхъ на Баронія. Левъ писалъ Исторію Византійскую отъ временъ Константина VIII до смерти Цимискія. Онъ сказываетъ, что Болгары совсѣмъ не ожидали Святослава, и что ихъ собралось на берегу 30000 (ad Baron. г. 968). Теперь въ рукахъ у меня шестая и девятая книга сей Исторіи. — Въ нашей лѣтописи сказано, что Святославъ взялъ 80 городовъ Болгарскихъ. — Татищевъ пишетъ, что Касоги, Ясы и Козары соединились съ Болгарами противъ Святослава: чего нѣтъ въ лѣтописи, и быть не могло. Сіи народы жили совсѣмъ въ другой сторонѣ. — Далѣе Несторъ: „*емля* (Святославъ) дань на Грецѣхъ.“

(392) Въ нынѣшнемъ Преславѣ. Византійскіе Лѣтописцы именуютъ его *Великимъ Переяславомъ* или *Перолавомъ*, ἡ μεγάλη Περϑλαβα. Въ древнѣйшія времена онъ назывался Марціанополемъ, отъ имени Марціаны, сестры Траяновой.

(393) „Отступиша Печенѣзи отъ града, *и не „бяше льзѣ коня напоити на Лыбеди Печенѣзи*“ (а не *Печенѣгомъ*). Вотъ изъясненіе Татищева: „*Печенѣговъ* „было такъ много, что въ рѣкѣ Лыбеди не доставало „воды для напоенія всѣхъ лошадей ихъ.“ Нѣтъ: Лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что Кіевляне не могли поить коней своихъ на Лыбеди *ради стоявшихъ* тамъ Печенѣговъ. Увидимъ ниже, что измѣнникъ Блудъ не смѣлъ умертвить Ярополка въ Кіевѣ, зная усердіе гражданъ столицы къ ихъ Государю: сію мысль выражаетъ Несторъ слѣдующимъ образомъ: „мысляше (Блудъ) убити „Ярополка; но *гражаны не бѣ льзѣ убити его*“ — то есть, *ради* или отъ гражданъ. Одно мѣсто объясняетъ другое.

Далѣе: „Ты, Княже, чюжей земли ищешь и блю„дешь, а своей *ся охабивъ*.“ *Охабляться* значило *остерегаться* (см. Лексиконъ Куштенскій), также *удаляться* отъ чего нибудь, или *оставлять* что нибудь. Владиміръ велѣлъ своимъ воинамъ итти за Перуномъ до пороговъ Днѣпровскихъ, а тамъ *охабиться* его, или оставить (см. въ печат. *Нест.* стр. 83).

(394) „Яко то есть середа земли моей.“ Но Болгарія не могла быть срединою его владѣній: или онъ въ гордости своей мечталъ, что Греція, Венгрія и Богемія должны отъ него зависѣть? — Далѣе въ *Пушкин.* и *Троицк.*: „изъ Чехъ же и изъ Угровъ сребро и *комони*.“ Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* кони также называются *комони*.

(395) Continuator Reginonis годъ 959, Annalista Hildensheimensis въ томъ же году, Ламбертъ Ашаффенбургскій въ 960. Нѣмецкіе Лѣтописцы говорятъ, будто бы Россіяне требовали отъ Императора Христіанскихъ

учителей. Ламбертъ (который жилъ въ XI вѣкѣ) пишетъ, что Оттонъ дѣйствительно послалъ въ Россію Епископа Адальберта, но что сей Епископъ едва могъ спастись оттуда бѣгствомъ. Вотъ слова Ламбертовы въ описаніи происшествій 960 года: venerunt legati Russiae gentis ad Regem Ottonem, deprecantes ut aliquem suorum Episcoporum transmitteret, qui ostenderet eis viam veritatis, qui consensit deprecationi eorum, mittens Adalbertum Episcopum, fide Catholicum, qui etiam vix evasit manus eorum (стр. 314 въ Струвіевомъ изданіи Нѣм: Лѣтописцевъ, Rerum Germanicarum Scriptores). Сей Лѣтописецъ не именуетъ Ольги; но современный Продолжатель Регинона точно говоритъ: Legati Helenae Reginae Rugorum (вмѣсто Russorum). Вѣроятно ли, чтобы Ольга, принявъ Вѣру Греческую, хотѣла имѣть духовныхъ Пастырей Римской Церкви, уже несогласной съ первою? Раздѣленіе Церквей, Западной и Восточной, произошло еще около 880 году. Адальбертъ былъ посыланъ Оттономъ не къ Русскимъ, а Ругенскимъ Славянамъ (см. Гебгарди Gesch. des Reichs Rügen, Ассемани Kalend. IV, 21, и l' Art de verif. les Dates, I, 61). Ученый Ассемани думаетъ, что сіе извѣстіе въ Регинововомъ Продолжателѣ надобно читать такъ: Legati Helenae Reginae Russorum, quae sub Romano Imp. Constantinopolitano Constantinopoli babtizata est; nec non legati Rugorum, ad Regem Ottonem venientes, и проч. Мнѣніе его вѣроятно, равно какъ и то, что Ламбертъ хотѣлъ написать Legati Rugiae gentis, а не Russiae. Ссылаются еще на Дитмара Мерзебургскаго, который именно пишетъ, что Адельбертъ былъ изгнанъ язычниками изъ Россіи (Ditm. Chron. кн. II); но и тутъ писецъ могъ поставить Russia вмѣсто Rugia. Жители Рюгена въ 956 году давали Нѣмецкому Императору вспомогательное войско (Гебг. Gesch. des R. Rügen, стр. 7). Они до самаго XII вѣка еще покланялись идоламъ, вопреки Шлецеру (см. его Nest. IV, 111).

(396) Мнимый Іоакимъ говоритъ, что Святославъ былъ женатъ на дочери Венгерскаго Короля Предславѣ; но въ сіе время никакой Венгерской Принцессы не бывало за Россійскимъ Княземъ (см. Генеалогію Королей Венгерскихъ, Regum Hungariae ex optimis scriptoribus explicat. Geneal. въ Камерар. de rebus Turc., Hung. et Moscovit. стр. 548).

(397) То есть, родомъ изъ Любеча. Въ *Никонов. Лѣт.* сказано, что Ольга, въ гнѣвѣ своемъ на Малушу, сослала ее въ деревню свою *Будутино*, гдѣ и родился Владиміръ. Въ *Арханг. Лѣт.*: „бѣ бо умирая Ольга отдасть село то пресвятѣй Богородицѣ." Вѣрить ли симъ прибавкамъ новѣйшихъ Лѣтописцевъ? Считать ли также Владиміра незаконнорожденнымъ, какъ думалъ Г. Елагинъ? Древній Лѣтописецъ не именуетъ Владиміровой матери наложницею. Святославъ могъ имѣть и двухъ женъ.

Татищевъ—неизвѣстно, почему — назвалъ Добрыню однимъ изъ пословъ Новогородскихъ. Стриковскій же обратилъ его въ женщину.

(398) Здѣсь Татищевъ разсказываетъ цѣлую исторію, которой нѣтъ въ лѣтописи. „Святославъ (говоритъ онъ), выступивъ изъ Переяславца въ 968 году, оставилъ тамъ Воеводу своего, именемъ Волка. Болгары, свѣдавъ объ отсутствіи Князя, собрали войско и хотѣли взять городъ. *Волкъ*, боясь измѣны гражданъ и не имѣя довольнаго количества съѣстныхъ припасовъ, тайно приготовилъ *на берегу* лодки, и разгласилъ, что хочетъ обороняться до послѣдняго человѣка; велѣлъ также порѣзать всѣхъ коней и солить мяса: ночью же зажегъ въ разныхъ мѣстахъ городъ, и когда Болгары, думая воспользоваться пожаромъ, приступили къ стѣнамъ городскимъ, хитрый Воевода убрался на свои лодки, взялъ Болгарскія, бывшія на другой *сторонѣ рѣки*, и со всѣми Россіянами отправился внизъ по Дунаю. Непріятели, лишенные лодокъ своихъ, не могли за нимъ гнаться. Онъ вошелъ въ Днѣстръ, и соединился съ Святославомъ."

Сказка не складная. Сочинитель ея думалъ, что Переяславецъ, или нынѣшній Преславъ, стоитъ на берегу Дуная; но отъ города до сей рѣки будетъ нѣсколько верстъ (см. Бишингову Географію въ описаніи Европейской Турціи). Надобно также знать, что Россіяне ходили изъ Кіева въ Болгарію Днѣпромъ, моремъ и Дунаемъ, а не рѣкою *Днѣстромъ*.—Болтинъ удивился, что К. Щербатовъ не зналъ повѣсти о хитромъ *Волкѣ*; но для чего же самъ Болтинъ не отыскалъ ее въ лѣтописяхъ, а только ссылается на Татищева? Догадка, что Святославу надлежало въ Переяславцѣ оставить *гарнизонъ* или *засаду*, какъ говорили въ старину, была причиною сего вымысла, *раскрашеннаго* Елагинымъ.

(399) Memor. popul. II, 989. Левъ Діаконъ (см. выше, примѣч. 391) пишетъ, что Калокиръ, имѣвъ случай подружиться съ Россіянами въ *Сиріи*, единственно съ тѣмъ намѣреніемъ и привелъ ихъ въ Болгарію, чтобы итти съ ними послѣ на Царьградъ.

(400) Memor. popul. II, 996. Сіи знаки были златый вѣнецъ, повязка виссонная (taenia byssina) и красные башмаки или сапоги (Memor. popul. II, 1008).

(401) Греки писали Τζιμισκης: имя прилагательное, взятое изъ языка Армянскаго; значитъ: adolescentulus, *юноша* (см. Дюканж. Glossar. стр. 1570).—Левъ сказываетъ, что и Никифоръ уже готовился къ войнѣ съ Россіянами, и что онъ, желая быть увѣреннымъ въ доброжелательствѣ Болгаровъ, обѣщалъ женить сыновей Романовыхъ на ихъ Царевнахъ, которыя и были отправлены въ Царьградъ съ Греческими послами, Епископомъ Филоѳеемъ и сановникомъ Никифоромъ: см. Memoriae populorum, II, 989, и Льва Діакона кн. VI, который пишетъ еще слѣдующее: „Святославъ требовалъ, чтобы „Императоръ заплатилъ ему великую сумму денегъ за „счастливую Болгарію; иначе грозился выгнать Грековъ „изъ Европы, имъ не принадлежащей. Цимискій отвѣт-„ствовалъ, что Христіане любятъ миръ, но принужде-

„ны будутъ силою выгнать Россіянъ изъ Болгаріи; что „вѣроломный Игорь, съ безчисленными ладіями подступивъ къ Царюграду, ушелъ въ Босфоръ Киммерійскій только едва ли съ десятью, и послѣ, взятый въ плѣнъ „*Германцами* (Древлянами), кончилъ жизнь бѣдственно: „привязанный къ двумъ деревамъ, былъ разорванъ на„двое; что Святославъ также погибнетъ, и проч. Гнѣв„ный Князь Россійскій сказалъ: нѣтъ нужды Импера„тору итти сюда; сами явимся предъ Константино„полемъ, и докажемъ, что мы не подлые ремесленники, „а воины благородные; не жены, не дѣти, коихъ пуга„ютъ масками,“ и проч. Далѣе: „Императоръ составилъ „легіонъ изъ храбрыхъ, юныхъ воиновъ, и назвалъ *Без„смертнымъ* . . . Онъ велѣлъ Бардѣ Склиру и Патри„кію Петру оберегать границы, учить войско и посы„лать людей знающихъ Русской языкъ для развѣдыванія „о непріятелѣ,“ и проч.

(402) Memor. popul. II, 989 и слѣд. Несторъ пишетъ, что города, разоренные тогда Россіянами, до его времени были пусты. Кедринъ и Зонара говорятъ, что у Святослава было 308,000 воиновъ, а у Барды 12,000!! Левъ Діаконъ уменьшаетъ число первыхъ до 30,000, а послѣднихъ до 10,000, сказывая, что Россіяне потеряли въ битвѣ слишкомъ 20,000, а Греки только 55! По его извѣстію, Барда раздѣлилъ свое войско на три части: съ одною шелъ прямо въ лице непріятелю, а другія двѣ скрывъ въ лѣсу, велѣлъ имъ нечаянно ударить на его фланги.

(403) Въ лѣтописи: „Уже намъ не камо ся дѣти; во„лею и неволею стати противу, да не посрамимъ земли „Русьскыя, но ляжемъ костьми ту: мертвыи бо срама не „имуть. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣ„жати, но станемъ крѣпко; язъ же предъ вами пойду. „Аще моя глава ляжеть, то промышляйте о собѣ. И „рѣша вои: идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ.“

(404) См. Льва Діакона. Съ остальнымъ войскомъ и съ осадными орудіями шелъ назади полководецъ Василій. Сей Историкъ сказываетъ, что Россіяне не успѣли занять ущелій, чрезъ кои надлежало проходить Грекамъ.

(405) А послѣ онъ снялъ знаки Царскаго достоинства съ Бориса, и всю Болгарію объявилъ провинціею Имперіи.

(406) Греки называли его также Дристрою, Дистрою и Дристрономъ.

(407) См. Льва Діакона, кн. IX. Онъ пишетъ, что Императоръ расположился станомъ на возвышеніи предъ Доростоломъ, укрѣпивъ оный рвомъ и валомъ, также рядомъ копій и щитовъ; что воины Святославовы въ первый разъ показались тогда на коняхъ, но не умѣли править ими; что они весьма испугались прихода Греческихъ огненосныхъ судовъ, вспомнивъ о сожженіи Игорева флота, и ввели ладіи свои въ безопасное мѣсто; что щиты у Россіянъ доставали до ногъ, а брони были кольчужныя; что Сфенкала, третьяго начальника по Святославѣ, убилъ одинъ Римлянинъ; что Грекъ Өеодоръ Лалаконъ раздроблялъ шлемы и головы непріятелей желѣзною булавою; что Россіяне старались обратить въ пепелъ военныя махины Грековъ; что Магистръ Іоаннъ пьяный упалъ въ битвѣ съ лошади; что Скиөы—т. е. Россіяне—сочли его Императоромъ по блестящему его оружію и богатымъ коврамъ сѣдла; что они, смѣясь Грекамъ, взоткнули голову Іоаннову на колъ, и въ слѣдующій день гордо на нихъ ударили, но устрашенные смертію великана Икмора, перваго сановника по Святославѣ, обезглавленнаго Императорскимъ тѣлохранителемъ Анемасомъ, завопили и дали тылъ; что ночью, отыскивая своихъ мертвыхъ, сжигали ихъ предъ городскою стѣною на разныхъ кострахъ, а послѣ, совершая жертвоприношеніе, погружали младенцевъ и *пѣтуховъ* въ Дунай и задушали ихъ (по Латин. переводу: suffocaverunt, undis fluminis mersos). Тутъ Левъ Діаконъ прибавляетъ слѣдующее: „Сказываютъ, что они, слѣдуя

„языческимъ обрядамъ древнихъ Грековъ, совершаютъ „жертвы и возліянія въ честь усопшихъ, будучи научены „тому или Анахарсисомъ и Ксамольксидомъ, ихъ Фило„софами, или товарищами Ахилла: ибо Арріанъ говоритъ „въ своемъ Периплѣ, что Ахиллъ былъ Скиѳъ изъ городка „Мирмикіона, находящагося при озерѣ Меотисѣ; что „изгнанный Скиѳами за необузданность, жестокость и „гордость, поселился въ Ѳессаліи: чему яснымъ доказа„тельствомъ служатъ покрой одежды съ застежкою, „сраженіе пѣшее, волосы русые, глаза голубые, дерзость, „ярость, лютость, въ коихъ Агамемнонъ упрекаетъ его „сими словами: *ты любишь всегда распрю, ссоры и дра„ки* . . . Народъ Скиѳскій славится дерзостію, муже„ствомъ, силою,“ и проч.

Воевода Святославовъ, Сфенкалъ или Сфагелъ, начальствовалъ (какъ мы сказали) въ Переяславцѣ; но какимъ образомъ спасся оттуда, неизвѣстно. Вѣроятно, что симъ именемъ Греческіе Историки называютъ Воеводу Свѣнельда, который однакожь возвратился живъ и здоровъ въ Россію.

(408) По Латинскому переводу Кедрина: qui enim vitam toleraturi essent fuga servatam, contemnentibus ipsos porro vicinis populis, quibus antea terrori fuissent (Memor. popul. II, 1004). См. еще Льва Діакона, кн. IX. Совѣтъ Святославовъ называетъ онъ *Коментомъ*: quod sua lingua Comentum apellant.—Ломоносовъ соединилъ сію рѣчь съ тою, которая находится въ Несторовой лѣтописи (см. выше, примѣч. 403); но первую говорилъ Святославъ не въ Доростолѣ, а въ Греціи, идучи къ Царюграду.

(409) „Нѣкоторая благочестивая жена“ (пишетъ Кедринъ) „подтвердила въ Константинополѣ истину сего явленія. Она видѣла во снѣ Богоматерь, которая говорила: *Ѳеодоре! мой и твой другъ Іоаннъ въ опасности: спѣши къ нему на помощь* (Memor. popul. II, 1006). Левъ Діаконъ описываетъ сію битву иначе, сказывая, что Россіяне 24 Іюля, въ шестый день недѣли, передъ

закатомъ солнца вышли густою фалангою изъ крѣпости, держа въ рукахъ метательныя копья; что Анемасъ ударилъ Святослава мечемъ въ шею, и что сей Князь обязанъ былъ спасеніемъ жизни кольчугѣ своей и щиту; что Россіяне, ободренные смертію Анемаса, погнали Грековъ; что Императоръ, велѣвъ ударить въ тимпаны и взявъ копье, остановилъ бѣгущихъ; что вихрь ослѣпилъ тогда Россіянъ пылью, и Св. Ѳеодоръ на конѣ явился; что Варда Склиръ заставилъ ихъ отступить къ стѣнѣ; что уронъ Грековъ состоялъ только въ *трехъ стахъ пятидесяти* убитыхъ; что Святославъ едва не попался въ плѣнъ, всю ночь крушился, и въ слѣдующій день, на разсвѣтѣ, приславъ пословъ къ Императору, заключилъ миръ, съ условіемъ отдать Доростолъ и Болгарію Грекамъ, освободить ихъ плѣнниковъ и возвратиться въ отечество. Леонъ говоритъ только объ одной битвѣ. *Шестый* день недѣли, имъ означенный, нейдетъ къ 24 Іюля въ 971 году, ни къ 8 Іюня, когда празднуется память Ѳеодора Стратилата.—Лѣтописцы Византійскіе прибавляютъ еще, что Цимискіевъ полководецъ, Ѳеодоръ, сбитый съ коня и окруженный непріятелями, схватилъ одного изъ нихъ и защитился имъ отъ ударовъ Россіянъ; что Императоръ хотѣлъ всячески отрѣзать Святослава отъ Доростола, и проч.

(410) Несторъ говоритъ только, что Святославъ, по возвращеніи своемъ изъ Греціи въ Болгарію, увидѣлъ малочисленность Россійскаго войска, и немедленно заключилъ миръ съ Цимискіемъ, который находился тогда въ Дистрѣ или Доростолѣ; но ежели Великій Князь былъ побѣдителемъ, то какимъ образомъ очутился Императоръ въ Доростолѣ, *Болгарскомъ* городѣ?

(411) Несторъ сказываетъ, что Греческіе послы были у Святослава съ дарами; что сей Князь совѣтовался съ дружиною и вторично отправилъ своихъ пословъ къ Цимискію, и что Императоръ велѣлъ писать на хартіи рѣчи ихъ. Далѣе: „нача глаголати солъ, и

„нача писецъ писати, глаголя сице, равно *другаго свѣ-*
„*щанья*, бывшаго при Святославѣ, Велицѣмъ *Князѣ*
„Русштѣмъ, и при Свѣнальдѣ (или Свѣнельдѣ) писано при
„Ѳеофилѣ Синкелѣ, къ Ивану, нарицаемому Цимискію, въ
„Дистрѣ.“ Татищевъ вздумалъ исправить мнимую ошиб-
ку Лѣтописца, и вмѣсто словъ: *при Святославѣ*, на-
писалъ: *при Игорѣ*, воображая, что рѣчь идетъ о трак-
татѣ Игоревомъ; издатель печатнаго *Нестора* сдѣлалъ
тоже. Но здѣсь подъ *другимъ свѣщаніемъ* разумѣются
мирныя условія, заключенныя Греческимъ посломъ, Ѳе-
офиломъ Синкеломъ, съ Княземъ Святославомъ и Свѣ-
нальдомъ (у Грековъ назывался Синкеломъ духовный чи-
новникъ, который уступалъ въ достоинствѣ одному
Патріарху). Сіи условія были основаніемъ торжествен-
наго договора, писаннаго на хартіи уже въ присутствіи
самого Цимискія. Во всѣхъ спискахъ Нестора, какъ въ
харатейныхъ, такъ и въ самомъ Кенигсбергскомъ, сто-
итъ имя Святослава, а не Игоря; но Татищеву хотѣ-
лось увѣрить насъ, что при семъ случаѣ былъ возобно-
вленъ Игоревъ трактатъ, и что Святославовъ есть не
что иное, какъ прибавленіе къ оному.

(412) Дѣти Романовы, еще младенцы, которыхъ Ци-
мискій называлъ сотоварищами въ правленіи.

(413) „Да будемъ *золоти* яко золото се:“ ибо Славя-
не полагали золото къ ногамъ идоловъ, когда клялися въ
вѣрномъ соблюденіи мира. Въ нашемъ языкѣ золото по-
лучило имя свое отъ *желтаго* цвѣта. Иллирическіе Сла-
вяне называютъ *желчь* zlatenica, а Богемскіе zlautenice.
И въ переводѣ нашей Библіи слово *златеница* употре-
блено въ смыслѣ *желчи*: см. Пророка Амоса, гл. IV, ст. 9.
„Да будемъ желты,“ есть то же, что: „да будемъ мерт-
„вы.“ — Въ одномъ *Пушкин.* спискѣ, вмѣсто *золоти*,
стоитъ *колоти*. Это безъ сомнѣнія описка.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано при концѣ догово-
ра: „сотворихомъ нынѣ къ вамъ *Пинехрусу*.“ Татищевъ
изъясняетъ, что *Пинехруса* на Греческомъ языкѣ знаме-

нуетъ *письменное* или *твердое обязательство*! Слово безъ сомнѣнія Греческое, и состоитъ, кажется, изъ *πινα* и *χρυσῆ* (*златая*). Извѣстны слова *πινακιον*, *πιναξ*, *доска для письма*, Schreibtafel. Грамота съ печатью золотою называлась Βέλλα χρυσῆ: не то ли же значила и *πινα χρυσῆ*?

(414) Левъ Діаконъ пишетъ: Imperator, quia pace exercitus incolumis foret, bello contra interitu periret, foedus percussit, et singulis tritici medimnos duos (т. по двѣ мѣры) mensus est. Qui frumentum acceperunt, numeratos dicunt ad 22,000, qui ex 60,000 exercitus Russi interitum evasere; 38,000 enim Romana acies confoderat. И такъ у Святослава изъ 60,000 оставалось еще 22,000 воиновъ, коимъ Императоръ далъ пшеницы? Но по извѣстію Нестора онъ и въ походѣ къ Царюграду не имѣлъ болѣе 10,000.

(415) „И не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, „яко *по полугривнѣ глава конячa*.“ Надобно полагать, что гривна ходячей Русской монеты въ отношеніи къ серебру была тогда еще гораздо дороже, нежели въ XIII вѣкѣ (см. ниже, примѣч. 527).

(416) Стриковскій пишетъ, что Князь Печенѣжскій вырѣзалъ на сей чашѣ слова: *Пойдешь за чужимъ, свое утратишь*. Изрѣченіе хорошо; но Стриковскій не подумалъ о томъ, что варвары Печенѣги не умѣли писать. И Нѣмцы и Славяне пивали изъ черепа своихъ непріятелей. Такъ Болгарскій Царь Крумъ, убивъ въ 811 году Императора Никифора, оправилъ черепъ его въ серебро, и Князья Славянскіе употребляли сію мертвую голову вмѣсто покала (Memor. popul. II, 540).

(417) Мы не знаемъ точно, какъ Россія была раздѣлена между ими; но вѣроятно, что Весь, Чудь и западные Кривичи принадлежали къ Новогородской области Владиміра (ибо войско его, какъ увидимъ послѣ, состояло изъ сихъ народовъ); что Древлянское Княжество ограничивалось одною Волынскою Губерніею, и что всѣ другія земли Россійскія признавали надъ собою власть Кіевскаго Великаго Князя.

(418) Несторъ пишетъ: въ *греблю.* Сіе древнее слово употребляется въ двоякомъ смыслѣ, означая *плотину и ровъ.* Въ Академическомъ Словарѣ не упомянуто о *первомъ* смыслѣ, который имѣетъ оно въ языкѣ Польскомъ (grobla) и Малороссійскомъ. Болтинъ, обвиняя Щербатова въ невѣжествѣ, и самъ, кажется, не зналъ (вмѣстѣ съ Татищевымъ) что *гробля*, кромѣ *плотины*, значитъ еще и глубокую *яму* или *ровъ.* Щербатовъ думалъ, что гроблею называлась рѣка. Въ новѣйшихъ лѣтописяхъ (на примѣръ, въ *Архангельской*) здѣсь именно сказано: „съ „мосту чрезъ *ровъ.*"

Въ *Никон. Лѣт.* прибавлены къ словамъ Ярополка восклицанія и другія пустыя слова. Г. Руссовъ въ *Волынскихъ Запискахъ*, стр. 100, говоритъ: „тутъ же „близъ (Овруча и) рѣки Уши видитъ (путешественникъ) „насыпь, кости Древлянскаго Князя Олега покрывающую." Онъ сказываетъ также, что въ Овручѣ есть древняя церковь, построенная будто бы Св. Владиміромъ и называемая Васильевскою.

(419) *Никонов. Лѣт.* по своему обыкновенію дополняетъ Нестора вымыслами и сказываетъ, что въ 978 году Ярополкъ побѣдилъ Печенѣговъ; что въ 979 онъ взялъ въ Русскую службу Князя ихъ *Ильдею* и далъ ему разные города; что были *знаменія въ лунѣ, въ солнцѣ и въ звѣздахъ*, страшные громы, вихри — и проч. Въ сей же лѣтописи и *Воскресен.* сказано, что въ 979 году приходили къ Ярополку Греческіе послы и заключили съ нимъ миръ, обѣщая платить ему дань, такъ же, какъ отцу и дѣду его.

(420) Татищевъ написалъ отъ себя, что Рогволодъ былъ изъ *Варяжскихъ Князей пришедшихъ* съ *Рюрикомъ*: слѣдственно за 118 лѣтъ? Люди рѣдко доживаютъ до такой старости. Или онъ хотѣлъ сказать, что сей Князь *произошелъ отъ ихъ рода?* Но Лѣтописецъ именно говоритъ, что *самъ* Рогволодъ прибылъ изъ-за моря.

(421) Въ *Троицк.*: „не хочу *изути* робичича" — т. е. *разуть*. По древнему обыкновенію новобрачная должна была въ первую ночь разувать мужа. Олеарій, описывая Россію въ XVII вѣкѣ, упоминаетъ еще о семъ обыкновеніи. Въ продолженіи Нестора (въ печатн. стр. 185) „сказано: Добрыня поноси дщери его и повелѣ Володи„меру *быти съ нею предъ отцемъ ея и матерію*, и „потомъ отца уби." Справедливо ли сіе гнусное обстоятельство? Несторъ молчитъ о томъ.

(422) Въ *Троицк.* и въ *Пушкин.*: „и стоя Володимеръ „обрывся на *Дорогожичи*, межи *Дорогожичемъ и Капи„чемъ*; и есть ровъ тотъ и до сего дни." Урочища близъ Кіева, о коихъ и послѣ упоминается. Далѣе въ *Троицк.* и *Пушкин.*: „Блудъ затворися съ Ярополкомъ льстя ему, „слаше къ Володимеру часто, веля ему приступати къ „граду бранью; а самъ мысляше убити Ярополка; гра„жаны же не бѣ льзѣ убити его" — то есть, ради усердныхъ гражданъ. Далѣе: „и замысли лесть, веля ему не „излазити на брань." Сіе подало мысль *Никон. Лѣтописцу* прибавить, что Блудъ съ самаго начала обманывалъ *весьма храбраго* Ярополка, говоря: „не можетъ противу „тебе стати братъ твой меньшій Володимеръ, яко же „синица на орла брань сотворити . . . Не утружай „воинства своего собирая."

(423) Татищевъ обратилъ имя Рось въ *Терцу*, которой нигдѣ не бывало. *Рось* течетъ въ Кіевской Губерніи и съ западной стороны впадаетъ въ Днѣпръ. Бѣлая Церковь и Богуславъ стоятъ на берегу сей рѣки.

(424) „И Варяжко бѣжа въ Печенѣги, и одва приваби „его Володимеръ, ходивъ къ нему ротѣ." Въ *Никонов.* и въ другихъ сказано, что Варяжко, мстя Ярополкову смерть, разорялъ съ Печенѣгами Владиміровы области; но сего обстоятельства, къ чести добраго слуги и памяти его, нѣтъ въ древней лѣтописи. — Нѣтъ и того, чтобы Владиміръ (какъ говоритъ Татищевъ) „три дни че„ствивъ Блуда, потомъ умертвилъ его, сказавъ: *я испол-*

„*нилъ свое обѣщаніе, а теперь наказываю измѣнника,* „*убійцу Государя своего.*" Такъ поступилъ не Владиміръ Святый, а Владимірко Галицкій, какъ увидимъ въ Исторіи XII вѣка.

Отъ сего Блуда происходитъ фамилія Блудовыхъ (см. *Родословную Книгу*).

(425) „Бѣ бо привелъ ю отецъ его Святославъ и вда „ю за Ярополка, красоты ради лица ея" (*Нест.* стр. 67).

(426) Ламбертъ Ашаффенбургскій ad ann. 973: Otto Imperator senior cum juniore venit Quidlinburg, ibique celebravit sanctum Pascha X Kal. Aprilis. Illucque venerunt Legati plurimarum gentium, videlicet Romanorum, Graecorum, Beneventanorum, Italorum, Hungarorum, Danorum, Sclavorum, Bulgarorum atque Russorum cum magnis muneribus (съ великими дарами).

(427) „Рѣша Варяги Володимеру: се градъ нашъ; „хощемъ имати окупъ," и проч. „Рече Володимеръ: „пождите еще, даже вы куны сберутъ за мѣсяць, и не „да имъ" — и проч. Далѣе Несторъ говоритъ просто: „и раздая имъ грады;" а Татищевъ: „давъ грады и села „на содержаніе ихъ."

(428) Еще при Игорѣ стоялъ Перунъ на семъ холмѣ (см. выше, и въ *Несторѣ* стр. 45).

(429) „Володиміръ залеже ю не по браку." Сказавъ, что она была уже беременна (*бѣ не праздна*), Лѣтописецъ называетъ Святополка сыномъ двухъ отцевъ. — Имя *водимая* (см. въ печатн. *Нест.* стр. 70) означало законную супругу.

(430) Начало Польскихъ лѣтописей затемнено баснями. Преданіе о Ляхѣ, Кракѣ, Вендѣ и проч. есть не что иное, какъ сказка. Достовѣрнымъ можно считать единственно то, что Польскіе Славяне, около половины IX вѣка, бывъ до того времени игралищемъ несогласныхъ Воеводъ своихъ, избрали себѣ въ Государи Піаста или Пяста, котораго потомки царствовали до конца XIV вѣка. — Мартинъ Галлусъ и

Кадлубекъ, древнѣйшіе Историки Польскіе, моложе Нестора: второй цѣлымъ вѣкомъ.

(431) Длугошъ упоминаетъ о сей войнѣ единственно по извѣстію Несторову, прибавляя отъ себя, что счастіе благопріятствовало той и другой сторонѣ (Historia Polonica кн. II, стр. 108). Мартинъ Галлусъ и Кадлубекъ не знали Нестора. Длугошъ пользовался Кадлубекомъ и Несторомъ; Кромеръ также; Стриковскій бралъ извѣстія свои о древней Россіи изъ Длугоша, Кромера и Герберштеина.

Отъ Червена произошло имя *Червенной Россіи*, которую иностранцы обратили въ *Красную*. Сей въ нашей Исторіи достопамятный городъ есть нынѣ простое селеніе и называется *Чернеевъ*, близъ Хелма, на Югъ. Положеніе его объясняется слѣдующими мѣстами *Волынской лѣтописи*: „Кондратови ставшю, гдѣ нынѣ „градъ *Холмъ* стоитъ, пославшю ему къ *Червну* воеваши." И такъ Червенъ находился близъ Холма или Хелма. Еще: „бишась у воротъ *Червенскихъ*, а застава бѣ въ *Уханяхъ*." Галицкое мѣстечко *Ухани* не далеко отъ нынѣшняго Чернеева, которой находится между онымъ и Хелмомъ (см. въ сей Исторіи Т. III, прим. 134).

(432) См. о Латышскомъ народѣ выше, стр. 39. Польскіе Историки называютъ Ятвяговъ Jazvingi (см. Кромера de origine Polonorum и проч. книг. IV, стр. 51; также Стриковскаго, кн. V, гл. 9). Сей отмѣнно мужественной народъ былъ наконецъ истребленъ Поляками, Россіянами и Литвою.

Никон. Лѣт. говоритъ, что Великій Князь *два раза* усмирилъ Вятичей; а Татищевъ: „иде (Владиміръ въ 982 „году) въ поле, и покоривъ землю Польскую, градъ Суз„даль *утвердилъ*." Татищевъ ссылается на Стриковскаго; но сей Историкъ пишетъ о мнимомъ завоеваніи Суздаля уже по крещеніи Владиміровомъ (о чемъ см. ниже), и признается, что сей городъ ему совсѣмъ не извѣстенъ; болѣе ничего. — См. Стурлез. Historiae Re-

gum Septentrionalium T. I, стр. 197, и ниже, примѣч. 484). Стурлезонъ говоритъ объ *Эстляндіи*; но подъ симъ именемъ разумѣлась и Ливонія: см. Баера въ Коммент. Академіи, Т. X, стр. 379.

(433) Въ лѣтописи сказано, что сей Варягъ пришелъ изъ Греціи; но онъ и въ Кіевѣ могъ принять Христіанскую Вѣру.

(434) См. *Книгу житій Святыхъ*, мѣсяца Іюля 12. Несторъ говоритъ, что мѣсто, гдѣ убійцы погребли сихъ Мучениковъ, никому не извѣстно.

(435) Рѣка Пищана, въ Могилевской Губерніи, именуется нынѣ Пещаномъ и впадаетъ въ рѣку Сожь или Сожу.

(436) См. выше, стр. 41, и ниже, примѣч. 518. Въ харатейныхъ спискахъ: „иде Володимеръ на Болгары въ „лодьяхъ;" но во многихъ другихъ прибавлено: „*Низов*„*скіе* Болгары." Въ *Воскресен.* и нѣкоторыхъ именно сказано: „Болгары, *иже* по *Волзѣ*." Въ *Степен. Книгѣ* (I, стр. 92): „и Нижніе Болгары *Волжскіе* и Камскіе по„кори подъ ся." Обстоятельство, что Добрыня съ любопытствомъ осматривалъ одежду плѣнниковъ, свидѣтельствуетъ, что Россіяне еще не знали сихъ Болгаровъ; но Дунайскіе были уже имъ давно извѣстны. Увидимъ послѣ, что Россіяне обыкновенно ходили Волгою къ Низовскимъ Болгарамъ. Восточные Географы пишутъ, что Россіяне въ 968 году взяли и разрушили славный городъ сего народа, именемъ Болгаръ (см. Эрбелотову Bibl. Orient. подъ словомъ Bulgar). Въ 967 году Святославъ воевалъ съ Дунайскими, а не Камскими Болгарами: что могло, по мнѣнію Миллера, ввести въ ошибку или Арабскихъ Географовъ, или Эрбелота, который сообщилъ намъ сіе извѣстіе.

Иностранцы, Левекъ и Штриттеръ, не сдѣлали ошибки нашихъ Историковъ, которые говорятъ здѣсь о Дунайскихъ Болгарахъ. Татищевъ присоединяетъ къ нимъ еще Сербовъ.

(437) Несторъ говоритъ (въ печатн. стр. 145): „Сіи „суть отъ пустыни Этверскія, межи Востокомъ и Сѣ-„веромъ; числомъ ихъ четыре колѣна: Торкмени, Пече-„нѣзи, Торки и Половцы.“ Туркоманы были уже славны въ Несторово время, овладѣвъ въ 1074 году Сиріею, а въ 1082 году Іерусалимомъ, хотя и не надолго. Нынѣшніе Османскіе или Оттоманскіе Турки были тогда еще неиз-вѣстны. — Наши Лѣтописцы называли Торковъ и Берендѣевъ Черкасами (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 218 и 347). Бишингъ (Erdbeschr. Т. I, стр. 1194) или Тунманъ полагаетъ на угадъ Россійскихъ Торковъ близъ Перекопа, и говоритъ, что они были остаткомъ Угровъ и Болгаровъ. Въ 1080 году Торки обитали не далеко отъ Переяславля. Несторъ пишетъ: „въ лѣто 6588 зарати-„шась Торки *Переяславльстіи.*“ Другіе перешли къ Россіянамъ и поселились въ Кіевской Губерніи, между рѣками Стугною и Росью (въ печатн. *Нест.* стр. 157). Въ 1114 году Печенѣги и *Торки* были изгнаны Половцами изъ окрестностей Дона (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 218).

(438) Въ подлинникѣ: „и рече Добрыня: соглядахъ „колодникъ, иже вси въ сапозѣхъ: *симъ дани не дати;* „*пойдемъ искати лапотникъ.* . . . . И рѣша Болгаре: „*толи* не будетъ межи нами мира, оли камень начнетъ „плавати, а хмѣль погрязнетъ.“

(439) См. въ печатн. *Несторѣ* стр. 185. — Село Предславино могло быть названо именемъ Владиміровой и Рогнѣдиной дочери, о которой ниже упоминается. — Въ печатн. *Несторѣ* рѣчь Изяславова взята изъ *Никон. Лѣт:* „егда единъ жити хощеши, или безсмертенъ мни-„шися? пріими мечь сей, *вонзи прежде во утробу мою,* „*да не вижу азъ смерти матери моея!*“ Но по древнимъ спискамъ Нестора, и по самому *Кенигсберг.*, сей юный Князь говоритъ только: „отче! еда единъ мниши-„ся ходя?“ (въ нѣкоторыхъ спискахъ поставлено *хотя.*)

Владиміръ отвѣтствуетъ: „а кто тя мнѣлъ сдѣ?“ Я долженъ былъ прибавить нѣсколько словъ для ясности.

(440) Нынѣ *Заславъ*, бывшій Литовскій городокъ Минскаго Повѣта, или мѣстечко не далеко отъ Минска.

(441) „Придоша Болгаре Вѣры Бохмиче“ (Магометанской).

(442) Лѣтописецъ хочетъ сказать, что первые Кіевскіе Христіане (со временъ Аскольда и Дира) были Греческаго Исповѣданія, а не Католики.

(443) Древній Лѣтописецъ не именуетъ его ни Константиномъ, ни Киромъ, вопреки *Степен. Книгѣ*, *Никонов.* и другимъ новымъ лѣтописямъ. Въ нѣкоторыхъ сказано, что онъ остался у Владиміра, *книги переводя и его уча*.

(444) Въ харатейныхъ спискахъ Нестора слѣдуетъ здѣсь извлеченіе изъ Библіи, которое занимаетъ 11 листовъ. Греческій Философъ говоритъ много лишняго о Болгарахъ (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 125). — И Болгарскій Государь, именемъ Богорисъ, въ 860 году обращенъ былъ въ Христіанство, по свидѣтельству Византійскихъ Лѣтописцевъ, картиною Страшнаго Суда, написанною Монахомъ Меѳодіемъ (Memor. popul. II. 571—572).

(445) Или *ропати*, т. е. капища.

(446) Сей Патріархъ назывался Николай Хрисовергій, а не Сергій, не Фотій, какъ говорятъ новѣйшіе Лѣтописцы Русскіе.

(447) См. въ Бандури Animadversiones in Const. Porph. T. II, стр. 112 и слѣд. Въ семъ отрывкѣ не достаетъ начала: „Князь Россійскій“ (говоритъ сочинитель) „желая лучше узнать Христіанскую Вѣру, отправилъ по„словъ въ Римъ. Тамъ съ великимъ любопытствомъ осма„тривали они украшеніе храмовъ и старались развѣдать „все, что касается до священнослуженія; видѣли и Пат„ріарха Римскаго, именуемаго Папою; приняли отъ не„го дальнѣйшія наставленія, возвратились въ отече„ство и донесли обо всемъ Государю, склоняя его въ поль„зу Римской Вѣры. Но Бояре Княжескіе, особенно тѣ,

„которые подали ему совѣтъ изслѣдовать Вѣры, говорили: *Нѣтъ, Государь! надобно прежде узнать Вѣру Грековъ. Сказываютъ, что Константинополь еще знаменитѣе Рима: пошли и въ Грецію тѣхъ же людей, да изберемъ лучшую изъ двухъ Вѣръ Христіанскихъ.* Благоразумный Князь отправилъ въ Царьградъ *упомянутыхъ четырехъ мужей*, которые обьявили тамошнему Императору, Василію *Македонскому*, причину своего многотруднаго путешествія. Онъ съ радостію далъ имъ нѣкоторыхъ людей ученыхъ, чтобы показывать все любопытное въ городѣ и отвѣтствовать на ихъ вопросы. Россіяне пришли наконецъ въ славнѣйшую и великолѣпную церковь Св. Софіи, когда совершалась въ ней торжественная служба: въ день ли Св. Іоанна Златоустаго, или Успенія Богородицы? не могу сказать на вѣрное. Послы съ любопытствомъ осматривали храмъ и наблюдали чинъ служенія. Видя множество свѣтильниковъ, и внимая пѣнію святыхъ гимновъ, они изумились. Слушая послѣ вечерней и утренней молитвы святую литургію, Россіяне хотѣли вѣдать, что такое знаменуетъ *большій* и *малый входъ* (ἡ μικρὰ καὶ ἡ μεγάλη ἔισοδος); для чего Діаконы и Поддіаконы выходятъ изъ олтаря съ свѣщами и *рипидами*, а Священники, Епископы и самъ Патріархъ съ Божественными Святыми Тайнами; также для чего народъ, падая ницъ, взываетъ: *Господи помилуй!* Язычники смотрѣли на сіи обряды равнодушно, хотя и со вниманіемъ. Но милосердый Богъ отверзъ имъ очи, да созерцаютъ чудо великое, и да познаютъ истину . . . Видѣвъ сіе удивительное явленіе, они взяли за руки своихъ вожатыхъ и сказали имъ: *все было здѣсь ужасно и величественно; но что мы теперь видѣли, превосходитъ естество человѣческое. Намъ явились юноши крылатые въ свѣтлой, необыкновенной одеждѣ, которые, не касаясь земли, пѣли на воздухѣ:* Святъ, Святъ, Святъ! *что насъ болѣе всего привело въ изумленіе.* Вожатые от-

„вѣтствовали имъ: *Не вѣдая, можетъ быть, всѣхъ та-*
„инствъ Христіанства, вы не знаете, что сами Анге-
„лы нисходятъ съ неба и вмѣстѣ съ нашими Священни-
„ками совершаютъ Божественную службу. Россіяне го-
„ворили: *ваши слова истинны; другихъ доказательствъ*
„не надобно: ибо мы все видѣли собственными глазами.
„Отпустите насъ въ отечество, да повѣдаемъ о томъ
„Князю нашему . . . . Возвратясь въ Россію, они сказа-
„ли Государю: *намъ показывали много великолѣпнаго*
„въ Римѣ; но то, что мы въ Константинополѣ видѣли,
„приводитъ умъ человѣческій въ изступленіе," и проч.
Далѣе повѣствуетъ сочинитель, что Греческій Царь прислалъ къ Россійскому Князю Епископа съ двума помощниками, Кирилломъ и Аѳанасіемъ, которые изобрѣли для Россіянъ 35 новыхъ буквъ. Слышавъ конечно о святыхъ мужахъ Кириллѣ и Меѳодіи, изобрѣтшихъ Славянскія письмена, сей безъименный сочинитель обратилъ Меѳодія въ Аѳанасія, а Славянъ Моравскихъ въ Россіянъ. Онъ говоритъ, что Кириллъ и Аѳанасій славны учеными и Христіанскими твореніями своими (neque solum divinae scripturae notitia repleti, sed etiam in humanioribus litteris probe exercitati, ut eorum scripta testificantur): мы знаемъ дѣйствительно Кирилла и Аѳанасія, Архіепископовъ Александрійскихъ, славныхъ Богослововъ; но они жили въ IV и V вѣкѣ.

Въ прибавленіи книги, изданной въ Кельнѣ (въ 1676 году), подъ заглавіемъ: Christophori Sandii nucleus Historiae Ecclesiasticae (*Христофора Сандія Ядро Церковной Исторіи*), напечатано (стр. 61 — 64) письмо къ Великому Князю Владиміру отъ Іоанна Смеры, его Медика, будто бы посыланнаго имъ для наблюденія Вѣръ и нравовъ въ чужихъ земляхъ. Смера пишетъ изъ Александріи: жалѣетъ, что оставилъ Россію и Государя милостиваго; не знаетъ, какъ возвратиться; сказываетъ, что онъ едва не погибъ въ своемъ трудномъ путешествіи; былъ въ Панноніи, Сербіи, Бол-

гаріи, Мизіи, въ славной Имперіи Греческой, Антіохіи, Іерусалимѣ; наконецъ пріѣхалъ въ Александрію; видѣлъ тамъ многія великолѣпныя Синагоги, въ коихъ молятся люди подобные аспидамъ и василискамъ; видѣлъ и церкви Христіанъ, *Богословов*, добрыхъ, миролюбивыхъ, подобныхъ Ангеламъ. „У нихъ уже нѣтъ идоловъ"—говоритъ Медикъ Владиміровъ—„нѣтъ въ церквахъ ничего, „кромѣ столовъ и скамей. Они ежедневно собираются „для молитвы передъ разсвѣтомъ, по захожденіи солн-„ца, иногда въ третьемъ или девятомъ часу дня, и назы-„ваются Новымъ Израилемъ. Ихъ ученію слѣдуютъ и „нѣкоторые Цари съ своими Докторами. Я самъ прини-„маю оное, уже крещенный водою и Духомъ во имя От-„ца, Бога всемогущаго, и Сына Его, Христа, и Св. Ду-„ха, исходящаго отъ перваго. Для того посылаю къ тебѣ „ихъ книгу, именуемую Евангеліемъ, съ ученіемъ Апосто-„ловъ. И людей столь благонравныхъ утѣсняютъ въ об-„ластяхъ Имперіи! Греки хитрые, гордые, подражая Рим-„лянамъ, дѣлаютъ иногда добро единственно по лукавству, „чтобы привлекать людей простыхъ въ свои Синагоги „или церкви. Они (кто?) вѣруютъ въ Бога всемогущаго, „въ Его Сына единороднаго, Іисуса, рожденнаго дѣйствї-„емъ Св. Духа отъ Дѣвы Маріи," и проч. Слѣдуетъ весь Символъ Христіанской Вѣры. Далѣе сказано, что Греки, Императоръ, Патріархи и Вельможи его, оставляя ученіе Бога истиннаго, также называютъ себя Новымъ Израилемъ, порабощаютъ своихъ бѣдныхъ братьевъ, берутъ съ нихъ дань, не велятъ имъ жениться, заниматься свободными художествами, употреблять оружія; хотятъ быть обожаемы по смерти, даютъ свои имена храмамъ, ставятъ въ оныхъ свои изображенія, чтятъ идоловъ, бьютъ въ ладоши, топаютъ ногами, поютъ въ церквахъ и проч.; а Христіанъ, собирающихся въ мѣстахъ уединенныхъ, на кладбищахъ, въ лѣсахъ, въ пещерахъ, именуютъ чародѣями. „Изгибнутъ"—пишетъ Смера—„гордые „Греки въ огнѣ вѣчномъ; а Славяне, по книгамъ Іудей-

„скимъ и Христіанскимъ, присоединятся нѣкогда съ ве-
„ликою ревностію къ истинной Вѣрѣ Бога Израилева
. . . . . *И такъ, о Царь!* не должно тебѣ принимать ни
„Вѣры, ни нравовъ Греческихъ; а если примешь ихъ, то
„уже никогда не увидишь меня: останусь здѣсь ждать
„суда Христова. Писано желѣзными буквами на двѣнад-
„цати дскахъ мѣдныхъ, въ л. Александріи Египетской
„5587, Фараоновъ 1179, Александра славнаго царствованія
„5, Индикт. 1, Луны 7, Ид. 14. Такъ вѣрно доношу те-
„бѣ Медикъ и Риторъ твой Иванецъ Смера Половлянинъ"
(а въ другомъ спискѣ стоитъ: „Іоаннъ Смера Половецъ)."
—Сія грамота, какъ извѣщаютъ насъ, писана на языкѣ Болгарскомъ, secundam antiquam doctrinam Russicam (!!) такими буквами: *νȣ̃ορȣρηδκωζΦιτξδ* (слѣдственно Греческими?) и найдена въ 1567 году въ Спасскомъ монастырѣ Перемышльской области, не далеко отъ древняго Самбора. Витебскій Діаконъ, Андрей Колодинскій, перевелъ ее на Польскій языкъ, а Виссоватій на Латинскій Предположивъ ея достовѣрность, согласимся съ ученымъ Шпренгелемъ (см. его рукописное сочиненіе über eine dunkle Stelle in der Russischen Geschichte), что Египетскіе *Богословы* или Христіане Смеровы могли быть раскольники *Павлисты*, названные такъ отъ имени Апостола Павла, гонимые въ Имперіи и нашедшіе убѣжище въ Египтѣ; но можемъ ли вѣрить сему письму? Не говоря о содержаніи, о слогѣ, о буквахъ, доскахъ, о языкѣ Болгарскомъ secundum antiquam doctrinam Russicam, замѣтимъ лѣтосчисленіе и подпись. Означенъ годъ 5587 отъ сотворенія міра: по какой же системѣ хронологической? если по Александрійской (между коею и Греческою 16 лѣтъ розницы), то Владиміръ жилъ около половины седьмой тысячи. Что такое 1179 годъ Фараоновъ и пятое лѣто Александрова царствованія? Какъ *Луна* замѣшалась въ *Индиктъ* и въ *Иды*? Иванецъ, Іоаннъ, есть имя Христіанское, котораго бывшій язычникъ Смера не могъ имѣть въ Россіи языческой. Онъ называется Половляниномъ или

Половцемъ: но Половцы сдѣлались извѣстны въ Россіи уже при внукахъ Владиміровыхъ. — Не будемъ глупѣе глупыхъ невѣждъ, хотящихъ обманывать насъ подобными вымыслами. Авторъ письма, знавъ о Владимірѣ изъ Дитмара, Мѣховскаго, Кромера, хотѣлъ побранить Грековъ: вотъ источникъ вымысла!

(448) Въ печатномъ житіи Св. Великаго Князя Владиміра сказано, что въ сіе время бывшіе Христіане Кіевскіе или снова обратились въ язычество, или ушли изъ Россіи, или таили Вѣру свою; но древній Лѣтописецъ не говоритъ, чтобы Святославъ, Ярополкъ и Владиміръ гнали Христіанъ и разоряли храмы ихъ: имѣвъ прежде церкви въ Кіевѣ, они, какъ вѣроятно, и тогда молились въ оныхъ.

(449) Несторъ говоритъ (въ печатн. стран. 79): „и ста Володимеръ въ *Лимени*,“ то есть гавани Херсонской или заливѣ (Лиманѣ); слѣдственно Россіяне пришли на судахъ. — Древнѣйшій Херсонъ запустѣлъ еще прежде Страбоновыхъ временъ: vetusta Chersonesus (говоритъ онъ въ VII книгѣ) nunc diruta. Слѣды его описаны ученымъ Палласомъ въ Voyage entrepris dans les gouvernemens méridionaux de l' Empire de Russie, T. II, стр. 60 и слѣд. Сей городъ стоялъ на мысу Фанарійскомъ, гдѣ видны еще остатки башенъ и стѣнъ. — *Развалины новѣйшаго* Херсона или Корсуня, какъ называли его въ старину Русскіе, находятся верстахъ въ двухъ отъ Севастополя. Въ то время, какъ наши войска заняли Крымъ, многія стѣны были совершенно цѣлы, вмѣстѣ съ прекрасными городскими воротами и двумя башнями; теперь онѣ уже не существуютъ: изъ нихъ брали камни для строенія домовъ въ Севастополѣ. Множество рѣзнаго мрамора, найденнаго въ развалинахъ, доказываетъ, что въ семъ новомъ Херсонѣ господствовала роскошь. Донынѣ охотники вырываютъ тамъ Римскія и Византійскія монеты золотыя, серебряныя и мѣдныя. Не только городъ, но и

селенія вокругъ его были окружены каменными стѣнами и башнями для защиты отъ варваровъ. — Херсонъ, вольный до Митридата, зависѣлъ съ того времени отъ Царей Воспорскихъ и наконецъ отъ Римскихъ Императоровъ. Константинъ Великій въ 322 году освободилъ его отъ всякой дани, и Херсонъ властвовалъ въ южной Тавридѣ до самой Кафы. Судакъ и Кафа, цвѣтущіе при Генуэзцахъ, затмили блескъ сего города. Въ 1333 году онъ былъ еще столицею Архіепископа Западной Церкви; но въ 1578 году стояли уже одни пустыя Херсонскія стѣны (см. Бишингов. Erdbeschreibung, T. I, стр. 1214; также Маннерт. Geographie der Gr. und der Röm. T. IV, стр. 299).

(450) „Корсуняне, подкопавше стѣну градскую, „крадяху сыплемую персть, и ношаху собѣ въ градъ, „сыплюще посреди града, и воини (Владиміровы) при-„сыпаху болѣ.“ Нѣкоторые толковали, что воины сыпали землю въ городскій ровъ; но имъ прежде надлежало защитить себя валомъ, который назывался по-Русски *сопъ* и *присопъ*, отъ глагола *сыплю* и *присыпаю*.

(451) „Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, „и рече: *аще се ся сбудеть, самъ ся крещу ту*.“ Но Владиміръ, и взявъ Херсонъ, не хотѣлъ еще креститься безъ нѣкотораго условія, какъ увидимъ ниже.

О развалинахъ водовода см. Палласа Voyage etc. II, 67.

(452) Историки Византійскіе, Арабскіе и Нѣмецкіе говорятъ о бракосочетаніи Владиміра съ Анною, сестрою Императора Василія (Memor. popul. II, 25, Эрбелот. Bibl. Orient. III, 137, и Дитмар. Chron. кн. 7). Дитмаръ, современникъ Владиміровъ, ошибся въ имени Греческой Царевны, назвавъ ее, вмѣсто Анны, Еленою; онъ несправедливо думалъ также, что Оттонъ III хотѣлъ на ней жениться (см. Треер. Disp. de perpetua amicitia Germanicum inter et Russicum imperium, стр. 14).

(453) Memor. popul. II, 1009, и Эль-Мак. Historia Saracenica стр. 251. Бунтъ Склира и Фоки подробно описанъ Кедриномъ (см. Русскій переводъ его л. 147).

Константинъ Багрянородный, въ наставленіи данномъ Роману, торжественно запрещаетъ Дому своему вступать въ родственный союзъ съ Князьями Россовъ, Хазаровъ и Венгровъ (см. Констант. de Adm. Imp. гл. 13). Эль-Макинъ разсказываетъ, что Императоръ Василій, боясь успѣховъ мятежника Фоки, послалъ къ Россійскому Князю, *бывшему врагу своему, просить* у него войска; что сей Князь требовалъ за то р[illegible] Царевниной, и согласился быть Христіаниномъ (Historia Saracenica стр. 251). Дитмаръ пишетъ, что сама Греческая Царевна уговорила его принять Вѣру Христіанскую.

(454) Въ харатейномъ *Пушкин.* спискѣ: „она же не „хотяше ити яко въ *полонъ*.“

(455) Наши Богословы думаютъ, что сіе Владимірово прозрѣніе было *духовное* (см. Платонову *Церковную Росс. Исторію*, I, 27). Съ Апостоломъ Павломъ случилось тоже. — Анна, по сказанію Татищева, свѣдавъ о болѣзни Владиміра, догадалась, что онъ раздумалъ креститься, и что Богъ хотѣлъ за то наказать его симъ недугомъ. Въ Кикинской Архивской рукописи: „и нача „мыслити (Владиміръ), яко бози его наказуютъ, яко „Вѣру ихъ повергъ, а Христіанскую хощетъ пріяти.“ Авторъ *Степен. Книги* вымыслилъ длинную рѣчь, будто бы произнесенную Владиміромъ по крещеніи.

Въ *Пушкин.* спискѣ и въ другихъ стоитъ имя церкви Св. Василія, а въ новѣйшихъ Св. *Іакова:* ошибка произведенная словами: „крести Володимера, *и яко въ*„*зложи* руку.“ Какой нибудь невѣжда принялъ ихъ за имя церкви. Въ *Ипатьевск.* и *Хлѣбн.* названа сія церковь *Св. Софіею.* Здѣсь Несторъ опровергаетъ мнѣніе тѣхъ людей, которые въ его время думали, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ или въ Василевѣ.—Въ рукописномъ

харатейномъ житіи Владиміра сказано (также въ Минеяхъ и въ другихъ мѣстахъ), что сей Князь названъ былъ въ крещеніи *Василіемъ*.—Несторъ говоритъ здѣсь только о Епископѣ Херсонскомъ; но въ Херсонѣ были *Митрополиты* (см. Кодина de Officiis Magnae Ecclesiae Constantinopolitanae, стр. 339).

(456) Memor. popul. II, 1003.

(457) Несторъ говоритъ: „за вѣно.“ *Архангел. Лѣт.* думалъ, что Владиміръ подарилъ Херсонъ Епископамъ и Пресвитерамъ за *вѣнчаніе!*— Сочинители *Книги житій Святыхъ*, описывая подвиги Св. Философа Константина (XI Маія), сказываютъ, что онъ, будучи въ Херсонѣ, нашелъ мощи Климента и *нѣкоторую часть* ихъ отвезъ въ Римъ: слѣдственно Владиміръ могъ взять *остатокъ*.

(458) Несторъ говоритъ: „двѣ *капищи* и четыре „кони мѣдяны.“ Здѣсь капище не можетъ означать кумирницы или храма языческаго. Въ *Никонов.* и другихъ лѣтописяхъ названы сіи *капища болванами*. Татищевъ пишетъ: *вдавъ*, вмѣсто *взя же*, и *мѣдныя иконы*, вмѣсто *коней*; но Лѣтописецъ говорилъ уже объ иконахъ выше (см. въ печатн. *Нест.* стр. 82). Далѣе Несторъ сказываетъ, что нѣкоторые люди его времени считали сіи мѣдныя вещи мраморными.—Герберштеинъ пишетъ, что Новогородцы, по взятіи Херсона, вывезли оттуда *мѣдныя врата* и *большой колоколъ*. Западныя, рѣзныя врата Софійскаго Новогородскаго Собора дѣйствительно называются *Херсонскими*, но сдѣланы Нѣмецкими художниками, которые внизу изобразили самихъ себя въ Германской старинной одеждѣ и написали имена: *Мастеръ Аврмъ* (Авраамъ) Ismut, *мастеръ Иикенъ Метеги*; но сіе послѣднее имя лучше вырѣзано въ другомъ мѣстѣ (надъ главою благословляющаго Епископа) Латинскими буквами: Wikmannus Megidepurgis: слѣдственно *Викманъ Магдебургскій уроженецъ*. Въ срединѣ представленъ иной

Епископъ съ надписью: *Александръ*. Мы знаемъ только перваго Митрополита Новогородскаго *Александра*, посвященнаго въ 1577 году: Древнія, истинныя врата *Херсонскія* не увезены *ли* Царемъ Іоанномъ Василіевичемъ изъ Новагорода, а сіи, по заказу тамошняго Митрополита, не сдѣланы ли *на ихъ мѣсто*, и не для того ли названы Херсонскими? Грозный Царь не хотѣлъ оставить ничего драгоцѣннаго въ городѣ, ему ненавистномъ. Миллеръ нашелъ въ женскомъ Александровскомъ монастырѣ (Губерн. Владимірской) церковныя мѣдныя врата, также вывезенныя Іоанномъ Василіевичемъ изъ Новагорода (см. Миллер. *Путешествіе къ Троицѣ и въ Александровскъ*). Въ 1528 г. Архіепископъ Новогородскій Макарій также сдѣлалъ новыя Царскія двери въ Софію (см. Архив. *Новогород. Лѣт.* л. 585).

Герберштеинъ выдавалъ иногда сказки за Русскія лѣтописи: такъ онъ говоритъ, что Новогородцы (ut annales eorum referunt) семь лѣтъ осаждали Херсонъ; что жены ихъ вышли между тѣмъ за-мужъ за рабовъ; что сіи рабы встрѣтили господъ съ оружіемъ; но господа, оставивъ мечи и копья, пошли на нихъ съ бичами, и тѣмъ обратили въ бѣгство своихъ бывшихъ слугъ, которые укрѣпились въ одномъ мѣстѣ, названномъ послѣ *Холопьимъ городомъ* (Гербершт. Rerum Moscoviticarum Commentarii стр. 55). Сія басня, повторенная Стриковскимъ, Витсеномъ въ его Noord en Oost-Tartarye, и сочинителемъ *Ядра Росс. Исторіи*, взята изъ древней Греческой сказки о рабахъ Скиѳскихъ. Новогородцы и Псковитяне, какъ упомянуто въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (см. въ Синодальн. библ. No. 349, л. 37), дѣйствительно ходили подъ Херсонъ съ Владиміромъ; правда и то, что на берегу Мологи, въ 60 верстахъ отъ устья сей рѣки, былъ въ XIV, XV и въ XVI вѣкѣ *Холопій городъ*, извѣстный по его славнымъ ярмонкамъ; правда, что сіе мѣсто донынѣ именуется *Старымъ холопьимъ* и находится въ дачахъ Графа А. И. Мусина-Пушкина

(Ярославской Губерніи, въ Мологскомъ Уѣздѣ); правда, что не далеко оттуда есть два жительства: *Станово* (Графа М. Пушкина), гдѣ, по разсказамъ, находился *стано* холопей, и *Боронишино* (г. Горихвостова), гдѣ они будто бы оборонялись: но въ лѣтописяхъ Новогородскихъ нѣтъ ни слова о семъ мнимомъ возмущеніи рабовъ, и вѣроятно, что названіе мѣстъ, котораго причина въ самомъ дѣлѣ неизвѣстна, подало мысль къ возобновленію Греческой сказки, отнесенной послѣ къ Вятчанамъ, будто бы рабамъ Новогородскимъ (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 33).

Въ *Никон. Лѣт.* и въ *Степен. Книгѣ* сказано, что Великій Князь, по своемъ бракосочетаніи, далъ пиръ Херсонскимъ сиротамъ и вдовамъ; что Цареградскій Патріархъ Фотій, *котораго уже около ста лѣтъ не было на свѣтѣ*, прислалъ къ нему Митрополита; что отъ Грековъ пріѣзжали къ Владиміру въ Херсонъ послы съ дарами, а отъ Папы съ мощами Святыхъ; что Князь Печенѣжскій Метимагакъ, или Метигай, тамъ крестился и проч. Древній Лѣтописецъ не знаетъ сихъ обстоятельствъ.

(459) Несторъ по харатейнымъ спискамъ говоритъ: ,,Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и ,,влещи съ горы по Боричеву на ручай; 12 мужа при- ,,ставити *тети* жезліемъ." *Тети* значитъ сѣчь: этотъ глаголъ употребляется и въ *Словѣ о полку Игоревѣ*. — Далѣе: ,,пройде сквозѣ пороги и изверже и вѣтръ на ,,*рѣнь*, и оттолѣ прослы *Перуня Рѣнь*." *Рѣнь*, *рѣль*, *рѣлка* значила мысъ (см. Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 586, и сей *Исторіи* Т. VII, въ примѣч. 1533 года) а не *холмъ*, какъ думалъ Ломоносовъ, повѣривъ *Синопсису* Кіевскому, въ которомъ находятся еще слѣдующія обстоятельства: ,,Старые люди разсказываютъ, что идолъ, влекомый Христіанами съ горы Днѣпровской, вопилъ и рыдалъ: для того прозвали сію гору (ниже монастыря Златоверхаго Михаила) *Чортовымъ беремищемъ*, или *тягостію* и бѣд-

ствіемъ сего злаго духа. Когда онъ плылъ рѣкою, суевѣрные язычники кричали: *видибай!* т. е. *выплывай.* Онъ дѣйствительно выплылъ на берегъ: и сіе мѣсто названо *Выдибичи*, а послѣ *Выдубичи* (гдѣ стоитъ нынѣ монастырь *Выдубицкій*). Однакожъ Христіане утопили идола, привязавъ къ нему тяжелый камень. Митрополитъ Кіевскій Михаилъ" (см. о немъ ниже) „создалъ тамъ церковь во имя Архистратига Михаила, въ память того, что сей Архистратигъ, низвергнувъ нѣкогда Сатану съ неба, помогъ низвергнуть его и съ горы Днѣпровской." Но сія церковь существуетъ только со временъ Всеволода (см. въ печатн. *Нест.* стр. 129).

Здѣсь Татищевъ прибавляетъ, что *Митрополитъ* и Попы, ходя по городу, учили народъ Вѣрѣ Христіанской, и что нѣкоторые люди, окаменѣлые сердцемъ, не хотѣли слушать ихъ и бѣжали въ пустыни. Въ *Степен. Книгѣ* сказано, что и самъ Владиміръ дружески бесѣдовалъ съ гражданами о Вѣрѣ.

(460) Владиміръ, по словамъ Лѣтописца, сказалъ: „аще не обрящется кто на рѣцѣ, богатъ ли или убогъ, „или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ."

(461) Въ *Днѣпрѣ*, а не въ *Почайну*. Несторъ зналъ всѣ обстоятельства лучше, нежели писатели новѣйшіе. Въ харатейныхъ Прологахъ XIV вѣка сказано, что мѣсто крещенія на рѣкѣ *Почайнѣ* издревле именуется *Святымъ*, гдѣ стоитъ церковь *Петрова*; а въ печатномъ: „идѣже нынѣ церковь есть святыхъ Мучениковъ *Бориса и Глѣба.*"

(462) Въ *Синопсисѣ*, *Степен. Книгѣ*, въ *Никон. Лѣт.* и другихъ новѣйшихъ сказано, что сыновья Владиміровы крестились прежде народа: но древній Лѣтописецъ говоритъ только (въ печатн. *Нест.* стр. 84): „Володимеръ просвѣщенъ, и сынове его и земля его." Въ *Синопсисѣ* прибавлено, что они были крещены не въ Днѣпрѣ и не въ Почайнѣ, а въ *источникѣ надъ Днѣпромъ*, который съ того времени прозванъ *Крещатикомъ*.

Сей колодезь находится во рвѣ, между двумя крутыми горами. Недавно обдѣлали его камнемъ и поставили надъ нимъ столпъ, изъ коего льется вода и течетъ мелкимъ ручьемъ въ Днѣпръ. Въ житіи Св. Владиміра находятся слѣдующія подробности: „Владиміръ, возвратясь изъ Херсона въ Кіевъ, отпустилъ всѣхъ своихъ женъ, и любезнѣйшей изъ нихъ, *Рогнѣдѣ*, велѣлъ сказать, чтобы она избрала себѣ какого нибудь Вельможу въ супруги. *Бывъ Княгинею*, отвѣтствовала она, *могу ли быть рабою у слуги твоего? не хочу инаго мужа, но желаю креститься.* Съ нею сидѣлъ тогда Ярославъ, сынъ ея, *хромый* отъ рожденія. Онъ изъявилъ благодарность Небу за добрую волю матери своей, и въ туже минуту исцѣлился, къ радости Владиміра. Рогнѣда, принявъ Вѣру Христіанскую, постриглась, и была названа Анастасіею." — Но Рогнѣда, когда возвратился Великій Князь изъ Херсона, жила въ Изяславлѣ, а не въ Кіевѣ (см. выше, стр. 207). Ярославъ же остался *хромъ* навсегда, какъ увидимъ послѣ.

(463) Въ Несторѣ: „повелѣ *рубити* церкви и постави „церковь Св. Василія на холмѣ, идѣже стояше кумиръ „Перунь." И нынѣ существуетъ древняя Васильевская церковь въ Кіевѣ близъ Десятинной; но стоитъ на ровномъ мѣстѣ, а не на холмѣ. — О Варяжск. мученикѣ см. выше, стр. 204. — Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано (см. *Воскресен.* I, 153), что *первая*, Владиміромъ построенная церковь въ Кіевѣ, освященная 26 Ноября, была во имя Св. Георгія. Далѣе Несторъ говоритъ только: „и начаста ставити по градомъ церкви и Попы, и люди на крещенье „приводити по всѣмъ градомъ и селомъ." Онъ не именуетъ ни Епископовъ, ни городовъ, куда были посланы Священники. Но *Лѣт. Никонов.* и сочинитель *Книги Степенной* сказываютъ, что „Кіевскій Митрополитъ съ *шестью* „Епископами *Фотія* Патріарха, съ Добрынею и съ Ана„стасомъ Корсунскимъ, ходилъ въ Новгородъ, и *сокру„шилъ* тамъ идоловъ; а послѣ въ Ростовъ, гдѣ также наса-

„дилъ Христіанство. Черезъ годъ самъ Великій Князь отправился съ двумя *Фотіевыми* Епископами въ Суздальскую землю, крестилъ народъ и построилъ городъ „Владиміръ на Клязьмѣ.“ — Авторъ *Синопсиса* повѣствуетъ (ссылаясь на Стриковскаго) что „Великій Князь съ тремя Епископами Патріарха Сергія, Іоакимомъ, Өеодоромъ и Өомою, ѣздилъ въ Суздальскую, Ростовскую и Новогородскую область для крещенія тамошнихъ жителей; оставилъ въ городѣ Владимірѣ, имъ основанномъ, Епископа Өеодора, въ Ростовѣ Өому, въ Новѣгородѣ Іоакима.“ Сей невѣжда, повѣривъ Стриковскому, говоритъ еще, что столицею Великихъ Князей былъ *съ того* времени Владиміръ на Клязьмѣ! Правда, что и въ другихъ новѣйшихъ лѣтописяхъ находится слѣдующее: „въ лѣто „6498 Володимеръ, пришедъ изъ Кіева въ Суздальскую „землю, постави градъ во свое имя и спомъ посыпа“ (окружилъ валомъ) „и церковь Св. Богородицу Соборную „древяну постави“ (см. *Воскресен*. I, 153). Сіе извѣстіе основано на сказаніи Лѣтописца Суздальскаго, жившаго въ исходѣ XII столѣтія. Онъ говоритъ, что Владиміръ на Клязьмѣ построенъ Владиміромъ *Великимъ* (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 37): дѣйствительно Владиміромъ и Великимъ, но только не Святымъ, а Мономахомъ (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 238). Въ Новогородской лѣтописи, напечатанной въ *Продолженіи Древ. Россійской Вивліоѳики*, сказано: „пріиде къ Новугороду Акимъ „Архіепископъ Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ поверзавше, „ужи (веревками) волочаху по калу, бьюще жезліемъ, и „заповѣда никомужь нигдѣ же не пріати. И се иде „Пидьблянинъ“ (*Пидьбою* называлось мѣсто близъ Новагорода: см. *Новог. Лѣт.* стр. 111) — „рано на рѣку, „хотя горньци (горшки) везти въ городъ; и сице Перунъ приплы къ берегови, и отрину его шестомъ. *Ты*, „рече, *Перушице*, *до-сити* (досыта) *еси пилъ и ялъ*, *а* „*нынѣ плови уже проче*. И плы съ свѣта въ окромѣш-

„ное.“ Баронъ Герберштейнъ пишетъ, что Перунъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится монастырь *Перунскій*; что идолъ, когда Новогородцы бросили его въ воду, плылъ вверхъ по рѣкѣ, и бросивъ имъ на мостъ палицу, закричалъ: *храните ее, граждане, въ память мою*; что сей голосъ въ нѣкоторой день ежегодно бываетъ слышимъ въ Новѣгородѣ; что жители, поспѣшно собираясь тогда на мосту, дерутся палицами, и Градоначальникъ едва можетъ разнимать ихъ (Rer. Moscov. Com. стр. 55). Сію басню, которая находится и въ *Степен. Книгѣ*, повторилъ Стриковскій, а за нимъ сочинитель Кіевскаго *Синопсиса*. — Изъ всѣхъ сказаній мнимаго Іоакима самое любопытнѣйшее есть о введеніи Христіанской Вѣры въ Новѣгородѣ; жаль, что оно выдумка, основанная единственно на старинной пословицѣ: *Путята крести мечемъ*, а *Добрыня огнемъ*! „Новогород-„цы“ (говоритъ сей Іоакимъ) „возмущаемые Тысяцкимъ „Угоняемъ и жрецомъ Богомиломъ или *Соловьемъ*, какъ „онъ названъ по его краснорѣчію, не хотѣли креститься. Воевода Владиміровъ Путята, имѣя съ собою Рос-„товцевъ, вступилъ въ бой съ непокорными гражданами, „а Добрыня велѣлъ зажечь ихъ домы.“ О Путятѣ упоминается въ народныхъ пѣсняхъ:

Противъ двора Путятина,
Противъ терема Зыбатина,
Стараго Путяти темной лѣсъ.

Впрочемъ одинъ знаменитый Воевода Путята жилъ гораздо послѣ Владиміра (см. ниже).

Несторъ, описавъ языческія обыкновенія древнихъ Славянъ Россійскихъ, прибавляетъ: „се же творятъ Вя-„тичи *нынѣ* — Кривичи и прочіи поганіи, не вѣдуще „закона Божія.“ Слѣдственно между сими народами Русскими и въ его время было еще много не-Христіанъ. — Въ житіи благовѣрнаго Князя Константина Святославича сказано, что Муромъ и въ XIII вѣкѣ былъ еще наполненъ язычниками (см. нашей *Исторіи* Т. III, примѣч.

153). Св. Аврамій крестилъ многихъ язычниковъ въ Ростовѣ уже тогда, какъ сей городъ былъ *Владимірскою* областію (см. *Прологъ* и *Минею* Окт. 29): слѣдственно послѣ или во время Андрея Боголюбскаго, а не при Владимірѣ Великомъ, какъ нѣкоторые думали, и не въ началѣ XI вѣка, какъ показано въ Мѣсяцословѣ.

(464) Рогнѣда, названная въ лѣтописи *первою* супругою Владиміра, вышла за-мужъ около 979 году. Увидимъ, что Всеволодъ III, сынъ Георгія Долгорукаго, послалъ княжить въ Новгородъ сына, именемъ Святослава, когда ему не было еще и пяти лѣтъ отъ роду. Разумѣется, что Вельможи правили именемъ малолѣтнаго Князя.

У Владиміра было 12 сыновей безъ Святополка. Мы не знаемъ, отъ кого родились Станиславъ, Позвиздъ и Судиславъ. Несторъ упоминаетъ объ нихъ въ 988 году: слѣдственно они не могли быть дѣтьми Греческой Царевны чрезъ нѣсколько недѣль по ея замужствѣ. Татищевъ признавалъ Анну матерію Бориса и Глѣба; но развѣ Лѣтописецъ не ясно говоритъ, что они родились отъ *Болгарыни*, и гораздо прежде Владимірова крещенія? см. въ печатн. *Несторѣ* стр. 71.

Система Удѣловъ была общею въ Европѣ. Рюрикъ, не имѣвъ сыновей, раздавалъ области Боярамъ, которые назывались Князьями (см. выше, стр. 116 и 136).

(465) Сего Вышеслава называетъ Лѣтописецъ *старшимъ*, но только въ отношеніи къ Ярославу, говоря: „посади Ярослава въ Ростовѣ: умершу же *старѣйшему* „Вышеславу, посади Ярослава въ Новѣгородѣ.“

(466) Въ *Патерикѣ* (см. житіе Стефана, Игум. Печер.) именно сказано, что сей городъ построенъ Св. Владиміромъ; но когда? Татищевъ пишетъ: „въ 992 году.“ Сего извѣстія нѣтъ въ лѣтописи. Новѣйшіе Лѣтописцы—тѣ, которые въ XVI вѣкѣ дополняли Нестора баснями—едва ли знавъ, что есть на свѣтѣ Волынскій Владиміръ (ибо сія часть древней Россіи принадлежала

тогда Литвѣ) искали Всеволодова Удѣла на берегахъ Клязьмы. Татищевъ и Болтинъ справедливо обличали ихъ невѣжество. Разныя мѣста въ продолженіи Несторовой лѣтописи доказываютъ, что древній Владиміръ находился на границахъ Польши; мы замѣтимъ ихъ ниже. О новѣйшемъ Владимірѣ на Клязьмѣ не упоминается до XII вѣка.

(467) См. выше, стр. 172. Несторъ говоритъ (въ печатн. стр. 67): „Бѣ бо Рогволодъ пришелъ изъ-за моря, имяше „власть въ Полотескѣ, а Туръ въ Туровѣ, отъ него же „Туровцы прозвашась.“ Новѣйшіе Лѣтописцы, не хотѣвъ обдѣлить и трехъ меньшихъ сыновей Владиміровыхъ, даютъ Станиславу Смоленскъ, Позвизду Луцкъ, Судиславу Псковъ. Въ житіи Св. Владиміра сказано, что Луцкъ былъ отданъ Владимірову *сыну* Брячиславу: развѣ *внуку*? Брячиславомъ назывался сынъ Изяславовъ. Длугошъ говоритъ (Hist. Polon. T. I, стр. 145), что Владиміръ назначилъ тремъ меньшимъ сыновьямъ, Станиславу, Позвизду и Судиславу Княженіе Кіевское и *Берестовское*, которыя долженствовали быть ихъ Удѣломъ по кончинѣ отца. Сей Историкъ думалъ, что *сельцо* Берестовое (см. въ печатн. *Нест.* стр. 71) есть городъ.

(468) „И рече Володимиръ: *се не добро, еже есть „мало городовъ около Кыева.*, и нача ставити городы „по Деснѣ, и по Встри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, „и по Стугнѣ, и поча нарубати (набирати) мужи „лучшіи отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чуди, „и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады: *бѣ бо* рать „отъ Печенѣгъ,“ и проч. Согласно съ Татищевымъ и съ Авторомъ *Степенной Книги*, думаю, что Несторъ союзомъ *бо* хотѣлъ означить здѣсь причину строенія городовъ. Новѣйшіе Лѣтописцы не поняли того, и говорятъ просто о войнѣ Князя Владиміра съ Печенѣгами въ 988 году.

Бѣлгородъ, нынѣ Бѣлогородка, есть мѣстечко Кіевской Губерніи на рѣкѣ Рупинѣ. Тамъ не осталось уже ничего древняго, кромѣ вала.

Несторъ говоритъ, что у Владиміра, еще *идолопоклонника*, было 300 наложницъ въ Бѣлѣгородѣ: слѣдственно Великій Князь живалъ тамъ и прежде. Въ лѣтописи: „*заложи* Бѣлгородъ,“ т. е. городскую стѣну. Такъ, на примѣръ, сказано въ лѣтописяхъ XII вѣка (см. *Росс. Библіот.* стр. 287), что Всеволодъ *заложилъ* Переяславль Суздальскій, въ которомъ онъ уже княжилъ за нѣсколько лѣтъ до того времени.

Описанныя здѣсь происшествія слѣдуютъ у Нестора въ такомъ порядкѣ: Владиміръ началъ строить города близъ Кіева въ 988 году; церковь Богоматери заложена въ 989, а Бѣлгородъ въ 990. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Владиміръ въ 990 году посылалъ *Македонскаго Философа* Марка обращать Низовскихъ или Казанскихъ Болгаровъ въ Христіанскую Вѣру; что четыре Князя ихъ крестились въ Кіевѣ; что въ сей годъ родилось множество всякихъ плодовъ, и были Греческіе послы у Великаго Князя; что въ 991 году пришли изъ Греціи каменосѣчцы, случилось наводненіе, пріѣзжали послы изъ Рима, и Князь Печенѣжскій Кучюгъ, сдѣлавшись усерднымъ Христіаниномъ, заслужилъ дружбу Владиміра, Митрополита и Бояръ; что въ 992 году ходилъ Владиміръ на Печенѣговъ, угощалъ въ Кіевѣ пословъ Болеслава Ляшскаго и Андриха Чешскаго, оплакалъ кончину Митрополита Михаила, и принялъ новаго, именемъ Леонта (Леона), отъ Патріарха *Фотія*; что сей Леонтъ поставилъ въ Епископы Новугороду Іоакима, Чернигову Неофита, Ростову Өеодора, Владиміру Стефана, Бѣлугороду Никиту и проч. Татищевъ разсказываетъ, что въ 990 году Владиміръ воевалъ съ Польскимъ Королемъ Мечиславомъ, а въ 992 ходилъ съ двумя Епископами ко Днѣстру и построилъ Червенскій городъ Владиміръ. Повторяя сказку Никоновской лѣтописи о

послахъ Римскихъ, сей Историкъ прибавляетъ (ссылаясь на какой-то Хрущовскій списокъ), что Патріархъ Константинопольскій былъ недоволенъ сношеніями Владиміра съ Папою и совѣтовалъ ему отказаться отъ переписки съ Главою Западной Церкви. — Въ древней лѣтописи нѣтъ ни одного изъ сихъ обстоятельствъ.

(469) См. выше, стр. 127. Невѣроятно, чтобы Владиміръ ходилъ въ нынѣшнюю, столь отдаленную Кроацію. Можетъ быть, Хорваты, обитатели южной Галиціи, прилежащей къ горамъ Карпатскимъ, еще не зависѣли тогда отъ Россіи, и Великій Князь старался ихъ покорить.

(470) Несторъ говоритъ: „Володимеръ же приде въ „*товары* (въ станъ), посла *биричи* по *товаромъ*,“ и проч. *Биричь* или *бирючь* есть Герольдъ или провозвѣстникъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ поставлено ошибкою *Берендичи*, вмѣсто *Биричи*.

Далѣе въ *Троицк:* „*мтрью сварящу* и оному мнущу „усніе (кожу), разгнѣвався на мя, и преторже рукама „сыром“ . . . (наверху поставлено: „кожу;“ а въ *Пушкин.*: „черева)“ . . . Слова: *сварящу* (съ) *матерью*, значатъ, что онъ *бранился съ матерью*. Ниже сказано, что Владиміръ на канунѣ поединка велѣлъ своимъ ратникамъ изготовиться къ битвѣ. Въ *Воскресен.:* „размѣривше межи обѣма полкома, и пустиша я.“

(471) *Въ харатейныхъ спискахъ: „зане переялъ славу* отрокъ тотъ.“ Поправка Татищева и другихъ. „зане Переяславъ отроку тому имя,“ есть ошибка. — Длугошъ, не понявъ Нестора, говоритъ: Wladimirus illic castrum Berestaw (Переяславль) erexit eo quod vir, qui vicerat, ex Berestaw ortus esset (Hist. Polon. T. I, стр. 123). Стриковскій повторилъ его слова и назвалъ также богатыря Русскаго Переяславскимъ уроженцемъ; но въ древней Россіи не было инаго Переяславля, кромѣ Трубежскаго.

(472) См. выше, стр. 134. Развѣ положимъ, что новѣйшій переписчикъ сихъ договоровъ отъ себя вставилъ имя Переяславля?

Здѣсь въ *Никон. Лѣт.* годы происшествій означены ложно, и *прибавлено*, что въ 994 году Владиміръ ходилъ на Болгаровъ, были засухи, и Русскіе послы возвратились — отъ Папы; а въ 997 году Великій Князь воевалъ съ Болгарами Волжскими и Камскими.

(473) См. въ печатн. *Несторѣ* стр. 85 и 87. Лѣтописецъ говоритъ: „Володимеръ рекъ сице: *даю Церкви* „*сей святѣй Богородицы отъ имѣнья моего и отъ градъ* „*моихъ десятую часть*, и положи написавъ клятву въ „церкви сей, и рекъ: *аще кто сего посудить, да будетъ* „*проклятъ*, и вдасть десятину Анастасу Корсунянину." Не только Іудеи, но и самые древніе язычники давали Священникамъ десятину (см. Геродот. кн. I, стр. 65 въ Русскомъ переводѣ). Христіане, по совѣту Святыхъ Отцевъ, также слѣдовали сему обыкновенію; но Церковь *Греческая* никогда не признавала онаго *закономъ*. Карлъ Великій и наконецъ Соборы Западной Церкви въ IX вѣкѣ первые уставили, что міряне *обязаны* давать монастырямъ и Духовенству десятую часть отъ своего прибытка.

Татищевъ говоритъ, что сказаніе о *десятинѣ* едва ли не прибавлено къ древней лѣтописи Попами новѣйшихъ временъ; что слогъ въ семъ мѣстѣ кажется новымъ, и въ разныхъ спискахъ употреблены разныя слова; что обыкновеніе давать Церкви десятую часть отъ всѣхъ Государевыхъ и *народныхъ* доходовъ во-первыхъ безразсудно, во-вторыхъ не могло бы совершенно исчезнуть въ памяти людей, ежели бы оное когда нибудь существовало въ Россіи. Отвѣтствуемъ: 1) сіе мѣсто находится въ самыхъ древнихъ спискахъ XIV вѣка, въ *Пушкинскомъ* и въ *Троицкомъ*, и въ самыхъ новѣйшихъ слова тѣ же, безъ всякой розницы; 2) безразсудно или нѣтъ, но въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ была уставлена церковная десятина; 3) Лѣтописецъ не

говоритъ, чтобы *народъ* давалъ ее: одинъ Князь жертвовалъ частію своего избытка въ пользу Церкви, имъ сооруженной. — Кажется, что наслѣдники Владиміровы отмѣнили сію дань, и что Лѣтописецъ *не безъ намѣренія* хотѣлъ напомнить имъ клятву Равноапостольнаго Князя. И другіе Князья Россійскіе давали послѣ церквамъ десятину.

Сіе извѣстіе древняго Лѣтописца подало мысль какому нибудь Духовному XIII вѣка сочинить *Уставъ Св. Владиміра о десятинахъ* и церковныхъ судахъ (см. ниже, примѣч. 506).

Десятинная церковь Рождества Богородицы находится въ старомъ городѣ Кіевѣ близъ церкви Андреевской. Она была разрушена во время нашествія Батыева. Остался одинъ придѣлъ ея. На внѣшней полуденной его стѣнѣ вдѣлана каменная доска, длиною 6 аршинъ, шириною ½ аршина, съ слѣдующею надписью, изображенною выпуклыми буквами, цвѣту сѣроватаго или свинцоваго: С А Ѳ Ф М Е) • (С О; а выше: Н. О. Значенія сихъ буквъ нельзя узнать для того, что доска не цѣлая, а составлена изъ *трехъ* отломковъ, отысканныхъ въ развалинахъ старой церкви и вставленныхъ въ стѣну придѣла.

Сочинитель *Книги Степен.* разсказываетъ, что Владиміръ и Кіевскій Митрополитъ со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, со множествомъ народа, псалмопѣніемъ, свѣщами и кадилами, пришли на мѣсто, гдѣ лежало тѣло Св. Ольги, вырыли его, увидѣли нетлѣнныя мощи, перенесли ихъ въ Соборную или Десятинную церковь Богоматери и положили въ каменномъ гробѣ. Несторъ, описавъ кончину Ольги, говоритъ по *Троицк.* списку: „се бо „вси человѣци прославляють, видяще *лежащю* въ тѣлѣ „за многа лѣта.“ Въ лѣтописи Попа Іоанна еще яснѣе (стр. 267): „лежащю ю“— слѣдственно Ольгу? слѣдственно мощи ея были извѣстны въ Несторово время? Но въ *Пушкин.* слова: „видяще лежащая въ тѣлѣ,“ могутъ относиться вообще къ Праведникамъ, о которыхъ выше

упоминается. Въ *Воскресен.* прибавлено: „шѣло ея по „смерти нетлѣнно соблюде."

Анастасъ Корсунянинъ слыветъ у насъ Протопопомъ, для того, что или Стрыйковскій, или переводчикъ его и Авторъ Синопсиса назвали его симъ именемъ, а сочинители *Житій Святыхъ* повѣрили Синопсису. Въ *Воскресен. Лѣт.* именованъ Анастасъ просто Іереемъ.

(474) Въ *Никон. Лѣт.* и *Степен. Книгѣ* сказано, что отъ Патріарха Цареградскаго пріѣхалъ въ Херсонъ ко Владиміру Митрополитъ, именемъ Михаилъ, родомъ Сиринъ, который насадилъ Вѣру Христіанскую въ Россіи, завелъ училища, былъ мудръ, тихъ, иногда же *свирѣпъ* или строгъ; что мѣсто его въ 992 году заступилъ Грекъ Леонтій или Леонъ, посвященный также въ Константинополѣ, а мѣсто Леонтія Іоаннъ, третій Митрополитъ Владимірова времени. Во многихъ другихъ лѣтописяхъ названъ Михаилъ вторымъ Митрополитомъ, а первымъ Леонъ: такъ сказано и въ мнимомъ *Владиміровомъ Уставѣ* (см. ниже, примѣч. 506), сочиненномъ около XIII вѣка. Въ *Новогород. Лѣт.* напечатанномъ въ продолженіи *Древ. Рос. Вивліоѳики*, роспись Митрополитовъ (согласно съ Несторомъ) начинается съ Ѳеопемпта; въ *Архангел. Лѣт.* также. Мы знаемъ, что въ Печерской Лаврѣ хранятся мощи Св. Михаила, *перваго Кіевскаго Митрополита;* но въ *Прологѣ* нѣтъ его житія, и въ описаніи Владимірова крещенія не упоминается (т. е. въ *Прологѣ*) о семъ Митрополитѣ. Сочинители *Минеи* взяли извѣстіе объ немъ изъ *Степенной Книги.* Мы согласимъ преданіе Церкви о Лаврскихъ мощахъ Св. Михаила съ достовѣрною Исторіею, ежели положимъ, что онъ былъ тотъ самый Епископъ, котораго прислалъ Фотій къ Россійскимъ Христіанамъ Аскольдова времени, и который дѣйствительно названъ Митрополитомъ Михаиломъ въ *Кормчей Книгѣ*, въ предисловіи *Патерика* и въ *Минеѣ* (Іюля 15): ему-то приписываютъ чудо Евангелія, не сгорѣвшаго въ огнѣ (см. вы-

ше, примѣч. 286). Кіевскіе Христіане могли сохранить нетлѣнныя мощи его, какъ святыню, до крещенія Владимірова. Или онъ пасъ церковь въ Княженіе Ярослава, прежде Өеопемпта: ибо въ нѣкоторыхъ спискахъ древней лѣтописи сказано (см. *Воскресенск.* I, 185, и *Ростов. Лѣт.* Г. 1037): „Великій Князь Ярославъ Митрополію устави." — Въ Синодальной библіотекѣ между Греческими рукописями находятся два мнимыя сочиненія *Россійскаго Митрополита Леона,* No. 353 и 355: *Λέοντος Μητροπολίτου Ρωσίας πρὸς Ρωμαίους ἤτοι Λατίνους περὶ τῶν ἀζύμων, о безквасномъ хлѣбѣ или опрѣснокахъ.* Списокъ долженъ быть XIV вѣка: сочиненіе едва ли древнѣе. Авторъ съ великимъ жаромъ уличаетъ Латинскую Церковь въ заблужденіяхъ.

(475) Сей городъ есть нынѣшній Васильковъ въ Кіевской Губерніи.

(476) *Гриднями* назывались тѣлохранители Княжескіе, а Гридницею та комната во дворцѣ, гдѣ они собирались. Болтинъ думалъ, что здѣсь *гридница* значитъ *кухню,* и производилъ сіе имя отъ Шведскаго глагола Graedda, *жарить, печь.* Оно въ самомъ дѣлѣ есть Норманское, но происходитъ отъ Гридня, а Гридень отъ Шведскаго слова Gred, т. е. *мечь.* Сіи отборные воины дружины Княжеской дѣйствительно назывались послѣ *Мечниками.* Въ продолженіи Несторовой лѣтописи сказано, что горожане Боголюбскіе убили *Дѣтскихъ* (Отроковъ) и *Мечниковъ* Князя Андрея (см. *Россійск. Библіот.* стр. 254).

Въ рукописномъ житіи Св. Владиміра прибавлено: „Въ праздники Господскіе три трапезы поставляше (Вла„диміръ), первую Митрополиту со Епископы и со Чер„норизцы и съ Попы; вторую нищимъ и убогимъ; тре„тію себѣ и Бояромъ своимъ и всѣмъ мужамъ своимъ." — Мы написали выше, что Владиміръ велѣлъ сварить 300 *варь* меду: въ древней лѣтописи сказано: *проварь,* а въ новѣйшихъ: „300 *берковскыхъ,*" или берковцевъ. — Въ

Ипатьевск. и въ *Хлѣбниковск.* сказано, что Вел. Князь возвратился тогда въ Кіевъ къ празднику Успенія.

(477) „Взимати всяку потребу, питье и яденья, и „оть *скотницъ кунами.*" *Кунами* назывались въ старину деньги, а *скотницею* казна. Болтинъ думалъ, что надобно читать *скатница*, и что сіе имя есть Шведское skatt, т. е. *деньги, казна, сокровище*: но когда Латинское слово pecunia (*деньги, имѣніе, богатство*) происходитъ отъ pecus (скотъ), то и древнее Русское имя *скотница*, въ смыслѣ казны, не можетъ ли имѣть такого же происхожденія? Домашній скотъ былъ первымъ богатствомъ людей. Несторъ говоритъ (въ печатн. стр. 99): „и начаша *скотъ* брати, отъ мужа по четыре куны, а „отъ старостъ по десяти гривенъ," и проч. Слѣдственно имя *скотъ* также означало у насъ *деньги*.

(478) „Умножишась зѣло *разбоеве.*" Подъ *разбоемъ* разумѣли въ то время убійство (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 71). *Вира* есть Германское Wehrgeld, употребляемое въ *Саксонскихъ законахъ* (Lex. Saxon. Tit. II, *Слово* Академика Струбе *о началѣ и перемѣнахъ законовъ Россійскихъ*, стр. 10, и Юма *Англ. Исторію* Т. II, главу о законахъ Англо-Саксон.). Такъ называли Германцы денежную пеню за убійство. Отъ Варяговъ вошло сіе слово (по-Шведски Ога) въ древнее Русское законодательство.

(479) „И бѣ живя съ Князи окольними мирно: съ Болеславомъ Ляшьскимъ, и съ Стефаномъ Угорскимъ, и „съ Андрихомъ (Удальрикомъ) Чешескымъ." Несторъ говоритъ о томъ въ описаніи случаевъ 996 года; но Стефанъ началъ властвовать уже въ 997 году, Болеславъ въ 999, а Ульрикъ или Удальрикъ въ 1012. Впрочемъ всѣ они *были* Владиміровыми современниками. Длугошъ, прочитавъ сіе мѣсто въ Несторѣ о мирѣ Владиміра съ Болеславомъ, говоритъ, что Князь Россійскій, *боясь* могущественнаго Государя Польскаго, отправилъ къ нему въ 1001 году знаменитыхъ пословъ и требовалъ его дружбы:

на что Болеславъ охотно согласился, считая пріязнь Россіянъ выгодною для земли своей (Hist. Polon. T. I, стр. 135).

(480) Въ харатейныхъ спискахъ: „и рѣша ему (Вла„диміру) Епископи и старци: рать многа, оже *Вира*; то „на оружьи и на коних буди." То есть: „тамъ много рати или воиновъ, гдѣ Вира, или гдѣ нѣтъ смертной казни: будь же вооруженъ и на конѣ!" Во многихъ новѣйшихъ спискахъ поставлено: „рать многа; оже рать, то на „оружьи и на коняхъ буди." Татищевъ прибавилъ отъ себя многія обстоятельства въ семъ мѣстѣ.

Далѣе въ Несторѣ: „Володимеру же шедшю къ Но„вугороду по верховніе вои на Печенѣгы; бѣ бо рать „велика безпрестани." Князь Щербатовъ думалъ, что Владиміръ пошелъ къ Новугороду воевать съ Печенѣгами. Болтинъ смѣялся надъ его ошибкою, говоря, что сіи непріятели совсѣмъ не тамъ жили, и что вмѣсто словъ *шедшю на Печенѣги*, надобно читать: *на Чудь*. Такъ написалъ и Татищевъ; но всѣ трое равно ошиблись. Несторъ хотѣлъ сказать, что Владиміръ пошелъ въ Новгородъ *за* верховыми воинами (ибо сѣверо-западная Россія называлась въ отношеніи къ южной верховьемъ), чтобы съ ними итти послѣ на Печенѣговъ.

(481) См. ниже о словѣ *Вѣчѣ*, примѣч. 495.

(482) Въ подлинникѣ сказано, что умной старикъ Бѣлогородскій велѣлъ женщинамъ сдѣлать *цѣжъ* изъ отрубей, овса и пшеницы. Сіе слово напоминаетъ Нѣмецкое Zähe.—Лѣтописецъ говоритъ, что граждане нашли *лукно* меду въ Княжей *медушѣ*: такъ называлось мѣсто, гдѣ стоялъ медъ.

(483) Татищевъ назвалъ Мальфриду или Мальфреду Чехинею, матерью Святослава. — О Рогнѣдѣ см. выше, примѣч. 462. — *Никон. Лѣт.* хвалитъ Изяслава, называя его кроткимъ, *слезнымъ*, терпѣливымъ, *умильнымъ* любителемъ Св. Писанія и Духовенства. Татищевъ ошибкою приписалъ сію хвалу сыну его, Всеславу, ко-

торый умеръ младенцемъ. Рогнѣда, мать Изяславова, вышла за-мужъ въ 979 или 980 году; положимъ, что Изяславъ родился въ 981, и женился семнадцати лѣтъ: слѣдственно сынъ его, Всеславъ, въ 1003 году могъ умереть лѣтъ четырехъ. Елагинъ, не сообразивъ того, и вѣря Татищеву, говоритъ (его Исторіи Т. I, стр. 464), что „*юный Князь Всеславъ* насаждалъ Евангельскія „добродѣтели, соблюдалъ миръ съ Державами сосѣд„ственными, чуждался властолюбія,“ и проч. и проч.

По извѣстію Кедрина, Анна умерла послѣ Владиміра. Mortua Anna, говоритъ онъ, Imperatoris Sorore in Rossia, defuncto iam ante Vladimiro marito (Memor. popul. II, 1010). Но мы вѣримъ Нестору, тѣмъ болѣе, что сказаніе его согласно съ извѣстіемъ современнаго Нѣмецкаго Лѣтописца: тѣло Владиміра (какъ пишетъ Дитмаръ въ концѣ VII книги) было погребено тамъ же, гдѣ стоялъ гробъ супруги его, Княжны Греческой — слѣдственно она умерла прежде.

Здѣсь открылось *Никонов. Лѣтописцу* свободное поле для вымысловъ. Желая наполнить пустоту въ древней лѣтописи, онъ сказываетъ, что въ 1000 году Володарь, забывъ благодѣянія Великаго Князя, шелъ осадить Кіевъ съ *Половцами* (которыхъ имя въ сіе время было еще неизвѣстно въ Россіи); что Владиміръ находился тогда въ Дунайскомъ Переяславцѣ; что богатырь его Александръ Поповичь умертвилъ Володаря и разбилъ Половцевъ; что Владиміръ за такую храбрость надѣлъ на Поповича золотую гривну и сдѣлалъ его *Вельможею въ палатѣ своей;* что въ тотъ же годъ умеръ Рахдай *Удалой*, разливались воды и были у Владиміра послы отъ Папы, отъ Королей Богемскаго и Венгерскаго; что въ 1001 году Александръ Поповичь и Янъ *Усмошвецъ*, убившій нѣкогда великана Печенѣжскаго, разогнали множество Печенѣговъ и привели въ Кіевъ Князя ихъ Родмана; что обрадованный Владиміръ далъ *свѣтлый* праздникъ народу и послалъ гостей сво-

ихъ (купцевъ) въ Римъ, Іерусалимъ, Египетъ, Вавилонъ, для наблюденія чужеземныхъ обычаевъ; что въ 1002 году родился Святославу сынъ *Янъ*, шли дожди и было *теченіе* звѣздамъ; въ 1003 году *умножились* всякіе плоды; въ 1004 Александръ Поповичь и Янь Усмошвецъ обратили въ бѣгство Печенѣговъ, осаждавшихъ Бѣлгородъ; было еще знаменіе въ солнцѣ, въ лунѣ и въ звѣздахъ; *Андриха Добрянкова* храбраго отравили слуги его, а Темира, Князя Печенѣжскаго, убили сродники. Въ тотъ же годъ, по сказанію сего Лѣтописца, Митрополитъ Леонтій заключилъ въ темницу инока Андреяна скопца, который *укорялъ* церковные законы, Епископовъ, Пресвитеровъ, Иноковъ; но виновный раскаялся и снова обратился на путь истины. Далѣе узнаемъ мы, что въ 1008 году Митрополитъ Іоаннъ построилъ въ Кіевѣ церковь каменную Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, а въ Переяславлѣ Воздвиженія Честнаго Креста; что въ томъ же году саранча опустошала поля, и Владиміръ простилъ славнаго разбойника Могута, который раскаялся, оказалъ великое смиреніе, и наконецъ, предвидѣвъ смерть свою, почилъ о Господѣ въ домѣ Митрополита. — Историки наши вѣрили симъ весьма нехитрымъ вымысламъ и включали ихъ въ свое повѣствованіе. Татищевъ прибавилъ еще, что въ 1006 году Волжскіе Болгары присылали многіе дары къ Великому Князю, требуя права торговать свободно во всѣхъ городахъ по Окѣ и Волгѣ; что Владиміръ далъ имъ *печати*, но велѣлъ торговать единственно въ городахъ, а не въ селахъ, — съ купцами, а не съ Дворянствомъ, не съ крестьянами, и проч.

(484) Histor. Reg. Septentr. T. I, Truggwasons Saga, гл. 96, стр. 317. Музы Скандинавскія воспѣли сію войну и жестокія битвы ея.

Стурлезонъ (I, 197) повѣствуетъ слѣдующее: „Когда „Астрида съ Олофомъ плыла на кораблѣ въ Россію, „морскіе разбойники взяли ихъ въ плѣнъ и разлучили.

„Сигурдъ, посланный Владиміромъ для собранія дани „въ Эстляндію, нашелъ тамъ своего племянника, вы-„купилъ его изъ неволи и привезъ въ столицу. Чрезъ „нѣсколько времени юный Олофъ встрѣтился съ однимъ „изъ разбойниковъ, взявшихъ на Бальтійскомъ морѣ „корабль Астридинъ, и разсѣкъ ему голову топоромъ. „Желая спасти племянника, Сигурдъ отвелъ его къ „супругѣ Владиміровой, *Арлогіи*, и просилъ ея защиты. „Княгиня вступилась за Принца и велѣла стражѣ разо-„гнать народъ, который искалъ убійцы; а мать Олофова „заплатила пеню родственникамъ убитаго. Никто изъ „чужестранныхъ Принцевъ, безъ особеннаго дозволенія „отъ Правительства, не могъ тогда жить въ Россіи: „Княгиня исходатайствовала сіе позволеніе для Олофъ, „и старалась довершить его воспитаніе наилучшимъ „образомъ. Онъ съ великимъ прилѣжаніемъ учился воин-„скому искуству и заслужилъ милость Владиміра, дав-„шаго ему начальство надъ своимъ пограничнымъ вой-„скомъ; но завистливые Бояре увѣрили Князя, что сей „чужеземецъ, любимый народомъ, можетъ быть опа-„сенъ, и юный Олофъ выѣхалъ изъ Россіи.“ — Далѣе Стурлезонъ (стр. 233) ссылаясь на какую-то Хронику подъ заглавіемъ Imago Mundi, расказываетъ, что Олофъ, „принявъ Вѣру Христіанскую, былъ вторично у Влади-„міра, ѣздилъ отъ него въ Грецію и привезъ къ нему „оттуда ученаго мужа, именемъ Павла, который съ „помощію Великой Княгини *Арлогіи* уговорилъ Влади-„міра и подданныхъ его креститься: что случилось въ „царствованіе Императора Оттона.“ Владиміръ жилъ дѣйствительно въ одно время съ Оттономъ III. Сію повѣсть Стурлезонову можно *отчасти* согласить и съ Несторовою, ежели подъ именемъ Павла будемъ разумѣть того Греческаго Философа, который, по извѣстію нашего Лѣтописца, изъяснялъ Владиміру Вѣру Христіанскую.

Кардиналъ Бароній повторяетъ въ своихъ *Церковныхъ Лѣтописяхъ* (Annal. Eccles. Т. XI, стр. 30 — 31) сказку о Римскомъ Св. Мученикѣ Бонифатіи, который будтобы въ началѣ XI вѣка крестилъ Россіянъ; но должно знать, что сей Мученикъ былъ не въ Россіи, а въ Пруссіи (см. Гарткнох. Alt-und Neues Preussen, стр. 456).

(485) Ежели откинуть слогъ *га*, *Альдейгабургъ* можетъ значить на Готѳскомъ языкѣ *старый Городъ*; но вѣроятнѣе, что сіе имя дано ему отъ Ладожскаго озера, которое называлось *Альдескъ*, *Альда* (Рудбек. Atlantica Т. I, стр. 659-660), *Альдагенъ* (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 244) и даже *Альдога* (см. *Географич. Лексик.* Миллеровъ подъ словомъ *Ладога*, и Шлец. Nord. Gesch. стр. 501). Рюрикъ, можетъ быть, основалъ городъ Ладогу, желая имѣть удобное сообщеніе съ единоземцами своими чрезъ Финскій заливъ, и назвалъ ее Альдейгабургомъ, т. е. *городомъ Альдогскимъ*; быть можетъ, что она построена еще и ранѣе Варягами, завоевателями сѣверныхъ областей Славянскихъ, хотя лѣтописи наши и не упоминаютъ объ ней до XII вѣка. Имя *Альдога*, отъ перестановки двухъ буквъ, обратилось въ Ладогу: такъ стали въ Россіи называть сей городъ, отбросивъ окончаніе *бургъ*. Извѣстно, что простой народъ говоритъ у насъ *Питеръ* вмѣсто Петербурга.—Миллеръ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Ладога была Альдейгабургомъ, который 1) по свидѣтельству всѣхъ Историковъ (какъ онъ пишетъ) принадлежалъ Россіи только въ позднѣйшія времена; 2) Невскіе пороги долженствовали препятствовать судоходству; 3) ежели Альдейгабургъ Ладога, то для чего же Скандинавскіе корабли тамъ останавливались и не доходили до Новагорода? (см. его *Рѣчь о происхожденіи народа Россійскаго*) . . . Но 1) какіе же Историки упоминаютъ о *древнемъ независимомъ* Альдейгабургѣ? Исландскіе басенники, которыхъ хронологію опредѣляетъ Торфей на угадъ. Первое достовѣрное свидѣтельство о бытіи сего города находится въ Стурлезоновой лѣтопи-

си и принадлежитъ ко временамъ Владиміра и Ярослава (Hist. Reg. Sept. T. I, стр. 318 и 516). Къ тому же Ладога могла быть въ началѣ и независимымъ городомъ, если она прежде Рюриковыхъ временъ построена Варягами, открывшими себѣ въ VIII или въ IX вѣкѣ путь въ Неву и Ладожское озеро. 2) Хотя стремленіе воды очень быстро въ Невскихъ порогахъ, но черезъ нихъ ходятъ самыя большія и грузныя суда (см. Озерецковскаго *Описаніе Ладожскаго озера*, стр. 34). 3) Датчане, Норвежцы и Шведы останавливались въ Ладогѣ для того, что пороги Волховскіе мѣшали имъ плыть вверхъ рѣкою до Новагорода.

(486) При Олегѣ Новгородъ платилъ 300 гривенъ Варягамъ (см. выше, стр. 125).

Владиміръ говоритъ: „*Теребите* пути, и мосты „мостите.“ *Теребить путь* значило *прокладывать дорогу*. Великій Князь хотѣлъ, кажется, устрашить сына такими приготовленіями. Впрочемъ и дороги сего времени не могли быть еще весьма удобны для походовъ войска. — Длугошъ, худо разумѣвъ Нестора, пишетъ (Hist. Polon. T. I, стр. 145), что Ярославъ взялъ Кіевъ и завладѣлъ сокровищами отца своего, который жилъ въ *городѣ* Берестовѣ (in castro Berestow); что оскорбленный Владиміръ собралъ войско, но занемогъ отъ горести, и велѣвъ Борису, сыну своему, итти противъ Ярослава, умеръ; что Ярославъ между тѣмъ призвалъ къ себѣ на помощь Варяговъ и *Печенѣговъ*, и проч. Стриковскій также говоритъ за Длугошемъ, что Ярославъ взялъ Кіевъ при жизни отца.

Татищевъ прибавляетъ, что не за-долго до Владиміровой кончины были у сего Князя послы отъ Болеслава, также Венгерскіе и Чешскіе; что Владиміръ обѣщалъ выдать большую дочь свою за Государя Чешскаго, а меньшую, любимую, за Венгерскаго, и хотѣлъ весною съѣхаться съ ними въ городѣ Владимірѣ. Но

Герцогъ Ульрикъ и Король Стефанъ уже имѣли тогда супругъ.

(487) „Умрежь на Берестовомъ, и потаиша й: бѣ „бо Святополкъ въ Кыевѣ.“ Соглашаемся съ Татищевымъ, что не Святополкъ, но придворные хотѣли утаить кончину Владимірову, боясь Святополкова властолюбія, и желая, чтобы Борисъ заступилъ мѣсто отца.

(488) Обстоятельство, что монументъ Владиміровъ стоялъ среди храма, подлѣ гробницы супруги его, взялъ я изъ Дитмара, современнаго Владиміру Лѣтописца, котораго единоземцы, приходившіе съ Болеславомъ *Храбрымъ* въ Кіевъ, собственными глазами видѣли сей памятникъ, разрушенный, какъ надобно думать, Татарами (см. Дитмар. Chron. въ концѣ VII книги). Митрополитъ Кіевскій (какъ сказываютъ), Петръ Могила, въ 1636 году осматривая окрестности Десятинной церкви, разоренной Батыемъ, увидѣлъ яму; велѣлъ глубже раскопать ее, нашелъ два гроба мраморные и по надписи узналъ, что въ нихъ лежали кости Владиміра и Царевны Анны. Онъ вынулъ голову Святаго Князя и положилъ ее въ Кіевопечерской церкви, гдѣ она и теперь хранится (см. *Историч. Описаніе Кіев. Лавры*, стр. 80). Но что же Петръ Могила сдѣлалъ съ гробницами? Опять зарылъ въ землю? гдѣ? Викарій нынѣшняго Митрополита Кіевскаго, будучи еще типографомъ, внесъ сіе извѣстіе въ описаніе Лавры *изъ тетрадки покойнаго Архимандрита Зосимы*, который записывалъ въ ней разныя достопамятности. Я не могъ узнать ничего болѣе, кромѣ слѣдующаго: „Въ правленіе Епархіею „Кіевскою Митрополита Арсенія Могилянскаго, ста„рица Кіево-Фроловскаго Монастыря, Княгиня Некта„рія Борисовна Долгорукова (супруга знаменитаго не„щастливца, казненнаго въ царствованіе Анны Іоаннов„ны), получивъ благословеніе сего Архипастыря, возоб„новила древніе остатки Десятинной церкви. Задѣлы-

„вая трещину въ стѣнѣ олтаря, и копая землю, камен„щики отрыли двѣ мраморныя доски, подобныя той, „которою покрыта Ярославова гробница въ Софійскомъ „храмѣ. Тогдашній Священникъ сей церкви не сказалъ „ничего Митрополиту, и любопытный памятникъ былъ „опять засыпанъ землею, а слова Греческія, изображен„ныя на внѣшней стѣнѣ между большими, круглыми, „муравлеными украшеніями, представляющими опояса„ніе ветхой церкви, сбиты работниками для бѣленія. „Все сказанное слышалъ я отъ жившей тогда въ семъ „приходѣ госпожи Хитровой, родственницы помянутой „Долгоруковой“ — говоритъ достойный Протоіерей Іоаннъ Леванда, ученый любитель нашихъ древностей, въ письмѣ къ Н. Н. Бантышу-Каменскому, отвѣтствуя на мои вопросы.

Въ харатейныхъ спискахъ Нестора мраморная рака Владимірова названа *корстою*: „и вложиша й въ *корьсту* мраморяну.“— Дитмаръ называетъ Десятинную церковь храмомъ Св. Климента: тамъ лежали мощи сего Папы (см. въ *Мин. Чет.* житіе Владиміра) и могъ быть придѣлъ ему посвященный.

(489) Historia Saracenica, стр. 251.

(490) Дитмаръ, согласно съ Несторомъ описывая его чрезмѣрное любострастіе, говоритъ, что Владиміръ богатою милостынею хотѣлъ загладить грѣхи свои.

(491) См. *Никон. Лѣт.* Мощи Ильи Муромца, извѣстнаго намъ только по сказкамъ, хранятся въ пещерахъ Кіевскихъ.

(492) Дитмаръ говоритъ (въ концѣ VII книги), что Владиміръ неумѣренностію въ любострастіи вредилъ своему здоровью, *отъ природы слабому*, но умеръ въ старости, имѣвъ время насытиться жизнію. Древній Лѣтописецъ нашъ не означаетъ лѣтъ сего Князя: новѣйшіе, по одному вѣроятному соображенію, говорятъ, что онъ скончался на 63 году отъ рожденія.

(493) Вся Ливонія, какъ мы уже говорили, платила дань Владиміру; онъ завоевалъ землю Ятвяговъ (гдѣ нынѣ Бѣлый Стокъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ) и города Червенскіе или Галицію. Литовцы, жившіе за Двиною, оставались еще независимы до временъ Ярослава Великаго. По Игореву заключенному съ Греками трактату устье Днѣпра находилось внѣ Россіи. Вѣроятно, что владѣнія наши простирались единственно до пороговъ: ибо Владиміръ, боясь, чтобы идолопоклонники Россіяне не вытащили брошеннаго въ Днѣпръ Перуна, велѣлъ своей дружинѣ итти за нимъ только до сего мѣста. Мстиславъ, сынъ Владиміровъ, господствовалъ въ Воспорскомъ Тмутороканѣ. Съ княженія Ярослава Великаго лѣтописи наши говорятъ о частыхъ войнахъ Новогородцевъ *съ сосѣдственными* Финляндцами или Емью. Если вѣрить одному Руническому памятнику, то Россія уже при Владимірѣ граничила въ Лапландіи съ Норвегіею (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 61). Не льзя съ точностію опредѣлить, какъ далеко въ сіе время простиралась область Мери, или Ростовская, на Сѣверъ и Востокъ, но безъ сомнѣнія не далѣе нынѣшней Ярославской и Костромской Губерніи. Столь же не ясны древнія границы Россійскія по теченію Дона: увидимъ въ Исторіи XII вѣка, что Княженіе Рязанское, бывшее Удѣломъ Черниговскаго, заключало въ себѣ и часть нынѣшней Воронежской Губерніи; далѣе къ Югу скитались Азіатскія Орды: Печенѣги, Половцы.

О Хвалисахъ говоритъ Несторъ (въ печатн. стр. 145): *Хвалисы и Болгаре суть отъ дщереи Лотовыхъ* (слѣдственно единоплеменники). Онъ сказываетъ (стр. 7), что въ его время можно было итти Волгою въ Болгары, *Хвалисы* и въ часть Симову, т. е. по Несторовой Космографіи въ Персію, Бактрію, Индію. — Древніе Россіяне называли Хвалисами, а Греки Хоалитами (Memor. popul. III, 52, и Дегина Hist. des Huns. кн. V, стр. 589) Канглей, обитавшихъ и въ XIII вѣкѣ, по ма-

вѣстію Карпина и Рубруквиса, на сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ Казанскими Болгарами (см. въ Бержероновомъ изданіи Voyage de Rubruquis стр. 46, 47). Сіи Кангли хвалились, что они происходятъ отъ древнихъ Римлянъ; но Абульгази Ханъ причисляетъ ихъ къ Татарамъ, увѣряя, что родоначальникъ *Канглей* названъ такъ отъ *изобрѣтенія* телегъ (Hist. des Tatars, стр. 41 и 85) и сказывая, что они жили нѣкогда около Туркестана. Киннамъ упоминаетъ о *Халисіяхъ*, людяхъ Магометанской Вѣры, обитавшихъ въ Венгріи около половины XII вѣка (Memor. popul. III, 676) и, вѣроятно, пришедшихъ туда или съ Печенѣгами, или съ Команами. Тунманъ и Гаттереръ считали Уральскихъ и Волжскихъ Канглей остаткомъ Печенѣговъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія въ ихъ народномъ сродствѣ. — Послѣ Россіяне называли Хвалисами Татаръ Каспійскихъ. Такъ сказано въ лѣтописи Келаря Аврамія (стр. 16), что Годуновъ искалъ невѣсты для сына своего въ *Татарскихъ царствахъ*, въ *Хвалисахъ*. Памятникомъ сего древняго имени остался нынѣшній городъ Саратовской Губерніи, Хвалынскъ.

(494) См. выше, стр. 136 и 155.

(495) См. выше, стр. 226. Древній *Новгород. Лѣт.* обыкновенно пишетъ *Вѣче*, а не *Вече*, ибо оно въ корнѣ своемъ имѣетъ связь съ глаголами *вѣдать*, *вѣщать*. Въ старину вмѣсто *вѣщать* говорили *вѣчать*: такъ въ *Новогород. Лѣт.* (стр. 66) сказано: „*увѣчаста*, яко не воевати,“ и проч. Народныя собранія Англо-Саксоновъ именовались Wittenagemot, то есть: „собраніе *знающихъ* „людей,“ отъ слова weet; *вѣдать* (см. Далин. Gesch. des Schw. R. T. I, стр. 151, и въ Юмовой *Англ. Исторіи* Т. II, статью Wittenagemot). Въ Польшѣ Дворянскій судъ въ дѣлахъ вотчинныхъ назывался Wieca. — Увидимъ *Вѣча* въ Кіевѣ, Новѣгородѣ, Владимірѣ и многихъ другихъ городахъ.

(496) Въ печатн. *Несторѣ* стр. 63: „*имаше же и за убьенья, глаголя, яко родъ его возметь.*

(497) Въ печатн. *Несторѣ* стр. 67.

(498) См. выше, стр. 136, или въ *Несторѣ* стр. 25: „по „тѣмь бо городомъ сидяху *Князи, подъ Ольгомъ суще.*“

(499) *Несторъ,* стр. 186: „воздвигни *отчину* ея.“

(500) Слѣдующее мѣсто доказываетъ, что Посадники были Намѣстники: „пріиде Володимеръ къ Новугороду, „и рече къ *Посадникомъ* Ярополчимъ: идите къ брату „моему,“ и проч. (см. печатн. *Нестора*, стр. 67).

(501) Въ *Нест.* стр. 89: „Бѣ бо Володимеръ любя „дружину и съ ними думая о устрои земнѣмъ, и о ра„ботѣхъ и о уставѣ земнѣмъ.“ Тамъ же см. стр. 88 и 90.

(502) См. выше, стр. 79.

(503) См. Стирнг. de jure Sveonum et Gothorum antiquo; также Jut. Lawbook въ Dissertation sur les anciens Russes, стр. 51. — Haeredibus occisi vindictum jura concesserunt: Стирнг. стр. 349. — Leges Suetiae furem etiam diurnum, si aliter capi non possit, occidere permittunt: Стирнг. стр. 351. Для сравненія см. выше, въ договорѣ Олегов. статью IV, V, и въ Игорев. статью XII.

(504) См. выше, стр. 139.

(505) См. выше, примѣчан. 97. Саксонъ Грамматикъ увѣряетъ, что Датскій Король Фротонъ обнародовалъ, за нѣсколько вѣковъ до введенія Христіанства въ Скандинавіи, законы воинскіе и гражданскіе (см. Маллет. Histoire de Dannemarc, T. I, гл. 8). Сіи краткіе уставы или правила, по словамъ Далина, были вырѣзываемы на деревѣ (Gesch. des Schw. R. T. I, стр. 151). Хотя Саксонъ не можетъ быть надежнымъ порукою истины, и Далинъ говоритъ единственно по догадкѣ; но вѣроятно ли, чтобы древніе Скандинавы, исписывая Рунами гробы и камни, не употребляли ихъ для начертанія законовъ, которые служатъ основаніемъ гражданскихъ обществъ?

(506) Впрочемъ подложный Уставъ Владиміровъ достоинъ замѣчанія своею древностію; онъ сочиненъ не позже XIII вѣка: ибо харатейный, найденный мною въ Синодальной библіотекѣ (въ Кормчей Книгѣ, No. 82) писанъ въ княженіе Димитрія Александровича Новогородскаго, слѣдственно около 1280 году. Напечатанный въ *Древней Вивліоѳикѣ* есть испорченный и новыми умниками дополненный списокъ. Вотъ древній, отъ слова до слова:

Уставъ Св. Князя Володиміра, крестившаго Русьскую землю, о церковныхъ судѣхъ.

„Въ имя Отца и Сына и Св. Духа. Се язъ Князь „Василій, нарицаемый Володимиръ, сынъ Святославль, „внукъ Игоревъ и блаженныя Княгины Олгы, всприялъ „есмь святое крещеніе отъ Грецьскаго Царя и отъ „*Фотія* Патріарха Царегородьского; взялъ перьваго „Митрополита Леона Киеву, иже крьсти всю землю „Русьскую святымъ крещеньемъ. Потомъ же лѣтомъ „многымъ минувшемъ, создахъ церковь Св. Богородица „Десятинъную, и дахъ ей десятину по всей земли „Русьстѣй изъ Княженія въ Сборную церковь, отъ всего „Княжа суда десятую векшю, а изъ торгу десятую „недѣлю, а изъ домовъ на всяко лѣто отъ всякого стада „и отъ всякого жита чудному Спасу и чуднѣй его „матери. — Потомъ, разверзше Грецьскый Номоканонъ, „и обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ „и тяжь Князю судити, ни Бояромъ его, ни Судьямъ, „и язъ, сгадавъ съ своею Княгинею съ Анною и съ своими дѣтми, далъ есмь ты суды церквамъ, Митрополиту и всѣмъ Пискупіямъ по Русьской земли. А по „семь не надобѣ вступатися ни дѣтемъ моимъ, ни „внучатомъ, ни всему роду моему до вѣка, ни въ люди „церковные, ни во всѣ суды ихъ. То все далъ есмь по „всѣмъ городомъ и по погостамъ и по свободамъ" (слободамъ) „гдѣ нь" (нынѣ) „суть Хрстіяне, и своимъ „Тіуномъ" (чиновникамъ, судіямъ) „приказываю цер-

„ковнаго суда не обидѣти, ни судити безъ Владычня „Намѣстника. А се церковніи суды: *роспустъ* (разводъ), „*смилное*" (брачное), „*заставанье*" (въ прелюбодѣяніи и блудѣ) „*пошибанье*" (драка) „промежи мужемъ и „женою о животѣ, *умычка*" (похищеніе дѣвицы или жены) „въ племени или въ сватьствѣ поимуться, „*вѣтьство*" (волшебство) „зеліинчьство" (отрава) „*потвори*" (колдовство) „чародѣянія, волхвованія, уре-„канія *три*: бляднею и зельи и еретичьствомъ, *зубо-*„*ѣжа*" (укушеніе) „или сынъ отца бьетъ, или матерь, „или дчи" (дочь) „или снха" (сноха) „свекровь, братья „или дѣти *тяжють* о *задницю*" (имѣютъ тяжбу о наслѣдствѣ), „церковная татба, мертвецы сволочать" (раздѣнутъ), „крестъ посекутъ, или на стѣнахъ рѣ-„жють" (въ церкви) — „скотъ или псы или *потки*" (*птицы*: такъ сказано въ одной Синодальн. лѣтописи, No. 347, л. 326, при описаніи тумана: „*потки не видяху*, „камо *летѣти*) „безъ великы нужи введеть" (въ церковь) „или ино что неподобно церкви подѣеть, „или два друга имѣтася бити" (въ дракѣ) „единаго „жена имѣть за *лоно* другаго и роздавить, или кого „застанутъ съ четвероножиною, или кто молиться „подъ овиномъ, или въ рощеньи" (въ рощѣ) „или у воды, „или дѣвка дѣтя повържеть (повержетъ), тѣ всѣ „суды церкви даны суть. Князю и Бояромъ и судьямъ „ихъ въ ты суды не лзѣ вступатися: то все далъ есмь „по првыхъ Царевъ уряженью и по Вселеньскыхъ свя-„тыхъ семи Зборовъ" (соборовъ) „великыхъ Святитель. „Аже кто преобидитъ нашъ уставъ, таковымъ непро-„щенымъ быти отъ закона Божія, и горе собѣ наслѣ-„дують. А своимъ Тіуномъ приказываю суда церковнаго „не обидѣти и съ суда давати 9 части Князю, а деся-„тая Святѣй Церкви. А кто пообидитъ судъ церков-„ный, платити ему собою; а передъ Богомъ тому же „отвѣчати на страшнѣмь судѣ, передъ тмами Ангелъ, „идѣже когождо дѣла не скрыютсь, благая или злая,

„идѣже не поможетъ никто же кому, но токмо правда „избавитъ отъ вторыя смерти, отъ вѣчныя муки, отъ „*хрещенія не спасенаго*, отъ огня негасимаго. Господь „рече: въ день местъ вздамь сдержащимъ неправду; въ „разумѣ тѣхъ огнь не угаснетъ и червь ихъ не умретъ. „Створшимъ же благая въ жизнь и въ радость неизре- „ченную, а створшимъ злая въ вскрешенье суда, имь „же рече неизмолимъ судъ обрѣсти.

„Се же искони уставлено есть и поручено святымъ „Пискупьямъ: городские и торговые всякая мѣрила и „спуды и свѣсы и *ставила*“ (думаю, гири) — „отъ „Бога тако искони уставлено. Пискупу блюсти безъ „пакости, ни умалити, ни умножити; за все то дати „ему слово въ день суда великаго, яко же и о душахъ „человѣческихъ. — А се церковные люди: Игуменъ, Попъ, „Дьяконъ, дѣти ихъ, Попадія, и кто въ Клиросѣ; „Игуменья, Чернецъ, Черница, Проскурница“ (просвирница) „*паломникъ*“ (странникъ: см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 167) — „Лечецъ“ (лекарь) „*прощеникъ*“ — кто въ святомъ мѣстѣ чудеснымъ образомъ выздоровѣлъ: см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 373, годъ 1348 — „*задушьный* человѣкъ“ — рабъ освобожденный господиномъ для спасенія души, какъ толкуетъ Герберштеинъ въ Rer. Mosc. Comment. стр. 33 — „сторо- „никъ“ (чужеземецъ), слѣпець, хромець, манастыреве, „болницы, гостинницы, странопріимници: то люди „церковные, *богадѣльные*“ (отъ словъ: *Бога дѣля* или *Бога ради*). „Митрополитъ или Пискупъ вѣдаетъ межи „ими судъ, или обида, или котора, или вражда, или „задница“ (споръ о наслѣдствѣ). „Аже будетъ иному „человѣку съ тымъ человѣкомъ рѣчь, то обчи“ (общій) „судъ.

„Кто переступитъ си правила, яко же есмы упра- „вили по Святыхъ Отецъ правиломъ и по първыхъ „Царевъ управленью, кто имѣтъ переступити пра- „вила си, или дѣти мои, или правнучата, или въ

„которомъ городѣ Намѣстникъ, или Тіунъ, или судья, „а пообидять судъ церковный, или кто иный, да будуть прокляти въ сій вѣкъ и въ будущій семію Зборовъ Святыхъ Отецъ Вселеньскыхъ."

Къ счастію истины и нашему, Авторъ не зналъ хронологіи Византійской: иначе древность слога могла бы обмануть самыхъ знатоковъ, и мы приписали бы тогда Владиміру сочиненіе какого нибудь Монаха. — Еще одно замѣчаніе: въ семъ уставѣ сказано, что тяжбы дѣтей и братьевъ о наслѣдствѣ подсудны единственно Духовенству; но Ярославовъ доказываетъ противное: тамъ именно (въ новомъ изданіи стр. 93) написано, что ихъ судитъ Князь чрезъ своихъ Отроковъ.

(507) Выраженіе, употребляемое въ нашей древней лѣтописи: *ставить стягъ* (въ печатн. *Нест.* стр. 173) значило *строиться*. — О *трубахъ воинскихъ* см. выше стр. 174. —Претичь говоритъ Князю Печенѣжскому, что онъ пришелъ въ *сторожехъ* (см. въ печатн. *Нест.* стр. 58).—Несторъ сказываетъ, что Славяне Русскіе издревле употребляли мечи *обоюду острые* (въ печатн. стр. 15). О копьяхъ и стрѣлахъ см. въ печатн. *Нест.* стр. 49 и 58. —Печенѣги напрасно осаждали Кіевъ и Бѣлгородъ (въ печатн. *Нест.* стр. 57 и 90).—Святославъ взялъ Козарскую Бѣлую Вежу, Переяславецъ и другіе укрѣпленные города въ Болгаріи. Владиміръ присыпалъ землю къ стѣнамъ Херсонскимъ, и подъ Кіевомъ окопался въ станѣ (см. выше, стр. 197).

(508) Memor. popul. II, 986.—Греки сего времени называютъ Русскіе корабли *Ρȣσικα καραβια* (см. Конст. Багрян. de Cerim. кн. II, гл. 44). Корабль и *καραβος* есть одно имя: Греки заимствовали его, кажется, отъ Славянъ. Оно имѣетъ связь съ глаголомъ *коробить* и *коробомъ*.—О легкости Русскихъ военныхъ судовъ говоритъ Ліутпрандъ (Historia et legatio etc. книг. V, гл. 6).—Константинъ Багрянородный пишетъ, что на семи Русскихъ корабляхъ, присланныхъ въ помощь Грекамъ, нахо-

дилось 415 человѣкъ (de Cerim. кн. II, гл. 44, въ Memor. popul. II, 972); въ Олеговомъ флотѣ на всякомъ кораблѣ было 40 воиновъ; для каждаго паруса выходило 30 локтей (ulnarum) полотна (Memor. popul. II, 974). — О строеніи Русскихъ судовъ см. ниже.

(509) Выше, стр. 224.

(510) См. выше, Славянское имя *отрокъ* подобно Латинскому adolescentulus, означало и юношу или вообще молодаго человѣка. Обычай Князей Россійскихъ имѣть дружину многочисленную вокругъ себя есть древній Германскій, описанный Тацитомъ: „Благородные „юноши" (*говоритъ сей Историкъ*) „*не стыдятся быть* „въ дружинѣ Князя великодушнаго. Они стараются превзойти другъ друга заслугами: онъ старается имѣть „ихъ какъ можно болѣе числомъ и знаменитѣе мужествомъ; ими побѣждаетъ на войнѣ, ими славится въ „мирное время . . . Князю стыдъ и безчестіе уступить „дружинѣ въ храбрости: дружинѣ стыдъ и безчестіе не „равняться храбростію съ Княземъ . . . . Беречь, спасать его жизнь, уступать ему даже славу свою, есть „главная обязанность дружины. Князь сражается для „побѣды: дружина единственно для Князя" (de situ, morib. et pop. Germaniae, гл. XIII и XIV). Сихъ отборныхъ воиновъ Тацитъ называетъ Comites.

Мы различаемъ Отроковъ Княжескихъ и Бояръ дружины, основываясь на лѣтописи Несторовой и законахъ Ярославовыхъ. 1) Владиміръ безъ сомнѣнія не съ Отроками совѣтовался о дѣлахъ государственныхъ; 2) въ Русской Правдѣ (нов. изд. стр. 1 и 22) опредѣляется за голову *мужа Княжа*, или Боярина, 80 гривенъ пени, а за голову Княжескаго Отрока 40 гривенъ.—*Отрокъ* или *Дѣтскій* былъ знатнѣе Гридня или Мечника: ибо первому за трудъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ слѣдственныхъ давали полгривны награжденія, а второму только 5 *кунъ* (см. въ печатн. *Рус. Правдѣ* стр. 81).

(511) По крайней мѣрѣ лѣтопись упоминаетъ только о жалованьѣ Варягамъ и Гриднямъ (см. выше).

(512) См. Константин. Багрян. въ Бандури Т. I, гл. VI, стр. 57, и Баерово изъясненіе описанныхъ Константиномъ товаровъ въ Geograph. Russiae ex Script. Sept. въ Комментар. Академіи, Т. X, стр. 410.—Олегъ привезъ плоды изъ Царяграда (см. выше).

(513) Memor. popul. II, 982.—См. о *Лучанахъ* выше. —Гиббонъ, въ History of the decline of the R. E гл. LV, говоритъ о древнихъ Русск. лодкахъ такъ, какъ могъ бы говорить очевидецъ. „Дно ихъ" (пишетъ онъ) состояло „изъ *одной* выдолбленной липы или ивы (beech or willow), къ которой прибивались разныя доски въ вышину на 12, а въ длину на 60 футовъ. Онѣ были безъ „палубы, съ двумя рулями и съ мачтою. Въ нихъ садилось обыкновенно отъ 40 до 70 человѣкъ, съ оружіемъ и „съ запасомъ какъ соленой рыбы, такъ и прѣсной воды." Надобно знать, что Гиббонъ взялъ сіи подробности изъ Description de l' Ucranie par le Sieur de Beauplan (Rouen 1660, стр. 55); но Бопланъ описываетъ Козачьи лодки XVII вѣка, а не Олеговы, не Игоревы, которыя могли быть совсѣмъ иначе построены.—Константинъ называетъ Витичевъ Βιτετζεβη. Ученый Баеръ, худо зная нашу древнюю Географію, обратилъ (Комментар. Ак. X, 408) сіе имя въ Витебскъ; но городъ Витичевъ стоялъ на берегу Днѣпра ниже Кіева и Триполя (см. *Большій Чертежъ* стр. 145). —О Неясытскомъ порогѣ см. *Записки Г. Зуева*, стр. 254, также *Большой Чертежъ*, стр. 157, гдѣ описаны 14 пороговъ Днѣпровскихъ: Константинъ же говоритъ только о *семи*.—Мы не хотѣли здѣсь повторить тѣхъ Константиновыхъ извѣстій, которыя сообщены выше, въ описаніи Олегова похода.

(514) Memor. popul. II, 987. Сіе извѣстіе кажется сомнительнымъ. Гиббонъ думаетъ, что вмѣсто Συρια надобно читать Συανια: страна Кавказская, описанная Пли-

ніемъ, и въ XI вѣкѣ еще извѣстная подъ симъ именемъ (Memor. popul. IV, 231).

(515) Въ печат. *Несторѣ* стр. 7. Тамъ о судоходствѣ древнихъ Россіянъ вообще сказано слѣдующее:

„Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣ„пру и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловоти; по Ловоти „внити въ Ильмерь озеро великое, изъ него же озера по„течеть Волховъ, втечеть въ озеро великое Ново“ (Нево, Ладожское); того озера внидеть устье въ море Ва„ряжское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима „прити по тому же морю ко Царюгороду; а отъ Царя„города прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ „рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковскаго“ (Волоковскаго, Волковскаго) „лѣса и потечеть на полдни, а Двина изъ „того же лѣса потечеть, а идеть на полунощье, и вни„деть въ море Варяжское. Изъ того же лѣса потече Вол„га на Въстокъ и втечеть семьюдесять жерелы въ море „Хвалиское.“ Двина и Волга дѣйствительно имѣютъ начало свое не далеко одна отъ другой въ Тверской Губерніи: первая вытекаетъ изъ озера Охвата, а вторая изъ озера Пена (въ Осташковскомъ Уѣздѣ); но верховье Днѣпра находится въ Смоленской Губерніи, между Бѣлымъ и Сычовкою. Впрочемъ Несторъ конечно не ошибся, и видно, что въ его время лѣса Смоленской и Тверской Губерніи, которыми окружены истоки сихъ рѣкъ, назывались однимъ именемъ. Далѣе: „тѣмъ же“ (также) „изъ Руси можеть ити по Волзѣ въ Болгары и въ Хва„лисы на Вестокъ дойти въ жребій Симовъ, а по Двинѣ „въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени „Хамова“ (Египта, Еѳіопіи)—„а Днѣпръ течеть въ Понт„ское море треми жерелы, еже море словеть Русьское.“

(516) Memor. popul. II, 980, и The oriental Geography of Ebn-Haukal, стр. 191. Вотъ что онъ говоритъ о Россіи: „Близъ Козаріи, на берегахъ Ателя (Волги), есть народъ „Бершасъ; но земля сихъ людей называется вообще и Ко„зарскою, Русскою (Rus) или Серирь . . . Руси три по-

„колѣнія: одно близъ Болгаріи; Царь его живетъ въ го-„родѣ *Гунабѣ*, который обширнѣе столицы Болгарской. „Другое поколѣніе называется *Артанами* или *Артаями*: „Царь его живетъ въ *Артѣ*; а третіе поколѣніе, име-„немъ *Дшелабе*, обитаетъ выше. Но для торговли ни-„кто не ѣздитъ далѣе Болгарской столицы; никто не „ѣздитъ до Арты, ибо жители убиваютъ всякаго ино-„земца. Арта производитъ свинецъ и олово (?), и звѣря „называемаго черною куницею или Скиѳскимъ соболемъ. „Русскіе жгутъ мертвыхъ и не брѣютъ бородъ.“ Сіе извѣстіе любопытно; но имена поколѣній и городовъ непонятны.

(517) См. Стурлез. Hist. Regum Sept. T. I, стр. 449, и Торфеев. Hist. Norvegiae, T. II, стр. 68, о торговлѣ Новогородской. — Олегъ назвался купцемъ, ѣдущимъ изъ Новагорода въ Грецію (см. выше, или въ печатн. *Несторѣ* стр. 18). — О Виннетѣ см. Адам. Hist. Eccles. стр. 19, и Гельм. Chron. Slav. стр. 4. Адамъ называетъ Россію Греціею: см. ниже, примѣч. 522). Гельмольдъ повторяетъ его слова. — О зависимости Ливоніи или Эстляндіи отъ Владиміра см. выше, стр. 203; о тамошней ярмонкѣ въ Стурл. T. I, стр. 274; о богатствѣ Россіи въ Баер. Geogr. Russ. ex Script. Sept. Комментар. Акад. X, 411, и въ Гельмольд. Chron. стр. 3.

(518) О торговлѣ Государей Скандинавскихъ см. Стурл. Hist. Reg. Sept. I, 618. — Олегъ бралъ дань съ Древлянъ *черными куницами* (въ печатн. *Нест.* стр. 19). Сіи же Древляне предложили въ дань Ольгѣ *медъ* и *скору* или шкуры (въ печатн. *Нест.* стр. 50). О Радимичахъ сказываетъ Несторъ (стр. 72), что они платятъ дань Руси и *повозъ везутъ*. Сочинители *Россійскаго Словаря* дали сему изрѣченію иной смыслъ, говоря, что оно значитъ *отправлять гоньбу*. Обязанность содержать почту—ежели бы она и дѣйствительно была при Владимірѣ — не такъ важна, чтобъ означать ею подданство людей.

(519) Баер. Geogr. Russ. Въ Комменш. Академіи, Т. X, спр. 406.

(520) См. выше, спр. 150.

(521) Memor. popul. III, 986. См. шакже выше, спр. 241, о шоварахъ, которые шли изъ Греціи въ Хазарію, Печенѣжскую землю и Россію. Консшаншинъ въ числѣ сихъ шоваровъ именуепъ *πραυδια*, родъ повязокъ и поясовъ (см. Баера, въ Коммент. Акад. X, 410). Сафьяны обыкновенно употреблялись тогда на обувь (см. выше, примѣч. 400).

(522) См. Дишм. Chronic. въ Лейбниц. изданіи, спр. 426: in magna hac civitate (т. е. въ Кіевѣ) quae istius regni caput est, plusquam quadringenta habentur ecclesiae, et mercatus VIII. Такъ называемый Саксонскій Лѣшописецъ, Annalista Saxo, повторилъ Дишмарово сказаніе о Кіевѣ, но говоришъ только о 300 церквахъ (см. Eccard. Corp. Histor. medii aevi, T. I, годъ 1018). Адамъ Брем. въ Hist. Eccles. кн. II, гл. 13: Ostragard Rusziae; cujus metropolis civitas est Chive (Кіевъ), aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae (Россіи).

(523) Описавъ прибытіе Древлянскихъ пословъ въ Кіевъ (см. выше, спр. 160) Несторъ говоришъ по харатейнымъ спискамъ: „бѣ бо *тогда вода текуще* въ „*здолѣ*" (а не *возлѣ*) „*горы Кіевскія*, а на Подольѣ не „сѣдяху лудье, но на горѣ. Градъ же бѣ Кыевъ, идѣже „есть нынѣ дворъ Гардяшинъ и Нифовъ" (не *Никифоровъ*); „а дворъ Княжь бяше въ городѣ, идѣже есть" (см. *Воскресен. Лѣт.*) „Дворъ Воротиславль и Чюдинъ; „а Перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града другый „дворъ, идѣже есть дворъ Демесшиковъ за Св. Богородицею надъ горою, дворъ теремны: бѣ бо ту теремъ каменъ." И такъ начало Подола должно отнести къ XI вѣку, въ которомъ жилъ Несторъ: тогда Днѣпръ удалился своимъ теченіемъ отъ горы Кіевской.

Въ Memor. popul. II, 982: Nemogarda (Новгородъ), ubi Sphendosthlabus, Ingor Russiae principis filius, habitabat.

Шлецеръ забылъ сіе мѣсто, говоря, что никто изъ Византійскихъ Историковъ не именуетъ *Игоря*.

(524) Имя *мордки* происходитъ отъ *морды* животнаго. Въ *Древнемъ Лѣтописцѣ* (Т. II, стр. 406), въ *Никон.* (*V*, 42), и въ другихъ именно сказано, что сіи деньги, или куньи мордки, ходили въ Новѣгородѣ до самаго XV вѣка. Въ Уставѣ Новогородскаго Князя Святослава Ольговича, изданномъ въ 1137 году, написано: „емлеть „Пискупъ за десятину" (вмѣсто десятины) „отъ виръ „и продажъ 100 гривенъ *новыхъ* кунъ, иже выдаваетъ „Домажиричь" (см. харатейную *Кормчую Книгу* временъ Князя Димитрія, сына Александра Невскаго, въ Синодальной библіотекѣ подъ No. 82): слѣдственно Казна отъ времени до времени выпускала новую кожаную монету, т. е. съ новымъ клеймомъ. — Герберштейнъ, который былъ въ Москвѣ при Василіи Іоанновичѣ, въ началѣ XVI вѣка, также пишетъ, что древніе Россіяне употребляли, вмѣсто денегъ, мордки и уши бѣлокъ и другихъ животныхъ: ante monetam proboscide et auriculis aspreolorum, aliorumque animalium utebantur (Rer. Moscov. Comment. стр. 42). Гваньини, современникъ Царя Іоанна Василіевича, говоритъ о цѣлыхъ шкурахъ: ante usum vero monetae aspreolorum aliorumque animalium pellibus utebantur (Rer. Moscov. Auctores varii, стр. 158). Въ Польшѣ до исхода XIII вѣка ходили деньги кожаныя. Мѣховскій пишетъ: sub regimine huius Regis Bohemiae (Вѣнцеслава) grossi Bohemici et denarii argentei in Poloniam inducti sunt; prius siquidem argento nigro (олово?) et pelliculis capitum aut extremitatum asperiolorum utebantur Poloni (Hist. Polon. кн. IV гл. 4 годъ 1298); а Стриковскій (*Хроник. Литов.* кн. X, гл. 4) по старому Русскому переводу: „Предъ тѣмъ частками „сѣченаго злата и сребра, таже кожицами куньими, бѣль„ими, лисьими и прочаго звѣря товарами противу раз„ныхъ замѣнъ, Поляки, Русь, Литва и Мазуры обыкли „бяху купли своя совершати." По сказанію Нейштета,

Автора Хроники Ливонской XVI столѣтія, монета Ливонцевъ во XII вѣкѣ состояла въ бѣльихъ ушкахъ съ серебряными гвоздиками. — Наконецъ самое важнѣйшее свидѣтельство о нашихъ древнихъ кожаныхъ деньгахъ есть извѣстіе Монаха Рубруквиса, бывшаго въ Россіи около 1253 года: „pour les Russiens, la monnoie qui a cours entr' eux, est de petites pièces de cuir, marquetées de couleurs (см. въ Бержеронъ Voyages, T. I, Voyage de Rubruquis, стр. 91).

Въ Дѣвичьемъ Александровскомъ монастырѣ, въ Владимірской Губерніи, еще недавно хранились въ боченкѣ, вмѣстѣ съ другими старинными вещами, многіе кожанные лоскутки, внесенные въ опись монастырскую подъ именемъ *кожаныхъ денегъ*: я съ любопытствомъ разсматривалъ оные. Нѣкоторые такой величины [ ] другіе менѣе; на первыхъ изображенъ крючекъ, на вторыхъ звѣздочка. На одномъ выпечатано слово *Кедма*: такъ именована въ *Большомъ Чертежѣ* рѣка впадающая въ Сѣверную Двину, не далеко отъ нынѣшняго Архангельска (слѣдственно въ древней Новогородской области). Сіи лоскутки — безполезные, кажется, для всякаго инаго употребленія — дѣйствительно могли быть мелкими кожаными монетами: но какихъ временъ? У насъ есть преданіе, что и Царь Іоаннъ Василіевичь, имѣя нужду въ деньгахъ, хотѣлъ-было снова ввести кожаныя, но скоро отмѣнилъ ихъ. Въ Воронежскомъ Цейгаузѣ дѣйствительно хранились — думаю, хранятся и нынѣ — нѣкоторыя изъ сихъ монетъ: на одной сторонѣ оныхъ изображенъ Св. Георгій, а на другой слова: *Царь и Великій Князь Иванъ* (см. Шереръ. Nestors Jahrbücher стр. 58).

(525) Византійскія золотыя монеты, *Номисмы* или *Солиды*, имѣли вѣсъ нашихъ золотниковъ (см. сочиненіе Г. Круга, Münzkunde Russlands, книжка 1, стр. 134), которыхъ имя произошло отъ *золоти*, т. е. отъ сихъ Греческихъ золотыхъ монетъ.

(526) См. выше, стр. 128. Шлецеръ не вѣритъ, чтобы Радимичи имѣли монету; но Козары имѣли оную, и вѣка два господствуя надъ симъ краемъ, могли ввести тамъ металлы въ употребленіе. Подъ древнимъ Славянскимъ именемъ *щляга* надобно разумѣть мелкія *серебряныя* деньги: мѣдныя едва ли ходили тогда въ Россіи. Новогородцы не ранѣе XV вѣка начали употреблять Шведскіе *ортуги* (см. *Лѣтоп. Новог.* Попа Іоанна, стр. 682). — Въ XIV вѣкѣ, когда Новгородъ довольствовался еще лоскутками кожаными, въ Москвѣ уже обращались Русскія серебряныя деньги. ибо мы имѣемъ монеты Димитрія Донскаго.

(527) *Издатели Ярославовыхъ* законовъ сказываютъ, что *гривна серебра* въ Ярославово время содержала въ себѣ 2 *гривны кунами*, а въ Мономахово семь съ половиною. Но гдѣ доказательство? *Издатели* не представили его, и не могли представить: ибо ни въ *Русской Правдѣ*, ни въ Несторовой *лѣтописи* нѣтъ слова о гривнахъ *серебра*; вездѣ *говорится* или просто о гривнѣ, или о гривнѣ *золота*.

Однакожъ мы дѣйствительно знаемъ соразмѣрную цѣну серебра и кунъ, бывшую у насъ въ XIII вѣкѣ. Въ договорѣ Смоленскаго Князя, Мстислава Давидовича, съ Нѣмецкими городами въ 1228 году сказано: „оже убьютъ „волнаго человѣка, платити за голову 10 гривенъ серебра; „*по четыре гривны кунами*," т. е. полагая 4 гривны кунъ за одну гривну серебра — „а за холопа гривна се„ребра. Аже кто холопа ударитъ, гривна *кунъ*" (см. сей трактатъ въ нашей *Исторіи* Т. III, стр. 206). Знаемъ еще, что въ страшный голодъ 1230 году Новогородцы за четверть ржи платили *гривну серебра* или семь гривенъ кунами (см. въ *Продолж. Рос. Вивліов. Новогород. Лѣт.* стр. 499, и напечатан. въ Москвѣ *Лѣт. Новогород.* стр. 119). Слѣдственно гривна кунъ имѣла тогда разную цѣну въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Вопреки Издателямъ *Русской Правды*, гривна серебра при Яро-

славѣ не могла равняться только съ двумя гривнами кунъ: Ярославъ опредѣляетъ 40 гривенъ пени за убійство, а Князь Смоленскій въ 1228 году 10 гривенъ серебра: вѣроятно ли, чтобы въ XI вѣкѣ платили за жизнь вдвое болѣе серебромъ, нежели въ XIII столѣтіи, когда отъ успѣховъ торговли надлежало размножиться драгоцѣннымъ металламъ въ Россіи?

(528) См. выше, стр. 40, 198, 205.

(529) Въ Синодальной библіотекѣ, подъ No. 14, находится драгоцѣнное харатейное Евангеліе. Въ концѣ его тою же рукою подписано: *вЪ лѣто* 6652 *написашся книгы вЪ* 50 *деньи; початы псати Октября* въ 1, *а кончашася Ноября вЪ* . . . . На той же страницѣ древность сей книги засвидѣтельствована двумя слѣдующими подписями: *вЪ лѣто* 7187, *а отЪ Рождества Христова* 1679, *Ноемврія* 28, *назнаменахЪ азЪ смиренный Досоөей, АрхіепископЪ и МитрополитЪ Сучавскій и всея Молдавіи и ЕксархЪ* Плагинонъ и *Мѣстодержитель Севастійскаго, да отслется сіе Св. Евангеліе на свое мѣсто на КрылосЪ, се бо яко ниже свидітель* (свидѣтель) 6652 *бяше тогда отЪ созданія, егда написася. Уже ся минули* 535 *лѣтЪ, Греческаго же Царства* 2 *лѣта Іоанна Комнина Константиноградскаго.* Здѣсь, въ титулѣ Молдавскаго Архіепископа, замѣтимъ слово *ПлагинонЪ*, Ἔξαρχος Πλαγηνων: симъ именемъ означались *единственно* Молдавскіе и Воложскіе Епископы. Д' Анвиль производитъ его отъ имени *ПеченѣговЪ*, которые нѣкогда жили тамъ (см. Mém. de l' Acad. des Jnscr. LII, 224, статью sur les peuples de la Dace). Не вѣроятнѣе ли, что это взято изъ Латинскаго языка (plaga, plagia)? Вторая подпись: Въ *лѣто* 7083, *а отЪ Рождества Христова* 1576 (1575) *мѣсяца Іюня* 12, *я ГедіонЪ БолобанЪ ЕпископЪ Галицкій, Львовскій* и *Каменца Подольскаго вЪ сее* (сіе) *время наѣхалЪ на столѣ Епископскомъ, на Крылосѣ, и читалЪ при церкви столичной сіе книги Евангеліе напрестольное тетрЪ* (отъ Греческ.

τέτρα, четыре,) оно же свидѣтельствуется положено быти отъ лѣтъ давныхъ. — Сіе Евангеліе Славянское, писанное въ 1144 году отъ Р. Х., есть одно изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Для сравненія съ нынѣшнимъ печатнымъ выписываемъ слѣдующее мѣсто изъ Іоанна:

Въ харатейномъ:

,,Искони бяше слово, и ,,слово бяше отъ Бога и Богъ ,,бяше слово. Се бѣ искони ,,отъ Бога. Все тѣмъ бы ,,и беж него ни что же не ,,бы, еже бы. Въ томъ жи- ,,вотъ бѣ, и животъ бѣ ,,свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ ,,въ тьмѣ свѣтитъ, и тьма ,,его не постиже. Бысть ,,человѣкъ посланъ отъ Бога; ,,имя емоу Іоанъ. Сь приде ,,въ съвѣдѣтельство, да ,,съвѣдѣтельствуетъ о свѣ- ,,тѣ, да вси вѣроу имоутъ ,,имь. Не бѣ тъ съвѣтъ; нъ ,,да послоушьствуетъ о свѣ- ,,тѣ. Бѣ свѣтъ истиньнъ, ,,иже просвѣщаетъ всего ,,человѣка, грядоущяго въ ,,міръ. Въ мірѣ бѣ и міръ ,,тѣмъ бысть, и міръ его не ,,позна; въ своя пріде и свои ,,его не пріяшя; елико же ,,ихъ пріятъ и́, дастъ имъ ,,областъ чадомъ Божьемъ ,,быти, вѣроующимъ въ имя ,,его, иже не отъ крови, ни ,,отъ похоти плъшьскы, ни ,,отъ похоти моужскы, нъ

Въ печатномъ:

,,Въ началѣ бѣ слово, и ,,слово бѣ къ Богу, и Богъ ,,бѣ слово. Сей бѣ искони ,,къ Богу. Вся тѣмъ быша, ,,и безъ него ничтоже бысть, ,,еже бысть. Въ томъ жи- ,,вотъ бѣ, и животъ бѣ ,,свѣтъ человѣкомъ. И свѣтъ ,,во тмѣ свѣтится и тма ,,его не объятъ. Бысть чело- ,,вѣкъ посланъ отъ Бога; имя ,,ему Іоаннъ. Сей пріиде во ,,свидѣтельство, да свидѣ- ,,тельствуетъ о свѣтѣ, да ,,вси вѣру имутъ ему. Не бѣ ,,той свѣтъ, но да свидѣ- ,,тельствуетъ о свѣтѣ. Бѣ ,,свѣтъ истинный, иже про- ,,свѣщаетъ всякаго человѣка ,,грядущаго въ міръ. Въ мірѣ ,,бѣ и міръ тѣмъ бысть, и ,,міръ его не позна. Во своя ,,пріиде и свои его не пріяша. Елицы же пріяша его, ,,даде имъ область чадомъ ,,Божіимъ быти, вѣрую- ,,щимъ во имя его, иже не ,,отъ крове, ни отъ похоти ,,плотскія, ни отъ похоти ,,мужескія, но отъ Бога роди-

„отъ Бога родішася. И слово „плъть бысть, и въселися „въ нась, и відѣхомъ славоу „его, славоу яко единочадаго „отъ отца, испълнъ благо-„дѣти и истины. Іоанъ „съвѣдѣтельствуетъ о немъ, „и възва глаголя: съ бѣ „его же рѣхъ грядый по „мнѣ, предъ мъною бысть, „яко първѣй менѣ бѣ, и отъ „испълненья его мы вси прі-„яхомъ благодѣть возъ благо-„дѣть, яко законъ Мосеемъ „данъ бысть, благодѣть и „истина Іисусъ Христомъ „бысть.“

„шася. И Слово плоть бысть, „и вселися въ ны, и видѣхомъ „славу его, славу яко едино-„роднаго отъ отца, исполнь „благодати и истины. „Іоаннъ свидѣтельствуетъ „о немъ и возва глаголя: „сей бѣ, его же рѣхъ, иже „по мнѣ грядый, предо „мною бысть, яко первѣе „мене бѣ; и отъ исполне-„нія его мы вси пріяхомъ, и „благодать возъ благодать: „яко законъ Моисеомъ данъ „бысть, благодать же и „истина Іисусъ Христомъ „бысть.“

Въ харатейномъ Евангеліи 1307 году, которое хранится въ той же Синодальной библіотекѣ подъ No 18, видимъ уже нѣкоторыя отмѣны въ сравненіи съ Евангеліемъ XII вѣка; вмѣсто: *искони бяше слово*, тамъ поставлено: *искони бѣ слово* — *се бѣ искони у Бога* (πρὸς τὸν θεόν) вмѣсто: *отъ Бога* — *свѣтъ свѣтится* вмѣсто *свѣтить* — *тьма его не обьятъ*, вмѣсто *не постиже* — *да свѣдѣтельствуетъ* вмѣсто *послоушьствуетъ* — *благодать* вмѣсто *благодѣть*, и проч. — то есть, сей новѣйшій списокъ гораздо ближе къ Острожскому печатному Евангелію, и доказываетъ, что еще въ XIII столѣтіи переводъ Св. Писанія былъ исправленъ или исправляемъ. Ученые люди, собранные Константиномъ, Острожскимъ Княземъ, для изданія Библіи, перемѣнили опять нѣкоторыя слова; вмѣсто: *искони бѣ слово*, поставили: въ *началѣ* (ἐν ἀρχῇ) *бѣ слово*, и проч. Въ изданіи Славянской Библіи при Царѣ Алексіи Михайловичѣ нѣтъ почти никакихъ отмѣнъ противъ Острожскаго, кромѣ трехъ или четырехъ мѣстъ означенныхъ въ пре-

дисловіи; но Библія, напечатанная при Елисаветѣ Петровнѣ, уже гораздо болѣе исправлена.

Не только Библія, но и другія церковныя книги въ Россіи XII вѣка были одного перевода съ нынѣшними: въ доказательство предлагаемъ слѣдующее мѣсто изъ нашей печатной Минеи и харатейнаго *Стихираря*, писаннаго въ 1153 году и хранящагося въ Синодальной библіотекѣ подъ No. 15.

Служба Св. Симеону 1 Сентяб.

Въ стихир. харатейн.	*Въ Минеѣ печат.*
,,Преподобьне отче, добру ,,обрѣте лѣствицю, ею же ,,взиде на высоту, юже ,,обрѣте Илия колесницю ,,огньну; нъ ть убо въсхо- ,,да инѣмь не остави. Ты ,,же и по съмѣрти имаши ,,стьлпъ свой. Небесьный ,,человѣце, земльный Ан ,,геле, свѣтило не угасая ,,вьселеныя, Сумеоне прѣ- ,,подобне, моли сьпастися ,,доушамь нашимь.“	,,Преподобне отче, добру ,,изобрѣлъ еси лѣствицу, ею ,,же восшелъ еси на высоту, ,,юже обрѣте Иліа колесни- ,,цу огненну: но онъ убо во- ,,сходаинымъ не остави, ты ,,же и по смерти имаши ,,стол пъ твой. Небесный че- ,,ловѣче, земный Ангеле, свѣ- ,,тильниче неусыпный все- ,,ленныя, Симеоне преподо- ,,бне, моли, еже спастися ,,душамъ нашимъ.“

Довольно для знающихъ.—Сіи двѣ рукописи 1144 и 1153 году уступаютъ въ древности только *Сборнику* и Евангелію, находящимся въ С. Петербург. Император. библіотекѣ и писаннымъ въ XI вѣкѣ (см. во II Т. сей *Исторіи*). Не давно Г. Ганкенштеинъ издалъ *Разсмотрѣніе церковной Славянской рукописи*, которую онъ досталъ за рѣдкость и считаетъ памятникомъ VIII вѣка (см. Recension der ältest. Urkunde der Slavisch. Kirchengeschichte etc.). Нужно ли опровергать его ложное мнѣніе о буквахъ ея, будто бы не Русскихъ, т. е. не Кирилловскихъ? надобно только взглянуть на нихъ, чтобы увѣриться въ противномъ. Г. Ганкенштеинъ не видалъ нашихъ древнихъ харатейныхъ книгъ: сравнивая ихъ, онъ

нашелъ бы, что его рукопись имѣетъ всѣ признаки XIII вѣка. Она старѣе вышеупомянутаго Синодальнаго Евангелія No. 18 и новѣе No. 14.

Есть другой, печатной *Русской* переводъ Библіи, по крайней мѣрѣ пяти книгъ Моисеевыхъ, Царствъ, нѣкоторыхъ Пророковъ, Апостола. Книги Моисеевы изданы въ 1519 году, и въ заключеніи ихъ сказано: *Божіею помощію, повелѣніемъ и пильностію* (стараніемъ) *ученаго мужа въ лекарскихъ наукахъ, Доктора Франциска Скорины съ Полоцка, у великомъ мѣстѣ Празскомъ* (то есть, великомъ городѣ Прагѣ). Книги Царствъ, Іудиѳь, Эсѳирь, Іова, Пророка Даніила, печатаны такими же буквами; но въ моемъ экземплярѣ нѣтъ ни заглавнаго, ни послѣдняго листа. Апостолъ изданъ въ 1527 году въ Вильнѣ, *працею* (трудомъ, Польск. Praca) и *великою пильностію Доктора Франциска Скорины съ Полоцка.* Тутъ красными буквами напечатано извѣстіе, что Докторъ Скорина перевелъ и всю Библію, *въ дому почтиваго мужа Якова Бабича, наистаршаго Бурмистра славнаго и великаго мѣста Виленскаго.* Сіи книги рѣдки. Въ доказательство, что переводъ ихъ весьма несходенъ съ нашимъ древнимъ Славянскимъ, приводимъ слѣдующее мѣсто изъ Іова, гл. 10.

Переводъ Скорины:	*Въ нашей Библіи:*
„Тоскнится души моей „въ животѣ моемъ; выпущу „противъ собѣ глаголы моя. „Пререку въ горькости ду„ши моея и реку къ Богу: не „погубляй мене. Повѣждь „ми, чему мя такъ судишь? „Ичи ли добро ся тобѣ ви„дить гонити мя и погу„бити мя, дѣло рукъ своихъ, „и совѣтъ нечестивыхъ „укрѣпити? Ичи тѣлесные	„Труждаюся душею мо„ею: стеня испущу на мя „глаголы моя, возглаголю го„рестію души моея одер„жимъ, и реку Господеви: „не учи мя нечествовати: „и почто ми сице судилъ „еси? Или добро ти есть, „аще вознеправдую; яко пре„зрѣлъ еси дѣла руку тво„ею, совѣту же нечести„выхъ внялъ еси; или якоже

,,очи у тебе суть, или яко ,,видишь человѣкъ, по тому ,,жь и ты смотрѣти будешь? ,,Таковы ли же суть дніе ,,твои яко и людскіе, и лѣта ,,твоя яко времена человѣ- ,,ческая, яко питаешися о ,,грѣсѣхъ моихъ, и беззако- ,,ніе мое слѣдилъ еси? Да ,,вѣси, яко нечестія не учи- ,,нихъ; нѣсть убо кто изъ ,,руки твоея могый исторг- ,,нути. Руцѣ твои, Госпо- ,,ди, створистѣ мя и созда- ,,стѣ мя всего окрестъ. И ,,тако наглѣ отмѣтаешь ,,мене. Воспомяни, молю тися, ,,иже яко бы грязь слепилъ ,,мя еси, и въ персть паки ,,премѣняешь мя. Се яко ,,млеко издоихъ мя еси, и ,,яко сыръ утвердилъ мя еси. ,,Кожею и тѣломъ пріодѣлъ ,,мя еси; костями и жилами ,,споилъ мя еси. Животъ и ,,милосердіе далъ еси мнѣ, и ,,навежденіе твое стерегло ,,есть духа моего. Аще ли ,,таиши того въ сердцѣ ,,своемъ, но вѣмъ яко вся ,,сія помниши. Согрѣшилъ ,,ли есмь, и на часъ ,,прозрѣлъ ми еси, и чему ,,отъ беззаконія моего чиста ,,мя быти не дозволиши? И ,,буду ли неучтивый, горе ,,человѣкъ видитъ, видиши; ,,или якоже зритъ человѣкъ, ,,узриши; или житіе твое ,,человѣческо есть, или ,,лѣта твоя яко дніе мужа; ,,яко истязалъ еси беззако- ,,ніе мое и грѣхи моя из- ,,слѣдилъ еси. Вѣси бо, яко ,,не нечествовахъ: но кто ,,есть изъимаяй изъ руку ,,твоею; руцѣ твои сотво- ,,ристѣ мя, и создастѣ мя: ,,по томъ же преложивъ, ,,поразилъ мя еси. Помяни, ,,яко бреніе мя создалъ еси, ,,въ землю же паки возвра- ,,щаеши мя. Или не якоже ,,млеко измелзилъ мя еси, ,,усырилъ же мя еси равно ,,сыру. Кожею же и плотію ,,мя облеклъ еси, костьми ,,же и жилами сшилъ мя ,,еси. Животъ же и милость ,,положилъ еси у мене: по- ,,сѣщеніе же твое сохрани ,,мой духъ. Сія имѣяй въ ,,тебѣ, вѣмъ, яко вся мо- ,,жеши и невозможно ,,тебѣ ничто же. Аще бо ,,согрѣшу, храниши мя, ,,отъ беззаконія же не без- ,,винна мя сотворилъ еси. ,,Аще бо нечестивъ буду, ,,лютѣ мнѣ: аще же буду ,,праведенъ, не могу воз- ,,никнути: исполненъ бо

„мнѣ будетъ; пакъ ли справедливый, не вознесу главы „моея, насыщенный болѣсти и горкости. И гордости дѣля ако бы львицю „имѣши мя, и навернувшися „дивнѣ мя мучиши. Обновляешь свѣдкы твоя противу мнѣ и помножаешь „гнѣвъ твой на мя, и болѣсти воюютъ въ тѣлѣ „моемъ. Чему вывелъ мя еси „изъ ложеснъ материныхъ? „Раднѣй быхъ за инулъ былъ, „ижъ бы око не соглядало „мене, и быхъ яко бы не „бывый, изъ утробы пренесоша мя въ гробъ. Ичи ли „кратость дніи моихъ не „искончалася скоро? Оставй „мя, молю ти ся, да быхъ „оплакалъ мало болѣсть мою, „поки еще не пойду, отнюдуже не вернуся: въ землю „темную и покрытую мракомъ смерти, въ землю бѣды и темности, гдѣ же то „стѣнь смерти и несть ни „единого ряду, но вѣчный „страхъ пребываетъ.“

„есмь безчестія; ловимъ бо „есмь аки левъ на убіеніе: „пакиже преложивъ лютѣ „убиваеши мя. Обновляяй „на мя испытаніе мое, гнѣва бо великаго на мя употребилъ еси, и навелъ еси „на мя искушенія. Почто „убо мя изъ чрева извелъ „еси и не умрохъ; око же „мене не видѣло бы, и „быхъ бы аки не былъ. „Почто убо изъ чрева во „гробъ не снидохъ; или не „мало есть время жизни „моея; остави мене почиши „мало, прежде даже отъиду, отнюдуже не возвращуся, въ землю темну и „мрачну, въ землю тмы „вѣчныя, идѣже нѣсть свѣта, ниже видѣти живота человѣческаго.“

Скорина, переводивъ Библію съ Латинскаго (а не съ Греческаго) писалъ языкомъ своего отечества и времени, который гораздо сходнѣе съ нынѣшнимъ Русскимъ нарѣчіемъ, нежели языкъ древней Славянской Библіи, переведенной въ Моравіи.

Мы не знаемъ ни одной *печатной* Славянской книги древнѣе Скорининой Библіи: она вышла лѣтъ черезъ 80 по изобрѣтеніи книгопечатанія въ Европѣ. Какимъ образомъ сей Полоцкій Докторъ могъ печатать свою Библію въ Прагѣ, гдѣ, сколько извѣстно, никогда не бывало Славянской типографіи? Ученый Богемецъ Добровскій *предполагаетъ*, что Скорина въ 1515 году ѣздилъ съ Королемъ Сигизмундомъ въ Вѣну, изъ Вѣны съ послами его въ Венецію, досталъ тамъ матрицы для Славянскихъ буквъ и жилъ нѣсколько лѣтъ въ Прагѣ, когда Сигизмундъ, опекунъ молодаго Людовика, участвовалъ чрезъ своихъ Министровъ въ дѣлахъ Богемскаго Королевства (см. N. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wiss. T. II, въ историч. отдѣленіи стр. 186).

(530) Іордана de Origin. Slavicis, Sectio LI, стр. 118, и Коля Introd. in historiam et rem literariam Slavorum, кн. I, гл. 3. О переводахъ другихъ Славян. Библій см. Добровскаго Über den ersten Text der Böhmisch. Bibelübersetzung въ Neu. Abhandlungen der Böhm. Gesellschaft der Wissenschaften T. III, стр. 240.

(531) Тамъ сказано, что сія Библія переведена еще *за Великаго Владиміра*, т. е. при Владимірѣ.

(532) См. въ печатн. *Несторѣ* стр. 20. Тутъ же говоритъ Несторъ: „Словенскъ языкъ и Русьскый одинъ есть." Въ рукописной *Степен. Книгѣ*, полученной мною отъ Болохнинскаго купца Латухина, церковныя книги наши именно названы переводомъ Константина и Меѳодія: „Философи тіи преложиша Псалтирь и Октоихъ „и прочая книги, яже и до днесь въ Россіи церковныя „чины ими исправляются." См. и печатн. *Степен. Кн.* I, стр. 83-86. — Въ одной рукописной Новогородской лѣтописи, наполненной многими баснями, сказано: „вѣдати подобаетъ, яко *Славено-Россійскій* народъ въ лѣто „790 отъ Рождества Христова начать письмена имѣти; „зане въ томъ годѣ Царь Греческій брань съ Словяны „имѣя и миръ съ ними содѣла, посла имъ въ знаменіе

„пріятства литеры, сирѣчь слова азбучныя. Сія отъ „Греческаго писанія вновь составишася ради Словянъ; „и отъ того времени *Россы* начаша писанія имѣти.“ Въ 790 году еще не было *Славено-Россійскаго* народа.

Доказательствомъ, что въ окрестностяхъ Ѳессалоники или Солуня жили Славяне-Сербы, служитъ извѣстіе Константина Багрянороднаго (Memor. popul. II, 151): Principatu autem Serviae a patre ad duos fratres devoluto, alter, sumta populi parte dimidia, ad Romanorum Imperatorem Heraclium confugit, qui et excepto locum ad inhabitandum dedit in Thessalonicae themate, quod ex eo tempore Servia nuncupatur. Это случилось въ началѣ VII вѣка. И нынѣ существуетъ, близъ Ѳессалоники, городокъ Сервица.—Хотя, по сказанію же Константина, Сербы перешли оттуда въ нынѣшнюю землю свою; но вѣроятно, что многіе изъ нихъ остались въ Солунской области (Memor. popul. II, 153).

(533) См. выше стр. 66 и 221 о богатырѣ *усмарѣ*.

(534) См. въ печатн. *Нест.* стр. 47. Въ Коростенѣ горѣли, по словамъ Нестора, клѣти, *вежи* и проч. Вежами назывались и шатры и *башни*.

(535) Несторъ говоритъ, что Кіевскій народъ *подрубилъ сѣни* подъ святымъ Варяжскимъ Мученикомъ и сыномъ его (въ печатн. стр. 72), и что тѣло умершаго Владиміра *спустили изъ дому по веревкамъ* (въ печатн. *Нест.* стр. 93): заключаю, что сіи домы были высокіе, и что сѣни находились въ верхнемъ жильѣ. — Погреба или выходы, гдѣ стоялъ медъ, назывались *медушами* (см. въ печатн. *Нест.* ст. 91).—Для того, чтобы спустить внизъ тѣло Владиміра, разобрали *помостъ между* двумя клѣтьми (въ печат. *Несторѣ* стр. 93), т. е. полъ въ сѣняхъ.—О голубницахъ и одринахъ см. въ печат. *Несторѣ* стр. 51.

(536) „Суть бо Греци льстивы и до сего дни,“ говоритъ Несторъ (въ печатн. стр. 67).

(537) См. выше, стр. 186.

(538) См. въ печатн. *Нест.* стр. 73.

(539) По ихъ совѣту Владимiръ хотѣлъ принести человѣка въ жертву идоламъ (см. выше, стр. 203). Совѣтъ *старца* избавилъ Бѣлгородъ отъ Печенѣговъ (см. выше, стр. 227).

Конецъ Примѣчанiй I Тома.

ОГЛАВЛЕНIЕ I ТОМА.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

Замѣченныя опечатки въ I Томѣ.

Напечат.	*Чит.*	*Стран.*	*Строк.*
знанія	знаніе	XXI	23.
Ορέησσυς	Ορέησσος	9	24.
Тиверцы	Тивирцы	33	4.
Βαρεγγι	Βαραγγοι,	47	25.
сродство	сходство	106	29.
Ратиславу	Ростиславу	110	20.
владѣть нами	владѣть нами (276)	114	30.
Рюрикъ	Рюрикъ (277)	——	32.
Ρώς	Ρῶς	118	13.
Г. 3194—91:	Г. 913—914	144	24.
Просповестіарія	Протовестіарія	148	4.
можемъ	можетъ	201	32.
въ 959 году	въ 966 году	222	17.
Народъ	. Народъ	248	1.
θαλασσει	θαλασσα	257	10.
на	не	261	3.
Peutingeriane	Peutingerianae	268	4.
colvere	coluere	274	1.
Руброкъ	Рузброкъ	——	10.
Volok.	Volk.	——	30.
——	——	275	1.
Scribt.	Script.	——	32.
Суличи	Суличи ;	280	11.
Воложской	Волошской	287	34.
Воложскія	Волошскія	288	2.
другія	другіе	291	27.
Гуннами	а Гуннами	299	13.
въ полях	въ Поляхъ	307	5.
Osely	Ousely	310	2.
ρϐσια,	ρϐσια	332	23.
пиметъ	пишетъ	335	35.
hospilitate	hospitalitate	336	23.

Напечат.	*Чит.*	*Стран.*	*Строк.*
Sesell.	Gesell.	337	11.
aliquum	aliquam	344	2[illegible].
Svaantowith	Svantovitus	345	27.
(45)	(245)	354	35.
mein;	mein,	358	13.
der	des	392	34.
Synus	Sinus	397	8.
vogage	voyage	397	17.
Въ Нѣмецк.	въ Нѣмецк.	398	14.
Gllossar.	Glossar.	401	24.
Простовестіарій	Протовестіарій	414	3.
Hist. et leg. ad N. Ph.	Historia	—	18.
T. I, 252	T. II, 232	416	9.
948—	945—	423	24.
pot.	pop.	429	20.
annial.	annal.	—	21.
зивисѣть	зависѣть	431	29.
babtizata	baptizata	432	25.
secundam	secundum	451	13.
Lex.	Lex	470	19.
Truggwasons	Tryggwasons	473	21.
для Олофъ	для Олофа	474	14.
выше,	выше.	486	7.
Rusciae;	Rusciae,	490	18.
кожан-	кожа-	492	12.
Господеви	къ Господеви	498	28.
преложивъ	преложивъ,	500	3.
еси	еси;	—	10.

NB. Въ нѣкоторыхъ Греческихъ словахъ ударенія поставлены не такъ, какъ должно. Есть, можетъ быть, и другія опечатки: благосклонный Читатель самъ поправитъ ихъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Стран. 44. Любопытныя сочиненія Г. Густава Эверса о Россійской Исторіи еще не были извѣстны, когда я писалъ о Варягахъ. Онъ пишетъ умно, пріятно; читаемъ его съ истиннымъ удовольствіемъ и хвалимъ искренно: но не можемъ согласиться съ нимъ, чтобы Варяги были Козары! Къ предложеннымъ доводамъ прибавимъ еще одинъ. По нашимъ современнымъ лѣтописямъ *Варяги* въ исходѣ XII вѣка имѣли торговлю и церковь въ Новѣгородѣ (см. Т. III, стр. 82): скажетъ ли Г. Эверсъ, что сіи купцы и сія церковь были Козарскіе? Не говорю уже о томъ, что одинъ Русск. Лѣтописецъ среднихъ временъ называетъ именно Шведовъ Варягами (сіе мѣсто выписано мною въ примѣчаніяхъ Исторіи).—Г. Эверсъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ мужей Германіи, коимъ наша Исторія обязана многими удовлетворительными объясненіями и счастливыми мыслями. Имена Баера, Миллера, Шлецера, незабвенны. Мы не давно лишились Лерберга, трудолюбиваго, основательнаго, проницательнаго Изслѣдователя Древностей; но еще имѣемъ Г. Круга: всѣмъ извѣстны его прекрасныя сочиненія о Россійскихъ монетахъ, о Византійской Хронологіи: ожидаемъ новыхъ, не менѣе любопытныхъ.

Стран. 47, строк. 23. Варяги-тѣлохранители были *издавна* въ Константинополѣ; но здѣсь означенъ *первыйнадесять* вѣкъ для того, что Несторъ писалъ о Варягахъ Россійскихъ *въ сіе время.*

Стран. 163, *и примѣч.* 374. Снорро или Снорри Стурлезонъ разсказываетъ (II, 61), что Гаральдъ, зять Ярославовъ, около половины XI вѣка, для взятія одного города въ Сициліи также употребилъ птицъ, привязавъ къ нимъ смолу съ сѣрою.

Стран. 257, *примѣч.* 3. Послѣ словъ: *Маврэ-Θаласса,* прибавить: Kara Degniz.

Стран. 302, *примѣч.* 73. Сказанное здѣсь о Ями или Еми написано мною въ 1805 году, слѣдственно лѣтъ за 10 до изданія Лербերговыхъ Abhandlungen, въ коихъ онъ доказываетъ то же.

Стран. 302, *строк.* 11. Казанская Исторія писана П. И. Рычковымъ, а *Журналъ Путешествія* сыномъ его.

Стран. 360, *примѣч.* 286, *строк.* 2. Вмѣсто 23 Апр. надобно поставить 23 Сент (см. Круга Chronol. der Byz. 3).

Стран. 398, *примѣч.* 308. Г. Кругъ весьма вѣроятно производитъ имя *Суди* отъ *Сунда* или *Зунда* (Chron. der Byz. 197).

Стран. 411, *примѣч.* 335 Г. Кругъ доказываетъ, что Романъ сдѣлался Императоромъ точно въ 920 году (Chron. der Byz. 142).

Стран. 416, *строк.* 18. По лѣтосчисленію съ Сентября Романъ былъ сверженъ въ 945, а по нынѣшнему еще въ 944 (Дек. 16).

Стран. 424, *строк.* 17. Вмѣсто: *ея послы,* надобно читать: *Россійскіе послы.*

Стран. 424, *строк.* 8. Если Константинъ угощалъ Ольгу 9 Сент. въ Среду и 18 Окт. въ Воскресенье, то нѣтъ сомнѣнія, что сіе было въ 957 году, какъ ясно доказано Г. Кругомъ.

Стран. 455, *строк.* 31 *и слѣд.* По другому вѣрнѣйшему слѣпку сей надписи явно, что надобно читать: Wicmannus Megideburgensis Epc. — Riquin me fec (вотъ имя художника). Упомянутый *Александръ* долженъ быть Нѣмецкимъ Епископомъ.

Стран. 474, *примѣч.* 484. Пресвитеръ *Павелъ* обратилъ Болгаровъ въ Вѣру Христіанскую.
